Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum
Piliscsaba, 9–14. VIII. 2010

Pars IV

Dissertationes sectionum: Linguistica

Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum
Piliscsaba, 9–14. VIII. 2010

Pars IV

Dissertationes sectionum: Linguistica

Piliscsaba, 2011

Redegunt

Sándor Csúcs
Nóra Falk
Viktória Tóth
Gábor Zaicz

Borító: Kemény Márton
Fotók: www.btk.ppke.hu

ISBN 978-963-88954-0-0 Ö
ISBN

© Reguly Társaság, 2011

INDEX

Linguisctics
Лингвистика

Aasmäe, Niina – Pajusalu, Karl – Zirnask, Tatiana: Variability of Stress Assignment and Vowel Durations in Erzya and Moksha 9
Агафонова, Нина: Система детерминативных суффиксов и их реализация в эрзянских диалектах Заволжья и Южного Урала 18
Андрианова, Елена: Термины родства и свойства в марийском языке 26
Андуганова, Марианна: Основные фоностилистические средства в сакральных текстах хантов 30
G. Bogár, Edit: Onomatopoeia and Etymology 35
Butylov, Nikolaj: The Problem of the Functioning of Minoritar Official Languages in Russia (as Exemplified by the Mordovian Language) 40
Butylov, Nikolaj: To the Question of Linguistic Means of the Category of Definiteness / Indefiniteness in the Mordovian, Russian and German Languages 45
Цыганкин, Дмитрий: Фонетическая структура этимологически общих односложных слов и их семантика в мордовских и хантыйском языках 48
Чепреги, Марта: Восточно-хантыйские тексты с конца XIX века 53
Дмитриева, Юдит: Артикли в мансийском языке 61
Дмитриева, Татьяна: Особенности казымского диалекта и его говоров, представленные в топонимии 68
Ефремов, Дмитрий: Субстантивное управление в удмуртском языке 76
Егоров, Александр: Фразеология удмуртского и венгерского языков в лингвокультурологическом аспекте 84
Estill, Dennis: The Acoustic Correlates of Zyryan Word Stress 91
Евдокимова, Людмила: Современный финно-угорский этнический идентитет в условиях Урала 97
Farkas, Judit: The Case of the Finnish Object in an Indexed Generative Framework 102
Федосеева, Елена: О влиянии русского языка на язык кировских пермяков 111
Gavrilova, Valentina: The Means of Expressing Indefinite Quantity of Objects in the Mari Language 115
Глушак, Василий – Кисеева, Ольга: Фонетическая адаптация реалий русского языка в сургутском диалекте хантыйского языка с 16 века по настоящее время 119
Гришунина, Валентина: Слова с различиями семантического характера в диалектах мокшанского языка 125

Громова, Людмила: Фонетические особенности языка тверского памятника карельской письменности Евангелия от Матфея 132
Гуськова, Антонина: «Сопоставительная грамматика венгерского и русского яазыков как предмет преподавания на филологическом факультете университета» (к теоретическим основам сравнения) 140
Хорват, Ласло: Неисследованная часть лексики: терминология шахматной игры в финно-угорских языках 145
Ikeda, Tetsuro: Japán hozzájárulás az uralisztikai tanulmányokhoz a 20. században 151
Ипакова, Марина: Лексико-семантические группы соматизмов марийского языка 158
Иванова, Галина: Особенности вокализма мокшанских говоров экающго типа 163
Ившин, Леонид: Лексика религиозно-мифологического содержания в удмуртской Азбуке глазовского наречия 1847 года 168
Janurik, Boglárka: An Emerging Composite Matrix Language? 175
Юзиева, Кристина: Структурно-семантический анализ наинований птиц в марийском языке 180
Кабаева, Надежда: Взрывные согласные в диалектах мокшанского языка (в диахронном освещении) 185
Каксин, Андрей: Синтаксические конструкции модальности и эвиденциальности в хантыйском языке (на материале казымского диалекта) 189
Каксин, Андрей: Наклонения в хантыйском языке (модальные и эвиденциальные) 196
Каксин, Андрей – Чертыкова, Мария: О глаголах со значением страха в хантыйском языке 203
Казаева, Нина: Типы тюркских топонимов на территории Республики Мордовия 206
Kelemen, Ivett: Examination of number-problems in the North Saami (with special regard to pluralia tantum) 213
Кельмаков, Валентин: Рамочное употребление синонимичных служебных слов в удмуртском языке (в контексте языков Урало-Поволжья) 220
Kesztyűs Tibor: Szláv-magyar kapcsolatok a Dunántúlon a 11. században és az *Osztopán* helynév 230
Кириллова, Людмила: Удмуртская космонимия 235
Klettenberg, Reet – H. Varga Márta: Az észt passzív szerkezet magyar megfelelői 242
Кондратьева, Наталъя: Множественное число как член бинарной оппозиции «единственное число – множественное число» в современном удмуртском языке 252
Kovács Magdolna: Adalékok a finnországi magyarok nyelvi helyzetéhez: a finn nyelvpolitika keretei és a vele kapcsolatos attitűdök 261
Краснова, Надежда: Лексические выразительные средства, основанные на интенсификации конкретных черт предметов, в произведениях Ивана Горного 269
Куклин, Анатолий: Взаимодействия языков полиэтнического урало-поволжья в евразийском контексте 272

Куклин, Анатолий: К проблеме реконструкции субстратных речных названий урало-поволжья 277
Максимов, Валерий: Лексические особенности шурабашского подговора восточного наречия марийского языка 283
Matsumura, Kazuto: The Adessive Occurring with the *mast*-form: a 20th-Century Innovation in Estonian? 289
Metsmägi, Iris: Some Issues of the Estonian Present Participle 295
Mielikäinen, Aila: Suomen murteiden ja nykypuhekielen variaatiomalleja 302
Мишина, Светлана: Выражение определенности-неопределенности субъекта изменением порядка слов в предложении в мордовских и финском языках 310
A. Molnár Ferenc: Mikael Agricola *Abckiria* és Dévai Bíró Mátyás *Orthographia Vngarica* című műveinek összehasonlító vizsgálata (Magyar nyelvtörténet és finnugrisztika) 315
Мосина, Наталья: Глубинные падежи и их семантическое содержание в эрзянском языке 322
Muikku-Werner, Pirkko: Variation in Idioms 330
Müller, Folke: Is there a German Influence on the Word Order of Estonian? The Estonian Word Order as a Result of Language-Internal and Contact-Induced Change 336
Некрасова, Галина: О лингвистической терминологии в финно-угорских языках (На основе анализа названий падежей) 346

Niina Aasmäe – Karl Pajusalu – Tatiana Zirnask
Tartu

VARIABILITY OF STRESS ASSIGNMENT AND VOWEL DURATIONS IN ERZYA AND MOKSHA

1. Introduction

The present paper provides a comparison of empirical data pertaining to the assignment of stress, the temporal characteristics of vowels, and patterns of vowel distribution in several varieties of the Erzya and Moksha languages. With regard to the set of data, some of the general features of the prosody of Erzya and Moksha are outlined. Major ideas concerning the prosody of Erzya and Moksha derive from the works of H. Paasonen (1897, 1903, 1910). Illustrating variation of stress in several sub-dialects of Erzya and Moksha H. Paasonen suggested the idea of Proto-Mordvin stress, which might have been similar to that in contemporary Moksha. Namely, dominantly initial stress could shift to a subsequent syllable having a highly sonorous vowel *(a, ä)*. Prosody variation in Erzya has also been noted by A. A. Shakhmatov (1910) in a treatise on two sub-dialects. Both linguists expressed the point of view that vowel inventory in Proto-Mordvin can have included reduced vowels conditioned by the influence of dynamic stress. As far as the origin of movable stress in Erzya is concerned it has been assumed to have developed later. In the treatment of questions related to the phonology of Erzya and Moksha, these assumptions, including the authors' proposition that folk verse in Mordvin is syllabic, have been relied upon until now. The ideas concerning language prosody in Erzya and Moksha have been largely extended in the works of Paavo Ravila (1929, 1973) and Erkki Itkonen (1946, 1970). Few attempts have been made to re-consider the views formulated a century ago. In a relatively recent publication treating the question whether Kalevala metre is akin to the metre of Mordvin folk verse (Korhonen 1994), the author finds a contradiction between the proposition that Proto-Mordvin was prosodically closer to modern Moksha than to Erzya, and the definition of Mordvin verse as syllabic. M. Korhonen writes that Erzya with its "grammatically totally irrelevant" stress "is prosodically one of the most typical languages favouring a syllabic metric system", while such features of Moksha as "a shifting dynamic accent with reduced vowels in the unstressed syllables … by no means point to a purely syllable-timed language". According to M. Korhonen (1994: 78–79), detailed further research is required to find a solution to the problem.

The theme of prosody in the research of Erzya and Moksha over long time has been peripheral. For lack of empirical data, no definitive answers to the questions raised in the early studies have been found. One of these is what factors might condition stress alternation. In the case of Erzya, there is a supposition that stress assignment is conditioned by the rhythm of an utterance; the trochaic foot has been regarded as the underlying rhythmic unit in the language (Ryabov 1932; Lewy 1937; Aasmäe 1982; Lehiste et al. 2003). The mobility of stress in Moksha has been explained as a purely phonetic phenomenon conditioned by the relative sonority of vowels in a word (e.g.: Devayev and Tsygankin 1970: 19) or/and as a means for marking a morphological relation (e.g.: Ravila 1929: 118–119). De-verbal nouns and infinitives, e.g. *eŕama* –

eŕamă ‘living – to live’ have been considered to be in opposition due to the location of stress on the marker *-ma* in de-verbal nouns. Yet, primary association between stress and either the phonetic or the morphological factor remains obscure. Until now, there is no empirical data that would show how regular the patterns of initial and non-initial stress in the spoken varieties of Moksha might be. Systematic research of prosody in Erzya and Moksha by using methods of acoustical analysis began at the turn of this century. Published data have been hitherto available on Erzya (e.g: Lehiste, Aasmäe, Meister, Pajusalu, Teras, Viitso 2003; Estill 2004; Aasmäe 2006, 2007, 2009; Aasmäe, Ross 2005, 2007). Findings presented in this paper, on the one hand, attest some of the well-known ideas discussed over time in literature. On the other hand, they are novel in the sense that they allow treating the prosody of the two languages as a continuum of features ranging between those observed in Erzya and Moksha rather than distinguishing two disconnected systems. It deserves mentioning that the spoken varieties of Erzya and Moksha have not been noticeably influenced by the literary languages. Thus, a careful study of subtle differences between dialects might provide a solid basis for the observation of linguistic changes and the treatment of unsolved questions or contradictory views.

2. Data analysis

Data of stress assignment, vowel durations, and the distribution of vowels were observed in several varieties of Erzya and Moksha listed below. As far as Erzya is concerned, the sub-dialects were grouped in accordance with the results of analysis. The grouping is, in principle, compatible with the established taxonomy of the major dialect groups (Tsygankin 1979). Conventionally, features of dialect group 1 and, to some extent, of group 2 constitute the prototype for the structure of literary Erzya. Sub-dialects in groups 3 and 4 are considered to have been exposed to the influence of Moksha. The varieties of Moksha refer to the Central dialect group, which is the prototype of the literary language (Feoktistov 1990: XXXI–LXXXVI; Ivanova 2006). In the analyses of Erzya, both spontaneous and controlled speech (lists of words read within a frame-sentence) were used. Data of Moksha are based on measurements of controlled speech. The acoustical analyses of data were performed by using the PRAAT-software (Boersma and Weenik 2007). In the list of sub-dialects names of locations are given (MR stands for the Republic of Mordoviya).

Erzya
Group 1: *Ardatov, Chukaly, Lunga (Ardatov, MR); Alovo, Andreyevka, Mordovskiye Dubrovki, Nizovka (Atyashevo, MR); Paradeyevo (Ichalki, MR); Chornaya Rechka (Isakly, Samara), Ivantsevo (Lukoyanov, Nizhniy-Novgorod), Mordovskoye Afonkino (Cheremshan, Tatarstan).*
Group 2: *Diurki, Kelvyadne, Kučenyaevo, Mordovskiye Syresi, Sabancheyevo, Tarasovo (Atyashevo, MR); Varmazeika (Bolshoye Ignatovo, MR).*
Group 3: *Berezniki, Guzyntsy, Stariye Naimany, Shugurovo (Bolshiye Berezniki, MR); Papulevo (Ichalki, MR); Standrovo (Tengushevo, MR).*
Group 4: *Dubionki (MR); Kochkurovo, Sabayevo (Kochkurovo, MR); Drakino (Torbeyevo, MR); Maliy Tolkay (Pohvistnevo, Samara).*
Moksha

Sub-dialects of the Central group: *Mordovskaya Kozlovka (Atyuryevo, MR); Polskoye Tsibayevo (Temnikov, MR); Mordovskiye Parki (Krasnoslobodsk, MR); Zaitsevo (Kovylkino, MR).*

2.1. Analysis of stress assignment

The dominance of initial stress in the productions of Erzya informants (data of read speech) has been noted in two previously published works (Lehiste et al. 2003: 50; Estill 2005: 106), which did not focus on inter-dialect differences. Data on stress location in Erzya presented here are based on observations of spontaneously produced utterances. In an interview, one-word sentences containing from 2 to 4 syllables were repeatedly uttered: e.g.: *Araś*. 'No, not'. *Veĺese.* 'In a village'. *Araśeliń* 'I have not been (there)'. Figure 1 shows the occurrences of initial, non-initial and double stress (like in the English word *maintain*) in the speakers' productions. The results differentiated between the four groups of speakers listed above. The mobility of stress was the highest in responses given by the speakers of group 1. In the sub-dialects spoken by the informants vowel reduction is lacking. The share of initial and non-initial stress in the words was almost equal. The speakers of group 2 referred to dialects with moderate vowel reduction in non-initial syllables, showed results close to those in group 1. In the data of Groups 3 and 4 consisting of sub-dialects that display different patterns of vowel reduction initial stress was prevalent. The share of cases with double stress was the same across the groups. Stress assignment in the responses proved to be conditioned by changes in the attitudinal or emotional implications that the repeatedly pronounced utterances conveyed (Aasmäe, Ross 2005).

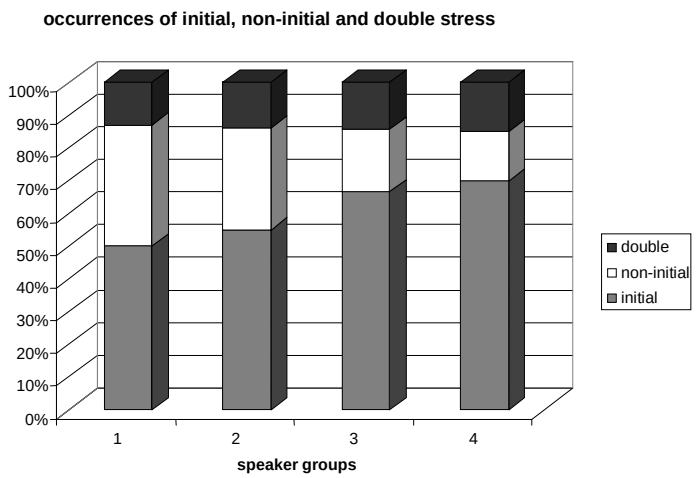

Figure 1. Number of speakers / tokens: 13 / 367 (group 1), 9 / 251 (group 2), 6 / 149 (group 3), 5 / 130 (group 4).

In the case of Moksha it was important, first of all, to obtain empirical data that would show how regular is the assignment of stress on initial versus non-initial syllables in the productions of the core dialect speakers. This was established by using a systematically selected corpus, part of which consisted of words with the vowels *i, u*

in the first syllable and *a, ä* in a subsequent syllable. Stress assignment was observed in controlled speech; test-words occurring in a phrase- and sentence-final position of a frame-sentence (e.g.: *Märgəĺiń* ***maksă****, af* ***śijä***. 'I would say *liver*, not *silver*.') were read by 14 speakers. Of the total number of observations (2457 words), 89% received initial stress; in 11% of the words (having *i* or *u* in the first syllable and *a* or *ä* in a subsequent syllable) stress was mainly placed on a subsequent syllable. There was an alternation of initial and non-initial stress in some of the productions of such words (for example, *śijä* 'silver') by different or same speakers. Thus, the pooled results showed dominance of initial stress and alternation of non-initial stress in words with *i* or *u* in the first syllable and *a* or *ä* in the second syllable. Future research will pursue the aim of testing the regularity of initial and non-initial stress in spontaneous speech across the major dialect groups of Moksha. Treatises on Moksha dialects indicate that spontaneous speech and poetry, especially folk songs, display stress alternation (Devayev 1963: 275; Malkina 1990: 21).

2.2. Measurement data of vowel durations

Analysis of vowel durations is based on di- and tri-syllabic words produced with initial stress. Measurement data on Erzya are available on both spontaneous and controlled speech, which have been found compatible (Aasmäe 2006). Table 1 shows mean vowel durations obtained on the four groups of sub-dialects presented above (33 informants, 475 test words). The results reveal a difference between the data of group 1 and groups 2, 3, 4. Alongside the high mobility of stress, group 1 showed a tendency towards equal vowel durations in the stressed and unstressed syllables in both di- and tri-syllabic words. The slight difference between the vowel durations in tri-syllabic words is not statistically significant. Hence, stress and vowel duration can be regarded as relatively independent in this variety of Erzya. In groups 2, 3, and 4 stressed syllable vowels were longer than unstressed syllable vowels in both di- and tri-syllabic words. The difference between the duration of vowels is statistically significant. Vowel duration in the speakers' productions thus depends on stress. Data of groups 2, 3, and 4 show that in tri-syllabic words asymmetry between vowel durations in the stressed and unstressed syllable is greater than in di-syllabic ones. An increase in the number of syllables of a word causes an increase in the duration ratio between the syllable nuclei. The third syllable can have received additional stress – vowels were somewhat longer than in the preceding syllable. Tri-syllabic words are thus likely to constitute two duration-based feet – a disyllabic foot and a so-called degenerate foot, the latter having the potential of becoming a di-syllabic foot: e.g.: *kotoćeś* 'the sixth', *kotoćeze* 'the sixth, *possessive*'.

Table 1. Mean durations (*ms*) of stressed and unstressed syllable nuclei (v1, v2, v3) and duration ratios (v1/v2) with standard deviations in di- and trisyllabic words (spontaneous speech). Significant differences between v1 and v2 are starred: *(p < .01).

	Di-syllabic words			*Tri-syllabic words*			
Erzya	v1	v2	v1/v2	v1	v2	v3	v1/v2
group 1	108.67	109.31	1.01	89.79	86.53	90.88	1.06
	15.86	15.60	0.16	17.14	13.27	16.94	0.27
group 2	107.86	97.37	*1.13	97.45	76.82	83.11	*1.30
	18.85	16.66	0.22	21.82	12.70	22.98	0.34
group 3	121.91	110.61	*1.15	91.68	75.63	88.40	*1.26
	21.08	27.44	0.28	22.41	19.13	25.74	0.34
group 4	111.55	94.73	*1.21	93.74	70.33	82.33	*1.38
	22.49	17.02	0.28	20.69	13.72	23.14	0.37

Analogous results were obtained in the measurement of vowel duration in controlled speech. Data shown in Table 2 are based on the productions of words (the total number – 342) by six speakers. The words were read within a frame sentence, e.g.: *Valoś* ***pakśa*** *erźań.* 'The word *field* is Erzyan.'). Informants 1, 2, 3 refer to dialect group 1, informants 4, 5, 6 – to dialect groups 2, 3, 4.

Table 2. Mean durations (*ms*) of stressed and unstressed syllable nuclei (v1, v2, v3) and duration ratios (v1/v2) with standard deviations in di- and tri-syllabic words (read speech). Significant differences between v1 and v2 are starred: *(p < .01).

	Di-syllabic words			*Tri-syllabic words*			
Erzya:	v1	v2	v1/v2	v1	v2	v3	v1/v2
Speaker 1	104.7	106.5	0.99	89.9	88.4	94.4	1.02
	9.8	8.4	0.10	13.2	9.5	8.0	0.14
Speaker 2	110.2	110.0	1.01	88.9	78.6	90.0	1.14
	13.3	12.2	0.12	9.2	9.7	7.6	0.13
Speaker 3	124.4	118.7	1.06	102.3	88.1	99.1	1.16
	17.8	19.3	0.16	14.1	8.4	11.8	0.12
Speaker 4	114.1	106.2	*1.08	93.9	78.3	87.6	*1.22
	12.8	14.3	0.11	12.2	12.3	12.7	0.19
Speaker 5	120.6	108.2	*1.13	95.1	74.7	90.1	*1.27
	16.9	16.5	0.15	12.9	7.1	11.2	0.14
Speaker 6	148.9	134.5	*1.14	129.6	101.3	106.4	*1.33
	20.3	24.3	0.24	23.9	20.0	8.3	0.44

Moksha:							
8 speakers	116.7	97.7	*1.24	106.00	79.60	88.79	*1.38
	33.01	24.5	0.38	22.40	18.92	25.67	0.40

For comparison, pooled data of vowel durations in the productions of 8 speakers of Central Moksha were used. Test words were read within a frame sentence, e.g.: *Märgəĺiń* ***maksă***, *af* ***śijä***. 'I would say *liver*, not *silver*.' (the number of observations – 400). Similar to the results obtained on the sub-dialects of Erzya referred to groups 2, 3, 4, stressed syllable vowels in Moksha were longer than unstressed syllable vowels. The duration ratios were higher; thus, there is greater asymmetry between the duration of stressed and unstressed syllable vowels. Compared to languages with radical vowel reduction, for example German, in which the average vowel duration ratio between a stressed and an unstressed syllable has been shown to be 1.87 (Gut 2003: 2439), the vowel duration ratios in Moksha are considerably lower.

2.3. Patterns of vowel distribution

As the analyses show, vowel duration is not affected by stress in the varieties of Erzya referred to dialect group 1; unstressed vowel reduction in the sub-dialects is missing. The distribution of vowels (Table 3) is governed by vowel harmony, which is better preserved in Erzya than Moksha (a review of literature on the subject is included in: Ivanova 2006: 150–162). The tendency to place stress on the initial syllable in the sub-dialects of Central Moksha and the varieties of Erzya referred to groups 3, 4 (and group 2, to some extent) is associated with the phenomenon of unstressed vowel reduction. In the dialects with lower mobility of stress than in group 1, the initial syllable of a word tends to be marked by stress more often than any of the subsequent syllables and vowels in potentially unstressed syllables can get reduced: *makso*, *-ŏ* /*-ă*, *-ə* 'liver'. The relationship between vowels within a word is concurrently influenced by stress and vowel harmony. In non-initial syllables that are potentially unstressed, a complexity of vowel occurrences is observed. If stress marks a non-initial syllable, reduction (of high vowels *i, u*) can also occur in the first syllable, e.g.: Erzya *purdams*, *pərdams* 'to turn'; Moksha *st'ir'n'ä, stərn'ä* 'a girl, *diminutive*'. In both Erzya and Moksha dialects, an initial syllable with a reduced vowel can re-acquire stress, whereby a vowel of full-formation replaces the reduced vowel. The fundamental patterns of vowel occurrences in the materials used for the present analyses (Table 3) are compatible with the sub-systems of vowels defined in the taxonomy of Erzya dialects and in Central Moksha, where differentiation is also made between the vowels of unstressed word-internal and open final syllables. In Erzya core dialects, same vowels *(e, a, o)* occur in these positions, while in sub-dialects of groups 3, 4 (and some varieties of group 2), sets of vowels differ; the vowels *i, u, ə* can be used in addition to *e, a, o* (Tsygankin 1979: 33–66). In the dialects of Moksha, including the Central group, only two vowels *(a, ə)* are used in a word-internal syllable; the set of vowels in an open final syllable is complex and varies across the sub-dialects (Ivanova 2006: 35).

Table 3. Vowel occurrences in initial (stressed) and non-initial (unstressed) syllables

Language variety	Initial stressed syllable	Non-initial unstressed syllable
Erzya:		
Group 1	*i e a o u*	*e a o (i)*
Group 2	*i e a o u*	*ĕ (ä) a ŏ (i) (ə)*
Group 3	*i e a o u ä*	*(ĕ) ä a (ŏ) u i ə*
Group 4	*i e a o u ä (ə)*	*(ĕ) ä a ă (ŏ) (i) ə*
Moksha:		
Central group	*i e a o u ä ə*	*(ĕ) ä a ă u i ə*

3. Conclusion

The data presented in this article enable us to outline some of the general characteristics of prosody in the varieties of Erzya and Moksha. It is feasible to differentiate the dialect groups of Erzya with respect to the mobility of stress manifested in spontaneous speech. Though there is only data of read speech on the assignment of stress in Central Moksha, it can be envisaged that a test on spontaneous speech to be held will yield results similar to those obtained on the dialects of Erzya with radical vowel reduction. Central Moksha revealed a similar dependence of vowel durations on the effect of stress. Dominantly initial stress conditions an asymmetry between vowel durations in stressed and unstressed syllables, thus modeling duration-based feet in Central Moksha and dialects of Erzya. The use of vowels in unstressed non-initial syllables in these varieties concurrently depends on stress and vowel harmony. Moreover, in Moksha there is a sub-system of only two vowels *(a, ə)* in unstressed word-internal syllables, while in open final syllables a complexity of vowel occurrences is observed, as in Erzya dialects. In the core dialects of Erzya, syllables of a word are not in a regular opposition with respect to stress and/or vowel duration; there are no salient manifestations of the foot. The distribution of vowels is governed by vowel harmony. The continuum of features under consideration might be reflecting a replacement of the dominance of vowel harmony by that of stress in Moksha and Erzya dialects, a process that is not completed.

Acknowledgements. This study has been partly supported by the Estonian Science Foundation grant No. 6983.

References

Aasmäe 1982 = Аасмяэ, Н. 1982. Ритмическое ударение в эрзянском языке. – *Filoloogiateadused Tartu Ülikoolis. Konverentsi teesid.* Tartu, 15–17.

Aasmäe, N. 2006. Sources of variability in the duration of stressed and unstressed syllable nuclei in Erzya: inter-idiolect data of spontaneous speech. – *Linguistica Uralica*, XVII, 2, 81–93.

Aasmäe, N. 2007. Rhythm related effects in Erzya. – *Linguistica Uralica*, XLIII, 4, 268–282.

Aasmäe, N. 2009. Duration dependent ‘undershoot’ and phonological vowel reduction in Erzya. – *Sound and its research aspects: Methodology and Practice*. Vilnius, 17–33.

Aasmäe, N. – Ross, J. 2005. How free is alternating stress in Erzya? – *Linguistica Uralica*, XLI, 2, 134–143.

Aasmäe, N. – Ross, J. 2007. The phonetics-phonology interface of Erzya stress: morphological conditioning of vowel reduction. – *Proceedings of the 16th International Congress of Phonetic Sciences*, Saarbrücken, August 6–10, 1213–1216.

Boersma, P. – Weenik, D. 2007. *PRAAT, a system for doing phonetics by computer. www.praat.org*.

Devayev 1963 = Деваев, С.З. 1963. Средне-вадский диалект мокша-мордовского языка. – *Очерки мордовских диалектов* II. Саранск. 261–432.

Devayev–Tsygankin 1970 = Деваев, С. З. – Цыганкин, Д. В. 1970. *Фонетика мордовских (эрзянского и мокшанского) литературных языков*. Саранск.

Estill, D. 2004. Diachronic change in Erzya word stress. – *Suomalais-Ugrilaisen Seuran toimituksia* 246, Helsinki.

Feoktistov, A. P. 1990. Die Dialekte der mordwinischen Sprachen. –*H. Paasonens mordwinisches Wörterbuch.* M. Kahl Band I, (A-J). Helsinki, *Suomalais-Ugrilainen Seura*. XXXI–CV.

Gut, U. 2003. Non-native speech rhythm in German. – *Proceedings of the 15th International Congress of Phonetic Sciences*. Barcelona, 2437–2440.

Itkonen, Erkki 1946. Zur Frage nach der Entwicklung des Vokalismus der ersten Silbe in den finnisch-ugrischen Sprachen, insbesondere im Mordwinischen. – *Finnisch-Ugrische Forschungen* XXIX, 1–3. Helsinki. 222–337.

Itkonen, Erkki 1971. Zum Ursprung und Wesen der reduzierten Vokale im Mordwinischen. – *Finnisch-Ugrische Forschungen* XXXIX, 1–2. Helsinki, 41–79.

Korhonen, M. 1994. The Early History of the Kalevala Metre. – Siikala, A.-L., Sinikka V. (eds.) *Songs Beyond the Kalevala. Transformations of Oral Poetry*. Helsinki, 75–87.

Lehiste, Ilse – Aasmäe, Niina – Meister, Einar – Pajusalu, Karl – Teras, Pire – Viitso, Tiit-Rein 2003. Erzya prosody. – *Suomalais-Ugrilaisen Seuran toimituksia* 245. Helsinki.

Lewy, E. 1937. Zur betonung des ersämordwinischen im satze. – *Finnisch-Ugrische Forschungen*, XXIV, 1–3. Helsinki, 232–245.

Malkina 1990 = Малькина, М. И. 1990. *Мордовское стихосложение.* Саранск.

Paasonen, Heikki 1897. Itäsoumalaisten kansojen runoudesta. *Valvoja* 17, 1–26.

Paasonen, H. 1903: *Mordvinische Lautlehre*. Helsingfors.

Paasonen, H. 1910. Über den Versbau des mordwinischen Volksliedes. – *Finnisch-Ugrische Forschungen* 10, 153–191.

Ravila, P. 1929. Über eine doppelte vertretung des urfinnischwolgaischen **a* der nichtersten silbe im mordwinischen. – *Finnisch-Ugrische Forschungen* XX, 1–3. Helsinki, 83–120.

Ravila, P. 1973. Der Akzent im Erza-Mordwinischen. – *Finnisch-Ugrische Forschungen* XL, 1–3. Helsinki, 169–176.

Ryabov 1932 = Рябов, А.П. 1932. Об ударении в эрзя-мордовском языке. – *Революция и письменность*. Москва.

Shakhmatov 1910 = Шахматов, А.А. 1910. *Мордовский этнографический сборник*. С.- Петербург.
Tsygankin 1979 = Цыганкин, Д.В. 1979. *Фонетика эрзянских диалектов.* Саранск.

Иванова, Г.С. 2006. *Система гласных в диалектах мокшанского языка в историческом освещении*. Саранск.

Нина Агафонова
Саранск

СИСТЕМА ДЕТЕРМИНАТИВНЫХ СУФФИКСОВ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В ЭРЗЯНСКИХ ДИАЛЕКТАХ ЗАВОЛЖЬЯ И ЮЖНОГО УРАЛА

Среди мордовских диалектов и говоров эрзянские диалекты Заволжья и Южного Урала занимают особое место. Их формированию способствовали миграционные процессы мокши и эрзи с прежних мест жительства. Зачастую в одном и том же населённом пункте совместно начинали жить переселенцы эрзя и мокша с разных мест жительства, совместно с переселенцами других национальностей. Условно до настоящего времени в селе, например, считается один конец эрзянским, а другой мокшанским (с. Пронькино Бугурусланского р-на Оренбургской области), или же один конец мордовским, а другой русским (с. Узюково Ставропольского р-на Самарской области), или же один конец считается татарским, другой чувашским, а третий мордовским (с. Сиделькино Челно-Вершинского р-на Самарской области). Мокша и эрзя Заволжья и Южного Урала, изначально говорящие на разных диалектах и говорах, выработали для общения свой смешанный диалект, в котором до настоящего времени, как в архиве, сохранились языковые архаичные элементы, и появились разные инновационные явления, характерные только этим говорам под влиянием устойчивого, интенсивного и мощного влияния экстралингвистических факторов.

В мордовских языках все имена существительные с грамматической точки зрения образуют оппозицию определённости-неопределённости, в которых один из членов характеризуется наличием, а другой отсутствием маркированности. Маркированные члены оппозиции содержат более конкретное и вместе с тем детализированное значение, чем немаркированные члены оппозиции. Детерминативные или указательные суффиксы или морфемы определённости эрзянского языка восходят к **s-*, **t-*, **n-* указательным местоимениям (э.я. *śe* «тот», *t´e* «этот», *ńe(t')* «эти») уральского языка-основы. Выбор именно этих местоимений в качестве морфемы определенности обусловлен частотой употребления их, этимологической простотой, большой обобщенностью их значения, большой сочетаемостью с именем, способностью анафорически указывать на предмет, упоминавшийся ранее. Переход указательных местоимений в грамматические морфемы – явление в финно-угорских языках не только чисто мордовское (Майтинская 1969: 126-134). Так, например, значение, свойственное определенному артиклю, в вепсском языке может выражаться постпозитивными артиклями *śe* (ед. число) и *ńe* (мн. число): *kalan se teget käzihe tartub naug* «Рыбу – эту чистишь, на руках остается слизь»; *lapsed ne mänhet školha* «Ребята эти пойдут в школу» (Kettunen 1943: 402, 392). Нужно отметить, что *kala se* «рыба – эта», *lapsed ne* «ребята – эти» произносятся как одно слово (устное сообщение П. Аристэ).

Реализация морфем определённости в падежных парадигмах в мордовских языках в разных диалектах и говорах неоднородна. Так кодифицированными

морфемами эрзянского литературного языка считаются в ед.ч. в номинативе *-сь*, в генитиве *-ть*, в косвенных падежах *-нть*; во мн. ч. во всей парадигме – *-(т)не*. В эрзянском диалектном ареале Поволжья и Южного Урала нами зафиксированы следующие системы детерминативных суффиксов, соответствующих кодифицированным морфемам определённости:

1. *-ś, -ť, -ńť, -(ť)ńe;*
2. *-ś, -ť, -śť, -(ť)ńe;*
3. *-ś, -ś/-ź, -śť, -(ť)ńe;*
4. *-ś, -ť, -(ť)ńe.*

Структура падежных словоформ с детерминативным суффиксом в ед. ч. в эрзянском литературном языке и во многих эрзянских диалектах и говорах различна. В косвенных падежах ед. ч. падежные суффиксы предшествуют морфеме определённости. Сравните: номинатив э.л *кудо-сь*, д.ф. *kudo-ś, kudi-ś, kude-ś, kut-ś* ’дом-этот’; генитив э.л. *кудо-н-ть*, д.ф. *kudu-ń-ť, kudo-ś-ť, kudi-ź-e-ń, kudi-ť* ’дома-этого’; датив э.л. *кудо-нт-ень*, д.ф. *kudu-ńť-eń, kudo-śť-eń, kudi-ź-ńe,kudi-ť-i, kut-ť-i* ’дому-этому’; аблатив э.л. *кудо-до-нть*, д.ф. *kudu-du-ńť, kudo-do-śť, kudi-ź-ďe, kudi-ť äzda, kut-ť ezda* ’о доме-этом’; инессив э.л. *кудо-со-нть*, д.ф. *kudu-su-ńť, kudo-so-śť, kudo-ś-ńe, kudi-ť äsa, kut-ť esa* ’в доме-этом’и т.д.

Склонение имен существительных с морфемами определенности называется детерминативным или определенным или указательным. Семантической основой его является выделение предмета из ряда ему подобных, в отношении которого в нашем сознании исключается всякий выбор (ГМЯ 1980: 220). Морфема определенности, присоединяясь к падежным морфемам основного склонения, образует парадигму детерминативного или указательного склонения.

viŕ-e-ś «лес-этот» ед. число

	I	II	III	IV	V
Ном.	*viŕ-e-ś*	*viŕ-ś*	*viŕ-ś*	*viŕ-ś*	*viŕ-e-ś*
Ген.	*viŕ-e-ń-ť*	*viŕ-e-ś-ť*	*viŕ-ť*	*viŕ-ť*	*viŕ-e-ź-i-ń*
					viŕ-e-ś-ť
Дат.	*viŕ-e-ńť-e-ń*	*viŕ-e-śť-e*	*viŕ-ť-i*	*viŕ-ť-i*	*viŕ-e-ź-ńe*
	viŕ-e-ńť-e			ø	
Абл.	*viŕ-ďe-ńť*	*viŕ-ďe-śť*	*viŕ-ť äzda*		*viŕ-e-ź-ďe*
Инес.	*viŕ-se-ńť*	*viŕ-se-śť*	*viŕ-ť äsa*	*viŕ-ťi-sa*	*viŕ-e-ś-ńe*
Элат.	*viŕ-st-e-ńť*	*viŕ-ste-śť*	*viŕ-ť ästa*	*viŕ-ťi-sta*	*viŕ-e-ź-ďe*
Иллат.	*viŕ-e-ńť-eń*	*viŕ-e-śť-e*	*viŕ-ť-i*	*viŕ-ťi*	*viŕ-e-ź-ńe*
	viŕ-e-ńť-e				
Пролат.	*viŕ-ga-ńť*	*viŕ-ga-śť*	*viŕgańť*	*viŕ-ťi-g’e*	*viŕ-e-ź-ga* *viŕ-e-ź-i-ń* *ezga*
			viŕ-ť äzga		*viŕe-ś-ť ezga*
Компар.	*viŕ-ška-ńť*	*viŕ-ška-śť*	*viŕškańť*	*viŕ-ťi-ška*	*viŕ-e-ź-e-ška*
			viŕ-ť äška		*viŕ-e-ź-i-ń* *ejška* *viŕ-e-ś-ť* *ejška*

Абес.	*viŕ-ťeme-ńť*	*viŕ-ťeme-śť*	*viŕ-ť-tuma*	*viŕ-ť-ftəma*	*viŕ-e-ś-ťem'e*
					viŕ-e-ź-i-ń-ťem'e
Каузат.	*ø*		*ø*	*viŕ-ťi-ksa*	

viŕťńe/viŕʰńe «леса-эти» мн. число

	I	II	III	IV
Ном.	*viŕťńe*	*viŕťńe*	*viŕťńe*	*viŕʰne*
Ген.	*viŕťńeń*	*viŕťńeń*	*viŕťńeń*	*viŕʰńeń*
Дат.	*viŕťńeńeń*	*viŕťńeńďi*	*viŕťńeńe*	*viŕʰńeńďi*
	viŕťńeńe			
Абл.	*viŕťńeďä*	*ø*	*viŕťńeda*	*ø*
Инес.	*viŕťńese*	*viŕťńeńesa*	*viŕťńejsa*	*viŕʰńeńďisa*
	viŕťńeńse			
Элат.	*viŕťńeste*	*viŕťńeńesta*	*viŕťńejsta*	*viŕʰńeńďista*
	viŕťńeńste			
Иллат.	*viŕťńeńeń*	*viŕťńeńďi*	*viŕťńeńe*	*viŕʰńeńďi*
Пролат.	*viŕťńeva*	*ø*	*viŕťńeva*	*viŕʰńeńďig'e*
Компар.	*viŕťńeška*	*ø*	*viŕťńejška*	*viŕʰńeńďiška*
	viŕťńeńška			
Абес.	*viŕťńevťeme*	*viŕťńeńftima*	*viŕťńeftuma*	*viŕʰńeńftəme*
	viŕťńeńťeme			
Каузат.	*ø*	*viŕťńenksa*	*ø*	*viŕʰńeńďinksa*

Указательное склонение в исследуемом ареале характеризуется отсутствием единой системы падежей, разнообразием падежных форм. Одно и то же падежное значение может быть передано словоформой и аналитически, сравните: *vel´eseńt´* и *vel´eńt´ ezga* «по селу-тому», *ćoradošt´* и *ćoraśt´ ezda* «о мужчине-этом», *kudoškańt´* и *kudot´ eška* «с дом-этот». По мнению С.З. Деваева, отсутствие последовательности в образовании падежных форм указательного склонения свидетельствует о более позднем его происхождении и постепенном образовании падежных форм (Деваев 1963: 341). Точка зрения вышеназванного автора подтверждается языковым материалом смешанных говоров. О незавершенности процесса образования указательного склонения говорят такие факты, как неодинаковое количество синтетических падежных форм в рассматриваемой парадигме. В анализируемых диалектах, а именно в говорах с мокшанской основой, в результате контактирования двух близкородственных языков (эрзянского и мокшанского), под влиянием эрзянской указательной системы увеличивается количество падежей, т.е. падежная система указательного склонения в исследуемых диалектах в количественном отношении богаче, чем, например, система падежей мокшанского литературного языка и диалектов, где всего три падежа (номинатив, генитив, датив).

Формы косвенных падежей с морфемой определенности *-ńt´* выступают во многих говорах группы I (Сиделькино, Старое Эштебенкино, Новая Кармала, Степная Шентала и т.д.) и в группе говоров II. Они состоят из склоняемой

основы имени + морфема падежа основного склонения + морфема определенности. Такую структуру имеют генитив, аблатив, инессив, элатив, пролатив, компаратив, абессив. У датива и иллатива иная структура: склоняемая основа имени + морфема определенности + морфема падежа: *vel´e-ńt´e* (< *vel´e* + *ńt´* + *ńeń*) «селу-этому». В дативе в говорах парадигм I и II употребляется усеченная форма *-ńt´e*: *kudońt´e* «дому-этому», *pakśańt´e* «полю-этому», *išmeńt´e* «лошади-этой» и т.д. Морфема *-ńt´*, возникшая из *-ń* (ген. **-n*) и *-t´* (**-tv* – указательное местоимение) и утвердившаяся в сфере генитива, была перенесена в форму остальных падежей единственного числа. Таким образом, источником морфемы *-ńt´* явилась форма генитива, в которой произошло переразложение основ и суффикс генитива *-ń* отошел к форманту *-t'*, составив вместе с ним морфему определенности *-ńt´* (Бубрих 1953: 79–80). В говорах группы I (Лопатино, Сускан, Сиделькино), как это можно увидеть из приведенных ниже примеров, в косвенных падежах параллельно встречаются две морфемы определенности: *-śt´* и *-ńt´*, сравните: *moń śkamon t´el´eń beŕt´ eŕiń kunškasońt´* «Я одна всю зиму жила в середине»; *svahańt tejteŕendę maćtasińek* «Дочь свахи (возможно – дочерей) уложим спать»; *t'iŕaskaśt´ ńaro eźik šla avaj* «Террасу сколько времени не мыла, мама?»; *kartįškań udopśt´ purnik* «Картофельную ботву собрала?» (Сиделькино); *te veleseńt´ čisto eŕźat* «В этом селе чистые эрзя»; *šeśdes´at domov kadovs´t velesen´t* «Шестьдесят домов осталось в селе»; *kal pek vanctiť mińek ŕipsovhossośť kundatadiź štraf* «Рыбу (возможно – мн.ч.) очень сторожат в нашем рыбсовхозе, поймают – штраф» (Лопатино). Морфема определенности *-ś*, утвердившаяся в сфере номинатива, в этих говорах проникла в форму косвенных падежей через генитив и не одна, а вместе с другим формантом *-ť*, образуя с последним новую морфему определенности *-śť*, ставшую грамматическим средством выражения определенности в косвенных падежах указательного склонения по линии ед. числа. Особенностью данной морфемы является то, что в генитиве она синхронно флективна: выполняет артиклевую и генитивную функцию, в остальных падежах только артиклевую (Цыганкин 1978: 22). По данным Л.И. Тураевой, говор с. Мордовское Афонькино, имевший в указательном склонении морфему определенности *-ńt´*, как и в говорах группы I исследуемого ареала, сохранил до настоящего времени формант *-śt´*, однако он употребляется спорадически (Тураева 1972: 34). О спородичности употребления форманта *-śť* в говорах сел Лопатино и Сускан нельзя сказать. Здесь, напротив, морфема *-ńť* менее активна. Это говорит о том, что у первопоселенцев этих мест была в речи для указательного склонения морфема определенности *-śt´*, которая сохранилась и при изолированном развитии говора. Однако тесные контакты с жителями соседних сёл (например, с жителями с. Новое Ерёмкино, Красная Дубрава, Узюково и т.д.) способствовали, по-видимому, появлению в речи носителей этих говоров морфемы определенности *-ńt´*. Тип указательного склонения с морфемой определенности *-śt´* имеет соответствия в больше-игнатовском (Давыдов 1963: 158–160), приалатырском диалектах (Марков 1961: 43), частично в говорах верховья рек Черемшана Республики Татарстан (Тураева 1972: 34).

Для говоров, имеющих парадигму III (Верхнее и Нижнее Санчелеево, Узюково, Новая Бинорадка, характерно: 1) отсутствие единой для всех падежей морфемы определенности: в номинативе *-ś*, в косвенных падежах *-t´/-ńt´*; 2)

флективность генитива. Формант *-t´* одновременно выполняет функцию определенного артикля и морфемы падежа; 3) отсутствие аффикса *-ń* перед *-t* и наличие его. Употребление этих формантов в речи носителей данных говоров в косвенных падежах никакими языковыми факторами не регламентируется, сравните: *ćorańeńd´e mońś śormat śormadan alfajeńt´ sodasa* «Сыну-моему я сама письма пишу, алфавит-этот знаю»; *ćorańet´ usk'iź bol´ńićav* «Мальчика этого отвезли в больницу». Формы генитива и датива однотипны с мокшанскими формами. Но синтетические падежные формы инессива (*vel´et´esa* «в селе-том»), абессива (*vel´et´ftįma* «без села-этого») и каузатива (*vel´et´iksa* «из-за села-этого, за это село») выработались под влиянием соседнего эрзянского населения.

Говоры, обладающие парадигмой IV (Подстепки, Шелехметь и Торновое) диахронно имеют мокшанскую основу. Определенность предмета выражается с помощью тех же суффиксов, что и в других мордовских говорах и литературных языках, но падежная система в них в количественном отношении разительно отличается. Подобно эрзянскому языку парадигма IV строится на основе девяти падежей, в мокшанском языке же – на основе трех падежей. Формы номинатива, генитива, датива здесь совпадают с формами мокшанского литературного языка. Остальные падежи – инессив, элатив, пролатив, компаратив, абессив – имеют такие же формы, как и в эрзянском языке. Своеобразием парадигмы IV типа является то, что формы косвенных падежей, начиная с инессива, образуются на основе датива. Непосредственно к форманту датива указательного склонения присоединяются соответствующие падежные морфемы: *val´mat´i-sa* «в окне-этом», *val´mat´i-sta* «из окна-этого», *val´mat´i-ge* «по окну-этому», *val´mat´i-ška* «с окно-это». Исключение составляет абессив, падежный суффикс которого присоединяется к генитиву того же склонения, сравните: *val´mať-ftəma* «без окна-этого». Отметим, что подобные образования зафиксированы К.И. Ананьиной в верхне-алатырских говорах Горьковской области (Ананьина 1974: 13). Интересно, что в указательном склонении в говорах группы IV есть форма каузатива, образующаяся также на основе датива: *val´maťi-ŋksa* «из-за окна-этого»; *viŕt´i-ksa* «из-за леса-этого».

Самой логичной падежной парадигмой ед. ч. является та, в которой во всех падежах морфемой определённости является суффикс *-ś/-ź* (V тип). Падежный формант в словоформах находится после морфемы определённости, как и в парадигме мн.ч. Слова легко поддаются расчленению на составные элементы, так как имеют ярко выраженный агглютинативный характер: так, генитивная форма *v'eľeźiń* «села-этого», *v'iŕeźiń* «леса-этого» состоит из основы слова *v'eľe-*, *v'iŕ-*, детерминативного суффикса *-ź-*, интерфикса *-i-* и суффикса генитива *-ń*. В анализируемом диалектном ареале такая система характерна говорам сёл Старая и Новая Бесовка, Александровка, Высокий Колок Новомалыклинского района Ульяновской области, а также говорам нижнепьянского диалекта Нижегородской области. В детерминативном склонении оппозиция форм единственного и множественного числа представлена во всех косвенных падежах. Формы мн. числа, как и в мордовских литературных языках, образуются с помощью двух суффиксов: универсального суффикса мн. числа *-t/-t´* и суффикса *-ńe/-nę/-nэ*, восходящего к указательному местоимению *ńe* «эти»: *l´is'maťńe* «колодцы-те», *gobŕikńe* «погреба-те», *ćoraťńe* «мужчины-те». Морфема определенности во мн. числе во всех падежах имеет в словоформе всегда постоянное место – перед

падежными морфемами, характерными для основного склонения. Модель форм множественного числа указательного склонения следующая: склоняемая основа имени + суффикс мн. числа *-t/-t´* + морфема определенности + морфема падежа: *viŕ-t'-ńe-sę/viŕ-t´-ńe-ńe-sa/viŕʰ-ńe-ńd´i-sa* «в лесах-тех», *vile-t´-ńe-va/vile-t´-ńe-ńd´i-ge* «по селам-этим», *pŕa-t´-ńe-ška/ pŕa-t´-ńe-ńd´i-ška* «с голов-этих».

Б.А. Серебренников в Исторической морфологии мордовских языков пишет: «Формы косвенных падежей указательного склонения должны были бы состоять из трёх основных компонентов – основы слова, постпозитивного артикля и падежного суффикса, например: *kudo-se* 'дом определённый', *kudo-se-n'* 'дома определённого', *kudo-se-nen'* 'дому определённому', *kudo-se-de* 'из дома определённого' и т.д. Однако такой порядок расположения составных частей осуществился только в формах множественного числа, ср. *kudo-t-ne* 'дома определённые', *kudo-t-ne-n'* 'домов определённых', *kudo-t-ne-stë* 'из домов определённых' и т.д.» (Серебренников 1967: 45–46). Проанализировав выше данные парадигмы, нужно сказать, что система детерминативных суффиксов эрзянских диалектов Поволжья и Южного Урала имеет следующие структурные и морфемные особенности указательных форм:

1. В формах ед.ч. внутри каждого типа, кроме V-го, налицо отсутствие единой модели построения словоформ: в номинативе, дативе – обычный порядок расположения морфем: склоняемая основа + детерминативный суффикс + падежный суффикс; в генитиве, аблативе, инессиве, элативе, пролативе, компаративе, абессиве необычный порядок расположения морфем: склоняемая основа + падежный суффикс + детерминативный суффикс.

2. Отсутствует единый детерминативный суффикс для всех падежей ед.ч., кроме V типа:

– I тип: номинатив *-s'*, генитив *-t'*, в других косвенных падежах *-n't'*;

– II тип: номинатив *-s'*, генитив *-t'*, в других косвенных падежах *-s't'*;

– III тип: номинатив *-s'*, генитив, датив, иллатив, абессив *-t'*, в других косвенных падежах (пролатив, компаратив) *-n't'*;

– IV тип: номинатив *-s'*, генитив, датив, иллатив, абессив *-t'*, в других косвенных падежах (аблатив, элатив, инессив, пролатив, компаратив, каузатив) *-t'i*;

V тип: во всех падежах выступает один и тот же детерминативный суффикс *-s'/-z'*, восходящий к местоимению *s'e* 'тот'.

3. Различия между системами касаются как морфемного состава косвенно-падежных форм ед.ч. *-n't'*, *-s't'*, *-t'*, *-t'i-*, *-s'/-z'*, так и их структуры: обычные или нормальные и необычные или аномальные.

Таким образом, в анализируемом диалектном ареале, наряду с кодифицированным сложным детерминативным суффиксом *-нть* в косвенных падежах ед.ч. (*вир-де-нть* 'о лесе-этом', *вирь-стэ-нть* 'из леса-этого') нами зафиксированы:

– сложный указательный суффикс *-s't'*, где плеонестически переплелись два дейктических суффикса *-s'* и *-t'* (*v'ir'-se-s't'* 'в лесу-этом', *v'ir'-ga-s't'* 'по лесу-этому') и т.д.;

– суффикс *-t'*, который характерен мокшанскому литературному языку, а также некоторым эрзянским говорам юго-восточного диалекта, в которых наличествуют мокшанские языковые элементы (Шугурово, Пермиси Б-

Березниковского р-на, Сабаево, Качелай Кочкуровского р-на Республики Мордовия, Вышелей Городищенского р-на, Пазелки Бессоновского р-на, с. Чумаёво Камешкирского р-на Пензенской области, Старое Борискино, Старое Домосейкино, Солалейка Северного р-на, Пронькино, Шестайкино, Кивацкое Бугурусланского р-на Оренбургской области и т.д.), сравните: *v'ir'-t'* 'леса-этого', *v'ir'-t'-i* 'лесу-этому'и т.д.;

– суффикс *-t'i-*, образованный на основе мокшанского датива (*v'ir'-t'i'sa* 'в лесу-этом', *v'r'-t'i-sta* 'из леса-этого', *v'ir'-t'i'g'e* 'по лесу-этому') и зарегистрирован в говорах сёл Шелехметь, Торновое Волжского р-на Самарской области, а также спорадически в верхнеалатырских говорах Нижегородской области;

– суффикс *-s'-/-z'-*, который характерен говорам сёл Александровка, Старая и Новая Бесовка, Высокий Колок Новомалыклинского района Ульяновской области, в говоре с. Багряж Никольское Альметьевского р-на Республики Татарстан, а также некоторым говорам нижнепьянского диалекта Нижегородской области (*v'ir'-e-z'-i-n'* 'леса-этого', *v'ir'-e-z'-n'e* 'лесу-этому', *v'ir'-e-z'-d'e* 'о лесе-этом' и 'из леса этого' и т.д.). Самым логичным и, возможно, самым древним является этот тип, где структура словоформ с указательным суффиксом ед. и мн.ч. была едина: основа слова + детерминативный суффикс + падежный суффикс, какими и должны были бы быть формы косвенных падежей единственного числа указательного склонения по предположению Б.А. Серебренникова.

Литература

Ананьина К.И. Верхне-алатырские говоры мокшанского языка: Автореф. дис. канд. филол. наук. Тарту, 1974. 22 с.

Бубрих Д.В. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1953. 272 с.

ГМЯ = Грамматика мордовских языков. Фонетика, графика, орфография, морфология / Под ред. Д.В. Цыганкина. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 1980. 430 с.

Давыдов М.М. Большеигнатовский диалект эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1963. Т. II. С. 118–233.

Деваев С.З. Средне-вадский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1963. Т. II. С. 263–432.

Майтинская К.Е. Местоимения в языках разных систем. М.: Наука, 1969. 308 с.

Марков Ф.П. Приалатырский диалект эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1961. Т. I. С. 7–99.

Серебренников Б.А. Историческая морфология мордовских языков. М.: Наука, 1967. 262 с.

Тураева Л.И. Фонетико-морфологический очерк эрзянских говоров верховьев рек Черемшана, Шешмы и Кичуя (Татарская АССР) // Вопросы мордовского

языкознания. Труды, вып. 42. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1972. С. 235–302.

Цыганкин Д.В. Грамматические категории имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка (определённости-неопределённости и притяжательности). Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 1978. 72 с.

Kettunen, L. Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus // Suomalais-ugrilaisen Seuran toimituksia. Helsinki, 1943.

Елена Андрианова
Йошкар-Ола

ТЕРМИНЫ РОДСТВА И СВОЙСТВА В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Для обозначения отношений между родственниками в каждом языке существуют определенные термины. Рассматриваемая лексико-семантическая группа является одним из самых архаичных, устойчивых к изменениям частей лексики языка, которая использовалась и используется для решения различных проблем истории языка. В марийском языке термины кровного родства и родства по браку нашли отражение в работах М. Маркелова, Н.И. Исанбаева, И.С. Галкина, Е.М. Андриановой. Следует особо отметить работу марийского языковеда В.М. Васильева «Родство и свойство в представлениях марийского народа», написанная им еще в 1948 году, подготовленная как диссертация на соискание ученой степени д. фил. н. Об этом свидетельствует сохранившийся автореферат. Исследовательская работа пролежала в его личном архиве и, благодаря А.П. Кузнецовой, была опубликована лишь в 2004 г. в журнале «Ончыко».

Социально-экономическая структура общества непосредственно оказывает влияние на систему родства. Хотя терминология родства, в отличие от системы родства, является наиболее консервативным, тем не менее и в ее составе происходят изменения. Наибольшие изменения прослеживаются в системе некровного родства в плане частотности их употребления в повседневной жизни. В качестве примера могут послужить следующие термины, например: *пӧрыж* «младший брат мужа / жены», *оньыска* «старший брат мужа / жены», *оняка* «старшая золовка, старшая свояченица», *ошӱдыр* «вторая золовка после старшей», *нудо* «младшая сестра жены, свояченица; младшая сестра мужа, младшая золовка», и др.

Каждый человек состоит с кем-либо в родственных отношениях. Следовательно, может иметь родственников как кровных, так и родственников по браку, или и тех и других вместе, и отличает их от других людей, не состоящих с ним в родстве. Само понятие «родство», по Ю.И. Семенову, «есть одна из форм связи между людьми. Только наличие между данными конкретными лицами такой формы связи делает их родственниками» (Семёнов 1974: 16). Автором выделяются две формы обозначенной связи: «первая связь – это связь между людьми, из которых один произошёл от другого, вторая – связь между людьми, которые произошли от одного и того же предка. В первом случае люди связаны просто происхождением, во втором – общностью происхождении»" (там же).

По своей функции термины родства и свойства служат для обращения одного лица к другому или же для обозначения в разговоре какого-либо третьего лица. Следует отметить, что в отличие, например, от личных имен, социальных титулов, рассматриваемые слова выражают специфические отношения одного человека к другим, и относительно к конкретному лицу каждый раз применяются разные термины. Это связано с тем, кто к нему обращается или называет его в беседе с другим. Таким образом, принято считать, что в центре структуры

родственных отношений, отражённых в терминологии родства, всегда находится одно условное лицо – говорящий. Поэтому любая система родства рассматривается только с точки зрения эго (говорящего).

В речевом обиходе повседневной жизни термины родства и свойства применяются в двух целях: 1) для непосредственного обращения эго к альтеру и 2) для обозначения родственного отношения альтера к эго при разговоре с третьим лицом, например: *– Мыят умылем, эргым, акат чыным ойла. – И я понимаю, сынок, твоя старшая сестра говорит правду* (Шабдар 1975: 130). *Ваштареш омыл. А кӧм колтена? – йодо Сепан. – Эргычым гын? – Я не против. – А кого отправим? – спросил Сепан. – Может твоего сына?* (Сапаев 1979: 245). *– Илышыште тӱнятым гына ит мондо, эргым, – ойла умбакыже аваже. – Шочмо мландетым, ачат-аватым йӧрате. – В жизни не забудь только свой мир, сынок, – продолжает его мать. – Люби свою Родину, своих родителей* (Лекайн 1987: 70).

Одним из основных черт системы терминов родства марийского языка является последовательное различение пола родственника (альтера). Этот принцип охватывает всю систему родства, исключения составляют лишь несколько собирательных терминов, соответствующих, например, русскому «родня», «родственник». В марийском языке данные понятия, а также другие термины, не различающие пол альтера, выражаются словами: марЛ. *родо* «родня, родственник», *родо-тукым* «родня, родство, родственный», *родо-шочшо* «родня, родственник», марС-З. *родыполык* «родня, родственник», марЛ. *шочшо, шочшо-кушшо* «родные дети», «потомок, наследник»; марГ. *шачыш, шачшы-кушшы* «родные дети», «потомок, наследник»; марЛ. *икшочшо*, марГ. *икшачыш*, марС-З. *икшацыш* «родные (брат, сестра)», марЛ. *уныка*, марГ. *ыныка*, марС-З. *ӱнӱка* «внук, внучка». Для конкретного обозначения внука или внучки при разговоре с кем-либо эго применяет описательный метод: *эргымын йдыржӧ* «дочь сына», *эргымын эргыже* «сын сына», *йдыремын эргыже* «сын дочери», *йдыремын йдыржӧ* «дочь дочери». Например: *Шочшо-кушшын тыге йӧсланымыжым ава чон гына шижын. – Страдания своего ребенка чувствовала только душа матери* (Сапаев 1979: 240).

В марийском литературном языке в системе кровного родства в пределах одной семьи можно выделить следующие термины: *коча* «дедушка», *кова* «бабушка», *ача* «отец», *ава* «мать», *иза* «старший брат», *ака* «старшая сестра», *шӱжар* «младшая сестра», *шольо* «младший брат», *шочшо* «родные дети», *уныка* «внук, внучка».

Термины *ача* (вок. *ачай, ачий, ачый, ачэ, ачой, атяй*) «отец (папа)», *ава* (вок. *авай, авий, авый, авэ, авой*) «мать (мама)» употребляются как в системе кровного родства, так и свойства. Указанные термины используются также при обращении к тестю, теще, свекру, свекрови. Следует подчеркнуть, что для обозначения этих отношений в марийском языке существуют и другие термины, такие как: *оньо, оньыкугыза* «тесть», *оньыкува* «теща», *оньо, оньача* «свекр», *оньава* «свекровь». В настоящее время эти термины все реже употребляются в речи.

Понятия дедушка, бабушка в марийском языке передаются терминами марЛ. *коча,* марГ. *тьотя;* марС-З. *т'ут'а* «дедушка», марЛ. *кова,* марГ. *папи* «бабушка», которые состоят из двух компонентов: *кугу* «большой, старший» + *ача* (коча), *кугу* «большой, старший» + *ава* (кова). Данные термины, в основном,

характеризуют их как со стороны отца, так и со стороны матери. Но следует отметить и тот факт, что в некоторых говорах марийского языка существуют специальные термины, указывающие на родство по материнской линии: *мӹндыр/мӹндӹр коча*, *мӹндыр/мӹндӹр кова* (мӹндыр «дальний, далекий»); марЛ. *чӹчӹ кочай/чочой*, *чӹчӹ ковай/кувавай*, марГ. *чӹчӹ тьотя*, *чӹчӹ папа*. В указанных терминах первый компонент «чӱчӱ» является также самостоятельным термином родства, обозначающим родственника по материнской линии – младший брат матери. Термин «чӱчӱ» также употребляется и со значением, указывающим на родство со стороны отца, например, в Сернурском районе для обозначения как старшего брата отца, так и матери применяется этот термин, а для обозначения младшего брата матери используется термин *иза* «старший брат». С помощью компонента «чӱчӱ» в марийском языке образованы еще несколько терминов родства: марЛ. *чӹчака(й)*, марГ. *чычы äкä* «тетя, старшая сестра матери», *чӹчӹвате* «жена младшего брата матери, также старшего или двоюродного брата матери», *чӹчӹньӧ* «жена младшего брата»

В современном марийском языке выделяют четыре способа образования новых слов: морфологический, лексико-синтаксический, морфолого-синтаксический, лексико-семантический (Учаев 1982, Лаврентьев 1984, Сергеев 1995). В образовании рассматриваемого пласта лексики используются три способа: морфологический (*-аш*: пелаш «супруг, супруга», *-ньц*: чячяньц «тетя, жена младшего брата матери», *-амаш*: ядырамаш «женщина, жена»); – лексико-синтаксический (марЛ. *ачавел*, марГ. *дтявел* «отчим» от *ача*, *дтя* + *вел* «сторона», марЛ. *ававел*, марГ. *äвävел* «мачеха» от ава, *äвä* + вел, марС-З. *кугувäты* «первая жена» от *кугу* «старший» + *вäты* «жена», *изивäты* «вторая жена» от «младший» + *вäты* «жена», *ошӹдыр* «вторая золовка» от *ош* «белый» + *ӹдыр* «девочка, девушка, дочь», марЛ. *кугизай* «старший брат» от кугу «старший» и изай «старший брат (вок.)», *изизай* от *изи* «маленький, младший» и *изай* «также»; – морфолого-синтаксический (*шочшо* «родной ребенок»).

Следует отметить, что в настоящее время наряду с марийскими терминами родства активно используются слова, заимствованные из русского языка, такие как: *мама*, *папа*, *тетя*, *дядя*.

Подробное исследование терминов кровного родства и свойства выявило некоторые расхождения в семантике этого пласта по сравнению с общепринятыми в литературном языке значениями. Следует отметить, что эти сдвиги, в основном, по-нашему мнению, произошли по причине не частого их использования в речевом обиходе самих носителей языка. Значения терминов родства и свойства в различных говорах, подговорах отличаются от тех значений, которые даны, например, в многотомном толковом словаре марийского языка. В частности, к ним мы можем отнести таки термины как: *чячя*, *изай*, *кугызай*, *акай*, *кокай*.

В заключение хочется отметить следующее: семантическое поле каждого термина кровного родства и свойства в марийском языке следует изучить наиболее тщательно. Так как некоторые из них в разных диалектах используются в разных значениях. Также данные анкетирования показывают, что из речевого обихода более молодого поколения некоторые термины выпали. Вместо них используются термины, заимствованные из русского языка или собственные имена.

Литература

Васильев В.М. Родство и свойство в представлениях марийского народа // Ончыко. – 2004. – № 8–12.

Галкин И.С. Слова, обозначающие людей мужского пола в современном марийском языке и их происхождение // Финно-угроведение. – 1985. – № 3–4.

Исанбаев Н.И. Татарские термины родства в диалектах марийского языка // Вопросы марийской ономастики. – Йошкар-Ола, 1978.

Крюков М.В. Система терминов родства китайцев (Эволюция и закономерности). – М., 1972.

Лаврентьев Г.И. Состав слова и словообразования в современном марийском языке. – Йошкар-Ола, 1984.

Лекайн Н. Кугезе мланде. – Йошкар-Ола, 1987.

Сапаев В. Кӱдырчан йӱр годым. – Йошкар-Ола, 1979.

Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. – М., 1974.

Сергеев О.А. Кызытсе марий йылме. Мут ышталтмаш. – Йошкар-Ола, 1995.

Шабдар О. Ӱдырамаш корно. – Йошкар-Ола, 1975.

Учаев З.В. Кызытсе марий йылме. – Йошкар-Ола, 1982.

Марианна Андуганова
Ханты-Мансийск

ОСНОВНЫЕ ФОНОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА В САКРАЛЬНЫХ ТЕКСТАХ ХАНТОВ

Фоностилистика как частное внутриуровневое направление исследований стиля возникло недавно. В связи с этим усилия фонетистов сосредоточены на изучении стилистической модификации в рамках фонетического уровня.

Основываясь на опыте уже проведенных фоностилистических исследований, можно определить несколько групп стилеобразующих факторов для фоностиля: (1) функциональные стили, (2) формы речи: устная, письменная, диалог, монолог, (3) условия общения.

Современный этап развития общего языкознания связан с выдвижением на первый план понятия текста как основного предмета исследования. В нашем случае текст является частью ритуала, сопровождаемого действиями с использованием музыкальных инструментов.

Не вызывает сомнений, что содержание любого стихотворения невозможно уяснить в полной мере, если не выйти за его пределы и не включить в поэтическую систему, сопоставив его с другими подобными произведениями.

На фоне исследований по стилистике, типологии и фонетике фоностилистичесские средства в сакральных текстах хантов специально не изучались. Более того, ни на одном стилистическом уровне языка не определялись его глубинные сходства и различия с генетически родственными финно-угорскими языками.

Исследование основано на материале 1335 строк и ставит своей целью дать описание и классификацию основных выразительных средств фонологического уровня (фоностиля) текстов хантыйских стихов в Песне Пелымского Торума (ППТ).

Заметим, что к настоящему времени ППТ и некоторые тексты, исполняемые на медвежьих игрищах, подвергались исследованию этнографов, фольклористов и музыковедов. Одни в силу своей специфики обращали внимание на проводимые обряды, другие на сбор фольклорного материала, т. е. непосредственно текстов, третьи описывали используемые народные музыкальные инструменты, переводя при этом услышанные мелодии на ноты. Таким образом, исследования сакральных текстов к настоящему времени проводились в один этап – сбор фольклорного материала с этнографическим и музыковедческим описанием сопровождаемых ритуалов.

Актуальность данного исследования обусловлена абсолютным отсутствием лингвистической документированности стилистических характеристик фонологического уровня языка древних хантыйских фольклорных текстов, а также типологических исследований в этой области. Анализ фоностиля текстов ППТ выполнен в синхроническом аспекте с использованием описательного, типологического и контекстологического методов с использованием количественных подсчетов и сплошной выборки. Теоретической и

методологической базой послужили обобщающие труды по финно-угорскому (марийскому, финскому, карельскому, эстонскому, коми, мордовскому), русскому, германскому и тюркскому языкознанию, а также основные положения стилистики, фонетики и фонологии по языкам разных систем. Автор использовал электронный набор и перевод на русский язык текстов ППТ, осуществленный кандидатом исторических наук Татьяной Александровной Молдановой, автора многих монографий по фольклору и этнографии ханов, собравшей и выпустившей из печати многочисленные фольклорные материалы.

Стихотворную речь относят к особой фонетической подсистеме. Одним из доказательств ее обособленности является то, что «незначимое в обычной информационной речи становится значимым в поэтической речи» (Панов 1963: 228).

В финно-угорском языкознании звуковой повтор как фонологическое явление был описан в ряде работ, посвященных фольклорным текстам труды М. Садениеми, М. Кууси, П. Лейно, Э. Лаугастэ, Н.Н. Глуховой, М.Ю.Семеновой и многих других (Лаугастэ 1970: 17–24, Sadeniemi 1951: 139, Kuusi 1953: 198, Leino 1970: 50–54, Глухова 1996, 1998, Семенова 2006).

Заметим, что под фоностилем мы понимаем не только лингвистическое описание звуковой выразительности достигаемой благодаря всевозможным комбинациям повторяющихся фонем в строке, строфе и тексте в целом. Фоностиль как и ритм можно исследовать на 2-х уровнях: суперсегментном и сегментном. Суперсегментный уровень предполагает изучение более сложных единиц не исключая экспериментальные исследования с использованием всевозможного оборудования, например при анализе интонаций, фразовых и сверхфразовых ударений. Мы не ставим перед собой таких задач, поскольку рассматриваем первый уровень фоностиля – сегментный, основанный на экспрессии повторов фонем.

Применительно к сегментному уровню фоностиля ППТ с абсолютной уверенностью можно констатировать тот факт, что основным наиболее продуктивным фоностилистическим средством является повтор (*ə*) и (*йə*). Важно отметить, что оба этих компонента образуют как внутристрочную, так и межстрочную рифму.

Подтверждением данной гипотезы является подсчет их количественной представленности в текстах ППТ, а именно 4717 случаев. В нашем случае не является принципиально важным выявлять то, который из них является более продуктивным (*t*) и (*йə*), т.к. они встречаются относительно в равной пропорции, а именно 2202 (*ə*) и 2512 (*йə*), т.е. с разницей 6% в пользу употреления (*йə*).

С другой стороны принцип примыкания к словам вышеуказанных компонентов зависит от конечной лексемы. Так, (*йə*) примыкает к лексемам с конечной согласной, например:

одновременно, например:

60. 3 *Лув-ки(йə) тавант(ə)ӆумаӆ(ə) ищи(йə)* Если они появились тоже, [то, на том месте]

100. 4 *Пӳнаһа сэмпи(йə) вәнт ӆəһх(ə) пуха(йə)* Для сына лесного духа с шерстистыми глазами

100. 5 *Пўнаһа сэмпи(йə) вур мєһк(ə) пуха(йə)* Для сына таёжного менквa с шерстистыми глазами

В текстах песни ППТ 1206 случаев, когда строки образовывают рифму благодаря присоединению вышеназванных фонем (*йə* и *ə*), что составляет 98%, например:

5. *Lуһума хот тєль (ə) арӆа(йə) вəрт хə(йə)*	Вошедшие в заполненный дом многочисленные вэрт мужчины
Арӆа(йə) муви(йə) шаншан(ə) эвалът(ə),	Со спин многочисленных вод
Арӆа(йə) йиһки(йə) шаншан(ə) эвалът(ə),	Со спин многочисленных земель
Нын там акми(йə) ӆуман(ə) ищи(йə).	Вот вы собрались тоже
60. *Lыв-ки(йə) тавант(ə) ӆумаль ищи(йə)*	Если он появился тоже
Вəнтаһ(ə) шаншаһ араль (ə) юхаль (ə)	Спины лесов образующие многие деревья
Lыв-ки(йə) тавант(ə)ӆумль(ə) ищи(йə)	Если они появились тоже [то, на том месте]
Пўнаһ(ə) сємпи(йə) арӆа(йə) вəнт ӆəһх(ə)	С шерстистыми глазами много-численные лесные духи [жили]

Как видно из примеров, в текстах ППТ наблюдаются как кольцевые, так и перекрестные типы рифмы.

Таким образом, повторы (*t*) и (*ŭt*), присоединяемые к лексемам, являются основным и наиболее частотным фоностилистическим средством и служат для образования внутристрочной и межстрочной рифмы. Выбор именно таких фонемных сочетаний весьма актуален, поскольку:

1) это самобытный прием, позволяющий лаконично и экспрессивно осуществлять звуковую гармонию, баланс и мелодию стиха;

2) в условиях Крайнего Севера, где зачастую бывает довольно низкая температура воздуха, представляется самым приемлемым употребление гласных среднего подъема, позволяющих минимизировать опускания нижней челюсти, что защищает органы дыхания от прямого попадания холодного потока воздуха.

Другим характерным способом образования межстрочной рифмы является повтор лексемы *ищи* или *ищи*(*йə*),например:

135. *Хуты(йə) ванты(йə) ӆатєм(ə) ищи(йə)*	Что я увидел
Тəрум(ə) сўсӆа(йə) пєлки(йə)йеӆа(йə) ищи(йə)	Торум в сторону осени
Хуты(йə) кєрӆы(йə) ӆумаль (ə) ищи(йə).	Оказывается, повернулся
Ари(йə) юхпи(йə) араль (ə) вəнтєм(ə)	С многочисленными деревьями многочисленные леса
Lыв аль(ə) вəӆи(йə)ӆумеӆ(ə) ищи(йə)	Они уже пребывают [иными]

В текстах ППТ они встречаются 361 раз, что составляет 27%. Данные повторы образуют только межстрочную рифму. Ее можно считать грамматической, вернее синтаксической, нежели морфологической т.к. она образована вследствие распространенности предложений в текстах ППТ и фиксированному месту в них лексемы *ищи* и ее производных.

Обработка количественных подсчетов показала также наличие в текстах ППТ количество абсолютных и неполных повторов целых строк. Всего насчитывается 448 таких повторов, что составляет 36% от общего количества строк в тексте ППТ. Заметим, что абсолютные и неполные повторы могут быть расположены в тексте не только друг за другом или через строку, но, и на некотором более широком диапазоне отдаленности, например:

5. *Lyhума хот тєль (ə) арӆа(йə) вəрт хə (йə)*	Вошедшие в заполненный дом многочисленные вэрт-мужчины
Арӆа(йə) мӯви(йə) шаншан(ə) эвалът(ə,	Со спин многочисленных земель
Арӆа(йə) йиhки(йə) шаншан(ə) эвалът(ə)	Со спин многочисленных вод
Нын там акми(йə) ӆуманə(ə) ищи(йə)	Вот вы собрались тоже.
Омсум(ə) хот тєль (ə) арӆа(йə) найев	Сидящие в заполненном доме многие найженщины
10. *Lyhума хот тєль (ə) арӆа(йə) вəрт хə (йə)*	Вошедшие в заполненный дом многие вэртмужчины

В текстах ППТ нами выявлено 447 строк, содержащих аллитерирующие созвучия, что составляет 33% от общего количества строк, например:

52. *Юхаль (ə) ювра(йə) арah(ə) Пулум(ə)*	С крученными деревьями, с [существами] весами-[осетрами] Пелым
65. *Ювра(йə) юхи(йə), юхаль (ə) щалъта-(йə) тавант(ə) ӆумаль(ə)*	С крученными [стволами] деревья, деревья оттуда [из глаз] появились [они].
69. *Панта(йə) увты увиель (ə)*	По руслу протекали, [то] течение [реки]
84. *Мӯваha Пулум мӯват(ə) киньща(йə)*	Быть может на [священной] высоте появились
Мосah па(йə) па паӆъа(йə) тыви(йə) ӆумаль (ə)	Земли [имеющий] Пелым, земли его
Мӯваha Пулум мӯвиель (ə).	Деревья [имеющий] Пелым, [они] выше [других] деревьев

Таким образом, нам удалось:

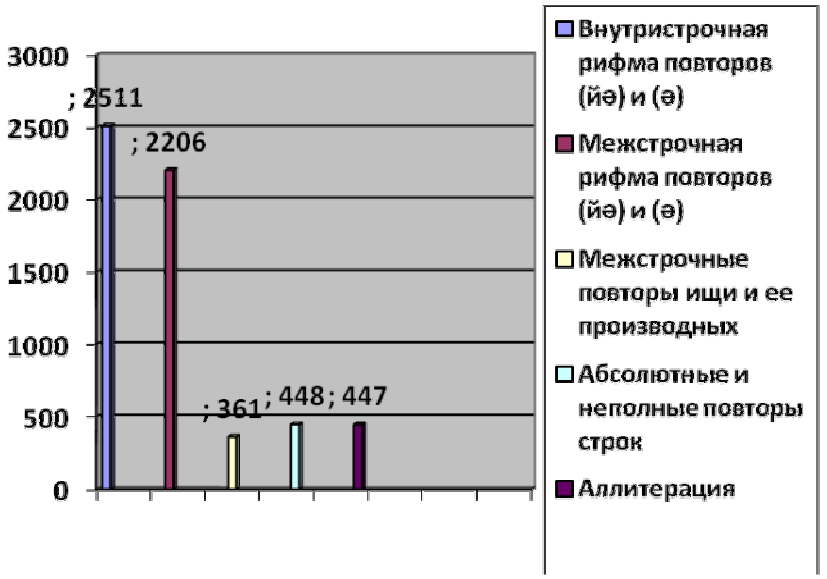
1. Выявить и описать основные выразительные средства фонологического уровня в текстах ППТ, которые вполне справедливо можно называть основными фоностилистическими средствами сегментного уровня.

2. Применить к анализируемому материалу существующие основные принципы, используемые в финно-угроведении при выявлении аллитерации и установить применимость термина «аллитерация» при исследовании начальных звуковых повторов ППТ, а именно под аллитерацией необходимо понимать созвучия согласных и гласных, а также их сочетаний, находящихся в абсолютном начале двух и более близкорасположенных словах или частей композит.

3. Выявить и определить природу рифмы в текстах ППТ. Она преимущественно фонетическая (повторы (*йə*) и (*ə*), а также грамматическая (повторы ищи и ее производных).

Заметим, что употребление терминов «аллитерация» и «рифма» в аналогичных значениях встречается также в трудах и других зарубежных ученых. Например, в своем исследовании звуков и их сочетаний, в зависимости от их местонахождения в слове, французский исследователь Д. Массон выделяет начальное созвучие (аллитерацию), внутреннее созвучие (ассонанс и консонанс) и конечное созвучие (рифма) (Masson 1953: 189).

Рис.

Литература

Глухова 1996 – Глухова Н.Н. Структура и стиль текстов марийских заговоров. – Йошкар-Ола, 1996. – 112 с.

Глухова 1998 – Глухова Н.Н. Информативность и поэтика марийских языческих молитв. – Йошкар-Ола, 1998. – 116 с.

Лаугастэ 1970 – Лаугастэ Э.Г. Начальная и внутренняя аллитерация в эстонских народных песнях: Автореф. ... дисс. док. филлол. наук. – Тарту, 1970. – 61 с.

Панов 1963 – Панов М.В. О стилях произношения в связи с общими проблемами стилистики // Развитие современного русского языка. – М.: АН СССР, 1963. – 172 с.

Семенова 2006 – Семенова М.Ю. Фонологические выразительные средства марийских языческих молитв и текстов карело-финских рун. – Ханты-Мансийск, 2006. – 174 с.

Kuusi 1953 – Kuusi M. Kalevalaisen runon alkusointuisuudesta // Virittäjä, 1953 (a). – 198–207 s.

Leino 1970 – Leino P. Strukturaalinen alkusointu suomessa. – Helsinki, 1970. – 322 s.

Masson 1953 – Masson D. I. Vowel and Consonant Patterns in Poetry // The Journal of Aesthetics and Art Criticism XII. – Warszawa, 1953. – P. 189–199.

Edit G. Bogár
Bratislava

ONOMATOPOEIA AND ETYMOLOGY

During the last years, while collecting, classifying and etymologizing bird denotations in Saami, I often faced onomatopoeia as well. As one of the most important features of a bird is its voice, it can also motivate their names. This type of naming is present in all languages, and it has been present from the very beginning of any language. Consequently, onomatopoeic, i.e. echoic, imitative words can and must be found in all etymological dictionaries. In this paper, I would like to show how Uralic etymological dictionaries (UEW and MSZFE, in addition partially SSA, TESZ and SKES) treat onomatopoeia and I'll try to indicate some other way we can approach it. First, I will speak about onomatopoeia in general, then about particular questions of etymologizing.

At first sight, it seems very easy to notice, verify and confirm onomatopoeia: we know the original sound, consequently, we can recognize the onomatopoeic origin of the given word. But the situation is made rather complicated by several factors and modifiers. Let us first see words that can be of onomatopoeic origin, then some phenomena, which would often impede and/or make it impossible to prove onomatopoeic origin.

There is usually no connection between the form and meaning of a word. Motivated forms, i.e. words in which speech sounds and meaning correlate, are called onomatopoeic ones. Among the types of inner origin, it belongs to word-creation, i.e. an onomatopoeic word is born as a brand new form, without precedency (while the process of word-building uses already existing elements: stems, suffixes, etc.). Sometimes, the result is a pseudo-derivative, as language users often put a suffix in the end of the new words, indicating the grammatical designation and/or aspect of the word with its help. Thus, e.g. Hungarian *csörög* 'clink (durative)' and *csörren* 'clink (momentane)' formally differ one from another in the suffixes, semantically they also differ, nevertheless the sound described is the same.

Languages use onomatopoeia for indicating

a) the sounds of nature, e.g. those of water, wind, rain, snow;

b) animals with characteristic sounds like birds, mammals, insects, domesticated animals (the latter especially in baby-talk),

c) plants (less frequently)

d) human activities like physical-physiological processes (e.g. eating and drinking, digestion, sleeping, chilliness, etc.), going, transporting, gadgeteering, handicraft, baby talk and mothercraft, range of emotions (e.g. crying, laughing, anger, etc.)

e) tools for elaborating wood, leather, bones, metals, food, etc.

f) sounds of animals (not only calling but also when they eat, go or fly, hunt, etc.)

g) moving (that of human beings, animals, plants, means of transport, water, etc.).

These and many other sounds are suitable and very obvious phenomena for onomatopoeia because these sounds can clearly be heard by people and imitated in speech, in addition, they are – at least in their primary existence – easy to identify and

understand. Later, when the phenomenon has become less known, or the form of the word has undergone a lot of changes, or the meaning has changed, it is more and more difficult to notice the onomatopoeic character of its origin. E.g. while in PU **war3* 'Corvus corone; crow' ~ Fi *varis*, Lp *vuoražas*, MordE *varaka*, M *vaŕćeŋ*, Ostyak *urŋi̯*, Vog. *urin*, Hu *varjú*, SamYur. *warŋäe*, Selk. *kuerè*, Koib. *bare*, Mot. *бepĕ* we can feel onomatopoeia even now, in PU **mura*^{3} *(mur3)* 'piece, crumb, morsel' ~ Fi *murakka*, *muru* 'morsel', ?Lp *moar'ra-* 'to break to pieces', *morri* 'crumb, little bit', Ostyak *morəj-* ' to crack, to break', Vog. *mor-* 'to break', Hu *mar-* 'to bite, ?dial. *mart* 'shore, bank' *morzsa* 'morsel' or PU **lapp3* 'plain, flat' ~ Fi *lappea*, *lappia* 'plain, wide', *lape* 'plain side', Lp *lahppad* 'past (at the side, not over or under), without hitting, a miss', MordE *lapuža* M *lapš* 'plain', Cher. *lap* 'low, small', Votyak *lap* 'low, puny', Zyrian *lap* 'plain, flat', Ostyak *lāpsək* 'flat', ?Vog. *lop* 'wide', Hu dial. *lap, lapos, lappad* 'plain, shallow', SamYur *lapcā* 'flat, smooth, plain' the onomatopoeic origin is not so clean-cut at the first sight.

Thus, the sounds of human activities and nature mentioned above would help us in verifying and hypothesizing onomatopoeia. But there are a lot of other facts that counterwork. Let us see the most important ones of them.

As we have already mentioned, the imitated sound is usually known. On the other hand, when we try to find an etymology for words in a foreign language, we must be very careful. We must pay a particular attention to the fact that there is a variation in the speech basis, e.g. articulation and perception of the speakers of different languages, consequently, one cannot be sure how another language reproduces the sounds of nature in speech. It depends, among others, on the phonetic-phonematic basis of the given language, the onomatopoetic words already existing in it, etc.

Second, as early as 1913, Zoltán Gombocz (MNy. 9: 387) already called attention to the fact that one of the main features of onomatopoeic words is that they are known in a relatively narrow area, and they are known in several variants. Therefore, it is usually not enough to find one word of a language but we should also collect a whole family of the given word with all its variants from all dialects. This method is made even more difficult by the fact that the final source of an onomatopoeic word is often an interjection and, as these items do not very frequently appear in dictionaries and even field workers do not focus on them, it can be rather complicated to find these stems.

Third, even a sound of nature or human being can vary depending on different situations, e.g. season, weather, intensity, duration, time, rhythm, locality of the given activity, and languages can choose any of these sounds to be imitated and used in speech as an onomatopoeic word. Sometimes even the same language has more than one onomatopoeic word for describing the same phenomenon, e.g. Hungarian *cseveg ~ locsog ~ csacsog ~ fecseg* 'chatter', or *csicsereg ~ csipog ~ csiripel* 'chirk, chirp (bird)'.

Fourth, it is a well-known fact that onomatopoeic words often disrespect the rules of grammar and etymology, they develop special and irregular forms, regularly contravene the phonetic and/or phonologic development etc. Consequently, an ancient onomatopoeic word can be very difficult to recognize later when it could have lost its old sound describing character as we have already seen in the cases of PU **mura*^{3} *(murл)* 'piece, crumb, morsel' and PU **lappл* 'plain, flat'. That is why many etymological dictionaries consider almost all onomatopoeic words as those of doubtful

origin, claiming that the word can be the result of an inner development as well. As we will see later, my opinion differs from this approach.

Fifth, as the imitated sound is the same, irrespective of the human factors, e.g. the different speech bases etc., there can really be coincidences in different languages – just remember the names for the cuckoo ‘Cuculus canorus’ or bittern ‘Botaurus stellaris’; but we can mention murmuring or chattering which are often expressed with very similar words in many languages without any linguistic connection between the forms. If and when such onomatopoeic words are found in genetically related languages, the question of common origin, of course, must be put – and seldom can immaculately be answered, without putting new questions.

Nevertheless, even in these cases there are some criteria that can help us.

First, if the phonetic form of the word underlies the rules of historical development of all languages in question, we can reasonably exclude the case of an accidental coincidence.

Second, even if the meaning of the word differs from language to language but it has or at least can have a reference to a common, ancient meaning, they can be originated from a common proto-language period.

Third, if the word shows regular sound changes, and can be found in several members of the language family, while other languages use other forms for it, the word, by all means, is a heritage from a proto-language stage.

Fourth, even when we observe more or less irregular development in the given word, it can be originated from a common form, as we often face a kind of irregularity in the form of onomatopoeic words.

On the other hand, there are some other criteria that make the picture of onomatopoeia more perplexed.

Onomatopoeic words, for instance, can be loaned from a foreign language as well. In this case, the source language can be either a member of the family group, or another one from outside of it. Borrowing of a word is probable in the case when a foreign language has a similar word form with the same meaning, and this form is strange in the target language. Thus, e.g. in the case of LpS *graage* < sv. *kråka* 'Corvus corone, crow', the Swedish word is an onomatopoeic one, while in Saami it must be considered as a loanword.

Onomatopoeic words can also be the starting points for word-building, i.e. they can serve as anterior or posterior parts of compounds, or roots for derivatives. Nevertheless, the latter sometimes betray us because, as we have seen in the case of Hungarian *csörög* and *csörren*, the root/stem **csör-* itself has never existed, it has only got these pseudo-derived forms. Consequently, they cannot be considered as derivatives but we must classify them as pure onomatopoeic words.

Of course, onomatopoeic words can be lent to a foreign language. In this case it is often rather difficult to certify which language has borrowed the word from which. When one tries to prove the direction of borrowing, it is mostly the more developed society – having more power and thus more influence – that lends new words to the less developed one(s). But, in the particular case of onomatopoeic words, the direction often turns back: if one of the societies lives closer to nature, and knows its sounds better and thus has more words for describing them, it is the more civilized one that borrows these words from the other language. To demonstrate the situation, I would like to show an example of cross-borrowing: LpKld. *alei^{g}ka* ’Clangula hyemalis, long-

tailed duck' comes from Russian *алейка* 'Clangula hyemalis', which is a Saami loanword in Russian from the onomatopoeic word *allokaj* 'Clangula hyemalis'.

Some other types of origin can also be connected with onomatopoeia. Just one example, again a Saami bird name: the anterior part of LpKld., T *puuÊ-puuÊ-låå'nte* 'Charadrius hiaticula, ringed plover' is formally *puudÊ* 'penis', but this meaning does not have any connection with the bird, in addition, the repeated form refers to an onomatopoeic origin, which can probably be confirmed by the cry of plovers as well. The sound imitating etymon had already receded and, as its form resembles the word *puudÊ* 'penis', native speakers identified the two forms. In this case, we face folk etymology, which is not always easy to verify but here the repeated anterior part makes it rather presumable.

To sum up, we can conclude that onomatopoeia is present in all types of etymology, during the whole development of a language. As we have seen, onomatopoeic words can be born as brand new lexical items but, at the same time, the roots and etymons of both loanwords and results of word-building (derivatives and compounds) can also be onomatopoeic ones, consequently, we should not exclude onomatopoeic words from the lexicon of proto-languages.

Abbreviations

Fi = Finnish
Hu = Hungarian
Kld. = Kildin Saami
Koib = Koibal
Lp = Lappish (Saami)
M = Moksha Mordvin
MordE = Erzya Mordvin
Mot = Mator
PFU = Proto-Finno-Ugric
PU = Proto-Uralic
S = South Saami
SamYur = Yurak Samoyedic
Selk = Selkup
T = Ter Saami
Vog = Vogul

References

Benkő Loránd 1954: Egy hangfestő igecsoport. MNy. 50: 254–258.
FUV = Collinder, B. 1955: Fenno-Ugric Vocabulary. Stockholm.
Gombocz Zoltán 1913: Hangutánzás és nyelvtörténet. MNy. 9: 385–391.
Hellqvist, E. 1948: Svensk etymologisk ordbok. Lund.
Horpácsi Illés 1973: Hangutánzó madárnevek. MNy. 69: 451–457.
Itkonen, Terho 1980: Kantasuomen ja kantalapin yhteydet sanaston valossa. CIFU–5. Pars III. Turku.
Janhunen, Juha 1981: Uralilaisen kantakielen sanastosta. JSFOu. 77/9.
Kiss Jenő 1977: Gondolatok az onomatopoézis kutatásáról néhány finnugor nyelvben. NyK 79: 3–22.
MSzFE = Lakó György (főszerk.) 1967–76: A magyar szókészlet finnugor elemei. Akadémiai Kiadó, Budapest.
Qvigstad, J. K. 1893: Nordische Lehnwörter im Lappischen. Christiania.

Ravila, P. 1952: Onomatopoeettisten ja deskriptiivisten sanojen asema äännesysteemissa. Vir. 56: 262–274.
Schuchardt Hugó 1883: Hangutánzás és nyelvtörténet. MNy. 12: 278–280.
SKES = Toivonen, Y. H. – Itkonen, E. – Joki, A. J. – Peltola, R. (szerk.) 1955–78: Suomen kielen etymologinen sanakirja. I–VI. Lexica Societatis fenno-Ugricae 12. Helsinki.
Skjöld, T. 1960: Einige germanische Lehnwörter im Lappischen und Finnischen. Uppsala universitets årsskrift. 1960: 2. Uppsala.
Skjöld, T. 1961: Die Kriterien der urnordischen Lehnwörter im Lappischen. Uppsala.
Szőke Péter 1962–63: A madárhangábrázolás egzakt módszere. Aquila. 109–119.
TESz. = Benkő Loránd (főszerk.) 1967–1976: A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára I–IV. Akadémiai Kiadó. Budapest.
Toivonen, Y. H. 1949: Wortgeschichtliche Streifzüge. FUF 30: 340–366.
Torp, A. 1919: Nynorsk etymologisk ordbok. Oslo.
UEW = Rédei, Károly et al. 1986–88: Uralisches etymologisches Wörterbuch. I–VII. Akadémiai Kiadó, Budapest.
Vasmer, M. 1986–87: Etimologičeskij slovar' russkogo jazyka. Moszkva.
Vértes E. 1965: Hangutánzás és szószármaztatás. Nyr. 89: 157–164.

Nikolaj Butylov
Saransk

THE PROBLEM OF THE FUNCTIONING OF MINORITAR OFFICIAL LANGUAGES IN RUSSIA (AS EXEMPLIFIED BY THE MORDOVIAN LANGUAGE)

Since 1985 in the political life of the former Soviet Union had begun to occur radical changes, which led to a change in the language of life. There is a growing national consciousness, interest in the fate of native languages, their functioning in different spheres is manifested. The Intelligentsia tends to the revival of native languages the most actively. It was the intelligentsia and the Republic of Mordovia has started pursuing the idea of giving the Moksha and the Erzya languages the status of national languages, the adoption of the Law „On State language in the Republic of Mordovia".

The process of legislative regulation of the national language of life is an attempt to conscious regulation of language activity in a multinational state. The legislative process in the Baltic republics began earlier than in other regions. Baltic States became a kind of region where the most radical and interesting idea of restructuring linguistic activity are appeared and tested. And from the former Soviet republics, Estonia, in January 1989, was the first to adopt the language law. The Estonian language became the official language. Later the official languages were Lithuanian and Latvian.

The Constitution of the Republic Mordovia gave Mordovia (Moksha and Erzya) a status as state languages on February 28, 1997, and on April 24, 1998 State Assembly of the Republic of Mordovia adopted the law on official languages in the Republic of Mordovia. Mordovia intelligentsia at the time believed that making public the status of languages to the Mordovian languages – one of the possible ways out of crisis language situation that legislative support for them – the solution to many linguistic problems. The Mordvian (Moksha and Erzya) languages became the official languages. It seems to be in the life of the republic happened an important event, seems to be filled with a dream of scientists, writers, teachers, journalists. The Mordvian languages, as well as the Russian language – public, equal languages. Is this situation true? Are Moksha, Erzya and Russian languages – equal, whether the Mordovian languages correspond to the functions they perform a national language?

What is the language of the state? This is the language in which state power communicates with the public. This is the language, which publishes laws and other legal acts, official written documents, records, works authorities, management and court paperwork and official correspondence. The official language – a language of signs and announcements, seals and stamps, marking products, road signs, names of streets, squares. The official language is not only studied, instruction in schools, universities and other educational institutions. The official language used on radio, television, with the publication of newspapers, magazines, etc. teach the official language. Do the above mentioned functions implement the Moksha and the Erzya languages? Of course not. We understand that in reality the same functionality and equal functional significance of the languages of all the peoples of Russia can not have. Neither the Mordovian or the Mari or the Komi languages can not serve the area of

communication, the army, the scope of external relations, however, proclaiming the state language, the government should guarantee the full care of its development and ensure the active use in political, cultural and scientific life.

Today in the republic of Mordovia the Moksha and the Erzya languages are generally not used in office, do not function in government, administration, court, they had no formal correspondence, do not publish socio-political literature. The Mordovian languages are hardly used in preschools, in institutions, where a contingent of „creators" of different types of the national culture (writers, poets, journalists, etc.) is formed. In schools and universities the Moksha and the Erzya languages are the subject of study, but are not the subject of training. Outside the republic 800 thousand Moksha and Erzya live, who practically do not learn their language, do not listen to the radio in their native language, do not read the newspaper in it. 2 newspapers, 2 magazines, literature are published in the Mordovian languages in the republic, but we can cite the following figures: in 1922 in the Mordovian languages were published 6 books, in 1930 – 92, in 1941 – 104, in 1949 – 124, in 1996 – 33, in 1998 – 0, in 1999 – 0, in the 20ies dozens of newspapers and magazines in each of the Mordvin languages are published.

There are 3–4 names in the republic of scientific literatures published in the Mordovian languages. Of course, the scientific literature in the Mordovian languages can not be used outside the republic, but pupils, students should learn their language textbooks published in the Mordovian languages. It is still not very easily used the Moksha and the Erzya languages at meetings, conferences, congresses. The Mordovian languages can be heard on the radio and television for 15 minutes per day. For the official languages of this amount of time is not enough. Nobody remembers the last time when he or she watched any play on the Moksha and the Erzya languages on Mordovia television.

The world practice knows another solution to language problems in multi-ethnic states. For example, in Germany (Saxony) lives 60000 Slavic ethnic group of the Sorbs. Their language is not official, but Saxon radio broadcasts from 5 pm to 8 am every morning, the Sorbian language, the Sorbian language publishes textbooks, books, newspapers, magazines, scientific literature. The Sorbian language is the subject of study and training, the Sorbian language is paperwork.

Russian can perform all those functions in the Republic of Mordovia. It turns out that the state languages Russian, Moksha and Erzya in the critical areas of society do not have equivalent functions. A paradoxical situation is created: the Mordovian languages have the status of the state, but in fact they are minority languages, they are not the subject of education, they are not used in office, there are no references to the rules of oral Moksha and Erzya speech, 800 thousand Mokshan and Erzya do not learn their languages.

What will be next? What are the prospects for further development of languages Mordovian people? The enactment of the language does not still solve the problem. Much work is needed to carry out that act. From Mordovian scientists it is required serious study of the linguistic situation in the country, among the diaspore. It is necessary to develop science-based recommendations on how to introduce this legislation into practice. We need clear guidelines: where and to what extent should operate the Mordovian as state languages, Russian as the language of the international communication. Only the functioning of the language in various spheres leads to the

development and improvement of its various parties. Certain hope in the further development of the Moksha and the Erzya languages we see in the creation of the program to implement the law „Official languages in the Republic of Mordovia". The program envisages the adoption of the bylaw „Mordovian languages and literature in the preschool institutions of the republic". „The Mordovian languages and literature in secondary and higher educational institutions of the republic". "The Mordovian languages in the media, on radio and television", the creation of spelling terminological and onomastic commissions.

It is recognized that the characteristic features of a full-fledged national language are: firstly, a certain level supradialectal processed forms, and secondly, it normalized in the third – a stylistic differentiation, and, finally, the fourth – polyfunctionality.

The question arises, can the modern Finno-Ugric languages of Russian literature posses data features? For a complete answer to this question is required to disclose the characteristics of each listed feature. If, however, because of the time allotted to answer briefly, we can say that the state of the first three features can give an affirmative answer. Naturally, these features are currently not quite perfect and they need to be further additions and development. As regards the fourth criterion – polyfunctionality, then this is where their Achilles heel, they still, unfortunately, did not become universal. That is, being in a kind of unilateral national-Russian bilingualism, functionality, without exception, all Finno-Ugric languages in Russia are limited almost to the household sector. But how can fully language be developed when it can be taught only up to grade 5? How can the language be developed, its terminology, when it the child at age 11 does not study or physics or botany, or chemistry and other subjects in his/her native language. How can the language be developed when no proceedings are held in the titular republics, not to mention their diasporas.

Language – is a complex organism, in which everything is interconnected, interrelated, mutually conditioned, so needless to say, if our literary language will not function and grow such an important feature, as polyfunctional. On what background, on what grounds will its first three features be developed and perfected?

In our view, in accordance with adopted Law „On State language" as well as in Tatarstan and Chuvashia, there is an urgent need to provide realistic ways to increase the communicative functions of our languages in the following areas of modern society: 1) daily life; 2) socio-political life; 3) formal communication cables; 4) teaching tool in preschool institutions, schools and tertiary institutions; 5) Science; 6) culture; 7) the media; 8) inter-ethnic communication; 9) international use. This means: 1) the transition from unilateral national-Russian bilingualism, in which not only the Finno-Ugric can speak, and in all situations and use their native Russian, a two-way bilingualism, when the Russian people can enjoy along with their Russian republic, respectively, one of the Finno-Ugric languages; 2) full use of native languages along with Russian in the upbringing and educational process, from pre-school to graduating from high school, in the business and intercultural communication, record keeping in all structures of government institutions, enterprises and agencies; 3) providing opportunities for the Finno-Ugric languages as media, publications them on the pedagogical, technical, natural scientific, philosophical and other literature.

In addition to the above terms and conditions of functioning and development the Mordovian languages there is a need to create the basis of the modern Moksha and the Erzya languages as a single literary norm.

The idea of a unified literary standard for the Mordovian languages in the Finno-Ugric is not today. Particularly active, it was discussed after the 8th International Congress of Finno-Ugric Studies held in Finland in Jyväskylä in 1995. To the issues of the Uralic languages on the Congress, a seminar was specifically devoted to where the opportunities were cinsiderd and how to create a unified literary language for those Finno-Ugric people, in which for historical reasons, were formed parallelly to the norm of two or more dialects.

Initiators of a single literary language at the seminar were Hungarian scientists Gábor Zaicz and László Keresztes and Italian researcher of the Mordovian languages Danilo Gheno. In their speeches, they are quite convincingly substantiated not only the causes and the need, but also the ways and means of creating on the basis of the modern Moksha and the Erzya languages of their common rules. With these arguments can be found, they are published in the book „Zur Frage der Uralischen Schriftsprachen – The questions of Uralic literary languages" in Budapest in 1995. Currently, this idea begins to be discussed in the Mordovia social environment. However, it is very ambiguous attitude. Some people expresses in pro, others – contra. The third – either pro or contra i.e., as always, took the expectant attitude with the calculation of which party prevails. In our view, the creation of the unified literary language is one of the best ways of resuscitating the two Mordovian languages from a quarter of their functional status. Almost every nation of the world, speaking many dialects of the native language, has created and creates over several years a unified literary language, because it is the highest level and the symbol of its unity, nationhood and knowledge of the world. To be a nation, the people, it must have a dominant peak of their culture that has name – a literary language. At one time, history has played a cruel joke on the Mordovian languages, creating a family of two languages on the basis of their native dialects of two literary standards. As a result of their minimum feature more than 60 years they have become almost obsolete: the Mordovian villages speak their dialects. In cities both Moksha and Erzya talk in Russian with each other. Creating a unified literary language will facilitate the transformation from one-sided Mordovia-Russian bilingualism to bilateral Mordovia-Russian and Russian-Mordovian. Only in these terms the prestige of the Mordovian single literary language at the proper level will rise. Then there will not be Russian-speaking people guessing on coffee grounds, which of the Mordovian languages to learn – Moksha or Erzya. However, opponents of the idea of a unified literary language are seeking „unique" in the current two literary standards, recalling that the establishment of a unified literary norm, Mordovians lose both of their language, in the result they will disappear. Such panic judgments arise because we Mordovians, since the second half of the 30ies after Professor A. P. Ryabov and F.I. Peterburgskiy are not fundamentally working to improve already created a literary language, and simply hold on to them, as if something happens. But there are basic arguments, which easily refute alarmist judgments. When the two literary standards, as you know, it still exists a unique dialect and preserved shoksha citizens in shoksha several villages. Linguists know, no one literary language of the world did not destroy any of its dialect or dialects. There are no complications concerning the lexical rules of the general Mordovian language. This problem can be solved by expanding synonymous series of native words such as E. паро, вадря; M. цеберъ, dial. пара 'good', E. важодемс, M. покадемс, instead of Russian 'work', etc. Some of the phenomena were brought to the absurd, somehow synonymous number

could be expanded through borrowing, but not at the expense of the native language of closely related languages.

It seems that the commission and staff, which will be under the control of the general public will create a single standard of a literary language, they must think not at the level of that esteemed aunt. So there are reasons based on two literary languages and dialects to create a single general-Mordovian literary norm.

First of all, the first necessity in this regard, in our opinion, is the teaching of Erzya children – the Moksha language, Moksha children – Erzya. Erzya and Moksha must know in their childhood that in our languages there are 85% of the common and a maximum 15% of the differences and directly what they are. The process of consciousness of a unified literary standard and a system of mastering generality of these languages and delineation of their differences should be carried out concurrently and systematically.

The second, perhaps primarily condition for the creation of a unified literary language can be improvement of modern literary languages and the expansion of their functions in all spheres of modern society.

Nikolaj Butylov
Saransk

TO THE QUESTION OF LINGUISTIC MEANS OF THE CATEGORY OF DEFINITENESS / INDEFINITENESS IN THE MORDOVIAN, RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES

The category of definiteness / indefiniteness is the category where is expressed the attitude of the object to the reality. Definiteness means that the matter is about the definite subject, indefiniteness is the unknown subject or any other which are similar to it. To our way of thinking, definiteness / indefiniteness reflects responsiveness to speakers of informativeness of the listener about a subject which is called the noun, it follows that the semantic category of definiteness / indefiniteness is the result of the assessment to speakers of the communicative situation. It was said about definiteness / indefiniteness for the first time when scientists researched article languages (the German, English, French and other European languages), they are languages where this category is expressed morphologically, with the help of the special articles: definite and indefinite. But contemporary researches believe the problem of the functioning of the category of definiteness / indefiniteness can not concern to the problem of the choice of the definite or indefinite article. We suppose that the article is one of the means expressing some wider category … If we consider only articles, we will be able to research only a part of this problem. It was noticed that the category of definiteness / indefiniteness is peculiar to other languages. We think that existence of mechanism for expression of definiteness with morphological means is not necessary.

From our point of view, a comparative description of the category of definiteness / indefiniteness in these different languages like German, Russian and Mordovian is very important because it demonstrates universality of the given phenomenon.

The linguistic means of the category of the definiteness / indefiniteness in the German language

In the German language like in many European languages exists a special means of expression of the described category – the article. The definite article (der, die, das, die) points out that the matter is about the definite subject or it was mentioned early about it in the context. The indefinite article points out that the subject is unknown, it mentions for the first time:

Der *Wagen ist neu. Машина новая (данная конкретная машина).*

Er will ***einen*** *Wagen kaufen. Он хочет купить машину (какую-то машину).*

The main indicator of the given category is the article. In the article languages the ternary system is very popular definite article – indefinite article – zero article. As a result of it, while the development of particular theories of definiteness on the linguistic material much attention is put to the article and also establishment of the type of connection existing between the category of definiteness / indefiniteness and the system of the articles of the given language and that role which the categories play in the functioning of the definite linguistic system in the whole.

Approving communicative view to definiteness / indefiniteness and, of course, the role of the articles as formal indicators of meanings, we formulate the following statement: the definite article – a signal for an addressee, it is explained that one or several definite objects which an addressee must identify; the indefinite article – a signal for an addressee, it is explained that one or several free or definite objects which an addressee can nor identify.

The linguistic means of the category of the definiteness / indefiniteness in the Russian language

Till the recent time there was a point of view that the Russian language did not have the category of definiteness / indefiniteness because it does not have the article.

We believe that the category of definiteness / indefiniteness exists in the Russian language but because it does not have specialized means of expression of the given category which have articles, the function of the exponent of definiteness / indefiniteness is taken by units, for those this function is secondary and has the main function. The means of the expression of the meaning of definiteness / indefiniteness are word combinations with demonstrative and indefinite pronouns, indefinite adverbs, particles, cardinal and ordinal numerals; possessive pronouns; nouns with the lexico – semantic core definiteness and indefiniteness; intonation, phrasal stress, word order, actual division of sentence; context; indefinite – personal and impersonal sentence. Let's compare 2 examples where the category of definiteness is expressed by the word order for 'boy':

Дверь открылась, и в комнату вошел мальчик (какой-то ***неопределенный*** *мальчик).*

*Дверь открылась, и мальчик вошел в комнату (****определенный*** *мальчик)*

At that time was formed the definite system non – verbal (for example, mimicry, gesture) means of the expression the meaning definiteness / indefiniteness

The linguistic means of the category of the definiteness / indefiniteness in the Mordovian languages.

In the Mordovian languages the described category is expressed morphologically but in different way than in German. The function of the expression of definiteness fulfils a special demonstrative declension – a specific trait of the Mordovian languages. The forms of the name with demonstrative suffixes are used for transmission of definiteness assimilating to postpositive articles. Indefiniteness is expressed by the main type of declension:

Куд/кудо – дом (любой)

Кудсь/кудось – дом (тот или этот), кудотне – дома (те или эти).

We suppose that the considered category, in spite of the means its expression, exists in all languages. Its absence would be in the incapacity to determine connections between each of perceived utterances and existing in their awareness the reflection of the reality, that is incapacity of people to understand a sense of these utterances, according to it, the meaning of definiteness / indefiniteness exists in all languages. In the article German language the category of definiteness / indefiniteness is grammatical. In the Russian language it is not expressed clearly like in German but becomes understandable only in the context of the sentence or with the help of the

demonstrative pronouns. In the Mordovian language the given category is presented as an opposition of the main and demonstrative type of declension.

The research of the given problem demonstrates universality of the analyzable category, compares the means of the expression of definiteness / indefiniteness in different languages and establishes typological resemblance and difference of the given languages.

Дмитрий Цыганкин
Саранск

ФОНЕТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЭТИМОЛОГИЧЕСКИ ОБЩИХ ОДНОСЛОЖНЫХ СЛОВ И ИХ СЕМАНТИКА В МОРДОВСКИХ И ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Финно-угорское языкознание развивалось и развивается по знаком идеи Э. Итконена о том, что в финно-угорском языке основе слова были двусложными, оканчивались на один из трех гласных **a, *ä, *e*. Ключевым языком в реконструкции типов слов для Э. Итконена послужил финский язык, его исконная лексика.

Сам факт существования в языке-основе слов, оканчивающихся на такие гласные, можно считать бесспорным. Спорным, однако, остается до сих пор – все ли именные основы оканчивались на гласные? В научной литературе достаточно много противоречивых мнений по этому поводу.

Данная статья основана на сравнительном анализе лексический соответствий этимологически общих односложных именных основ в мордовских и хантыйском языках (хантыйские параллели приведены из восточного диалекта по словарю М.Н. Терешкина (1981)), который среди других диалектов сохранил больше архаики, чем северный и южный диалекты хантыйского языка.

Как известно, одним из важнейших принципов сравнительно исторического языкознания состоит в следующем: каждое сходство или различие двух родственных языков должно быть понято через развитие какого-либо элемента одного для таких языков праязыкового факта. В нашем случае эти праформы этимологически общих односложных слов, которые находят соответствия в сравниваемых языках.

Словарные фонды мордовских и хантыйского языков обнаруживают немало общих именных слов, многие из них по своей фонетической структуре и семантике близки. В зависимости от фонетической структуры все односложные слова мы распределяем на следующие группы:

1) с конечным гласным (структура СГ) в мордовских языках, с конечным согласным (структура СГС) – в хантыйском.

Ср.: *ki* «моль» – х. *kej* «моль» (Терешкин, 1981: 107)
ve «ночь» – х. *jəj* «ночь» (91)

2) с конечным согласным (структура ГС) в мордовских языках, с начальным и конечным согласным (структура СГС) – в хантыйском:

Ср. *oš* «город» – х. *wöš ~ wăč* «город» (506)
oj «масло» – х. *wöj ~ wŏj* «жир, сало (нутряное) » (526)
ov «зять» – х. *woŋ* «зять» (527)
ęj,ęŋ «лед» – х. *jöŋk* «лед» (85)

3) с конечным начальным гласным (структура ГСГ) в мордовских языках, двухфонемный с начальным гласным и конечным согласным – в хантыйском:

Ср.: *učа* «овца» – х. *ač ~ ŏs* «овца» (11)

4) трехфонемные (структура СГС) в мордовских и хантыйском языках. Данная группа объединяет более сорока соответствий:

Ср.: *l'em* «имя» – х. *nem* «имя, название, кличка (животных)» (284)

čov «болванка» – х. *čow* «обрубок, кусок» (44)

jon «хороший» – х. *jəm* «хороший добрый» (91)

kal «рыба» – х . *ķul ~ ķut* «рыба» (275)

ked', käd' «рука» – х. *köt ~ kat* «рука» (120)

kel' «язык» – х. *köl* «слово, речь, язык» (118)

ker', ker «кора» – х. *kär ~ kar* «кора, корка» (102)

kev «камень» – х. *köγ ~ kaw* «камень» (116)

koz «кашель» – х. *ķol ~ ķot* «кашель» (167)

kuz «ель» – х. *ķol ~ ķət* «ель» (167)

mar «куча, гряда» – х. *măr* «куча, гряда» (249)

mej «кривизна» – х. *məγ* «изгиб» (216)

n'er' «мыс» – х. *n'ir* «мыс» (310)

nal «стрела» – х. *n'al ~ n'ət* «стрела, дробь, пуля» (297)

nar «лук» – х. *n'ar* «сырой, мокрый, промокший» (305)

paj (*čjpaj*) – х. *päj* «грозовая туча, молния» (107)

pal «кусок» – х. *pul* «кусок, глоток» (382)

poj «осина» – х. *poj ~ paj* «осина» (337)

san «сухожилье» – х. *lan ~ ton* «жила, сухожилье» (195)

sęl' «сажень» – х. *löl* «сажень»

sęr' «высокий» – х. *sär* «передний, передовой» (415)

sįj «гной» – х. *təj* «гной» (217)

suv «туман» – х. *soj* «иней» (132)

ver', ver «кровь» – х. *wər* «кровь» (167)

vij «сила» – х. *wöγ ~ waw* «сила» (285)

vir' «лес» – х. *vor* «роща» (528)

5) трехфонемные (структура СГС), осложненные интегрированными словообразовательными суффиксами или являющиеся не автономными инфинитивными основами в мордовских языках, трехфонемные (структура СГС), неосложненные – в хантыйском языке:

Ср.: *čeŋks* (< *čeŋ-* + *-ks*) «опалина» – х. *čəŋk ~ šəŋk* «жар, жара, жарко» (47)

čevt'e (< *cev-* + *-t'e*) «мягкий» – х. *čew* «древесная труха» (41)

irdes (< *ird-* + *e* + *-s*) «ребро – х. *jir* «край, кромка, бок, ребро» (75)

jonks «тетива» – х. *jun* «шнур, протягиваемый от настороженного лука со стрелой» (89)

jorok (< *jor-* + *o* + *-k*) «бойкий, надменный» – х. *jŏr* «гордость, высокомерие, спесь, надменность» (63)

jutko (< *jut-* + *-ko*) «время» – х. *jət* «время, промежуток времени» (95)

kas'ka (< *kas'-* + *-ka*) «подпечье, подполье» – х. *kas* «пространство зачем-либо, позади чего-либо» (146)

kol'gems (< *kol'-* + *-g* + *e* + *-ms*) «капать» – х. *ķol* «щель, расщелина, промежуток (например между пальцами)» (169)

kunst (< *kun-* + *-st*) «навзничь» – х. *kŏn* «живот, брюхо» (181)

kuvaka (< *kuva-* + *-ka*) «длинный, долгий» – х. *kow ~ kŏw* «долгий, длинный» (165)

lijems (< *lij-* + *e* + *-ms*) «сновать (подготовить пряжу основы для тканья)» – х. *lök* «круг, кольцо, моток» (236)

n'ilems (< *n'il-* + *e* + *-ms*) «глотать» – х. *n'el* ~ *n'ăt* «жадность, прожорливость» (308)

nil'ks (< *n'il'-* + *-ks*) «черенок» – х. *nŏl* ~ *nəl* «черень, рукоятка»

nolgo, nolga «сопля» – х. *nŏl* «нос человека, животного» (317)

norgoms (< *nor-* + *-g* + *o* + *-ms*) «ударить со зла» – х. *nur* «зло» (294)

nupon' (< *nup-*+ *o* + *-n'*) «мох» – х. *n'op* «топь, трясина, грязь» (314)

pel'ems (< *pel'-* + *e* + *-ms*) «бояться» – х. *pəl* «страх, боязнь» (388)

s'er'ka «голень» – х. *sor* «голень» (433)

sivems (< *siv-* + *e* + *-ms*) «сломаться» – х. *sįγ* ~ *seγ* «сверток, рулон, тюк» (430)

taštams (< *taš-* + *-t* + *a* + *-ms*) «накопить» – х. *tas* «богатство, имущество, добро, собственность» (455)

ver'ged'ems (< *ver'-* + *-g* + *e* + *-d'* + *e* + *-ms*) «зажечь, высечь» – х. *wer* «дело, работа, занятие» (521)

pin'en' (čečej) < *pin'-* + *en'* «ячмень (на глазу)» – х. *pįn* «бородавка; родимое пятно» (425)

purdams (< *pur-* + *-d* + *a* + *-ms*) «закрутить; свить» – х. *pŏr* «бурав» (377)

l'et'ems (< *l'et'-* + *e* + *ms-*) «приходится» – х. *lät* «время, пора, срок» (198)

men'd'ems (< *men'-* + *d* + *e* + *ms-*) «согнуть, перегнуть» – х. *min* «кривизна, сгиб» (256)

kačamo (< *kač-* + *a* + *-mo*) «дым» – х. *kŭč* «пригар; подпалина» (126)

penč (< *pen-* + *-č*) «ложка» – х. *pən'* «ложка» (391)

nur'ams (< *nur'-* + *a* + *-ms*) «качаться» – х. *nür* «жердь» (294)

pšt'i (< *pš-* + *-ti*) «острый» – х . *pəs* «шило» (393)

6) четырехфонемные (структура СГСГ) в мордовских языках, трехфонемные (структура СГС) – в хантыйском языке:

Ср.: *kudo* «дом» – х. *ķat* ~ *ķot* «дом, изба, любое строения для жилья» (146)

pil'e «ухо» – х. *pəl* «ухо, слух» (388)

pona «шерсть; волос» – х. *pun* «волос, шерсть, перо» (383)

s'ulo, s'ula «кишка» – х. *sol* ~ *sŏt* «кишка» (433)

c'oko, c'oka «кисть, бахрома» – х. *söγ* «пучек, пук» (435)

undo, unda «дупло» – х. *ont* «нутро, нутренность» (327)

pizę, piza «гнездо» – х. *pas* ~ *pos* «оса» (340)

pije «мальчик, парень» – х. *păγ* «сын, мальчик» (348)

pola «муж или жена» – х. *pįl* «пара» (352)

s'uro «зерно (урожай)» – х. *sŏr* «сладкий напиток» (438)

zeme «первач (продукт лучшего качества)» – х. *sem* «зерно, зернышко, семя, ядрышко» (426)

s'ado, s'ada «сто» – х. *sat* ~*sot* «сто» (414)

mona «яичко (мужское)» – х. *mon* «мужской половой орган» (261)

koto, kotə «шесть» – х. *ķut* ~ *ķůt* «шесть» (192)

В данной группе соответствий конечные гласные, по-видимому, являются инновационными, они приобретены в период прибалтийско-финско-волжского единства под влиянием гласных первого слога слова, в хантыйском языке – конечные согласные остались без осложнения конечными гласными.

7) и в мордовских и в хантыйском языках – четырехфонемные основы (структура СГСС):

Ср.: *kumboldoms* (< *kumb-* + *o* + *-ld* + *o* + *-ms*) «переливаться» – х. *ķump* ~ *ķŏmp* «волна, вал (на воде)» (189). В данной группе слов мокшанско-эрзянская основа *kumb-* интегрирована с суффиксом *-ld* , в хантыйском – основа *ķumb-* автономна.

čeŋgems (< *čyŋn-* + *e* + *ms-*) «политься, подпалиться, выгореть» – х. *čyŋn* ~ *šəŋg* «жар, жарко» (47)

končtams (< *konč-* + *-t* + *a* + *ms-*) «моргнуть» – х. *ķunč: sem ķunč* «веко» (189)

В приведенных выше соответствиях обнаруживаются следующие фонетические соответствия:

1) в системе гласных:[1]

мордовские языки (мокшанский и эрзянский)	хантыйский язык (северо-восточный диалект)
<a>	<a>,<ä>, <ă>, <u>, <o>
<o>	<o>, <ö>, <u>, <ů>, <į>, <ŏ>, <a>, <ə>
<u>	<o>, <ŏ>, <a>, <ə>, <a>, <į>
<e>	<e>, <o>, <ə>, <ä>, <ŏ>, <i>, <ö>
<i>	<i>, <e>, <ə>, <ă>, <ă>, <ö>

2) в системе согласных:[2]

мордовские языки (мокшанский и эрзянский)	хантыйский язык (северо-восточный диалект)
<k>	<k>, <ķ>, <γ>
<p>	<p>
<t>, <t’>	<t>
<s>, <s’>	<s>
<š>	<s>, <š>, <č>
<m>	<m>
<n>, <n’>	<n>
<l>, <l’>	<l>, <t>
<r>, <r’>	<r>
<ŋ>	<ŋk>, <ŋg>
<c>	<s>
<č>	<č>, <š>
<j>	<j>, <γ>, <k>
<v>	<w>, <γ>, <j>

[1]Принятые в транскрипции знаки имеют следующие фонетические значения (по словарю Н.И. Терешкина (1981) – в системе гласных: ä – переднерядный гласный <а>, ö – переднерядный, огубленный гласный <о>; ü – переднерядный, огубленный гласный <у>; į – заднерядный, неогубленный гласный <ы>; ă – заднерядный, неогубленный краткий гласный <а>; ə – переднерядный, неогубленный редуцированный гласный, акустически напоминающий звук, промежуточный между гласными <э> и <и>.

[2]В согласных: ķ – глухой увулярный <к>; γ – звонкий заднеязычно-увулярный щелевой согласный, сильно подвергнутый ослаблению, может озвончаться до степени сонорного согласного; ŋ – заднеязычный, смычный носовой <н>; w – звонкий губно-щелевой <v>.

Приведенные выше многочисленные соответствия с конечными согласными уникальны и не случайны. Если учесть то обстоятельство, что примерно 2500 – 3000 лет до н.э. (а может быть и раньше)[3] от общего финно-угорского языкового единства отделилась восточная ветвь, послужившая впоследствии базой для образования отдельных этносов, говоривших на угорских языках – венгерском, хантыйском и мансийском (Волжская ветвь, от которой впоследствии образовались мордовские и марийские этносы, отделилась от оставшихся после ухода восточной ветви финно-угров значительно позже – задолго до нашей эры), то можно с известной долей вероятности предположить, что на предступени образования языков восточной ветви финно-угорской семьи – хантыйские односложные слова с конечными согласными сохранили ту фонетическую структуру, которую имел финно-угорский язык основа.

[3]Лыткин В.И. Историческая грамматика коми языка. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1957. – С. 14.

Марта Чепреги
Будапешт

ВОСТОЧНО-ХАНТЫЙСКИЕ ТЕКСТЫ С КОНЦА XIX ВЕКА

В 1883 году в Хельсинки девятнадцать профессоров создали Финно-угорское общество для систематического сбора данных о языках и этнографии родственных по языку народов. Задачи Общества приветствовались также и ведущими деятелями экономической и политической жизни Финляндии, которые своими щедрыми пожертвованиями создали материальную базу для деятельности Общества. Начиная со следующего года и до начала Первой мировой войны (1884–1914 гг.), за 30 лет 30 молодых исследователей провели несколько месяцев и даже несколько лет в научных экспедициях среди финно-угорских народов России, собрав огромное количество полевого материала по языкознанию и этнографии. С тех пор над выпуском этих рукописных материалов (словарей, записей по грамматике, собраний текстов, путевых заметок) беспрерывно работают поколения исследователей.

1. В 1898 году Финно-угорское общество приняло решение отправить на территорию хантыйского языка 21-летнего Кустаа Фредрика Карьялайнена (Kustaa Fredrik Karjalainen, 1871–1919). К тому времени он уже окончил университет в Хельсинки и получил степень магистра наук финской лингвистики и финно-угроведения. Он также приобрел опыт полевых исследований по сбору языковых материалов и фольклора среди различных карельских групп. На территории Оби в период между 1898–1902 гг. он пребывал более четырех лет, за всё это время он всего один раз съездил домой на несколько месяцев. Он обошел почти все поселения хантов, расположенные вдоль реки Оби и её притоков. Карьялайнен начал свою экспедицию на притоках Иртыша, объехал реки Демьянка и Конда. Оттуда он направился в Сургут, но в скором времени продолжил свой путь по направлению к реке Вах. После недолгого пребывания в Финляндии он вернулся в Нарымский край на реку Васюган, затем отправился через Сургут вдоль Оби на север, в Берёзово и в Обдорск. Когда летом 1902 года Карьялайнен вернулся домой, то кроме письменных лингвистических материалов он привез с собой фотографии и звуковые записи, сделанные на фонографе. Кроме этого у него было множество записей по этнографии и народным верованиям, а также он подготовил большое количество записей о численности хантов и их демографической ситуации.

По возвращении домой, наряду с небольшими работами, он издал три важных монографии по языкознанию (по исторической фонологии, 1905), по этнолингвистике (1914) и мифологии (1918), но из-за его ранней кончины не удалось опубликовать все собранные им материалы. В 1948 году финский ученый Юрьё Тойвонен (Yrjö Toivonen, 1890–1956) издал его двухтомный диалектный словарь, а его грамматические записи (1964) и южно-хантыйские тексты (1975) выпустила венгерская исследовательница Эдит Вертеш (Vértes Edit, 1919–2002). После смерти Эдит Вертеш копии записей восточно-хантыйских текстов Карьялайнена достались мне, и я начала заниматься их

расшифровкой. Ниже я представлю материал сначала с содержательно-жанровой точки зрения, а затем более подробно рассмотрю несколько аспектов, указывающих на значение материала с точки зрения истории языка.

2. Первой территорией, где Карьялайнен записал восточно-хантыйские тексты, была река Тромьеган. В этом собрании объемом 68 страниц представлены три песни медвежьих игрищ, из которых две песни пробуждения медведя, и одна, прозвучавшая первой на медвежьих игрищах, – «Первая песня из ста песен медвежьих игрищ». Речь в ней идёт о том, как Кан-ики, который является сыном бога Торума, т.е. Князь-старец, обучает хантов охотиться и торговаться с русскими. Этот бог – тот же самый, которого на северных обско-угорских территориях зовут «за миром наблюдающим человеком». Особенно интересно, что партнёром Кан-ики в торговле был русский купец Керишка-пах Роменька, т.е. сын Гришки Роменька, иначе Роман Григорьевич. В 1990-х годах мне посчастливилось слышать несколько таких песен среди сургутских хантов на берегах рек Тромаган и Большой Юган, в которых также Керишка-пах Роменька был лучшим другом Кан-ики. Следовательно, этот когда-то живший в этих краях русский купец, предположительно историческая личность, попал в мифологию восточных хантов и по сей день занимает в ней важное место.

На Тромьегане Карьялайнен записал также более длинную героическую песню, которая примечательна тем, что мы знаем много западных хантыйских героических песен, а на восточной хантыйской территории это одна единственная песня, которая известна нам. Кроме этого тромьеганский материал содержит ещё несколько коротких клятв и молитв, а также 25 загадок. К последним прилагается перевод на финский язык. Остальные тексты остались без перевода, на полях записей можно найти несколько пояснений.

В Ликрисово, которое находится на границе сургутской и вах-васюганской диалектной территории, Карьялайнен записал пять коротких песен медвежьих игрищ объёмом в семь страниц.

Васюганское собрание – самое обширное, объёмом 89 страниц. В нем есть сновидящая сказка, в которой герой рассказывает о своём жизненном пути, есть также одна песня, рождённая под действием мухомора. По мнению Карьялайнена, «мухоморные песни» – это отдельный жанр, но из них нам известна только эта одна. Кроме этого собрание содержит три любовных песни, одну колыбельную, одну личную песню и две песни медвежьих игрищ.

К сожалению, нам очень мало известно об информантах. Исследователи конца XIX-ого, начала XX столетия особо не распространялись об обстоятельствах сбора полевого материала и об информантах. В конце некоторых тромьеганских текстов можно прочесть имя Ал. Кечемеп; он, по всей видимости, является родственником по восходящей линии современных хантов по фамилии Кечемов/Кечимов. У информанта из Ликрисово Карьялайнен указал только возраст (69 лет). Благодаря скопированным Карьялайненом и находящимся в архиве Финно-угорского общества церковным свидетельствам о рождении, можно было установить его имя: Алексей Ни[ки]форовъ Черкасовъ. В васюганских записях фигурирует только одно имя, стоящее под песнями: Исидоръ Васильевъ Юрломгинъ юрты Юрломгины. Это интересно тем, что юрты Юрломкины (раньше Юрломгины) находятся на Югане, а не на Васюгане. Разве Исидор Васильев переселился на Васюган? Не знаем.

Большое значение имеют все три сборника текстов. На самом восточном хантыйском диалекте, на васюганском, в XX столетии опубликовали относительно небольшое число текстов (Калинина 1970, 1976, Honti 1982, 1984, Steinitz 1989: 559–573, Калинина–Фильченко 2009). В настоящее время в Томском университете проходит исследование васюганского диалекта (Filchenko 2010), но поскольку в наши дни количество носителей языка составляет 20 человек (Filchenko 2008), то особо можно не надеяться на значительное пополнение материалов. Это и придает текстам ценность. На ликрисовском говоре сегодня предположительно уже никто не говорит, поэтому записи Карьялайнена – это единственный памятник этого говора. Сургутский диалект (говор которого тромьеганский), начиная с конца XX столетия, достаточно хорошо документирован, поэтому собранные Карьялайненом тексты могут прояснить многие вопросы по истории языка. Каждый текст может быть важным и с точки зрения исследования фольклора.

Рукописи Карьялайнена упорядочены и хорошо читаются. Та версия, которая находится в архиве Финно-угорского общества, пожалуй, не первая запись, а его чистовой вариант. Карьялайнен безусловно готовил свои тексты к изданию и непрерывно ими занимался. Например, в своей большой монографии по мифологии «Религия югорских народов» (*Jugralaisten uskonto*) он дословно приводит финский перевод молитвенных текстов и клятв.

В готовящемся издании я хотела бы отойти от той практики, которой придерживались предыдущие издатели наследия Карьялайнена Юрьё Тойвонен и Эдит Вертеш. Они точно передали транскрипцию Карьялайнена, скопировали его каждые буквы и диакритические знаки. Помимо этого Эдит Вертеш в добавленных пояснениях к текстам также упоминала и то, когда Карьялайнен исправлял одну букву на другую. В целях более удобного использования издания я хотела бы переписать тексты Карьялайнена в соответствии принятой на настоящий момент фонематической транскрипцией, сохранив при этом несколько характерных для Карьялайнена способов обозначения звуков. Однако современная технология позволяет читателю познакомиться и с оригиналом. По планам Финно-угорского общества копии рукописи Карьялайнена будут доступны на сайте общества. Таким образом, если кого-то интересуют тонкости записей, то на сайте он сможет удовлетворить своё любопытство.

По-видимому, у Карьялайнена не было возможности переписать начисто васюганские тексты, поскольку они читаются труднее, в них много перечеркнуто и исправлено. В настоящее время тромьеганские и ликрисовские тексты я уже переписала, большинство из них расшифровала, перевела на венгерский. Расшифровка васюганских текстов будет сложнее, это следующая моя задача.

3. Далее я хотела бы рассмотреть несколько лингвистических вопросов, связанных с вышеупомянутыми текстами.

3.1 Собранный Карьялайненом материал в Ликрисово, с которым уже ранее были знакомы исследователи работ Карьялайнена, особенно стал важным в изучении финно-угорской исторической фонетики. Причина в том, что информант Карьялайнена там, где сургутские ханты обычно произносят фрикативный звук *ʌ*, он произносил звук θ. Точно также палатальная пара *(ʌ́)* фрикативного *ʌ* слышалась как *θ’* или *ź*. Этот факт уже заставил задуматься и

Карьялайнена, он видел в нём архаичное произношение. После Карьялайнена многие исследователи по исторической фонетике рассматривали данное явление как сохранившийся архаизм. Ведь этим звуком очень хорошо можно объяснить отклоняющееся развитие прафинно-угорских звуков **s* и **l* в некоторых хантыйских диалектах. Чтобы понять значимость этого, сделаем краткий обзор исторической фонетики.

Звуки прафинно-угорского языка **s* и **l* в современных диалектах хантыйского языка (кроме васюганского) совпадают со звуками *l, ʌ* или *t*. Более подробно:

(1) PFU *s > V, Sur, Obd. *l*, Vj, *j/ ∅*, Kaz, Szurg, *ʌ* oD, Ser, Szal *t*
(2) PFU *l > V, Vj, Sur, Obd. *l*, Kaz, Szurg, *ʌ* oD, Ser, Szal *t*

Если мы перенесем это явление на карту, то увидим, что по краям языковой территории (Вах, Обдорск, Березово) произносят звук, схожий с произношением венгерского *l*, отсюда немного западнее и южнее (Сургут, Казым) фрикативный *ʌ*, а в центре (центр означает территорию сливания Оби и Иртыша) и, следовательно, в южных диалектах и в округе Салым и Шеркалы произносят звук *t*. В сургутской диалектной группе отличается ликрисовский говор, поскольку только там Карьялайнен записал звук *θ*. Рассмотрим также две известные этимологии:

(3) V *lŏ̮l* Vj VK *jŏ̮l* Likr. *θŏ̮θ, θəθ* Mj. Trj. J > *Ò*> Irt. (DN KoP Kr Ts) *tət* Ni. Š *tăt* Kaz. *ʌăʌ* Sy. *lăl* O *lăl* венг. *öl* ’Klafter, Faden’, рус. колени (DEWOS 753)

(4) V Vj *lil* Likr. *θiθ,* Vart. Mj. Trj. J *ʌiʌ* Irt. (DN KoP Kr Ts) *tit* Ni. Š *tĭt* Kaz. *ʌĭʌ* Sy. *lĭl* O *lil* венг. *lélek* рус. душа (DEWOS 749)

Однако более поздние исследования, особенно история обско-угорского консонантизма Ласло Хонти, ясно доказала, что ликрисовский звук *θ* был не сохраненный архаизм, а дефект произношения информанта (1999: 101). И если это так, то его обозначение не следует далее переносить из издания в издание. Поэтому я, поскольку хочу переиздать тексты Карьялайнена с помощью фонематической транскрипции, в ликрисовских текстах вместо *θ* написала бы привычный в сургутском диалекте хантыйского языка звук *ʌ*.

3.2 В оставшейся части моего доклада я рассмотрю такие морфо-синтаксические вопросы, которые объясняют изменение языка. Первый связан с номинализацией причастия настоящего времени.

В восточных диалектах хантыйского языка действительное причастие настоящего времени без суффиксов встречается лишь в роли определения, то есть, будучи второстепенным членом предложения, оно занимает начальную позицию в определительных конструкциях, например:

(5)	*arəγ*	*tutə*	*ko* ’песню приносящий человек’
	песня	приносить -PPRS	человек

Переход причастия, имеющие притяжательный суффикс, в категорию существительного хотя и редко, но всё же встречается, например:

(6) *sočča*ʌ *seťə*ʌ ’его шаги слышатся’
шагать-PPRS-PX3SG слышиться-PRS-VX3S

Следовательно, причастие номинализируется в качестве его подлежащего от глаголов со значением «слышится», «виднеется», а в качестве его объекта от глаголов со значением «слышит», «видит».

Причастие, имеющее притяжательный суффикс и окончание обстоятельства или послелог, может выполнять функцию обстоятельства, например:

(7) *Tu* *məntamnə* ’когда я шёл’
так идти-PPRS-PX1SG-LOC

Такие причастные обороты могут выступать в качестве обстоятельства, в подобных случаях речь не идёт о переходе из одной части речи в другую.

Из записанных Карьялайненом загадок в шести отгадках причастие настоящего времени без суффикса стоит в роли главного слова, как имя существительное. С подобным примером я ещё не встречалась в других восточно-хантыйских текстах. Насколько мне известно для того, чтобы имя действия (nomen actionis) образовалось, всегда необходимо какое-либо служебное слово – номинализатор, в функции определяемых имен, имеющий достаточно общее значение. Такие слова, например, *wǎr* ’дело’, *ot* ’вещь’, *taɣi* ’место’ и так далее. Например:

(8) *məntə* *wǎr* ’идущее дело, ход/продвижение’
идти-PPRS дело

Однако в отгадках находим и следующее:

(9) *sǎpərki wŏktə* ’кваканье лягушек’
лягушка звать-PPRS

(10) *pečɣan sŏkəntə* ’винтовочный выстрел/выстрел из винтовки’
винтовка стрелять-PPRS

(11) *pupi* *wŏŋnə* *ǎʌtə* ’лёжка медведя в берлоге’
медведь берлога-LOC лежать-PPRS

Номинализированное причастие также имеет глагольные признаки, берет дополнение и обстоятельство:

(12) *kŏčəγnat* *juγ* *ńŏʷγərtə* ’резка дерева ножом’
ножь-COM дерево резать-PPRS
(13) *såtəpa* *puʌtə* ’прятки в чехол для ножа’
чехол для ножа-LAT всунуть-PPRS

(14) *najsuʌ* *nŏknam* *məntə* ’поднимание искры вверх’
искра вверх-APPR идти-PPRS

Наш вопрос следующий: является ли эта функция причастий настоящего времени особенной, свойственной только для жанра загадок, или можно встретить это и в разговорном языке? Если да, то за последние сто лет произошло интересное изменение в использовании причастий: сузился круг использования причастий без суффиксов. Теперь они могут появиться только в качестве определения, хотя раньше номинализация была возможной без номинализатора-служебного слова. Этот вопрос надо выяснить у носителей языка.

3.3 Я заметила и другое, возможно, синтаксическое изменение в молитвенных текстах. Я представлю два из них: один обращается к медведю, другой – к огню.

(15) *pupi! kuntə̂ tem ko råγə̂p wăr, tăm əj tiʌ̯ə̂s wălі tiʌ̯ə̂s kŏʌtə ʌatnə piť tăγtə̂, påŋkə̂ʌ tăγtə̂ kəse!*

Медведь! Если этот человек совершил обман, в течение месяца, по истечении месяца его бедро, его лопатку разорви на куски!

(16) *jimən̯ naj ăwi! kuntə̂ tem ko ʌuʌə̂m čăjə̂, əj tiʌ̯ə̂s wălі kutə̂ʌ seisăŋkiγə̂ wəre!*

Святая дева огня! Если этот человек на самом деле украл, в течение месяца реврати его дом в пепел!

В этих проклятиях интересно использование слова *kuntə̂* «когда». В современном использовании это или вопросительное слово в значении «когда», или же условный союз (импликация) со значением «если». В настоящее время значение этого слова зависит от его места в предложении. В начале предложения в значении «когда»:

(17) *ķuntə mənʌən* ’когда ты пойдёшь’

А в конце предложения в значении «если»:

(18) *mənʌən ķuntə* ’если пойдёшь/уйдёшь...’

В вышеприведенном примере стоящее в начале предложения слово *ķuntə* вводит условное придаточное предложение (*kuntə̂ tem ko ʌuʌə̂m* «если этот человек украл...»). Из этого следует, что сто лет назад ещё не закрепилось место условного союза в конце предложения, а слово *ķuntə*, зависящее от контекста, могло быть как вопросительным словом, так и условным союзом. Но, если мы

пролистаем грамматические записи Карьялайнена (Karjalainen–Vértes 1964: 269), то увидим, что и в начале XX столетия использовали современный порядок слов, – тот, который находится в примере (18). Как сообщает Карьялайнен, эта конструкция вытеснила в то время причастие с суффиксом ™-, имеющее условное значение.

Тогда как же мы можем объяснить порядок слов в предложении (15), (16)? Это скорее всего ещё более ранние сведения о состоянии языка. Сакральные тексты, известные своей архаичностью, и слова магии нельзя изменять, иначе они потеряют свое влияние. Поэтому в них сохраняются такие конструкции, которые в разговорном языке уже не используют.

Следующий вопрос напрашивается сам собой: под влиянием чего оказался условный союз в конце предложения в хантыйском языке? Скорее всего, под влиянием других частиц с условным значением, которые также находятся в конце словосочетаний. Такая, например, частица *ke* * в северных обско-угорских диалектах, – и в хантыйских и в мансийских (Bakró-Nagy 2006). На вах-васюганской территории известна частица *tŏ̆ŋ*, на сургутской территории частица *ŏʌəŋ* и присоединяющая к причастиям частица *-ka*:

(19) *jăḳə jŏwəttan-ka* ’если придешь/прибудешь домой’
домой приходить/прибыть-PPRS-PX2SG-если

Когда носитель языка в условном предложении использовал слово *ḳuntə* в качестве условной частицы, тогда он добавлял ее туда, куда требовалось: после глагола в конец предложения. Так появилась новая лексическая единица, отличающаяся при помощи порядка слов, которая омонимична с вопросительным словом.

4. В своем докладе я рассмотрела только несколько вопросов, с которыми я столкнулась во время подготовки к изданию текстов Карьялайнена. Во время работы постоянно сталкиваюсь с подобными волнующими загадочными явлениями. После их расшифровки, возможно, мы станем ближе к познанию истории восточных диалектов хантыйского языка.

Литература

Bakró-Nagy Marianne 2006: Grammatikai kölcsönzés és grammatikalizáció. In: Sipos Mária (szerk.): Obi-ugorok a XXI. században. MTA Nyelvtudományi Intézet, Budapest (CD).

Csepregi, Márta 2004/2005: Zur Syntax der chantischen Rätsel. FUM 28/29: 19–43.

Filchenko, Andrey 2008: Indigenous Languages & Cultures of Siberia. – http://www.policy.hu/filtchenko 10.7. 2008

Filchenko, Andrey 2010: Aspect of the Grammar of Eastern Khanty. Tomsk.

Honti László 1982: Vaszjugáni osztják szövegek. NyK 84: 121–164.

Honti László 1984: Vaszjugáni osztják mese. NyK 86: 185–190.

Honti László 1999: Az obi-ugor konszonantizmus története. Studia uralo-altaica supplementum 9. Szeged: József Attila Tudományegyetem.

Karjalainen, K. F. 1905: Zur ostjakischen Lautgeschichte I. Über den Vokalismus der ersten Silbe. MSFOu. 23.
Karjalainen, K. F. 1913: Wie Ego im Ostjakischen die Verwandten benennt. FUF 13: 207–295.
Karjalainen, K. F. 1918: Jugralaisten uskonto. Suomen suvun uskonnot III. Porvoo. (по немецки: Die Religion der Jugra Völker. I–III. Porvoo 1921, 1922, 1927; по русски: Религия югорских народов. I–III. Томск, 1994, 1995, 1996.
Karjalainen, K. F. – Toivonen, Y. H. 1948: Ostjakisches Wörterbuch. LSFU X/I–II. Helsinki.
Karjalainen, K. F. – Edith Vértes 1964: Grammatikalische Aufzeichnungen aus ostjakischen Mundarten. MSFOu. 128.
Karjalainen, K. F. – Edith Vértes 1975: Südostjakische Textsammlungen. Bd. I. MSFOu. 157.
Steinitz, Wolfgang 1989: Texte aus dem Nachlass. Ostjakologische Arbeiten III. Budapest: Akadémiai Kiadó

Калинина, Л.И. 1970: На берегу чертовой речки / Языки и Топонимия Сибири. Под. ред. А.П. Дульзон. ТГУ. П-1. стр. 88–95.
Калинина, Л.И. 1976: Сказки и бытовые тексты (Васюган) / Сказки народов Севера. Под. ред. Т.И. Поротова. ТГУ. П-2. стр. 124–138.
Калинина, Л.И. – Фильченко, А.Ю. 2009: Хантыйские тексты / Сборник аннотированных фольклорных текстов языков обско-енисейского языкового ареала. ТГПУ, Томск, стр. 12–44.

Юдит Дмитриева
Ханты-Мансийск

АРТИКЛИ В МАНСИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

По мнению Майтинской К.Е., «уже в финно-угорском языке-основе намечалась тенденция каким-либо образом противопоставлять выражение определенного, известного предмета (лица) выражению неопределенного, неизвестного предмета (лица)» (Майтинская 1974:388). На наш взгляд, эта тенденция сохранилась в ряде современных финно-угорских языков. Определенность / неопределенность предмета в них может выражаться с разными средствами, в том числе с помощью артиклей.

Принято считать, что из угорских языков артикли присущи только венгерскому языку (Майтинская 1955: 278). О том, что в родственном с венгерским мансийском языке нет артикля, замечательный знаток мансийского языка Бела Кальман в своей хрестоматии вогульского языка высказывается следующим образом: „Da es im Wogulischen keinen Artikel gibt, kann die Bestimmtheit des Subtantivs mit dem Possessivsuffix der dritten (seltener mit der zweiten) Person ausgedrückt werden” (Кальман 1989: 69).

Вопрос о том, имеются ли артикли в мансийском языке, на данном этапе исследований нам кажется неоднозначным. Далеко не каждый специалист в области мансийской филологии признает существование определенного и неопределенного артиклей в мансийском языке. В связи с этим целью нашего доклада является поднятие вопроса о существовании артиклей в мансийском языке. Наличие или отсутствие артиклей в нем небезразлично и с точки зрения недавно начатых типологических исследований финно-угорских языков. Для достижения намеченной цели в нашу задачу входит выявление и анализ примеров с артиклями из ряда источников и обобщение полученных результатов.

Из исследователей-филологов единственно Ромбандеева Е.И. обращает внимание на артикли в мансийском языке. Она в своей монографии «Мансийский (вогульский) язык» среди служебных слов два параграфа посвящает артиклям, кратко характеризуя их» (Ромбандеева 1973: 200–201), а в «Синтаксисе мансийского (вогульского) языка» анализирует «Позиции определенного артикля *ань* в предложении» (Ромбандеева 1979: 64–67). В учебнике для педагогических училищ, составленном Ромбандеевой Е.И. и Вахрушевой М.П. артикли только кратко упомянуты в разделе «Синтаксис» под названием «Определенный артикль *ань* в предложении» (Ромбандеева–Вахрушева 1989: 178). Схематично описаны артикли мансийского языка в учебном пособии Ромбандеевой Е.И. (Ромбандеева 2006: 70). Можем констатировать, что информация об артиклях мансийского языка встречается только в работах Е.И. Ромбандеевой. На их основе вырисовывается следующая картина относительно артиклей мансийского языка:

– Грамматическое значение определенности-неопределенности помимо разных грамматических средств выражается и с помощью артиклей *ань* (определенный) и *акв* (неопределенный). *Ань* показывает, что предмет или

понятие нам уже известно и теперь его еще раз называем или видим, что мы и подчеркиваем.

– Как *ань*, так и *акв* в функции артикля всегда стоят непосредственно перед именем, выражающим субъект или объект, и не имеют ударения. Омонимичное с *ань* наречное же слово с временным значением ‘теперь, сейчас’ в отличие от артикля в предложении находится всегда перед глаголом-сказуемым и является обязательно ударным. *Акв* в функции числительного является всегда ударным, а в функции неопределенного артикля всегда – безударным.

– Подобно венгерским артиклям, манс. *ань* восходит, вероятно, к указательному местоименному слову, а *акв* происходит от числительного *аква* ‘один’).

– Между артиклем и сопровождаемым им именем могут стоять определения, выраженные прилагательным, числительным, местоимением или причастием.

О том, что артикли в мансийском языке это – не миф, говорит тот факт, что при внимательном рассмотрении в фольклорных текстах (в т.н. «несвященных» сказках, записанных и опубликованных Е.И. Ромбандеевой) они обнаруживаются. Это в большей степени относится к определенному артиклю *ань*. *Ань* чаще всего встречается в ситуациях, когда вторично упоминается об уже известном персонаже: *Э̄ква Пыгрищ ӧлы. … Ӑквэ̄нтыл ӧлэ̄г, та ӧлэ̄г,та хӯлэ̄г. Ань ӑкве хӯл тотытэ*. ‘Живет Эква Пыгрищ. Они живут с бабушкой, живут-поживают. Этой своей бабушке он рыбу приносит’. Последняя фраза с определенным артиклем в венгерском переводе выглядело бы так: ’a nagyanyjának halat hord haza.’ (Ромбандеева 2007: 98–99). *Ань мӧлхӧтал ёхтум нэ̄ – учитель ӧлнэ̄тэ* ‘(та) вчера приехавшая женщина, оказывается, учительница’ (Ромбандеева 2006: 70) ~ ’A tegnap érkezett asszony – tanítónő’. *Ань ӧйка э̄ти ё̄муӈкве патыс*. ’Тот мужчина ночью домой возвращается’ (Ромбандеева, 2007: 40–41). Манс. *ань* ӧйка ~ венг. *a* férfi. *Ань хум ӯнлы, номсы*. ‘Этот мужчина сидит, думает’ (Ромбандеева 2007: 94–95). Манс. *ань* хум ~ венг. *a* férfi. *Ань нэ̄гыг топ лӧ̄сь э̄лаль тӑрматсыг*. ‘Этим женщинам только заплакать осталось’ (Ромбандеева 2007: 106–107). Манс. *ань* ногыг ~ венг. *a* nőknek.

В научно-практическом пособии по фольклористике Е.И. Ромбандеевой «Эволюция становления семьи манси (вогулов)» (Ханты-Мансийск, 2007) представлено 12 мансийских сказок с переводом на русский язык и последующими комментариями составителя. О происхождении сказок или об их сказочниках в книге нет никакой информации. Сборник «женских» или «несвященных» сказок «посвящен эволюции становления семьи в разные периоды доисторической эпохи жизни предков манси (вогулов) и до самых наших дней» (Ромбандеева 2007: 3), однако для нас он, прежде всего, интересен не содержанием, а самими текстами и их переводом. На каждом развороте книги параллельно публикуется мансийский текст и его русский перевод. Рассматривая тексты, даже на первый взгляд бросается в глаза множество случаев наличия в них определенного артикля (ань), что при русском переводе чаще всего передается указательными местоимениями ‘этот’, ‘эта’, ‘эти’; ‘тот’, ‘та’, ‘те’. Это тот нередкий случай, когда т.н. «артиклевый» язык сталкивается при переводе с «неартиклевой» языковой системой. Поверхностным взглядом на мансийский оригинал и его русский перевод можно подумать, что *ань* это – указательное местоимение. Зная грамматику мансийского языка, подобная «теория» сразу

отвергается, т.к. среди мансийских указательных местоимений (*ты* ‘это’, *тыиг* ‘эти’ (два, двое), *тыит* ‘эти’; *та* ‘то’, *таиг* ‘те’ (два, двое), *таит* ‘те’) *ань* не числится. Однако *ань* настолько часто встречается в этих текстах, что невозможно представить, что это, к примеру, омонимичное с артиклем *ань* наречие со значением «теперь; сейчас». По нашим выборочным подсчетам, в сказке № 3 (Мосьнэ и Порнэ) на 3,5 страницах неопределенный артикль *акв* встречается 3 раза, определительный артикль *ань* – 8 раз, а *ань* в функции наречия – 2 раза. А в сказке № 7 (Эква Пыгрись) на 5-ти страницах *акв* встречается 2 раза, *ань* – 22 раза, а в качестве наречия ни разу.

Хотелось бы привести здесь ряд примеров с артиклями из текстов т.н. «несвященных» сказок.

Классический пример на наличие сначала неопределенного, затем определенного артикля:

Акв хум юв ты сялтыс. Ань хум колкан котильн йис, лӈви (Ромбандеева 2007: 176–177) 'Вошел в дом мужчина … Мужчина дошел до …’ По-венг. ’Bement a házba egy férfi... A férfi ...’

1. *Ӑнь нэ̄* маныр ӯрум нэ̄! ‘Девушка этого и ждала!’ (Ромбандеева 2007: 36–37); ’*A lány* csak ezt várta.’ – Ю.Д.

2. *Ӑнь ӑквэ̄кв* пут вӆри. ‘Эта бабушка еду готовит’ (Ромбандеева 2007: 34–35); ’*A nagyanyó* ételt készít.’ – Ю.Д.

3. *Ӑнь ӯяге* пӑг вӧви: ‘Снова своих зверей к берегу зовет’ (Ромбандеева 2007: 32–33); ’*Az állatait* hívja a partra.’ – Ю.Д.

4. *Ӑнь хум* тыйи хӯнтамлас, юйл рӧӈхитэ: ‘Мужчина услышал это, сзади кричит’ (Ромбандеева 2007: 92–93); ’*Az ember* meghallotta ezt, hátulról kiabál.’ – Ю.Д.

5. *Ӑнь хумитэ* палт ёхтыс Тирп Нёлн Э̄ква, лӑви. ‘Приплыла к этому мужчине Тирп Нёлп Эква, говорит’ (Ромбандеева 2007: 90–91); ’Odaúszott a férfihez Tirp Nyolp Ekva, és szól’. – Ю.Д.

6. … *акв* хумрись тот ӯнлахӧлы! ‘Один мужичонка там посиживает!’ (Ромбандеева 2007: 30–31); ’*egy emberke* ül ott’ – Ю.Д.

7. *акв* кол ӯнлы ‘один дом стоит’ (Ромбандеева 2008: 30–31); ’*egy ház* áll’ – Ю.Д.

Можно обобщить некоторые итоги наших наблюдений относительно случаев употребления артиклей на примерах из хрестоматии «Эволюция становления семьи манси (вогулов)»:

- Ань чаще всего встречается в ситуациях, когда вторично упоминается об уже известном персонаже, предмете и т.п. Артикль занимает место перед словом, к которому относится. Ср. примеры 1–5.
- Определенный артикль *ань* может выступать не только в роли подлежащего (грамматического субъекта), но и в роли дополнения, в т.ч. и в роли прямого объекта.
- Ср. апыгквэ̄, ам ань сахи-суприсюм юнтсэ̄лн. ’внученька, почини мне мою шубку (Ромбандеева 2007: 30–31); ’kisunokám, varrd meg a bundámat’ – Ю.Д.
- ... ань нэ̄гыг хумитэ̄н лӑви этим двум женам муж говорит (Ромбандеевыа 2007: 100–101); ’a két feleségnek mondja a férje’ – Ю.Д.
- *Ӑнь хумитэ* палт ёхтыс Тирп Нёлн Э̄ква, лӑви ’Приплыла к этому мужчине Тирп Нёлп Эква, говорит’ (Ромбандеева 2007: 90–91); ’Odaúszott a férfihoz Tirp Nyolp Ekva, és szól’. – Ю.Д.

• При всем этом определенный артикль ведет себя «по правилам», т.е. не склоняется, не изменяется. Был бы на его месте указательное местоимение, склонялось бы.

• При притяжательных конструкциях наличие *ань* обязательно, но он всегда стоит после личного местоимения. По сравнению с подобными венгерскими конструкциями порядок слов противоположен. Ср. венг. az én bundámat – манс. ам ань сахи-суприсюм (= én az bundámat).

• Артикль *ань* отделен от определяемого им слова другим словом – определением (или группой определения).

Ср. Ань хӯл няльсиң пāртың тāгыл оста юв сялтапас ‘Вместе с той рыбной скользкой доской опять в дом вошел’ (Ромбандеева 2007: 100–101); ’A halnyálkás vágódeszkával ment be megint a házba.’ – Ю.Д.

• *Ань* выступает перед собственным именем:

• Ам сар ань Ӯсң Ōтыр Ōйка палт вос хāйтталанувум ‘Я бы к тому Усын Отыр Ойка сбегал бы’ (Ромбандеева 2007: 98–99); ’Én az Using Otir Ojkához szaladnék.’ – Ю.Д.

• Ань Э̄ква Пыгрись нāлув хāйтыс, юв та тахас ‘Эква Пыгрись к берегу побежал, домой покатил’ (Ромбандеева 2007: 104–105); ’Ekva Pigris a partra futott és hazament.’ – Ю.Д.

• Ань Мōсьнэ ōйкатэ̄нтыл ань та сюнē̄г, ань та хӯлэ̄г ‘А Мосьнэ со своим милым мужем и теперь благоденствуют, и теперь поживают’ (Ромбандеева 2007: 36–37); ’A Mosne férjecskéjével most is boldogan, most is jólétben él.’ – Ю.Д. В данном примере *ань та сюнē̄г, ань та хӯлэ̄г* ань употреблено в функции наречия!

• С помощью артикля *акв* выражается неопределенность предмета. Ср. … *акв хумрись* тот ӯнлахōлы! ‘Один мужичонка там посиживает!’ (Ромбандеева 2007: 30–31); ’*egy emberke* ül ott’ – Ю.Д.

акв кол ӯнлы ‘один дом стоит’ (Ромбандеева 2007: 30–31; ’*egy ház* áll’ – Ю.Д.

Тув ёхтыс, юв сялтяс, сунсы: *акв э̄ква* ӯнлы. ‘Туда пришла, вошла в дом, смотрит: сидит одна женщина’ (Ромбандеева 2007: 34–35); ’Odajött, bement a házba, látja: egy asszony ül [bent].’ – Ю.Д.

И другие, даже более древние мансийские фольклорные тексты, на наш взгляд, тоже обнаруживают определенные и неопределенные артикли. Мы в ходе редактирования перевода на русский язык мансийских фольклорных текстов просматривая тексты 2-го тома «Собрание вогульской народной поэзии» Берната Мункачи (в оригинале: Vogul népköltési gyűjtemény. Istenek hősi énekei, regéi és idéző igéi), убедились в их наличии (Рукопись, С. Динисламова). Должны заметить, что Б. Мункачи при переводе и публикации данных текстов не обращал внимания на артикли. В его прекрасном словаре *ань* значится только как наречие со значением «теперь, сейчас». Однако он же переводил с мансийского на венгерский язык множество слов и выражений, при которых в препозитивном положении стоит *ань*. Мы ниже приведем ряд примеров из них и попробуем разобраться в этом непростом вопросе.

Б. Мункачи *ань* перед именами существительными чаще всего переводит с помощью устаревшего указательного местоимения *ата* ‘тот’. Однако в его переводах имеются и такие, которые полностью подтверждают наше предположение о наличии в мансийском языке артикля. Ср. *Ань ягāгитэ* няврамыг та минасыг, *ань пы̄грищ* та колэт э̄лаль ты ю̄нлы. ‘И у сестры дети

ушли, а мальчик в том доме дальше сидит’ (Рукопись, С. Динисламова С. 35). В переводе Мункачи данное предложение выглядит так: ’*A testvére* két gyermeke elment, *a fiúcska* pedig ama házban tovább ül.’ В данном случае оба *ань* переведены Мункачи в качестве артикля!

Ӑнь мāнь ӯпкен ул алыкелн ‘Ты своего младшего шурина не убивай’ (Рукопись, С. Динисламова С. 61 – строка 322). Перевод Мункачи: ’Azt a sógorkádat ne öld meg, drágám.’ Правильнее было бы так: ’A sógorkádat ....’

Ань намыӈ ӧтыр āги, суиӈ ӧтыр āги ӧс ты лāви: ‘Именитого богатыря дочь, известного богатыря дочь опять говорит’ (Рукопись, С. Динисламова С. 55 – строка 233); Перевод Мункачи: ’*Ama neves* hős leánya, híres hős leánya / Most ismét szól’; Наш вариант: ’*A neves hős* leánya …’

... ань пӈгрищакве ягпыганэ лāвегыт … ‘у мальчика братья говорят’ (Рукопись, С. Динисламова С. 33); перевод Мункачи: ’*ama fiúcska* bátyjai mondják’. Наш вариант: ’*a fiúcska* bátyjai’.

ань мāнь колкве алāн нӒлэ тув иӈ патс ‘и вот, на крышу маленького домика его стрела туда и упала’ (Рукопись, С. Динисламова С. 31/322); Перевод Мункачи: ’*ama kis házacska* tetejére éppen oda esett’. Наш вариант: ’*a kis házacska* tetejére’.

Та юм-пāлт *ань хансаӈ лӯв* ты алвес ‘После этого пёструю лошадь убили’ (Рукопись, С. Динисламова С. 27/279). Перевод Мункачи: ’Azután *ama tarka lovat* is leölték’. Наш вариант: ’Azután *a tarka lovat* is leölték.’

Āань хāнсаӈ лӯв ӧс пāг ты тотвес ‘И пёструю лошадь тоже на берег вывели’ (Рукопись, С. Динисламова С. 25/250). Перевод Мункачи: ’*Ama tarka lovat* szintén fölhozták a partra’. Наш вариант: ’*a tarka lovat ...*’

Āань āньтыӈ ӯйит пāг ты тотвесыт ‘И вот рогатых зверей-оленей на берег вывели’ (Рукопись, С. Динисламова С. 25/249). Перевод Мункачи: ’*Ama szarvas állatokat* íme fölhozták a partra’. Наш вариант: ’*A szarvas állatokat...*’

В следующих примерах *ань* стоит перед собственными именами. Вопрос только в том, *ань* здесь выступает как артикль или как наречие? На наш взгляд, это – артикль. Ср.

Ань Хӧтыл-рēгыӈ-ӭтпос-рēгыӈ-Ӓлпыӈсырай… ‘Но Солнечного тепла, лунного тепла священная сабля (богатырь)’ (Рукопись, С. Динисламова С. 87/265). Перевод Мункачи: ’*Ama* Nap-hevű-holdvilág-hevű-szent-kard nevű hőst’ ... Наш вариант: *’A Nap-hevű ... hőst’*

Ань Яхеӈ-хӯ-хущиӈ-хӯ-пищиӈ-нāй ӧньге ‘И вот он Яхенг-ху-хущинг-ху-пищинг-най героиню – сноху’ (Рукопись, С. Динисламова С. 91/315). Перевод Мункачи: ’*Most* Sok-népű-ember-sok-szolgájú-ember-fondorlatos-asszony nevű ángyát ...’ Наш вариант: ’*A Sok-népű ... nevű ángyát'*.

В следующих примерах в переводе слов с препозитивным *ань* Б. Мункачи как будто усматривает наречие, хотя оно может быть воспринято в качестве артикля. Ср.

Ань атпан āяӈ хум-пӈг атпан мāн ялэгыт ‘И вот пятьдесят воинов-помощников в пятьдесят мест ездят’ (Рукопись, С. Динисламова С. 73/75). Перевод Мункачи: *Most* az ötven apródlegény ötven vidékre megy szét. Наш вариант: надо бы опустить слово «most»: ’*Az ötven apródlegény ...*’

Ань Тӭк-ōйка хāп-тāлыт люли ‘Это Тэк-ойка на причале лодок стоит’ (Рукопись, С. Динисламова С. 21/173). Перевод Мункачи: ’*Hát* Teek-öreg a hajóréven áll.’ Наш вариант: ’(*A) Teek-öreg...*’

Ань Тэ̄к-о̄йка сырае а̄нум ты мӯйлыстэ ‘И Тэк-ойка-богатырь свою саблю мне подарил’ (Рукопись, С. Динисламова С. 23/205). Перевод Мункачи: ’Most Teek-öreg kardját nekem ajándékozta.’ Наш вариант: ’(A) Teek-öreg ...’

Примеры из данного источника (из труда Б. Мункачи) с препозитивным *ань* обладают в основном теми же свойствами, что и примеры из хрестоматии сказок Е.И. Ромбандеевой. См. выше! Дальнейшему изучению должно подвергаться *ань* перед собственными именами людей, а также необходимо выяснить закономерности его употребления в качестве наречия.

Как видим, мансийские слова с препозитивным артиклем можно точнее передавать с помощью венгерского языка, обладающего артиклями. Небезынтересно и сравнивать, выявлять сходства и различия в употреблении артиклей этих двух языков.

По нашим наблюдениям, в употреблении определенного артикля мансийского и венгерского языка имеются как сходства, так и различия. В обоих языках между определенным артиклем и сопровождающим им именем существительного могут стоять определения, выраженные прилагательным или существительным или же просто причастные конструкции. Ср. ань са̄т пуӈкуп мӗӈкв ‘этот семиглавный менкв’ ~ венг. a hétfejű menkv; Та о̄лэ̄гт, ань хӯл ва̄рнэ юртыл тотыстэ. ‘Живут они, он привел разделывающего рыбу друга’ (Ромбандеева 2006: 70).

Как в венгерском, так и в мансийском языке определенный артикль обязателен перед притяжательными конструкциями, состоящими из личного местоимения и имени существительного с притяжательным суффиксом. Ср. Та хоса ма̄т ань ам номтумт та о̄лргыт ‘Те далекие земли теперь только у меня в памяти остаются’ (Ромбандеева 2007: 122–123). Словосочетание *ань ам номтумт* мы бы перевели не наречным оборотом, а с оборотом с артиклем: *в памяти моей* ~ венг. *az én emlékezetemben*.

При наличии указательного местоимения перед именем в венгерском языке определенный артикль ставится всегда между указательным местоимением и существительным (венг. *az a ház régi* ‘тот дом старый’), а в мансийском языке – наоборот: *ань та хо̄н* тот царь (определенный) ~ венг. *az a cár*.

В венгерском языке в отличие от мансийского, определенный артикль омонимичен не с наречием, а указывающим на более отдаленное расстояние от говорящего указательным местоимением (тот).

Как видно, возникает множество вопросов в связи с употреблением артиклей в мансийском языке. Пока мало сказано о неопределенном артикле *акв*. Не разбирались случаи его пропуска перед именами (если таковы встречаются), или, наоборот, его наличие. Нужно четкое разграничение омонимичного наречия от артикля *ань*, т.к. в предложении они ведут себя по-разному. Подобные исследования, касающиеся артиклей мансийского языка, должны внести ясность в хронологию возникновения артиклей финно-угорских языков.

С данным сообщением хотелось бы привлечь внимание исследователей к поднятой в нем проблематике, к артиклям мансийского языка. На наш взгляд, вопрос об артиклях в мансийском языке нуждается в дальнейших исследованиях.

Литература

Майтинская 1974: Майтинская К.Е., Вопросы сопоставительного синтаксиса финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. Москва.

Майтинская 1955: Майтинская К.Е. Венгерский язык I, Введение, фонетика, морфология. Москва.

Кальман 1989: Kálmán Béla, Chrestomathia Vogulica. Harmadik kiadás. Budapest.

Ромбандеева 1973: Ромбандеева Е.И., Мансийский (вогульский) язык. Москва.

Ромбандеева 1979: Ромбандеева Е.И., Синтаксис мансийского (вогульского) языка. Москва.

Ромбандеева 2006: Ромбандеева Е.И., Графика, орфография и пунктуация мансийского языка. Ханты-Мансийск.

Ромбандеева 2007: Ромбандеева Е.И. Эволюция становления семьи манси (вогулов). (По данным фольклора несвященных сказок.) Ханты-Мансийск.

Ромбандеева–Вахрушева 1989: Ромбандеева Е.И., Вахрушева М.П., Мансийский язык. Учебник для педагогических училищ. Ленинград.

Рукопись, С. Динисламова: Рукопись поэтического перевода на русский язык «Вогульской народной поэзии» Берната Мункачи. Подстрочный перевод С. Динисламовой (работа находится в производстве).

Татьяна Дмитриева
Екатеринбург

ОСОБЕННОСТИ КАЗЫМСКОГО ДИАЛЕКТА И ЕГО ГОВОРОВ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ В ТОПОНИМИИ

Топонимические системы территорий традиционного проживания ханты отражают фонетические, морфологические, лексические, синтаксические особенности хантыйских диалектов. Сохраняющаяся в живом употреблении хантыйская топонимия бассейна реки Казым дает ценный материал для изучения одного из северных диалектов хантыйского языка.

Характерные черты казымского диалекта, наряду с другими диалектами, были описаны В. Штейницем (1937, 1980), П.К. Животиковым (1942), Н.И. Терешкиным (1958), Л. Хонти (1984), упоминаются у П. Хайду (1985: 45–48); его описание содержится в ряде учебников хантыйского языка (Ю.Н. Русская,1961; А.М. Сенгепов, Е.А. Нёмысова и др., 1988; Г.А. Обатина, Г.Л. Прокина,1995; В.Н. Соловар, 1995, 2001) и в «Русско-хантыйском разговорнике» (Е.А.Нёмысова и др.,1996). Общая и подробная характеристика казымского диалекта сделана А.Д. Каксиным (1997, 2000, 2007), экспериментальные фонетические исследования проведены Г.Г. Куркиной (2000) и Л.А. Верте (2003). Данные топонимии для характеристики казымского диалекта этими авторами не привлекались.

Остановимся на ряде фонетических и фонетико-морфологических явлений в хантыйской топонимии бассейна Казыма, собранной нами в полевых условиях.

1. Одной из характерных особенностей хантыйского языка, в том числе и казымского диалекта, является тенденция к избеганию стечения согласных. В начале слова не допускается стечение двух согласных, в середине слова часто избегается стечение трех согласных, в конце слова – трех, а иногда и двух согласных (Steinitz OA 1V: 21; Русская 1961: 15; ХЯ: 34; Каксин 2007: 31). В составе хантыйских топонимов встречаются лексемы, в которых происходит разрушение группы согласных конца слова перед начальным согласным следующего слова:

nš > *š*: *wɛš* ‘лицо’ (основа wɛnš-). Ср. в топонимии: *лǫŋχ wɛš sɔjəm* «Ручей с лицом духа»; *ńar wɛnšəp săŋχəm* «Яр с голым лицом».

ńś > *ś*: *лɔś* ‘снег’ (основа лɔńś-): *лɔś χətəŋ лɔr* «Озеро со снежным домом».

ŋk ŋ‘: *jĭŋk wɔj* ‘бобр’, букв. «водяной зверь» > *jĭŋ‘ wɔj*: *jĭŋ‘ wɔj jŏχaŋ* «Бобровая река».

2. Избегается и стечение гласных, которое перерабатывается двумя путями:

2.1. Путем элизии – выпадения первого гласного или слияния гласных.

2.1.1. Элизия происходит, в частности, при образовании форм множ. числа у существительных с основой на *-i*: *ewi* ‘девочка’ – *ewet* ‘девочки’; *ĭmi* ‘женщина’ – *ĭmet* ‘женщины’ (т.е. *-i* + *-ət* = *-et*). (Steinitz OA IV: 22; ХЯ: 35; ср. Каксин 2007: 34, 38). Ср. в топонимах: ewet лɔr «Озеро девочек», *ĭmet лɔr* «Озеро женщин».

2.1.2. Элизия наблюдается в топонимах на стыке слов: *amńa ɔ̈w* > *amń ɔ̈w* «Устье (букв. «дверь») [реки] Амни»; *parta amńa* или *parti amńa* > *part amńa* «Обратная (или «левая») Амня»; *pelʻka ŏʌti jŏχaŋ* > *pɛlʻk ŏʌti jŏχaŋ* «Река, лежащая открытой» (не замерзающая зимой); wǫtśi ĭmi *săŋχəm* > *wǫtś ĭmi săŋχəm* «Яр женщины Вотси (лесного духа)»; *rŭś χǫ awət* «Мыс русского человека» > *rŭś χawət*. Утрата гласного в слове *χǫ* ‘человек’ в данном случае приводит к затемнению структуры и семантики топонима – ср. пояснение, данное информантом: «Там русский жил**,** *χawət* – поселение его».

2.2. Стечение гласных устраняется также путем введения интервокального *w* или *j*, например: *ʌɛ-ti* ‘есть, кушать’ – *ʌe-w-əm*, также *ʌe-j-əm* (причастие прош. вр.). Ср. в топонимии: *ńań ʌewəm sɔjəm* и *ńań ʌejəm sɔjəm* «Ручей, где ели хлеб»; *tŭt ʌewəm jɔχəm* и *tŭt ʌejəm jɔχəm* «Горелый (букв. «съеденный огнем») бор».

Протетический *w* или *j* появляется в формах повелительного наклонения и в причастиях прошедшего времени, образованных от неправильных глаголов с односложной основой на гласный (Steinitz OA IV: 51). При этом некоторые глаголы меняют свою основу. Кроме уже приведенного причастия *ʌewəm* от *ʌɛti* ‘есть’, ср.: *tǫti* ‘нести’ – *tŭwəm* ‘принесенный’, *jĭti* ‘идти’– *jŭwəm* ‘шедший’, *măti* ‘дать’ – *mĭjəm* ‘данный’ (см. ХЯ: 122; Русская 1961: 136). Варьирование *w//j* возможно и в одной форме. Ср. в сынском диалекте: *ni-* ‘виднеться’ – прич. прош. вр. *niwəm* или *nijəm* (Steinitz OA I: 49).

3. Отмечен переход w > j в положении перед согласным.

3.1. *ŭwtəm* и *ŭjtəm* – формы причастия прош. вр. глагола *ŭwti* ‘кричать’. Ср.: *kărəś ŭwtəm săŋχəm* и *kărəś ŭjtəm săŋχəm* «Яр, где [кто-то] высокий крикнул» (один объект).

3.2. Возможно, что это же чередование отражают некоторые фиксации топонимов в картографических и письменных источниках XX в., хотя нельзя исключить, что они являются результатом русской адаптации хантыйских топонимов:

mewti ʌɔr «Язевое озеро» = картогр. *Мейд-лор, Мейды-Лор, Мейдылор, Мевтылор; mewti sɔjəm* «Язевый ручей» = картогр. *Мейды-Соим* при *mewti* (= *Мейд, Мейды*) ‘язь’; *mewtaŋ ʌɔr* «Язевое озеро» [другой объект] = *Мейден-лор* (Ивановский 1939: 141), где *mewtaŋ* (= *Мейден*) – имя обладания от *mewti* ‘язь’.

kew paj ńǫrəm kǫrt «Селение (изба) у Болота с каменными буграми» = *Кей-пай-нером-курт* (СНПУрО 1928: XII, 68–69), при *kew* (= Кей) – ‘камень, каменный’.

Соответствие *w* ~ *j* существует между хантыйскими диалектами: на месте прахант. **-γ-* (рядом с первоначальными иллабиальными палатальными гласными) в казымском и шурышкарском диалектах развился *w*, в обдорском *j*: казым. *jĭw* ‘отец’ ~ обд. *jij*; ср., однако, казым., обд. *kew* ‘камень’ (Основы 1976: 276). Ср. также соответствие казымского w на конце слова тегинскому и шурышкарскому *j*: казым. *тыв* ~ тег., шур. *тый* ‘сюда’, казым. *щив* ~ тег., шур. *щий* ‘туда’, казым. *kɳыв* ~ тег., шур. *kɳый* ‘они’ (Хандыбина 2008: 116).

Аналогичное фонетическое явление наблюдается и в говоре обских коми (селения Мужи, Шурышкары): после переднего гласного *е* старое *л* обычно переходит в *й: зэй* ‘очень’, пей ‘большой палец’, *кеймысьны* ‘умолять’, *кейны* ‘брести’, *вейт* ‘крышка’, *л–в* заменяется звуком *й* и в слове *майтны* ‘мазать’

(Жилина, Колегова 1960: 155). В литературном коми языке соответствующие слова – *зэв, пев, кевмысьны, кевны, вевт, мавтны*.

4. В ряде слов происходит утрата конечного гласного -і перед начальным согласным следующего слова:

4.1. Иногда утрачивается конечный звук основы у слов с основой на **-i* (Sauer 1967: 123):

pӑti > *pӑt* ‘дно, конец’, в топонимии также в значении ‘последний, крайний, конечный’. Ср.: *лэр pӑti jɔχəm* «Бор конца озера»; *kal pӑti jŏχaŋ* «Река конца болота»; и наряду с этим – *χǫr pӑt jɔχəm* «Бор конца болота»; *pӑt лэр и pӑti лэр* [разные объекты] «Последнее озеро»; *pӑt mӑлəŋ wǫri* «Последняя карасья старица».

tɔwi > *tɔw* ‘весна’ (см. DEWOS 1410). Ср.: *tɔwi kǫrt* «Весеннее селение»; *tɔwi jɔχəm kǫrt* «Весеннее боровое селение»; *tɔw kǫrt лэр и tɔwi kǫrt лэр* «Озеро у весеннего селения»; *tɔw kǫrt jɔχəm* «Бор у весеннего селения»; *tɔw kǫrt sӑŋχəm* «Яр у весеннего селения».

4.2. Утрачивается суффикс имени обладания *-i* (после *j* перед начальным *j* следующего слова): *paji* – прилагательное от *paj* ‘бугор’. В составе топонима – *lэti paj jɔχəm* «Бор с ямами и буграми»; тот же топоним в хантыйских текстах передается в форме *Лоты пайи ёхум* (Моньщӑт 1996: 58). Ср. также: Kaz. *lэti paji tӑχi* ‘ямистое, бугристое место’ (Sauer 1967: 119), ‘место, полное ям’ (DEWOS 856).

5. При присоединении суффикса, начинающегося с гласного, в закрытом слоге регулярно выпадает редуцированный гласный *ə*, если перед ним стоит один или два согласных (Steinitz OA IV: 22; ХЯ: 36; Каксин 2007: 20, 37):

5.1. В формах существительных множественного числа (суф. множ. ч. *-ət*):

mɔla sӑŋχəm jɔχmət «Боры у Голого яра» (от *jɔχəm* ‘бор’); *nɔχər jӣχəŋ pan ŏχ mӑлŋət* Озёра у кедрового песчаного мыса», букв. «у головы песка с кедром» (от *mӑлəŋ* ‘озеро’).

5.2. В прилагательных (именах обладания), образованных с помощью суф. *-əŋ*:

jekrəŋ лэр «Болотное озеро» (от *jekər* ‘болото с деревьями’); *jɔχməŋ sɔjəm* «Боровой ручей» (от *jɔχəm* ‘бор’); *sӣmtəŋ sɔjəm* «Березовый ручей» (от *sӣmət* ‘береза’); *лӑχrəŋ χǫ mӣwi* «Поворот (излучина реки) человека в кольчуге» (*лӑχrəŋ* ‘имеющий кольчугу’– от *лӑχər* ‘кольчуга’).

5.3. В причастиях прошедшего времени (суф. *-əm*):

χǫχлəm – от *χǫχəл-ti* ‘бегать’ (основа *χǫχəл-* + суф. *-əm*): *χǫχлəm лэр* «Озеро, где бегали»;

jӣwtəm – от *jӣwət-ti* ‘бросить, кинуть; стрелять (стрелой)’: *aj /wǫn wɔj jӣwtəm wǫri* «Старица, где застрелили маленького / большого зверя» [= лося];

sewrəm – от *sewər-ti* ‘рубить’: *χər эŋət sewrəm sɔjəm* «Ручей, где быку-оленю срубили рога».

6. Нередко в именных суффиксах появляется гласный Г– комбинаторный вариант фонемы е, в казымском диалекте встречающийся чаще, чем сама *е*:

6.1. В формах множ. числа существительных с основой на *-i* (*-i* + *-ət* = *-ɛt*):

sɛsɛt pa pɛlək sɔjəm «Ручей с другой стороны слопцов» (*sɛsi* ‘слопец’); *wӣлɛt sɔjəm* «Ручей оленей» (*wӣлi* ‘олень’) .

6.2. При образовании имен обладания от существительных с основой на *-i* в суффиксе также появляется ɛ (*-i* + *-əŋ* = *-ɛŋ*):

ńŏʌχɛŋ wǫri «Пихтовая старица» (*ńŏʌχi* ‘пихта’); *ńărkɛŋ ʌɔr* «Ершовое озеро» (*ńărki* ‘ерш’); *χǫʌńɛŋ jŏχaŋ* «Река с ельником» (*χǫʌńi* ‘ельник’); *mŭwɛŋ ʌɔr* «Извилистое озеро» (*mŭwi* ‘поворот’); *jĭʌpɛŋ pŏsʌ* «Протока с живуном» (*jĭʌpi* ‘ключ, живун’); *wǫrɛŋ χăʌa mŭwi* «Мертвый поворот со старицей» (*wǫri* ‘старица’); *mĭsɛŋ sɔjəm* «Ручей с кочками» (*mĭsi* ‘кочка’).

7. Отмечены именные суффиксы с нередуцированным гласным *a* (особенно характерные для верхнеказымского (дд. Нумто, Юильск) и среднеказымского говоров (д. Помут, д. Осетных, д. Ай-Харсангом).

7.1. В формах множ. числа существительных (суф. *-at*):

χŏmsat aj jŏχaŋ «Маленькая река с кочками» (*χŏməs* ‘кочка, бугор’); *wǫn wɔjat sɔjəm* «Большой ручей зверей (лосей)» (*wɔj* ‘зверь’). Ева Шмидт отмечает в языке фольклора варианты с редуцированным и нередуцированным *a*: *вozm и воят*. (Шмидт 2002 б: 15). А.Д. Каксин для форм множ. числа приводит суффикс *at* (Каксин 2007: 58).

7.2. В формах имен обладания (суф. *-aŋ*):

7.2.1. От существительных с основой на *-i* (после *s, ś, š, t*): *wasaŋ ʌɔr* «Утиное озеро» (*wasi* ‘утка’); *keʌśaŋ ʌɔr* «Сорожье озеро» (*keʌśi* ‘сорога (рыба)’); *wǫtśaŋ wǫri* «Старица (духа) Вотси» (*wǫtśi* ‘лесной дух’); *wǫnšaŋ pǫχər ʌɔr* «Озеро с сосновым островом» (*wǫnši* ‘сосна’); *mewtaŋ ʌɔr* «Язевое озеро» (*mewti* ‘язь’) и др.

Как показывают исследования Г. Зауэра, в западнохантыйских диалектах, особенно в казымском и обдорском, образование атрибутивных имен обладания на *-aŋ* от существительных с основой на **-i* связано с тем, что исторически здесь *-a-* не суффиксальный гласный: это восстанавливается конечный гласный старой, бывшей основы, о чем свидетельствуют формы восточнохантыйских диалектов, в которых западнохантыйским (Kaz. O) именам на **-i* соответствуют восточнохантыйские (V Vj. Trj. и др.) имена на **-a* / **-ä* (Sauer 1967: 227). Е. Шмидт говорит о несущих повышенную эмоциональную нагрузку существительных с двойными основами в языке фольклора казымских ханты и называет основу на “а” у существительных, оканчивающихся на “ы” в казымском диалекте, вторичной (Шмидт 2002 б: 15).

7.2.2. У имен обладания от существительных с основой на согласный, как правило, суффикс *-əŋ*. Но в некоторых случаях (у сущ. с конечным *s, ś, j, l*) в форме имени обладания также наблюдается появление суффикса *-aŋ* с нередуцированным а: *χŏmsaŋ kal* «Болото с кочками» (*χŏməs* ‘кочка, бугор’), *aj ɔśaŋ ʌɔr* «Малое озеро с изгородью (для охоты на лося)» (*ɔś* ‘изгородь’); *sŭmət tĭjaŋ wǫnši* «Сосна с березовой вершиной», священное дерево в Старом Юильске (*tĭj* ‘вершина’); *sɔt wɔj ɔmsəm wɔjaŋ pɔmət* «Сто зверей где сидели звериный Помут» (фольклорный эпитет реки Помут); *kalaŋ sɔjəm* «Болотный ручей» (*kal* ‘болото’).

В этих атрибутивах возможно выделять редкий суффикс *-aŋ* (Sauer 1967: 55) или считать, что *-a-* в суффиксе после основ на согласный появляется вследствие аналогии (Sauer 1967: 228); то же и в формах множественного числа: ср. приведенную выше форму *wɔjat* ‘звери’.

7.2.3. В топониме *ńersaŋ kal* «Болото с метками» у существительного *ńersa* ‘метка на дереве’, ‘дерево с меткой’ фиксируется имя обладания *ńersaŋ* – вместо закономерного *ńersajaŋ* (Русская 1961: 17; Каксин 2007: 34). Ср.: *харнга* ‘ржавчина’ – *харнгайнг* ‘ржавый’ [ХЯ: 82], Kaz. *mɛŋa* ‘изгиб, извилина (у дерева и т.д.)’ (DEWOS 933) – *мєнаяŋ* ‘гибкий’ (РХР 1996: 70). Именно такая форма – нерсаяŋ – встречается в фольклорном тексте: Нерсаяŋ ар верак арак хfймак юпийн сот вой омсум вояу Помата щи юхftмак «Много лесов с метками на деревьях за собой оставив, к Сто зверей где сидели звериному Помуту пришла» (пересказ исполняемой на медвежьих игрищах песни богини Ар хотанг ими) (Моньщăт 1996: 27; см. также Молдановы 2000: 31–36; Мифология 2000: 278–283).

8. Широкое, близкое к а переднего ряда, произношение гласного *ɛ*, характерное для верхне- *и среднеказымского* говоров, приводит к тому, что в русской графике слова с гласным *ɛ* первого слога сами носители этих говоров иногда пишут через я (передавая таким образом и позиционную мягкость предшествующего согласного); редко встречается написание через *а*:

sɛsi ‘слопец’: *sɛsi jŏχaŋ* «Слопцовая река» = Сясиюхан, Сяси юхан)Волдин 1994а,б); *sɛsaŋ jɔχəm kǫrt* «Селение у Слопцового бора» = *Сясанг ёхум кэрт* (Волдин 1994а);

wɛl ‘холостой’: wɛl jŏχaŋ «Холостая [т.е. без притоков] река» = *Вяльюхан, Вялюхан* [Волдин 1994а,б];

wɛnšije ‘личико’, уменьшит. форма от *wɛš* (*wɛnš-*) ‘лицо’: *wɛnšije kǫrt* «Селение [у Яра] с личиком» = *Вяншия кэрт* [Волдин 1994а];

rɛp ‘гора’: *rɛp kǫrt* «Селение у горы» = *Ряп кэрт* (Волдин 1994а); *rɛpi kǫrt* «Селение с горой» = картогр. *Раби-Курт*.

9. По говорам наблюдаются разные способы преобразования групп согласных *nšt, ńśt, ŋχt* (См.: Steinitz OA IV: 51; Русская 1961: 15–16; ХЯ: 35):

9.1. В полноватском говоре глагольные формы (инфинитив и совпадающее с ним по форме причастие настоящего времени) *χănš-ti* ‘писать’, *kănš-ti* искать’, *jańś-ti* ‘пить’, *wɔńś-ti* ‘собирать ягоды’, *jăŋχ-ti* ‘ходить, ездить’ и др. перерабатываются в *χăšti, kăšti, jaśti, wɔśti, jăχti* – т.е. выпадают начальные *n, ń, ŋ*. Ср.: *тăл pănt jăχti mŏχət* «Протока, по которой ездят по зимнему пути» (район Казымского сора).

9.2. В амнинском (иначе: в верхнеказымском) говоре те же формы имеют варианты *χănši, kănši, jańśi, wɔńśi, jăŋ‘ti* – т.е. выпадает *t* и *χ*. Ср.: *χăл kănši sɔjəm* «Ручей, на котором ищут (= промышляют) рыбу» (басс. р. Амня); *mɔj jǫš jăŋ‘ti aj jŏχaŋ* «Маленькая река, у которой ездят по свадебной дороге» (басс. р. Сорум);

10. Для амнинского (верхнеказымского) говора также характерна перестановка конечных согласных *š, ś* в односложных глагольных основах и согласного *t* суффикса инфинитива (= причастия наст. вр.): *ńăš-ti* ‘удить’ > *ńătši, šǫš-ti* ‘шагать’ > *šǫtši* (См. ХЯ: 35), *χăś-ti* ‘дразнить’ и др. > *χătśi* (См.: DEWOS 578), *wǫš-ti* ‘плыть’ > *wǫtši* > *wǫćći* (См. DEWOS 222–223; ХРС 27; РХР 1996: 107). Ср.: *amp wǫtši wǫri* «Старица, по которой проплывает собака».

Вероятно, по аналогии с глаголами типа *jańśi, wǫńśi, wǫtši (wǫćći)* в амнинском говоре у глагола *лэлʹti* ‘стоять’ появляется форма причастия

настоящего времени *лəлʹśi* – наряду с обычным *лəлʹti*, совпадающим с инфинитивом. Ср.: *aj /wǫn wəjat лəлʹśi səjəm* «Ручей, у которого стоят маленькие / большие звери (лоси)» и *aj /wǫn wəj лəлʹti səjəm* «Ручей, у которого стоит маленький / большой зверь (лось)» – варианты названия одного объекта (по р. Амня).

11. К особенностям казымского диалекта, нашедшим отражение в топонимии, следует также отнести и существование фонетико-морфологических вариантов для некоторых лексем.

Ср.: *кӑtəp* и *кӑtлəp* ‘середина, средний’: отыменные субстантивные имена, образованные от *кӑt* ‘промежуток’ с помощью суффиксов *-əp* и *-л-əp* (Sauer 1967: 15). Имеются примеры топонимов и с *кӑtəp*, и с *кӑtлəp*; в составе некоторых названий формы варьируются:

кӑtəp jəχart «Средняя развилка» (2 объекта: ручьи), *кӑtəp ńǫrəm jŏχaṇ* «Средняя Болотная река», *кӑtəp pŏsл* «Средняя протока», *кӑtəp wĭrkəm* «Средний Выргим» (рассоха р. Выргим); *кӑtлəp лər* «Среднее озеро»; *кӑtəp jŏχaṇ* = *кӑtлəp jŏχaṇ* «Средняя река» (4 объекта), *кӑtəp aj кӑr jŏχ* = *кӑtлəp aj кӑr jŏχ* «Средний Малый Кур ёх» (приток р. Ай Кур ёх), *кӑtəp лər* = *кӑtлəp лər* «Среднее озеро» (3 объекта), *кӑtəp wĭs* = *кӑtлəp wĭs* «Средний проток».

Таким образом, обращение к хантыйской топонимии Казыма позволяет использовать ее как важнейший источник для изучения хантыйского языка. Учет особенностей казымского диалекта и его говоров совершенно необходим, чтобы правильно выделить структурные компоненты в составе хантыйских топонимов, правильно перевести название, а в случае необходимости провести его реконструкцию, восстановив из адаптированной или неверно зафиксированной формы письменного или картографического источника.

Если говорить о лексических различиях по говорам казымского диалекта, то следует отметить, что этот вопрос еще не был предметом специального изучения. Топонимия в данном случае помогает проследить употребление некоторых казымских лексем, дифференцируемых по говорам.

1. Так, *нижнеказымские* (полноватские, тугиянские) ханты употребляют в значении ‘сорога’ (вид рыбы) лексикализованный фонетический вариант *keś* – образованный из формы *keлʹśi*, повсеместно известной на Казыме. Ср.: *keлʹśi лər и keś лər* – название озера на лев. б. р. Казым, выше города Белоярский, = в хантыйской кириллической орфографии Кещкор (Соловар 1995 : 27), = русск. Кислор.

2. Собственно лексические различия между говорами казымского диалекта можно представить по некоторым синонимам. Например:

2.1. В *усть-казымском* говоре (селения по Оби) зубец орнамента называют *rӑsŋa*, в говорах по Казыму – *paw* (См.: Молданова 1999: 68). Эта лексема встречается в составе метафорических, образных топонимов *aj paw jəχəm* «Малый бор зубца орнамента» и *wǫn paw jəχəm* «Большой бор зубца орнамента» в нижнем теч. Казыма, по.р. Тапры юган.

2.2. *Верхнеказымскому ńӑrki* ‘ёрш’ соответствует *средне- и нижнеказымское лar*.

Название ерша лar представлено в одном топониме лar wĭs «Ершовая протока» – у протоки Нерса мухат по лев. б. р. Казым, выше устья р. Амня. Казымское лаг ‘ёрш’ имеет соответствия в ряде диалектов хантыйского языка

(сын., обд., берез., вах., сург., ирт.), а также у тавдинских и сосьвинских манси (DEWOS 800).

Лексема *ńărki* встречается в составе топонимов на участке бассейна Казыма от р. Вовар вош юхан до р. Сорум (15 объектов). Например: *ńărki jɔχan* «Ершовая река» – 1. в басс. р. Кур ёх; 2. в басс. р. Сорум; 3. лев. прит. р. Казым, ниже селения Осётных. Казымскому *ńărki* ‘ёрш’, отмеченному в DEWOS с пометой “редкое”, соответствуют низям. и шерк. *ńărkə*, берез. *ńirki*. Известны шеркальские топонимы *ńărkə-jŏχan* (‘ёрш-река’) и *ńărkə-kurt* – Нергинские ю. (на Малой Сосьве), а также манс. *ńirki-paul* (селение на Малой Сосьве) (DEWOS 1078). Слово *ńărki* в верхнеказымском говоре может быть свидетельством, подтверждающим участие угорского населения со средней Оби и Малой Сосьвы в формировании этнической группы казымских ханты (См.: Соколова 1977; 1986 а, б; 1993; Перевалова 2004).

Литература

Верте Л.А. Консонантизм хантыйского языка (экспериментальное исследование). Новосибирск, 2003.

Животиков П.К. Очерк грамматики хантыйского языка. Ханты-Мансийск, 1942.

Жилина Т.И., Колегова Н.А. Некоторые особенности говора обских коми (сс. Мужи и Шурышкары) // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1960. Вып. 6. С. 152–170.

Ивановский Л.Н. Геоморфологические наблюдения в долинах рек Казым и Надым // Труды Томского ун-та им. В.В. Куйбышева, 1939. Т. 95. С. 186–204.

Каксин А.Д. Казымский диалект хантыйского языка (общая характеристика и фонология) // Ханты-Мансийский автономный округ: Историко-культурная и социально-экономическая характеристика в аспекте создания региональной энциклопедии. Тюмень, 1997. С. 63–71.

Каксин А.Д. Казымский диалект хантыйского языка // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. В 3-х т. Ханты-Мансийск, 2000. Т.2. С. 11–12.

Каксин А.Д. Казымский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск, 2007.

Карты верхнего и среднего течения р. Казым: 1) М 1:500.000, 2) М 1:300.000. Сост. С.Л. Волдин в 1994 г. (названия на хантыйском языке). Карты хранятся в Фольклорном архиве северных ханты в г. Белоярском Тюменской области. (= Волдин 1994а, Волдин 1994б)

Куркина Г.Г. Вокализм хантыйского языка (экспериментальное исследование). Новосибирск, 2000.

Мифология хантов / В.М. Кулемзин, Н.В. Лукина, Т.А. Молданов, Т.А. Молданова / Научн. ред. В.В. Напольских // Энциклопедия уральских мифологий. Т. III. Томск, 2000. (= Мифология 2000)

Молданов Тимофей, Молданова Татьяна. Боги земли Казымской. Томск, 2000. (= Молдановы 2000)

Молданова Т.А. Орнамент хантов Казымского Приобья: семантика, мифология, генезис. Томск, 1999.

Моньщăт па путрăт. Сост. В.Н. Соловар. Нижневартовск, 1996 (= Моньщăт 1996)

Нёмысова Е.А., Кононова С.П., Вожакова Е.Н. Русско-хантыйский разговорник. М., 1996. (= РХР)
Обатина Г.А., Прокина Т.Л. Хӑнты ясӑу. Хантыйский язык. Учебник для 5 класса (казымский диалект). СПб.,1995.
Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М., 1976. (= Основы 1976)
Перевалова Е.В. Северные ханты. Этническая история. Екатеринбург, 2004.
Русская Ю.Н. Самоучитель хантыйского языка. Л., 1961.
Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский: для уч-ся нач. шк., под ред. Е.А. Нёмысовой. 2-е изд.. Л.,1988. (= ХРС)
Списки населенных пунктов Уральской области. Т. XII. Тобольский округ. Свердловск, 1928. (=СНПУрО 1928)
Соколова З.П. Загадка Юильского городка // Советская этнография. 1977, № 4. С. 129–138.
Соколова З.П. Некоторые аспекты формирования казымской группы хантов // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири // Сб. науч. трудов. Кемерово, 1986. С. 71–78. (= Соколова 1986а)
Соколова З.П. Некоторые аспекты формирования казымской группы хантов // Проблемы этнической истории народов Сибири. Новосибирск, 1986. С. 118–132 (=Соколова 1986б)
Соколова З.П. Легенды Вут-Ими. Путешествие по Оби и ее притокам к хантам и манси // Югорские россыпи. Сургут, 1993.
Соловар В.Н. Хӑнты ясӑу. Хантыйский язык. Учебник для 7–8 классов (казымский диалект). Ханты-Мансийск, 1995.
Соловар В.Н. Хӑнты ясӑу. Хантыйский язык. Учебник для 6 класса (казымский диалект). СПб., 2001.
Терешкин Н.И. О некоторых особенностях ваховского, сургутского и казымского диалектов хантыйского языка // Просвещение на Крайнем Севере. М., 1958. Вып. 8. С. 319–330.
Хайду Петер. Уральские языки и народы. М., 1985.
Хандыбина О.В. Об особенностях тегинского говора березовского диалекта хантыйского языка // С любовью и болью…: к 60-летию Евы Шмидт. Ханты-Мансийск. 2008. С. 114–120.
Хантыйский язык. Учебник для уч-ся педучилищ. Под ред. Е.А.Нёмысовой. Л., 1988. (=ХЯ)
Шмидт Е. А. Особенности орфографии // Касум мув моньщат-путрат. Сказки-рассказы земли Казымской / С.С. Успенская. Томск, 2002. С. 9–16.

Honti László. Chrestomathia Ostiacica. Budapest: Tankönyvkiadó, 1984.
Sauer G. Die Nominalbildung im Ostjakischen. Berlin, 1967 (Finnisch-ugrische Studien 5)
Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Bearbeiter: Gert Sauer. Berlin, 1966–1993. Lfg. 1–15. (=DEWOS)
Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten. Band I. Ostjakische Folksdichtung und Erzählungen aus zwei Dialekten. Tekste. Budapest, 1975; Band IV. Beiträge zur Sprachwissenschaft und Ethnographie. Bearbeitet von Ewald Lang, Gert Sauer und Renate Steinitz. Berlin, 1980. (= Steinitz OA I, IV)

Дмитрий Ефремов
Ижевск

СУБСТАНТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

0. Управление наряду с другими видами гипотаксиса (примыкание, согласование, изафет) удмуртского языка служит средством связи слов в словосочетаниях и предложениях. В некоторых финно-угорских языках управление слов является относительно изученным вопросом; в таких языках как финский, венгерский, марийский и др. управлению посвящены как отдельные статьи, так и целые монографии и диссертации. Но в основном это касается глагольного управления. Именное же управление затронуто только в некоторой степени.

В удмуртском языкознании именное управление (субстантивное, адъективное), не становилось объектом отдельного исследования; вопросы, связанные с валентностью слов рассмотрены вскользь только в некоторых работах по удмуртоведению.

1. В удмуртском языке широко распространены субстантивные словосочетания, образованные посредством примыкания, препозитивным элементом которых выступает существительное в своей основной форме. Такой тип словосочетаний является самым древним по происхождению в удмуртском языке, поскольку присутствовал еще в финно-угорском праязыке (ОФУЯ 1974: 384; Hajdú 1981: 167). Конструкции с использованием косвенных форм существительных в качестве зависимого компонента признаются исследователями не распространенными (см. Вахрушев 1980: 156), но анализ фактического материала приводит к мнению, что подобные сочетания в удмуртском языке весьма распространены. Такие словосочетания, в которых одно существительное управляет другим, возникли в удмуртском языке относительно недавно, как отмечает А.Ф. Шутов «в период его самостоятельного развития» (Шутов 1990: 30); аналогичное отмечено лингвистами и в отношении татарского языка: И. Ф. Гизатуллина пишет, что «предложения с именным управлением конструируются на основе новых соотношений членов предложения, расширения сочетаемости слов, нового вида этой сочетаемости» (Гизатуллина 2001: 53). Необходимо также отметить, что субстантивное управление встречается намного реже, чем, к примеру, глагольное; то же самое отмечает Д.С. Тикеев и в отношении башкирского языка, он пишет, что «управлять в башкирском языке могут все знаменательные части речи, но они управляют не в одинаковой частотности; глагольное бесполеложное и послеложное управление встречается в языке чаще, чем например, именное и наречное» (Тикеев 2004: 46).

В отношении сильного и слабого управления имени существительного необходимо отметить, что в удмуртском языке не выявляется резкая граница между этими двумя субстанциями. Еще сам А.М. Пешковский, который ввел в лингвистику понятия сильного и слабого управления, подчеркивал, что «в области сильного управления можно различать разные степени силы…» (Пешковский 1956: 287). К.Е. Майтинская в отношении венгерского языка

констатирует аналогичное: «между самым «слабым» и самым «сильным» проявлением управления лежит полоса целого ряда переходных случаев» (Майтинская 1960: 70). В грамматике татарского языка вообще к случаям управления отнесены сочетания неизменяемого прилагательного с существительным (*яшел яфрак* ‘зеленый лист’; ТГ 1995: 131); Д.А. Тимушев, исследуя коми язык, также между элементами именных определительных словосочетаний, где в качестве препозитивного компонента выступает существительное в своей начальной форме (*пу зыр* ‘деревянная лопата’; Тимушев 1965), выявляет связь управление.[4] В учебнике по русскому языку вообще отказываются от понятий сильного и слабого управления, но выделяют такие его виды как, предсказуемое и непредсказуемое, обязательное и необязательное (СРЯУ 2003: 606–607).

2. В пределах данной статьи нами не ставился вопрос разграничения сильного и слабого субстантивного управления, или же выделения иных его видов; объектом нашего исследования является управление имен существительных в удмуртском языке – его наличие или отсутствие, выявление факторов, определяющих выбор управляемой формы.

Глаголы в удмуртском языке (так же, как и в других языках) могут управлять многими падежными формами, охватывая весь парадигматический ряд падежа. Существительные же управляют лишь некоторыми падежами; при этом на выбор падежной формы влияет множество факторов. В данной работе мы сделаем попытку выявить определенные группы существительных, которые участвуют в образовании конструкций, построенных по одному из видов гипотактической связи – управлению.

2.1. Творительным падежом могут управлять множество существительных с разным лексическим содержанием/наполнением; в первую группу могут входить различные субстантивы, при которых зависимый компонент обозначает внешний или внутренний признак, свойство, характеристику предмета (лица), выраженного управляющим существительным: *Бамме миськыса šутски но – возам тќдьы* ***мундирен*** *адями сылэ* (Петров, 60) ‘Умыл лицо, поднимаюсь – а рядом со мной стоит человек в белом мундире’. *Šќк вылысь* ***вуэн*** *графин борды карандашеныз йыгаса Митрошин Манилы вазиськиз* <…> (ТИК/Кен/Е/1: 900–901) ‘Постучав карандашом по стоявшему на столе графину с водой Митрошин обратился к Мане…’

Отдельную группу составляют существительные, обозначающие продукты питания; в таких случаях управляемое имя указывает на обладание господствующим субстантивом тем признаком, который выражает само зависимое слово, т. е. управляющее существительное приобретает значение «характеризующийся тем, что обозначает управляемое слово»: *Герей кќлан кеносазы изьыны шымырскем вал ини, песянаез солы* ***вќйын*** *нянь пыртћз* (Петров, 187). *Мон ачим Кезысь. Ми палъёс та нуналэ одно* ***сћльын*** *шыд пќзьтыны тыршо* (ТИК/УД/1997/127/7: 16). ‘Я сам из Кеза. У нас (букв. с нашей стороны) в этот день обязательно стараются сварить суп с мясом’.

[4]Типологически сходные явления в удмуртском языке однозначно рассматриваются как примыкание.

Довольно часто существительное, которое стоит в форме творительного падежа, выражает совместность действия или состояния с субъектом или объектом действия: *Нош* ***Игнатэн*** *Петрован та уе Илья Фомич дорын Плехановлэсь «Наши разногласия» книгазэ лыдӟизы* (Петров, 158) ‘А Игнат с Петрованом этой ночью у Ильи Фомича читали книгу Плеханова «Наши разногласия»’.

В подобных случаях очень сложно провести границу между тем, какой же член предложения управляет – существительное или глагол; в отдельных случаях морфемой *-эн* (*-ен*), *-ын* может быть оформлено не только зависимое существительное, но и так называемое управляющее существительное: *Куноосты* ***сылалэн нянен****, вӄйын пумитало* (ТИК/Кен./В/16: 44) ‘Гостей с хлебом солью, с маслом встречают’. По нашему мнению в подобных случаях наблюдается глагольное управление: *пумитало* (*маин*?) ‘встречают (чем)’ – *сылалэн нянен* ‘с хлебом солью’; то есть оба субстантива выступают в качестве зависимого (управляемого глаголом) компонента.

2.2. Одним из следующих падежей, формой которого может управлять существительное в удмуртском языке, является элатив. Между компонентами таких словосочетаний могут быть следующие лексико-грамматические отношения:

1) зависимое имя обозначает место происхождения, пребывания предмета (лица), выраженного господствующим именем: *Асьме доры ас кырӈан-эктонъёссэс ваизы* ***Печораысь*** *коми-зырянъёс но* ***Кудымкарысь*** *коми-пермякъёс,* ***Йошкар-Олаысь*** *но* ***Башкортостанысь*** *поръёс,* ***Мордовиысь*** *мокшаос но эрзяос, Ханты-Мансийской национальной* ***округысь*** *кырӈась семьяос,* ***Карелиысь*** *усточиос, озьы ик республикамылэн палэнысьтыз Пермь, Киров* ***улосъёсысь****,* ***Башкорстостанысь*** *но* ***Татарстанысь*** *удмурт фольклор коллективъёс* (ТИК/УД/1999/088/1: 4–9) ‘К нам со своим репертуаром приехали коми-зыряне из Печоры и коми-пермяки из Кудымкара, марийцы из Йошкар-Олы и Башкортостана, эрзя и мокша из Мордовии, поющие семьи из Ханты-Мансийского национального округа, умельцы из Карелии, а также удмуртские фольклорные коллективы из-за пределов [нашей] республики из Кировской области, Башкортостана и Татарстана’. *Учкелэ* ***инмысь*** *тылобурдоос шоры: соос уг кизё, уг арало, кеносазы но уг люкало, но* ***Инмысь*** *Атайзы сюдэ соосты* (ТИК/Инв./G/10: 124–125) ‘Посмотрите на птиц с неба: они не сеют, не жнут, и в амбар [свой] не складывают, но Небесный Отец кормит их’;

2) между управляемым и управляющим компонентами проявляются отношения принадлежности; зависимое имя обозначает сферу деятельности лица, указывает на то, к чему или к кому относится предмет (лицо): ***Факультетысь*** *дышетӈсьёс ӈеч дасяськиллям кенешлы* (ТИК/УД/1997/159/10: 13) ‘Преподаватели факультета хорошо подготовились к совету’. *Конкурс пумысен пыр-почгес тодэмды луоз Удмурт* ***Республикаысь*** *Печатья но Иворъёсъя* ***министерствоысь*** *78-57-69 телефонъя* (ТИК/УД/2001/016/11: 8–9) ‘По поводу конкурса более полную информацию вы можете получить по телефону 78-57-69 Министерства Печати и коммуникации Удмуртской Республики’. Многие подобные словосочетания синономичны изафетным

конструкциям,[5] и могут быть взаимозаменяемы: *факультетысь дышетӟьёс – факультетлэн дышетӟьёсыз* ‘преподаватели факультета’, *Республикаысь министерство – Республикалэн министерствоез* ‘министерство Республики’;

3) зависимое имя характеризует главный компонент по временно́му признаку: *Солы оскиськом нылпиосмес – туннэ* ***нуналысь*** *узырлыкмес* (ТИК/УД/1997/124/1: 4) ‘Ему [школьному учителю] доверяем своих детей – наше сегодняшнее богатство’.

Балэ тӟ туганэныды дӟсялоды костюмъёс:

а) XVIII-тӟ ***даурысь*** *байёслэсь;*

б) шунды šужан палась султанлэсь;

в) вашкала ***дырысь*** *пастухлэсь но пастушкалэсь* (ТИК/УД/2000/003/22: 106–109) ‘На бал вы со своей возлюбленной оденете костюмы: а) аристократов (букв. богачей) XVIII века; б) султана с востока; в) из древних времен пастуха и пастушки’. В подобных конструкциях зависимое имя, как правило, конкретизируется препозитивным числительным или прилагательным, следовательно, образуется сложное словосочетание;

4) иногда зависимое имя выражает состояние, категорию предмета или явления, выраженного господствующим существительным: ***Улонысь*** *учыр. Та учыр вал ог ныльдон ар талэсь азьвыл* (ТИК/Инв./D/1: 3–4) ‘Случай из жизни. Этот случай произошел примерно 40 лет тому назад’.

2.3. Имя существительное может управлять также формой соответственного падежа. В таких конструкциях проявляются определительные отношения; зависимый компонент часто указывает род, вид деятельности или область распространения деятельности лица, выраженного господствующим именем: *Книгаез уже кутыны быгатозы* ***кылъя*** *но* ***литературая*** *дышетӟьёс, дышетскисьёс, студентъёс* (ТИК/ВК/Е/13: 37–38) ‘Книгу смогут использовать учителя по языку и литературе, ученики, студенты’. *Пусйыны кулэ, со азьвыл аръёсы куасэн* ***бызьылонъя*** *но* ***биатлонъя*** *кык полэс* ***спортъя*** *мастер вал* (ТИК/УД/1999/088/14: 5–6) ‘Необходимо отметить, что в прежние годы он был мастером спорта по двум видам спорта – по лыжным гонкам и биатлону’.

В некоторых случаях зависимое имя, оформленное аффиксом соответственного падежа, указывает на качество, свойство предмета или лица (выраженного управляющим существительным), характеризуемые со стороны определенных признаков, связей, отношений: *Визьнод басьтӟсько газетысь* ***сюлэмъя*** *эшлэсь кадь* (ТИК/УД/1997/121/14: 35–36) ‘Разум черпаю из [вашей] газеты, как от задушевного (букв. по сердцу) друга’. ***Мылкыдъя*** *уж шундылэсь но югыт, шуо* (ТИК/УД/1998/145: 52–53) ‘Работа по душе, говорят, светлее даже солнца’.

2.4. Одним из следующих падежей, которым может управлять существительное в удмуртском языке, является входный. Примеров управления непроизводных существительных иллативом встречается довольно редко; в основном в такой ситуации выступает отглагольное имя. Зависимый элемент подобных словосочетаний конкретизирует главенствующий элемент, выражает цель, направление предполагаемого действия: *Выль* ***улонэ*** *вамыш*

[5]Изафет – вид подчинительной связи удмуртского языка, с помощью которого выражаются принадлежностные отношения.

(ТИК/УД/1999/077/9: 1) ‘Шаг в новую жизнь’. *Зэм, нылзы šоген бадӈым спортэ выжоз но дас аресказ спортъя* ***мастере*** *кандидат луоз шуыса ќз малпалэ вал* (ТИК/УД/1999/022/13: 18–19) ‘Действительно, они и не думали, что их дочь скоро перейдет в большой спорт и в свои десять лет станет кандидатом в мастера спорта’.

2.5. Существительные, управляющие дательным падежом (в таких случаях также в основном выступает отглагольное имя). Зависимый компонент уточняет, конкретизирует главенствующий компонент в качественном отношении, указывает на его предназначение: *Но* ***путёвкалы*** *дунъёс сярысь ке верано, соос ичи ќвќл: мќйыослы 7200 манет, пиналъёслы* – 3800 (ТИК/УД/2000/087/10: 10 – 11) ‘Если говорить о ценах на путевки, они не маленькие: пожилым 7200 рублей, детям – 3800’. *«Инвожо» – со* ***егитъёслы*** *журнал, удмурт кылын потэ* (ТИК/Инв./В/1: 391) ‘«Инвожо» – это журнал для молодых, выходит на удмуртском языке’.

2.6. Именные словосочетания, с зависимым элементом в форме разделительного падежа, также весьма ограничены. Зависимое имя обозначает состав, материал предмета, выраженного господствующим компонентом: *Умойгес но оскымон луоз* ***кортлэсь*** *решётка, жалюзи пуктыны* (ТИК/УД/1999/134/17: 31–32) ‘Лучше и надежнее будет поставить железную решетку, жалюзи’. *Пушкыз дуно* ***писпуослэсь***, ***малахитлэсь*** *но* ***кораллъёслэсь*** *арбериосын чеберъямын* (ТИК/УД/1998/058/1: 22–23) ‘Изнутри [вагон] украшен изделиями из дорогих пород дерева, из малахита и коралловыми изделиями’.

3. В вопросе исследования субстантивного управления особняком стоят существительные, образованные от глагольных основ. Как отмечает Л.И. Калинина, в удмуртском языке отглагольные имена на *-(о)н* сохраняют глагольное управление (Калинина 2001: 24). С этим трудно не согласиться; поскольку глаголы могут управлять в удмуртском различными падежами, то, соответственно, и отглагольные существительные имеет широкий спектр управления. Отглагольные имена могут управлять почти что всеми падежами: творительным, дательным, винительным, разделительным, входным, исходным и т.д.: *Кылбуръёсаз шќдӈськиз мур лирической мылкыд, улонлэн* ***чеберезлы*** *оскон, ӈырдыт яратон, но вордскем* ***шаерзэ*** *данъян* (ТИК/ВК/В/18: 18–19) ‘В его стихотворениях чувствуется глубокое лирическое чувство, вера в красоту жизни и почетание своей родины’. *– Адями* ***синъёслэсь*** *ватскон инты утчасько мон, Ольга* (ТИК/УД/2000/084/11: 89) ‘– Я ищу место, где можно спрятаться от человеческих глаз, Ольга’. *Ми малпаськом* ***Кун Кенеше быръёнъёслы*** *йылпумъянъёс лэсьтыны,* ***политикае*** *пыриськон ласянь, ватытэк вераны кулэ, опытмы ичи на – весь дышетскиськом* (ТИК/УД/1999/066/16: 11–13) ‘Мы хотим подвести итоги по выборам в Государственный Совет; по поводу участия в политике, нужно признаться, у нас еще мало опыта – мы все время учимся’. ***Спортысь*** *кошкон сярысь малпан уг лыктылы на-а?* (ТИК/УД/1998/023/17: 40–41) ‘[Вам] еще не приходит в голову мысль уйти из спорта?’

Отвербальные имена на *-(и)сь* и *-эм* (*-ем*) также могут сохранять управление исходного глагола, но могут приобрести и совершенно иную управляемую форму, как правило, уже соответствующую непроизводным существительным: *Отчыозь котькудӈзлы* ***Воткинскын*** *улӈсылы малпаськыны дыр сётэмын на* (ТИК/УД/1998/151/13: 14–15) ‘До тех пор каждому жителю Воткинска есть еще

время подумать’. ***Селталась*** *дышетӟсь монэ ас дораз басьтӟз, собере Вяткаысь духовной училищее интыяз* (Петров, 8) ‘Селтинский учитель взял меня к себе, затем устроил в духовное училище г. Вятки’.

В первом предложении отглагольное существительное управляет инессивом, поскольку глагол *улыны* ‘жить’ требует формы *кытын?* ‘где?’. Во втором предложении существительное *дышетӟсь* ‘учитель’ управляет исходным падежом, хотя глагол *дышетыны* ‘учить, преподавать’, от которого оно образовано, управляет формами *кинэ/мае?* ‘кого/что?’, *кинлы/малы?* ‘кому/чему?’, *кытын?* ‘где’, но отнюдь не *кытысь?* ‘откуда’.

Отдельного внимания требуют отглагольные существительные на *-(о)н*, управляющие винительным падежом. В таких конструкциях управляемый компонент может выступать в двух разных формах – маркированный или немаркированный аффиксом аккузатива: *Мон малпасько вал, ивортэме бере ик прокурор šог ужпум кутоз, нош солэн вожез потӟз: сыце ужъёсын вырыны урядникъёс но становойёс вань, пе, тӟляд ужды —* ***ныпиосты*** *дышетон* (Петров, 272) ‘Я подумал было, что после того как я сообщил, прокурор сразу же примет меры, а он обозлился: такими делами заниматься, мол, есть урядники и становые, а ваша работа – учить детей.’. ***Йӄл*** *кысконъя но районын бере ум кылиськe* (ТИК/УД/1999/152/5: 17) ‘И по надоям (букв.: доению молока) мы не в числе отстающих по району’.

Словосочетания типа *йӄл кыскон* ‘доение молока’ внешне очень похожи с широко распространенными в удмуртском языке конструкциями, между компонентами которых присутствует иной вид подчинительной связи – примыкание. В таких случаях либо оба элемента являются непроизводными существительными, либо отглагольное существительное выступает в качестве постпозитивного сегмента: – *Соин ик кутъёс* ***укно пияла*** *вылтӟ но ветло, уг но гылӈо, озьы-а, песянай?* (ТИК/Œеч./В/3–11–2: 51) ‘Поэтому и мухи могут ходить по стеклу окна и не падают, да, бабушка?’ *Дышетӟсьёс но каникулъёсы,* ***шутэтскон*** *нуналъёсы пу дасяло, пильыло* (ТИК/Œеч./А/8: 16) ‘И учителя тоже в каникулы, в выходные дни (букв.: дни отдыха) заготавливают дрова [на зиму]’.

Довольно часто в предложениях встречаются сложные конструкции, в образовании которых участвуют различные формы существительных, внешне похожих на форму номинатива: *Вузкарон ужен отчы-татчы ветлонъяз, со кытысь ке* ***дары лэсьтон ужлы*** *дышем* (Петров, 70) ‘[Он] много ездил по своим торговым делам и где-то обучился ремеслу изготовления пороха’. Но в таких сложных по составу словосочетаниях присутствуют разные виды гипотактической связи, и, соответстсвенно, разные формы существительного: отглагольное имя *лэсьтон* ‘изготовление’ управляет аккузативной формой субстантива *дары* ‘порох’; это простое по составу словосочетание *дары лэсьтон* ‘изготовление пороха’ примыкает к стержневому элементу (существительному *уж* ‘работа, дело’), при этом отвербальное существительное выступает в своей начальной форме, внешне схожей с номинативом.

4. Вопрос адъективного управления в удмуртском языкознании еще не поднимался. Но в том, что оно присутствует, сомнений нет. В результате анализа фактического материала необходимо отметить, что субстантивированные прилагательные, как правило, не сохраняют свое управление, покольку они приобретают/принимают управление, присущее существительным: *Зубис*

усьтэм ќсэтћ кузь ымныро, пурысьтам ***бакенбардэн*** *пересь пыриз но музозь йыбырттћз* (Петров, 298) ‘В приоткрытую дверь вошел старик с продолговатым лицом и седыми бакенбардами и поклонился до земли’. *Соин ик адъем карымон нылъёслэн но пиослэн туспуктэмъёссы возьматэмын луозы «****Ёросысьтымы*** *егитъёс» данъян пул вылын* (ТИК/УД/1997/126/1: 55–56) ‘Поэтому фотографии достойных (подражания) девушек и молодых людей будут размещены на доске почета «Молодежь нашего района»’.

В данных предложениях отадъективное существительное *пересь* ‘старый; старик’ управляет формой творительного падежа; зависимый компонент *бакенбардэн* ‘с бакенбардами’ обозначает внешнюю характеристику лица, выраженного господствующим элементом, что соответствует управлению существительных инструменталем (см. п. 2.1.). Также и во втором предложении: *егитъёс* ‘молодые; молодежь’ управляет формой исходного падежа, как и многие другие существительные; в этом случае элатив выражает принадлежностные отношения (см. п. 2.2.).

5. Таким образом, субстантивное управление присутствует в удмуртском языке. Существительные могут управлять такими падежами, как творительный, исходный, соответственный, входный, дательный, разделительный; отглагольные имена имеют более широкий спектр управления, поскольку глаголы могут управлять всеми падежами. По сравнению с глаголами, на выбор падежной формы управляемого имени лексико-семантический фактор влияет в меньшей степени; то же самое нужно отметить и в отношении грамматической составляющей – вследствие изменения грамматической формы субстантива, его управление остается прежним. Основным и постоянно действующим фактором является смысловой – коммуникативная потребность выразить те или иные смысловые отношения между господствующим и зависимым словами.

Сокращения

ВК – журнал «Вордскем кыл»; Œеч. – журнал «Œечбур»; Инв. – журнал «Инвожо»; Кен. – журнал «Кенеш»; УД – газета «Удмурт дунне».

Список источников

Петров. М. Вуж Мултан. – Ижевск: Удмуртия, 1977. – 351 б.

ТИК – ТИК – Турку-Ижевск корпус (http://www.hum.utu.fi/oppiaineet/volga/ru/materialy/).

Литература

Вахрушев В.М. Субстантивные словосочетания в удмуртском языке // Словосочетания в удмуртском языке / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР.; Под ред. В.М. Вахрушева и Р.И. Яшиной. – Ижевск, 1980. – С. 130–168.

Гизатуллина И.Ф. Именное управление в татарском языке // Вестник Башкирского университета. – 2001. – № 3. – С. 52–56.

Калинина Л.И. Причастия и причастные конструкции в удмуртском языке. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2001. – 182 с.

Майтинская К.Е. Венгерский язык. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – Ч. III: Синтаксис. – 376 с.

1. ОФУЯ – Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков / АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Наука, 1974. – 484 с.

2. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956. – 511с.

СРЯУ – Современный русский язык: Учебник: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис. – 4-е изд., стер. / Л.А. Новиков, Л.Г. Зубкова, В.В. Иванов и др.; под общ. ред. Л.А. Новикова. – СПб.: Изд-во «Лань», 2003. – 864 с.

ТГ – Татарская грамматика. / АН Татарстана; Ин-т яз., лит. и ист. им. Г. Ибрагимова. / М.З. Закиев. – Казань 1995. – Т. III: Синтаксис. – 576 с.

Тикеев Д.С. Основы синтаксиса современного башкирского языка / Д.С. Тикеев. – М.: Наука, 2004. – 312 с.

Тимушев Д.А. Именные определительные словосочетания в коми языке // Всесоюзная конференция по финно-угроведению : Тез. докл. и сообщ. / АН СССР; Ин-т языкознания. Коми филиал. – Сыктывкар, 1965. – С. 120–122.

Шутов А.Ф. Субстантивные словосочетания с зависимыми именами существительными в удмуртском языке // Вопросы грамматики и контактирования языков: Сб. статей. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН АН СССР, 1999. – С. 28–31.

Hajdú Péter. Az uráli nyelvészet alapkérdései. Budapest: Tankönyvkiadó, 1981. 202 l.

Александр Егоров
Ижевск

ФРАЗЕОЛОГИЯ УДМУРТСКОГО И ВЕНГЕРСКОГО ЯЗЫКОВ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В языковой картине мира практически каждого языка, а также в языковом сознании человека большое место занимают устойчивые по своему составу и воспроизводимые в речи в готовом виде фразеологические единицы (ФЕ) или фразеологизмы.

Фразеологическая картина мира является феноменом, позволяющим выявить общечеловеческое и национально-своеобразное во фразеологической системе разных языков. Исследование фразеологического фонда языка как результата закрепленного в языке образного, социально значимого мироосмысления народа-носителя языка, дает возможность увидеть механизм и пути формирования фразеологической системы в ее тесной связи с культурой и историей народа. В свою очередь, “сопоставительный анализ фразеологических картин мира в разных языках в яркой форме выявляет то общее в процессе освоения мира, что объединяет все народы Земли, и национально-своеобразное, обусловленное культурно-историческим опытом конкретной этнокультурной общности” (Хайруллина 1999: 3).

В отечественном и зарубежном языкознании широко представлены работы по исследованию национального своеобразия фразеологического фонда на материале разных языков, в том числе и в сопоставительном плане. При этом вопросы фразеологической универсальности разработаны лишь в незначительной степени, хотя уникальность фразеологической картины мира в каждом национальном языке заключается в особом соотношении общего, типологического и национально-специфического. Следовательно, специфика фразеологии того или иного языка может быть выявлена лишь в процессе сопоставительного анализа двух и более языков (Хайруллина 1999: 13).

Проблеме универсального и национального во фразеологии посвящены, в частности, работы отечественных ученых, как Э.М. Солодухо, Ю.П. Солодуб, Д.О. Добровольский и др.

Универсалии человеческого существования обуславливают общие черты фразеологии в разных языках, поскольку закрепляют явления объективного мира и характеризуют деятельность человека как биологического и социального индивида. Действие языковых и онтологических универсалий вызывает развитие межъязыкового фразеологического параллелизма. К таким параллелизмам в удмуртском и венгерском языках можно отнести следующие эквивалентные как по содержанию, так и по языковому выражению фразеологические единицы: удм. *вуысь кӄсын потыны* (СОВУЯ: 25) (букв. ’из воды сухим выйти’) – венг. *megússza szárazon* (MSz: 314) (букв. ’проплыл сухим’); удм. *тӄл кадь лобаны* (СОВУЯ: 118) (букв. ’как ветер летать’) – венг. (*úgy*) *fut* [*rohan* / *vágtat*], *mint a szél* (MSz: 317) (букв. ’(так) бежит [мчится], как ветер’); и др.

Наряду с общими чертами фразеологической картины мира в разных языках в ней выражаются культурно-национальные особенности, отражающие

идиоэтническое мировидение. Опыт познания мира у разных народов различен, жизнь каждого народа протекает в определенных природно-климатических условиях, в определенном социальном микроклимате, у каждого народа свои вековые традиции и нормы поведения.

Изучение культурно-национальной семантики языка, начатое в рамках лингвострановедения, дает богатый материал для описания национальной картины мира, так как акцентирует внимание на особенностях национального мировосприятия и его закрепления в языке.

Нами осуществлена попытка в ходе сопоставительного структурно-семантического анализа фразеологической картины мира удмуртского и венгерского языков (на примере тематического блока «Человек») выявить общечеловеческие и национально-специфические черты, обусловленные культурно-историческим развитием этих народов.

Тематический блок «Человек» объединяет тематические группы фразеологических единиц, обозначающих индивидуальные характеристики человека и его социально обусловленные качества, его деятельность, духовный мир.

1. Фразеологические единицы, характеризующие индивидуальные качества человека (возраст, внешность, физическое состояние, способы восприятия мира и т. д.)

Со значениями ’юный, молодой’ образуются следующие ФЕ: а) имеющие более-менее точные лексические соответствия в обоих языках: удм. *кӧмысьтыз потымтэ чипы* (СОВУЯ: 53) (букв. ’не вышедший из своей скорлупы цыпленок’) – венг. *vkinek a fenekén sötétben is világít a tojáshéj* (MSz: 98) (букв. ’у кого-л. на заду и в темноте светится яичная скорлупа’); удм. *йӧлыз ымдураз кӧсамтэ на* (СОВУЯ: 39) (букв. ’молоко на его губах еще не высохло’) – венг. *még tejes vkinek a szája* (MSz: 309) (букв. ’еще в молоке чей-л. рот’); и др.; со значением ’среднего возраста’: удм. *кутэтысь* [*аресысьтыз*] *потэмын* (СОВУЯ: 10, 60) (букв. ’из пеленок [из возраста] вышел’) – венг. *kinőtt már* [*már kinőtt*] *a gyerekcipőből* [*a gyereksorból* / *a pólyából* / *a vessző alól*] (MSz: 452) (букв. ’вырос уже [уже вырос] из детской обуви [из детских рядов / из пеленок / из-под розги]’); и др.; со значением ’старый, преклонных лет’: а) имеющие смысловые соответствия в обоих языках: удм. *пал пыдыныз шайгуын сылыны* (букв. ’одной ногой в могиле стоять’) – венг. *fél lábbal* (*már*) *a sírban* [*a koporsóban*] *van* (MSz: 563) (букв. ’одной ногой (уже) в могиле [в гробу] быть’); *a sír szélén áll* [*van*] (MSz: 300) (букв. ’на краю могилы стоять [быть]’); удм. *лулыз мырдэм возиське на* (букв. ’его душа кое-как держится’) – венг. *alig van már szusz vkiben* (MSz: 339) (букв. ’едва ли есть дух в ком-л.’); и др.; б) не имеющие точных лексических соответствий: удм.: *кык дунне улыны* (СОВУЯ: 61) (букв. ’два мира прожить’); пересь вактаз (СОВУЯ: 90) (букв. ’в своем старом возрасте’); венг.: *belepi a dér vkinek a fejét* [*a haját*] (MSz: 563) (букв. ’покрывает иней чью-л. голову’); *őszbe csavarodik vkinek a feje* (MSz: 563) (букв. ’в осень закручивается чья-л. голова’); и др.

Сопоставление удмуртских и венгерских ФЕ, обозначающих внешность человека, приводит к выводу о том, что ее описание закрепляется во

фразеологизмах с интегральными семами “красивый–некрасивый”, “худой–толстый” и др.

Красота человека передается следующими ФЕ: а) имеющими лексические соответствия в обоих языках: удм.: *картинка кадь* (СОВУЯ: 43) (букв. ’как картинка’) – венг.: *kép alá való* (букв. ’под картину годный’); удм.: *ӈуч мунё кадь* (СОВУЯ: 37) (букв. ’как русская кукла’) – венг.: *olyan, mint egy porcelánbaba* (букв. ’такой, как фарфоровая кукла’); б) не имеющими точных лексических соответствий: удм.: *ворпо душес кадь* (СОВУЯ: 22 (букв. ’как пестрый ястреб’); *вуэм пушмульы кадь* (СОВУЯ: 25) (букв. ’как спелый орех’) – венг.: *karcsú, mint az őz* (MSz: 588) (букв. ’стройный, как косуля’); (*olyan*) *szép, mint az* [*egy*] *angyal* (MSz: 588) (букв. ’(такой) красивый, как ангел’); *szép darab* [*példány*] (MSz: 588) (букв. ’красивый экземпляр’); и др.

Такой признак, как «худой – толстый» в обоих языках передается с помощью общечеловеческих показателей: у худого выделяются кости, а у толстого – округлая форма тела, лица («худой» – удм.: *лы но ку* (СОВУЯ: 71) (букв. ’кости и кожа’) – венг. (*csupa*) *csont és bőr* (MSz: 52) (букв. ’(только) кости и кожа’); удм.: *урдлыосыз адӈисько* (букв. ’его ребра виднеются’) – венг. *kiáll vkinek minden csontja* (MSz: 52) (букв. ’выступают все кости у кого-л.’); удм. *куссэ лек тӧл чигтоз* (СОВУЯ: 59) (букв. ’его поясницу злой ветер сломит’) – венг. *olyan, hogy a szél is majd elfújja* (MSz: 583) (букв. ’такой, что и ветер сдует’); удм. *вужер гинэ кылемын* (букв. ’только тень осталась’) – венг. (*csak*) *árnyéka önmagának* (MSz: 583) (букв. ’(только) тень самого себя’); «толстый» – удм.: *кӧйыз тырем* (СОВУЯ: 53) (букв. ’его жир переполнил’) – венг.: *hájat ereszt* [*növeszt*] (MSz: 525) (букв. ’жир отпускать [отращивать]’); удм.: *мырдэм östӥ тэре* (букв. ’кое-как в дверь влезает’) – венг.: *alig fér be az ajtón* (MSz: 525) (букв. ’едва влезает в дверь’); удм.: *сюдэм парсь кадь* (СОВУЯ: 112) (букв. ’как откормленная свинья’) – венг.: *olyan kövér, mint a disznó* (MSz: 525) (букв. ’такой толстый, как свинья’); и др.

Давая образную характеристику здоровья человека, оба народа акцентировали внимание на его внешнем виде, действиях и способностях: удм. *бамаз чапкид ке, вирыз пазьгиськоз* (СОВУЯ: 13) (букв. ’если по его щеке ударишь, его кровь брызнет’) – венг. *majd kicsattan vkinek az arca* (*az egészségtől*) (MSz: 446); удм. *сюдэм ош кадь* (СОВУЯ: 112) (*букв.* ’как откормленный бык’) – венг. *nagyon bika* (MSz: 446) (букв. ’очень бык’); удм. *кыдатэм корт кадь* (букв. ’как закаленное железо’) – венг. *olyan, mint a vas* (MSz: 446) (букв. ’такой, как железо’); и др.

Семантика ФЕ, обозначающих способности зрительного и слухового восприятия, включает интегральные семы «видеть – не видеть», «слышать – не слышать» (Хайруллина 1999: 32). Семантика таких ФЕ базируется на лексическом фоне слов *син – szem* ’глаз’ (орган зрения), *пель – fül* ’ухо’ (орган слуха), напр.: удм. *син шоры йӧтыны* (СОВУЯ: 107) (букв. ’на глаза попадаться’) – венг. *szembe tűnik* (букв. ’в глаза бросаться’); удм. *синмыныз сиыны* (СОВУЯ: 106) (букв. ’глазами есть’) – венг. *majd felfal a szemével* (MSz: 321) (букв. ’пожирать глазами’); удм. *пельэ сак возьыны* (СОВУЯ: 89) (букв. ’ухо востро держать’) – венг. *hegyezi a fülét* (MSz: 109) (букв. ’навострить уши’); удм. *пель сьӧртӈз лэзьыны* (букв. ’мимо ушей пропустить’) – венг. *elenged a füle mellett* (MSz: 108) (букв. ’пропустить рядом с ушами’); и др.

Описание внешних признаков находит яркое выражение во фразеологии удмуртского и венгерского языков, но более пристальное внимание уделяется внутренним качествам и свойствам человека, его духовной жизни.

2. Внутренние качества и черты характера человека

Описание внутренних качеств и черт характера человека во фразеологии основывается как на общечеловеческих основаниях их оценки, так и на национально-специфических, отражающих нормативные установки конкретного социума (Хайруллина 1999: 33).

Характеристика отдельных качеств и черт человека может передаваться в сопоставляемых языках с помощью сходных ассоциаций. Так, осуждаемое у разных народов качество «болтливый» ассоциируется с длинным языком, неумеренностью в речи: удм. *кылыз кузь* (СОВУЯ: 65) (букв. ’его язык длинный’) – венг. *a nyelvét koptatja* (MSz: 252) (букв. ’свой язык треплет’); удм. (*вина*) *кылэз сэрттэ* (СОВУЯ: 20) (букв. ’(вино) язык развязывает’) – венг. *a bor megoldja vkinek a nyelvét* (MSz: 470) (букв. ’вино развязывает язык’); качество «трусливый» часто ассоциируется с образом зайца как олицетворением трусости, а также с образом ребенка, привязанного к матери: удм. *луд кеч кадь кышкась* (букв. ’как заяц трусливый’) – венг. *fél* [*gyáva*], *mint a nyúl* (букв. ’боится [трусливый], как заяц’); удм. *ас вужерезлэсь но кышка* (букв. ’и своей тени боится’) – венг. *még a maga* [*a saját*] *árnyékától is megijed* (MSz: 18) (букв. ’даже и своей [собственной] тени боится’); удм. *анаезлэн дэремез борды кутћськыса улэ* (букв. ’держась за платье матери живет’) – венг. *az anyja kötényébe kapaszkodik* (MSz: 13) (букв. ’в фартук матери цепляется’); и др.; качество «чванливый» – с поведением человека, ставящего себя выше других: а) ФЕ, имеющие соответствия в обоих языках: удм. *йырзэ љутыны* [*урдыны*] (СОВУЯ: 40)(букв. ’голову поднимать [задирать]’) – венг. *felveti* [*felszegi*] *a fejét* (букв. ’поднимать [задирать] голову’); удм. *ымыз бадњым* (букв. ’его рот большой’) – венг. *nagy vkinek a szája* [*a pofája*] (Sz: 279, 309) букв. ’большой у кого-л. рот [морда]’); б) ФЕ, не имеющие соответствий: удм. *айы немыч* (ОВУЯ: 9) (букв. ’самец индюка’); удм. *вылћысен уллань учкыны* (СОВУЯ: 26) (букв. ’сверху вниз смотреть’); удм. *йырыз вылын* [*инмын*] (СОВУЯ: 42) (букв. ’его голова вверху [в небе]’); венг. *fél téglával veri a mellét* (MSz: 344) (букв. ’половиной кирпича бить в грудь’); венг. *már csak a pávatoll hiányzik vkinek a fenekéből* (MSz: 273) (букв. ’еще только павлиньего пера не хватает в заду у кого-л.’); и др.; качество «легкомысленный» – с характеристикой ума: а) взаимно эквивалентные ФЕ: удм. *тылэн шудон* (букв. ’игра с огнем’) – венг. *játék a tűzzel* (MSz: 157) (букв. ’игра с огнем’); б) ФЕ без взаимных лексических эквивалентов: удм. *йыраз тöл шула* (СОВУЯ: 39) (букв. ’в его голове ветер свистит’); удм. *тöл вуко* (СОВУЯ: 118) (букв. ’ветряная мельница’); удм. *тöло пу* (СОВУЯ: 118) (букв. ’ветряная доска’); удм. *юмал визь* (СОВУЯ: 142) (букв. ’пресный ум’); венг. *kecskére bizza a káposztát* (MSz: 170) (букв. ’козе доверяет капусту’); венг. *Hegyen, völgyön lakodalom* (MSz: 134) (букв. ’на горе, на холме свадьба’); венг. *vulkánon* [*a vulkán tetején*] *táncol* (MSz: 386) (букв. ’на вулкане [на вершине вулкана] танцевать’); и др.

3. Духовный мир человека

Фразеологические единицы, которые обозначают составляющие духовного мира человека, в семантическом плане объединяются в следующие фразеосемантические поля: «ум», «эмоции», «память».

Многими народами «ум» оценивается по шкале «умный – средних способностей – глупый» (в данных группах взаимные семантические эквиваленты удмуртских и венгерских ФЕ нами не выявлены). Качество «умный» представлено такими примерами, как: удм. *визьзэ нуллыны песьтэр кулэ* (СОВУЯ: 20) (букв. ’его ум носить пестерь нужен’); удм. *визь бордаз басьтӟськыны* (СОВУЯ: 20) (букв. ’за ум взяться’); удм. *визь люканы* (СОВУЯ: 20) (букв. ’ум копить’); удм. *визь пуйы* [*песьтэр*] (СОВУЯ: 20) (букв. ’мешок [пестерь] с умом’); удм. *котелокез пӧзе* (СОВУЯ: 50) (букв. ’его котелок варит’); венг. *gyorsan* [*jól*] *forog vkinek az esze* (MSz: 711) (букв. ’быстро [хорошо] вертится ум у кого-л.’); венг. *elöl állt, amikor az észt osztogatták* (MSz: 80) (букв. ’впереди стоял, когда ум раздавали’); венг. *jól van bútorozva vkinek a koponyája* (MSz: 189) (букв. ’хорошо обставлен мебелью его череп’); и др. Качество «глупый» проиллюстрируем следующими ФЕ: удм. *бер чоръясь атас* (СОВУЯ: 14) (букв. ’поздно кукарекающий петух’); удм. *визьмыз пыӵ йыр быдӈа* (СОВУЯ: 20) (букв. ’его ум величиной с блошиную голову’); удм. *визьмыз тӧлъя шудэ* (СОВУЯ: 20) (букв. ’его ум по ветру играет’); удм. *кеньырез уг тырмы* (СОВУЯ: 44]) (букв. ’крупы не хватает’); удм. *йыртэм йыр* (СОВУЯ: 41) (букв. ’безголовая голова’); удм. *йыраз макня* (СОВУЯ: 39) (букв. ’в его голове мякина’); венг. *annyi esze sincs, mint egy csirkének* (MSz: 50) (букв. ’и столько ума нет, как у курицы’); венг. *bakot fej* (MSz: 23) (букв. ’козла доить’); венг. *bámul, mint borjú az új kapura* (MSz: 36) (букв. ’пялиться, как теленок на новые ворота’); венг. *buta, mint a cipőm* [*csizmám*] *talpa* (MSz: 44) (букв. ’глупый, как подошва моей обуви [сапог]’); венг. *hátul állt, amikor az észt osztogatták* (MSz: 80) (букв. ’сзади стоял, когда ум раздавали’); и др. И в удмуртском, и в венгерском языках наличие ума, ассоциируется, прежде всего, с головой и мозгом как органом интеллектуальной деятельности. Однако, существуют некоторые отличия в содержании ассоциаций. Так, употребляемые по отношению к голове эпитеты в составе ФЕ также отражают психологию народов: у удмуртов голова может быть мякинная, дырявая, куриная, овечья, а у венгров человек может быть глуп как курица, гусь, овца (баран), гипсовая утка, фарфоровая кошка, горсть сушеных бабочек, тыква, пушка и т. д.

В сопоставляемых языках характеристика эмоций чаще всего дается опосредованно. В состав обозначающих чувства ФЕ редко входят названия самих чувств. В семантике ФЕ, как правило, фиксируются не сами эмоции, а их проявление и объект, вызывающий то или иное чувство. Поскольку человек в том или ином состоянии характеризуется определенным поведением, то описание эмоций во фразеологизме передается через описание самого человека.

Ассоциации, описывающие проявления чувств человека, в целом сходны по содержанию в обоих языках. Они восходят к описанию:

а) внешнего вида человека, испытывающего какое-либо состояние: удм. *йырзэ ошыны* (СОВУЯ: 40) (букв. ’голову повесить’) – венг. *lógatja a fejét* (MSz: 93) (букв. ’повесить голову’); удм. *синзэ чагыртыны* (СОВУЯ: 107) (букв. ’глаза

выпучить’) – венг. *kimereszti* [*kidülleszti*] *szemét* (MSz: 320) (букв. ’вытаращить [выпучить] глаза’); и др.;

б) поведения человека в том или ином состоянии: удм. *йырсизэ лӧдыны* [*ишканы*] (СОВУЯ: 41) (букв. ’волосы рвать’) – венг. *haját tépi* (MSz: 123) (букв. ’волосы рвать’); и др.;

в) поведения животного или насекомого, сравниваемого с поведением человека в том или ином состоянии: удм. *сӟзьыл кут кадь* (букв. ’как осенняя муха’) – *hull, mint az őszi légy* (MSz: 796) (букв. ’гибнет, как осенняя муха’); удм. *пуны кадь жадьыны* (СОВУЯ: 96) (букв. ’как собака устать’) – венг. *fáradt, mint a kutya* (MSz: 788) (букв. ’устал, как собака’); и др.;

г) состояния сердца, души: удм. *сюлэм вылаз из кылле* (букв. ’на его сердце камень лежит’) – венг. (*nagy*) *kő nyomja a szívét* (MSz: 190) (букв. ’(большой) камень давит его сердце’); удм. *сюлмыз висе* (букв. ’его сердце болит’) – венг. *fáj* [*sajog*] *a szíve* (MSz: 329) (букв. ’болит [ноет] его сердце’); удм. *сюлмыз тэтче ни вал* (букв. ’его сердце уже почти выпрыгнуло’) – венг. *majd kiugrik a szíve* (*a helyéről*) (MSz: 330) (букв. ’вот-вот выпрыгнет его сердце (с места)’). Не найдены венгерские лексические соответствия для следующих удмуртских ФЕ, обозначающих состояния души: удм. *лул пыже* (СОВУЯ: 70) (букв. ’душа жарится’); удм. *кӧт ӈуа* (СОВУЯ: 54) (букв. ’живот горит’); удм. *кӧт куректэ* (СОВУЯ: 54) (букв. ’живот ноет’); и др.

Фразеологические единицы, характеризующие память, противопоставляются по интегральным семам «помнить – забыть» (представленные ниже пары примеров представляют собой лексические соответствия): удм. *йырын возьыны* [*улыны*] (СОВУЯ: 42) (букв. ’в голове держать [жить]’) – венг. *fejben tart vmit* (MSz: 92) (букв. ’в голове держать что-л.’); удм. *йырын чилектӥз* (букв. ’в голове сверкнуло’) – венг. *az agyában villan vmi* (MSz: 3) (букв. ’в его голове сверкнуло что-л.’); удм. *йыраз пыртыны* (букв. ’в голову заносить’) – венг. *a fejébe* [*az agyába*] *vés vmit* (MSz: 3, 91) (букв. ’в голове [в мозгу] высечь что-л.’); удм. *йырысьтыз поттыны* [*поттэмез уг луы*] (букв. ’из головы вытащить [вытащить не может]’) – венг. *nem tud kiverni a fejéből vkit*/*vmit* (MSz: 93) (букв. ’не может вытащить из головы кого-л., что-л.’); и др.

Таким образом, духовный мир человека получает закрепление во фразеологии обоих языков. Несмотря на общечеловеческий характер самих эмоций, в удмуртских и венгерских фразеологизмах закрепился опыт оценки чувств, полученный в разных ситуациях и зафиксировавший национальную психологию.

Анализ фразеологических полей удмуртских и венгерских фразеологических оборотов позволяет сделать вывод о том, что ФЕ, объединяющиеся в тематический блок «Человек», дают обобщенный портрет представителя каждого из народов. Наряду с общими чертами, обусловленными универсалиями человеческого существования, общечеловеческими основаниями и стереотипами оценки качеств человека, во фразеологии находит отражение национальная психология, склад ума народа, традиции и обычаи, этические и моральные установки народа.

Литература

Венгерско-русский словарь: 40 000 слов / Под общ. ред. Л. Гальди. 2-е изд., стереотип. М.: Русский язык; Будапешт: Изд-во Академии наук Венгрии, 1987. 872 с.

Дзюина К.Н. Краткий удмуртско-русский фразеологический словарь / К.Н. Дзюина. Ижевск: Удмуртия, 1967. 132 с.

СОВУЯ – Средства образного выражения в удмуртском языке / Сост., пер. К.Н. Дзюиной. Ижевск, 1996. 144 с.

Удмуртско-русский словарь: Около 35 000 слов / Под ред. В.М. Вахрушева. М.: Рус. яз., 1983. 592 с.

Удмуртско-русский словарь: Ок. 50 000 слов / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ; Сост. Т.Р. Душенкова, А.В. Егоров, Л.М. Ившин, Л.Л. Карпова, Л.Е. Кириллова, О.В. Титова, А.А. Шибанов; Отв. редактор Л.Е. Кириллова. Ижевск, 2008. 925 с.

Хайруллина Р.Х. Сопоставительная фразеология русского и башкирского языков. Теория и практика: Уч. пособие. Уфа: БашГПИ, 1999. 87 с.

Forgács T. Magyar szólások és közmondások szótára: Mai nyelvünk állandósult szókapcsolatai példákkal szemléltetve. Budapest: Tinta Könyvkiadó, 2004. 822 l.

MSz – Magyar szólástár: Szólások, helyzetmondatok, közmondások értelmező és fogalomköri szótára / Főszerkesztő: Bárdosi Vilmos. Budapest: Tinta Könyvkiadó, 2004. 952 l.

MSzK – Nagy O. G. Magyar szólások és közmondások. 8. kiadás. Talentum, 1999. 863 l.

Orosz–magyar kézi szótár. 2. kiadás. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1975. 1120 l.

Dennis Estill
Helsinki

THE ACOUSTIC CORRELATES OF ZYRYAN WORD STRESS

Abstract

The language under discussion in this paper is Komi-Zyryan, the prosodic feature to be discussed below is word stress and the research describes an acoustic analysis of the speech of four individuals.

In the acoustic analysis, I have considered three parameters; viz. intensity, together with amplitude A_0, A_1, A_3, fundamental frequency (F_0) and duration. Voice quality was not analysed. The results would appear to show that in Zyryan word stress is most often achieved by an increase in intensity, although the other parameters alone or in combination are also very frequently the cause.
Keywords: Zyryan, word stress, intensity, single and multiple parameters

1. Introduction

There are two literary Komi languages, Komi-Zyryan (thence Zyryan) and Komi-Permyak. A third Komi dialect, Yaźva, could perhaps be considered a separate Komi language in its own right. Zyryan is spoken in the nominal Republic as well as in certain other areas in Russia. In Zyryan, word stress has generally been described as falling on the initial syllable. In this paper I set out to describe the nature of word stress in Zyryan as determined by its acoustic correlations.

2. Zyryan word stress – A challenge

The general opinion is that Zyryan word stress, and Komi word stress in general, is fixed on the first syllable. In fact, it must be admitted without reservation that stress does occur regularly on the initial syllable of the word and that, with the exception of Russian loan words, there is very little variation from this pattern. The renowned Fenno-Ugrist D. V. Bubrikh (Bubrikh 1949) stated that word stress is generally on the first syllable, while A. I. Podorova (Podorova 1949) did not even add the word “generally”. However, word stress in Zyryan cannot be regarded as fixed, in the sense that other realisations of word stress with stress on a syllable other than the first would necessarily be considered unacceptable by native speakers. Perhaps a better description can be found in V. I. Lytkin (Lytkin 1970), who refers to Zyryan word stress as usually having no stable position, although there is a tendency for stress to be initial even if it is not obligatory or, in other words, and Lytkin supports his arguments historically, much depends on the preferences of the speaker. Even more specifically, Raija Bartens (Bartens 1999) is able to provide copious examples of variation in word stress position including those based on morphological rules of stress. The probable development of word stress in Zyryan historically was considered in Estill 2006, and is summarised in figure 1.

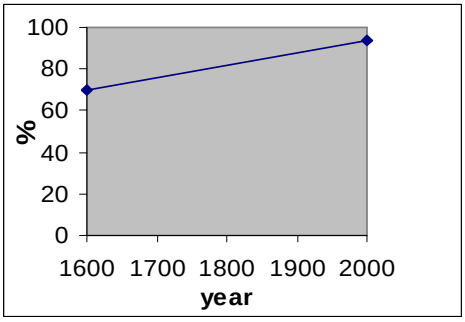

Figure 1. Chart with curve showing a conservative estimate of the possible historical development of word stress on the first syllable in Komi as percentage (*y*-axis) for the years 1600–2000 (*x*-axis), according to Estill 2006.

Any simple rule of fixed initial stress would fail to take into consideration speaker preferences, copious exceptions to the initial syllable pattern despite the regularity of first syllable stress and the chronological aspect. The challenge is to determine how the acoustic parameters correlate to produce word stress in Zyryan today, and how word stress should be defined.

3. The acoustic experiments

Generally speaking, little experimental research has been carried out concerning the acoustical nature of Zyryan word prosody. Although not always regarded as the main factor in many studies, it has been observed in, for example, Erzya (Estill 2004) and Greek (Botinis 1998) that word stress may sometimes have more to do with intensity than with fundamental frequency (F_0), although determining this is problematic because the measurement of intensity is fraught with so many complications (Iivonen 2004). Furthermore, the role of duration must of course be analysed. Any account of Zyryan prosody should also take into consideration the possible influence of Russian. According to Natalia Svetozarova (Lytkin 1970), in Russian "stressed vowels as a rule exhibit higher values of these parameters (length and intensity) than unstressed ones".

3.1. An acoustic experiment involving four informants

The informants for this experiment were LC, JG, OM and OO. All of these were female, between the ages of 20–30, and all were either university students or teachers.

In analysing Zyryan word stress, I have considered three parameters; viz. intensity, fundamental frequency (F_0) and duration. Voice quality has not been analysed. The decision concerning whether or not to finally regard a particular parameter as a cause for the perception of word stress was made in a fairly straightforward fashion, by which I mean a calculation based on just noticeable differences (JNDs) in the case of fundamental frequency and duration, since these do not generally present too many complications (Lehiste 1970); the difficulties arise when considering the role of intensity. Depending on the extent to which variation occurred in the contours of the curves for intensity and F_0, measurements were taken at several points, and when necessary means were compared.

Three of the informants were from the same dialect area, that is, *Upper Vychegdan*. The other informant spoke a different dialect, *Prisyktyvkarskij*. The first one hundred words of a section from the book *Ézhva pedymsa zonka*, a modern Zyryan novel by V. Timin (Timin 2000) were read onto a CD using a PlexTalk recorder in a room at the University of Helsinki. The windows were closed and electrical interference was reduced to a minimum. Since, under the circumstances, laboratory conditions could not be entirely met, a calibration signal was used to determine the fidelity of sound. Monosyllabic words were not analysed, although the measurements were recorded for other research. The Praat 4.0 program was used for making the measurements.

The extract recorded did not include any recent borrowings from Russian since stress on these words follows different rules. Decisions concerning the verification of intensity as a feature causing word stress were only made on the basis of general agreement between all four amplitude levels, that is, intensity, A_0, A_1 and A_3. This does not mean that all four parameters had to display greater amplitude in the stressed syllable, but that a general "consensus" could be found, that is to say, that in general terms where intensity could be shown to have a JND there was substantial agreement among the other measurements of amplitude (Backus 1977). The following table shows the totals for all incidents of intensity, F_0 and duration occurring in the text for all four speakers:

Table 1. Total occurrences of three acoustic parameters exceeding JNDs for four female Zyryan speakers, JG, LC, OM and OO reading the same text from a modern Zyryan novel.

acoustic parameter	**JG (100 words)**	**LC (101 words)**	**OM (103 words)**	**OO (102 words)**	**total**
Intensity (dB)	62	64	52	58	236
F_0 (Hz)	44	49	32	39	164
Duration (ms)	35	60	41	45	181

Table 1 shows the number of times during the reading of the text by all speakers that a particular acoustic parameter in a stressed syllable was more noticeable than in the other syllable(s) in the same word regardless of whether or not this was the only conspicuous acoustic parameter. This table shows that (1) all acoustic parameters were frequently evident as an indication of the occurrence of word stress and (2) intensity **tended** more often than the other parameters to be related to word stress.

Table 2, on the other hand, shows the number of times a particular acoustic parameter or combination of acoustic parameters was instrumental in the production of word stress.

Table 2. Acoustic parameters exceeding JNDs and their combinations as totals (with percentages in brackets) in the speech of four female informants.

Acoustic parameter(s)	**JG (%)**	**LC (%)**	**OM (%)**	**OO (%)**	**Total (%)**
Intensity	20 (20.0)	8 (7.9)	18 (17.5)	21 (20.6)	67 (16.5)
F_0	12 (12.0)	0 (0.0)	4 (3.9)	5 (4.9)	21 (5.2)
Duration	8 (8.0)	22 (21.8)	19 (18.4)	18 (17.6)	67 (16.5)
Intensity + F_0	18 (18.0)	21 (20.8)	16 (15.5)	16 (15.7)	71 (17.5)
Int. + dur.	13 (13.0)	10 (9.9)	10 (9.7)	9 (8.8)	42 (10.3)
F_0 + duration	3 (3.0)	3 (3.0)	4 (3.9)	6 (5.9)	16 (3.9)
Int. + F_0 + dur.	11 (11.0)	25 (24.8)	8 (7.8)	12 (11.8)	56 (13.8)
None	15 (15.0)	12 (11.9)	24 (23.3)	15 (14.7)	66 (16.3)
Total	100 (100.0)	101 (100.0)	103 (100.0)	102 (100.0)	406 (100.0)

The totals column shows the close correspondence of intensity with word stress, which can be observed from the fact that percentage figures for the involvement of particular acoustic features, whether as a single factor or in combination, were 69.4, 48.2 and 53.2 for intensity, F_0 and duration respectively, when those cases for which no feature(s) could be shown to be the cause of word stress had been eliminated. The effect of sentential stress on the word stress patterns of these speakers was not included in the study, although it is possible that the most significant part in the production of sentential stress is played by F_0 particularly when, at a cursory glance at the patterns of F_0 in words bearing sentential stress, it would appear that all four speakers were fairly unanimous in their reliance on F_0 in the production of stress on words with sentential stress. Therefore, it may be supposed for the purposes of this experiment, and until sentential stress has been separately analysed, that intensity and duration are more related to word stress than F_0, and perhaps by implication less related to sentential stress than F_0. This is still a tentative conclusion awaiting future verification.

There were some individual differences in the acoustic parameters producing the word stress of the four speakers. Intensity was involved in the production of word stress in 62% of cases for JG, 64% for LC, 52% for OM and 58% for OO, and in this respect the informants were similar. However, while intensity was usually a complementary factor for LC, it was a more dominant factor on its own for the other three, and to a somewhat lesser extent this was also true of the occurrence of F_0. In fact, there was not a single case of F_0 on its own being responsible for the production of word stress in the case of LC. This situation was, on the other hand, to some extent reversed for duration. Duration was seldom by itself the parameter causing JG's word stress, whereas it was often the only factor related to word stress for the other three. However, on balance it can be observed from the figures that F_0 was not often the sole feature causing word stress, although its relevance as a combinatory factor was considerable. Duration was more than twice as frequently the only conspicuous feature, although in combination seems somewhat less relevant. As a single factor intensity was, like duration, often the only cause of word stress and in combination even more prevalent than F_0. I would like to stress again, however, that these are preliminary results and, obviously, a study of a wider section of the population could alter these

findings. It will be observed from table 2 that in the case of 16.3 per cent of word stress placements no acoustic parameter could be shown to initiate stress, yet these words were distinctly heard to be stressed.

4. Conclusion

Looking at the results as a whole there is no single factor behind the realisation of word-stress in Zyryan. It would seem that all acoustic parameters or combinations of acoustic parameters are regularly employed in the production of word-stress. In section 3.1 the order of occurrence in the production of word stress for specific acoustic parameters for the four informants was found to be intensity first 69.4 per cent, after which duration (53.2) and finally F_0 (48.2). So it could be the case that the effect of duration was not quite as great as Lytkin thought, although it must be borne in mind that the intervening decades may have had an effect on the parameters.

As shown in figure 1, stress has gradually moved onto the first syllable after being historically much less regular. Word stress in the Mordvin languages, Erzya and Moksha, has passed through similar stages of change, resulting in preference-based stress in modern Erzya (Botinis 1998). As V. I. Lytkin has pointed out (Lytkin 1952), initial-syllable word stress in Zyryan is not obligatory. Lytkin provides examples. However, despite such examples Zyryan may be reaching a stage in which it is difficult to sustain an assertion that stress is still preferential, since from the material described in section 3 it would indeed be difficult to find examples of non-initial word stress for which another explanation could not be found, such as sentential stress, juncture, contrastive stress, etc., and after all it is about 40 years since Lytkin wrote down his observations. Much depends on speakers' acceptance or non-acceptance of digressions from the pattern of initial stress. Zyryan may be passing over or have already passed over a "threshold" between what can be regarded as normal first-syllable word stress and predominantly first-syllable word stress influenced by preference-based stress, the latter having been the pattern for at least many centuries.

As far as the acoustical nature of Zyryan is concerned, this matter has not yet been sufficiently investigated. This inquiry of mine would suggest that the part played by duration is considerable, yet not dominant and that fundamental frequency in the production of word stress probably plays a supporting role, with intensity being even more significant than the other two parameters. Nevertheless, there are relatively few cases in which one parameter alone seems sufficient to generate stress and many examples in which either all acoustic parameters are involved, or conversely, not at all.

References

Backus, John.1977. *The acoustical foundations of music (2nd edition).* New York: W. W. Norton

Bartens, Raija 1999. *Permiläisten kielten rakenne ja kehitys,* Helsinki: Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 238, 64–65.

Botinis, Antonius. 1998. *Intonation in Greek.* In: Hirst, Daniel and Albert Di Cristo (eds), *Intonation Systems. A Survey of Twenty Languages*. Cambridge: Cambridge University Press, 288–310.

Bubrikh, D. V. 1949. *Grammatika literaturnogo komi yazyka*, Leningrad: Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. A. Zhdanova.
Estill, Dennis. 2004. *Diachronic change in Erzya Word Stress*. Helsinki: Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 246.
Estill, Dennis. 2006. Some observations on Zyryan word stress, past and present. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*, 91, 71–80.
Iivonen, A. 2004. Puoliuhohduksiin jäänyt puheen intensiteetti. In T. Seppänen, K. Suomi & J. Toivanen (Eds.) *Fonetiikan päivät*, 48–51. Oulu: MediaTeam & Suomen kielen, informaatiotutkimuksen ja logopedian laitos. Oulun Yliopisto.
Kuratov, Ivan. 1979. *Moya Myza. Sobraniye hudozhestvennyh proizvedenij*. Syktyvkar: Komi knizhnoye izdateľstvo.
Lehiste, Ilse. 1970. *Suprasegmentals.* Cambridge MA: Massachusetts Institute of Technology Press, 6–53.
Lytkin, V. I. 1952. *Drevnepermskij yazyk̃ Chteniye tekstov, grammatika, slovaŕ*. Moskva: Izdateľstvo akademii nauk, CCCP.
Lytkin, V. I. 1955. *Sovremennyj komi yazyki, fonetika, leksika, morfologiya*. Syktyvkar: Komi knizhnoye izdateľstvo, I 60–61.
Lytkin, V. I. 1970. Problema leksicheskogo udareniya v finno-ugorskikh yazykakh. *ACTT Linguistic Academiae Scientiarum Hungaricae* 20 (3–4), 245–263.
Ocherki mordovskikh dialektov, Tom I, II, III, V. (1961, 1963, 1963, 1968). Saransk: Mordovskoye Knizhnoye Izdateľstvo. I 41.
Podorova, A. I. (ed.) 1949. *Komi-russkij slovaŕ*, Syktyvkar: Komi gosudarstvennoye izdateľstvo, 231.
Svetozarova, Natalia. 1998. Inonation in Russian. In Hirst, Daniel and Albert Di Cristo (Eds.) *Intonation Systems. A Survey of Twenty Languages* pp. 261–274. Cambridge: Cambridge University Press.
Timin, V. 2000. *Ézhva pedymsa zonka*. Syktyvkar: Ésköm Izdateľstvo.

Людмила Евдокимова
Екатеринбург

СОВРЕМЕННЫЙ ФИННО-УГОРСКИЙ ЭТНИЧЕСКИЙ ИДЕНТИТЕТ В УСЛОВИЯХ УРАЛА

Этнический идентитет можно рассматривать как одну из частей социального идентитета человека. Phinney и др. (Phinney 2001) выделили три универсальных компонента идентитета:

1 этническая идентификация, т.е. к какому этносу себя относит личность;

2 позитивное или негативное отношение к своей группе (чувство гордости и удовлетворения или желание скрыть свою этническую принадлежность);

3 ощущение связи (происхождение как ценность, интерес к своей группе, ощущение отличности).

При исследовании этнического идентитета изучают язык, религию, участие в национальном движении и другие факторы. На Урале из финно-угорских народностей живут коми, манси, марийцы, мордва, удмурты, ханты. В обобщенном представлении они себя идентифицируют как народ близкий к природе, дружелюбный, трудолюбивый, сдержанный, терпеливый, это отразилось и в поговорках, крылатых выражениях и др. Например, марийское «руш вате гай варгыжаш» – «орать, как русская баба» и др.

По мнению многих исследователей, существует связь между силой этнического идентитета с экономической позицией и средой обитания человека. Идентитет выше среднего отмечен в том случае, если человек живет в месте, где есть много его сородичей – в местах компактного расселения. Идентитет усиливается, когда среда компактного проживании многонациональная. Например, в Башкортостане, где основное население башкиры и татары с высоким идентитетом, проживает около 100 тысяч марийцев, здесь марийский язык изучается в средних школах до 11 класса, имеется отделение марийского языка в Бирском пединституте, издается марийская газета и в республике Марий Эл и Ханты-Мансийских центрах финноугроведения много специалистов – филологов, выходцев из Башкортостана. В Свердловской области компактно проживают около 30 тысяч марийцев в четырех районах – Артинском, Ачитском, Красноуфимском, Нижнее-Сергинском, их дети учатся примерно в 15 школах. Большинство школ является смешанными русско-марийскими, однако даже в школах с преобладающим марийским контингентом родители противятся изучению родного языка, считают его ненужным для дальнейшей социализации их детей. В итоге марийский язык ведется как предмет лишь в двух основных школах с контингентом менее 100 человек.

Идентитет усиливается также в случае низкого социально-экономического статуса личности, когда акцентируется характерная национальная черта: например о русском человеке говорят, простой, как коми, манси, мариец, удмурт; или когда свое зкономическое или социальное неблагополучие финно-угры оправдывают этнической принадлежностью: не приняли, не признали, не выбрали и др., потому что коми, манси, мариец. Идентитет усиливается, когда

предоставляются социальные льготы, например при зачислении ханты и манси в вузы Ханты-Мансийского автономного округа.

Культурная гетерогенность общества также усиливает этнический идентитет личности. История формирования этноса часто приводит к ее неоднородности. Так, в Свердловской области создано около 20 национальных обществ. Марийцы в Екатеринбурге объединены в два общества «Памаш (родник)» и «Пиал (счастье)», отчасти по причине противопоставления марийцев Свердловской области выходцам башкирских мари. Отличие это проявляется в национальном костюме, танцах, фонетических и лексических особенностях языка. Одни и те же реалии башкирские и уральские марийцы называют разными словами, например для обозначения синего цвета башкирские марийцы используют тюркское слово *зәңгар,* уральские – литературное марийское *канде.* Под влиянием тюркских языков башкирские марийцы произносят «*ӓ*» переднего ряда и соответственно смягчают перед ними согласные и используют много тюркизмов, что не нравится свердловским марийцам.

На усиление идентитета оказывает влияние СМИ. На областном телевидении Свердловской области регулярно выходит передача «Национальное измерение», где демонстрируются традиции, праздники, религиозные обряды, например языческое поклонение манси, марийцев и др. Периодические издания, например «Областная газета» публикуют статьи, посвященные национальной тематике. Можно назвать и конкретные имена представителей финно-угорского и русского этноса, вносившие значительный вклад в обсуждаемую тематику. например, кинорежиссер А. Федорченко отражает в своем творчестве самобытность культуры, психологии финно-угорского народа. Его фильм «Овсянки» о вымершей финно-угорской народности меря удостоен в 2010 году премии многих международных кинофестивалей. Сценарист его фильмов Денис Осокин в интервью журналистам сказал, что его русское сознание, кровь насквозь пропитаны финно-угорской историей.

В числе ученических предметных состязаний в Свердловской области Министерство образования проводит олимпиаду по марийскому языку, участниками которой обычно являются не более 10 учащихся 8–9 классов двух названных выше школ. Победитель получает такую же губернаторскую премию, как и по другим предметам, где участников 100 и более человек из разных школ области.

Идентитет хорошо выражен в сельской местности. Здесь звучит родной язык, родные напевы, притягательными для приехавших из города на выходные являются ритмико-мелодические моменты, усвоенные на генетическом уровне, свои национальные костюмы, танцы. Известно, что в организме человека происходят различные по длительности ритмично протекающие процессы, которые тесно связаны между собой и основная часть ритмов носит наследственно запрограммированный характер. Ритмические движения туловища, рук и ног оказывают влияние на развитие высшей нервной деятельности, способствуя успокоению и расслаблению личности, повышают функциональное состояние больших полушарий и усиливают ассоциативную функцию головного мозга. Как отмечает психолог М.М. Кольцова, «физиологическая роль ритмических движений, очевидно, заключается в их неспецифическом активирующем влиянии на кору и, возможно, ближайшие

подкорковые образования» (Кольцова 1973). Ритм является необходимой компонентой, включающейся в структуру художественных способностей, а также в структуру устной речи и письма. При этом прослеживается тесная связь между двигательным, пространственным, музыкальным ритмами и ритмической структурой слова. Сопоставление особенностей овладения изобразительным и музыкальным ритмом позволяет обнаружить определенную общность между ними, что проявляется в наличии определенных этапов, их последовательности. Особенно ярко эта общность-повторность прослеживается на начальных этапах, т.е. в тот период, когда у ребенка только формируется восприятие и воспроизведение ритмических структур.

Однако финно-угорский этнический идентитет в условиях Урала снижается. Он в меньшей степени проявляется у городского населения, почти не выражен у студентов вузов и колледжей. Молодежь старается не отличаться, не афишировать происхождение, не говорит на родном языке, не проявляет интереса к функционированию национальных обществ и др. Так, в Ижевском государственном университете мало желающих поступить учиться на отделение финно-угорского венгерского языка, зато большой конкурс на романо-германские отделения.

Описываемое явление подкрепляется отношением к религии, межнациональными браками, славянскими фамилиями, опекунством в финно-угорских семьях русских отказных детей, отсутствием в паспорте графы «национальность» и другими социальными факторами.

Финно-угорские народности на Урале исторически придерживались язычества, хотя до революции 1917 года постепенно шел процесс христианизации, а в местах совместного проживания с тюркскими народностями – процесс исламизации. В советские годы с антирелигиозной пропагандой поутихли вопросы приверженности к той или иной вере. В настоящее время в связи с общей тенденцией усиления в России православной веры, восстановлением церквей, монастырей в среде финно-угров возрастает интерес к христианским праздникам, церковным таинствам – крещению, венчанию. Возрождаются одновременно и языческие традиции: обращения к Большому Белому Богу, другим божествам, языческие праздники, коллективные моления, жертвоприношения и др. Однако многие языческие традиции забыты, они отсутствуют в сознании нынешнего поколения, сказывается здесь и недостаток священнослужителей, поэтоу обряды импровизируются, нередко приобретают театрализованный характер для телекамер, поэтому для духовной жизни финно-угорский этнос на Урале выбирает православие.

Сами представители этноса свое отношение к самобытности формулируют следующим образом: «Мы коми, марийцы, удмурты только до автобусной остановки». Показательным является рассказ водителя. В пути перед марийским селом машину остановил инспектор госавтоинспекции. Автор обратился: «Прости, знака здесь раньше не было, превышение небольшое, отпусти, ты же мариец, и фамилия у тебя такая же, как наша», – на что инспектор с гордостью ответил: «Это родители у меня марийцы, а я по-марийски ничего не понимаю».

Утрате финно-угорского идентитета способствуют межнациональные браки. Если финно-угорский мужчина женится на русской женщине, дети будут относить себя к русскому этносу и говорить на русском языке, так как в

процессах воспитания и обучения языку основная роль отводится матери. Даже если родители являются представителями одной финно-угорской национальности, часто они обучают детей русскому, чтобы лучше подготовить их к школе, где обучение ведется на русском языке. Раньше незнание родного языка представителями этноса осуждалось, высмеивалось в комических пьесах национальных писателей, сейчас отношение к отмеченному явлению изменилось.

Утрате функций родного языка способствует и устройство финно-угорских языков, которые являются агглютинативными: можно брать русские слова, присоединять нужные агглютинативные аффиксы и будешь говорить на родном языке, например глаголы *звонитлаш*, *клеитлаш*, *рисоватлаш* в марийском и др. Лексический фонд финно-угорских языков стал почти общим с русским. Существительные, которые связаны с обозначением бытовых предметов, реалий, обозначением общественных, научно-технических явлений, человеческих отношений в настоящее время также в большинстве своем заимствованы из русского языка; адаптирован к русскому языку и синтаксис: заимствованы сочинительные союзы *а, но, однако* и др. подчинительные союзы *если, когда, потому что* и т.д. Неологизмы в марийском языке появляются только на основе русских слов, собственно марийские неологизмы отсутствуют. Наличие универсальных грамматических категорий числа, падежа существительных наклонения, времени. лица глагола и др. способствуют незатрудненному усвоению русского языка. Затрудняют усвоение специфические русские грамматические категории рода у существительных, прилагательных, глаголов в прошедшем времени, вид глагола, поэтому здесь в русской речи финно-угров возможны согласовательные ошибки, ошибки в управлении, речевые ошибки, обусловленные спецификой русского языка. Как известно, язык усваивается с детства, «с молоком матери», когда закладываются фонетические, лексические, грамматические особенности языка, поэтому родители стараются своих детей приобщить к русскому языку как можно раньше, чтобы оградить от выраженного акцента, аграмматизмов в дальнейшем. С другой стороны, овладение языком влияет на развитие мышления и сопоставительное изучение языков в этом отношении является полезным. Для родителей отсутствие акцента является предпочтительным.

В настоящее время в сельской местности распространяется опекунство над отказными детьми из детских домов, приютов. Данное явление связано в основном с безработицей: опекунам засчитывается трудовой стаж, выплачивается зарплата. Новые финно-угорские родители и соответственно собственные дети, другие дети на улице, в детсадах, школе общаются с ними на русском языке, а не учат родному финно-угорскому.

От политики государства также многое зависит. Например, Евросоюз, где представлены Венгрия, Финляндия, Эстония с финно-угорским этносом, выделяет средства на исследование языков малых народов, и изучать язык ивдельских манси в Свердловской области, которых осталось около 100 человек, едут венгерские ученые.

Снижение этнического идентитета, с одной стороны, совпадает с общей тенденцией к глобализации мира, интересом к изучению английского языка, с другой стороны, оно связано с негативными ассимилятивными процессами,

стиранием самобытности национальных культур. Можно только сожалеть о забвениии естественных ритмов, отраженных в песнях, танцах, национальных вышивках, узорах, символики народной поэзии, пословиц, поговорок, табу, которые передаются из поколения в поколение, способствуют воспитанию и самовоспитанию, достижению гармонии в отношениях человека и природы, человека и человека (Иванов 2005).

Литература

Иванов Иван С. Сравнения и эпитеты в марийских обрядовых песнях. Тезисы секционных заседаний X Международного конгресса финно-угроведов. Ш часть. Йошкар-Ола. 2005. С.37.

Кольцова М.М. Ребенок учится говорить. М., «Сов. Россия», 1973. – С. 60.

Phinney, J., Horenczyk, G., Liebkind, K., & Vedder, P. 2001 Ethnic identity, immigration and well-being: An interactional perspective. Journal of social issues, 57, p. 493–510.

Judit Farkas
Pécs

THE CASE OF THE FINNISH OBJECT IN AN INDEXED GENERATIVE FRAMEWORK

1. Introduction

This article demonstrates how a special sort of generative grammar can be applied in the description of Finnish (Farkas 2005, 2010). This is an *indexed* grammar (Partee et al. 1990, 536–542), predestined to deal with agreement phenomena, which Finnish is famous for: it emphasizes the real nature of congruence via *copying* the relevant features, making, hence, the description more adequate (Kornai 1989, 183).

I demonstrate how this system can be extended to *long distance dependencies*. We can capture the surface *nominative* / *accusative* / *partitive* case alternation of the object in normal sentences as well as in "passive" and other impersonal constructions, and in negative or imperative structures. Even if these constructions are embedded in different non-finite clauses in different depths, my *index-inheriting* technique is suitable for accounting for this case alternation.

2. Indexed grammar

Indexed grammars belong to the group of mildly context sensitive grammars, while natural languages – according to a common assumption (Partee et al. 1990) – can be found in the group of mildly context sensitive languages. An indexed grammar reaches its highest capacity when generating, say, an $a^n b^n c^n$ type of abstract language, because the string of indices applied in the course of derivation is permitted to be unbounded in the case of this kind of languages.

In the model I have proposed for the description of Finnish more than five indices can never appear on category symbols, and the order of indices is not optional either. Indices appear in the structures according to Baker's *Mirror Principle* (see Bartos 2000, 654–659)[6]: in the case of verbs, the order of indices is *mood – tense – number and person (of the subject) or impersonality – negation or progressive aspect – imperative*; while in the case of nouns, only the following order of indices can be found: *number – case – number and person (of the possessor)*, and there cannot be more than one from a certain type of index. By restricting the length of strings of indices we get a generative grammar reduced to context free capacity; and (in my model) this is combined with a transformational component where syntactic rules pertain to the morphological level of the language as well.

Indices can appear, disappear or descend in the course of a derivation according to two additional rule types, relative to the standard context-independent ones. Rule type A → B(i) refers to appearing indices: *A* and *B* are non-terminal symbols and *i* is an

[6] „*Mirror Principle*: morphologic derivation directly reflects syntactic derivation", i.e. the order of morphemes is the same as that of the syntactically relevant changes forming the words (Bartos 2000, 657).

index: the one which "appears". Rule type A(i) → α shows how indices disappear: *A* is a non-terminal symbol, α is a mixed string consisting of terminal and non-terminal elements and *i* is an index, again: the one which "disappears", in this case; this rule type can only be applied when *i* is the first element of the string of indices. I mention some additional demands. An index can appear or disappear exclusively in the left end of the string and the lenght of the string of indices is not restricted. Indices descend on non-terminal symbols, while terminal symbols never bear indices (indices disappear when symbols become terminal).

Indexed grammars can be used primarily in the description of agreement phenomena. Linguists working in different transformational generative frameworks mainly have the same idea concerning the syntactic handling of congruence: they offer a solution based on feature-checking requiring an appropriate syntactic structure. There is no complete consensus on what can be accepted as an appropriate structure (Carstens 2000), but it is common in all of these approaches that quite complicated syntactic structures have to be built to get a proper configuration and sometimes they need to use nodes that have poor motivation (e.g. *n*P in Carstens (2000)). As Kornai (1989, 183) pointed out, "the transformational treatment of agreement phenomena needs *copying* instead of *moving*, and this kind of transformations lacks an independent motivation". Indexed grammars are excellent exactly in copying: by using them the essence of agreement phenomena can be captured better, and many nodes and transformations needed in feature-checking systems become unnecessary.[7] We can say in minimalist terms (Chomsky 1995) that in my approach the "cheaper" *Merge* is used instead of *Move*, so it is more economical as well.

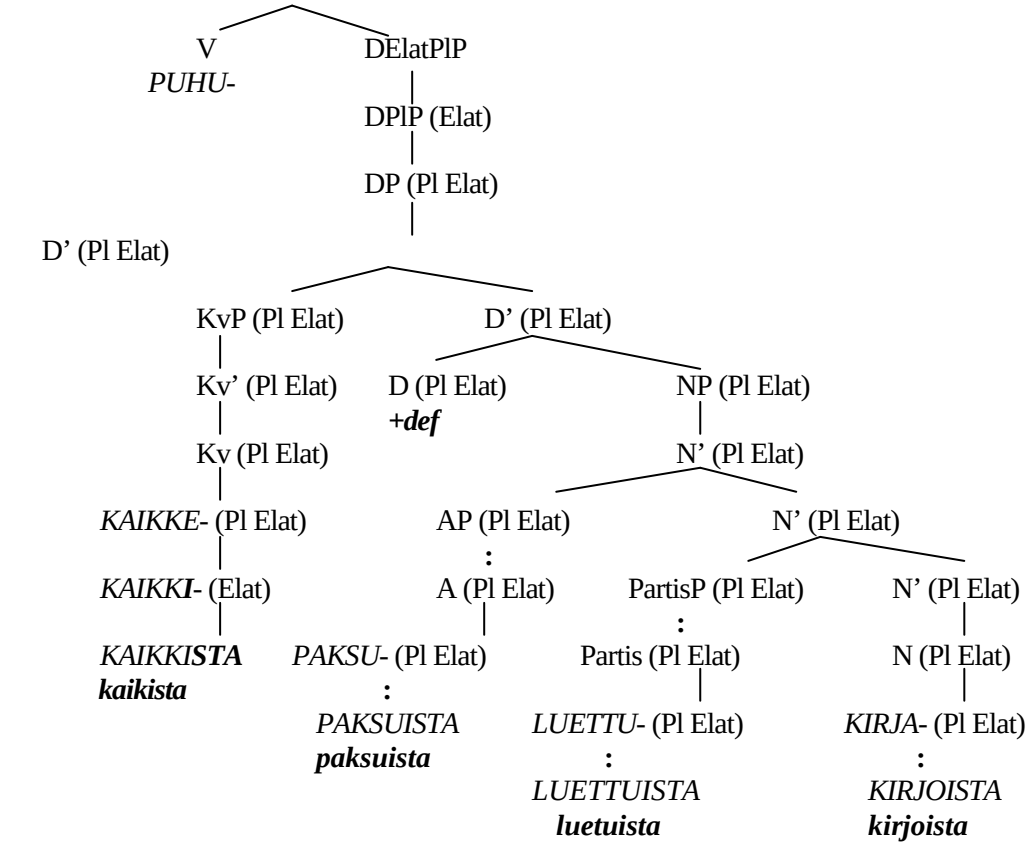
3. "Natural" application of an indexed grammar

As it was mentioned above, indexed grammars can be used primarily in the description of agreement phenomena. One of the most typical types of agreement is between noun and its adjuncts. In example (1) and (2) it can be seen clearly how this kind of grammar captures agreement phenomena by copying relevant (plural and case) features to each non-terminal symbols.

(1) Puhu-n kaik-**i-sta** paksu-**i-sta** lue-tu-**i-sta**
speak-SG1 every-**PL-ELAT** thick-**PL-ELAT** read-PTC.ARB-**PL-ELAT**
kirjo-**i-sta**.
book-**PL-ELAT**
'I speak about every thick book which has been read.'

[7]This does not mean, nevertheless, that I completely reject the solutions suggested in the above-mentioned theories (e.g. building complex heads). I just use them in other ways and for other problems: for instance in productive derivations verb root climbs to heads containing a derivational (infinitive or participal) suffix.

(2) Relevant part of the deep structure of sentence (1)

4. "Extended" application of an indexed grammar: long distance dependencies

Indexed grammars can be applied in handling long distance dependencies as well. We can capture the surface *nominative* / *accusative* / *partitive* case alternation of the Finnish object, which is one of the most interesting questions in Finnish morphology and syntax.

In normal sentences objects can appear in accusative or partitive case depending on the aspect of the sentence (partitive in sentences in progressive aspect (3a), accusative in sentences in perfective aspect (3b)) as well as depending on the definiteness of the noun (accusative for definite objects (3b), and partitive for mass nouns (3c) and indefinite objects (3d)).

(3a) Lue-n tä-**tä** kirja-**a**.
read- SG1 this-**PART** book-**PART**
'I am reading this book.'

(3b) Lue-n tämä-**n** kirja-**n**.
read-SG1 this-**ACC** book-**ACC**
'I read this book.'

(3c) Juo-n kahvi-**a**.
drink-SG1 coffee-**PART**
'I drink coffee.'

(3d) Lue-n kirjo-j-**a**.
read-SG1 book-PL-**PART**
'I read books.'

If the sentence contains a so called passive verb,[8] the object appearing normally in accusative appears in nominative (4a), while personal pronouns keep their accusative case (4b), just like objects in partitive case (4c).

(4a)	Jussi	muiste-ta-an.	↔	Muista-n	Jussi-n.
	Jussi-**NOMACC**	remember-PASS-ARB		remember-SG1	Jussi-**ACC**
	'They remember Jussi.'			'I remember Jussi.'	

(4b)	Sinu-t	muiste-ta-an.	↔	Muista-n	sinu-t.
	you-**ACC**	remember-PASS-ARB		remember-SG1	you-**ACC**
	'They remember you.'			'I remember you.'	

(4c)	Kahvi-a	juoda-an.	↔	Juo-n	kahvi-a.
	coffee-**PART**	drink-ARB		drink-SG1	coffee-**PART**
	'They drink coffee.'			'I drink coffee.'	

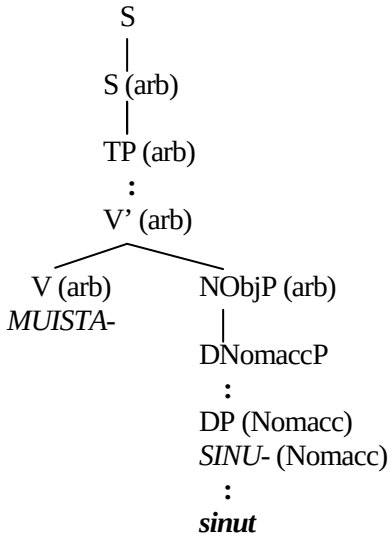
This phenomenon can be accounted for by an *arb* index descending in the structure from node S to show that the sentence contains an arbitrary subject. If this *arb* index descends to an object phrase (NObjP), the actual lexical non-terminal[9] element will decide which surface case is going to appear in the object. It can be in the partitive case according to the above mentioned principles (see sentence (4c) above, and rules (5b), (6c) and figure (7c) below). If it is a personal pronoun, it will appear in accusative form (see sentence (4b), rules (5a), (6a) and figure (7a)) – if no partitive case is demanded elsewhere. If it is not a personal pronoun, it appears in the nominative case (see sentence (4a), rules (5a), (6b) and figure (7b)) – if no partitive case is demanded elsewhere, again.

(5a) NObjP (arb) → **X**NomaccP, where **X**=N, Num, D
(5b) NObjP (arb) → **X**PartP, where **X**=N, Num, D

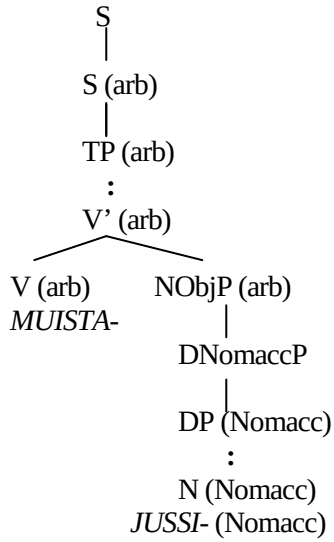
(6a) *SINU-* (Nomacc) → *SINUT* → ***sinut***
(6b) *JUSSI-* (Nomacc) → *JUSSI* → ***Jussi***
(6c) *KAHVI-* (Part) → *KAHVITA* → ***kahvia***

[8]See Shore (1986) for arguments against using the term *passive* for Finnish verbs.
[9]*Lexical non-terminal*: non-terminal elements in the place of lexical elements, written in capital letters in figures, which, after absorbing indices, become terminal elements by phonetic operations like vowel harmonization and consonant gradiation: e.g. *PEKKALLA → Pekalla.*

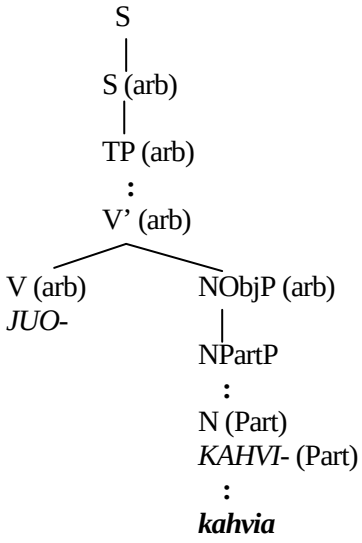
(7a) Relevant part of the deep structure of (4b)

(7b) Relevant part of the deep structure of sentence (4a)

(7c) Relevant part of the deep structure of (4c)

The same phenomenon can be observed in imperative, possessive and existential sentences. In the case of a non 3rd person[10] imperative, index *!* is responsible for accounting for the case alternation (see sentences (8a-c) and rules (9a-b)). In possessive and existential sentences, index ~~*subj*~~ descends in the structure and triggers the same effect (see sentence (10) and rules (11a-b)).

[10]In 3rd person imperatives the object remains in accusative.

(8a) Muista-kaa Jussi!
remember-IMP.PL2 Jussi-**NOMACC**
'Remember Jussi!'

(8b) Muista-kaa minu-**t**!
remember-IMP.PL2 I-**ACC**
'Remember me!'

(8b) Juo-kaa kahvi-**a**!
drink-IMP.PL2 coffee-**PART**
'Drink coffee!'

(9a) NObjP (!) → **X**NomaccP, where **X**=N, Num, D
(9b) NObjP (!) → **X**PartP, where **X**=N, Num, D

(10) Minu-lla on sinu-**t** / kissa / aika-**a**.
I-ADESS be-SG3 you-**ACC** cat-**NOMACC** time-**PART**
'I have you / a cat / time.'

(11a) NObjP (~~subj~~) → **X**NomaccP, where **X**=N, Num, D
(11b) NObjP (~~subj~~) → **X**PartP, where **X**=N, Num, D

Negation and progressive aspect have different influence to the case of objects: they always trigger partitive case. This phenomenon can be captured by using a negative ('~') and a progressive (*progr*) index (see sentences (12, 14) and rules (13, 15)).

(12) E-n lue kirja-**a**.
no-SG1 read book-**PART**
'I do not read the book / a book / books.'

(13) NObjP (~) → **X**PartP, where **X**=N, Num, D

(14) Lue-n kirja-**a**.
read-SG1 book-**PART**
'I am reading a book.'

(15) NObjP (progr) → **X**PartP, where **X**=N, Num, D

Negation "overrides" all the above mentioned rules as well. In the case of a negative imperative sentence, for instance, the object has to appear always in the partitive case (because of negation).

(16) Äl-ä valitse minu-**a** / kirja-**a**!
no-IMP.SG2 choose I-**PART** book-**PART**
'Do not choose me / a ~ the book!'

(17) NObjP (~ !): NObjP (~) → **X**PartP; **X**PartP (!)→ **X**PartP, where **X**=N, Num, D

Negation has the same partitive-triggering effect in embedded clauses as well (see (18a)) whereas imperative, passive and possessive or existential sentences do not show

the above mentioned nominative(accusative)-triggering effect in embedded clauses (see 18b-d)).

(18a) **E-n** usko sinu-n tappa-nee-n Jussi-**a**.
no-SG1 believe you-GEN kill-NUTPTC-ACC Jussi-**PART**
'I do not believe that you (have) killed Jussi.'

(18b) Lehde-ssä väite-tt-i-**in** Peka-n tappa-nee-n
newspaper-INESS claim-PASS-IMPERF-**ARB** Pekka-GEN kill-NUTPTC-ACC
Jussi-**n**.
Jussi-**ACC**
'It was claimed in the newspaper, that Pekka (has) killed Jussi.'

(18c) Usko-**kaa** minu-n tappa-nee-n Jussi-**n**!
believe-**IMP**.PL2 I-GEN kill-NUTPTC-ACC Jussi-**ACC**
'Believe me, that I (have) killed Jussi!'

(18d) Sinu-n **täyty-y** usko-a minu-n tappa-nee-n Jussi-**n**.
you-GEN **have to**-SG3 believe-TAINF I-GEN kill-NUTPTC-ACC Jussi-**ACC**
'You have to believe me, that I (have) killed Jussi.'

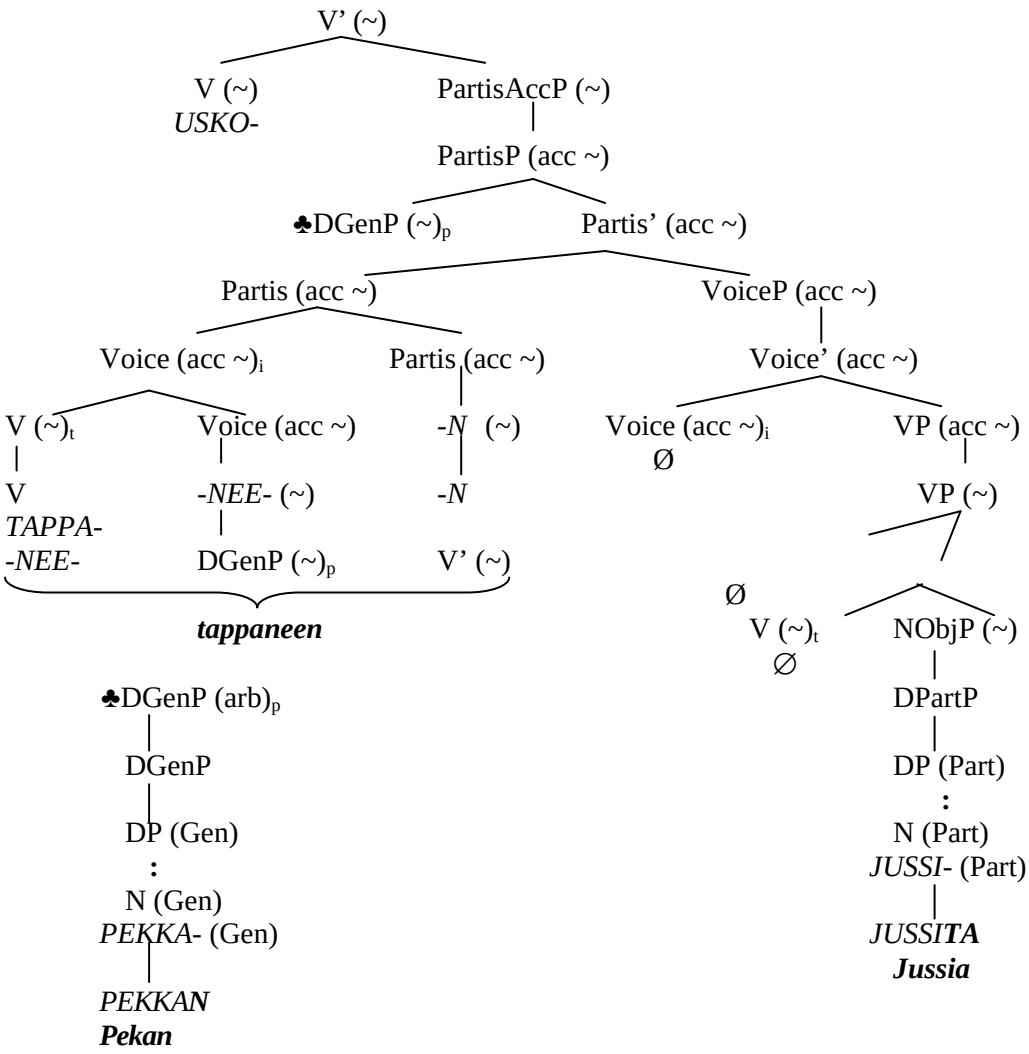
This phenomenon can be accounted for by introducing the following rules:

(19a) PartisAccP (arb) → PartisAccP
(19b) PartisAcc (!) → PartisAcc
(19c) PartisAccP (~~subj~~) → PartisAccP

It can be observed that there is no rule for negation. Hence, if a negative ~ index descends in the structure, it will not disappear when it meets a participle phrase, so it continues descending until it meets an embedded object, where it triggers a partitive case.[11]

[11]There can be observed, however, a certain speaker-dependent variation in the judgment of the case of deeply embedded objects (18b-d); the alternative competence can be captured by not introducing rules (19a-c).

(20) Relevant part of the deep structure of (18a)

References

Alberti Gábor 2006: *Matematika a természetes nyelvek leírásában. II. kötet. Grammatikák és automaták.* Budapest, Tinta Könyvkiadó.

Bartos Huba 2000: A magyar inflexiós jelenségek szintaktikai háttere. In: Kiefer Ferenc (szerk.): *Strukturális magyar nyelvtan 3*, *Morfológia*, Budapest, Akadémiai Kiadó, 653–762.

Carstens, Vicki 2000: Remarks and Replies – Concord in Minimalist Theory, *Linguistic Inquiry* 31/2, 319–355.

Chomsky, Noam 1995: *The Minimalist Program*, Cambridge, Mass., MIT Press.

Farkas Judit (2005): Új módszer az egyeztetési jelenségek kezelésére. *LingDok* 4, SZTE, 47–67.

Farkas Judit 2010: A finn nyelv generatív szintaxisa. *Nyelvtudományi Doktori Értekezések 2.* (Sorozatszerkesztő: Kassai Ilona), PTE Nyelvtudományi Doktori Iskola, Pécs.
Kornai András 1989: A főnévi csoport egyeztetése. *Általános nyelvészeti tanulmányok* XVII. 183–211.
Partee, Barbara, A. G. B. ter Meulen, R. P. Wall 1990: *Mathematical Methods in Linguistics*, Dordrecht, Kluwer Academic Publ.
Shore, Susanna 1986: *Onko suomessa passiivia.* Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.

Елена Федосеева
Сыктывкар

О ВЛИЯНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА НА ЯЗЫК КИРОВСКИХ ПЕРМЯКОВ

Язык кировских пермяков – это условное название для обозначения языка небольшой территориально обособленной группы кировских (или зюздинских) пермяков, распространённой в верховьях Камы в Афанасьевском районе Кировской области. Традиционно его называют верхнекамским наречием (или диалектом) коми-пермяцкого языка; еще одно название – зюздинский диалект.

Территория данного языкового образования, судя по археологическим данным, начала заселяться в VI веке н.э. В зюздинском крае сформировался один из локальных вариантов ломоватовской, а затем родановской культур. По мнению Р.Д. Голдиной и В.А. Кананина, «Изолированность изучаемого региона от основной территории ломоватово-родановских племен привела к тому, что здесь сформировался своеобразный этнос, говорящий на особом зюздинском или верхнекамском наречии коми-пермяцкого языка. Границы этого наречия в целом совпадают с территорией зюздинского локального варианта ломоватовской, а позже родановской культуры» (Голдина, Кананин 108).

По переписи 2002 года в Кировской области зафиксировано 1054 коми и 817 коми-пермяков. Большинство из них проживают в Афанасьевском и Верхнекамском районах. Вероятно, это и есть верхнекамские (или кировские) пермяки, которые не имеют единого самоназвания. Хотя следует добавить, что ни один из наших информантов не назвал себя коми, поэтому не совсем понятно, каким образом в результатах переписи появились коми и являются ли они верхнекамскими пермяками. В беседах с нами одни из информантов называли себя пермяками, другие – коми-пермяками, а свой язык называли пермяцким: *пэрм'ацкӧйӧн баитамӧ* «по-пермяцки разговариваем». По нашим примерным подсчетам, около 1000 человек владеют языком в разной степени. По данным опроса, проведенного отделом культуры Афанасьевского района, 37 детей в дд. Мироновы, Меркучи, Лучники, В-Кедра также могут разговаривать на родном языке. Еще какая-то часть населения понимает родную речь, но общаться уже не может.

Таким образом, верхнекамское наречие существует в устной форме, функционирует только в бытовой сфере, естественная передача языка в семье практически отсутствует, наблюдается доминирование русского языка во всех сферах, включая семейно-бытовую.

В настоящее время верхнекамское наречие – наименее изученная разновидность общекоми языка. Среди работ, посвященных его описанию, всего несколько небольших по объему работ Г. Нечаева, Р.М. Баталовой, Е.А. Цыпанова, С.А. Сажиной, Е.Н. Федосеевой. В данных работах отражены наиболее существенные особенности языковой разновидности и предпринята попытка определения его места в общекоми диалектном пространстве. В качестве основной черты верхнекамского наречия (или диалекта) исследователи

отмечали переходность и определяли его, как переходную зону между коми-пермяцким и коми-зырянским языками.

Одной из особенностей верхнекамского наречия является более сильное по сравнению с коми-зырянским и коми-пермяцким языками влияние русского языка, которое проявляется в нем на всех уровнях. Приведем некоторые примеры.

В области фонетики: в верхнекамском наречии наблюдается более активное усвоение русских звуков: мягкого звука *р'*: *тр'ипйо* ‘тряпье’, *зр'а* ‘зря’, *кор'ушка* ‘корь’, *кудр'авэн'кöй* ’кудрявенький’, *бр'уква* ‘брюква’, *р'аксыны* ‘кричать’, *с'энт'абр'* ‘сентябрь’, *кр'осна* ‘крестная’ и т.д.; звуков *ф: фартук, куфайэчка* ‘фуфаечка’, *фэрма; ц*: *мат'ица, бол'н'ица, пл'эмйан'н'ица х: грэх, н'эохота, колхоз, хул'итны* ‘охаивать’, *хлам, хöт'* ‘хотя’, *жöн'их* ‘жених’, *старуха,* и др. Звук *х* может употребляться также вместо *к* в русских словах: *хрэшэн'н'э* ‘крещенье’, *пэр'эхр'осток* ‘перекресток’, *хрэс'т'итны* ‘крестить’, *л'эхар'* ‘лекарь’, *хрэс* ‘крест’ и т.д. Звук *х* вместо *к* зафиксирован также в исконных словах *ырхыд* ‘прохладный’, *мыхталны* ‘заикаться’ (ср. кп. *ыркыт*, кз. *ыркыд*; кп., кз. *мыкталны*).

В исследуемом наречии наряду с аффрикатами *дж, дз, тш* в речи часто употребляются *ж, з', ш*, то есть наблюдается процесс дезаффрикатизации: *эжыд* ‘белый’ (кз. *йэджыд*), *ыжыд* ‘большой’ (кз. *ыджыд*, кп. *ыджыт*), *кыз'* ‘как’ (кз. кп. *кыдз*), *руз'öг* ‘рожь’ (кз. кп. *рудзöг*), *шöктыны* ‘просить, заставлять’ (кз. кп. *тшöктыны*), что также может происходить под влиянием русского языка и двуязычия носителей.

В верхнекамском наречии влияние русского языка можно наблюдать и на морфологическом уровне. Примером может служить неразличение глагола *вöлны* ‘быть’ по лицам в прошедшем времени: *мэ вöлин* ‘я был’, *тэ вöлин* ‘ты был’, *ми вöлинö* ‘мы были’, *ти вöлинö* ‘вы были’ и т.д.: *Ме шан'а öд'д'öн вэлöччи, отл'ичн'ица вöлин* ‘Я очень хорошо училась, отличницей была’; *Д'эдушко эшö Фйодор мийан вöлин дак* ‘Дедушка Федор у нас был еще’; *Ну з'эркалоок кытöнтö омöл'ичок вöлин, можот* ‘Ну зеркальце плохонькое где-то было, может’; *Мэ пöрыс'жыкыс вöлин, дак вот мэным и дöнз'ис* ‘Я старшая была, так вот мне и досталось’; *Ми вöлимö ичэт'икöс', ти вöлинö ичэт'икöс'* ‘Мы были маленькие, вы были маленькие’.

В речи носителей верхнекамского наречия фиксируется употребление в косвенных падежах местоимения с русским корнем *йэв-*: *эвö, йэвö* ‘его’ (вм. *сийö*), *эвöн, йэвöн* ‘им’ (вм. *сыöн*) и др. Например, *Дак мэ эшö пыр эвö виз'а* ‘Так я еще его всегда держу’; *Эс'л'и сылöн гöдйас пэтисны, йэвö мобилизуйтöны вöрын ужалны* ’Если у него годы подходят, его мобилизуют в лесу работать’.

Влиянием русского языка, возможно, объясняется также разрушение системы лично-притяжательных аффиксов. Значение притяжательности в большинстве случаев передается при помощи местоимений: *минам дочи* ‘моя дочь’, *йур минам* ‘моя голова’, *тинад ти* ‘твоя рука’, *сылöн т'эрка* ‘его дом’: *Гортö муни, да йур минам пондис вис'ны* ‘Домой ушла, и голова моя стала болеть’; *Мужик минам пон'имайэт по-пэрмйацки* ‘Муж мой понимает по-пермяцки’.

Притяжательные суффиксы встречаются в речи носителей верхнекамского наречия очень редко: *Ай-мамыс эз вöл. Айыс на фронт'э погиб, а мамыс с ума сход'ила, дак эвö Кировö кыскалисö.* ‘Родителей не было. Отец (его) на фронте

погиб, а мать с ума сходила, так ее в Киров увезли'; *Тинад т'иад, эс'л'и мыйкӧ тэ виз'ан* 'В твоей руке, если что-то ты держишь'. Притяжательные суффиксы иногда употребляются неправильно. Например, *Мэ гортас омӧл'а час уз'алнысӧ понди* 'Я дома сейчас плохо спать стала'. *Гортас* (вм. *гортам* или *гортын*): Суффикс *-ас* указывает на принадлежность 3 л. ед. ч. вместо нужного 1 л. *Как пойэхат', дак думайта, кыдз гортс'ыс уйэхат'тӧ* 'Как поехать, так думаю, как из дома (моего) уехать-то'. *Гортс'ыс* вм. *гортс'ым* или *гортыс'*: вместо необходимого суффикса, указывающего на принадлежность 1 лицу, употреблен суффикс 3 лица.

В речи информантов пожилого возраста нами было зафиксировано местоимение *сыму* 'ему', где корень *сы-* является исконным, указывающим на 3 л. ед. ч., а *-му* является заимствованным из русского языка: ср. *ему*. *Вэлӧдӧ мыйтӧ эвӧ, мыччалӧ сыму*. 'Учит чему-то его, показывает ему'; *Са с'этис (…) махорка, вот мэ сыму нӧбали, вайи* 'Он дал махорку, вот я ему принесла'.

Еще одним примером является образование превосходной степени прилагательных при помощи заимствования *самӧй* 'самый', при этом исконные формы полностью отсутствуют: *самӧй гырыс'* 'самый большой', *самӧй ичӧт'ик* 'самый маленький', *самӧй джуджыд* 'самый глубокий'. Сравните коми-пермяцкое *мэдыджыт*, коми-зырянское *мэдыджыд*, *мэдс'а ыджыд*; коми-пермяцкое *мэдучӧт* и коми-зырянские *мэдичӧт*, *мэдс'а ичӧт*.

В области словообразования нами зафиксировано использование русских суффиксов с исконными словами: *-ка*: *йурс'ика* 'волосинка', *-овка*: *тус'овка* 'зернышко', *пэсовка* 'одно полено', *зӧровка* 'зернышко овса', *с'уовка* 'ржаное зернышко', *-чек*: *косын'ичок* 'сухонький', *улын'ичок* 'низенько', *-ник*: *бад'овн'ик* 'ивняк', *-овый: пуовӧй* 'деревянный', *вӧлӧвӧй* 'принадлежащий лошади', *бӧжӧвӧй* 'относящийся к хвосту', *-овато*: *л'оковатӧ* 'плоховато' и др.

Однако наибольшее влияние русского языка наблюдается на лексическом уровне. В речи кировских коми нами было зафиксировано большое количество русских заимствований разного периода. В коми-пермяцких и коми-зырянских говорах многим из них соответствуют исконные названия: *дочи* 'дочь' (кз., кп. *ныв*), *погода* 'ветер' (кз., кп. *тӧв*), *шен'ича* 'пшеница' (кз. *шобди*, кп. *шогди*), *плӧт'* 'близко' (кз., кп. *матын*) и др. Кировскими пермяками окончательно забыты слова *пу* 'дерево', *чэри* 'рыба', *кӧрт* 'железо' и другие. Например, на наш вопрос об употреблении слова *пу* в значении 'дерево' мы получили следующий ответ: *Д'эрэвӧ и шуамӧ. Н'эмыс'а пу ог шуӧ, абу пу мийан*. 'Дерево и называем. Никакого слова «пу» не называем, нет у нас слова «пу»'. Однако *пу* встречается в составе сложного слова: *л'ӧмпу* 'черемуха', *чэри* в составе слова *чэрин'ан'*, употребляющемся наряду с заимствованием *рыбн'ик*, а *кӧрт* в составе лексемы *кӧрттул* 'гвоздь', отличающей гвоздь от деревянной втулки, называемой кировскими пермяками *тул*: *Тул д'эрэвйаннӧй, а кӧртулйасыд вот тай магаз'инад продайуцца* '«Тул» деревянный, а «кӧртул» (гвозди) вот в магазине продаются'.

Влияние русского языка и двуязычия наблюдается также в построении предложений и речи в целом. В речи переключение на русский язык мы наблюдали в нескольких случаях. Во-первых, когда мы не понимали или делали вид, что не понимаем, с целью втянуть информанта в беседу. Во-вторых, когда носители наречия не могли вспомнить какое-то слово на родном языке. Наши

информанты переходили на русский язык также в том случае, если произнесенный нами вариант слова отличался ударением. То есть, как только носитель говора начинал испытывать какие-либо сложности в беседе, он переключался на русский язык.

Переход на русский язык достаточно часто наблюдается в пределах одного предложения. Например, *Колхозын вэс' жиз' проработала* ‘В колхозе всю жизнь проработала’; *Народыс л'удно вӧлин с тр'ок д'эрэвэн'* ‘Народу много было с трех деревень’; *Чэл'ад' минам эмӧс' куимӧн, дак н'иа н'э прин'имайут* ‘Дети у меня есть, трое, так они не принимают’; *Эс'л'и кос з'эрноыс, дак сразу складӧ, а эс'л'и ул' дак по пэчкам развэз'от* ‘Если сухое зерно, то сразу на склад, а если сырое, то по печкам развезет’. В предложениях, подобных приведенным, переход на русский язык осуществляется, на наш взгляд, неосознанно.

Некоторые из приведенных выше процессов характерны для пермяцких и зырянских диалектов, но в верхнекамском наречии они идут интенсивнее.

Столь сильное влияние русского языка в верхнекамском наречии объясняется, вероятно, тесными и давними контактами пермяков и русских. Известно, что первые контакты предков коми с русскими относятся к XI–XII векам, а начиная с XIV–XV веков и до настоящего времени они постоянно усиливаются. Через Вятку русское население проникало в Прикамье. Первые русские поселения в этом районе относятся к XII веку (Бадер, Оборин 221). Однако наибольшее влияние оказывает, вероятно, билингвизм носителей верхнекамского наречия, бóльшая престижность русского языка, а также почти полная изолированность от остального коми населения.

Литература

Бадер О.Н., Оборин В.А. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958.

Баталова Р.М. Коми-пермяцкая диалектология. М., 1975. 252 с.

Баталова Р.М. О некоторых особенностях зюзьдинского диалекта коми-пермяцкого языка // Всесоюзная конференция по финно-угроведению: Тезисы докладов и сообщений. Сыктывкар, 1965. С. 13–16;

Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск, 1989.

Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М.: Наука, 1982. 224 с.

Лыткин В.И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. М., 1955. 128 с.

Нечаев Г. Характеристика зюздинского диалекта коми языка // Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка. Сыктывкар, 1930. Вып. 1. С. 1–21.

Сажина С.А. О месте верхнекамского диалекта в диалектной системе коми языка // I Международный симпозиум по полевой лингвистике: Тезисы докладов. Москва – 23–26 октября 2003 г. – М., 2003. – С. 114–115.

Федосеева Е.Н. О словарном составе верхнекамского диалекта / Е.Н. Федосеева // Конференция по уральским языкам, посвященная 100-летию К.Е. Майтинской. Тезисы. М., 2007. – С. 234–235.

Цыпанов Е.А. Кама йывса комияс ордын // Войвыв кодзув. 1990. № 3. С. 56–62.

Valentina Gavrilova
Yoshkar-Ola

THE MEANS OF EXPRESSING INDEFINITE QUANTITY OF OBJECTS IN THE MARI LANGUAGE

The category of number is a linguistic universal, but languages have different expression sets of this category. The article deals with the main means of expressing indefinite quantity of objects in the Mari language.

Indefinite quantity of objects is represented by three various microsystems: indefinite multiplicity, estimate of indefinite quantity and collectiveness (which means of expression are not the subject of this article).

The notion of an indefinite quantity or (plurality) can be expressed by plural forms of the noun. The category of noun number has been studied in details both in the Mari and in Finno-Ugric linguistics. In view of recent achievements in foreign and domestic linguistics we undertake here to study the category of number as one of the means to express indefinite quantity of objects within the category of quantity.

Plural forms of nouns in contrast to the singular ones show that "… the number of objects is more than one" (Tuzharov 1987: 23). Plural forms of nouns denote indefinite quantity of objects, thus, they express discreet quantity. There are quite a number of suffixes for expressing plural forms of nouns: *-βlak, -šaməč, -la, -mət*. But not all researchers of the Mari language agree to distinguish the suffix *-št (-əšt)* as an indicator of quantity. Above-mentioned indicators vary in their functions, shades of meaning, some of them have a certain area of distribution.

The nouns with the suffixes *-βlak* and *-šaməč* are similar in meaning and denote the multiplicity of homogeneous discreet objects and persons as their sum, e.g. *mükš-βlak* 'bees'.

The nouns with the suffix *-la*, also denote the multiplicity of homogeneous discreet objects. This suffix differs from the suffixes *-βlak* and *-šaməč* in its selectivity towards lexical meaning of the noun. Linguists mention that the suffix -ла is used with the nouns of space (Pengitov 1957:80, Lavrentyev 1971: 13). In the Modern Mari language the suffix *-la* is used to form space and locative cases of nouns as well as other case forms, e.g. *Pušeŋγəla užarγenət* (Tschavayn 1980: 122) 'The trees got green'.

Unlike other indicators of plurality, the suffix *-mət* expresses the so-called group (or collective) plurality. Such forms are traditionally studied in the sphere of the number category of nouns in Mari linguistics. The suffix *-mət* was shown to express discreet plurality of animate objects (i.e. persons) (Lavrentyev 1971: 14, Tuzharov 1987: 29). In that case the forms with the suffix *-mət* are used as nouns with other indicators of plurality and can be treated as one of the means for expressing discreet, discontinuous, multipartite reality, e.g. *Koklan pernat tuγaj «ušanmət»// – Rualət külmö deč utla* (Columb 1968:71) 'Sometimes such know-alls can be found// – that cut off much more'.

The suffix *-əšt* is also used to denote the plurality of homogeneous discreet objects while strengthening the meaning of plurality and some obscuring of its possessiveness, e.g. *Kajək-βlakən kəčkərləše ešəšt// Kečəβal βek čoŋešten kajat* (Columb 1968: 71)

‘Flocks of crying birds are flying southward’. In this sentence multiplicity of objects is also expressed through the plural of the verb predicate.

All indicators of the plural nouns in the Mari language are distributed in the following way: the nouns with the suffixes *-šaməč, -la, -mət, -əšt* cluster around the nouns with the indicator *-βlak* because it is a literary norm; the nouns with *-mət* tend to collective nouns; the nouns with *-əšt* can be attributed to both the categories of indefinite quantity and possessiveness. It means that the plural forms formed with the suffixes *-βlak, -šaməč* are the main means to express plurality, the suffixes *-la, -mət, -št (-əšt),* however, tend to broaden their meaning and can be used to express multiplicity of discreet, homogeneous and common objects in the Modern Mari language.

The estimate of quantity based on an inexact comparison stands out against all means of expressing indefinite quantity. The estimate of quantity is represented in Mari by two microfields: the estimate of indefinitely large quantity (further referred to as ILQ) and the estimate of indefinitely small quantity (further referred to as ISQ).

In Mari the estimate of indefinitely large quantity of subjects is formed around indefinite quantitative pronouns *šuko* ‘a lot of’ and *jatər* ‘quite a lot of’.

The indefinite quantitative pronouns *šuko* ‘a lot of’ and *jatər* ‘quite a lot of’ have a great combinative potential in the Mari language – they convey the estimate of quantitative characteristics of a subject expressed by concrete, material, abstract and collective nouns, e.g. *šuko oləməm* ‘much straw’, *šuko žap* ‘much time’, *šuko βür* ‘much blood’, *jatər kalək* ‘many people’.

The indefinite quantitative pronouns *šuko* ‘a lot of’ and *jatər* ‘quite a lot of’ can be combined with the identifiers *peš* ‘very’, *motkoč* ‘very’, *əzəra* ‘very’, *čot* ‘terrifically’, *tənar, tunar* ‘so many/much’, *mən’ar, kunar* ‘how many/much’, e.g. *peš šuko ojgo* ‘very much grief’, *motkoč šuko jal* ‘very many villages’, *əzəra šuko čerlanəše* ‘very many sick people’, *čot šuko imneške* ‘very many horsemen’, *tənar šuko oksa* ‘so much money’, *tunar šuko jočanəm* ‘literally with so many children’, *mən’ar šuko βaštaltəš* ‘so many changes’.

The use of the intensifiers *putərak* ‘too much’, *təlečat* ‘extra’ creates an impression of excessive quantity, e.g. *putərak šuko šem čonan-βlak* ‘too many people with a mean soul’, *təlečat šuko jösəm* ‘more difficulties than that’.

The repetition of indefinite quantitative pronouns is used to emphasize the meaning of ILQ, e.g. *šuko-šuko jodəšəm* ‘many-many questions’.

The forms of superlative degree *en* ‘most’, *niγö deč* and *nimo deč* ‘best of all’ serve to intensify the limit of quantity, e.g. *en šuko βürəm* ‘the most blood of all’, *nimo deč šuko materialəm* ‘the most materials of all’, *šuko deč šuko iləšəm, šuko deč šuko sarəm* ‘very many different lifes, very many wars’.

The indefinite quantitative pronouns can substitute for the whole quantitative noun combination by adding the possessive suffixes of the third person both singular and plural, e.g. *Sandene šukəžo traktorəš šinčaš šona* (Mayorov 1993: 7) ‘That is why many people think of taking a tractor’; *šukəšt, očəni, ušəškəštat oγət purto* (ibid.: 14) ‘Many might not even think about it’.

The synonymic words *ləŋ* ‘many, a fair amount of’, *šakti* ‘a lot of’ are among minor ways of expressing ILQ on account of their small frequency of use, e.g. *ləŋ šijβundo* ‘much money’, *šakti očkom* ‘many points’.

Large numbers such as *šüdö* ‘a hundred’, *tüžem* ‘a thousand’, *million* ‘a million’ are used to estimate ILQ in the Modern Mari language. The numerals denoting large

numbers are used with the agent of actualization *dene* ‘with’, e.g. *tüžem dene mut* ‘thousands of words (verb. with thousands)’.

The numeral *teste* ‘a ten’ with the agent of actualization *dene* ‘with’ became a phraseological unit with a meaning ‘tens of, scores of’ and can be looked up in the dictionary, e.g. *teste dene omsa-βlak* ‘scores of open doors’.

The word-forming unit *-lo (-le)* can serve a function of an agent of actualization for ILQ of numerals, e.g. *millionlo šočšetən* ‘millions of your children’.

A particular expressiveness is achieved through the repetition of the numerals denoting large numbers, e.g. *tüžem-tüžem jal*… ‘thousands of thousands of villages’.

Large numbers denoting ILQ allow to use indefinite quantitative words *šuko* ‘many’, *jatər* ‘good many’ in preposition, e.g. *šuko tüžem čer* ‘many thousands of diseases’.

The Mari language also disposes of other minor means to express ILQ, e.g. the estimate of a quantity through a reaction of a person.

In the Mari language, the means to estimate ISQ of objects are grouped around the indefinite qualitative numeral *šaγal* ‘few’.

The main means to express ISQ of objects is the combination of the indefinite qualitative numeral *šaγal* ‘few’ with a noun, e.g. *šaγal surtəšto* ‘in a few houses’.

The indefinite qualitative numeral *šaγal* ‘few’ can be combined with nouns of different lexical-semantic categories denoting both discreet and non-discrete objects.

The meaning of ISQ can be intensified through the use of the intensifiers *peš* ‘very’, *putərak* ‘very, too’ e.g. *peš šaγal eŋlan* ‘verb. to a very few people’.

The indefinite qualitative numeral *šaγal* ‘few’ is used as a predicate. In this case ISQ is estimated with a predicate expressed by the indefinite qualitative numeral *šaγal* ‘few’, e.g. *Təjən titaket šaγal* (Oray 1978: 108) ‘There is little fault of yours’.

The quantity less than a standard is estimated through the superlative degree of a numeral *šaγalrak* ‘less’, e.g. *Tün’ašte ulo jatər ojgo… //Kuan lieš dər šaγalrak* (Tchalay 1975: 100) ‘There is much grief in this world, so that there is probably less joy’.

The indefinite qualitative numeral *šaγal* ‘few’ can substitute for the whole qualitative noun combination, e.g. *Məj, šonet, təjəm nalmem dеč ončəč üdərəm užən oməl? Šaγalže utlenət* (Khosovorotov 1980: 28) ‘Do you really think that I had not met any girls before you? A few could escape’.

The estimate of ISQ can be expressed with the help of other indefinite qualitative words, e.g. *iziš* ‘few, a few’, *pəčərik* ‘few’, e.g. *Tür βoktenže kož, nulγo, izišak pünčat ulo* (Tchavayn 1958: 106) ‘There are firs, silver firs and a few pine trees’; *Jöra, orlane, no čonəštet kеč izišak porələk ulo γən, požalujsta, ludšəm γəna itak orlandare* (Nikolayev 1993: 10) ‘Well, you can torture yourself, but if you have a little kindness in your soul, do not torture your reader, please’.

ILQ and ISQ interact with each other and build an antonymous opposition. The indefinite qualitative numerals *šuko* ‘a lot of’ and *šaγal* ‘few’ with the negative particle *ok (oγəl), əš* ‘not’ express the meaning of their antonyms, e.g. *šuko žapat əš erte, omsa peraltəme jük šoktəš* (Katkova 1965: 3) ‘After a while there was a knock at the door’; *Kaləkšat šaγal oγəl* (Artamonov 1984: 42) ‘There are not few people’; *Samərək üdər šaγal oγəl susər partizanəm boj γəč lukto…* (Timofeev 1986: 14) ‘A young girl did not carry few wounded partisans out of a battle…’.

The means of ISQ estimate of were found out to occur less than those of ILQ. It is well-known that there more means to express evil and ILQ estimate than the means to estimate ISQ and good in every language. The same can be confirmed by the examples from the Mari language.

References

Artamonov, J. Perkan kinde. Powest' den ojlymaš-wlak. – Yoshkar-Ola: Marij kniga izdatel'stwo. – 1984.

Columb, V. Myskara sonar. Sbornik. – Yoshkar-Ola: Knigam lukšo marij izdatel'stwo. – 1968.

Katkova, Z. Kušto ulat, pialem? Roman. – Yoshkar-Ola: Knigam lukšo marij izdatel'stwo. – 1965.

Khosovorotov, V. Ilyš üšan. – Yoshkar-Ola: Knigam lukšo marij izdatel'stwo. – 1980.

Lavrentyev, G. Kategorija čisla im'en sušestwitel'nyh w wolžskom gowore marijskogo jazyka// Sovetskoe finno-ugrowedenije. – 1971. – №1.

Mayorov, F. Ošlansolašte: Powest', ojlymaš-wlak. – Yoshkar-Ola: Marij kniga savyktyš. – 1993.

Nikolayev, S. Mutyn nelyže da jamlyže: Sylnymut očerk, počelamut. – Yoshkar-Ola: Marij El Respublikyn minisretswyže, Respublikyse ustalyk rüder. – 1983.

Oray, D. Tütyra wošt. – Yoshkar-Ola: Knigam lukšo marij izdatel'stwo. – 1978.

Pengitov, N. Formy čisla imjen I osobennosti nih upotreblenija vmarijskom jazyke // Trudy MarNII. – Wyp. X. – Yoshkar-Ola. – 1957.

Timofeev, A. Kojdymo front: Roman. – Marij kniga izdatel'stwo. – 1986.

Tuzharov, G. Grammatičeskie kategorii imen'i sušestwitel'nogo w marijskom jazyke. – Yoshkar-Ola: Marij kniga izdatel'stwo. – 1987.

Tchalay, V. Mondaltdyme šyže: Počelamut, muro, poema. – Yoshkar-Ola: Knigam lukšo marij izdatel'stwo. – 1975.

Tchavayn, S. Elnet roman. – Yoshkar-Ola: Knigam lukšo marij izdatel'stwo. – 1958.

Tschavayn, S. Wozymyžo kum tom dene luktalteš. T1. Poezij, proza. – Yoshkar-Ola. – 1980.

Василий Глушак – Ольга Кисеева
Сургут

ФОНЕТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ РЕАЛИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА В СУРГУТСКОМ ДИАЛЕКТЕ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА С 16 ВЕКА ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Комплексное изучение русского по происхождению лексического пласта в хантыйском языке дает возможность извлечения лингвистической и экстралингвистической информации с одной стороны, позволяет рассмотреть результаты процесса лексической интерференции в рамках хантыйско–русского языкового взаимодействия, с другой стороны, сохранить культуру малочисленного и подверженного ассимиляции народа ханты через систематизацию языковых данных, в которых отражена история, традиции и национальная ментальность. Особенности исторического пути развития народа, форм его хозяйственной деятельности, социального строя, материального быта, норм мировоззрения и т. д. нашли свое непосредственное отражение в лексическом составе языка хантыйской народности.

Словарный состав хантыйского языка до начала контактов с русским населением обладает значительными средствами для передачи понятий, связанных с непосредственной общественно-производственной деятельностью и бытовым укладом ханты. В нем чрезвычайно детально разработаны разделы, относящиеся к оленеводству, охоте, рыболовству, природным явлениям и т. п. Вместе с тем в хантыйском языке были слабо представлены целые разделы словаря, связанные с культурой и техникой города, с письменностью и литературой, с государственностью, с общественно-политической терминологией, т.е. со всеми теми понятиями, которые в то время отсутствовали в общественной практике этого народа или были ему мало свойственны.

Расселенные на огромной территории различные группы сургутских ханты за многовековую историю своего развития находились в соприкосновении с различными этническими группами. На западе они граничат с хантами, говорящими на северных диалектах. В северной части Сургутского района, по правым притокам Оби (Тром-Юган, Аган и др.), ханты соприкасаются с лесными ненцами. На востоке сургутские ханты соприкасаются со своими сородичами, говорящими на ваховском и васьюганском диалектах. В бассейне Иртыша ханты до прихода русских жили в непосредственном соседстве с демьянскими ханты и татарами, оказавшими большое влияние на их язык и быт.

Кроме перечисленных народностей, ханты почти на всей территории своего расселения соприкасаются с русскими. С русскими ханты стали контактировать со времен завоеваний Ермака в 16 веке. С этих пор русское влияние отражается во всех областях общественной и экономической жизни ханты.

Под влиянием изменившихся условий экономики и общественно-политической жизни происходило обогащение лексического состава языка. Особенно существенные изменения экономических и общественных условий жизни ханты сложились с установлением хозяйственных и торговых отношений

с русскими, с продвижением все дальше на Север русских поселенцев. Свидетельством этого являются целые лексические пласты, созданные средствами хантыйского языка, но, несомненно, под влиянием развившихся отношений с русскими, поскольку этими словами обозначаются новые, неизвестные до этого хантам понятия. Мы выделяем в сургутском диалекте хантыйского языка три этапа заимствований лексики из русского языка. Охарактеризуем каждый из них.

I этап заимствований (16 век – начало 20 века)

На развитие лексики хантыйского языка оказывали влияние все более укреплявшиеся и развивавшиеся хозяйственные и культурные связи с русским народом, благодаря которым ханты усваивали элементы русской культуры, приобщались к этой культуре. Русские, жившие в районах расселения ханты, пользовались элементами хантыйской культуры, как более приспособленной к местным условиям (одежда, обувь и т. п.). Но значительно больше получили ханты от русских.

Под влиянием развивавшихся отношений с русскими и изменявшихся в связи с этим условий жизни у ханты появились новые понятия, свидетельствующие о значительном расширении круга представлений и знаний. В результате русского влияния в хантыйском языке появились слова, обозначающие новые, неизвестные ранее хантам орудия труда, металлы, названия частей дома, посуды, утвари и др. Эти слова создавались как путем расширения значения бытующих в языке слов, так и описательным путем. Лишь незначительная часть слов создана путем калькирования. В качестве иллюстрации могут быть приведены следующие примеры:

1) *расширение значения*: хант. ӧрт – 1. герой эпических мифов, 2. глава, предводитель, вождь, 3. (**<рус.) король – игральная карта**; хант. тӧрәм – 1. верховное божество народности ханты, 2. природа, свет, вселенная, небо, погода, 3. (**<рус.) христианский Бог, икона**.

2) *описательное значение*: хант. өпәт ӓвәттә вӑҳ («предметы режущее железо») < рус. ножницы, хант. сӓм вах < рус. очки, хант. аӆәң ӆитә, ӆат аӆәң шай < рус. завтрак, хант. ӆьөҳи тәҳәӆтә пут < рус. умывальник, хант. йаӈк ӧҳәртә вӑҳ < рус. клещи, хант. тӧрәм қот («Божий дом») < рус. церковь, хант. руть наркис йуҳ (хант. наркис йуҳ – хантыйский струнный музыкальный инструмент) < рус. русская гармонь, хант. руть вӓлтәп < рус. рубанок (досл. русский струг), хант. най вартә юҳ < рус. спичка.

3) *калькирование*: хант. ӧнәӆтәтә қө < рус. учитель, хант. йонтәксәтә нә < рус. швея, хант. пут вӓртә не < рус. повариха, хант. қоньттьә қот < рус. больница, хант. рөпиӆтә қө < рус. работник, хант. қотәқ сәтә қө < рус. строитель, хант. кәнига тӑйтә қот < рус. библиотека, хант. ӆитә-ентьтьә қот < рус. столовая.

Таким образом, до начала 20 века обозначение нового предмета или явления в сургутском диалекте хантыйского языка могло не сопровождаться заимствованием его русского названия. Название это могло обозначаться средствами самого хантыйского языка. О русском влиянии с полной очевидностью свидетельствует также наличие в хантыйском языке значительного слоя слов, органически входящих в его лексический состав, но,

несомненно, представляющих собой заимствования из русского языка. Это заимствования, исходившие от русской, а позднее от официальной государственности.

В хантыйский язык вошел целый ряд новых, неизвестных ранее хантам слов, обозначающих различные усвоенные от русских понятий, наименований новых орудий промысла, различного рода пищи, одежды, домашней утвари, домашних животных и др. Эти заимствования свидетельствуют вместе с тем о многочисленных формах хозяйственного и культурного влияния со стороны русских, втягивании хантыйского хозяйства в сферу товарного обращения, установлении связи с всероссийским рынком. В качестве примера этих заимствований могут быть приведены следующие слова: хант. кирип < рус. корабль, хант. лекәр < рус. лекарь, хант. кәньика < рус. книга, хант. карасин < рус. керосин, хант. кирпәч, кирпәш < рус. кирпич, хант. пила < рус. пила, хант. калась < рус. калач, хант. тьӱлки < рус. чулки и др.

Слова, перешедшие из русского языка в хантыйский язык получали свойственное последнему оформление и фонетическую окраску, преобразовывались в соответствии с его звуковыми и грамматическими нормами. При этом изменение заимствованных слов шло различными путями, подчиняясь звуковым особенностям хантыйского языка. Укажем наиболее типичные и частотные из этих путей:

1. *Замена звонкого согласного, особенно в начальной позиции, соответствующим глухим*, поскольку хантыйскому языку несвойственны звонкие согласные, например: хант. самәк < рус. замок, хант. савот < рус. завод, хант. саклат < рус. заклад, хант. почка < рус. бочка, хант. пулка < рус. булка, хант. пәсман < рус. безмен, хант. корньица < рус. горница, хант. ресина < рус. резина, хант. роспойньик < рус. разбойник, хант. саслонка < рус. заслонка, хант. пакрип < рус. погреб, хант. пайка < рус. байка, хант. туп < рус. дуб, хант. сунтук < рус. сундук, хант. тесетньик < рус. десятник, хант. теремньи < рус. деревня, хант. петньик < рус. бедняк, хант. посмак < рус. башмак, хант. песетка < рус. беседка, хант. патьинка < рус. батинок, хант. паллайка < рус. балалайка.

2. *Замена звуков [ч] и [с] звуком [ш] в начале слова*, например: хант. шай < рус. чай, хант. шарка < рус. чарка, хант. шушка < рус. сушка, хант. шөпек < рус. сапог.

3. *Замена звука [ф] звуком [п]*, например**:** хант. кӑнтпет < рус. конфета, хант. каптан < рус. кафтан, хант. картопка < рус. картошка, хант. сарапан < рус. сарафан, хант. Петар < рус. Федор, хант. Петул < рус. Федул, хант. пәтьтьәләк < рус. фитиль, хант. копта < рус. кофта, хант. пӓнар < рус. фонарь.

4. *В целях избегания несвойственного хантыйскому языку стечения согласных в начале слова применялись следующие способы*:

а) *перемещение гласного первого слога между начальными согласными*, например: хант. турпа < рус. труба, рус. хант. курпа < рус. крупа, хант. курушка < рус. кружка, хант. кәрәнька < рус. крынка, хант. курук < рус. круг, хант. кәрәк < рус. грех, хант. кәрош < рус. грош, хант. керапли < рус. грабли, хант. кераска < рус. краска, хант. копас < рус. квас, хант. пелина < рус. блин, хант. пәритпа < рус. бритва.

б) *при стечении трех согласных в начале слова применялось одновременно как опущение начального согласного, так и вставление между оставшимися двумя*

начальными согласными гласного звука, например**:** хант. терук < рус. струг, хант. пӧрунт < рус. шпрунт.

в) *редуцированный ə перед скоплением согласных*, например: хант. əшкола < рус. школа, хант. əшкап < рус. шкаф, хант. əстол < рус. стол.

5. У некоторых имен существительных происходила *утрата конечного гласного звука*, например: хант. солот < рус. золото, хант. кассет < рус. газета.

6. *Замена в некоторых словах русского заднеязычного глухого [к] и [х] в начальной позиции на хантыйский глухой увулярный [қ]*. При этом последующие звуки [*а*] или [*о*] в русских словах переходят в хантыйском языке в а-образный огубленный гласный [*å*] (на письме часто обозначается с помощью графемы *о*), например: хант. қосна, қӧсна < рус. казна, хант. қомут, қомət < рус. хомут.

Следовательно, обогащение лексики хантыйского языка в период с 16 века по начало 20 века шло как за счет широкого использования имевшихся в самом хантыйском языке внутренних возможностей, так и за счет вхождения в его словарный состав лексических заимствований из русского языка.

II этап заимствований (вторая четверть — конец 20 века)

За годы Советской власти и особенно с началом промышленного освоения промышленных ресурсов в среднем Приобье существенно участились контакты русского населения с хантыйским, что привело к изменениям и значительному обогащение лексики хантыйского языка при сохранении во всем существенном его основного словарного фонда, составляющего основу лексического состава языка. Прежний словарный запас не удовлетворял всех возраставших потребностей общения. В результате появилась настоятельная необходимость в создании большого количества слов для передачи новых представлений и понятий, возникших под влиянием новых условий экономической, общественно–политической и культурной жизни, а также создания и развития письменности. В этих целях широко были использованы средства, имеющиеся в самом хантыйском языке. На его материале было создано большое количество слов общественно–культурного значения. Как правило, это происходило за счет калькирования и описания, например: хант. ӧнəлтəхəлтə неврем < рус. школьник (досл.: обучающийся ребенок), хант. ай неврем йаңктə қот < рус. детский сад (досл.: дом для играющих маленьких детей), хант. ныпек сорҳа киттə қот < рус. телеграф, хант. вах тойты қот < рус. банк (досл.: деньги имеющий дом).

Одновременно с расширением словаря путем создания новой терминологии на материале самого хантыйского языка лексический состав его значительно обогащается за счет слов, вошедших в хантыйский язык из русского языка. Слова эти также служат для обозначения новых явлений, понятий и представлений, возникших под влиянием новых общественно–политических и хозяйственных условий в XX веке. Показателен в этом отношении значительный ряд лексических заимствований в советский период: хант. пəрката < рус. бригада, хант. пəрсент < рус. брезент, хант. тəрекка < рус. трико, хант. ратьива < рус. радио, хант. кина < рус. кино, хант. найəң ахə´, тӳхтəң ахəл < рус. поезд**,** хант. автовăксал < рус. автовокзал, хант. ортьир < рус. ордер, хант. вăксал < рус. вокзал, хант. польньитса < рус. больница, хант. əспутник < рус. спутник, хант. Сургутскəй Район Администрация < рус. Администрация Сургутского района. Нередким становится заимствование русских понятий с сохранением

оригинального произношения, например: совет, фабрика, электричество, государство, совхоз, коммунизм, конституция, пионер, делегат.

Ряд новых терминов создается комбинированным способом путем сочетания заимствованных и исконно хантыйских слов, например: хант. рыт мӑтор < рус. моторная лодка, хант. Руть Қон мәҳ Федерация < рус. Российская Федерация, хант. Қантәҳ панә Манси Йоҳ Автономнәй Округ < рус. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра.

В результате проникновения русских заимствований сложилась ситуация сосуществования лексических дуплетов в сургутском диалекте хантыйского языка, например: хант. тӧхӆәӈ кирип (досл.: летающая лодка) = хант. самолет <рус. Самолет), хант. кирип, кирәп = хант. пароход < рус. пароход, хант. қоньттьә қот = хант. польньитса <рус. больница. При этом нередко более частым употреблением в речи используется слово, воспринятое из русского языка.

С середины XX века большую роль в усвоении заимствуемых из русского языка слов играет письменность как на хантыйском, так и на русском языках. В связи с этим ханты, заимствуя из русского языка новые слова, усваивают их не только на слух, но и путем их зрительного восприятия. В процессе обучения, учащимися усваиваются навыки в произношении этих слов по нормам русской орфоэпии. В результате у некоторых групп хантыйского населения, овладевающих русским языком, в особенности у молодежи и хантыйской интеллигенции, наблюдается стремление к произношению усваиваемых из русского языка слов в соответствии с фонетическими нормами русского языка, например: ученик, учитель, директор, магазин, город и т.п.

III этап адаптации заимствованной лексики из русского языка (конец 20 века по настоящее время)

В постперестроечное время в связи с повышением национального самосознания ханты среди интеллигенции данной народности наблюдается тенденция борьбы за чистоту языка. Это проявляется в том, что в печатных изданиях на сургутском диалекте хантыйского языка последних лет авторы (к их числу следует отнести А.С. Песикову и корреспондентов страницы на сургутском диалекте газеты «Ханты Ясанг») среди дуплетов выбирают исконные хантыйские слова, преподносят заимствования кальками, описательно или в адаптированном виде, например: хант. қон, кәнясь, орт, йӧрәӈ қө (вместо рус. царь, князь, хан), хант. вас йәӈк, копас (вместо рус. квас), хант. солот, сорньи (вместо рус. золото), хант. калась, ӆӧвәп, ынәӆ ӆохип (вместо рус. калач), хант. қот, оӆ (вместо рус. год), хант. қӧракси, роспойньик (вместо рус. разбойник), хант. тохтәр, лекәр (вместо рус. доктор, врач), хант. шарәп, тьәпрак (вместо рус. шарф).

Процесс заимствования и адаптации реалий русского языка в сургутском диалекте хантыйского языка идет с 16 в. как за счет интенсивного развертывания всех заложенных в нем самом элементов, так и благодаря влиянию русского языка. В результате старые заимствования адаптировались под языковой строй сургутского диалекта хантыйского языка, чего не наблюдается в более поздний период, начиная с начала 20 в.

Выделенные нами 3 исторических этапа адаптации русской лексики в сургутском диалекте хантыйского языка не носят абсолютного характера и не

претендуют на определение строгих исторических рамок. Отсутствие достаточных письменных свидетельств разных эпох на сургутском диалекте хантыйского языка, а также разрозненность имеющегося материала осложняет решение поставленной задачи.

Валентина Гришунина
Саранск

СЛОВА С РАЗЛИЧИЯМИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА В ДИАЛЕКТАХ МОКШАНСКОГО ЯЗЫКА

В настоящее время установлено, что «на территории распространения мордовских языков мокшанские говоры во всей своейсовокупности образуют пять диалектных типов (или диалектов) (Феоктистов 1990: LXXI): I – центральный, II – западный, III – юго-восточный, IV – переходный, V – смешанный.

«Достижением мордовской диалектологии является то, что ей удалось, несмотря на такое большое разнообразие, найти определенные границы между основными диалектами. Значимость границ между ними определяется в зависимости от звуковой структуры слова, числа форм, охваченных звуковыми изменениями, степени их территориальной распространённости» (Цыганкин 2000: 19–20).

Мордовские языки характеризуются значительными диалектными различиями, что объясняется самостоятельным развитием диалектов в течение длительного исторического периода. Они отмечаются на различных уровнях языка: в фонетике, морфологии, лексике.

Слово в говоре живет и развивается по общим законам развития языка, однако обогащение его семантики в диалекте иногда идет в ином направлении, чем в литературном. Поэтому изучение полисемии диалектных слов представляет большой интерес, с одной стороны, для понимания фактов исторической лексикологии, с другой – для освещения непрерывности развития лексического состава соответствующего говора; наконец, собирание и регистрация особенностей в лексике современных говоров может способствовать разрешению вопроса о территориальном распространении тех или других фактов языка.

Наряду с открытостью диалектных систем словарный состав каждого говора представляет собой относительно замкнутую систему. Эта замкнутость проявляется и в определенном наборе лексем, и в отсутствии в данном говоре тех или иных слов общенародного характера или слов, входящих в лексическую систему другого диалекта, и в том, что данный диалект обладает определенным, присущим только ему смысловым объемом слов. Известно, что в семантической структуре слова содержится богатейшая информация о системе ценностей того или иного народа, так как объективный мир членится человеком с точки зрения категорий ценности.

В данной статье делается попытка продемонстрировать употребление слов с различиями семантического характера в диалектах мокшанского языка.

К семантическим диалектизмам относятся слова, которые имеют морфемный состав, подобный словам литературного языка, но отличаются своим значением неизвестным литературному языку.

Семантическая структура слова какого-нибудь говора и литературного языка представляет собой конечный результат исторического пути развития семантики

данного звукового комплекса, а эти пути у говора и у литературного языка разные. «В говорах выделяются слова, имеющие общие значения с литературными соответствиями, но отличающиеся от них или объемом значения, или различной сочетаемостью с другими словами, или широтой употребления, или стилистической окрашенностью» (Оссовецкий 1982: 123).

Так в говоре села Зайцево Краснослободского района РМ слово *s't'er'va* употребляется в обычном своем значении «падаль», перен. «плохой, подлый, и т.п. (о человеке)» и в новом, более узком: *stervan' sapən'* «хозяйственное (мыло)». Слово *piže* в говорах юго-восточного и западного диалектов означает «зеленый», но это же слово в сочетании *piže(id')* означает «грудной ребенок». Лексема *torams* в литературном мокшанском языке означает «греметь» и ассоциируется с громом, а в западном диалекте мокшанского языка *torams* значит «говорить кому-либо о чём-нибудь или о ком-нибудь», а значение «гром гремит» выражается словосочетанием: *at'ams' dubərdÞ*. Глагол *t'ur'ft'əms* повсеместно в мокшанском языке означает «заставить драться друг сдругом», а в говоре села Зайцево центрального диалекта мокшанского языка кроме этого значения в сочетании со словом *inži* несет в себе дополнительную семантику и означает «пытаться пригласить в гости»: *t'ur'ft'əms inžiks*. Существительное *mus'kəpt* «белье (обычно уже грязное, предназначенное для стирки)» – *mus'kəpt* (ЗйцвКрснсл) «менструация». В таких случаях слово приобретая новое значение, вступает в несвойственные ему прежде семантические отношения с новыми лексическими единицами. Сравни: *mus'kəmn'ə mus'kəmat* «нужно постирать белье (мое)» и *mus'kəmn'ə sas't'*«менструация (моя) началась».

Остановимся еще на ряде примеров: *aks'al* (ЗйцвКрснсл) «место под кроватью или под лавкой» – *aks'al* (ПчпЗ-П) «подпол»; *osal* (АтрАтр) «беда» – *osal* (ЗйцвКрснсл) «худой, тонкий»; *nula* (НСндрКрснсл) «женское платье из набивного ситца, сатина, шёлка» – *nula* (ЗйцвКрснсл) «пеленка», «ветхая тряпка», перен. «о человеке в бессознательном или обессиленном состоянии»; *matf* (ЗйцвКрснсл) «яма для хранения картофеля или свеклы» – *matf* (ПрмзЗП) «погреб»; тогда как «погреб» в ряде говоров центрального диалекта будет именоваться *boχar'am* (ЗйцвКрснсл, НСндрКрснсл).

Слова с различиями семантического характера могут проявляться как в между диалектами, диалектом и литературным словом, так и внутри одного диалекта.

Основные различия между говорами мокшанского языка на лексическом уровне мы вслед за Д.В. Цыганкиным (Цыганкин 1972: 121) делим на три группы:

1) различная номинация одних и тех же понятий, явлений, действий, предметов: *š'ir'inka* (з.д) «платок» – *ərc'en'e* (АдшКдш) – *rucän'ä* (НСндрКрснсл) – *fatan'e* (КртБшкрт); *kotnaj* «курица-наседка» (КшлАтр) – *tavačn'i* (МПлЗП) – *narvaj* (ЗйцвКрснсл, НСндрКрснсл), *vaz'* (лит.) «шапка» – *takje* (з.д.) и др;

2) различный объем значений слов: в каком-нибудь говоре значение слова шире или уже, чем в других говорах: *ščaka* (лит.) «любая немолодая женщина», «тетя», «жена брата матери» – *ščaka* (з.д.) «сестра матери»; *al'ä* (лит.) «мужчина, муж, отец» – *al'ä* (з.д.) «муж»; *torams* (лит.) «греметь (о громе)» – *torams* (з.д.) «говорить»; *ujftəms* (лит.) «заставить плыть, переплыть», перен. «украсть» – *ujftəms* (диал.) «начать (какое-л. дело)», перен. «украсть» ; *varžams* (повсем.) «попробовать ня язык, потрогать руками», «навестить в больнице больного» –

varžams (з.д.) «посмотреть»; *l'äc'əms* «убить, выстрелить (из огнестрельного оружия)», *l'äc'əms* (ЗйцвКрснсл) «выбросить»; *mastər* (повсем.) «Земля (Вселенная)», *mastər* (ЗйцвКрснсл, МПлЗП) «Земля (Вселенная)», «любая поверхность (полы, земля, трава (на земле))», *targams* (лит.) «вытащить, вынуть, выложить, вырвать, выдернуть, выкопать, протянуть, проложить, весить, тянуть» – *targams* (ЛмдСтШ, ПчпЗ-П) «курить»; *pet'ems* (ю.-в., з.д., ц.д.) «исправить» – *pet'əms* (ЗйцвКрснсл) «кастрировать», *pet'əms* (ЗйцвКрснсл АдшКдш) «улучшить(сдобрить) вкусовые качества еды (например щей сметаной)», (ЗйцвКрснсл) «скрасить», «ублажить»; *tarəms* (ЗйцвКрснсл) «баловаться» – *tarəms* (НСндрКрснсл) «трястись, дрожать», *tarəms* (АдшКдш) «шевелиться»; *vačkədəms* (ц.д.) «сфотографировать» – *vačkədəms* (МПлЗП) «начаться (о дожде)»: *piz'ems' vačkoc'* «дождь начался»; в других говорах (ц.д., ю.-в.) *vačodəms* «ударить, прибить, забить»; *šavf* (повсем.) «убитый» – *šavf* (МПлЗП) «сфотографированный»; *šumərdams* (ЗйцвКрснсл) «выжать (тряпку, белье при стирке) – *šumərdams* (з.д.) «закончить (дело)»; *povams (pr'ä)* «повеситься» – *povams* (ЗйцвКрснсл) «загрызть до смерти»; *əR'kə* (лит.) «озеро» – *əR'kə* (КртБшкрт) «река»; *mokər'* (КртБшкрт) «стул» – *mokər'* (лит.) «пень», «чурбак», «чурка»; *tərva* «берег» край ч.-л.» – *tərva* (ю.-в.) «губа»; *šočams* (ЗйцвКрснсл) «капризничать (это состояние проявляется у беременных женщин, когда им хочется скушать что-нибудь необычное)» – *šočams* (ЗйцвКрснсл) «заколоть, приколоть булавкой»; сравни эрз. *čočams* «застегнуть», «вцепиться в волосы», «овладеть, охватить (о чувстве тревоги)» и др;

3) наличие/отсутствие диалектного слова в том или ином говоре и мокшанском литературном языке: *talakodəms* (ЛвжРуз) «догадаться»; *pečkəmat* (ЗйцвКрснсл) «ножницы» < *pečkəms* «зарезать»; *ščakams* (СзгРуз) «перекреститься, креститься»; *manej* (КртБшкрт) «крестная мать».

Семантические диалектизмы в говорах употребляются в значениях, неизвестных в литературном языке, что приводит к возникновению омонимии. Омонимы появляются при столкновении на одной территории, в одном говоре диалектного и общемордовского слова: *man'i* «ясный (день)» – *man'i* «солнце», *pondams* «задушить (живое существо)» – *pondams* «закрыть (дверь)», *valda* «свет, светло, светлый» – *valda* «только», *langa* (повсем.) «по поверхности чего-л.» – *langa* (ЗйцвКрснсл.) «сметана»; *topa* «творог» – *topa* «мяч»; *leš* «иней» – *leš* (ЛвжРуз) «марля» и др. Постоянным источником омонимии служат словообразовательные процессы в говорах: *mar'* «яблоко – диал. *mar'* «картофель» > *modamar'* – *moda* «земля» + *mar'* «яблоко», досл. «земляное яблоко». Совпадение образований от разных корней может произойти при фонетических изменениях слов: *vir'* (лит.) «лес» – *vir'* (диал.) «кровь» < *ver* «кровь»; *sin'd'əms* (ц.д.) «сломать» – *sin'd'əms* (з.д.) «расчесать волосы» < *s'ejən'd'əms* (лит.) «расчесать волосы».

Обычно в рамках лексической системы одного языка трудно, а подчас вообще невозможно определить причины возникновения слов и развития значений. В таких случаях «ценнейшим материалом для объяснения фактов становятся данные родственных языков или результаты языковых контактов» (Мосин 1985: 38).

Семантические расхождения генетически родственных слов говоров и литературного языка в большинстве случаев не могут стереть общее в их

семантике, это общее и является тем основным семантическим фоном, на котором потом проступают и постепенно формируются семантические различия.

В результате исследования можно придти к выводам, что лексико-семантические расхождения могут быть распределены следующим образом:

1) слово в разных говорах имеет различные, но генетически связанные значения: *vät'ft'əms* (НСндрКрснсл) «расписаться (о новобрачных» – *vät'ft'əms* понудительный залог от *vät'əms* «вести, провести, привести, притащить» < ф.-у. **wetä*- (SKES: 1721, UEW: 569);

2) слово в различных говорах использовано для передачи генетически не связанных значений: *avaj* «свекровь» – диал. *avaj* «мать» < тюрк. (Paas. 1897: 30, Paas. 1903: 29, Paas. 1953: 62); см.: чув. *аба* «мать», «старшая сестра мужа», «тётя», кирг. *ana* «тетка» (ЭСМЯ 1979: 13), см. также производные от них: *od ava* (повсем.) «молодая женщина», *od ava* (диал.) «мачеха»; *bat'ka* «тесть – отец жены», диал. «крестный отец» (МРС 1998: 58); собственно мокшанское образование, представляющее собой слияние корневой морфемы батя, являющейся заимствованием из др.-русск. *батя* (Срезн.1: 1: 45) «отец» + субъективно-оценочный суф. *-ка*;

3) слово употребляется в разных говорах в противоположных значениях: *paləms* (повсем.) «сгореть» – *paləms* (АтрАтр, МПлЗП) «замёрзнуть»; *ufams* (ЗйцвКрснсл) «зажечь (свет электрический)» – *ufams* (ЗйцвКрснсл) «погасить (огонь).

Номинация в говорах	Значение в говорах	Значение в литер. яз.
man'ej	крестная мать	—
lej	овраг	река
mokər'	стул	пень, чурбак
lav	паховая область тела	перхоть
šavftəms	сфотографироваться	заставить убить
moraftəms	петь/читать молитвы	читать любой текст
šumərdams	выжать япку, белье (при стирке)	закончить (дело), закончить
šukš	рыбная чешуя	—

Номинация в литер.яз.	Значение в литер. яз.	Значение в говорах
kÞr'tams	опалить (ч-л., например шерсть или щетину свиньи)	кастрировать
l'äc'əms	выстрелить из естрельного оружия	выбросить
osal	тонкий, худой, скелет	беда
ftal	часть туловища ниже ы до ног	место – участок емли за домом
mokər'	пень, чурбак	стул
ar'	яблоко	картофель
tərva	край «чего-либо», берег, опушка, обочина	губа

nula	пеленка	женское платье из набивного ситца, сатина, шелка
al’ä	мужчина, отец	муж
ava	женщина, жена мать	мать
vel’aftəms	перевернуть, вывернуть	прилечь
pet’əms	исправить	кастрировать
toraj	гремит (о громе)	говорит, рассказывает
vačkəd’əms	вбить, прибить, ударить	сфотографировать
ščaka	тетя, любая немолодая женщина	тетя – сестра матери
pet’əms	исправить	кастрировать, скрасить
matka	самка-производительница у животных, потолочная балка, внутренний женский половой орган	крестная мать, теща
pərgams	брызгать, обрызгать	страдать поносом
moknams	заикаться	гнусавить, говорить через нос
sotəms	завязать, привязать	ругаться матом
r’äzəms	поджариться, чахнуть зачахнуть, сохнуть	иссохнуть засидеться в гостях
ulav	повозка, воз	перхоть
pändra	грязный	мокрый
tarəms	трястись, дрожать	шутить, играть
eR’ke	озеро	река
er’askadəms	торопиться, спешить	нарядиться
c’er’e	провод	свинья
mazÞ	красивый	красный
tarəms	трястись, дрожать	играть, шутить
naftəms	высморкаться	слопать, сожрать; обманываться
ol’d’ams	сдохнуть, отдать концы (груб.)	шарить, обшарить

Номинация в литер.яз.	Значение в литер. яз.	Номинация в говорах
inži	гость	*konak*
är’askadəms	спешить, торопиться	*torapams*
bajd’ək	палка	*mánda*
lama	много	*jasa*
vaga	вот	*n’ava*
vaz’	шапка	*takje*
id’/šaba	ребенок	*t’ot’mak*
vasən’bejəLt’	ножницы	*pečkomat*
t’äd’ä	мать	*ава*
ər’vä	жена	*ава*
al’n’aka	старший брат	*pat’ä*

s'ivəl'	мясо	*pal*
ten'ka	рыбная чешуя	*šukš*
klok	кулак	*mokšənda*

Литература

Мосин 1985 = Мосин М.В. Финно-угорская лексика в мордовских и прибалтийско-финских языках: Семантический анализ. – Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 1985. – 85 с.

МРС 1998 = Мокшанско-русский словарь. 41 000 слов. / Под ред. Б.А. Серебренникова, А.П. Феоктистова, О.Е. Полякова. – М.: Русский язык, Дигора, 1998. – 920 с.

Оссовецкий 1982 = Оссовецкий И.А. Лексика современных русских народных говоров. – М.: Наука, 1982 – 290 с.

Срезн. 1989 = Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка: (В 3 тт.). – Репринт. Изд. – М.: Книга, 1989.

Феоктистов = Феоктистов А.П. Диалекты мордовских языков // Mordwinisches Wörterbuch. Bd. 1. – Helsinki, 1990. – S. LXXI.

Цыганкин 1972 = Цыганкин Д.В. Лексика эрзянских говоров // Вопросы мордовского языкознания, Труды, Вып. 42. – Саранск, 1972. – С. 121–129.

Цыганкин 2000 = Цыганкин Д.В. Состояние изученности мордовских диалектов // Мордовские языки глазами ученого-лингвиста. – Саранск, 2000. – С. 19–60.

ЭСМЯ 1979–1983 = Гордеев Ф.И. Этимологический словарь марийского языка. – Т. 1–2. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1979–1983.

Paas. 1897 = Paasonen H. Die türkischen Lehnwörter im Mordwinischen. Helsingfors, 1897. – S. 64.

Paas. 1903 = Paasonen H. Die sogenannten Karataj-Mordwinen oder Karatajen. Helsingfors, 1903. – S. 10.

Paas. 1953 = Paasonen H. Mordwinische Chrestomatie mit Glossar und grammatikalischem Abriss. Zweite Auflage. Helsinki–Turku, 1953. – 155 S.

SKES 1955–1981 = Suomen kielen etymologinen sanakirja. – Helsinki – 2293 S.

Сокращения

АдшКдш – Адашево Кадошкинский район
АтрАтр – Атюрьево Атюрьевский район
ЗйцвКрснсл – Зайцево Краснослободский район
КртБшкрт – Киртели Республика Башкортостан
ЛвжРуз – Левжа Рузаевский район
ЛмдСтШ – Лемляй Старошайговский район
МПлЗП – Морд. Поляна Зубово-Полянский район
НСндрКрснсл – Новое Синдрово Краснослободский район
ПрмзЗП – Промзино Зубово-Полянский район
ПчпЗП – Пичепанда Зубово-Полянский район

СлзгТрб – Салазгорь Торбеевский район
СтШСтШ – Старое Шайгово Старошайговский район

диал. – диалектное
др-рус. – древне-русское
з.д. – западный диалект
лит. – литературное
повс. – повсеместно
тюрк. – тюркское
ф.-у. – финно-угорское
ц.д. – центральный диалект
ю.-в. юго-восточный диалект

Людмила Громова
Тверь

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ТВЕРСКОГО ПАМЯТНИКА КАРЕЛЬСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ЕВАНГЕЛИЯ ОТ МАТФЕЯ

Ключевые слова: тверской перевод, Толмачевский диалект, фонетические особенности

Изучение тверского переводного памятника карельской письменности Евангелия от Матфея «Герранъ міянъ Шюндю-руохтынанъ святой Іованґели Матвђйста, карьяланъ кіелђлля» (1820), который является самым ранним опубликованным евангельским текстом, позволяет получить представление о языковых особенностях одного из карельских диалектов.[12] Одним из достоинств данного перевода является отсутствие влияния других диалектов карельского языка, т.е. он представляет тот диалект, на котором говорили тверские карелы в начале XIX века.[13]

Ко времени появления перевода Евангелия от Матфея тверской карельский диалект не испытывал сильного влияния со стороны русского языка. Это было обусловлено особым укладом жизни карел на тверских землях. Хотя карелы прожили на территории России уже почти 200 лет, их поселения по-прежнему напоминали языковые островки, на которых почти до конца 19-го века карельский язык был основным средством общения и выполнял все необходимые для жизни сообщества функции, пожалуй, кроме общения с властями и ведения торговли.[14] Следует принять во внимание также и то обстоятельство, что после переселения в Россию тверские или верхневолжские карелы имели малое количество контактов с близкородственными языками. Таким образом, можно предположить, что язык тверских карелов сохранил архаичные черты древнего карельского диалекта *”muinaskarjala”*, который был унаследован от предков на западном и северо-западном побережье Ладожского озера. В отношении этого древнего диалекта важным, на наш взгляд, является мнение Х. Лескинена (1964), который считает, что в языковом отношении он предположительно был единообразным.

Дальнейшее развитие древнекарельских диалектов было обусловлено драматическими историческими событиями. Исследователями подчёркивается

[12]Евангелие от Матфея было переведено на толмачевский говор тверского диалекта, который относится к собстенно-карельскому наречию карельского языка (П.М. Зайков 1990).

[13]Например: сохранившийся в рукописном виде начин перевода Евангелия от Матфея на «олонецкое наречие» карельского языка также 1820 года характеризуется смешением в тексте ливвиковского, людиковского и собственно-карельского наречий (В.Д. Рягоев 2003).

[14]Данные об уровне владения карелами русским языком, полученные в результате переписи населения 1897 года, свидетельствуют о том, что двуязычными к концу века стали 37,1 % мужчин и всего около 6,7% женщин. (ГАТО, ф. 1367, оп. 1, ед.хр. 25, с. 121)

тот факт, что уже после подписания Ореховецкого мирного договора между Россией и Швецией (1323) в результате изменения административной границы произошло разделение молодых карельских племён на три группы: на востоке – новгородские карелы; на западе – шведские или выборгские карелы, севернее отдельно от других карел – племена Саво (H. Leskinen 1998: 356). С того времени развитие этих дочерних диалектов относительно древнекарельского *”muinaskarjala”* происходило по-разному. Часть карельского населения, проживающая в Корельском уезде (*Käkisalmen lääni*), отошла к России и оказалась отрезанной от соплеменников, что повлекло за собой тесные религиозные, культурные и экономические контакты с русским населением и одновременно усиление влияния русского языка. Именно эти новгородские диалекты *”käkisalmen karjala”* после переселения карел (XVI–XVII в.в.) в центральные области России составили основу тверских говоров, в частности, Толмачевского говора.

Характеризуя восточные диалекты финского языка 16-ого века и, в частности, диалект «новгородских карел» Х. Лескинен отмечает, с одной стороны, наличие фонетическиех особенностей, обусловленных влиянием русского языка, а с другой стороны, тиичные для этого диалекта явления, берущие начало в древнекарельском языке. Авторы перевода при написании текста пользовались кириллицей того времени, которая отличается от современного алфавита. Для точной передачи особенностей звуковой системы карельского диалекта в дополнение к алфавиту была разработана оригинальная система знаков (Макаров 1963 (а), Громова 2008). Далее рассмотрим, какие основные фонетические особенности толмачевского говора тверского диалекта, сформировавшиеся до переселения в Россию, нашли отражение в тексте перевода.

I. Фонетические особенности, возникшие под влиянием русского языка

1. Появление звонких согласных

Учёные, исследовашие фонетическую систему тверских говоров карельского языка, отмечают переход глухих взрывных согласных в звонкие по влиянием русского языка (H. Ojansuu 1905, H.Leskinen 1964, Беляков 1949, Макаров 1963 (б), Jeskanen 1997, Громова 2007). Известно, что это явление имело место в средние века ещё до переселения карел в Россию, т.к. в шведских и русских документах XVI–XVII в.в., в частности, в переписной книге Водской пятины 1500 г. в названиях населённых пунктов уже употребляются звонкие смычные согласные *г, д, б* на месте глухих *к, т, п: Ругола ’Rukola’; Равдалакша ’Rautalahti’; Габалакша ’Haapalahti’* (H. Leskinen 1964: 98). Исследователи состояния тверского карельского диалекта на протяжении XX века в качестве характерной особенности указывают на наличие оппозиции согласных по глухости/звонкости.[15]

[15]В говорах северно-карельского диалекта опозиция согласных по глухости/звонкости отсутствует, хотя наряду с тверским диалектом он относится к собственно-карельскому наречию (П.М. Зайков 1990).

В тексте перевода Евангелия от Матфея (далее ЕМ) звонкие согласные встречаются:

1) в позиции после сонорных согласных: *р, л, м, н:*

1:1 *Шюндюруўхтынанъ родукундуй’ šy**nd**yruohtinan roduku**nd**ua’;* 8:20 *ли**нд**улойла’ li**nd**ulojla’;*

4:21 *шидя ке**рд**уй’ šidä ke**rd**ua’;* 4:8 *корѓіёлла ѓоралла’ korgiella goralla’;*

5:12 *іелля тейдя о**лд**ыхъ’ iellä teidä o**ld**ih’;* 4:6 *ял**г**а’ ja**lg**a’*

9:5 *кебіё**мб**и’ kebie**mb**i’*

2) в позиции между гласными звуками или дифтонгом и гласным:

10:9 *го**б**іёда’ ho**b**ieda’;*

1:20 *Давиданъ пойѓа’ Davidan poi**g**a’*

3:12 *ла**б**іё’ la**b**ie’*

Однако, следует заметить, что в некоторых случаях, казалось бы,

отвечающих этим правилам, перехода глухого согласного в звонкий не происходит, например: 6:1 *эй лiёне пал**к**уа*. В данном случае отсутствие явления озвончения объясняется тем, что исторически здесь было количественное чередование согласных *к/кк*, которое в тверском говоре не сохранилось (ср. южно-карельское *pa**lkk**a*). Таким образом, глухость согласного показывает, что здесь исторически было чередование (Йесканен 1997: 91). Согласные, которые чередуются, не подверглись озвончению также и в позиции между гласными: 5:45 *Туй**т**онъ пойятъ’ Tua**t**on pojat’.*

Кроме указанных глухих/звонких смычных согласных в тексте ЕМ встречается следующие оппозиции щелевых:

с/з – 19:29 *изянъ’ izän’;* 9:26 *азіе’ azie’;* 27:63 *паѓизи’ pagizi’;* 13:42 *тулизехъ-киуѓуйхъ’ tulizeh-kiuguah’*

с/ж – 22:38 *энжимяне’ enžimäne’ (ensimäne>enzimäne>enžimäne);* 22:35 *кюжю’ kyžy’;* 22:18 *вiйжагатъ’ viižahat’.*

В тверских говорах под влиянием русского языка произошла замена глухих согласных на звонкие. В тексте ЕМ наблюдается регулярное использование звонких смычных и щелевых согласных в описанном фонетическом окружении.

2. Замещение твёрдого согласного *ц* мягким *щ*

Замещение твёрдой аффрикаты *ц* на мягкую *щ* начало происходить в средние века, о чём свидетельствуют примеры написания названий населённых пунктов в упомянутой выше переписной книге Водской пятины 1500 г.: *Кочелакша’ Koitsanlahti’* (H. Leskinen 1964: 98).

В ЕМ это явление также нашло отражение: 12:39 *эччивъ, эй андуаче’ eччiv, ei anduače’;* 21:33 *паччаханъ’ paччahan’;* 22:25 *шейчименъ’ seičimen’.*

Аффриката *ч* представлена в словах, относящихся к разным частям речи и в разных формах: в инфинитиве глагола *eччie, lebiäčie, vardeiliečie, lägendiäčie, peitteliečie;* в разных формах существительных: 19:29 *вђллетъ ѓо, чикот ѓо’ vellet go čikot go’,* 3:4 *мђччя-мђзи’ meččä-mezi’;* в местоимениях: 5:30 *луо ичештяшъ’ luo ičeštäš’;* в числительных: *шейчименъ’ šeičimen’;*в форме пролатива: *шейчимиччи’ šeičimičči’; колмиччи’ kolmičči.*

Употребление мягкой аффрикаты в тверских говорах расширяется, о чём свидетельствуют данные диалектологического словаря карельского языка (1997) KKM (карта 101) и Словаря карельского языка (Пунжина 1994).

3. Палатализация согласных

Явление палатализации характерно для современных тверских говоров карельского языка (Беляков 1949, Баранцев 1967, Макаров 1963 (б), Йесканен 1997,KKM 1997). Финские исследователи карельских диалектов относят начало палатализации к периоду древнекарельского языка (Ruoppila, H. Leskinen). Авторы перевода[16] разработали специальную систему знаков для обозначения палатализации. Смягчение согласных отражено в позиции перед гласными переднего ряда (i, e, ä, ö, ü). Звук *и* переднего ряда обозначен буквой *и* кириллического алфавита, тогда как после твёрдых употребляется буква *ы*, обозначающая звук среднего ряда, например: 2:7 *тях**ти** ожут**ты**хъ't'äht'i ožuttįh';* 21:32 ***мы**таритъ 'mįtarit'*.

Обозначение твёрдости/мягкости согласных после гласной *е* происходит посредством букв *е, ђ* и буквы *е* с надстрочными знаками. Авторы перевода, как и в случае со звуком *и,* различают *е* переднего и среднего ряда. Для обозначения мягкости внутри слова авторы используют буквы *е* и *ђ*, например: 8:9 ***те**рвегтювъ мивнъ брига 't'erv'eht'üv m'ivn br'iha';* 2:12 *ляхт**ђ**йхъ тойста тиĕдя-мюоть 'l'äht'eih';* 6:28, ***пђ**гмђйхъ'pehmeih'*.

Нужно отметить, что авторы используют данные знаки недостаточно строго. Употребление букв *е* и *ђ* было затруднительным для написания и нерегулярным задолго до появления данного перевода. Уже в 17-ом столетии в разговорной речи московского диалекта не различалось произношение гласных, обозначаемых этими буквами, и на письме (Брокгауз, Ефрон 1891; Григорьева 2004). Этим объясняется недостаточно последовательное употребление данных букв в переводе ЕМ: 6:17 ***пђ**лдо-куккиĕ 'p'eldo-kukkie',* но: 13:44 ***пе**ллолла 'p'ellolla'*. Звук *е* среднего ряда, после которого не происходит явление палатализации, обозначен специальным знаком *é:* 18:9 *тулиз**é**хъ ґееннахъ 'tu'izeh g'eennah'*; 25:63 *шïĕ олл**é**тъ Христосъ 'šie ollet Hr'istos'*.

После карельских гласных переднего ряда *ü, ö, ä* в большинстве случаев, за исключением некоторых, происходит смягчение согласных: 13:21 *а тервяхъ **гю**льґіївъ 'a t'erv'äh hül'g'iäv';* 19:23 ***мя**нöвъ майвашъ-куниґагуохъ 'm'än'öv taivaš-kuningahuoh'*. К таким особым случаям относится окончание эссива. В ессиве переводчики обозначили звук *ä* буквой *а,* тем самым подчеркнув твёрдость согласного: 19:21 *гювя**на** кайккие мюоть олла 'hüv'äna kaikkie müöt' olla',* но *гювял**ля** 'hüv'l'l'ä'*. В окончаниях возвратных глаголов также вместо знака *ö* употребляется буква *о* (Громова 2008). .Данные случаи свидетельствуют о том, что авторы старались отразить особенности произношения в случаях, в которых, по-видмому уже тогда, началось нарушение закона гармонии гласных.

[16]Авторами перевода являются носители толмачевского говора тверского диалекта карельского языка: священник Г.Е. Введенский и учитель духовного училища М.А. Золотинский, окончившие Тверскую духовную семинарию. (E. Leskinen 1939; Makarov 1962)

Для обозначения мягкости согласного в конце слова используется мягкий знак, например: 25:75 *юленъ яйяль**ь**ди итьки ’ül’en äijäl’d’i it’ki’;* 28:8 *онъ валми**сь** ’on valm’is’*. По правилам орфографии того времени в конце слова после твёрдого согласного пишется твёрдый знак. Данное правило авторами соблюдается.

II. Фонетические особенности, унаследованные из древнекарельских диалектов

Дифтонгизация долгих гласных

Финские исследователи относят дифтонгизацию долгих гласных в различных позициях к явлению, нашедшему широкое распространение в диалектах финского и карельского языка. Замечательный финский исследователь карельских диалектов Арвид Генетц в дескриптивном исследовании собственно-карельского наречия (1880) при описании фонетических изменений в системе гласных звуков положил начало исследования дифтонгизации, уделив внимание процессу образования и преобразования дифтонгов в тех или иных позициях.[17] Изучению этого процесса в карельских диалектах посвящены работы таких учёных, как: Хейкки Оянсуу (1905), Хейкки Лескинен (1964, 1998), Лаури Пости (1945), Д.В. Бубриха (1948), А.А. Белякова (1949), П. Палмеос (1962) и др. Важный для нашего исследования материал, собранный на территории Тверской области в 50-ые и 70-ые годы XX века, содержится также в Диалектологическом атласе карельского языка (Karjalan kielen murrekartasto 1997).

Исследователями (H. Ojansuu, H. Leskinen) отмечается, с одной стороны, пестрота и разнообразие в проявлении дифтонгизации в финских и карельских диалектах, а с другой стороны, подчёркивается наличие единой отправной точки этого явления и неких важных объединяющих черт, к которым относится повсеместно встречающаяся дифтонгизация долгих гласных среднего подъёма *o, ö, e* первого ударного слога.

В восточно-карельских диалектах процесс дифтонгизации затронул как долгие гласные среднего подъёма *o, ö, e,* так и гласные нижнего подъёма *a, ä,* которые перешли в дифтонги во всех позициях:[18] в первом слоге с изначальными древними долгими гласными, а также в результате стяжения гласных в других частях слова. Х. Лескинен считает, что этот процесс происходил ещё в древнекарельском языке и привёл к полному исчезновению вышеуказанных долгих гласных в карельских диалектах западного побережья Ладоги, что и стало фонологической особенностью данных диалектов. Изначальную долготу в первом слоге сохранили только древние гласные *i, u, y.* Опираясь на точку зрения Х. Лескинена, будем придерживаться той точки зрения, что диалекты тверских карел ко времени массового переселения (к началу 17 столетия) уже имели законченную систему дифтонгов. Исследователи карельских диалектов В.Д.

[17]Например: переходу гласных *o,ö,e* в позиции перед *a,ä* в дифтонги *ua>uo- ukkua> ukkuo* (Генетц 1880:172)

[18]В финских диалектах, как и в карельских, подверглись дифтонгизации древние долгие гласные среднего подъёма первого слога *o,ö,e,* а также после утраты согласных в результате стяжения гласных в позиции зияния *(oo> uo, öö> yö, ee> ie).*

Бубрих и его ученик А.А. Беляков[19] также отмечают дифтонгизацию в тверских говорах в качестве их отличительной черты.

В тексте перевода ЕМ нашли своё отражение как более ранние дифтонги, которые были образованы из древних общефинских долгих гласных первого слога, так и более поздние, образовавшиеся в результате выпадения согласных и последующего стяжения гласных:[20]

1) ранние дифтонги:

oo>uo

4:18 *l**uo**kšimašša merdoja); 4:24 t**uo**dih hänen-luo;*

ee>ie

19:15 *t**ie**ldä läksi; 17:18 k**ie**l'di händä*

öö>üö

3:4 *v**üö**ttiäčen oli; 26:17 rieška-š**üö**ndä*

aa>ua

26:45 *kaikella m**ua**lla; 5:7 l**ua**dijat*

ää> iä

22:50 *korgiella **iä**nellä; 26:7 p**iä**n p**iä**llä*

2) более поздние дифтонги:

oa>ua

7:10 *pakkois' kal**ua** - kal**ua**> kal**oa**> kalaa> kala-δ-a;*

eä>iä

7:7...*pürrikk**iä** - pürrikk**iä**>pürrikk**eä**>pürrikkää >pürrikkä- γ-ä;*

oa> uo

5:16 *tiän tuatt**uo** – tuatt**uo**>tuatt**oa ;***

ua>uo;

12:32 *ist**uo** häneh – ist**uo**> ist**ua**> istu-δ-a;*

üä>üö

6:4 *näht**üö**; 14:19 viizi mökk**üö**;*

ea> ie

4:8 *korg**ie**lla goralla - korg**ie**>korg**ea**>korkea-δ-a;*

eä>ie

8:12 *pim**ie**h - pim**ie**> pim**eä**> pime-δ-ä*

iä>ie

7:27 *lev**ie**mine - lev**ie**mine>lev**iä**mine>lev**eä**mine>leve- γ -ämine*

ae>au

16:3 *mahatta arv**ua**l'l'a – arvata-arv**ua**l'l'a>arv**ae**lla>arva-δ- ella*

Явление дифтонгизации также распространяется и на сравнительно новые заимствования из русского языка, например: 8:9 *солд**а**т – sald**ua**tta,* что свидетельствует об актуальности и жизнеспособности дифтонгов в толмачевском говоре. Устойчивость системы дифтонгов также подтверждается обширными

[19]А.А. Беляков, являясь тверским карелом и носителем толмачевского говора, занимался изучением именно этого говора тверского диалекта, опубликовав статьи по фонетике и морфологии (1949, 1954).

[20]Прмеры в данномслучае приводятся на латинице в транслитерации автора данной статьи.

данными диалектологического словаря карельского языка (KKM 1997), в котором явление дифтонгизации представлено в картах №4 – 26. На основе анализа текста ЕМ можно сделать вывод о развитой и регулярной системе дифтонгов, которая нашла полное отражение в переводном памятнике.

Выводы

За рамками данной статьи остались такие фонетические особенности толмачвского говора тверского диалекта, как изобильное использование шипящих *š* и *ž*, употребление геминаты в окончании абессива (25:42 *йуŏматта ’juomatta’*) и некоторые другие, о которых было доложено на конференции финно-угроведов (Громова 2007). Кроме того, в данной статье мы не смогли уделить внимание анализу системы знаков и её эффективности при передаче тех или иных фонетических явлений карельского языка. Такой анализ был проведён и его главные результаты были опубликованы (Громова 2006, 2008). Также мы осознаём те сложности, которые встают перед исследователем переводных источников. Однако, комплексный анализ и учёт всех факторов, возникающих в процессе перевода, которые оказывают влияние на конечный текст, позволят получить достоверные результаты исследования.

На основе проведённого анализа можно сделать выводы о том, что в переводном тверском памятнике карельской письменности 19-ого столетия нашли отражение фонетические особенности диалекта новгородских карел «käkisalmen karjala”, который берёт свое начало из древнекарельских диалектов и на котором говорили карелы ещё до переселения на тверские земли. К таким особенностям относятся наличие звонких согласных, замена твёрдой аффрикаты *ц* на мягкую *щ*, изобильная палатализация согласных, развитая система дифтонгов. Авторы перевода сумели достаточно последовательно отразить данные особенности посредством кириллицы и разработанной ими оригинальной системы знаков.

Дальнешее изучение письменного памятника и сравнительное исследование прольёт свет на сложные языковые процессы формирования тверских диалектов, которые происходили на фоне языковых контактов с носителями русского языка ещё на «старой родине» и значительно интенсифицировались после обретения «новой». Также чрезвычайно интересной, на наш взгляд, является проблема сохранения в тверских диалектах основных черт, характерных для древнекарельского языка и прибалтийско-финских языков.

Литература

Баранцев, А.П. 1967: Из истории создания письменности для карел, вепсов и саамов. // Прибалтийско-финское языкознание. Ленинград: Наука. С. 91–93.

Беляков, А.А. 1949: Фонетика карельского диалекта с. Толмачи Калининской обл. // Советское финноугроведение,V. Петрозаводск. С. 67–98.

Брокгауз, Ф.А., Ефрон, И.А. 1891: Энциклопедический словарь.С-Пб. Т.6, с. 696.

Бубрих, В.Д. 1948: Историческое прошлое карельского народа в свете лингвистических исследований. // Изв. Карело-Финской науч.-исслед. Базы АН СССР, №3.С. 42–50.

Григоьева, Т.М. 2004: Три века русской орфографии. 18–20 в.в. С. 29, 45–47.
Герранъ міянъ Шюндю-руохтынанъ святой Іованґели Матвђйста карьаланъ кіелђлля. Пійтери. 1820. 96 с.
Громова, Людмила 2006: Тверские печатные памятники карельской письменности 19. столетия. Folia Uralica Debreceniensia 13: 35–43.
Громова, Л.Г. 2008: Использование кириллицы в переводном памятнике карельской письменности 19 века (Евангелие от Матфея). // X Международный Конгресс финно-угроведов. IV. Лингвистика. Йошкар-Ола 15.08 – 21.08.2005. Joshkar-Ola. С. 295–299.
Зайков, П.М. 1999: Грамматика карельского языка. Петрозаводск: Периодика.
Йесканен, Матти 1997: Основные черты говоров тверских карел. // История и культура тверских карел: перспективы развития. Тверь. С. 90–92.
Макаров, Г.Н. 1963 (а): О переводном памятнике карельского языка 20-х г.г. прошлого века. // Прибалтийско-финское языкознание. Вып. XXXIX, с. 70–79.
Макаров, Г.Н. 1963 (б): Образцы карельской речи (калининские говоры). М.–Л.
Рягоев, В.Д. 2003: Начин перевода Евангелия от Матфея на «олонецкое наречие» карельского языка. // Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск. С. 170–177.
Пунжина, А.В. 1994: Словарь карельского языка (тверской говор). Петрозаводск.

Genetz, Arvid 1880: Tutkimus Venäjän Karjalan kielestä. Helsinki.
Gromova, Ljudmila 2007: Tverinkarjalan foneettisia erityispiirteitä Matteuksen evankeliumin käännöksessä 1820-luvulta. Kielitieteen päivät 24.–25.5.2007. Oulu, Oulun yliopisto.
KKM 1997 Bubrih D. V., Beljakov A. A., Punzhina A. V.: Karjalan kielen murrekartasto. Helsinki. (Диалектологический словарь карельского языка)
Leskinen, Eino 1939: Tietoja v. 1820 Tverin-Karjalan murteella ilmestyneen Matteuksen evankeliumin kääntäjästä. Virittäjä №3. S. 401–404.
Leskinen, Heikki 1964: Suomen itämurteet keskiajan ja uuden ajan taitteessa. Virittäjä. S. 97–113.
Leskinen, Heikki 1998: Karjala ja karjalaiset kielentutkimuksen näkökulmasta. ─ Karjala. Historia, kansa, kulttuuri. Toim. Pekka Nevalainen ja Hannes Sihvo.
Makarov, Grigori 1962: Lisätietoja Matteuksen evankeliumin v. 1820 ilmestyneestä karjalankielisetä käännöksestä. Virittäjä. S. 129–134.
Ojansuu, H. 1905: Vähäisiä kirjelmiä. Karjalan äänneoppi. Julkaissut SKS. 51 s.
Palmeos, Paula 1962: Karjala valdaimurrak. Toim.P.Ariste, Tallinn 226 s.

Антонина Гуськова
Москва

«СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ГРАММАТИКА ВЕНГЕРСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ КАК ПРЕДМЕТ ПРЕПОДАВАНИЯ НА ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ УНИВЕРСИТЕТА» (К ТЕОРЕТИЧЕСКИМ ОСНОВАМ СРАВНЕНИЯ)

Сдана в печать «Сопоставительная грамматика венгерского и русского языков», написанная автором настоящего сообщения и представляющая собой учебное пособие к лекционным курсам, которые читаются студентам филологических факультетов. Сопоставительное изучение языков вызвано самой жизнью. Потребности высшей школы в условиях массового преподавания иностранных языков приводят к поискам методов, которые помогли бы учащимся осмыслить и усвоить иноязычные явления. Общепризнанный факт, что успех в овладении иностранным языком зависит не только от психологических факторов, но и от применения в обучении сопоставительного метода, обеспечивающего оптимальное усвоение языка. Систематическое сравнение форм и значений единиц структуры венгерского и русского языков, при некотором грамматическом базовом сходстве между ними, даёт возможность обнаружить сложную картину системных связей внутри каждого из них, а также выявить сходства и различия в их языковых системах. Следует подчеркнуть, что установление сходств и различий в устройстве двух языков является объектом сопоставительного исследования. Оно показывает, какими специфическими средствами выражается в сравниваемых языках тот же самый смысл, передаётся та же самая ситуация или отдельный компонент ситуации. Поскольку сопоставляются двусторонние языковые единицы, обладающие и формой, и содержанием, то актуальным остаётся вопрос не только о сходствах и различиях как таковых, но и об отношениях, в которых находятся средства выражения обоих языков для обозначения тождественных предметов и ситуаций. Последнее тесно связывает проблему сходств и различий в языковых системах сравниваемых языков с проблемой межъязыковой эквивалентности.

Отражая тождественные предметы и ситуации действительности, венгерский и русский языки характеризуются своеобразием и индивидуальностью относительно их конкретного языкового выражения. Отсюда следует, что главенствующим в изучении межъязыковых эквивалентных отношений должен быть детальный анализ значений сопоставляемых единиц. Этот анализ должен опираться на системный подход в исследовании указанных отношений. Принцип системности, лежащий в основе сопоставительного анализа, позволяет выверить соответствия, установленные между венгерским и русским языками. Неодинаковая степень системности различных участков языковых систем сопоставляемых языков допускает, по мнению автора, разноплановость сопоставления, проводимого на разных языковых уровнях. Это касается, например, материала главы «Коммуникативно-прагматическая специфика некоторых частей речи в венгерском и русском языках».

Сопоставление языковых единиц должно проводиться вне зависимости от того, грамматикализованы ли сопоставляемые значимости и в том, и в другом языке или только в одном из них. То есть предметом сопоставления должны быть и такие явления, которые только в одном из исследуемых языков наличествуют в качестве грамматических категорий. При этом точно должны определяться их структурные, синтагматические, стилистические эквиваленты, выражающие соответствующие значения и устанавливающие содержательные сходства. Примечательно, что указанные соответствия могут и не получать в другом языке явного формального выражения, что может привести к нарушению его уровневого членения. Итак, отсутствие формального сходства между венгерским и русским языками отнюдь не означает отсутствия средств выражения различных значений. Если в сравниваемом языке не найдено соответствия на одном языковом уровне, то его следует искать на других языковых уровнях. Как показывает лингвистическая практика, понятие межъязыковой эквивалентности не подразумевает отнесения соответствий лишь к одному языковому уровню: с помощью тех или иных средств выражения как венгерский, так и русский языки благодаря своему устройству способны выразить эквивалентное содержание. Это относится, например, к передаче значений русского совершенного вида, залога, способов глагольного действия, венгерских категорий определённости-неопределённости, притяжательности и т. д. Рассмотрение категории определённости-неопределённости, например, позволяет сделать целый ряд теоретически ценных и методически важных выводов, указывающих на сложность самого лингвистического явления. Кардинальное расхождение венгерского и русского языков в отношении категории определённости-неопределённости предопределяет сложность обучения русскоязычных учащихся этой специфической особенности строя венгерского языка. Средства выражения семантической категории определённости-неопределённости в венгерском и русском безартиклевом языке материально неодинаковы. Её функция – актуализация и детерминизация имени, демонстрация его единственности и т. п. Показателями определённости-неопределённости актуализируемого имени в венгерском языке являются артикли: определенный, неопределенный и нулевой. В русском безартиклевом языке, как известно, нет специальных служебных слов для передачи данной оппозиции, но тем не менее он обладает целым набором разноуровневых языковых средств для выражения определённости-неопределённости имени. Это порядок слов и фразовая интонация, оппозиция винительного и родительного падежей, использование указательных и неопределённых местоимений, частиц. Бóльшая свобода порядка слов в русском языке по сравнению с венгерским связана именно с отсутствием в нём артикля, она и компенсирует частично это отсутствие. Наличие артикля в одном языке и относительная свобода порядка слов в другом языке выступают как коррелирующие признаки, имеющие большое значение для выявления функциональных свойств исследуемых языковых систем. Такие случаи требуют пристального внимания преподавателя и использования серий специальных упражнений для автоматизации навыка. Употребление артикля в венгерском языке должно закрепляться систематически в ходе всего процесса обучения.

В «Сопоставительной грамматике венгерского и русского языков», ориентированной на усовершенствование методики преподавания венгерского языка и повышения результативности его изучения, сопоставление ведётся по частям речи, в рамках каждой части речи сопоставляются грамматические категории (сопоставление осуществляется от категории одного языка к соответствующей категории другого языка). За исходную берётся система форм той или иной категории венгерского языка, сопоставляемая с системой форм соответствующей категории русского языка, при этом русский язык служит фоном, системой, на которую наслаивается другая, изучаемая система. Таким образом, грамматические явления структурно отличающегося венгерского языка с помощью сравнения изучаются на базе русского языка, которым студент уже владеет. Именно системное сравнение с русским языком позволяет дифференцировать сходные и различные языковые элементы, способствует уяснению специфичности венгерского языка как иностранного. Построенный таким образом курс «Сопоставительной грамматики» охватывает большой диапазон языковой структуры и даёт индивидуальную характеристику каждого из соотносимых языков. Конечно же, контрастивная лингвистика должна проводить исследования на всех уровнях языковой структуры, и в совокупности необходимо говорить о контрастивной фонологии, контрастивной лексикологии, контрастивной морфологии и синтаксисе (в работе они объединяются термином «сопоставительной грамматика»), теории текста (поскольку контрастивная лингвистика возникла из практики преподавания иностранных языков и художественного перевода). Однако удельный вес фонетики при сопоставительном изучении различных языков несравнимо меньше, чем при сравнительно-историческом подходе, уделявшем исключительное внимание форме языков. В отличие от сравнительно-исторического языкознания в сопоставительной лингвистике основное внимание перемещается из области фонетики в сферы, имеющие дело с двусторонними единицами, обладающими и формой, и содержанием, то есть с морфемами, со словами, со словосочетаниями, с предложениями.

Использование языковых данных венгерского языка в качестве исходных имеет под собой основание. Прежде чем привести мотивацию такого использования, напомним, что в теории контрастивной лингвистики введено понятие языка-эталона (языка-посредника), содержащего все значения, которые реализуются в одном из сравниваемых языков. Обычно родной язык берётся как исходная модель, с которой по линии сходства и главным образом различий сравнивается изучаемый иностранный язык. Это положение имеет силу, когда речь идёт, например, о процессе научного исследования. Именно для исследователя родной язык является языком-эталоном, хочет он того, или нет. Но такой подход к языку-эталону перестаёт быть актуальным в учебном процессе, в котором язык-эталон, будучи подвижной категорией, меняет свою направленность. Языком-эталоном для студента служит иностранный язык преподавателя. Иными словами: языком-эталоном в процессе преподавания иностранного языка служит изучаемый язык как комплекс знаний преподавателя (глубокие знания грамматики иностранного и родного языков помогают преподавателю в учебных целях разумно обобщать их, редуцировать, группировать, делая более эффективными свои занятия). На этом основании

автор «Сопоставительной грамматики венгерского и русского языков» следует чёткому принципу рассматривать факты венгерского языка в зеркале русского и позволяет себе лишь отдельные исключения из этого правила, когда схема анализа явлений венгерского языка только в свете русской речи оказывается малоцелесообразной.

К таким исключениям относится подача материала в уже упомянутой главе «Коммуникативно-прагматическая специфика некоторых частей речи в венгерском и русском языках». Предметом исследования настоящей главы являются формальные, семантические и прагматические свойства обращений венгерского языка, относящихся к разным частям речи. Такое изучение языка в «действии» может послужить дополнительным стимулом для тех, кто изучает венгерский язык в специальных целях. Чрезвычайно полезно также знакомство с венгерскими обращениями и как с элементами системы языка, обладающего целым рядом особенностей и функционирующего в реальных условиях языкового общения. Среди прочего оно позволяет выявить коммуникативно-прагматическую специфику некоторых частей речи венгерского языка и указать на целесообразность исследования их функциональных свойств, установить инвентарь вербальных средств речевого общения, определить основные единицы коммуникации и подвергнуть их анализу. Обращения венгерского языка, представляя собой сложную и многообразную систему, не тождественны собранию аналогичных форм русского языка, т. к. отражают общественные связи, социальнсую иерархию и культурные традиции именно венгерского общества. Учитывая тематику и задачи исследования, проводимого в данной главе, автор изменил методологию сопоставительного анализа и конкретный материал венгерского языка описывал лишь с привлечением неполных данных русского языка. Формы обращения венгерского языка сравниваются с подобными стереотипами вежливости русского языка лишь в тех случаях, когда речь идёт о наиболее общих и важных языковых свойствах, а также одинаковых социальных функциях и сферах употребления сравниваемых языков. Однако и такое сопоставление полезно, так как способствует выявлению взаимоотношений между языками. Знакомство с обращениями венгерского языка поможет посмотреть и на русский речевой этикет в преломлении к венгерскому, осмыслить правила речевого поведения людей в обществе, его конкретные проявления, обратиться к отечественным языковым традициям и реалиям действительности, к отечественной истории.

Сферой практического приложения «Сопоставительной грамматики венгерского и русского языков» явилось создание автором двуязычного «Венгерско-русского и русско-венгерского словаря», который вышел в московском издательстве «Русский язык» и появление которого также связано с преподаванием венгерского языка студентам. Двуязычные словари – это сопоставление лексических значений слов двух языков, при котором объективируются значения слов одного языка и затем отображаются средствами другого языка. Несомненно, что в практике и теории составления словарей гораздо шире возможности применения контрастивной лексикологии, которая с самого момента своего возникновения использовала сопоставительный метод и занималась сравнением лексических единиц выбранных языков. Изучающий венгерский язык должен усвоить, что контрастивная лексикология тесно связана

с контрастивной грамматикой, поскольку все уровни языка взаимосвязаны, и то, что в одном языке относят к области грамматики, в другом может оказаться прерогативой лексикологии. Так, например, выражение каузации в венгерском языке служит ярким тому подтверждением.

В заключение хотелось бы заметить, что «Сопоставительная грамматика венгерского и русского языков» может стать ориентиром и для тех, кто приступает к изучению венгерского языка и надеется представить его в системе, сопоставимой с системой русского языка. Сопоставительный подход во многом облегчает работу преподавателя, а также задачу изучения венгерского языка более широким кругом учащихся.

Литература

Гуськова А.П. Венгерский язык. Справочник по грамматике. Москва, изд-во «Живой язык», 2009.

Гуськова А.П. Венгерский язык. Справочник по глаголам. Москва, изд-во «Живой язык», 2009.

Дэжё Л. Типологическая характеристика русской грамматики в сопоставлении с венгерской. Будапешт, 1984.

Пете И. Морфология русского языка в сопоставлении с венгерским. Будапешт, 1988.

Шальга А. Венгерский язык в зеркале русского. Будапешт, 1984.

Ласло Хорват
Будапешт

НЕИССЛЕДОВАННАЯ ЧАСТЬ ЛЕКСИКИ: ТЕРМИНОЛОГИЯ ШАХМАТНОЙ ИГРЫ В ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ

1. Уважаемые Коллеги!

В Венгрии 2008-ой год в истории игры в шахматы был знаменателен тем, что 250 лет тому назад появилась первая книга об этой игре на венгерском языке. Это было у нас вообще первой книгой о шахматах, книги на латинском и немецком языках появились позже.

Собственно говоря, я уже с детства интересовался терминологией шахматной игры, а систематически начал заниматься ней только под влиянием годовщины. В Институте Языкознаний я сделал три доклада о венгерской терминологии, которые были и будут опубликованы в разных журналах. Во время подготовления этих докладов и статьей я начал интересоваться и следующими вопросами.

Общеизвестно, что в Венгрии, в Финляндии и в Эстонии люди играют в шахматы. Наверно многие знают и то, что эта игра в России очень популярна. А для нас, иностранцев неизвестно, играют ли там в шахматы финно-угорские народы. И если да, на каком языке? Существует ли терминология, которая более или менее различается от русской? И какого происхождения эта лексика? Есть ли разница с этой точки зрения, например, между ханты и удмуртами? Всё это загадка.

Терминология шахмат, искренне говоря, и в так называемых больших финно-угорских языках является неисследованной. Вероятно, никто не знает, например, какой этимологический состав в финской терминологии.

Интересно и то, как влияет современная жизнь на игру в шахматы и на лексику.

Надеюсь, конгресс поможет ответить на вопросы. И ещё одна актуальность доклада: в этом году шахматная олимпиада произойдёт в городе Ханты-Мансийск!

2. Во первых, исследуем вопрос, играют ли в шахматы финно-угорские народы России

Мои знакомые, которые работали или учились на территориях этих народов, всегда говорили мне, что они нигде не видели людей, играющих в шахматы. А среди обских угров наблюдается, что эти люди играют в карты, даже на родном языке.

В интернете я познакомился с русским шахматистом моего возраста из города Ханты-Мансийск. По его мнению обские угры играют в шахматы редко. И у него было интересное наблюдение. Он иногда играл в шахматы с охотниками из этих народов, и он заметил, что эти мужчины играют слабо. А в городских турнирах

он встречался с девушками из тех же народов, и по его мнению они играют замечательно. Вот настоящая загадка!

Что касается терминологии, в словарях обско-угорских языков почти ни намёка шахматной игры. В хантыйском словаре Молдановой, Нёмысовой и Ремезановой я ничего не находил. В мансийских словарях Ромбандеевой и Кузаковой я нашёл только слова *шāхмат* ’шахматы, шахматная игра’, *шахматыт* ’шахматные фигуры’ и *шахматист* ’шахматист’. В словаре Мункачи и Калмана находится слово *sākmet* ’шахматная доска, шахматная игра’ и сложное слово *nē-sakmėt* ’шахматная игра для женщин’. (Последнее интересно, если мы думаем о том, что мой знакомый из Ханты-Мансийска сказал!)

Из таких народов, у которых количество населения несколько сот тысяч, я выбрал удмуртский и марийский. В словарях этих языков шахматная терминология богаче. Не знаю, в чём дело: это только из-за лексикографической причины, или оттого, что эти народы в самом деле играют в шахматы на родном языке?

На всякий случай удмуртские словари Вахрушева содержат самые важные элементы терминологии: *шах* ’шах’, *мат* ’мат’, *шахмат* ’шахматы; шахматный’, *шахмат доска* ’шахматная доска’, *шахматист* ’шахматист’, *шахматистка* ’шахматистка’. Названия фигур совпадают с русскими: *король, ферзь, ладья, слон, конь, пешка*. Для нас интересны такие словосочетания, как *шах ялыны* ’объявить шах’, *мат пуктыны* ’объявить мат’, *шахматэн шудыны* ’играть в шахматы’ и *шахматэн шудысь* ’шахматист’, потому что они возможные доказательства игры в шахматы на родном языке. Всё-таки они не являются бесспорными доказательствами, может быть, они только продукты лексикографии для облегчения переводов.

В удмуртском словаре Козмача только *шахмат* ’шахматная игра’, *шах, мат, шах пуктыны* и *мат пуктыны*. Названий фигур в этом словаре нет. Это является интересным знаком в связи с терминологией, потому что, например, словарь содержит слово *король* в значении карты.

Что касается марийского языка, в русско-марийском словаре Галкина находятся следующие слова и словосочетания: *шахмат* ’шахматы’, *шах* ’шах’, *мат* ’мат’, *шахматист* ’шахматист’ и *шахматистка* ’шахматистка’; *шахмат оҥа* ’шахматная доска’, *шахмат дене модаш* ’играть в шахматы’, *матым ышташ* ’сделать мат’. Названия фигур совпадают с русскими: *король, ферзь, ладья, слон, конь, пешка*. Кажется, обстоятельства похожи на удмуртские. А дело не так просто. В марийско-русском словаре Васильева, Саватковой и Учаева названий фигур нет. Может быть, это знак того, что они активно не употребляются, и в русско-марийский словарь приняли их только для облегчения перевода. А возможно и то, что я ошибаюсь. В ответе не помогает нам марийско-венгерский словарь Кузнецовой, потому что в нём со ссылкой на игру находятся только *ферзь, ладья* и *пешке* ’пешка’.

3. Какое положение вне России?

В Финляндии шахматная игра популярна. А для меня неизвестно, есть ли исследования о шахматной терминологии и её истории. Поэтому я скажу только

несколько слов об этимологии названий фигур, на основании словарей SKES и SSA.

Слова *kuningas, torni* и *ratsu* заимствования: *torni* <название ладьи, дословно ’башня’> из шведского, а *kuningas* ’король’ и *ratsu* ’конь’ германского происхождения. Другие названия продукты финского словообразования: *kuningatar* <название ферзя, дословно ’королева’> от слова *kuningas* ’король’; *lähetti* <название слона, дословно ’вестник’> от слова *lähettää* ’послать’; а *sotilas* <название пешки, дословно ’солдат’> от слова *sota* ’война’. В шахматной терминологии даже заимствованные слова появились как уже настоящие финские элементы, почти независимо от происхождения.

Ещё одна примечательность из финской терминологи. В значении ’снять фигуру’ употребляются два глагола: *lyödä* ’бить’ и *syödä* ’кушать’. Для нас, венгров первый является естественным, ведь и в венгерском языке употребляется в этой функции глагол с значением ’бить’, именно *üt.* Но употребление глагола с значением ’кушать’ характерно не только для финского, а известно например и в английском языке *(to eat pieces).*

В Эстонии шахматы очень популярны. Всемирно известный гроссмейстер Пауль Керес стал настоящим идолом. Его портрет виден даже на пятикронной банкноте. (Не знаю, наблюдается ли такое явление в какой-либо другой стране мира!) А для меня неизвестно, есть ли исследования об эстонской терминологии шахматной игры. Вот несколько замечаний об этой терминологии на основании словарей Eesti-vene sõnaraamat (Й. Тамм), Vene-eesti sõnaraamat (П. Арумаа–Б. Правдин–Й.В. Вески) и этимологического словаря Estnisches etymologisches Wörterbuch Йулиуса Мягисте. (Надеемся, немного погодя можно изучать и словарь профессора Габор Берецки.)

Название игры в большинстве языков можно возвести к титулу персийского государя: русское *шахматы,* финское *šakki,* венгерское *sakk* и так далее. Поэтому эстонское название настоящий сюрприз: *male.* Это слово по мнению Мягисте возникло из какого-то балто-финского корня. Оно действует в целом ряду сложных слов: *malelaud* ’шахматная доска’, *malemeister* ’мастер спорта по шахматам’, *malemäng* ’шахматная игра’, *malepartii* ’шахматная партия’ и так далее. От этой основы образованы слова *malend* ’шахматная фигура’ и *maletaja* ’шахматист’. Глагол от этого с значением ’играть в шахматы’ употребляется и в одном, образованном слове: *maletama* (как венгерское *sakkozik*), и в словосочетании *malet mängima* (приблизительно как финское *pelata šakkia*). Ввиду всего этого другой сюрприз, что название шаха – *šahh.* А после этого неудивительно, что название мата – *matt.*

Среди названий фигур *kuningas* ’король’ совпадает с финским. Это действительно и в связи с второй частью сложного слова *maleratsu* ’конь’, дословно ’шахматный конь’. – Название ферзя – *lipp,* дословно ’знамя’; возможно, это является элементом финно-волжского наследия. – Ладья по-эстонски – *vanker,* дословно ’телега, повозка’. Это слово не выясненного происхождения, а в названии отражается в конце концов персийское влияние, как в английском *Rook* ’ладья в шахматах’. – Для названия слона употребляется интересное сложное слово *odamees* ’копьеносец’. А название пешки *ettur* образовано от наречия *ette* ’впереди’.

4. В Венгрии шахматная игра очень популярна

Как я уже в введении сказал, первая книга о шахматах на венгерском языке появилась в 1758-ом году. Эта книжка содержит почти 70 терминов, а для широкой публичности стала известной только в 1891-ом году, и влияла на возникновение терминологии только в незначительной мере.

Сознательное обоснование шахматной терминологии произошло приблизительно 150 лет тому назад, когда появился первый шахматный отдел на венгерском языке в журнале Vasárnapi Újság (Воскресный Журнал, 1860). В формировании терминологии играли огромную роль заведующий отделом, юрист и журналист Иштван Черешнеш и в первую очередь известный аптекарь Матьаш Рожньаи. В его переводе была опубликована вторая книга о шахматах на венгерском языке (1860, по немецкому творению Макса Ланге), которая тогда считалась первой. В формировании венгерской терминологии игры немецкое влияние было значительным: не путём заимствований, а при помощи калькирования. – Вот только один пример. Слово *paraszt* ’крестьянин’ в венгерском языке славянского происхождения, а в том, что оно приняло значение ’пешка’ (в фамильярном словоупотреблении), отражается влияние немецкого *Bauer* ’крестьянин; пешка’.

В наши дни в Настольном толковом словаре венгерского языка (Magyar értelmező kéziszótár) находятся приблизительно 120 терминов, связанных с шахматами. Сейчас я скажу только несколько слов о названиях фигур на основании словаря Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen. – Слово *király* ’король’ у нас вероятно сербско-хорватского происхождения. – Название ферзя в официальном словоупотреблении *vezér,* значит ’полководец’; это слово от финно-угорского корня. А в фамильярном языке обычно употребляется сложное слово *királynő,* дословно ’королева’. – Название ладьи – *bástya,* дословно ’башня’; само слово заимствовано из итальянского. Употребляется иногда и устаревшее *torony,* дословно тоже ’башня’, заимствование из немецкого. – Название слона в первую очередь *futó,* дословно ’бегающий’, причастие глагола *fut,* которое стало существительным. Употребляется в этом значении и слово *futár,* дословно ’курьер’, образовано от того же глагола. – Название коня в официальном словоупотреблении *huszár,* дословно ’гусар’; само слово заимствовано из сербско-хорватского. А в фамильярном языке употребляется *ló* ’конь, лошадь’; само слово из угорской эпохи. – Официальное название пешки – *gyalog,* дословно ’пеший’; это слово от финно-угорского корня. А о фамильярном названии *paraszt* я уже говорил. – В шахматной терминологии появились конечно и заимствованные слова как уже настоящие венгерские элементы.

Уже нет времени дальше говорить о венгерской терминологии, а если кто-то интересуется ней, я попробую ответить на вопросы. Ещё одно замечание: терминология шахматной игры является и в Венгрии мало исследованной, хотя мастер спорта Йожеф Фёлди написал о ней непубликованную диссертацию (в 1968-ом году), а известная шахматистка Тюнде Чонкич одну интересную статью в журнале Magyar Nyelv (Венгерский Язык, в 1986-ом году).

5. Уважаемые Коллеги!

Я был бы благодарен Вам за всякие информации об игре в шахматы среди финно-угорских народов и конечно о шахматной терминологии, о её сегодняшнем положении и истории. Большое спасибо за внимание.

Литература

Arumaa, P.–Pravdin, B.–Veski, J. V. 1975 = *Vene-eesti sõnaraamat* I–II. [Русско-эстонский словарь.] Valgus, Tallinn.

Benkő, Loránd (главный редактор) 1993–1997 = *Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen* I–III. [Этимологический словарь венгерского языка.] Akadémiai Kiadó, Budapest.

Cseresnyés, István 1859 = A sakkjáték magyar műszavai. [Венгерские термины шахматной игры.] *Vasárnapi Újság* 6: 593–594.

Csonkics, Tünde 1986 = A sakkfigurák elnevezésének eredetéhez. [О происхождении названий шахматных фигур.] *Magyar Nyelv* 82: 431–437.

Földi, József 1968 = *A magyar sakkszókincs eredete és kialakulása.* [Происхождение и возникновение венгерской терминологии шахмат.] Неопубликованная диссертация.

Horváth, László 2010a = A magyar sakknyelv történetéből. [Отрывки из истории венгерской терминологии шахмат.] *Magyar Nyelv* 106: 59–78.

Horváth, László 2010b = Sakknyelv, Kéziszótár, Nagyszótár. [Шахматная терминология в Настольном толковом словаре и в Большом словаре венгерского языка.] *Magyar Nyelvőr* 134: 321–331.

Horváth, László 2010c = Az első magyar sakk-könyv etimológiai statisztikája. [Этимологическая статистика лексики первой венгерской книги о шахматах.] Перед появлением в журнале *Magyar Nyelvőr* 134: 421–436.

Kozmács, István 2002 = *Udmurt–magyar szótár*. [Удмуртско-венгерский словарь.] Savaria University Press, Szombathely.

Kuznecova, Margarita 2003 = *Mari–magyar szótár*. [Марийско-венгерский словарь.] Savaria University Press, Szombathely.

Lange, Max 1856 = *Lehrbuch des Schachspiels.* [Учебник шахматной игры.] Verlag von Schroedel & Simon, Halle.

Makovetz, Gyula 1891 = Egy magyar sakk-könyv a múlt századból. [Венгерская книга о шахматах из прошлой веки.] *Budapesti Sakkszemle* 3: 90–91.

Mägiste, Julius 1982–1983 = *Estnisches etymologisches Wörterbuch* I–XII. [Этимологический словарь эстонского языка.] Finnisch-Ugrische Gesellschaft, Helsinki.

Munkácsi, Bernát–Kálmán, Béla 1986 = *Wogulisches Wörterbuch.* [Словарь мансийского языка.] Akadémiai Kiadó, Budapest.

Pusztai, Ferenc (главный редактор) 2003 = *Magyar értelmező kéziszótár*. [Настольный толковый словарь венгерского языка.] Второе, переработанное издание. Akadémiai Kiadó, [Budapest].

Rozsnyay, Mátyás 1859 = A sakkjáték. [Шахматная игра.] *Vasárnapi Újság* 6: 307–308.

Rozsnyay, Mátyás 1860 = *A sakkjáték elemei.* [Элементы шахматной игры.] Gusztáv Heckenast [Издательство Густава Хекенаста], Pest.
Sách 1758 = *Sách, avagy királyos játéknak szabott rend-tartási.* [Дословно: Шахматы, то есть установленные правила игры с королём.] Landerer [Издательство Ландерера], Buda.
SKES = Toivonen, Y. H.–Itkonen, Erkki–Joki, Aulis J.–Peltola, Reino–Tanner, Satu–Cronstedt, Marita 1955–1981. = *Suomen kielen etymologinen sanakirja* I–VII. [Этимологический словарь финского языка.] Suomalais-Ugrilainen Seura, Helsinki.
SSA =Itkonen, Erkki–Kulonen, Ulla-Maija 1992–2000 = *Suomen sanojen alkuperä* 1–3. [Происхождение финских слов.] Suomalaisen Kirjallisuuden Seura Kotimaisten Kielten Tutkimuskeskus, Helsinki.
Tamm, J. 1974 = *Eesti-vene sõnaraamat.* [Эстонско-русский словарь.] Valgus, Tallinn.

Васильев, В.М.–Саваткова, А.А.–Учаев, З.В. 1991 = *Марийско-русский словарь*. Марийское книжно Издательство, Йошкар-Ола.
Вахрушев, В.М. (главный редактор) 1956 = *Русско-удмуртский словарь*. Государственное издательство иностранных и национальных словарей, Москва.
Вахрушев, В.М. (редактор) 1983 = *Удмуртско-русский словарь*. Русский Язык, Москва.
Галкин, И.С. (главный редактор) 1966 = *Русско-марийский словарь*. Советская энциклопедия, Москва.
Молданова, С.П.–Нёмысова, Е.А.–Ремезанова, В.Н. 1983 = *Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский.* Пособие для учащихся начальной школы (на языке казымских ханты). Просвещение, Ленинград.
Ромбандеева, Е.И. 1954 = *Русско-мансийский словарь*. Государственное Учебно-Педагогическое Издательство Министерства Просвещения РСФСР, Ленинград.
Ромбандеева, Е.И.–Кузакова, Е.А. 2000 = *Мансийско-русский / Русско-мансийский словарь*. Отделение издательства Просвещения, Санкт-Петербург.

Tetsuro Ikeda
Kioto

JAPÁN HOZZÁJÁRULÁS AZ URALISZTIKAI TANULMÁNYOKHOZ A 20. SZÁZADBAN

1. Előszó

Kétszáz évvel ezelőtt született Hunfalvy Pál (1810–1891), aki Magyarországra hívta Budenz Józsefet (1836–1892). Hunfalvy óta sok nyelvész dolgozott Magyarországon. E kétszáz év alatt sokan vitatkoztak a magyar nyelv grammatikájáról és történetéről, de az biztos, hogy a viharban is fejlődik a magyarországi nyelvtudomány. A 20. században sok japán kutató járt uráli földön. Három japán nyelvész eredményeit szeretném bemutatni Önöknek.

2. Koizumi, Tamotsu (Koizumi, Tamocu) (1926–2009)

Koizumi 2009. december 18-án halt meg Sizuoka városában. A Tokiói Egyetemen nyugati klasszikus és általános nyelvészetet tanulmányozott, és ő maga tökéletesen elsajátított uráli nyelveket. 1976-ban Koizumi lefordította a *Kalevalá*t japán nyelvre. Koizumi mélységesen tisztelte Erkki Itkonent (1913–1992). Koizumi finn (1983), lapp (1993) és észt (2009) grammatikát állított össze. Ő jelentette meg a *Bevezetés az uráli nyelvekbe* (1993) és az *Uráli mondattan* (1994) c. könyveit.

2008-ban megszerkesztette a *Mai japán nyelv grammatikájá*-t. Ő nekünk egy tökéletesen más nyelvi világot mutatott. Megpróbálta kivonatolni az emberi nyelvben meglévő funkcionális mondatszerkezetek valódi alapját. Úgy ítélte meg, hogy Lucien Tesnière (1893–1954) valencia grammatikája alkalmazható minden nyelv mondattanára.

Koizumi szerint szerkezetileg a *„John hit the ball."* és a *„John was a student.*" mondat között van különbség. A valencia grammatikát alkalmazva az derül ki, hogy a mozgás állítmánya – „*hit (*Arguments: *John, the ball)"* – nem olyan, mint az állapot állítmánya: „*is* (Argument: *a student)*".

Koizumi szerint a japán nyelvtan két nagy grammatikai kategórián alapul, ezek a Polaritás (Igen/Nem) és az Idő (+Múlt/–Múlt). A japán nyelvben leírt grammatikai kategóriák alkalmazhatók az eurázsiai nyelvek minden agglutinatív típusában.

Koizumi szerint a japánban négyfajta állítmány van. Az első az igei állítmány, a második a melléknévi állítmány. A japánban a melléknévi állítmányt és az igei állítmányt ugyanúgy ragozzák. A harmadik állítmányt *keiyou-doush*i (adjectival-verb) *állítmány*nak vagy *meiyoushi* (nominal-adjective) *állítmány*nak nevezzük, a negyedik a névszói. A melléknevet néha *I-melléknév*nek és *keiyou-doushi*, illetve *Na-melléknév*nek is hívjuk. *A keiyou-doushi állítmány*nak a ragozása és a *névszói állítmány*nak a ragozása morfoszintaktikailag ugyanaz.

1. az igei állítmány
[–Múlt] *utsu* „hit" / [Nem] *utanai* [+Múlt] *utta* / [Nem] *utanakatta*

2. a melléknévi állítmány

[–Múlt] *takai* „high” / [Nem] *takakunai* [+Múlt] *takakatta* / [Nem] *takaku(wa)nakatta*

3. a keiyou-doushi állítmány

[–Múlt] *genki-**da** „egészséges”*/ [Nem] *genki-**de(wa)**nai*

[+Múlt] *genki**da**tta* / [Nem] *genki**de(wa)**nakatta*

4. a névszói állítmány

[–Múlt] *byooki-**da*** / [Nem] *byooki-**de(wa)**nai*

[+Múlt] *byooki-**da**tta* / [Nem] *byooki-**de(wa)**nakatta*

5. a keiyou-doushi

g*enki-**na** hito* „(lit.) egészség-es ember”

a névszó + Gen: *byooki-**no** hito* „(lit.) betegség-nek ember”

Koizumi (középen) és Tokunaga (jobb oldalon) 1970-ben

3. Tokunaga, Yasumoto (Tokunaga, Jaszumoto) (1912–2003)

Az uráli nyelvek első japán szakértője Tokunaga volt. A Tokiói Császári Egyetemen tanult általános nyelvészetet. Budapestre ment magyar nyelvet és irodalmat tanulni (1939. december – 1942. június). Amikor Koizumi egyetemista volt, Tokunaga az Idegen nyelvek Tokiói Egyetemén az általános nyelvészet professzora volt.

1973-ban Tokunaga és Koizumi megalapította a Japán Uralisztikai Társaságot. Tokunaga érdeklődött a magyar, valamint a közép-európai nyelvek és kultúra iránt. N. S. Trubetzkoy és Lotz János elméleteire összpontosított.

4. Murayama, Shichiro (Murajama, Sicsiro) (1908–1995)

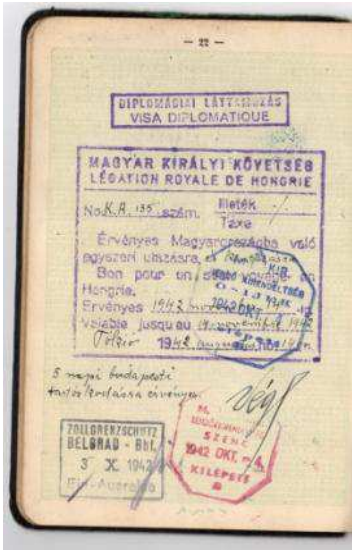
Murajama a II. világháború előtt sok szovjet könyvet és tanulmányt lefordított. Murajama a japán nagykövetség személyzetének tagjaként dolgozott Berlinben (1942. október – 1945. március).

Szerencsére a Berlini Egyetemen sok nyelvésszel találkozott, mint pl. Max Vasmer, Annemarie von Gabain, E. Haenisch és Martin Ramming, és sokat tanult tőlük. N. N.

Poppe, a hírneves szovjet akadémikus szintén Berlinben tartózkodott ez idő tájt. Érdekes, hogy az I. világháború előtt Vasmer, Ramming és Poppe ismerősök voltak Szentpétervárott. Murajama konzultált G. J. Ramstedttel a japán nyelv eredetéről, és kapott egy levelet Helsinkiből.

Murajama Berlin után megfordult Ausztriában, Bad Gasteinben is (1945. március – 1945. július). Találkozott két magyar tudóssal a Kolozsvári Egyetemről: Módi Mihály (1891–1972) professzorral, a nyugati klasszikus nyelvek szakemberével és Rásonyi László (1899–1984) professzorral, az oszmán-török nyelv specialistájával. Magánórákat vett a két nyelvésztől.

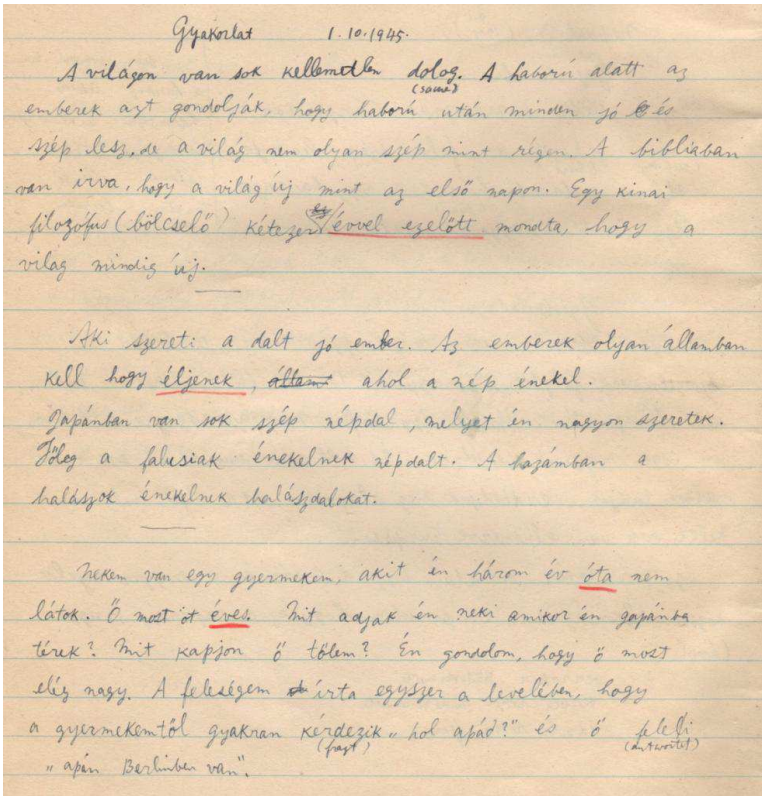
Murajama mindig tanulni és kutatni akart. Halála (1995) után négyoldalnyi jegyzetet fedeztem fel a hagyatékában. Elcsodálkoztam, és az ő mély tudására gondoltam. A II. világháború alatt az Európában tartózkodó japánokat Amerikába vitték. Murajama is Pennsylvaniába, Bedfordba ment (1945. augusztus – 1945. október). Magyar nyelvből és kultúrából leckéket vett dr. Nogami asszonytól, a kitűnően képzett magyar tudóstól. A leánykori nevét nem tudtam meg Murajamától. Ő a Kolozsvári Egyetemen diplomázott, ahol nemcsak latin klasszikus és köznyelvet tanult, hanem magyar nyelvet is. Rómában férjhez ment Nogami Szoicsihez, az olasz irodalom kiotói szakemberéhez. Murajama Nogami asszonytól 1945. augusztus 20-tól október 31-ig nemcsak a magyar nyelvtant tanulta, hanem a Himnuszt és a Szózatot is, továbbá ismereteket szerzett Petőfiről és Adyról, Hunyadi Mátyásról, a Halotti beszéd és könyörgésről, a Miatyánkról, Hunorról és Magorról, Szinnyei Józsefről és más híres magyarokról. Sok magyar népmesét és magyar népdalt is tanult.

Murajama útlevele

Murajama 1942-ben

Gyakorlat 1.10.1945.

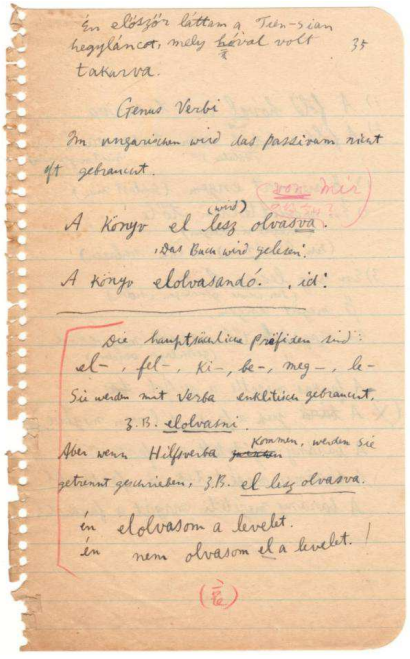
A világon van sok kellemetlen dolog. A háború alatt az emberek azt gondolják, hogy háború után minden jó és szép lesz, de a világ nem olyan szép mint régen. A bibliában van irva, hogy a világ új mint az első napon. Egy kinai filozófus (bölcselő) kétezer évvel ezelőtt mondta, hogy a világ mindig új.

Aki szereti a dalt jó ember. Az emberek olyan államban kell hogy éljenek, ahol a nép énekel.

Japánban van sok szép népdal, melyet én nagyon szeretek. Főleg a falusiak énekelnek népdalt. A hazámban a halászok énekelnek halászdalokat.

Nekem van egy gyermekem, akit én három év óta nem látok. Ő most öt éves. Mit adjak én neki amikor én japánba térek? Mit kapjon ő tőlem? Én gondolom, hogy ő most elég nagy. A feleségem irta egyszer a levelében, hogy a gyermekemtől gyakran kérdezik „hol apád?" és ő feleli „apám Berlinben van".

Murajama kézirata

Én először láttam a Tien-shan hegyláncot, mely hóval volt takarva.

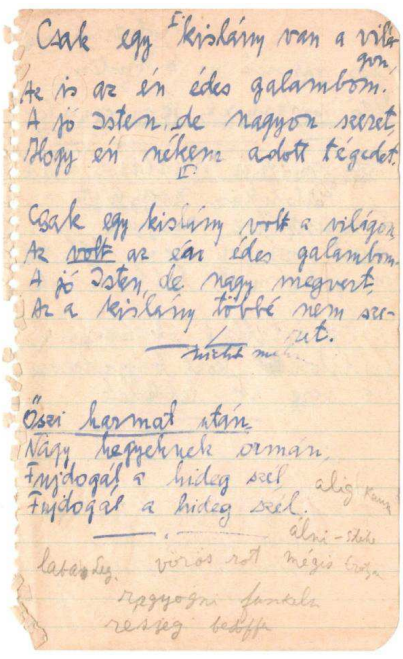
Genus Verbi

Im ungarischen wird das passivum nicht oft gebraucht.

A könyv el lesz (wird) olvasva.
„Das Buch wird gelesen."
A könyv elolvasandó. „ist"

Die hauptsächlichen Präfixen sind:
el-, fel-, ki-, be-, meg-, le-
Sie werden mit Verba einfinitiva gebraucht.
Z.B. elolvasni
Aber wenn Hilfsverba kommen, werden sie getrennt geschrieben, Z.B. el lesz olvasva.
én elolvasom a levelet.
én nem olvasom el a levelet.

Murajama kézirata

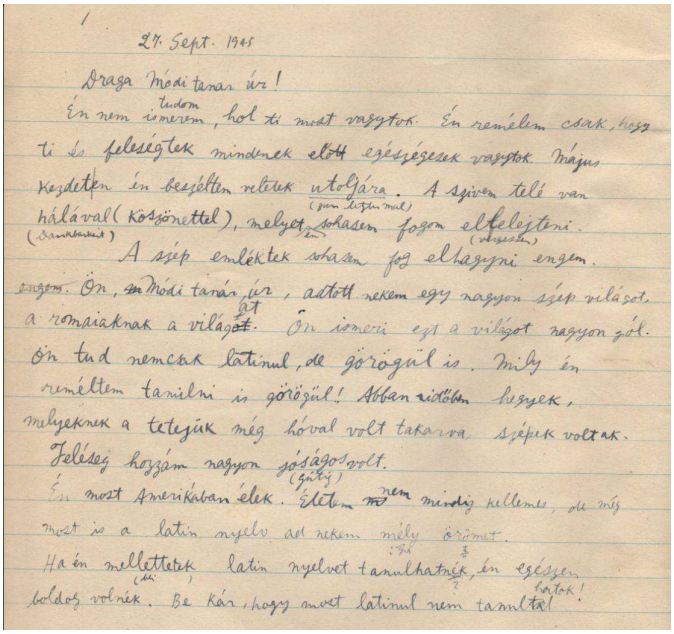

Csak egy kisleány van a világon,
Az is az én édes galambom.
A jó Isten, de nagyon szeret
Hogy én neked adott tégedet.

Csak egy kisleány volt a világon
Az volt az én édes galambom
A jó Isten, de nagy megvert
Az a kisleány többé nem szeret.

Őszi harmat után
Nagy hegyeknek oldalán
Fújdogál a hideg szél
Fújdogál a hideg szél.

Nogami asszony kézirata

27. Sept. 1945

Draga Módi tanar úr!

Én nem ismerem, hol ti most vagytok. Én remélem csak, hogy ti és feleségtek mindenek előtt egészségesek vagytok. Május kezdetén én beszéltem veletek utoljára. A szivem telé van hálával (köszönettel), melyet sohasem fogom elfelejteni. A szép emléktek sohasem fog elhagyni engem. Ön, Módi tanár úr, adtott nekem egy nagyon szép világot a romaiaknak a világát. Ön ismeri ezt a világot nagyon jól. Ön tud nemcsak latinul, de görögül is. Mily én reméltem tanulni is görögül! Abban időben hűvösek, melyeknek a tetejük még hóval volt takarva szépek voltak. Feleség hozzám nagyon jóságos volt.

Én most Amerikában élek. Élete nem mindig kellemes, de míg most is a latin nyelv ad nekem mély örömet. Ha én mellettetek latin nyelvet tanulhatnék, én egészen boldog volnék. Be kár, hogy most latinul nem tanultál!

Murajama Módi tanár úrnak akart küldeni egy levelet Amerikából

Orosz	Magyar	Angol
ба́рхат	bársony	velvet
ви́лка, ви́лы	villa	fork
ве́чер	vacsora	supper
обе́д	ebéd	dinner
гре́бень	gereblye	rake
же́мчуг	gyöngy	pearl
диа́кон	diák	student
драгоце́нный	drága	dear
коса́рь, коса́	kaszál, kasza	to mow
немый (немо́й)	néma	dumb
не́мец	német	German
жид	zsidó	Jewish, Hebrew
кни́га	könyv	book
цель	cél	aim
свобо́да	szabad	free, freedom
среда́, среда́	szerda	Wednesday
четве́рг	csütörtök	Thursday
пя́тница	péntek	Friday
рожь	rozs	rye, wheat
борона́	borona	harrow, drag
го́лубь	galamb	pigeon
брат	barát	brother
дед	déd-	grand-

Gemeinsame Wörter in Ungarischen und in Russischen (Murayama 1945)

Amikor Murajama magyarul tanult, azonnal a magyar és az orosz nyelvben lévő hasonló szavakat állította össze egy táblázatban. Természetesen csak látszólagosan. Harminc évvel ezelőtt (1980) Kiotóban Doerfer Gerhard tanár úr azt mondta, hogy *„Similarity says nothing”*. Helyes. A nyelvjárási adatokat és a régi szövegeket használva történetileg szeretném megvizsgálni az uráli nyelveket is. Murajama Berlinben sokszor komolyan beszélt Vasmer (1886–1962) tanár úrral az európai nyelvekről. Vasmer Vilhelm Thomsennek (1842–1927) az ismerőse volt.

Murajama megvizsgált 6 orosz nyelvű japán Gonza (ca. 1717–1739) kéziratot a Szentpétervári Keleti Könyvtárban és a Göttingeni Egyetemen. A kéziratok között van két szótár [Orosz–japán Lexikon (1736), Az új orosz–japán lexikon (1736–1738)] és egy japán nyelvtan (1738). A negyedik tartalmazza Erasmusnak egy fordítását, benne a barátságos társalgás-könyvvel (1739). Az ötödik J. Comenius *Janua linguarum* c. művének a fordítása (1736), a hatodik az *Orbis sensualium pictus* részleges fordítása (1739). Comeniusnak sok magyar kiadása jelent meg.

Japánban és Magyarországon a 16–17. századból sok latinos grammatika, szójegyzék, szöveg maradt fenn. Így mi tipológiai és elméleti szempontból összehasonlítottunk két agglutináló típusú, 16., 17. és 18. századi nyelvet: a japánt és a magyart.

5. Összegzés

Az uráli nyelveket Oroszország területén beszélik az Urál hegység köré gyűlve, Észak-Európában a Balti-tenger köré tömörülve és Közép-Európában a Kárpátok hegyei körül, kb. 850-től máig.

Úgy látom, az uráli nyelveket a 21. században elméleti és gyakorlati szempontból kell vizsgálni. Mostanában együttműködöm német, osztrák, horvát, lengyel, cseh, szlovák szakemberekkel, hogy tisztázzuk Közép-Európa történetileg igen bonyolult nyelvi és kulturális helyzetét.

2010-ben is beszélgettünk Kiotóban Iizima Itaru emeritus tanárral (Atomi Gakuen Egyetem, Tokió) a prágai strukturalizmusról, a közép-európai nyelvi szövetségről, a mai szlovákiai helyzetről a szociológia szempontjából és Inokuchi Zyunzóval (az Ottemon Gakuin Egyetem, Osaka) Comeniusról.

Ogawa Josimi (Ogawa, Yoshimi) tanárnővel (Jokohama Állami Egyetem) sokszor beszélgettünk a Magyarországon járt japán tudósokról, például Wakimizu Tecugoro (Wakimizu, Tetsugoro) (1867–1942) tanárról, aki a Tokiói császári egyetem általános mérnöki karának tanára volt, és tanított japánul Magyarországon, valamint Kuwaki Cutomu (Kuwaki, Tsutomu) (1913–2000) tanárról, a filozófia tanáráról, aki Tokunaga az ismerőse volt Budapesten, és utána tanított japánul Helsinkiben.

Tokunaga és Koizumi a prágai nyelvészeti módszerrel foglalkozott. A két mélyen tisztelt tanárral 33 vagy 34 évig folytattam beszélgetéseket és gyakran hallottam a zseni Trubetzkoyról. Tokunaga létesítette a Lotz János (1913–1973) könyvtárat az Osakai Kanszai Gaidai Egyetemen. Ott tanított uralisztikát Tokunaga és Koizumi. Most én is ott tanítom az általános nyelvészetet. Az uralisztikában Koizumi sikeresen összeállította az uráli nyelvtudomány c. munkát. Tokunaga azonban inkább fordítani akarta a magyar irodalmat.

Murajama Európában a II. világháború alatt három és fél évig sok nyelvet tanult, pl. klasszikus nyelveket, kaukázusi és ajnu nyelveket, tanulmányozta az altaji és a török

nyelvtudományt stb. Amerikában magyarul is tanult. Murajama 1945 decemberében visszament Japánba. Japánban nem tudta tovább tanulni a magyar és az uráli nyelveket. Murajama megismerkedett Tokunagával 1942 nyara előtt. Tokunaga és Murajama elmondták, hogy a Kaszpi-tengernél Krasnovodskban (Kïzïlsu) találkoztak először. Murajama a II. világháború után találkozott az ifjú, szorgalmas Koizumival. Ezért Murajamának nem kellett tovább folytatni a magyar és az uráli nyelvtudományt.

Irodalom

Ermakova, Liudmila – Koshimizu, Noriko (2009). On *Examples of Friendly Conversations (*1739). *Muuza* 26: 4–14. Osaka: Association for Russian-Sovjet Literature.

Ikeda, Tetsuro (2008). *The Rediscovery of Comenius.* Kyoto: Kyoto Sangyo University Research Grants. ISBN978-4-89467-168-3

Ikeda, Tetsuro ed. (2008). *Research in the Japanese Language–Infinite Possibility of Language. Symposium Dedicated to the Centenary Birth of Shichiro Murayama 1908–1995.* In cooperation with Noriko Koshimizu (a specialist in Slavonic Linguistics) and Masao Yamaguchi (a specialist in Austronesian Linguistics). Kyoto: Hokuto Shobo. ISBN978-4-89467-174-4

Ikeda, Tetsuro ed. (2009). *The Rediscovery of Eurasia.* Kyoto: Kyoto Sangyo University Research Grants. ISBN978-4-9904663-0-5

Ikeda, Tetsuro ed. (2010). *Language and Culture Contacts.* Kyoto: Kyoto Sangyo University Research Grants. ISBN978-4-9904663-1-2

Koizumi, Tamotsu ed. (2007). Translation of the book *Éléments de syntaxe structural by Lucien Tesnière (1959, Paris: Klincksieck).* Tokyo: Taishukan Publishing Co., Ltd.

Koizumi, Tamotsu (2007). *Cases and Sentence Patterns of the Japanese Language from the standpoint of Valency Theory*. Tokyo: Taishukan Publishing Co., Ltd.

Koizumi, Tamotsu (2008). *A Grammar of Present-day Japanese.* Tokyo: Daigaku Syorin.

Koizumi, Tamotsu (2009). *Contrastive Grammar between English and Japanese,* or rather *All English Sentence Patterns contrasted with Japanese.* Tokyo: Kaitakusha.

Марина Ипакова
Йошкар-Ола

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ СОМАТИЗМОВ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

Лексико-семантические группы (ЛСГ) соматизмов сформированы с учетом анатомического строения и соматического состояния человека. Толкование понятия соматизм дается исследователями по-разному. Исследователь А.О. Кармышаков выделяет широкое и узкое понятие термина: «Под соматизмами понимаются не только названия внешних частей человеческого тела (узкое понимание), но и все слова, которые теснейшим образом связаны с человеком и обозначают жизненно важные элементы материальной субстанции, без которой человек как живой организм не может существовать (широкое понимание)» (Кармышаков 1992: 14). Полагаясь на его теорию, мы считаем, что в понятие «соматизм» должны входить слова, связанные с соматическим состоянием человеческого организма, т.к. с одной стороны, эти слова связаны с частями тела, с другой, с физическим состоянием человека. Близки к «семантическому пространству» группа слов, обозначающих психологические состояния, но они не входят в группу соматизмов, т.к. в значениях таких слов отсутствует значение предметности. Слова, обозначающие соматическое состояние человека выделены на основе болевой чувствительности, вызванной внешними и внутренними факторами (Ипакова 2009a: 222–224).

Всю соматическую лексику марийского языка можно распределить по следующим лексико-семантическим группам: 1) сомонимическая лексика; 2) спланхнонимическая лексика; 3) остеонимическая лексика; 4) ангионимическая лексика; 5) сенсонимическая лексика; 6) лексика, обозначающая болезни и проявления человеческого организма; 7) лексика, обозначающая соматическое состояние человеческого организма.

Лексика, обозначающая болезни и проявления человеческого организма нами рассмотрена в статье «Названия болезней в марийском языке» (Ипакова 2009b: 64–67). Сомонимическая и спланхнонимическая лексика нами исследованы в работах «Сомонимическая лексика марийского языка» и «Спланхнонимическая лексика марийского языка» (они находятся в печати).

Целью данного исследования является классификация остеонимической, ангионимической и сенсонимической лексики по ЛСГ.

1. Остеонимическая лексика

Остеонимическая лексика служит для номинации костей человеческого тела и их соединений. Вся совокупность остеонимической лексики подразделяется на следующие лексико-семантические группы: 1) названия костей головы; 2) названия костей шеи и туловища; 3) названия костей верхних конечностей; 4) названия костей нижних конечностей; 5) названия костной системы человеческого организма в целом.

1.1. Названия костей головы: *вуйгорка*, *вуйгоӈгыра*, разг. *коӈгыра* ‘череп’, Г. *вуйгарка*, *вуйгалашка* ‘тж’, СЗ. *вуйкарка*, *вуйкамал’а* ‘тж’ (Иванов 1971: 37), Л. *вуйкапкас*, *вуйкапкач* ‘тж’; диал. *коптака* ‘верхняя и задняя часть черепа, вмещающая мозг’; *вуйгоркалу* ‘черепная кость’; *нерлу* ‘носовой хрящ, переносица; верхняя часть носа, примыкающая ко лбу и образующая углубление’, *нер нӧргаш*, *нершу* ‘тж’; *ношмылу* ‘небная кость’, Г. *ышмадамгалу* ‘тж’; *пылыштӱӈлу* ‘1) заушная кость; 2) височная кость’, *вуйвичкыжлу* ‘височная кость’; *саӈгалу* ‘лобная кость’, Г. *лепкӓ лу* ‘тж’; *оӈылашлу* ‘челюсть, нижняя челюсть’, Г. *пӱ арата* ‘челюсть’, диал. *пӱйдӱӈ*, *пӱйдӱӈлодо* ‘тж’; *ӱлыл оӈылашлу* ‘нижняя челюсть’, Г. *ӱлпӱарата* ‘тж’, Л., В. *янаклу* ‘скулы, челюсть’; *кӱшыл оӈылашлу* ‘верхняя челюсть’, Г. *кӱшыл пӱарата* ‘тж’; *оӈылашлу* ‘зубная кость, подбородочная кость; нижнечелюстная кость’, Г. *оӈгылашлу* ‘тж’; *шинчавӱдлу* ‘слезная кость’ (Васильев 1926: 262) и др.

1.2. Названия костей шеи и туловища: *коварчылу* ‘седалищная (ягодичная) кость’; *кыдаллу* ‘поясничная кость’, Г. *кӹдӓллу* ‘тж’, ср. *кыдалнэргэлу*, *талвынэргэлу* ‘поясничный позвонок’ (Иванов 1971: 93); *ӧрдыжлу* ‘ребро; дугообразная узкая кость, идущая от позвоночника к грудной кости’; *оӈ лулеге*, *оӈ клетке*, *оӈкурш*, *оӈкуршлу* ‘грудная клетка’, Г. *онг лулегы* ‘тж’, ср. *оӈлуора*, *оӈората* ‘тж’ (5, с. 84); *почлу*, *туп рӱдӧ мучаш лу* ‘копчик; нижняя конечная часть позвоночника’, Г. *пачтамга*, *пачтангата*, *тангата лу* ‘тж’, ср. *изивараш*, *тупрӱдӧ мучаш* ‘тж’; *шоягоремлу*, *азыренлу*, *шоягоремӱмбаллу*, *шӱйлодышлу* ‘эпистрофей; атлант; затылочная кость’, Г. *шаягаремлу*, *шӱдӹӈглу*, *шӱлангалу* ‘тж’, ср. *шӱ-лу* ‘шейная кость’ (Васильев 1926: 277); *шӱйнэргэлу*, *шӱйӹжсӹӈглу* ‘шейный позвонок’ (5, с. 278); *шылыж-лу* ‘поясничные позвонки’ (Васильев 1926: 283) и др.

1.3. Названия костей верхних конечностей: *вичкыжкынерлу*, *изи (вичкыж) кынерлу* ‘лучевая кость’, *кынервуйлу*, *кынерлу* ‘локтевая и лучевая кости’, Г. *изикӱнерлу* ‘тж’, ср. *кидвурго иге*, *кидвурго*, *кидигэ* ‘тж’ (Васильев 1926: 66), *кыдиге*, *иге лу* ‘тж’ (Васильев 1926: 93); *келделу* ‘1) ключица; кость, соединяющая грудную часть с лопаткой; 2) дужка; грудная кость у птиц’, *вачылу* ‘ключица’, СЗ. *вӧцӱлу*, *вӧцӹлу* ‘тж’ (Иванов 1971: 36), В. блт. *омрау*: *омрау лу* ‘тж’ (Исанбаев 1994: 109), диал. *сӱспанлу* ‘тж’; Л., В. *ятас*, *ятаслу* ‘дужка; грудная кость у птиц’, разг. *ӱчашлу* ‘тж’, Г. *вӹцаш*, *йӓтӓс*, *йӹдӓс* ‘тж’, СЗ. *кӹлтелу* ‘тж’ (108); *кидвурго*, *кидкопалу* ‘кость (кости) кисти’; *парнялу*, *кидпарнялу* ‘фланга, пальцевая кость’, *тӱӈ парнялу* ‘основная фаланга’; *кынервуй товык* ‘локтевая чашечка’; *пулышлу* ‘плечевая кость; часть скелета от плеча до локтевого сустава’ и др.

1.4. Названия костей нижних конечностей: *йолвурго кугу лу*, *йолвургылу* ‘большая берцовая кость’, Г. *ялвургы коголу*, *ялвургылу* ‘тж’; *йолтаган лу* ‘кости стопы; пяточная кость’; *йолшарчатӱӈлу* ‘кости предплюсны’; *шакляка*, *йолшакляка*, *йолма*, *йолмалу* ‘щиколотка, лодыжка; выступающее с двух сторон сочленение костей голени с костями стопы’, Г. *шӓклякӓ*, *ялшӓкляка* ‘тж’, СЗ. *йалшӓклӓкӓ* ‘тж’ (Иванов 1971: 57); В. *бӓкӓл*, В. блб. *пӓкӓл* ‘путовая кость, лодыжка, щиколотка’ (Исанбаев 1994: 31), В. бр. *тобык* ‘щиколотка’ (Исанбаев 1994: 151); *йолварнялу* ‘фаланга; короткая трубчатая кость пальца’; *мундырлу* ‘бедренная кость’, Г. *лангалу* ‘тж’; *пулвуйшинча*, *пулвуйкорка*, *пулвуйокса* ‘коленная чашечка’, Г. *пылвуйсӹнзӓ*, *пылвуйцынга* ‘тж’ и др.

1.5. Названия костной системы человеческого организма в целом: *йыжыҥ* ‘сустав; подвижное соединение концов костей у человека, животных’, Г. *ежынг* ‘тж’; *лу* ‘кость; отдельная часть скелета позвоночных и человека’; *лектын шогышо лу* ‘бугорок’; *лулеге* ‘скелет’; *нӧргаш*, *нӧргӧ* ‘хрящ; разновидность соединительной ткани организма животных и человека, отличающаяся плотностью и упругостью’, Г. *нӧргьӹ* ‘тж’, СЗ. *роткалу* ‘тж’; *нӧргӧ ткань-влак* ‘хрящевые ткани’; *покшел лулеге* ‘осевой скелет’; *пучанлу* ‘трубчатая кость’ (Васильев 1926: 169), *шӧн* ‘жила, сухожилие’, Г. *шӱн*, *кьӹсан* ‘тж’, диал. *кӱсен* ‘тж’, СЗ. *кӱшен* ‘тж’ (Иванов 1971: 106), В. *сьӹҥьӹр*, *сындыр* ‘тж’ (Исанбаев 1994: 139); *лувем* ‘костный мозг’, СЗ. *лувимьӹ*, *лувим* ‘тж’, В. *лулем* ‘тж’; *лу коя* ‘костный жир’ и др.

2. Сенсонимическая лексика

Сенсонимическая лексика – лексика, обозначающая органы чувств человеческого организма, представляет собой одну из малочисленных лексико-тематических групп в системе соматической лексики марийского языка (от лат. *sensus* ‘чувство, ощущение’ и греч. *onyma* ‘имя’).

Сенсонимическая лексика подразделяется на следующие лексико-семантические группы: 1) названия органов зрения; 2) названия органов слуха; 3) названия органов обоняния и вкуса; 4) названия органов осязания.

2.1. Названия органов зрения: *шинча* ‘глаз, глаза; орган зрения’, Г. *сьӹнзӓ* ‘тж’, СЗ. *шьӹнцӓ* ‘тж’ (Иванов 1971: 293), дет. *чича* ‘глаза, глазочки’; *шинчаошо* ‘белок (глаза); белковая оболочка глаза’, Г. *сьӹнзӓошы* ‘тж’; *шинчасорта* ‘зрачок, зеница; отверстие в радужной оболочке глаза, через которое в глаз проникают лучи света’, Г. *сьӹнзӓсарта* ‘тж’; *шинчавундаш* ‘глазное дно’; *шинчагӱ* ‘хрусталик; часть глаза в виде прозрачного двояковыпуклого тела’; *шинчаолма* ‘глазное яблоко’; *шинча сорта йыр тыртыш* ‘радужная оболочка’ (Васильев 1926: 262); *шинчачора* ‘роговица глаз; роговая оболочка’, Г. *сьӹнзӓ цара*, *сьӹнзасоты* ‘тж’, ср. *вошт-койшо чар* ‘тж’ (Васильев 1926: 23) и др.

2.2. Названия органов слуха: *пылышчора*, *пылышчар* ‘барабанная перепонка’, Г. *пӹльӹш цара* ‘тж’, В. *пылыш яр* ‘тж’; *атманвуч*, *кокла пылыш* ‘среднее ухо’, *кӧргӧ пылыш* ‘внутреннее ухо’, *пылышкӧргӧ* ‘внутреннее ухо; среднее ухо, полость среднего уха’, ср. *пылышчар лоҥга* ‘среднее ухо’ (Васильев 1926: 174); *пылышкӧргысӧ ужаш* ‘лабиринт; внутренняя часть уха’; *пылышрож* ‘отверстие уха, наружный слуховой проход’, Г. *пӹльӹш раж* ‘тж’; *тӱжвал пылыш* ‘наружное ухо’, ср. *тӱжвалсэ пылыш рож* ‘наружный слуховой проход’ (Васильев 1926: 215) и др.

2.3. Названия органов обоняния и вкуса: *йылме* ‘язык; мышечный орган в полости рта, являющийся органом вкуса’; *нер* ‘нос; орган обоняния’; *нерӱпш* ‘обоняние, нюх’; *умша чора* ‘оболочка рта’; *умшатам* ‘вкус, аппетит’, *ышмадот* Г. ‘тж’ (Балдаев 1992: 131).

2.4. Названия органов осязания: *йолшӱм* ‘осязание ног’, Г. *ялйӹмык*, *ялшьӹм* ‘тж’, СЗ. *йалшӱм* ‘тж’ (Иванов 1971: 57); *кидшижмаш* ‘ощущение, ощупь’, Г. *йӹмык* ‘тж’; *кидшӱм* ‘осязание; ощущение давления, тепла, холода, возникающее при прикосновении кожи к чему-н.’, Г. *кидйымык* ‘тж’; Г. *шьӹм* ‘чувство, чувствительность, осязание’; *парняшӱм* ‘осязание (пальца)’; *коваште* ‘кожа’, Г. *кавашты* ‘тж’; В. *кӧн* ‘тж’ (Исанбаев 1994: 81); *шижме орган*, *шижме орган-влак*

‘орган осязания’, Г. *шижмьӹ орган-влӓ* ‘тж’; ср. *шижшэ илтарманла* ‘тж’ (Васильев 1926: 260) и др.

3. Ангионимическая лексика

Ангионимическая лексика включает названия, относящиеся к кровеносной системе. Данная группа представляет самую малочисленную часть соматической лексики марийского языка.

В эту группу входят следующие соматизмы: *аорта* ‘аорта’, ср. *эн кугу вӱргорно, эн кугу йошкар вӱршэр* ‘тж’ (Васильев 1926: 296); *вӱр* ‘кровь’, Г. *вьӹр* ‘тж’, СЗ. вӱр ‘тж’ (Иванов 1971: 39); *вӱргорно* ‘кровеносный сосуд’, Г. *вьӹргорны* ‘тж’, ср. *вӱр-пуч, вӱр-шэр* ‘тж’ (Васильев 1926: 44); *вӱргорно системе* ‘кровеносная система’; *вӱдйыгыргорно, вӱдйыгыргорно-влак* ‘лимфатические сосуды’, Г. *южвьӹдгорны, южвьӹдшӓр* ‘тж’; *вӱдйыгыр система, лимфа системе* ‘лимфатическая система’; *вӱдйыгыр ту* ‘лимфатическая железа’, Г. *южвьӹдто* ‘тж’, ср. *вишкыдыйэмту* ‘тж’ (Васильев 1926: 37); *леп* ‘селезенка; внутренний орган человека, вырабатывающий кровь’, Г. *лепьӹ, тылыкмокш* ‘тж’, Л. *корсак* ‘тж’ и др.

По нашему мнению, четкие границы между определениями анатомических областей, как, например, между нижней частью шеи и верхней частью спины, между нижней задней частью тела и бедром отсутствуют.

Следует отметить, что ЛСГ соматизмов имеют общие семантические признаки. Например, названия костей имеют общий семантический признак «костное образование». ЛСГ производится также по признаку месторасположения: внутренние или внешние органы человека. Внешние органы доступны наглядному восприятию человека, внутренние органы расположены внутри человеческого тела и не доступны наглядному восприятию.

Список сокращений

блб. – белебеевский говор восточного наречия
блт. – балтачевский говор восточного наречия
бр. – бирский говор восточного наречия
В. – восточное наречие марийского языка
Г. – горное наречие марийского языка
Л. – луговое наречие марийского языка
СЗ. – северо-западное наречие марийского языка

Литература

Балдаев Х.Ф. 1992 Марийско-русский словарь биологических терминов. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во. – 136 с.

Васильев В.М. 1926 (Ӱпымарий) Марий мутер. Тӱрлӧ вэрэ илышэ марийын мутшым тангастарэн нэргылымэ книга / В.М. Васильев. – Моско: СССР Калык-влак Рӱдӧ савыктыш. – 347 с.

Иванов И.Г., Тужаров Г.М. 1971 Словарь северо-западного наречия марийского языка. – Йошкар-Ола: МарНИИ, – 304 с.

Ипакова М.Т. 2009a Лексика, обозначающая соматическое состояние человеческого организма // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. – Чебоксары: Учредитель: Ученый совет Чувашского государственного университета, – № 4. – С. 222–224.

Ипакова М.Т. 2009b Названия болезней в марийском языке // Языки и культура финно-угорских народов в условиях глобализации: Материалы IV Всероссийской конференции финно-угроведов. – Ханты-Мансийск, – Инф.-изд. центр ЮГУ. – С. 64–67.

Исанбаев Н.И. 1994 Марийско-тюркские языковые контакты. Часть вторая (Словарь татарских и башкирских заимствований). – Йошкар-Ола: МарНИИ, – 208 с.

Кармышаков А.О. 1992 Соматические фразеологизмы в русском и кыргызском языках : дис. ... канд. филол. наук / Кармышаков А.О. – Бишкек, – 243 с.

Галина Иванова
Саранск

ОСОБЕННОСТИ ВОКАЛИЗМА МОКШАНСКИХ ГОВОРОВ ЭКАЮЩЕГО ТИПА

Уважаемые коллеги, в своём докладе я хотела бы остановиться на особенностях вокализма мокшанских говоров экающего типа. Материал даётся в сравнении с другими диалектными типами мокшанского языка.

Для начала я хотела бы обратиться к истории мокшанских диалектных классификаций. В мордовском языкознании их известно несколько. Первая была проделана в 1930 году И.Г. Черапкиным в работе «Диалекты мордвы-мокши бывшей Пензенской губернии», где он выделяет три диалектных типа: спасский, краснослободский, инсарский (по названиям бывших уездов) (Черапкин 1930: 19–31).

Профессор А.П. Феоктистов (1930: 71–86) разделил мокшанские говоры на центральные, юго-восточные и западные. С.З. Деваев (1963: 262) предложил выделить еще один самостоятельный диалект – средне-вадский, впоследствии названный юго-западным, остальные говоры западного диалекта получили название северо-западных.

Во всех случаях при диалектном членении формально акцент делался на фонетический и морфологический принципы, однако при внимательном изучении невольно выходит на передний план территориальный принцип. Отсутствие строгого учета различий в системе фонем, входящих в ту или иную диалектную группу, признавали и сами ученые. Так, почему-то эквивалентными оказываются системы гласных, с одной стороны, центрального и северо-западного диалектов, с другой стороны, юго-восточного и юго-западного диалектов. Центральный диалект, в свою очередь, тоже включает различные варианты, сюда входят говоры с разными системами фонем. И совсем не фиксированным остаётся огромный пласт мокшанских говоров переходного типа.

Исследование современного мокшанского языка, сравнение его специфики с данными родственных языков финно-угорской семьи показывают, что из всех характерных особенностей наиболее существенными являются отличия фонетического порядка, среди которых выделяются вокалические.

Мокшанские говоры отличаются не только количеством гласных фонем, но и частотностью употребления того или иного гласного.

Первый тип составляют говоры с семи фонемной гласной системой (<*i*>, <*e*>, <*ä*>, <*u*>, <*o*>, <*a*>, <*ə*>), которые характеризуются наличием фонемы <ä>, или, как мы называем, *а* переднего ряда, отсутствующей в остальных говорах, например: <*käd'*> «рука»; <*käl'*> «язык»; <*s'äpə*> «желчь»; <*päšt'ə*> «орех»; <*päl'*> «кол»; <*vär'*> «верх, вершина»; <*päL'kä*> «большой палец»; <*mäl'*> «желание», <*l'äj*> «река», <*l'äm*> «имя», <*päšə*> «липа», <*šäjär'*> «волос» (I тип). Территориально они охватывают Краснослободский, Темниковский, Ковылкинский (частично), Рузаевский (частично), Атюрьевский (частично),

Старошайговский (частично), Торбеевский (частично), Зубово-Полянский (частично) районы Мордовии и составляют большинство говоров центрального диалекта, лежащих в основе мокшанского литературного языка. Условно их можно назвать äкающими.

Что касается говоров с шести фонемной гласной системой (<*i*>, <*e*>, <*u*>, <*o*>, <*a*>, <*ə*>), то они неоднородны, одна группа отличается частым употреблением фонемы <*i*>: <*t'iv*> «дело»; <*kiv*> «камень»; <*kin'žə*> «ноготь»; <*pil'əms*> «бояться»; <*s'il'gə*> «слюна»; <*vit'ə*> «пять»; <*s'id'*> «мост». Это икающие говоры (II тип). Они распространены на территории Инсарского, Кадошкинского, Ковылкинского (частично), Ельниковского, Зубово-Полянского (частично), Атюрьевского (частично) районов Мордовии и являются опорными для юго-восточного диалекта.

Другую группу говоров с шести фонемной системой гласных составляют говоры (III тип), для которых характерно частое употребление фонемы <*e*>: <*ked'*> «рука»; <*kel'*> «язык»; <*vet'əms*> «вести»; <*s'epə*> «желчь»; <*peš't'ə*> «орех»; <*pel'*> «кол»; <*ver'*> «верх, вершина»; <*peL'ke*> «большой палец»; а также <*t'ev*> «дело»; <*kev*> «камень»; <*ken'žə*> «ноготь»; <*pel'əms*> «бояться»; <*s'el'gə*> «слюна»; <*vet'*> «ночью»; <*s'ed'*> «мост».

Первые два типа говоров в мордовском языкознании известны хорошо. На существование третьего типа исследователи мокшанских диалектов обратили внимание относительно недавно. Ни в одной из диалектных классификаций они не оговариваются.

Впервые экающие говоры нами были зафиксированы восемь лет назад на территории Рузаевского района, где мы со студентами 2-го курса национального отделения проходили диалектологическую практику. Это говоры сёл Сузгарье, Болдово, Палаевка. Последующие выезды показали, что такие говоры есть и в других районах Мордовии, например, в Атюрьевском, Старошайговском, Краснослободском, Торбеевском. Причём столкнулись с интересным явлением: одна половина села Старое Шайгово äкает, вторая – экает; в селе Зайцево Краснослободского района старшее поколение äкает, младшее – экает.

Система вокализма мокшанских говоров экающего типа состоит из двух гласных переднего ряда – <*i*>, <*e*> и четырёх гласных не переднего ряда – <*u*>, <*o*>, <*a*>, <*ə*>. Известно, что из всей системы больше поддаются изменениям гласные переднего ряда.

Все слова с гласной <*e*> можно разделить на несколько групп.

Первую группу составляют те, в которых гласной <*e*> в говорах äкающего типа (I тип) соответствует <*ä*>, а в говорах икающего типа (II тип) – гласная <*e*>, например: в III-м типе <*ked'*> «рука» – в I-м <*käd'*> – во II-м <*ked'*>; в III-м типе <*kel'*> «язык» – в I-м <*käl'*> – во II-м <*kel'*>; в III-м типе <*vet'əms*> «вести» – в I-м <*vät'əms*> – во II-м <*vet'əms*>; в III-м типе <*s'epə*> «желчь» – в I-м <*s'äpə*> – во II-м <*s'epə*>; в III-м типе <*pešt'ə*> «орех» – в I-м <*päšt'ə*> – во II-м <*peš't'ə*>; в III-м типе <*pel'*> «кол» – в I-м <*päl'*> – во II-м <*pel'*>; в III-м типе <*ver'*> «верх, вершина» – в I-м <*vär'*> – во II-м <*ver'*>; в III-м типе <*peL'ke*> «большой палец» – в I-м <*päL'kä*> – во II-м <*peL'ke*>; в III-м типе <*l'ej*> «река» – в I-м <*l'äj*> – во II-м <*l'ej*>; в III-м типе <*kež*> «злость» – в I-м <*käž*> – во II-м <*kež'*>.

В словах второй группы гласной <*e*> в говорах I типа соответствует <*e*>, а в говорах II типа – <*i*>, например: в I, III-м <*t'ev*> – во II-м <*t'iv*> «дело»; в I, III-м

<*kev*> – во II-м <*kiv*> «камень»; в I, III-м <*ken'ža*> – во II-м <*kin'ža*> «ноготь»; в I, III-м <*pel'əms*> – во II-м <*pil'əms*> «бояться»; в I, III-м <*s'el'gə*> – во II-м <*s'il'gə*> «слюна»; в I, III-м <*vet'*> – во II-м <*vit'*> «ночью»; в I, III-м <*s'ed'*> – во II-м <*s'id'*> «мост», в I, III-м <*vet'ə*> – во II-м <*vit'ə*> «пять», в I, III-м <*s'el'mə*> – во II-м <*s'il'mə*> «глаз», в I, III-м <*s'ed'i*> – во II-м <*s'id'i*> «сердце».

Третья группа – это этимологически общие слова, в которых фонеме <*e*> III типа во всех остальных говорах тоже соответствует <*e*>, например: <*mes*> «почему», <*ker*> «кора», <*kerəms*> «отрезать», <*verəs*> «ягненок», <*vedraš*> «теленок», <*kelas'*> «лиса», <*ver*> «кровь», <*kesak*> «моток», <*kelda*> «блоха» (исключение составляют часть говоров I и II типов: в первой фонеме <*e*> соответствует фонема <*ä*>: <*mäs*>, <*kär*>, <*kärəms*>, <*värəs*>, <*vädraš*>, <*vär*>, <*käsak*>, во второй – фонема <*i*>: <*vir'*>, <*vir'əske*> / <*vir'ske*>, <*kir'əms*>, <*vid'raš*>, но <*mis*> / <*mes*>, <*kilas'*> / <*kelas'*>, <*kisak*> / <*kesak*>).

Если в говорах икающего типа фонеме <*ä*> I типа соответствует <*e*>, например: в I-м <*käd'*> «рука» – во II-м <*ked'*>; в I-м <*käl'*> «язык» – во II-м <*kel'*>; в I-м <*vät'əms*> «вести» – во II-м <*vet'əms*>; в I-м <*s'äpə*> «желчь» – во II-м <*s'epə*>; в I-м <*päšt'ə*> «орех» – во II-м <*peš't'ə*>; в I-м <*päl'*> «кол» – во II-м <*pel'*>; в I-м <*vär'*> «верх, вершина» – во II-м <*ver'*>; в I-м <*päL'kä*> «большой палец» – во II-м <*peL'ke*>; а фонеме <*e*> I типа – фонема <*i*>, например: в I-м <*vet'*> – во II-м <*vit'*> «ночью»; в I-м <*s'ed'*> – во II-м <*s'id'*> «мост», в I-м <*vet'ə*> – во II-м <*vit'ə*> «пять», то в говорах экающего типа фонеме <*ä*> I типа соответствует фонема <*e*> и фонеме <*e*> I типа – такая же фонема <*e*>: в I-м типе <*l'äj*> – в III-м <*l'ej*> «река», в I-м <*käž*> – в III-м <*kež'*> «злость», а также: в I-м <*t'ev*> – и в III-м <*t'ev*> «дело», в I-м <*vet'ə*> – и в III-м <*vet'ə*> «пять», в I-м <*s'el'mə*> – и в III-м <*s'el'mə*> «глаз», в I-м <*s'ed'i*> – и в III-м <*s'ed'i*> «сердце».

К тому же фонетическая тождественность гласных не всегда сопровождается фонологическим тождеством, и наоборот. Так, например, фонологически тождественными являются <*ä*> I типа и <*e*> II, III типов. И эта тождественность подтверждается с помощью оппозиций – <*ä*>/<*e*>//<*i*>, с одной стороны, и <*ä*>/<*e*>//<*a*> – с другой, например: I тип – <*ä*>/ II, III типы – <*e*> // I, II, III типы – <*i*>: *vär'/ ver'* «верх» // *vir'* «лес»; *t'än'/ t'en'* «этого» // *t'in'* «вы, ваш»; *s'ävəms / s'evəms* «взять» // *s'ivəms* «съесть»; *mäl'əc / mel'əc* «желание – его (ее)» // *mil'əc* «скалка – его (ее)»; *päl'əc / pel'əc* «половина – его (ее, этого, того)» // *pil'əc* «ухо – его (ее)».

Оппозиции <*ä*> – <*a*> и <*e*> – <*a*> внутри корневой морфемы обнаруживаются лишь в одной позиции: между велярным непарным и палатальным согласными. Зато они имеют место в чередованиях, которые образуются на морфемном стыке в положении перед велярным согласным: I тип – <*ä*> / II, III типы – <*e*> // I, II, III типы – <*a*>: *käl'* / *kel'*«язык» // *kal'* «ива, ветла»; *päl'at / pel'at* «сверлишь» // *pal'at* «платья, рубашки»; *n'ä – n'än' / n'e – n'en'* «эти – этих» // *n'at* «эти»; *pr'ä – pr'äs' / pr'e – pr'es'* «голова – голова – та» // *pr'at* «го́ловы»; *fkä – fkät' / fke – fket'* «один – одного» // *fkat* «одинаковые»; *s'ä – s'än'/ s'e – s'en'* «те – тех» // *s'at* «эти».

В этимологически общих словах в одних основах в положении перед твердыми согласными фонема <*ä*> I типа чередуется с фонемой <*a*>, точно так же в тех же основах ведет себя фонема <*e*> III типа, например: <*al'ä*> (I) / <*al'e*> (III) «мужчина» // <*al'at*> (I, II, III) «мужчины»; <*val'mä*> (I) / <*val'me*> (III) // <*val'mat*> (I, II, III).

Причина различных соответствий кроется в том, что во всех этих случаях <*e*> исторически восходит к разным гласным.

В той группе слов, в которых фонеме <*e*> III типа в I-м соответствует <*ä*>, она образовалась в результате сужения общемокшанской фонемы **ä*, об этом говорят, как междиалектные, так и межъязыковые соответствия, а также диалектные тексты Х. Паасонена конца 19 в. – начала 20 в., во второй и третьей группе – <*e*> восходит к такому же гласному **e* общемокшанского языка, которая в мокшанских говорах экающего и икающего типа в позиции между твёрдым непарным и твёрдым парным согласными сохранилась: <*mes*> «почему», <*ker*> «кора», <*kerəms*> «отрезать», <*verəs*> «ягненок», <*vedraš*> «теленок», <*kelas'*> «лиса», <*ver*> «кровь», <*kesak*> «моток», <*kelda*> «блоха»; тогда как между непарными твёрдыми и парными мягкими согласными (C'VC', СнпVC', СнпVСнп) общемокшанская фонема **e* > *i*.

В то же время общемокшанская фонема **i* в сильной позиции сохранилась во всех диалектах: *t'ijəms* «сделать», *t'išə / t'iš'ə* «трава», *pičə* «сосна», *pil'ə* «ухо», *pims* «свариться», *l'ijəms* «лететь», *mims* «продать».

Диалектный *i* < *e* не только не подвергается редукции, но и удерживает на себе ударение, например: *kiv* < *kev* – *ki:vn'en'e* «камень – камушек», *t'iv* < *t'ev* – *t'i:vn'e* «дело – дельце», хотя согласно закономерности гласный верхнего подъёма в первом слоге никогда не бывает ударным при гласных среднего и нижнего подъёма в последующих слогах.

В первом слоге говоров экающего типа гласный *e* встречается только под ударением; вне первого слога *e* < **e* находится лишь в сложных и заимствованных словах; *e* < **ä* употребляется достаточно часто: в безударной позиции, если в первом слоге гласный нижнего или среднего подъема; под ударением – если в первом слоге гласный верхнего подъема или *ə*. Во втором компоненте сложных слов гласный *e* тоже ударный.

Таким образом, мокшанские говоры экающего типа является промежуточным этапом. Их существование подтверждает то, что сужение общемокшанских гласных переднего ряда **ä* и **e* происходило не одновременно, как об этом пишут, а последовательно, и началось оно с широкой фонемы нижнего подъема <*ä*>, а затем в говорах II типа во избежание омонимичных форм в известных фонетических позициях гласная среднего подъема <*e*>, испытывая давление со стороны фонемы <*ä*>, тоже начала сужаться, а в говорах III типа это сужение остановилось на гласном среднего подъёма *e*. Поэтому те фонетические явления, которые в настоящее время действуют в говорах экающего типа, когда-то были характерны для говоров икающего типа, и, вероятно, будут свойственны и для говоров äкающего типа, если этому не помешают какие-либо экстралингвистические факторы.

Литература

Вопросы этнической истории мордовского народа. – М., 1960. – Вып. 1. – С. 63 – 82.

Деваев С. З. Средне-вадский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1963. – Т. 2. – С. 261–433.

Иванова Г.С. Система гласных в диалектах мокшанского языка в историческом освещении. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2006. – 170 с.

Феоктистов А.П. Мокшанские диалекты // H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch. – Helsinki, 1990. – S. 71–86.

Черапкин И.Г. Диалекты мордвы-мокши бывшей Пензенской губернии // Уч. записки Сарат. ГУ. – Вып. 3. – Саратов, 1930. – Т. 8. – С. 19–31.

Леонид Ившин
Ижевск

ЛЕКСИКА РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ В УДМУРТСКОЙ АЗБУКЕ ГЛАЗОВСКОГО НАРЕЧИЯ 1847 ГОДА

Как известно, массовое крещение удмуртов начинается с середины XVIII века, после открытия в Казани в 1740 году Новокрещенской конторы. До этого времени основная часть коренного населения Удмуртии оставалась в язычестве. Однако принятие крещения – это одно дело, другое – постичь суть христианского вероучения. Народ, в большинстве своем не знающий языка Библии и богослужебной литературы, не в состоянии постичь Слово Божие. И не случайно миссионеры, прежде чем идти проповедовать христианское учение, сначала изучали языки тех народов, среди которых собирались работать. Даже первая грамматика «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» (Соч. 1775) создавалась для просвещения новокрещенных удмуртов. С самого начала XIX столетия началась кропотливая работа по переводу Евангелий на удмуртский язык, которые были изданы (вместе с Азбуками) спустя лишь более чем четыре десятилетия (Еванг. Гл. 1847, Еванг. Сар. 1847; Азбука Гл. 1847, Азбука Сар. 1847). Именно при создании этих книг миссионерами и просветителями (а также редакторами и издателями) была проделана огромная работа по поиску (использованию) лексических, морфологических и синтаксических эквивалентов в удмуртском языке для адекватной передачи русскоязычного материала.

В данном исследовании в качестве объекта лингвистического анализа нами выбрана лексика христианско-религиозного содержания письменного памятника под названием «Азбука, составленная изъ Россійскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ наръчіи (По Глазовскому)», изданного в Казани в 1847 году. Термины иллюстрированы текстовыми цитатами с указанием страниц и представлены в алфавитном порядке русскоязычного оригинала.

В начатках христианского учения и кратком катехизисе, включенных в Азбуку, нами обнаружен 81 термин, означающий библейские понятия. При переводе сложнейшего религиозного текста составители/редакторы/переводчики, подбирая соответствующие исконные удмуртские эквиваленты к этим словам (если таковые имелись) или заимствования (в основном через посредство русского языка), руководствовались следующими соображениями:

1) они использовали удмуртские слова, возникшие в недрах язычества, а ко времени составления Азбуки приобрели вполне христианский или соответствующий религиозному тексту смысл; к таковым, на наш взгляд, можно отнести следующие:

Благословить *Козма-: Та санэ̀ понóнъ-поннà Инмаръ* ***козмà****зъ Авраамъзэ̀, сизùзъ-но козманы́ солэ̀нъ выжиùнъ воць музьѐмъ калыкъсэ*. ’За сіе послушаніе Богъ не только благословилъ Авраама, но и обтщалъ благословить въ сѣмени его всѣ народы земные.’ (с. 35);

Богъ *Инмаръ:* ***Инма̀ръ*** *лэсяна́, воцьлэ̀нъ-икъ ува̀нь кутскѝнъ.* ’Кромѣ Бога, все имѣетъ начало.’ (с. 16);

Безгрѣшный *Селыктэмъ: <…> лудзъ* ***селыктэ̀мъ****, но курадзю́зъ миля́мъ селыкъю̑съмы́ поннà <…> ’<…>* будетъ безгрѣшенъ, но постраждетъ за грѣхи наши <…>’ (с. 65–66);

Вѣра *Оскон(ъ): Юнматэ̀мъ поннà Авраамъзэ̀* ***осконы́нъ****, Инмаръ адскилы́зъ солы́ вэты́нъ, пэртэ̀мъ пэртэ̀мъ адскэмэ̀нъ-но.* ’Чтобы утвердить Авраама въ вѣрѣ, Богъ являлся ему во снѣ, и въ различныхъ видѣніяхъ.’ (с. 33);

Вѣчный *Пумтэмъ: <…> Инма̀ръ тупатѝзъ* ***пумтэ̀мъ*** *царствозэ̀.* ’<…> Богъ устроитъ царство вѣчное.’ (с. 68);

Господь *Инмар(ъ): Таты́нъ Пресвятой Нылълэ̀сь вордскѝзъ* ***Инмарэ̀*** *миля́мъ Іисусъ Христосъ понэмы́нъ но валъ сюдона̀зъ, эйла̀сь бенъ шеттыны́ интизэ̀ коркà̀нъ, калы́къ люкаске́мъ-сяры́сь.* ’Здѣсь отъ Пресвятыя Дѣвы родился Господь нашъ Іисусъ Христосъ, и положенъ былъ въ ясляхъ, потому что, по причинѣ стеченія народа, нельзя было найти мѣста въ домѣ.’ (с. 77–78);

Грѣхъ *Селыкъ:* ***Селы́къ****, кулóнъ оскóнъ-но мозмонълы́ны.* ’Грѣхъ, смерть и надежда избавленія.’ (с. 22);

Душа *Лулъ: Мугоръзэ̀ адямилэ̀нъ Инма́ръ лэсьты́зъ музьемълэ̀сь, пельты́зъ-но соня́зъ кулонтэ̀мъ* ***лулъзэ̀****.* ’Тmло человmка Богъ создалъ изъ земли, и вдунулъ въ него душу безсмертную.’ (с. 18);

Истинный *Зэмъ: Ку Еврейю̑съ, валатэмъю̑съ бѣдà̀осы́нъ, берытскылы́зы* ***зэмъ*** *Инмаръ-дорэ̀: Со поттылы́зъ соосълы́ аслà̀зъ жаляньзэ, лэзилы́зъ-но соосълы́ мозмыты́сью̑съсэ̀.* ’Когда, вразумляемые несчастіями, Евреи обращались къ истинному Богу, Онъ являлъ имъ свое милосердіе, и посылалъ имъ избавителей.’ (с. 56);

Молитва *Восяскэм(ъ): Со мадю̑ю̑ валъ унò тодэмэ̀нъ, кудъзэ̀ Инмарълэ̀сь курысà шетты́зъ* ***восяскэм****э̀нъ.* ’Онъ [Соломон. – *Л. И.*] славенъ мудростію, которую испросилъ отъ Бога молитвою.’ (с. 60);

Восясконъ: Господьлэ̀нъ ***восяскóнъ****.* ’Молитва Господня.’ (с. 87);

Молиться *Восяскины: Апостолъісъ тельмырызы Солы, дышетыны соосъсэ* ***восяскины****.* ’Апостолы просили Его [Иисуса Христа. – *Л. И.*] научить ихъ молиться.’ (с. 87);

Поклониться *Юбырты-: Ку Моисей, Инмаръ косэмья́, Синай гурезьи̑-выли́нъ улы́зъ нильдò̀нъ нунà̀лъ, со увакы́тъ кисты́зы соò̀съ зарнѝ куняньзэ̀,* ***юбырты́зы****-но та идолълы́, Инмарълы́ кадь.* ’Когда Моисей, по повелѣнію Божію, былъ на горѣ Синаѣ сорокъ дней, въ то время они [евреи. – *Л. И.*] слили золотаго тельца, и поклонились сему идолу, какъ Богу.’ (с. 53);

Проклять *Карга-: Инмаръ* ***каргà****зъ кыйзэ̀, улья́зъ Адамъзэ̀ Евазэ̀-но Раѝсь <…>* ’Богъ проклялъ змія, изгналъ Адама и Еву изъ Рая <…>’ (с. 24);

Прелюбодѣйство *Цю̑цю̑ро:* ***Цю̑цю̑рò****, либò ко́ть кечѐ безпоря́дочной пога́нъ-но яратонзэ̀ угъко́съ.* ’Прелюбодѣйство или всякую безпорядочную и нечистую, плотскую любовь [Бог. – *Л. И.*] запрещаетъ.’ (с. 165). И др. (всего 21 пример);

2) переводчики приспосабливали слова, имевшие несколько иное, бытовое значение:

Благоволеніе *Мылыкыдъ: Инмаръ, тодысà сюлэмзэ̀съ, возматы́зъ сокѝ Авельлы́ Аслесты́зъ* ***мылыкыдъзэ̀****, Каинълы ношъ эзъвò̀зматы.* ’Богъ, зная

сердца, показалъ при семъ Авелю знаменіе Своего благоволенія, а Каину нѣтъ.’ (с. 26);

Искушеніе *Пэямъ: Господь Іисусъ Христосъ <…> вормы́зъ* ***пэямъ****зэ̀ шайтанълэ̀сь, быгаты́зъ-но соѐ Инма̀ръ кылъэны́зъ*. ’Господь Іисусъ Христосъ <…> выдержалъ искушеніе отъ діавола и побѢдилъ его словомъ Божіимъ <…>’ (с. 85);

Объ̑тованіе *Сиземъ: Моисей гошты́зъ Инмаръ законъзэ̀ Инмаръ* ***сиземъ****ю̑сьсэ̀-но азныры́сь священной книгаю̑сы́нъ*. ’Моисей написалъ законъ Божій и обѣтованія Божіи въ первыхъ священныхъ книгахъ.’ (с. 50);

Помазанникъ *Зырамъ: Давидъ ношъ текъ канилэ̀нъ цида̀зъ солэ̀сь кэма̀ ю̑ртэмъзэ̀, валаса̀ соэ̀ Инмаръэ̀сь* ***зырамъ****зэ̀*. ’Но Давидъ съ кротостію и терпѣніемъ перенесъ отъ него [Саула. – *Л. И.*] долговременное гоненіе, почитая въ немъ помазанника Божія.’ (с. 59);

Почитать *Сыяны: Сою̑сы́зъ уκы́лъ* ***сыяны́*** *озю̀, кызю̀ сыяськó̀мъ Инмаръзэ̀, но Инмаръэ̀нъ варъю̑сы́зъ ка́дь <…>* ’Ихъ должно почитать не такъ, какъ почитаемъ Бога, но какъ служителей Божіихъ <…>’ (с. 156);

Проповѣдовать *Вералья-: Инмаръ косэмья́, адскю̀зъ со Іорданъ-доры́нъ:* ***вералья́****зъ селы́къ быттэмъзэ̀ матэцконъзэ̀-но инъ дуньелэ̀нь, либо Христосълэ̀нь <…>* ’По повѣленію Божію, явился онъ [Иоанн. – *Л. И.*] на Іорданѣ: проповѣдовалъ покаяніе, и приближеніе царствія небеснаго, то есть Христова <…>’ (с. 75);

Дышеты-: Со ***дышеты́****зъ каръю̑сътю̀, гуртъю̑сътю̀, Іерусалимской церкы́нъ-но*. ’Онъ проповѣдывалъ по городамъ и селамъ, и во храмѣ Іерусалимскомъ.’ (с. 85);

Велдья-: Дышетòнъ-берѐ селы́къ быттòнъ оскòнъ-но лася́нь, Іисусъ Христосъ ***вэлдья́****зъ дышетонъзэ̀ Крю̑съ-лася́нь*. ’Посл ѣ ученія о поканіи и вѣрѣ, Іисусъ Христосъпроповедывалъ ученіе о Крестѣ.’ (с. 92–93); И т. д. (всего 15 слов);

3) термины без прямых соответствий на удмуртском языке передавали сочетанием слов или толкованием:

Блаженство *Шудо буро улэмъ*: *Адямилы́ кулээ̀зъ ю̀жъ сокю̀ валъ яратыны́ тодыны́-но Инмаръзэ̀; соi̇̀нъ-но укатà вылэмъ валъ* ***шудò бурò улэмъзы́*** *соосълэ̀нъ*. ’Должность человmка была познавать и любить Бога; и въ семъ наипаче состояло его блаженство.’ (с. 21);

Шудо улэмъ: Шайтàнъ вожьяскисà ***шудо́ улэмъ****лы́ адямиосълэ̀нъ, туртысà-но соé таланы́ соосълэ̀сь, лесты́зъ пэя́нъ*. ’Діяволъ позавидовалъ блаженству человѣковъ: и чтобъ лишить ихъ онаго, употребилъ хитрость.’ (с. 23);

Богослуженіе *Инмаръ восямъ: Тужъ секы́тъ ю̑ртэмъзэ̀ цида̀зы содъ̀съ Ассирійской Царь Антіохъ Епифанълэ̀сь, куды́зъ медэ̀ валъ пырытыны́ языческой* ***Инмаръ восямъ****зэ̀ <…>* ’Самое жестокое гоненіе претерпѣли они [Иудеи. – *Л. И.*] отъ Сvрійскаго Царя Антіоха Епифана, который хотmлъ было ввести у нихъ языческое богослуженіе <…>’ (с. 72);

Всуе *Токма шоры: Господь Инмаръэ̀нъ нимъзэ̀* ***тòкма шоры́*** *энъ вѐралья*. ’Не пріемли имени Господа Бога твоего всуе.’ (с. 47);

Елеосвященіе *Пув-ээ̀нъ зыра̀мъ: Ма́ръ луэ̀* ***пу-вээ̀нъ зыра́мъ****?* ’В чемъ состоитъ Елеосвященіе?’ (с. 144);

Жертва *Вэсьлы вандось: <…> уваскыты́зъ инъ-выль́ись тылъ дася́мъ* ***вэсьлы́ вандо́сь****-вылэ*. ’<…> [Пророк Илия. – *Л. И.*] свелъ съ неба огонь на приготовленную жертву.’ (с. 64);

Жертвенникъ *Вэсь инти: Авраамъ тупаты́зъ* ***вэсь инти́****, тыры́зъ со-вылэ̀ пузэ̀, пу-выла̀зъ ношъ поны́зъ Исаакъсэ̀, джуты́зъ – но – ни́ пуртъсэ̀ вандыны́ соѐ*. ’Авраамъ устроилъ жертвенникъ, положилъ на него дрова, а на нихъ Исаака, и уже поднялъ ножъ, чтобы заколоть его <…>’ (с. 34–35). И др. (в нашем распоряжении 23 словосочетания);

4) заимствовали из русского или другого языков:

Ангелъ *Ангелъ:* ***Ангелъ*** *Инмаръл̀энъ лыкты́зъ со̀дсъ-ази́нъ нуналэ̀нъ пилемы́нъ; уѝнъ ношъ тылъ юбои́нъ, возматы́зъ-но соосъль́ сюрэсъсэ*. ’Ангелъ Божій шелъ предъ ними, днемъ въ облакѣ, а ночью въ столпѣ огненномъ, и показывалъ имъ путь.’ (с. 51);

Архангелъ *Архангелъ: Нялта̀сь соберѐ, кизѝ Ангелъ ивдо̀ръ кары́зъ вордско̀нъ-сяры́сь Іоаннъ азьпала́ лыктысьлэ̀нъ,* ***Архангелъ*** *Гавріилъ адски́зъ Пресвяой Нылъ Маріялы Назаретны́нъ*. ’Вскор ѣ послѣ того, какъ Ангелъ предвозвѣстилъ рожденіе Іоанна Предтечи, Архангелъ Гавріилъ явился Пресвятой Дѣвѣ Маріи въ Назаретѣ.’ (с. 75–76);

Апокалипсисъ *Апокалипсисъ: Апостолъ Іоаннъ Богословъ,* ***Апокалипсисъ****ѝнъ, гошты́зъ азьвылъзэ̀ Христіанской церкъ улэ̀мъ-сяры́сь дуньѐ бырыто̀зь*. ’Апостолъ Іоаннъ Богословъ, въ Апокалипсисѣ, написалъ пророчество о судьбѣ Христіанской церкви до скончанія міра.’ (с. 117);

Апостолъ *Апостолъ: Со-понна̀ ниматы́зъ соосъсэ̀* ***Апостолъю́сы́нъ***. ’Посему и назвалъ [Иисус Христос. – *Л. И.*] ихъ [двенадцать учеников своих. – *Л. И.*] Апостолами.’ (с. 86);

Господь *Господь: Луѝзъ бенъ, что та серъ муртъю́съ тусы́нъ валъ* ***Господь****, соѝнъ валсѐ кыкъ Ангельо́́съ*. ’Оказалось, что во образm сихъ странниковъ былъ Господь, и съ нимъ два Ангела.’ (с. 34);

Діаволъ *Шайтанъ: Соѐ нимато* ***шайта́нъ***. ’Его называютъ діяволомъ.’ (с. 22);

Діаконъ *Дьяконъ: <…> увазныры́сь ношъ* ***дьяконъ*** *Стефанъ віемы́нъ изъю́сы́нъ*. ’<…> а первый Діаконъ Стефанъ побитъ камнями.’ (с. 112);

Евангеліе *Евангеліе:* ***Евангеліе*** *луэ̀ дзець иворъ со-сяры́сь, Инмаръ кэльтэ̀, шу, адямию́съль́ селыкъю́съсэ̀, сю́тэ̀ – но Христосъэтѝ инъ царствозэ̀*. ’Евангеліе значитъ добрую вѣсть, о отмъ, что Богъ прощаетъ людямъ грѣхи, и даруетъ царствіе небесное чрезъ Христа.’ (с. 85–86);

Епископъ *Архіерей: Тупалья́мъ церкъю́сы́нъ, лестэ̀мъ-понна̀ таинствою́съсэ̀, верапья́мъ-понна̀ Христіанской дышетдо̀нъзэ̀-но, Апостолъю́съ пуктыль́ызы* ***Архіерей****ю́съсэ̀, Попъю́съсэ̀ Дьяконъю́съсэ̀-но*. ’Въ учреждаемыхъ церквахъ, для совершенія таинствъ, и преподаванія ученія Христіансаго, Апостолы поставляли Епископовъ, Пресвитеровъ и Діаконовъ.’ (с. 115);

Жертва *Курбонъ: Потопъ орцѐмъ берѐ Ной та̀ву кары́зъ Инмаръль́ вэ̀сь асъ мозме́мъ понна́* ***курбонъ*** *ваиса̀*. ’По окончаніи потопа Ной принесъ Богу благодарственную жертву за свое спасеніе.’ (с. 29);

Завѣтъ *Завѣтъ: Та понна́-но лесты́зъ Инмаръ Авраамъэ̀нъ куспа̀зъ* ***завѣтъ***. ’Въ чемъ поставилъ Богъ съ Авраамомъ завѣтъ.’ (с. 33);

Заповѣдь *Заповѣдь: <…> увазнырысь адямиосъ пумытъ карызы Инмаръ эрикълы, пумытъ Инмаръ* ***заповѣдьлы*** <…> ’<…> первые человѣки поступили противъ воли Божіей, противъ заповѣди Божіей <…>’ (с. 23);

Идолъ *Идолъ: Ку Моисей, Инмаръ косэмья́, Синай гурезьӥ-выли́нъ улы́зъ нильдӧнъ нунӓ́лъ, со увакы́тъ кисты́зы содӧсъ зарнӥ куняньзэ̀, юбырты́зы-но та* ***идолъ****лы́, Инмарълы́ кадь*. ’Когда Моисей, по повелѣнію Божію, былъ на горѣ Синаѣ сорокъ дней, въ то время они [евреи. – *Л. И.*] слили золотаго тельца, и поклонились сему идолу, какъ Богу.’ (с. 53);

Икона *Образъ: Кызӥ кулэ̀ малпаськыны́* ***образъ****ю̑съ сыя́нъ-коты́ръ?* ’Как должно разсуждать о почитаніи Иконъ?’ (с. 158);

Кивотъ *Кивот(ъ): Та заповѣдьюсъ гоштэмы́нъ валъ кыкъ скрыжаль – выли́нъ, либо ӥзъ пулъ-выли́н, понэмы́нъ-но завѣтъ* ***кивотэ̀*** <…> ’Сіи заповѣди написаны были на двухъ скрыжаляхъ; или доскахъ каменныхъ, и положены въ кивотъ завѣта <…>’ (с. 49);

Крестъ *Крюсъ: Іисусъсэ̀ нуӥзы Голгофа гурэ̀зь-вылэ̀, золты́зы-но оты́нъ* ***крюсъ****-выли́нъ, кыкъ курӧкъ муртъюсъ-куспы́нъ*. ’Іисуса отвели на гору Голгофу, и тамъ распяли на крестm, между двумя разбойниками.’ (с. 103);

Милость *Милось: <…> восяськи́сь ме́дъ куро́зъ аслы́зъ не* ***милось****э̀зъ гинэ̀ Кужмӧ Инмаръэ̀сь <…> ’<…>* чтобы молящій не только просилъ себѣ милостей отъ Бога Всемогущаго <…>’ (с. 153);

Молитва *Молитва: Со сюты́зъ соосълы́, содъсъ-тӥ ношъ вицьнамылы́-но, тачэ̀* ***молитва****зэ̀ <…>* ’Онъ далъ имъ, а чрезъ нихъ и всѣмъ намъ, слѣдующую молитву <…>’ (с. 87);

Мvро *Мvро: Самуилъ зырӓ́зъ соэ̀ священной* ***мvро****э̀нъ*. ’Самуилъ помазалъ его [Саула. – *Л. И.*] священнымъ мvромъ.’ (с. 58);

Олтарь *Олтар(ь): Скиніяӥнъ валъ озіикъ* ***олтар****э̀зъ Фиміамъзэ̀ чинатэ̀мъ-поннӓ́, джувӓ́нъ, джэ́къ-но няньзэ̀ дася́мъ – поннӓ́*. ’Въ скиніи также находился олтарь для куренія Фиміама, свѣтильникъ, и трапеза для предложенія хлmбовъ.’ (с. 49);

Пасха *Пасха: Праздникъ* ***пасха****э̀зъ валъ сочэ̀, ванды́зы вэсь поннӓ́ тазӓ́ тагазэ̀, кудызълэ̀нъ эйвӓ́лъ не номы́ръ-но яраэ̀зъ, кудъзэ̀ лякытэ̀нъ сіизы цирсантэмъ няньэнъ курытъ турымъіосынъ-но*. ’Празднованіе пасхи состояло въ томъ, что закалали въ жертву непорочаго, то есть, не имѣющаго никакихъ тѣлесныхъ недостатковъ, агнца, котораго благоговѣйно вкушали съ пръснымъ хлѣбомъ и съ горькими травами.’ (с. 42–43);

Притча *Притча: Унӧ полъ Іисусъ Христосъ вераль́я́зъ Асъ калыкълы́ дышетонъзэ̀* ***притча****ю̑сы́нъ <…>* ’Нер ѣдко Іисусъ Христосъ предлагалъ народу Свое ученіе въ притчахъ’ (с. 89);

Причащеніе *Причасья: Та дырья́икъ, калы́къ тодэ̀ ваэ̀мъ-поннӓ́ Аслӓ́зъ курадзпнъю̑сю̑сэ̀, кулэмъзэ̀ улземъзэ̀-но, пракъ чошатскэ̀мъ-поннэ̀-но оскысью̑сы́нъ, тупаты́зъ зэкъ таинствозэ̀ Святой* ***причасья****лэ̀сь*. ’Въ сіе же время, для будущаго воспоминанія Своихъ страданій, смерти и воскресенія, и для всегдашняго соединенія Свооего съ вѣрующими, [Иисус Христос. – *Л. И.*] установилъ великое таинство Святаго Причащенія.’ (с. 99–100);

Проповѣдь: <…> ношъ оды́гъ ***проповѣдь****э̀нъ Петръ беректы́зъ Христосъ-дорэ̀ вить сю́ муртъю̑съсэ̀*. ’<…> опять одною проповѣдію Петръ обратилъ ко Христу пять тысячь человѣкъ.’ (с. 112);

Священникъ *Попъ*: <…> попъюсъ-но цирдызы трубаюсынъ. ’<…> Священники вострубили въ трубы’ (с. 55);

Скиниія *Скиниія*: <…> та кивотъ понэмынъ валъ Скиніяюнъ, либо вырдзіонъ Инмаръ церкынъ. <…> а кивотъ сей положенъ былъ въ Скиніи, или подвижномъ храмъ Божіемъ (с. 49);

Троица *Троица*: Пе́рвое ба́мъ Пресвятой Троицалэнъ луэ Инма́ръ Аю. ’Первое лице Пресвятой Троицы есть Богъ Отецъ’ (с. 128);

Храмъ *Церкъ*: Уваллъ Скинія интиэ, со лестызъ Инмаръльы су сътэмъ-поннà тузы церкъ столичной каръ Іерусалимынъ. ’Вм ѣсто прежней Скиніи, онъ [Соломон. – *Л. И.*]’ создалъ во славу Божію великолтпный храмъ въ столичном городѣ Іерусалимѣ (с. 60); И т. д. (всего 34 слова).

Как видно из примеров, многие христианско-религиозные термины переведены одним единственным словом или словосочетанием. Однако, имеются случаи, когда переводчики предлагают несколько вариантов, то есть используют синонимы, как один из важнейших стилистических средств языка при создании любого художественного текста (к таковым, вне сомнения, относится и Азбука с включенным в нее переводом начатков христианского учения и краткого катехизиса), например: **блаженство** – удм. *шудо буро улэмъ* и *шудо улэмъ*; **жертва** – удм. *курбонъ* и *вэсьлы вандосъ*; **молитва** – удм. *восяскэмъ*, *восясконъ* и *молитва*; **покаяніе** – *селыкъ быттэмъ* и *селыкъ быттонъ*; **причащеніе** – удм. *причасья* и *проповтдь*; **проповтдовать** – удм. *веральяː*, *дышетыː* и *велдьяː* и др.

В единичных случаях одним удмуртским словом переведены синонимы (или близкие по своему значению слова) русского языка, например: **Богъ** и **Господь** – удм. *Инмаръ*.

Переводчики и редакторы нашли такие слова, которые не отмечены в словарях современного удмуртского литературного языка, однако, по всей вероятности, сохранились в отдельных диалектах: *велдьяː* ’проповтдовать’, *золтыː* ’распять’, *козмаː* ’благословить’.

Все эти способы по обновлению и выработке терминологической, в данном случае религиозно-мифологической, лексики удмуртского языка для создания сложного по содержанию письменного текста заслуживают самого пристального внимания со стороны ученых-историков удмуртского литературного языка, а также писателей и журналистов.

Литература

Азбука Гл. – Азбука, составленная изъ Россійскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ наръчіи (По Глазовскому). Казань, 1847. 174 с. [Переизд. в кн.: Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие / РАН. УрО. Удмуртский институт истории, языка и литературы. Сост. Л.М. Ившин, отв. за вып. Л.Л. Карпова. Предисл. – Л.М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. Ижевск, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 3). С. 387–558].

Азбука Сар. – Азбука, составленная изъ Россійскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ наръчіи (По Сарапульскому). Казань, 1847. 192 с. [Переизд. в кн.: Первые печатные книги

на удмуртском языке: Сарапульское наречие / РАН. УрО. Удмуртский институт истории, языка и литературы. Сост. Л.М. Ившин, отв. за вып. Л.Е. Кириллова. Предисл. – Л.М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. Ижевск, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 4). С. 249–439].

Еванг. Гл. – Господа нашего Іисуса Христа Евангелія отъ св. евангелистовъ Матѳея и Марка на русскомъ и вотяцкомъ языкахъ, Глазовскаго наръчія. Казань, напечатанъ въ типографіи Императорскаго Казанскаго университета, 1847. 234 + 135 с. [Переизд. в кн.: Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие / РАН. УрО. Удмуртский институт истории, языка и литературы. Сост. Л.М. Ившин, отв. за вып. Л.Л. Карпова. Предисл. – Л.М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. Ижевск, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 3). С. 13–386].

Еванг. Сар. – Господа нашего Іисуса Христа Евангелія отъ св. евангелиста Матѳея на русскомъ и вотяцкомъ языкахъ, Сарапульскаго наръчія. Казань, 1847. 234 с. [Переизд. в кн.: Первые печатные книги на удмуртском языке: Сарапульское наречие / РАН. УрО. Удмуртский институт истории, языка и литературы. Сост. Л.М. Ившин, отв. за вып. Л.Е. Кириллова. Предисл. Л.М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. Ижевск, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 4). С. 11–248].

Соч. – Сочиненія принадлежащія къ грамматикъ вотскаго языка. Въ Санктпетербургm при Императорской Академїи наукъ 1775 года. 113 с. [В кн. Первая научная грамматика удмуртского языка / Удмуртский НИИ ист., экон., лит. и языка при Совете Министров Удм. АССР. Ижевск: Удмуртия, 1975].

Boglárka Janurik
Szeged

AN EMERGING COMPOSITE MATRIX LANGUAGE?

In my paper, I analyze the grammatical structure of intrasentential code-switches in Erzya–Russian bilingual discourse. I concentrate on the most frequent switch types, investigating especially cases, which might indicate the development of a composite Matrix Language (ML). My corpus contains twenty interviews from field trips in 2005, 2008, and 2009. The grammatical analysis of the data is mainly based on the models of Muysken (2000) and Myers-Scotton (2002) and is carried out from a morphosyntactic point of view.

1. A composite ML or a mixed code

In analyzing code-switching (CS) from a grammatical point of view, I use Myers-Scotton's model (2002: 10–16), which defines the role of the two languages participating in code-switching on the basis of the morphosyntactic structure of the CPs. The language that sets the structure of the CP and provides the system morphemes is the ML of the utterance, while the other language is the embedded language (EL). In classic CS, the ML can be defined unambiguously, the EL elements of the bilingual discourse are content morphemes (which assign thematic roles) or they occur in EL islands, maximal projections of which "words show structural dependency relationships […] that make them well-formed in the Embedded Language" (Myers-Scotton 2005: 261). EL islands are usually adjuncts, most often adverbials, and the majority of them might be considered as collocations (Myers-Scotton 2005: 262).

In cases, where there are more than one language setting the morphosyntactic structure of the CP, CS can be considered composite CS and the ML of the utterances a composite ML. Muysken (2000: 122) labels this phenomenon congruent lexicalization, "where two languages jointly provide the grammatical structure of the clause, and the vocabulary comes from both languages" (Zabrodskaya 2009: 363).

The composite ML can be a sign of the change of the ML, or the ML turnover (Myers-Scotton 2001). According to Kovács (2005: 346) and Auer (1998: 17), an increase in the number of turn-internal/intrasentential switches accompanies the development of a mixed ML. Consequently, I analyze the most frequent intrasentential switches in my data, mainly EL islands, to investigate how the composite code develops, and what the main morphosyntactic features of Erzya are that change under the influence of Russian.

According to Zabrodskaya (2009: 32), "CS helps to account for what morphosyntactic structures are more likely to be converged and why" and as a result, contact-induced changes might be detected in the mixed variety. She cites Torobio (2004: 172): "The simultaneous presence of languages in CS further favours the searching for parallels between them, and hence promulgates the striving towards convergence".

2. The most frequent EL islands

2.1. Adverbials

The most common types of insertions (Muysken 2000: 60–61) or EL islands in my corpus are adverbials, especially modal, time, and discourse adverbials. These types of EL islands might be considered chunks that are used as one lexical unit, despite the fact that they contain numerous morphemes or even words (Backus 2003). "These units are accessed in language production as single units rather than being "put together" on the spot every time they occur" (Myers-Scotton 2005: 263).

(1) *ruz-tne,* ***vśo ravno****, avoľ iśťa-t koda eŕźa-ťń*
Russian-PL.DET all same not like-PL like Erzya-Pl.DET
'the Russian, anyway, are not like the Erzya'

(2) *i mejle* ***čerez nedelj-u*** *ťeťa-ś sa-ś miń-eńek gosť-ks*
and after later week-ACC father-DET come-PERF1.SG3 we-ALL guest-TRANSL
'and then a week after his father visited us'

2.2. Verbs

According to Backus (2003), verbs and their objects can also form chunks. In example (3), the Russian verb 'to work' (although it occurs with an Erzyan verbal ending) triggers its argument in a form required by the rules of the Russian language (instrumental case).

(3) ***robot-i*** ***pŕepodavať el'-em****, uńiv'eŕśiťet-se robot-i*
work-S3 teacher-INSTR university-INESS work-SG3
'he works as a teacher, he works at the university'

Besides adverbials, verbs can also be considered a frequent type of insertions. The most common verbs are auxiliaries and the verb 'to want', which fill a lexical gap in many dialects, as intentions can be expressed otherwise only by the possessive structure *uľi meľem*, literally 'I have a wish to do something'. (In Standard Erzya, however, there is a verb *bažams* in the meaning 'to want'.)

(4) *vandi* ***hoť-im*** *moľems na šašlik*
tomorrow want -PL1 go-INF on barbeque
'Tomorrow we want to have a barbeque.'

There are cases (in the past tense in particular) in which the verb is marked for gender. The category of gender is missing from the Erzya grammatical system, that is why cases like example (4), in which the verb is marked for gender, can be considered instances of a composite ML. It is interesting that the informant uses the feminine verbal form but opts for the masculine variant of the word for 'teacher'.

(5) *mon uže viška ping-ste* ***hoť e-la*** *uľe-ms* ***učiť eľ-eks***
I already small age-ELAT want-PERF.FEM be-INF teacher-TRANSL
'I have wanted to be a teacher since I was small.'

However, the gender assignment does not serve as an obligatory rule, as there are examples in which the feminine subject (*učiťeľńića* 'teacher (woman)') is accompanied by a masculine predicate (*dolž-en* 'must', instead of the feminine form: *dolž-na*).

(6) *učiťeľńića-nok* ***dolž-en*** *sa-ms*
teacher-PxPL1 must-SG3.MASC come-INF
'our teacher is to come'

As I mentioned in example (3), a Russian verb form can trigger its argument in Russian. In other instances, the argument is in Erzya, but it is formed according to the rules of the Russian language (the case of the argument is the Erzya equivalent of the Russian case form/preposition).

(7) *marto-nok uľńe-šť išťa-t učiťeľ-ť što siń marto-nok*
with-PxPL1 be-PREF.PL3 like-PL teacher-Pl that they with-PxPL1
zańima-ľi-ś
care-PREF.PL-REF
'There were with us teachers who cared for us.'

2.3. Numbers

The situation in the Erzya language as regards numbers and numeral phrases is very similar to the case in Karelian (and possibly in other contact languages with Russian). According to Sarhimaa (1999: 234), "Russian numeral phrases carrying Russian system morphology are almost exclusively used in place of the inherited numerals in Karelian in general. Inherited Karelian compound numerals, especially, are seldom found, in the speech of the most traditional speakers."

In Erzya, the argument of the numeral phrase is in the nominative case. If the attribute is the number 'one', the singular form is used, whereas after numbers bigger than two, usually a plural ending is required.

(8) *vejke* ***brat*** *i ńiľe* ***sazor-t***
one brother and four sister-PL
'one brother and four sisters'

In the case of quantifiers, EL islands are rather common. As mentioned above, informants rarely use the Erzya forms of the numbers, especially the compound numbers are replaced by their Russian equivalents even in the speech of purist language users. Russian forms are used particularly when talking about ages and dates. Numeral phrases occur usually as EL islands, i.e. the argument is in the form required by the head (nominative, genitive, or plural genitive).

(9) ***šem'd'ešat vošem' l'et*** *ťe-nze*
seventy eight years him-PXSG3
'He is seventy eight years old.'

Nevertheless, there are examples in which both the argument and the head is code-switched, still the word 'year' is not in the form which would be required by the rules of the Russian language (*god* instead of *goda*).

(10) *moń* ***sorok četiŕe*** ***god***
my forty four year
'I am forty-four years old.'

In examples (11) and (12), a developing mixed code can be observed, as Erzya inessive (11) and possessive (12) endings are attached to the Russian numeral phrases. This supports the idea presented by Backus (2003) that EL islands can be considered chunks.

(11) *mirďe-ńeń* *ľiś-iń* ***vošem'nadsa*** ***l'et-se***
husband-ALL go-PERF.SG1 eighteen year-INESS
'I got married when I was eighteen.'

(12) ***p'at'*** ***kop'ejek-et'*** *pojav-i*
five kopek-PxSG2 occur-SG3
'If you find five kopeks/If you manage to gather five kopeks.'

There are cases, as in example (13), in which the abstract structure of a phrase seems to rely on a composite matrix. The phrase *kilometra kavto* combines the rules of the two languages. In Russian approximate quantities can be expressed by an inverse order of the head and the complement of the numeral phrase; i.e. the complement precedes the head in these instances, so the Russian form in monolingual speech would be *kilometra dva*. In Erzya, however, approximation is expressed by the suffix *-ška*, in standard Erzya the phrase 'around two kilometers' would be *kavtoška kilometrat* (the complement in plural). The word *kilometra* can either be a nominative as in Erzya or the singular genitive form of the Russian word *kilometr*. According to the rules of the Russian language, the number 'two' requires its complement to be in a singular genitive form. Anyhow, the phrase in example (13) must be analyzed as a mixed structure as it adapts either to the rules of both languages or to a composite ML.

(13) *mińek* *viŕ-eńek* ***naverno kilometra kavt*** *ej-ste-ďe-ńek*
our forest-PxPL1 perhaps kilometer two us-ELAT-ABL-PxPL1
'Our forest is perhaps two kilometers from us.'

3. Conclusion

Studying insertion type switches in bilingual Erzya–Russian discourse, we can find signs of a developing composite ML, and observe that "the abstract lexical features from one language begin to contribute to the grammatical frame of the bilingual CP"

(Fuller 2000: 46). Most significant changes seem to concern the numeral phrases and the argument structure of verbs. Gender agreement is also detectable in some of the cases. It is interesting that similar type of changes can be observed from different contact languages (cf. the analogous tendencies, e.g. in Karelian, Sarhimaa 1999).

The emergence of a composite ML can be considered the indicator of the ongoing process of the ML turnover. According to Myers-Scotton (2003: 201), a long-lived ML is rather rare, but still it might "fossilise as a community's main language" if the social and political conditions support language maintenance.

References

Auer, P. 1998. Bilingual Conversation Revisited. In: P. Auer (ed.) *Code-switching in conversation. Language, interaction and identity*, 29–48. London & New York: Routledge.

Backus, Ad. 2003. Units in code-switching: Evidence for multimorphemic elements in the lexicon. *Linguistics*, 14: 83–132.

Fuller, Janet M. 2000. Morpheme types in a matrix language turnover: The introduction of system morphemes from English into Pennsylvania German. *International Journal of Bilingualism*. 2000, 1, 45–58.

Kovács Magdolna. 2005. Hungarian in Australia. In: Fenyvesi Anna (ed.). *Hungarian Hungarian language contact outside Hungary: Studies in Hungarian as a minority language*. Amsterdam: John Benjamins, XXII-425, 2005. 319–351.

Muysken, Pieter. 2000. *Bilingual Speech: A Typology of Code-mixing*. Cambridge: Cambridge University Press.

Myers-Scotton, Carol – Jake, Janice L. 2001. Explaining Aspects of Code-Switching and Their Implications. In: Janet L. Nicol (ed.). *One Mind, Two Language. Bilingual Processing.* Explaining Linguistics 2. Blackwell. Malden. Massachusetts. 84–116.

Myers-Scotton, Carol. 2002. *Contact linguistics.* Oxford: Oxford University Press.

Myers-Scotton, Carol. 2005. *Multiple Voices: An Introduction to Bilingualism*. Blackwell.

Sarhimaa, Anneli. 1999. *Syntactic Transfer, Contact-induced Change, and the Evolution of Mixed Codes: Focus on Karelian-Russian Language Alternation*. [Doctoral dissertation], Finnish Literature Society (Studia Fennica, Linguistica 9), Helsinki.

Toribio, A. 2004. Convergence as an optimization strategy in bilingual speech: Evidence from code-switching. In: *Bilingualism: Language and Cognition*, 7 (2), 165–173.

Zabrodskaja, Anastassia. 2009. *Russian-Estonian language contacts: Grammatical aspects of language use and change.* [Doctoral dissertation], Tallinn: Tallinna Ülikool.

Кристина Юзиева
Тарту

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАИМЕНОВАНИЙ ПТИЦ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Лексика, в отличие от других категорий языка, является наиболее проницаемой, она меняется с историческим развитием общества и окружающей среды. Цель данной работы – дать общую характеристику марийских названий птиц. Она осуществляется путем решения следующих задач: структурным анализом орнитонимов, выявлением принципов номинации птиц, исследованием их смыслового содержания и имеющихся семантических сдвигов, изучением их роли в составе фразеологизмов.

Перечень единиц лексико-семантической группы «наименования птиц» трудно исчислим. Структура относительно открыта, названия птиц исчезают или заменяются новыми словами. Внутри этой группы можно выделить более тесные единства: сем. воробьиных, голубиных, вороновых, дроздовых, вьюрковых, гусиных и т.д. Группа в основном представлена именами существительными: *ӧрш* ‘снегирь’, *йӱксо* ‘лебедь’, *куптага* ‘бекас’. Наименования имеют следующие структурные особенности: простые (реже) – *агытан* ‘петух’, *тумна* ‘сова’; сложные (чаще) – *вӱржнер* (букв. *вӱрж* ‘шило’ + *нер* ‘нос’) ‘пищуха’, *саршӱшпык* (*сар* ‘желтый’ + *шӱшпык* ‘соловей’) ‘иволга’; составные (реже) – *пылышан тумна* ‘филин, ушастая сова’, *кужу почан киса* ‘длиннохвостая синица’, *мардежйӱшӧ вараш* ‘канюк’.

Среди наименований птиц преобладают собственно марийские названия: *вырлянге* ‘трясогузка’, *ӧрш* ‘снегирь’ *кугывараш* ‘коршун’, *пачемышвараш* ‘осоед’. Достаточно много заимствованных наименований, восходящих к разным языкам. Так, через посредство из русского языка вошли такие названия, как *гриф*, *какаду*, *колибри*, *павлин*, *фазан*, *фламинго* и другие, которые можно назвать экзотизмами. В устной речи эти названия претерпевают фонетическую адаптацию по нормам марийского языка: *пазан* вместо *фазан*, *грип* вместо *гриф*, *пламинго* вместо *фламинго*. В последнее время некоторые собственно марийские названия заменяются русскими, что характерно для устной речи молодых людей: *дикий* вместо *ир* (*дикий комбо* вместо *иркомбо*), *чайка* вместо *колшыре*, *ласточка* вместо *вараксим*, *тетерев* вместо *кӱдыр*. Скорее всего, это связано с тем, что молодое поколение не знает марийских названий птиц, что подтверждается результатами опроса, проведенного зимой и летом 2010 г. на территории Республики Марий Эл и Башкортостана.

Из чувашского языка в марийский вошли такие названия, как *агытан* ‘петух’ < чув. *автан* ‘тж.’; *ӱнгӧ* ‘филин’ < чув. *ӳхе, уйг, ӳк* ‘тж.’; *чаңа* ‘галка’ < чув. *чана*, *чанка* ‘тж.’; *чыве* ‘курица’ < чув. *чĕп*, *чĕпĕ* ‘цыпленок, птенец’. К татарским заимствованиям относятся следующие орнитонимы: *кӧгӧрчен* ‘голубь’ < тат. *күгәрчән* ‘тж.’, *кӱрка* ‘индюк’ < тат. *куркә* ‘тж.’, *пӱркыт* ‘беркут’ < тат. *бюркет* ‘беркут, орел’, *шырчык* ‘скворец’ < тат. сыерчык ‘тж.’. Н. И. Исанбаев отмечает 26 названий птиц, восходящих к татарскому источнику (Исанбаев 1978: 21).

Наряду с простыми по структуре орнитонимами имеются названия, образованные способом словосложения, в которых соединены разные по своему происхождению лексемы. Иначе их называют гибридными наименованиями:

иркӧгӧрчен ‘дикий голубь’, букв. «*ир* ‘дикий’ (чув.) + *кӧгӧрчен* ‘голубь (тат.)’», *кынегайык* ‘зеленушка’, букв. «*кыне* ‘лен’ (иран.) (Барцева, Галкин 2003: 26) + *кайык* ‘птица’ (чув.)».

Особенностью данной лексической группы является вариативность наименований большинства птиц: *лывыгочшо, йӱдвараш, шӧрлого* ‘козодой’; *шӱльыгайык, шурнывоч, шурныгочшо кайык* ‘овсянка’; *кӱрка, немыччыве* ‘индюк’. В своей статье В.Н. Васильев отмечает 24 пары орнитонимов-синонимов (Васильев 1981).

С течением времени язык развивается, обогащается новыми словами. В настоящее время почти у каждой птицы есть два или более вариантов названий: *иршогертен, локамагайык, наранзе, шопреҥге* ‘сорокопут’; *иргорак, кандыгорак, лаче, ужаргорак* ‘сизоворонка, ракша’; *какыремгайык, кекыремгайык, чепчем, шемшӱй, лудывоч, тулвоч, тулгайык, ӱечык* ‘горихвостка садовая’.

В основу наименований птиц были положены следующие признаки:

1. Голос птицы. Самым распространенным признаком, который служит для номинации птиц – это ее голос в различных его проявлениях: крик, песня и т.д.

Марийские наименования *трӓк* ‘чайка’, *выле-выле* ‘славка серая’ являются непосредственными ономатопоэтическими словами. *Сопсыреҥге* ‘сорокопут, жулан’ издает звуки сор-сор-сор-сор (Ӱпымарий 1928: 192). Название является производным от звукоподражательного слова.

В основу орнитонима может лечь также сравнение с голосом другой птицы, животного или с каким-то другим звуком. Например, *сар шӱшпык* ‘иволга’, букв. «желтый соловей», пение иволги сходно с пением соловья; *юмынтага* (мар.) ‘бекас’, букв. «божий барашек». Когда эта птица летит, то издает звуки, похожие на блеяние барашка. Следующим примером в этой группе может служить название *апшаткайык* ‘пеночка-теньковка’, букв. «*апшат* ‘кузнец’ + *кайык* ‘птица’». В основе названия – сходство звуков, издаваемых при работе кузнеца, с криком этой птицы.

Нужно обратить внимание на то, что названия многих видов птиц, обладающих звучным, заметным в природе голосом, в языках финно-угорских народов (и в языках мира вообще) произносятся одинаково. Такие звукоподражательные названия – межъязыковые бифлингвистические параллелизмы – имеют общую, единую основу в виде звуков, издаваемых соответствующей птицей.

Наиболее ярким примером параллелизма являются названия кукушки на разных родственных языках: *kaki* (фин.), *kägu* (эст.), *kakukk* (венг.), *куку* (мар.), *кикы* (удм.). Примерно такая же цепь параллелизмов имеется и для названий вороны, с той только разницей, что все они распадаются на два класса: тяготеющие к лексической основе *«кар-кор»* или *«вар»*: *varis* (фин.), *vares* (эст.), *varjú* (венг.), *варака* (мордов.), *корак* (мар.), *куак*а (удм.). М. Мягер отмечает, что в основе названия тетерева в финно-угорских языках природный голос тетерева выражается консонантным сочетанием *-tr*: *tetri* (фин.), *teder* (эст.), *тур* (удм.), *тар* (коми), *кӱдыр* (мар.) (Mäger 1967: 63).

Скорее всего, началом формирования звукоподражательных названий птиц надо считать те далекие времена, когда основным способом поиска кормов была охота. Правильное, точное воспроизведение охотником голоса птицы в различных его проявлениях помогало ему вернуться с большим количеством добычи. Неудивительно, что при указании на определенную птицу в обычных условиях люди тех далеких времен могли использовать те же выражения, что и

на охоте. В процессе развития языка эти названия, скорее всего, претерпевали некоторую трансформацию фонетического облика, но форму слова, близкую к изначальной, помогали сохранять постоянная связь «человек – птица», возможность слышать в повседневной жизни издаваемые птицей звуки (*«ку-ку»*, *«кар-кар»*).

2. Внешность птицы. В названии отмечается общий вид птицы, окраска оперения, фиксируется распределение окраски, размер, возраст птицы. Название дается по тем или другим отличительным частям тела.

Можно привести следующие примеры: *оржанлудо* ‘хохлатый нырок’, букв. «утка с гривой»; *ужаргиса* ‘лазоревка, синяя синица’, букв. «зеленая синица»; *йошкароӊ* ‘снегирь’, букв. «красная грудь»; *шемшӱй* ‘горихвостка садовая’, букв. «черная шея»; *комбиге* ‘гусенок’, букв. «*комбо* ‘гусь’ + *иге* ‘птенец’». Противопоставление внешне похожих птиц, но отличающихся по размерам тела, достигается путем добавления слов *изи* ‘маленький’ и *кугу* ‘большой’ к уже имеющимся в языке названиям: *кугывараш* ‘коршун’, букв. «большой ястреб»; *изилудо* ‘дикая утка, чирок’, букв. «маленькая утка»; *кугывӱтеле* ‘кроншнеп’, букв. «*кугу* ‘большой’ + *вӱтеле* ‘кулик’».

3. Образ жизни птицы, место обитания, питание, характерные повадки, время прилета и отлета. Например, *йӱдвараш* ‘козодой’, букв. «ночной ястреб»; *эӊыжгайык* ‘малиновка’, букв. «*эӊыж* ‘малина’ + *кайык* ‘птица’»; *пӧршӧкайык* ‘снегирь’, букв. «птица инея» (в основе названия лежит указание на время прилета, т.е. во время холодов, когда есть иней). Другое марийское название снегиря *ӧрш* является усеченной формой от *ӧршӧкайык (пӧршӧкайык)*, ср. горномар. *ӧрш* ‘иней’ (Васильев 1983: 50). Мар. *колягайык* ‘пустельга’, букв. «*коля* ‘мышь’ + *кайык* ‘птица’»; *сергайык* ‘береговая ласточка’, букв. «*сер* ‘берег’ + *кайык* ‘птица’»; *нужгайык* ‘крапивник’, букв. «*нуж* ‘крапива’ + *кайык* ‘птица’; *пӧрдшыгайык* ‘поползень’, букв. «крутящаяся птица’.

4. Народные верования, приметы, предсказание погоды.

В марийском языке есть названия птиц, которые объясняются на основе примет, поверий и верований: *йӱштыгайык* ‘зяблик’, букв. «*йӱштӧ* ‘холод’ + *кайык* ‘птица’»; примета: *«Йӱштыгайык магыра гын, йӱштӧ сайынак лиеш»* – «Зяблик голосит – крепкие морозы будут» (Китиков 1989: 56). Орнитоним *аӊагайык* ‘вертишейка’, букв. «*аӊа* ‘поле, участок, надел’ + *кайык* ‘птица’» связан с началом полевых работ: *«Аӊагайык муро шергылтмек, калык аӊа пашаш лектеш»*. – «Запела вертишейка – настала пора полевых работ» (Китиков 1989: 156). По народным поверьям, величайший грех – подстрелить лебедя: *юмынкайык* ‘лебедь’, букв. «*юмын* ‘божья’ + *кайык* ‘птица’».

Нужно отметить, что в марийском языке большинство орнитонимов по структуре являются сложными. С учетом семантики каждого отдельного компонента наименования, названия можно отнести к различным вышеуказанным группам: *вӱдчыве* ‘камышница’, букв. «болотная курица» указывает на место обитания и схожесть данной птицы с курицей. Название *саршӱшпык* ‘иволга’, букв. «желтый соловей» объединяет два признака: окраску и схожесть пения соловья с иволгой.

Произведенные подсчеты показывают, что чаще всего за основу наименования птиц в марийском языке берется внешний вид птицы (29%); место обитания, питания (25%); издаваемый звук (14%).

Некоторые названия птиц могут употребляться в прямом и переносном значениях: *агытан* 1) петух; 2) перен. выскочка, забияка (СМЯ 1990: 38).

Переносное значение всегда производное. Если переносное значение постепенно закрепляется за словом, то стирается степень его мотивированности, и оно становится обычным, прямым значением. Например, *шӱшпык* I – соловей; *шӱшпык* II – свисток, свистулька; приспособление, при помощи которого производят свист (СМЯ 2004: 439).

Кроме отдельных слов, в марийском языке в качестве особых лингвистических единиц употребляются и более сложные образования, называемые обычно фразеологическими оборотами или фразеологизмами. Одной из баз для образования фразеологизмов долгое время служат наблюдения за повадками диких и домашних птиц, которые окружают человека в повседневной жизни.

Основными компонентами выступают такие названия птиц: *чыве* ‘курица’ (*чыве лога*р ‘плохой, слабый едок’), *агытан* ‘петух’ (*агытанла тӧрштылаш* ‘вести себя вызывающе, задиристо; лезть в ссоры без каких-либо оснований’), *корак* ‘ворона’ (*коракым шотлаш* ‘ротозейничать, бесцельно проводить время, лодырничать’), *тумна* ‘сова’ (*тумна гай илаш* ‘жить одиноко, без семьи, без родных’), *шӱшпык* ‘соловей’ (*шӱшпык омо* ‘непродолжительный, короткий, чуткий сон’).

Анализируя семантику фразеологических оборотов, включающих наменования птиц, можно выделить следующие группы фразеологизмов, которые обозначают:

1) черты характера человека: *малыше корак гай* ‘вялый, пассивный, невнимательный’;

2) предмет: *йӱксӧ муро* ‘самое последнее, значительное проявление таланта, деятельности; предсмертное творение кого-либо’;

3) количество: *чыве шӧр гына уке* ‘всего полно, вдоволь’;

4) характер действия человека: *чыве гай возаш* ‘очень неразборчиво и неряшливо писать’.

По своей грамматической организации фразеологизмы, в состав которых входят наименования птиц, разноструктурны. К наиболее распространенным типам относятся:

1) субстантивные словосочетания (*ночко чыве*, *чыве сар*);

2) глагольные словосочетания (*чывыжат вошты*л*еш*, *шӱшпык омым малаш*);

3) сравнительные обороты (*вуйдымо агытан гай*, *кӱчдымӧ вараш гай*).

Умелое употребление фразеологизмов оживляет язык, помогает глубже, полнее раскрыть мысль; делает нашу речь красочной, образной, убедительной. Особенно часто они используются с определенными выразительными и изобразительными целями в художественной литературе.

Подводя итоги, можно сказать, что орнитонимы в семантическом отношении и в плане оформленности – одна из интереснейших частей марийской лексики. Изучение принципов номинации позволило установить, что в одних названиях отмечается голос птицы, описываются внешние особенности, другие названия указывают на питание, место обитания, время прилета, особенности поведения, некоторые могут содержать в себе несколько признаков. Марийские названия птиц очень разнообразны как по происхождению, способу образования, так и по принципам, положенным в основу наименований.

Структурно-семантический анализ различных систем языка дает возможность выявить его внутреннее богатство и структурную многогранность, позволяет дополнить отдельные лингвистические дисциплины данными, которые при общем рассмотрении остаются в стороне.

Литература

Васильев В.Н. 1981: Марийские орнитонимы-синонимы. – Грамматический и лексический строй уральских языков. Труды по финно-угроведению 8. Тарту, с. 111–118.

Васильев В.Н. 1982: Марийские орнитонимы, их структура и историческое развитие. – Вопросы марийской ономастики. Вып. 3. Йошкар-Ола, с. 65–80.

Васильев В.Н. 1983: К этимологии некоторых марийских орнитонимов. – Вопросы марийской ономастики. Вып. 4. Йошкар-Ола, с. 32–56.

Грачева Ф.Т. 1989: Марий фразеологий мутер. Тунемше-влаклан пособий. Йошкар-Ола.

Исанбаев Н.И. 1978: Лексико-семантическая классификация татарских заимствований в марийском языке. – Вопросы марийского языка. Йошкар-Ола, с. 3–50.

Китиков А.Е. 1989: Марий калык пале-влак. Йошкар-Ола.

СМЯ 1990 – Словарь марийского языка. Йошкар-Ола, Т. 1: А–З.

СМЯ 2004 – Словарь марийского языка. Йошкар-Ола, Т. 9: Ш, Щ.

Mäger, Mart 1967: Eesti linnunimetused. Tallinn.

Надежда Кабаева
Саранск

ВЗРЫВНЫЕ СОГЛАСНЫЕ В ДИАЛЕКТАХ МОКШАНСКОГО ЯЗЫКА (В ДИАХРОННОМ ОСВЕЩЕНИИ)

Многие определяющие черты фонетической системы современных мордовских языков ведут свое начало от финно-угорского языка-основы. Мордовским языкам свойственны почти все согласные, которые сравнительно-историческим финно-угроведением приняты для финно-угорского праязыка. Но это вовсе не значит, что мордовский консонантизм повторяет гипотетическую систему согласных финно-угорского языка-основы. Многочисленные новообразования в фонетике и грамматике привели со временем к перестройке фонологической системы мордовских языков.

Система согласных современного литературного мокшанского языка представляет собой следующую картину:

Взрывные	p, b		t, d		k, g	
			t’, d’			
Аффрикаты			c,			
			c’, č’			
Фрикативные		f, v	s, z, š, ž			(h)
			s’, z’	j, J		
Носовые	m		n			
			n’			
Боковые			l, L			
			l’, L’			
Вибранты			r, R			
			r’, R’			

Как видно из таблицы, значительно пополнилась группа палатализованных согласных, а также появились противопоставления звонких и глухих.

Позднейшую инновацию представляют собой глухие *L, L’, R, R’, J*, которые в консонантизме мокшанского языка фонематически противопоставлены обычным сонантам *l, l’, r, r’* и звонкому фрикативному j.

Особый интерес представляет появление коррелятивных пар звонкий – глухой. Данную проблему рассматривали многие ведущие финно-угроведы, среди них В.И. Лыткин, В. Халлап, Л. Керестеш и многие другие

Современное финно-угорское языкознание предполагает, что в абсолютном начале слова праязыка не было звонких взрывных согласных, а были только

глухие *(*k, *p, *t)* (ОФУЯ 1974: 118–119). В таком виде они сохранились в словах финно-угорского (или даже уральского) происхождения в большинстве диалектов мокшанского языка: ц.д., зап.д., ю.-в.д. *kal* < у. **kala* (UEW, 119); ц.д. зап.д. *per'ə*, ю.-в.д. *pir'e* < у. **pire* (~ *pirä*) (UEW, 350); ц.д., зап.д., ю.-в.д. *tolga* < у.**tulka* (UEW, 535–536).

Однако в некоторых говорах центрального диалекта на месте глухих взрывных *k, p, t, t'* в анлауте находим соответственно *g, b, d, d'*: Ат., Лвж., Сузг. *gal*, *bir'ə*, *dolga*. Это явление в большей степени наблюдается в говорах атюрьевского куста (сс. Атюрьево, Кишалы, Морд-Козловка, Духонькино и др.). Был проведен эксперимент, в ходе которого был отобран активный пласт лексики (непроизводные основы), имеющих в анлауте глухие взрывные согласные. Наблюдения показали, что из 188 слов, начинающихся со звука *k*, только в 11 имеется звонкий согласный: *gəžəldəms* «шуршать, шелестеть», *gal* «рыба», *galdərdəms* «звенеть», *giv* «камень», *gl'en'c'ək* «стекло», *guj* «змея», *gujgər* «береста», *gulu* «зола», *gurədəms* «окружить и загнать», *gur'kstəms* «катиться; скользить», *gujar* «огурец». Из 212 слов, в анлауте которых имеется звук *p*, только в 6 находим звонкий согласный *b*: *bijəl'* «нож», *bijəl'əm* «коса», *bir'e*(*ə*) «огород», *bir'af* «забор», *brut* «пруд». Из 74 апробированных слов на *t*, только в 4 находим *b*: *dolga* «перо», *dodo* «подушка», *daga* «еще», *duc'e* «туча».

Звонкие взрывные согласные в начале слова почти во всех диалектах встречаются в заимствованных и звукоподражательных словах: ц.д., зап.д. *ban'ä*(*e*) «баня», *gaz'eta* «газета», *dugan* «младший брат», *žol'n'ams* «журчать, шуметь (о воде)», *dajka* «дай». Однако в речи носителей юго-восточного диалекта среднего и старшего поколения даже в заимствованных словах на месте звонких согласных произносятся соответствующие глухие: ю.-в. *pan'e*, *kaz'eta*, *təgan*, *žol'n'ams*, *tajka*.

В каких словах произошло озвончение и в чем причина этого явления? Для объяснения озвончения предполагаются разные теории. Д.В. Бубрих объясняет появление звонких согласных в начале слова влиянием гласных звуков, а также звонких и сонорных согласных конца предшествующего слова (Бубрих 1953: 15-16). Такое озвончение наблюдается как в эрзянских, так и мокшанских говорах при быстрой речи: э. *монь таркам* (*mon'darkam*) «мое место», м. *сон тусь* (*son dus'*).

Возникший таким путем в начале слова звонкий согласный обобщается и начинает употребляться независимо от того, как оканчивается предшествующее слово и вообще есть ли оно. Возможно, поэтому нельзя установить определенную закономерность относительно того, в каких словах произошло озвончение начальных согласных и какие слова сохранили глухой согласный праязыка.

В.И. Лыткин замечает, что озвончение наблюдается в основном в тех словах, в середине которых находятся сонорные и звонкие согласные (или их сочетания). Он соглашается с выдвинутым предположением Д.В. Бубриха, и добавляет, что звуки второго слога слова оказывали известное влияние на глухие согласные начала слова: они удерживали вновь появившийся звонкий согласный, оказывая на него ассимилятивное влияние, а другие не оказывали воздействия в отношении озвончения (Лыткин 1968: 20–21).

Однако и в таких случаях в диалектах мокшанского языка мы находим лишь небольшое количество слов, где в начале слова наблюдается звонкий согласный. Вероятнее всего процесс озвончения носил спорадический характер, абсолютное большинство слов этого типа сохранило глухой согласный начала слова: *kandəms* «нести» < у. **kanta* (UEW, 124), *kolma*(*ə*) «три» < ф.у. **kolme* (UEW, 174), *pula*(*ə*) «хвост» < ф.у. **pol'a* (UEW, 393–395), *pona* «шерсть, волос» < ф.-у. **puna* (UEW, 402), *para*(*ə*) «хорошо; хороший» < ф.-у. **para* , *tol* «огонь» < у.**tule* (UEW, 535), *t'ala*(*ə*) «зима» < ф.-у. **tälwä* (UEW, 516), *tərva* «губа» < ф.-п. *turpa* .

В мордовских языках согласные в середине слова претерпели значительные изменения, чем в начале слова. В середине слова они находились в самых различных фонетических условиях: в интервокальном положении, после и перед разнообразными согласными. Соседние звуки оказывали известное влияние, вследствие этого происходило изменение согласных в различных направлениях.

Как известно, в финно-угорском праязыке звонких взрывных согласных не было и в середине слова (Lakó 1965: 13–14). Они появились в древнемордовский период в следующих позициях:

а) в соседстве с сонорными согласными: ц.д., зап.д. *c'il'ge*, ю.-в.д. *s'il'ge* «слюна» < ф.-у. **s'il'ke* (**s'ül'ke*) (UEW, 479), *komba* «куча» < у. **kumpa* (UEW, 203), *kandəms* «нести» < у. **kanta-* (UEW, 124).

б) в интервокальном положении. В интервокальном положении взрывные **k, *p, *t* подверглись спирантизации: **t* > *d*; **k* > *v, j, ø; **p* > v. Например: ф.-у. **s'ata* (UEW, 467) > *s'ada*(*ə*), у. *joke* (UEW, 99) – м. *Jov* «Мокша», ф.-у. **teke-* (UEW, 519) > *tije-ms* «(с)делать», ф.-у. **čupa* (UEW, 63) > *šuva, šuvan'ä*(*e*).

При наличии двух глухих согласных они сохраняют свое качество: у. **jotka* (UEW, 102–103) > *jotka* «промежуток», у. **pačke* (UEW, 345–346) < *pačk* «поплам».

В современных мокшанских диалектах находится ряд слов, в которых в интервокальном положении наблюдается глухой взрывной согласный. В большинстве случаев в древних формах находим соответствующую геминату: ц.д., зап.д. ю-в.д. *peke*(*ə*), *pike*(*ə*) < *ф.-в. **päkkä* (ЭВ), ц.д., зап.д. ю-в.д. *vet'e*(*ə*), *vit'e*(*ə*) < у.**witte* (UEW, 577), ц.д., зап.д. ю-в.д. *s'äpä*(*ə*), *s'epe*(*ə*) < ф.-у. **säppä* (UEW, 435–436). Перечисленные примеры показывают, что в них проходил другой фонетический процесс: утрата долготы согласных.

Собранный и обработанный материал наводит на следующие выводы:

– в диалектах мокшанского языка в начале слова хорошо сохранились глухие взрывные согласные;

– в говорах атюрьевского куста и некоторых говорах центрального и других диалектов находим небольшое количество слов, в которых произошло озвончение начального глухого согласного. Но это явление носит спорадический характер;

– во всех мокшанских говорах в равной степени в середине слова мы находим звонкие взрывные согласные, которые возникли как результат прогрессивной ассимиляции и в интервокальном положении.

Литература

Бубрих, Д.В. Историческая грамматика эрзянского языка. – Саранск, Мордов. кн. изд-во, 1953. – 272 с.

Лыткин, В.И. К вопросу о звонких согласных начала слова в финно-угорских языках / Советское финно-угроведение. –1968. № I (IV). – С. 19–25.

Халлап, В. Единичные и двойные смычные в финно-угорских языках / Советское финно-угроведение. – 1969. №2 (V) . – С. 89–102.

Keresztes, L. Geschichte des mordvinisches Konsonantismus II. Etymologisches Belegmaterial. – Szeged, 1986. – 212 S.

Keresztes, L. Geschichte des mordvinisches Konsonantismus I. – Szeged, 1987. – 244 S.

Rédei, K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. B. I–VII. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986–1988.

Андрей Каксин
Ханты-Мансийск

СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ МОДАЛЬНОСТИ И ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КАЗЫМСКОГО ДИАЛЕКТА)

Оценка говорящим содержания высказывания с точки зрения реальности / нереальности (гипотетичности и т.п.) часто выражается при помощи некоторых союзов, частиц и других лексических элементов структуры предложения. В хантыйском языке также широко представлены модальные и модально окрашенные частицы речи (*χułna pa* ‘еще и’, *χułna ănta* ‘еще не’, *śi ăntŏ* ‘вдруг по-другому’, *šop śi* ‘и точно’ и др.).

В хантыйском языке, имеющем и эвиденциальную систему, выделяются также специфические конструкции эвиденциальности, служащие для выражения одного из оттенков значения засвидетельствованности. Эпистемический компонент (‘это не мои сведения’, или ‘я не гарантирую достоверности сообщаемого’, или удивление / изумление) вносится при этом обычно специальными эвиденциальными словами типа *nɛšˇ* ‘вот как; оказывается’, *măttirn* ‘оказывается; как оказалось’. Однако, наряду с ними, в конструкциях эвиденциальности могут иногда появляться и модальные слова и сочетания (типа *ałpa* ‘кажется; по всей вероятности’, *mosaŋ* ‘возможно; может быть’).

Но это лексические компоненты, которые не обязательно бывают представлены в предложении. Одним из обязательных компонентов рассматриваемых ниже конструкций является вспомогательный (служебный) глагол из числа тех, что имеются в хантыйском языке (*wŏł-* ‘быть; наличествовать’, *pit-* ‘быть; существовать’, *tăj-* ‘иметь’, *ji-* ‘становиться; стать’), или отрицательное слово *ăntŏ / ăntŏm* ‘нет’.

Другим необходимым компонентом подобных предложений является существительное с модальным (или эвиденциальным) оттенком, получающее лично-притяжательный суффикс, и этот суффикс указывает на лицо-число субъекта. Это частично десемантизованные слова типа *piś* ‘возможность’, *wɛr* ‘дело; намерение’, *kaš* ’желание’, *suχ* ’привычка’. Среди таких существительных мы рассматриваем также слова *śom, kŏs, kŏm, wŭr, śir, kɛm* и им подобные модальные и эвиденциальные конкретизаторы. Мы называем их конкретизаторами, поскольку считаем, что они, сочетаясь в предложении с инфинитивной глагольной формой, уточняют модальное или эвиденциальное значение высказывания. Ниже на конкретных примерах раскроем содержание наиболее употребительных конкретизаторов в модальных и эвиденциальных конструкциях в хантыйском языке.

Kaš – общее значение “желание; удовольствие, охотное занятие чем-либо; удовольствие от занятия чем-либо”.

С участием модификатора *kaš* возможна конструкция с инфинитивом-подлежащим, в которой *kaš* является сказуемым (или частью сказуемого):

Tăłaŋa-jămа mănati, χăjpijet; towi χătł wɛrtijn śăχa ma χuśɛma juχtati, pa mănɛm nin piłana wŏłti kaš! ‘Целыми-невредимыми летите, кулики; когда весна наступит, ко мне прилетайте снова, мне с вами жить – одно *удовольствие*!’

Kašaŋ ăškolajn muzej ki wŏs, ńawrɛmata ŏmaś wŏnłtijłti wŏs łŏłŋ ‘Если бы в каждой школе был музей, ребятам было бы интересно учиться’.

При сочетании *kaš* с личными местоимениями 2-го и 3-го л. при соответствующей интонации выражается значение разрешения собеседнику (или 3-му лицу), или вообще смирение со складывающимися обстоятельствами (последнее касается только формы 3-го л. ед.ч.): *năŋ kašen* – как хочешь (бог с тобой); *łŭw kašał* – как хочет, пусть будет что будет; *łin kašan* – как хотят (они-дв.):

Tewna śi jis. Xołup muj wuśkijłti? – Năŋ kašen.

Спокойно стало на реке. Сеть что ли забросить? – Как хочешь.

Ответная фраза в этом диалоге имеет модальный оттенок согласия (разрешения), выраженный с помощью модального модификатора *kaš* в притяжательной форме. Исходное побуждение 1-го лица здесь оформлено в виде вопросительного предложения (с инфинитивом глагола), а поскольку желание/нежелание в хантыйском языке может быть выражено путем использования модификатора *kaš* в сочетании с бытийным служебным глаголом или, напротив, с отрицанием *ăнтŏм*, в данном случае возможна трансформация:

Xołup wuśkijłti kašɛm wŏł ‘Хочу (имею желание) забросить сеть’.

При сочетании *kaš* с инфинитивной группой и бытийным предикативом выражается желание/нежелание производить какое-л. действие:

Mosaŋ, juntti kašen wŏł? ‘Может быть, играть хочешь? (играть удовольствие-твое есть?’);

Tŏχ χŏ wŭna jańł’, tŏχ χŏ rŏpitti kašł ăntŏm ‘Кто-то вино пьет, кто-то работать не хочет (работать удовольствия нет)’.

Wŭr – общее значение “внимание (в смысле отношения к чему-л., сосредоточенности зрения, слуха на каком-либо объекте); каприз”. При всей на первый взгляд несвязанности этих двух значений между ними обнаруживается связь: каприз есть “отрицательная” обращенность на какой-либо объект. И в том, и в другом значении обнаруживается лексическая и синтаксическая связанность слова *wŭr*:

Wuχsar imi pa šowar imi wŭraja χojsaŋn ‘Лиса и зайчиха заспорили (букв.: в каприз попали)’;

Muj wŭraja χojsan? Xăłewt jɛtšuptałen ‘Почему именно сегодня хочешь покончить с этим? (букв. Что в карпиз попал? Завтра закончишь это)’;

Jăm łaŋki amp lŭk pɛła wŭrł ăntŏm łaŋki wełti purajn ‘Хорошая собака, (т.е. приученная белку облаивать), на глухаря внимания не обращает в сезон охоты на белку’;

Łŭw muχtała jɛmaŋ χot kŏśa mănas, śăłta jɛmaŋ χotn rŏpitti χojat mănas – łŭw pɛłała isa wŭreł ăntŏm ‘Мимо него настоятель церкви прошел, потом служка прошел – на него никакого внимания’.

При сочетании *wŭr* с инфинитивной группой и бытийным предикатом выражается желание, стремление (или отсутствие желания, стремления)

производить какое-либо действие, расположение/нерасположение к какому-либо действию или состоянию:

Ampał łapatti pa wŭrł ăntŏm ‘Собаку свою кормить тоже не хочет’.

Употребительны также отрицательные конструкции, в которых за инфинитивом следует послелог *pεła* ‘к’, относящийся ко всей группе инфинитива. Вся конструкция выражает то же самое модальное значение, но употребляется в тех случаях, когда действие мыслится как неоднократное или продолжительное:

Ni wŏnłtijłti pεła wŭreł ăntŏ, ni χot omasti pεła wŭreł ăntŏ ‘Ни учиться не хотят, ни дом строить не хотят’.

Śom и ***kŏs*** – общее значение “сила, хорошее физическое состояние, выносливость”. Эти слова являются синонимами и отличаются некоторыми оттенками: *śom* обозначает физическое состояние длительного промежутка времени, а *kŏs* – небольшой “запас сил” на относительно короткий отрезок времени. Ср.:

N’ŭr śomłi pitsum ‘Совсем бессильным стал’ и *N’ŭr kŏsłi pitsum* ‘Совсем обессилел (к данному моменту)’. Еще примеры:

Śom ki tăjs, wŏntan jăŋχas łŏłŋ ‘Силы если бы имел, в лес ходил (ездил) бы’;

Kŏsεm tărmas ki, pa ješa rŏpitsum łŏłŋ ‘Сил моих хватило бы если, еще бы немного поработал’.

При сочетании *śom* и *kŏs* с инфинитивной группой и бытийным предикативом выражается возможность/невозможность совершения какого-либо действия, обусловленная физическим состоянием субъекта действия:

Jăŋχti śomεm ăntŏ ‘Ходить сил у меня нет (ходить не могу)’;

Mułti ławart ut ałti łŭw śomł ăntŏ ‘Что-нибудь тяжелое таскать у него сил нет’;

Wŭłi ławałti χułna śomεm wŏł ‘Оленей охранять еще силы у меня есть’;

Šŏšijłti śomεm wŏs ki, jułn χŏn omassum ‘Ходить (на далекие расстояния) силы у меня если были бы, дома не сидел бы я’;

Jakti ńŭr kŏsεm ăntŏ ‘Плясать совсем сил у меня нет’;

Ńuχi sewarti kŏsen wŏł? ‘Мясо рубить силы у тебя есть?’;

Wante, łŭw wŭłi łajumn kŭtartti kŏsł ăntŏ ‘Смотри, у него оленя топором ударить сил нет’.

Piś – общее значение “возможность”. В определенных случаях *piś* может иметь значение “(некая) странность”, что близко русскому сочетанию “странное дело!”:

Sεseł nuχ ałumsałłe. “T’a, pa muj piś, waŋkarεŋa potum pannε. Tămi muj piś; ăłnŏmła, χojatn śi punsa?” – Силки приподнял. “Ну, что за дела, криво замерзший налим. Это что за странное дело, наверное, кто-то положил?”

При сочетании *piś* с инфинитивной конструкцией и бытийным предикативом выражается возможность/невозможность совершения какого-либо действия. Внешняя возможность, выражаемая в конструкциях с пищ, не реализуется в узуальном варианте. Эта конструкция используется только в ситуациях актуального действия (применительно к конкретному субъекту):

Xŭwanšak pitsa in amp, in uχał nuχ pawattati piśł ăntŏm ‘Давненько поймана (ловушкой) собака, голову освободить не может’;

Nin piłana măn-ti piś-εm ăntŏ ‘С вами пойти не могу’ (невозможность выполнения действия). Причина становится ясна только из контекста, т.е. данной

фразой можно выразить и внешнюю (деонтическую или недеонтическую), и внутреннюю невозможность, обусловленную состоянием субъекта.

Śir – общее значение “возможность”. Относясь к той же модальной сфере, что и *piś*, это слово имеет, однако, более широкое употребление.

В конструкциях со значением внешней возможности оно также используется в ситуациях актуального действия:

Nin takłana ariti, jakti śirew ăntŏ ‘Без вас петь и плясать не можем-мы (мн.)’; *Śiti śiw śi sorł, ăł jiŋk takłi wŏłti śirł ăntŏm* ‘Так и засохнет (эта березка), без воды жить не может-она’; *In iki śi murta sɛŋksa, nuχ łoł’ti nɛš śirł ăntŏm* ‘Этот мужчина до того избит был, что подняться даже не мог’.

При выражении внешней возможности слово *śir* употребляется при передаче узуальных ситуаций (т.е. в высказываниях, имеющих обобщающий характер):

Ńańije takła ipŭš pa păsana omasti śiren ăntŏ ‘Без хлебушка даже один раз не сможешь за стол сесть’ (узуальность определяется контекстом и отнесенностью к обобщенному лицу);

Amp takła wŏłti śir ăntŏm ‘Без собаки (человеку) жить невозможно’ (узуальность выражается контекстуально и отсутствием лично-притяжательного суффикса у слова *śir*).

Конструкция с *śir* не используется для выражения внутренней возможности (возможности, обусловленной умением и навыками субъекта). Она не употребляется также для характеристики субъекта через его возможность совершить то или иное действие. В рамках семантики внутренней возможности эта конструкция уместна, если возможность-невозможность осуществить действие представлена как актуальное состояние субъекта:

I iki śi murta mŏša jis, łŭw sattała šŏšiłati, łɛti-jańśti śirł ăntŏm ‘Один мужчина до того заболел, (что) самостоятельно ходить-пить не может’;

Ănt χŏn łăŋχałum, tŏp śiw wana juχatti śirɛm ăntŏm. Ma śiw χătti mărɛmn kŏsaŋšak utat ma jełpɛma pitłat ‘Как не хочу (излечиться)! Только туда, к живительному источнику, близко добраться не могу. Пока я туда ползу, те, кто поздоровее, меня опережают’;

I sɛmłi iki wŏs. Rŏpitti śirł ăntŏm ‘Один слепой мужчина жил. Работать не может’.

Kɛm – общее значение “возможность”. Это слово (в модальном значении) формально-семантически соотносится с послелогом *kɛm*, который следует за инфинитивной формой глагола, и вся конструкция выражает значение степени проявления действия, степени готовности субъекта к действию (а значит – имплицитно-потенциальной возможности действия):

Šŏšiłati kɛma jŭwmał! ‘Ходить начал, оказывается!’ (о ребенке) (букв.: До степени ходить/хождения стал, оказывается);

Xŭw mănas, wan mănas, śi χołmɛsti kɛma jis ‘Долго шел, коротко шел, и вот пришло время переночевать (до степени ночевки стало)’;

Păstekat kŭš wełti kɛma jisat, wełti χułna ăn răχas – mɛlak, kurumn šăkłat ‘Хоть и пришло время добывать рябчиков (букв. Рябчики до степени добывания стали) добывать еще нельзя было – тепло, тут же испортятся’;

Ariti kɛma χułna ănta jił ‘Не дошел еще до такой степени, чтобы петь’.

При сочетании *kɛm* с инфинитивной группой и бытийным предикативом выражается возможность невозможность осуществления какого-либо действия, обусловленного свойствами субъекта, его способностями, характером и т.п.:

Łŭwtti pănan tŏti kɛm ăntŏ ‘Его с собой брать невозможно’; *Łɛti kɛm ăntŏ: śi murta atum ɛpałn awał* ‘(Это) есть невозможно: плохо пахнет’; *Lupti kɛm ăntŏ – atma śi jił* ‘(Ему что-нибудь) сказать невозможно – сразу выходит из себя (букв. плохим становится)’.

В этой конструкции не выражается лицо-число субъекта, так как субъект модальной оценки (к которому мог бы относиться лично-притяжательный суффикс) – эта всегда сам говорящий. Субъект предметной ситуации (тот/то, о ком/о чем говорится) выражается формой косвенного падежа.

В группу модальных конкретизаторов мы включаем и те лексемы с абстрактным значением, которые способны выражать и разные виды оценки (при особом порядке слов и специфической интонации). Это конкретизаторы типа wɛr ‘дело’: *uš* ‘ум, толк’, *numas* ‘ум, мысль, дума’, *wŭs* ‘углубление’ и др.

Wɛr – общее значение “дело”. Это слово имеет широкий круг употреблений, так же как и глагол *wɛr-* ‘делать’.

Оно употребляется в изъяснительных конструкциях в качестве вершины инфинитивного или причастного оборота, который в предложении выступает в роли подлежащего или дополнения (иногда и обстоятельства):

а) подлежащее

Wŭłi ławałti χŏ iśi jăm amp ki tăjł, taś tăjti wɛrł kɛn śi ‘Оленевод тоже, если хорошую собаку имеет, стадо охранять дело-его легким (является)’

б) прямое дополнение:

Jetn łŭw śăta χŏłantum wɛrłał mŭŋew putartsałłe ‘Вечером он нам рассказал там слышанные им дела (рассказал о том, что он там слышал; или: пересказал то, о чем он там слышал)’;

Rim łał’ χŏ mănɛm ewałti wɛr χŏłtɛm jăm ‘Слышать, (что) римский офицер мне верит – приятно мне (букв.: Римский офицер мне верить дело слышать-мне приятно)’

в) косвенное дополнение (обстоятельство):

Nawrɛm wŏnłtati wɛrenan juwra ał wɛra! ‘В деле обучения ребенка не навреди!’;

Xotši wɛrena pa χojat wŏnłta ‘Тому, что умеешь, другого научи (букв. Уметь делу твоему другого научи)’.

При сочетании *wɛr* с инфинитивной группой и бытийным предикативом могут выражаться некоторые модальные значения:

а) желание совершить какое-либо действие

Łapkaja jăŋχti wɛrɛm wŏł ‘В магазин хочу сходить’;

Ma ampɛm katałti wɛrɛm wŏs, łŭw χuntas ‘Я собаку-свою хотел поймать, (а) она убежала’;

б) отсутствие необходимости в каком-либо действии (необходимость выражается сочетанием с модальным глаголом *mos-* ‘быть необходимым, нужным’):

Ugut wošn łin wŏłtan łuwat kew χotn omsumŋan. Xotn jiŋk tŏti wɛr ăntŏm, kŏr ăłł’ati wɛr ăntŏm…’ В поселке Угут им каменный дом построили. В доме воду носить не надо, печь топить не надо…’

в) отрицание и эмоциональная оценка

Łŭw wɛr tăjł! ‘Он дело имеет!’ (в смысле: ‘Ему нет никакого дела до этого!’).

Uš – общее значение “ум”; другое значение (с экспрессивной коннотацией) “толк”. Сочетания *uš* с инфинитивом глагола чаще всего имеют прямое значение (т.е. определяют мыслительные способности человека), но в определенных случаях способны выражать оттенки модальности возможности (и невозможности), и внутренней, и внешней (в зависимости от ситуации):

Łin χołup omasti ušn ăntŏm nɛš ‘Они-дв. сети даже не могут поставить’ (не умеют, не научились, т.е. препятствия находятся “внутри субъекта”);

Tăta rat’śija χŏłanti nɛš uš ăntŏ ‘Здесь даже рацию слушать нет возможности’ (внешние помехи).

Ńŭr ušɛm ăntŏm wŏs iśmati ‘Совсем ума не было (у меня) спросить’ (нереализованное действие, значение возможности имплицитно, т.е. выражается упущенная возможность);

Śi kɛm ušł wŏs, taŋχa, owł tumana tŏχarti ‘Видимо, ума хватило дверь на замок закрыть’;

Jămа jiti mułti ušł ăntŏ ‘Выздороветь никак не может’. В этих случаях десемантизованное слово *uš* придает фразе либо оттенок похвалы (при употреблении положительной формы сказуемого), либо тот же оттенок неодобрения, как в приведенном в самом начале примере с десемантизованным словом *suχ* (это - в случае наличия отрицания).

Wŭs – прямое значение “углубление, дыра”, но может выражать модальные оттенки возможности/ невозможности:

Łŭw χŭł łɛti wŭsł ăntŏ ‘Он не может (т.е. не умеет, не привычен) есть рыбу’.

В данном предложении содержится модальность возможности- невозможности в одной из своих разновидностей: это невозможность, обусловленная неумением субъекта выполнять то или иное действие, его неспособностью научиться чему-либо. Основным компонентом выступает модальный конкретизатор в притяжательной форме – *wŭs* ‘возможность; привычка’.

Tăm łaraśen nuχ ałum-ti piś-en wŏł? ‘Этот ящик сможешь поднять?’ (вопрос, направленный на выяснение исполнимости действия, исходя из возможностей субъекта; это внутренняя приобретенная возможность).

Mułti wŭrn piś-en ki wŏs kałtaŋa jăŋχ-ti, χirɛm łŏłŋ tŏsen ‘Если бы ты смог сходить на пристань, мешок мой принес бы’. Здесь, как видим, при участии вспомогательного бытийного глагола выражается возможность действия, выполнимого при определенном условии (в данном случае: ‘если у тебя найдется время’) (внешняя деонтическая возможность актуального характера).

Tăm aj kătŋałam piła isa rŭt’śati piśɛm ăntŏ ‘С этими двумя малышками у меня совсем нет возможности отдыхать’ (невозможность выполнения действия ввиду обстоятельств, не зависящих от воли самого субъекта, т.е. перед нами – разновидность внешней недеонтической актуальной возможности).

В заключение выскажемся о соотношении модальных и эвиденциальных конструкций в нашем небольшом аналитическом обзоре. Кажется, что речь идет преимущественно о предложениях с модальным значением. Это верно, поскольку при сплошной выборке обнаруживается преобладание именно модальных конструкций. Значения эвиденциальной сферы, напротив, находят свое выражение (в хантыйской речи, а также и в текстах) значительно реже. Но

можно утверждать, что сам тип конструкции, о котором шла речь выше, в равной степени присущ и модальной сфере, и сфере эвиденциальности в хантыйском языке. Это можно даже показать на примере того, как легко конструкции модальности переходят в конструкции эвиденциальности; при этом происходит только мена показателей в глагольных формах (при этом субъект действия может также поменяться, но это бывает вызвано причинами прагматического свойства):

Tăm aj kătŋałał piła isa rŭt’śati piśał ăntŏm wŏł-t-ał ‘С этими двумя малышками у него совсем нет возможности отдыхать, оказывается’.

Андрей Каксин
Ханты-Мансийск

НАКЛОНЕНИЯ В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ (МОДАЛЬНЫЕ И ЭВИДЕНЦИАЛЬНЫЕ)

Наше исследование было посвящено способам выражения модальных и эвиденциальных значений в северных диалектах хантыйского языка. В качестве нового материала рассматриваются данные по средствам выражения эвиденциальности и адмиратива в хантыйском языке, и в этой части для сравнения привлекаются примеры из русского и финского языков. Уже при предварительном анализе выясняется, что семантика эвиденциальности в указанных языках грамматикализована в разной степени: больше всего – в хантыйском, в русском – меньше всего (выражается в основном лексическими средствами), в финском языке – приблизительно в равной степени представлены лексические и грамматические средства.

В русской грамматической традиции эвиденциальность как языковая категория вплоть до последних десятилетий рассматривалась как составная часть модальности. За рубежом отдельное рассмотрение эвиденциальности, безотносительно к модальности, проводилось во многих случаях, особенно подробно – начиная с известной статьи Р. Якобсона (Якобсон Р.О. 1972). Статьи “эвиденциальность” нет и в большом советском лингвистическом энциклопедическом словаре 1990 года (под редакцией В.Н. Ярцевой). Там (в статье о модальности) находим лишь упоминание о некоторых значениях, позже причисленных к эвиденциальным. В частности, согласно словарю, “к сфере модальности относят: … разную степень уверенности говорящего в достоверности формирующейся у него мысли о действительности”. Из средств выражения этой категории в словаре упомянуты только “специальные модальные частицы, напр., для выражения неуверенности (‘вроде’), … недостоверности (‘якобы’)” (Ляпон М.В. 1990, с. 304).

Небольшой отрывок о подобных значениях находим в другой авторитетной работе того времени (и тоже по модальности): “Анализ значения пересказывания (комментативности, имперцептива) особенно актуален для тех языков, в которых для его выражения имеются специальные грамматические формы… Существуют различные типы функции пересказывания… С пересказыванием связано выражаемое теми же формами значение адмиратива – удивления по поводу неожиданных для говорящего фактов” (Бондарко А.В. 1990, с. 64). Но уже спустя четыре года эвиденциальность в истолковании русской лингвистической школы названа отдельной от модальности категорией (Козинцева Н.А. 1994, с. 92). С тех пор она стала изучаться детально в самых разных языках, и к настоящему времени имеется уже и солидный авторитетный сборник статей на русском языке (Храковский В.С., ред. 2004).

Рассматривая категорию эвиденциальности, зарубежные лингвисты в большей мере имеют в виду материал “экзотических” языков, а российская исследовательская мысль чаще всего проводит сопоставление с русским языком.

Нет необходимости напоминать о том, что названные категории в русском языке изучены очень детально, и этому посвящено огромное множество трудов. Однако материал русского языка и примеры на нем мы имеем в виду всегда, хотя бы потому, что всякий раз мы приводим и перевод на русский язык (литературный перевод, а если необходимо – и буквальный). В финском языке этот вопрос также изучен, и мы будем опираться и на исследования по финскому языку. Например, мы нашли достаточно подробный список литературы по данному вопросу после статьи об экспрессивной лексике в финском языке (Leskinen H. 1993, s. 122–124), а практический материал – в учебных пособиях по финскому языку (Bessonoff S.-M., Hämäläinen E. 2008; Bessonoff S.-M., Hämäläinen E. 2009).

В русском языке эвиденциальность не находит грамматического выражения и передается в основном лексическими средствами типа вводных “мол”, “видно”, “оказывается”. Говорящие по-русски указывают на источник сведений о ситуации только в том случае, если эта информация представляется им необходимой: например, если говорящий хочет подчеркнуть, что он лично наблюдал описываемое событие (ср. *у меня на глазах*; *я сам видел, как*… и т.п.) или, наоборот, если говорящий хочет снять с себя ответственность за достоверность сообщаемой информации (Плунгян В.А. 2000, с. 324).

В хантыйском языке появление грамматических форм эвиденциалиса обусловлено тем, что инфинитные формы глагола могут функционировать и в качестве финитных. Так, в роли финитного (конечного) сказуемого способны выступать оба хантыйских причастия (с показателями *-m* и *-t*), а также деепричастие на *-man*:

Lŭw kŏrtałn atełt χăś-m-ał ‘Он на стойбище один остался, оказывается’; *Wana juχatsŭw: owł, mătte, tumanan pun-man* ‘Подошли ближе: дверь, оказывается, на замок закрыта’. (Здесь и далее примеры на хантыйском языке – из полевых записей автора, часть – из книг на хантыйском языке: Сенгепов А.М. 1994, Лазарев Г.Д. 1999).

Эвиденциальность как категория, близкая к модальности, но все же имеющая свою специфическую семантику, грамматикализуется во многих языках, и ее морфологические формы традиционно также называются наклонениями. Повторим, что в русском языке эвиденциальность не грамматикализована, поэтому в переводах на русский появляются лексические средства, которые вербализуют смысловые оттенки, в других языках (в том числе в хантыйском) заключенные в самой морфологической форме:

Jajum-iki ma kińśɛma šuši mirew jămа wŏ-t-ał ‘Брат мой лучше меня людей наших знает, оказывается’; *Liw iśi tăta noptał-ti pit-t-eł* ‘Они тоже здесь плавать будут, оказывается’; *Śi kŭtn łŭw sɛm pawtas: łŏχsał iki χot łipijn, χotχări kŭtupn śimaś mawaŋ łant, suraŋ łant pasan tiw-m-ał, omsaś-m-ał* ‘В это время он повел глазом [и видит]: в доме его друга, посреди пола, всякой пищей накрытый стол, оказывается, возник, откуда ни возьмись, появился’.

Как видим, в хантыйском языке три формы неочевидного наклонения параллельны трем ядерным формам индикатива, к временному значению которых добавляется одно из значений эвиденциальности. В общей системе хантыйского глагола эти “неочевидные” формы (по другой терминологии – мирaтивные) противопоставляются прежде всего формам индикатива.

Таким образом, для описания хантыйской системы наклонений мы имеем две координаты – по источнику информации и по соответствию этой информации картине мира говорящего. Именно в этом случае картина мира – у каждого своя (у каждого говорящего на конкретном языке), но она всегда производна от той картины мира, которую задает тот или иной язык (Корнилов О.А. 2003; Мельникова А.А. 2003).

Итак, вернемся к хантыйским причастным формам в финитном употреблении и рассмотрим, как они приспособлены для выражения эвиденциальных значений, какие компоненты доминируют в их семантике и при каких условиях.

Форма на *-m* передает чаще всего умозаключение по явным признакам (инферентив); всегда присутствует компонент "несоответствие ожиданиям" от простого "оказывается" до более сильного "к удивлению" (адмиратив):

In woj leŋkɛm wars paj iłpija χăńɛmu-m-ał, at jiŋkłał ił răńŋał-m-ał 'Оказывается, он под тем кустом спрятался, с которого заодно и росу стряхнул'*;*

Wăj, năŋ χuti ar łew-m-en! 'О, как ты, оказывается, много съел!'

Форма на *-t* чаще всего имеет значение непосредственно воспринимаемого "неожиданного" действия:

Ăŋkarmasum – ńŭr ma jŭpɛmn pŭpije ɛt-t-ał! 'Оглядываюсь – позади меня выходит медведь!'

Компонент умозаключения (+инферентив) в форме на *-t* реализуется реже – и обычно анализируется как "неуверенность восприятия", чему способствует регулярное сопровождение ее в этом случае частицей *ɾimŏnti (ki)* 'как будто, словно':

Łiw ăłmŏnti wɛra śi păł-t-eł 'Они словно бы сильно боятся'.

Эти две формы, таким образом, должны характеризоваться скорее как миратив, чем как эвиденциалис.

Третья же форма, форма на *-man*, в финитной функции наиболее частотна и пестра; это пассивная форма прошедшего времени, в зависимости от семантики глагола реализующаяся как пассив, результатив и статальный пассив. В ее значении могут присутствовать оба компонента, и "логическое умозаключение", и "несоответствие ожиданиям", однако, в зависимости от лексического наполнения фразы, может выражаться то один, то другой компонент. Миративное значение сильнее всего представлено с пассивом, слабее с результативом и практически совершенно стирается со статальным пассивом от глаголов, обозначающих природные процессы. Значение инферентивности же сохраняется во всех случаях.

Теперь рассмотрим примеры с формой настоящего времени (в этом случае при форме на *-man* служебный глагол *wŏ(l)-* 'быть в наличии' может и отсутствовать):

Xŏntti, mosaŋ pa, išni at pŭnš-man wŏ-ł 'Когда-нибудь, действительно, окно пусть открыто будет';

Tăm nɛpek χŭwn-χŭwn χănš-man (wŏł) 'Эта книга давным-давно написана';

Juχan tăł χŭwat jɛŋkan pot-man (wŏł) 'Река всю зиму покрыта льдом';

Śi săχał wŭš kimt tilaś wɛr-man (wŏł) 'Эта шуба уже два месяца как сшита';

Tăm ńuχi kăt χătł kawart-man (wŏł) 'Это мясо два дня как сварено'.

Таким образом, особенности формы на *-man* состоят в следующем: реализация обоих ее смысловых компонентов – "умозаключение о действии по

состоянию объекта” и “несоответствие ожиданиям” – сильно зависит от семантики лексического наполнения фразы. Для выражения чистого, без элемента миративности и без подчеркнутого элемента умозаключения, значения результатива / статального пассива, в хантыйском языке используются две аналитических производных формы на *-man*: одна с esse-глаголом (*-man wŏi-*), другая – с habeo-глаголом (*-man tɐj-*). Вспомогательный глагол тем самым служит как бы для деактуализации семы миративности, отчасти и семы инференциальности: эти аналитические формы могут передавать значения результатива, перфекта и длительного действия в прошлом.

Более того, формы на *-man wŏi-* со значением длительного действия бывают представлены даже в конструкциях активного типа:

Ar oł măr tăta 1–2 ăklas ńawrɛmat păta ăškola pŭnš-man wŏ-s ‘В течение многих лет здесь была открыта школа для детей, учившихся в 1–2 классах’;

Šaj anat tɛłijewa šajn pun-man (wŏł-ł-at) ‘Чашки полностью наполнены чаем’.

Как видим, вспомогательный глагол чаще всего принимает форму настоящего и прошедшего времени индикатива; другие формы крайне редки, но возможны, в том числе даже форма неочевидного наклонения, что лучше всего показывает, что сама аналитическая форма (*-man woi-* или *-man tɐj-*) компонента миративности уже лишена:

Śi jis purajn iket iśi ŏpatłał sew-man tăj-m-eł ‘В старое время мужчины тоже косы заплетали (букв.: волосы заплетая имели)’.

Форма *-man tɐj-* благодаря семантике вспомогательного глагола (*tɐj-* ‘иметь’), как бы переворачивает диатезу и дает статальную характеристику уже субъекта действия по итогам выполненного им действия (по состоянию объекта, с которым он имел дело); она может быть охарактеризована как статальный антипассив:

Śi ampał łŭw, iśipa, jir-man tăj-ł-ałłe ‘Эту свою собаку он, наверное, привязанной держит’.

Интересно, что эта форма может в свою очередь принимать залоговый показатель для перенесения коммуникативного ударения на объект при сохранении семантики формы (характеристика субъекта по состоянию объекта):

Śi wɛr isa wŭłi ławałti joχn want-man tăj-ł-a ‘Это дело постоянно находится под наблюдением оленеводов’.

Другими словами, хантыйские аналитические формы на *-man* должны быть отнесены к индикативу как формы перфектного типа – результатив, статальный пассив и статальный антипассив.

В финском языке, в котором также достаточно много форм пассива и перфекта, эвиденциальность может быть выражена грамматически, в конструкциях с указанными формами. Особенно часто это происходит в конструкциях "перфект пассива" и "плюсквамперфект пассива" (Муллонен М., Хямяляйнен Э., Сильфверберг Л. 2009, с.174–178).

В финском языке также есть лексические средства выражения эвиденциальных значений. Часть из них представлены в удобном для использования финско-русско-финском словаре Ю.С. Елисеева. Приведем несколько примеров оттуда, а также составленный нами ряд предложений с эвиденциальной семантикой:

Minun mielestäni 'по моему мнению', *käydä ilmi* 'обнаружиться', *osoittautui, että...* 'оказывается; оказалось, что...' (Елисеев Ю.С. 1999, с. 315, 333–338).

Isä on jo alkanut, se kääntyy pois! 'А, отец уже пришел, оказывается!'

Hänen isänsä oli tullut, näen 'Отец уже пришел, я вижу'.

Hänen isänsä oli jo saapunut, koska näen sen 'Отец уже пришел, как я вижу'.

Isäni tuli, näen 'Отец пришел, я вижу'.

On käynyt ilmi, jätin lasit kotiin 'Оказывается, очки свои я оставил дома'.

Vaikuttaa siltä olen unohtanut silmälasit, jätti taloon 'Кажется, очки свои я позабыл, оставил дома'.

Hah, mutta tämä on kotitekoinen kalastus napainen, se kääntyy pois! 'Ба, да ведь это самодельная удочка, оказывается!'

Että – oli kotitekoinen onki! 'Это – оказалась самодельная удочка!'

Множество фраз с эвиденциальным, миративным и адмиративным значением приводится в самом популярном учебном пособии для изучающих финский язык, напр.:

*Raijalla on **sitten** aina niin persoonallisia vaatteita* (Муллонен М., Хямяляйнен Э., Сильфверберг Л. 2009, с. 226) 'У Раийи же всегда (потом / так) оригинальная одежда'. И далее авторы учебника пишут: 'Слово *sitten* в этом случае не является наречием времени, а употреблено для усиления чувства удивления, восторга и т.п.'. Слово *sitten* в словарях переводится как 'потом, затем, после' (Елисеев Ю.С. 1999, с.153), поэтому все предложение можно перевести следующим образом: 'У Раийи же всегда такая оригинальная одежда!'.

Итак, эвиденциальность – сложная функционально-семантическая категория, и выражается она не только грамматическими формами глагольных наклонений и некоторыми специализированными лексемами, которые обычно употребляются в качестве вводных слов (типа русск. *мол, дескать, по его словам,* финск. *osoittautua* 'оказываться, выясняться', *käydä ilmi* 'обнаружиться', *ilmetä* 'обнаружиться', хант. *neš* ‘оказывается’, *mattirn* 'оказывается').

Эвиденциальность, в ее отношении к модальности, а также и безотносительно к ней – это сложно устроенная функционально-семантическая категория, в разных языках имеющая свой набор средств выражения. В русском языке – это преимущественно лексические средства, в финском языке – и лексические, и грамматические. В хантыйском языке характерные лексемы тоже есть, но служат в качестве дополнительных (уточняющих) средств по отношению к морфологическим формам неочевидного наклонения. В заключение, все сказанное о хантыйском языке отразим в небольшой таблице.

Модальность как “широкая” категория

Модальность	Эвиденциальность и адмиратив
Обязательная, или деонтическая, модальность. Выражается формами модальных (традиционных) наклонений: индикатива, императива, конъюнктива и т.п.	Алетическая, или эпистемическая, модальность. Выражается формами эвиденциальных (эпистемологических) наклонений: эвиденциалиса, латентива, абсентива и т.п.

В (во временных) формах этих наклонений не содержится указания на то, что говорящему о прошедшем (настоящем, будущем) событии, действии стало известно из (от) какого-либо источника. Это собственное знание (мнение) говорящего или: действие – неожиданное, но изумления не вызывает (или это обстоятельство не подчеркивается): Śi pa wŏn łora *šarit-s-an, εsłas-s-an!* ‘И через большое озеро (плыть) ты *отважился, решился!*’ Ješak sorni χătł, muj arat łońś *pit-s* tămχătł! ‘Боже мой, сколько снега *выпало* сегодня!’; Tum, wanta, muj arat łońś *pit-s*! ‘Вон, смотри, сколько снега *выпало*!’ Tăm wŏn łijεm pa tăta *kεratł’a-ł* ‘Эта моя большая поварешка здесь *валяется*’ Łiw jasŋełn, pa joχłał iśi χăłewt *juχat-ł-at* ‘По их словам, остальные их люди тоже завтра придут’.	В (во временных) формах подобных наклонений есть указание на то, что говорящему о неком событии, действии стало известно, или на то, что действие является неожиданным. Часто называется и источник знания говорящего о событии, действии: Śi pa wŏn łor šŏpa *šarit-m-en, εsłas-m-en!* ‘И через большое озеро (плыть) ты *отважился, решился, оказывается!*’ Ješak sorni χătł, muj arat łońś *pit-m-ał!* ‘Боже мой, сколько снега *выпало, оказывается!*’ Tăm wŏn łijεm pa tăta, *nεš, kεratł’a-t-ał* ‘Эта моя большая поварешка здесь, *оказывается, валяется*’ Łiw jasŋełn, pa joχłał iśi χăłewt *juχat-t-eł* ‘По их словам, остальные их люди тоже завтра *придут, оказывается*’; Pa joχłał iśi χăłewt *juχat-t-eł* ‘Остальные их люди тоже завтра придут, оказывается (по их словам)’

Литература

Бондарко А.В. Модальность: вступительные замечания // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Отв. редактор А.В. Бондарко. Л., 1990. С. 59–67.

Елисеев Ю.С. Финско-русско-финский словарь / В сер.: Маленькие желтые словари от Gummerus. Jyväskylä, 1999.

Козинцева Н.А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92–104.

Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2003.

Лазарев Г.Д. Сорненг тов: Рассказ на языке ханты. Ханты-Мансийск, 1999. (казымский и среднеобской диалект)

Ляпон М.В. Модальность // Лингвистический энциклопедический словарь / Главный редактор В.Н. Ярцева. М., 1990. С. 303–304.

Мельникова А.А. Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности. СПб., 2003.

Муллонен М., Хямяляйнен Э., Сильфверберг Л. Opi puhumaan suomea / Учись говорить по-фински. Изд. 4-е, испр. и доп. СПб., 2009.

Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. – М., 2000.

Сенгепов А.М. Касум ики путрат (Рассказы старого ханты). СПб., 1994. (казымский диалект)
Скрибник Е.К. К вопросу о неочевидном наклонении в мансийском языке // Языки коренных народов Сибири. Сб. научных тр. Вып. 4. Новосибирск, 1998. С. 197–215.
Эвиденциальность в языках Европы и Азии: Памяти Н.А. Козинцевой. Сб. научн. трудов / Отв. ред. В.С.Храковский. СПб., 2004.
Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Пер. с англ. // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. (англ. изд. 1957)

Bessonoff S.-M., Hämälaäinen E. Tilanteesta toiseen: A Finnish Course. – Helsinki, 2008.
Bessonoff S.-M., Hämäläinen E. Tilanteesta toiseen: Harjoituksia. – Helsinki, 2009.
Leskinen H. Quantitative Untersuchung der expressiven Lexik im Finnischen und seinen nächstverwandten Sprachen. FUF. B. 51. Heft 1–3. Helsinki, 1993. S. 87–124.

Андрей Каксин – Мария Чертыкова
Ханты-Мансийск

О ГЛАГОЛАХ СО ЗНАЧЕНИЕМ СТРАХА В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В хантыйском языке, как и во множестве других языков (в т.ч. финно-угорских), отдельной лексико-семантической группой представлены глаголы, обозначающие внутренние психические переживания человека. Это глаголы эмоции (verbs of emotion). Глаголы со значением страха составляют отдельную подгруппу внутри лексико-семантической группы глаголов эмоции. Общим семантическим признаком глаголов данной подгруппы является “испытывать чувство страха, боязни, поддаваться страху”, т. е. словесное отражение чувства страха в разных аспектах и оттенках. Эту подгруппу в хантыйском языке составляет небольшой ряд синонимичных глаголов: *păł-* ‘бояться; страшиться’, *pakan-* ‘испугаться’, *păłtapn juχat-* ‘быть застигнутым страхом’, *juχłi nŏmas-* ‘тревожиться’ (букв.: назад думать), *śurumtijł-* ‘опасаться; тревожиться’, *χŏri-* ‘опасаться; трусить; побаиваться; не решаться; настораживаться; тревожиться’; *săm lăp măn-* ‘сильно испугаться’ и некоторые другие, в основном – словообразовательные варианты названных глаголов (*păł’a-* ‘немного бояться; немного опасаться’, *χŏrɛs-* ‘побаиваться’ и т.д.).

Полным выразителем значения страха является наиболее частотный глагол *păł-* ‘бояться’, о котором следует сказать более подробно. Поскольку это глагол с наиболее общим значением страха, в зависимости от контекста он принимает различные значения, выражая самые тонкие оттенки смысла:

Łŭw tămχatł χutaś kɛŋk – ma nɛš păłłum ‘Он сегодня очень сердит – даже я боюсь (трепещу)’; *Śirn ma ajłatšak wŏsum pa nɛmałt ewałt ănt păłsum* ‘Тогда я был моложе и ничего не боялся (не страшился)’; *Śiw juχatłan – ał păła: ampłan ănt purśantłat* ‘Туда придешь – не бойся: те собаки не кусаются’.

Анализируя подобные примеры, мы видим, что при исчислении глаголов страха, определении их значений важны такие факторы, как причина (бояться по какой причине), что вызывает страх (человек или определенная ситуация), какая ситуация (реальная или прогностическая) и т.д.

Поскольку основополагающей для разбираемых глаголов является определенный признак, далее эти глаголы мы можем расположить в градации по степени нарастания (или убывания) степени страха, а также рассматривать их в типичных контекстах. При этом выявляется их наиболее точное значение, которое можно помещать в толковый словарь хантыйского языка.

Глаголы со значением страха представляют отдельную подгруппу в лексико-семантической группе глаголов со значением эмоции. Общий семантический признак глаголов данной подгруппы – испытывать чувство страха (боязни), поддаваться страху. Глаголы этой группы в хантыйском языке еще не подвергались анализу, поэтому мы рассмотрим подробнее семантические отношения между ними, а в части сопоставления между языками коснемся также вопроса о происхождении этих глаголов.

Итак, в хантыйском языке наиболее полным выразителем значения страха является частотный, широкоупотребительный глагол *păł-* ‘бояться, страшиться’.

Можно отметить и следующий факт: в хантыйском языке при присоединении к глагольным корням разного рода словообразовательных аффиксов их значение меняется, поэтому производные глаголы рассматриваются как отдельные. Это положение особенно касается глаголов *păł-* ‘бояться, страшиться’ и *pakan-* ‘испугаться’ как самых семантически общих. В частности, глагол *păłumt-* обычно выражает страх, испуг в какой-либо определенной ситуации, и этот страх имеет временный характер, а в значении глагола *păłijł-* – выражается страх продолжительный. Или: глагол *χŏri-* выражает множество смыслов (опасаться; трусить; побаиваться; не решаться; настораживаться; тревожиться), а глагол *χŏrałtijł-* – те же значения, правда, с внесением дополнительного оттенка (немного опасаться, немного трусить и т.д.), но чаще всего он встречается в контекстах, где несет следующий смысл: ‘чувствовать тревогу и стараться избежать опасности’.

Глаголы рассматриваемой подгруппы могут быть расположены в порядке убывания степени страха, т.е. они находятся в определенной градации, демонстрирующей убывание признака. Целью нашей работы было – методом компонентного анализа выявить семы, характерные для значений глаголов страха. В ходе исследования семантической структуры этих глаголов выявлены следующие семы (исходной посылкой при этом выступает *то*, *что* вызывает страх, т.е. причина страха): это может быть “нечто абстрактное”; “конкретная причина”, которая, в свою очередь, представляется как “человек” или “ситуация”. Ситуация бывает “прогностическая” и “реальная”; первая представляется то как “неизвестность”, то как “определенное опасение”, а вторая далее может обернуться “неожиданной вестью”, “неожиданным событием” или просто “событием”.

Далее, при рассматриваемых глаголах часто называется причина, вызывающая страх, и она бывает конкретной и абстрактной. Абстрактная причина далее не поддается членению. Для обозначения такой причины служит обычно только глагол *păł-*, в контекстах которого обычно не указывается конкретная причина страха.

Причина, вызывающая страх, далее конкретизируется на “человек или субстрат” и “ситуация”. Семой “бояться человека или субстрата или в какой-либо ситуации по конкретной причине” обладают такие глаголы, как *χŏri-*, *χŏrɛs-*, *pakan-*.

Ситуация, при которой человек находится в состоянии страха, бывает реальной и прогностической. Ситуация реальная, в свою очередь, дифференцируется на следующие семы: 1. событие. Эта сема активно проявляется у глаголов *păł-*, *pakan-*, *săm lăp măn-*, т.е. для всех глаголов, за исключением *χŏrałtijł-*. Самый богатый иллюстративный материал среди глаголов, для которых характерна эта сема, имеет глагол *păł-*.

В значении глагола *pakan-* господствует сема “испугаться при неожиданном событии”:

Ał păła, – ma sattɛma putartłum (χŏn wŏntan łomatsum) ‘Не бойся, – успокаиваю сам себя (когда заблудился в тайге)’.

Каузативным глаголом, имеющим сему “наводить страх чем-либо” является глагол *paknał-*.

2. Семой “страх при неожиданном событии” в основном обладает глагол *pakan-*:

Łŭw nuχ wantas pa ăł paknas: pŭpi pušaχ wŏn naŋk nŭw mŏritas ‘Он посмотрел вверх и даже испугался: медвежонок ломал ветку большой лиственницы’.

3. Страх при реальной ситуации далее членится на “страх при неожиданной вести”, которая характерна исключительно для глагола *păłtama-*:

Śi piraś iken jăŋχas, wewtama putartas, pa mir păłtamasat: mułti naklat wɛra pitłat ‘Этот старый дед ходил, говорил о конце света, и народ пугался: что-то будет’.

Если ситуация прогностическая, на первый план выходят глаголы страха с доминирующими семами “бояться неизвестности” и “определенное опасение”, например, такие, как *păłł’a-* ‘опасаться’-, *χŏriijł-* ‘остерегаться’:

– Muj śăta kŭmrijł? Mułti woj, mosaŋ. – Łŭw ješa păłł’ał ‘Что там за возня слышится? Зверь какой, может быть. – Побаивается он’.

Aj iki aśeł ewałt χŏriiłas pa χoŋsa tałtał ołaŋn χŭw putar ołaŋ ăn wŭjł’as ‘Мальчик отца остерегался и о том, что курит, долго не заводил разговор’.

Этимология глаголов страха хантыйского языка должна проясняться из реконструкции в финно-угорском (и даже – уральском) языке-основе, поскольку чувство страха – одно из самых “древних, сокровенных”. Ядерное слово рассматриваемой ЛСГ глаголов имеет рефлексы не только в современных уральских языках, но, предположительно, и в языках других семей, т.е. оно служит наглядным подтверждением ностратической гипотезы:

бояться: **pele-* > ф. *pelkää-*, эс. *pelja-*, с. *balla-*, э. м. *пеле-*, у. *пулы-*, к. *пол-*, к.-я. *пул-*, хант. *pəl-*, манс. *pil-*, венг. *fél-*, ненец. pel’ū // алт.: ср. эвенк. hēl-, и.-е.: ср. гот. usfilma ‘испуганный’, гр. Πελεπίζω ‘колеблю’ [3, с.405].

Итак, при определении значений глаголов со значением страха важны такие семантические факторы, как причина / источник страха: бояться (по какой причине), кто или что вызывает страх (человек или определенная ситуация), какая ситуация (реальная или прогностическая) и, далее, – конкретные разновидности (типы) реальных и прогностических ситуаций.

В целом по теме можно отметить, что в хантыйском языке выявляется мало однокорневых (семантически узкоспециализированных, однозначных) глаголов страха; в то же время достаточно много аналитических глаголов (типа *săm lăp măn-* ‘испугаться’), а однокорневые глаголы – многозначны.

Литература

Лендьел Л. “Переносное значение” или “образное употребление” слов? // Лексикология и лексикография / Под редакцией С.Г. Бархударова. М., 1972. С. 48–72.

Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974.

Русско-мансийский тематический словарь: Пособие для учащихся / К.В. Афанасьева. С-Пб., 2002. 151 с.

Русско-хантыйский тематический словарь: Пособие для учащихся / С.П. Кононова. С-Пб., 2002. 216 с.

Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. 1–13. Lieferung. Berlin, 1966–1991.

Нина Казаева
Саранск

ТИПЫ ТЮРКСКИХ ТОПОНИМОВ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

Мордовско-тюркские этнокультурные и этноязыковые контакты своими корнями уходят в глубокое прошлое. Археологические и языковые материалы свидетельствуют о том, что отношения мордовских племен с тюркоязычными племенами установились более 1500 лет тому назад. Носители тюркских и мордовских языков столетиями поддерживали между собой торгово-экономические, политические и культурные связи. Одновременно с активными процессами культурно-экономического воздействия происходило взаимодействие и между языками, нашедшее свое отражение в лексических и иных заимствованиях. Вполне естественно, что тюркизмы представлены и в топонимии Республики Мордовия, в которой географические названия тюркского происхождения составляют отдельный топонимический пласт.

В настоящее время в мордовской топонимии нет специальной работы, в которой была бы представлена классификация географических названий тюркского происхождения в мордовской топонимии. Имеется лишь несколько работ по этой теме. Отражение тюркских лексических элементов в топонимической системе Мордовии рассматривается в работах Д.В. Цыганкина (1986: 12–16; 1993: 47–55). Венгерский исследователь Ш. Матичак описывает тюркский слой ойконимов, встречающихся на территории Мордовии (Maticsák 1995: 89–92). Интересна статья Н.Ф. Мокшина «Этнонимические, антропонимические и топонимические источники о связях мордвы с тюркскими народами» (Мокшин 1993: 37–48), где автор обращает внимание на топонимы-тюркизмы, занимающие заметное место в ономастиконе Мордовии.

Целью данного сообщения является определение лексико-семантических и структурных типов тюркских топонимов, функционирующих на территории Республики Мордовия.

В качестве источников нами использованы: энциклопедический справочник «Все о Мордовии» (1997), «Словарь географических названий Республики Мордовия» (Цыганкин 2005), а также личные материалы автора.

Прежде чем приступить к рассмотрению типов тюркских топонимов на территории Мордовии представим районы, в которых проживает татарское население. В 15-ти из 22 районов Мордовии насчитывается 62 населенных пункта, в которых проживают татары: Атюрьевский район (8 населенных пунктов), Дубенский (1), Ельниковский (6), Зубово-Полянский (3), Инсарский (2), Кадошкинский (3), Ковылкинский (1), Кочкуровский (1), Краснослободский (2), Лямбирский (14), Ромодановский (2), Рузаевский (3), Темниковский (13), Теньгушевский (1), Торбеевский (2) (по энциклопедическому справочнику «Все о Мордовии»).

В топонимах рассматриваемого региона отразилось богатство и разнообразие лексики тюркского происхождения. Имеющийся в нашем расположении

топонимический материал позволяет выделить 4 типа тюркских географических названий.

1. Первый тип топонимов объединяет названия, в образовании которых принимали участие географические термины тюркского происхождения. В словаре Д.В. Цыганкина выявлены названия, в составе которых представлены следующие термины:

баярак/буярок (< тюрк. *баир, байир, байыр*) 'холм', 'бугор', 'возвышенность'. Данный тюркизм прочно закрепился в русской географической литературе, где встречаются: *буерак, байрак, байрачные леса, буерачник* и т. д. (Мурзаев 1980: 75). В русском языке и его диалектах, а также в мордовских языках, лексема служит для обозначения неглубокого оврага, ложбины. Ее употребление в топонимах рассматриваемой территории крайне малочисленно. В одном случае она зарегистрирована в качестве простого названия, в другом – в роли атрибута: *Баярак* – овраг (Ат Ат), *Буярок латко* – овраг с водой (Кчк Кчк);

була/булак/булык (< тюрк. *булак, булаг, болак*) 'источник, родник, ручей'. Он встречается в бурятском, монгольском и таджикском языках и обладает большой топонимической активностью (Мурзаев 1980: 76). В мордовской топонимии термин представлен в нескольких названиях: *Була* – родник (Прк Дбн), *Булык* – озеро на левом берегу р. Сура (Прм ББр), *Булак велькс* – поле (Мкш Чмз); *Малый Булык* – озеро на левом берегу р. Сура (Прм ББр);

дёба/тёба (< др.-тюрк. *töpü*) 'темя', 'макушка', 'голова', 'вершина' (Мурзаев 1984: 549); 'кочка', 'бугорок', 'возвышение', 'вершина чего-либо'. Э.И. Мурзаев отмечает, что данный географический термин в ее разных вариантах (*депе, добо, топпа, тепа, тобе, тюбе, tänä*) выступает в географических названиях Кавказа, Поволжья, Приуралья, Казахстана, Средней Азии, Сибири, Ближнего Востока (Мурзаев 1984: 549). Апеллятив принимает достаточно активное участие в образовании мокшанских топонимов, где выступает с показателями определенности, множественного числа или лично-притяжательными суффиксами. В названиях встречается преимущественно в роли детерминанта: *Большевиконь тёбась* – холм (СтСн Крс), *Боранть дёбац* – холм (МрКз Атр), *Вярень тёба* – курган (СтСн Крс), *Кафта дёбатне* – возвышенность (Срг СШ), *Лодома тёба* – гора (СтСн Крс);

касы (< чув. *каса*) 'поселение', 'небольшая деревня', 'часть деревни' (Цыганкин: 1986: 13). Термин широко распространен в названиях населенных пунктов Чувашии (Нестеров 1976: 278). В мордовской топонимии зафиксирован в 2 ойконимах: *Сабур-Мачкасы* (Чмз) и *Курмачкасы* (Рмд);

курган (< тюрк. *курган*) 'крепость', 'укрепление'. Из тюркских языков слово проникло в индоевропейские, в том числе и в русский, где приобрел несколько новых значений, таких как 'могильная насыпь', 'могильный холм или бугор', 'всякий небольшой холм', 'сопка', 'вершина' (Мурзаев 1980: 79–80). Термин представлен в нескольких названиях: ойк. *Курган* (Рмд), *Курган* – озеро (Влг Квл), *Курганлей* – овраг с водой (Крл Рмд);

майдан (< тюрк. *майдан*) 'ровное, свободное место' (ЭСРЯ II, 1967: 559). Тюркская по происхождению лексема, вошедшая в русский, а позднее в мордовские языки, нашла отражение в 12 ойконимах, встречающихся на карте Мордовии: с. *Казенный Майдан* (Кдш), с. *Кириклеевский Майдан* (Инс), с. *Лемдянский Майдан* (СШ), с. *Лухменский Майдан* (Инс), с. *Луньга-Майдан* (карт.

Луньгинский Майдан Ард), пос. *Майдан* (Кчк), д. *Сакаевский Майдан* (Тнг), с. *Унуевский Майдан* (Квл), с. *Челмодеевский Майдан* (Инс), с. *Шейн-Майдан* (Ат), с. *Янгужинский Майдан* (Квл) и др. Только один из перечисленных – пос. *Майдан* (эрз. Буда Кчк) – эрзянское поселение. Данные названия являются основой для образования составных топонимов: *Майдан вирь* – лес возле пос. Майдан (МрДв Кчк), *Майдан лотка* – овраг (МрПв Инс), *Майданонь эрьхке* – озеро (СтСн Крс), *Майдянонь просек* – просека в лесу у с. Сиялеевский Майдан (СтПш Квл), *Майдянскай тилянка* – лесной участок (делянка) (СтПш Квл). Появление многочисленных поселений с названиями *Майдан* на всей территории России, как известно, связано с поташным промыслом, который также был развит на территории мордовского края;

сай (< тюрк.-монг. *сай*) 'сухое русло', 'овраг', 'ручей в овраге' (Мурзаев 1984: 491). Варианты термина (*сай, сайр, чай*) встречаются во многих тюркских языках, в том числе за пределами тюрко-монгольских языков (Мурзаев 1980: 81). В топонимии Республики Мордовии он представлен в названии населенного пункта *Сайгуши* (Чмз) < *сай* + *-гуши (< кужо)* 'поляна';

сала (< тюрк.-монг. *сала*) 'приток реки', 'развилина' (Мурзаев 1984: 493). Д.В. Цыганкин (2005: 311) выделяет этот термин в гидрониме и одноименном ойкониме *Салазгорь* (Трб), а также в названии речки *Салка* (Рмд);

тав/тау (< тюрк. *тау*) 'гора' (Мурзаев 1984: 546). В структуре топонимов исследуемого региона представлен в гидрониме *Тавла* и ойконимах *Вирь Тавла/Таула/Талва* (карт. Подлесная Тавла Кчк), *Пакся Тавла/Таула/Талва* (карт. Напольная Тавла Окт) и *Татарская Тавла* (Лмб), где *тавла* < тюрк. *тав/тау* «гора» + тюрк. суф. *-ла/-лы*, образующий топонимы со значением места, характеризующегося наличием или концентрацией предметов, обозначаемых именами существительными (Донидзе 1980: 93). Термин также выявлен в составе топонима *Батыртау* – гора (НжПшл Атр);

таш/даж/дош (< тюрк. *таш*) 'камень', 'скала', 'возвышенность', 'гора' (Мурзаев 1984: 547). Лексема *таш* обнаруживается в названии речки *Ташага* (эрзянское произношение – *Дожга*) – правый прит. р. Чермелей (ББр). Д.В. Цыганкин в названии речки *Тасть* (Тнг) также усматривает тюркский термин *таш/тас* (Цыганкин 2005: 355);

умыс/умыз (< тюрк. *умэс*) 'небольшая теснина; речка с крутыми берегами' (Цыганкин 2005: 377). На карте Мордовии находим речку *Умыс/Умыз* и населенный пункт *Татарский Умыс* (некарт. *Тат-Умыс* Кчк). Остальные названия, в основе которых представлен данный термин, являются производными от этих топонимов: *Умыз нерень ки* – дорога возле речного мыса (МрДв Кчк), *Умызпря пандо* – холм в верховьях речки умыс (Смл Кчк) и др.;

чук (< чув. *чук*) 'ложбина', 'овраг', 'яма', 'ручей' (Цыганкин 2005: 401). Названия речки *Чукалы* (Тмн) и населенных пунктов *Чукалы* (эрз. Чукало Ард, БИг, Крс), *Чукалы-на-Вежне* (Ат) и *Чукалы-на-Нуе* (Ат) Д.В. Цыганкин (2005: 401) связывает именно с этой лексемой. Также он представляет мнения других исследователей о восхождении этих топонимов к мордовскому дохристианскому имени Чукай или к гидрониму Чукалей;

ялга (< тюрк. *елга*) 'небольшая река', 'ручей', 'река в овраге', 'приток реки'. Ср. тат. *елга* 'река', башк. *йалга*, кирг. *жылга* «русло», бурят. *жалга* 'овраг, лог, ров'

(Мурзаев 1984: 199). Термин тюркского происхождения явился основой гидронима и ойконима *Ялга* (Окт);

яр (< тат. *яр*) 'крутояр', 'круча', 'обрыв' (Цыганкин 2005: 422). В «Словаре народных географических терминов» Э.М. Мурзаева (1984: 650-651) отмечен как термин, который встречается во многих языках. Он не столь широко распространен в топонимах на территории Мордовии: *Красный Яр* – эрз. поселок (Ич), рус. поселок (БИг, Квл), рус. деревня (Тнг), *Калада яр* – поле, овраг (СтСм Квл), *Чёрной яр* – лес (Сбв Кчк), *Яр латка* – овраг (НвКр Атр), *Яр эши* – родник у крутого берега реки (Ммл Квл).

2. Второй тип тюркских топонимов можно представить названиями, в состав которых входят этнонимы, социальные термины и сословные титулы. Из имеющегося топонимического материала нами извлечены следующие: *буртасы*, *мурза*, *найман*, *тархан*, *татар*, *чваж*, *хаджи* и некоторые другие.

Данные лексемы представлены преимущественно в составе ойконимов и в отойконимических названиях: ойк. *Буртасы* (Тмн), *Буртас* – дорога (Чбр Дбн), часть улицы Набережная (Чбр Дбн), *Буртасы* – поле (Нкл Дбн); ойк. *Мурза* (карт. Кельвядни Ард), ойк. *Од Мурза* (карт. Новые Турдаки Кчк), ойк. *Ташто Мурза* (карт. Старые Турдаки Кчк), ойк. *Спас-Мурза* (карт. Спасские Мурзы Ард); ойк. *Эрзянь Найман*/*Ташто Найман* (карт. Старые Найманы ББр) и ойк. *Руз Найман* (карт. Русские Найманы ББр), *Найман вирь* – лес возле с. Русские Найманы (СтНм ББр), *Найман гора* – холм возле с. Старые Найманы (СтНм ББр), *Найман ки* – дорога в с. Старые Найманы (Ксг ББр) и др.; ойк. *Тарханы* (Тмн), ойк. *Тарханово* (Ич), ойк. *Тарханская Потьма* (м. Потманя ЗП); *Татар вäдьгев* – мельница (Дбн Дбн), *Татар велень кись* – дорога в татарское с. Усть-Рахмановка (НвТл Квл), *Татар вирь* – лесной участок (МрДв Кчк; НвЛп Квл; Плв Рз); ойк. *Хаджи* (Лмб), *Чваж* – улица (Прх Рз) и др. В эту группу также отнесем 13 названий населенных пунктов с определением *татарская/ татарский/татарское*: *Татарская Велязьма* (Атр), *Татарские Юнки* (Трб), *Татарский Умыс* (эрз. Татар Кчк) и др. По мнению Н.Ф. Мокшина (1993: 44, 45), названия населенных пунктов *Буртасы* и *Ташто Найман/Эрзянь Найман* могут произведены не от этнонима непосредственно, а от антропонимов, восходящих к аналогичному этнониму.

Отметим, что Д.В. Цыганкин название села *Тарханово* связывает с русским *тархан* «свободный от податей» (Цыганкин 2005: 355), а ойконим *Тарханы*, по его мнению, связан с промыслом жителей поселения (Цыганкин 2005: 355). Мы же считаем, что в основе всех трех названий лежит лексема *тархан*, указывающая на сословие или титул у тюркоязычных народов.

Микротопонимы *Ногаинька* – улица (Мрг Дбн), *Ногай лисьма* – родник (СтАр Ард), *Ногайская* – улица (Инс Инс), *Ногаю ляйне* – овраг с водой (Крс, Лсн Атр) образованы от антропонима *Ногай*, восходящего к этнониму *ногаец*. Ойконим *Башкирцево* (Тнг) возводится к антропониму (фамилии) *Башкирцев* (Цыганкин 2005: 39), которая произошла от этнонима *башкир*.

К этой группе мы также причислили урбоним *Темников* (Тмн), в основе которого лексема *темник* – военоначальник над туменами (тюменью, тьмой), т.е. десятью тысячами монголо-татар (Цыганкин 2005: 360).

3. Третий тип составляют немногочисленные топонимы, в которых обнаруживаются тюркизмы, характеризующие объект. Таких лексем не очень

много, они представлены в следующих названиях: гидр. *Аксёл*, *Большой Аксёл* (Тмн), ойк. *Аксёл* (Тмн), в составе которых, вероятно, представлены 2 лексемы тюркского происхождения: *ак* 'белый' и *сел* 'паводок' (Цыганкин 2005: 16), гидр. *Аморда/Амурда* < монг. *амыр* 'тихий, спокойный', в топонимии – 'тихое, спокойное течение реки' (Цыганкин 2005: 23), гидр. *Карнай* (Инс), ойк. *Карнай* (Кчк) < тюрк. *кара* 'черный', *Такыр ки* < тюрк. *такыр* 'гладкий, ровный' (ср. тат., башк. *такыр* 'истоптанный, протоптанный', чув. *такāр* 'ровный'; Исанбаев 1994: 142) + эрз. *ки* 'дорога' – дорога (Шгр ББр), гидр. *Чеберчинка*, ойк. *Чеберчино* (Дбн) < тат. *чибэр*, чув. *чипер* 'красный, пригожий, хороший' (Цыганкин 2005: 393). В составе гидронима *Ахляй* – ручей, правый приток речки Ирсеть (КрУр СШ), возможно, также скрыта лексема *ак* «белый» + *ляй* «река» (Цыганкин 2005: 30).

4. Четвертый тип тюркских топонимов является самым многочисленным. Он представлен, главным образом, ойконимами, в основе которых выступают имена и фамилии татарских князей, основателей или старшин населенных пунктов, а также имена и прозвища татар, несших службу на засечных чертах. Напр., *Адашево* (м. Адаж, Атяжав Кдш) < *Адаш* < тюрк. *адаш* 'тёзка' (Атаманов 1990: 26), *Алкаево* < *Алкай*: *ал* 'передний' + *-кей* – аффикс – первым родившийся в семье ребенок (Атаманов 1990: 26), *Кадышево* (Рмд) < тюрк. < араб. *хади* 'предводитель; указывающий правильный путь' + тюрк. *иш* 'чета, пара; ровня; товарищ, друг' (Атаманов 1990: 225), *Сабанчеево* (эрз. Сабанцеле Ат) < *Сабан* < тюрк. *сабан* 'плуг; пахота', тюрк. *сабанчы* 'пахарь; пашущий' (Атаманов 1990: 281–282), *Юматово* (Кдш) < тат. *ümmät* 'последователь, приверженец, сподвижник' (Баскаков 1992: 225) и т. д. Отметим, что ойконимов с тюркским именем в основе в мордовской топонимии насчитывается около 100. Реже тюркские антропонимы встречаются в составе других классов топонимов: *Бахтиярика* (< антр. *Бахтияр*) – лес в 3 км. от села (Крж БИг), *Авсад латко* – ручей, приток р. Семилейка (Ксг ББр) *Авсад сэдь* – мост через ручей Авсад (Ксг ББр) и т.д. Топонимы *Адаж* (карт. Адашево Кдш), *Улус* – улица, на которой жил татарин по имени Улус (МлАз Квл) – примеры эллиптированных названий в мордовской топонимии.

По структуре топонимы тюркского происхождения на территории Республики Мордовия могут быть подразделены на 2 типа: 1) простые и 2) сложные.

1. Простые топонимы представлены однокомпонентными названиями, не редко осложненные аффиксами тюркского или не тюркского (чаще русского) происхождения: *Баярак* – овраг (Ат Ат), гидр. *Тавла/Таула/Талва* (Кчк) < *тав/тау* 'гора' + аффикс *-ла* (< тюрк. *-лы/-ли*), обозначающий наличие или концентрацию множества предметов; ойк. *Сайгуши* < *сай* 'сухое русло, овраг' + *-гуши* (Чмз); гидр. *Салка* < *сала* 'приток реки', 'развилина' + *-ка* (Рмд); гидр., ойк. *Ялга* < тат. *елга* 'небольшая река', 'ручей' и др. В эту же группу отнесем отантропонимические ойконимы с суффиксом *-ово/-ево* и *-овка/-евка*: ойк. *Аксёново* (Лмб) < антр. *Аксен* + *-ово*, ойк. *Енгалычево* (Дбн) < антр. *Енгалыч* + *-ево*, ойк. Еникеевка (Рз) < антр. *Еникей* + *-евка* и др;

2. Сложные топонимы представляют собой названия, образованные путем сочетания: а) прилагательное + существительное: гидр., ойк. *Аксёл* (Тмн) < тюрк. *ак* 'белый' + *сел* 'паводок', б) антропоним + (антропоним) + существительное (географ. термин): *Мачкасы* (Чмз) < антр. *Мача*/*Мачка* + чув. *касы* 'поселение,

поселок', ойк. *Сабур-Мачкасы* (Чмз) < антр. *Сабур* + антр. *Мача*/*Мачка* + чув. *касы* 'поселение, поселок', 'околоток, улица на отшибе' и др.

Среди сложных названий немало гибридных топонимов, где лексема тюркского происхождения чаще выступает в атрибутивной части в микротопонимах (*Такыр ки* < тюрк. *такыр* 'гладкий, ровный' + эрз. *ки* 'дорога'), и в качестве детерминанта – в ойконимах и гидронимах (ойк. *Луньгинский Майдан*, ойк. *Спасские Мурзы* и др.).

Сокращения

Ард – Ардатовский район, Ат – Атяшевский район, Ат Ат – с. Атяшево Атяшевского района; Атр – Атюрьевский район, ББр – Большеберезниковский район, БИг – Большеигнатовский район, Влг Квл – с. Волгапино Ковылкинского района, Дбн – Дубенский район, Дбн Дбн – с. Дубенки Дубенского района, ЗП – Зубово-Полянский район, Инс – Инсарский район, Инс Инс – г. Инсар Инсарского района, Ич – Ичалковский район, Квл – Ковылкинский район, Кдш – Кадошкинский район, Крж БИг – с. Киржеманы Большеигнатовского района, Крл Рмд – с. Курилово Ромодановского района, Крс – Краснослободский район, Крс Атр – дер. Красновка Атюрьевского района, КрУр СШ – пос. Красная Уржа Старошайговского района; Ксг ББр – с. Косагоры Большеберезниковского района, Кчк – Кочкуровский район, Кчк Кчк – с. Кочкурово Кочкуровского района, Лмб – Лямбирский район, Лсн Атр – дер. Лесная Атюрьевского района, Мкш Чмз – с. Мокшалей Чамзинского района, МлАз Квл – с. Малый Азясь Ковылкинского района, Ммл Квл – с. Мамалаево Ковылкинского района, Мрг Дбн – с. Морга Дубенского района; МрДв Кчк – с. Мордовское Давыдово Кочкуровского района, МрКз Атр – с. Мордовская Козловка Атюрьевского района, МрПв Инс – с. Мордовская Паевка Инсарского района, НвКр Атр – с. Новая Кярьга Атюрьевского района, НвЛп Квл – дер. Новое Лепьево Ковылкинского района, НвТл Квл – с. Новая Толковка Ковылкинского района, НжПшл Атр – с. Нижний Пишляй Атюрьевского района, Нкл Дбн – с. Николаевка Дубенского района, Плв Рз – с. Палаевка Рузаевского района, Прк Дбн – с. Пуркаево Дубенского района, Прм ББр – с. Пермиси Большеберезниковского района, Прх Рз – с. Перхляй Рузаевского района, Рз – Рузаевский район, Рмд – Ромодановский район, Сбв Кчк – с. Сабаево Кочкуровского района, Смл Кчк – с. Семилей Кочкуровского района, Срг СШ – с. Сарга Старошайговского района, СтАр Ард – с. Старое Ардатово Ардатовского района, СтНм ББр – с. Старые Найманы Большеберезниковского района, СтПш Квл – с. Старое Пшенево Ковылкинского района, СтСм Квл – с. Старая Самаевка Ковылкинского района, СтСн Крс – с. Старое Синдрово Краснослободского района, СШ – Старошайговский район, Тмн – Темниковский район, Тнг – Теньгушевский район, Трб – Торбеевский район, Чбр Дбн – с. Чиберчино Дубенского района, Чмз – Чамзинский район, Шгр ББр – с. Шугурово Большеберезниковского района;

ЭСРЯ – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М., 1964–1971. – Т. I–III.

Литература

Атаманов М.Г. Словарь личных имен удмуртов. – Ижевск, 1990. – 396 с.

Все о Мордовии / Сост.: Е.М. Голубчик, В.Д. Еремкин, В.С. Ионова, А.С. Лузгин. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1997. – 720 с.

Донидзе Г.И. Об аффиксальном словообразовании в тюркской топонимии // Ономастика Востока. – М., 1980. – С. 89–96.

Исанбаев Н.И. Марийско-тюркские языковые контакты. Часть вторая (словарь татарских и башкирских заимствований). – Йошкар-Ола,1994. – 208 с.

Мокшин Н.Ф. Этнонимические, антропонимические и топонимические источники о связях мордвы с тюркскими народами // Язык и прошлое народа: Сб. науч. тр. Екатеринбург: УрГУ, 1993. – С. 37–48.

Мурзаев Э.М. Избранная тюркская географическая лексика // Ономастика Востока. – М.: Наука, 1980. – С. 72–88.

Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. – М., 1984. – 653 с.

Нестеров В.Н. Местные географические термины в топонимии Чувашии // Ономастика Поволжья. – Саранск, 1976.

Цыганкин Д.В. Лексико-семантическая характеристика отдельных пластов топонимической системы Мордовской АССР // Ономастика Поволжья. – Саранск, 1986. – С. 4–20.

Цыганкин Д.В. Память земли. – Саранск, 1993. – 160 с.

Цыганкин Д.В. Память, запечетленная в слове: Словарь географических названий Республики Мордовия. – Саранск, 2005. – 432 с.

Maticsák S. A Mordvin Köztársaság településneveinek rendszere. – Debrecen, 1995. – 207 p.

Ivett Kelemen
Debrecen

EXAMINATION OF NUMBER-PROBLEMS IN THE NORTH SAAMI (WITH SPECIAL REGARD TO PLURALIA TANTUM)

Introduction

In this paper I would like to demonstrate the differences between reality and its linguistical expressions, based on the examples from the North Saami. The plurale tantum is the typical example of the unusual plural form, so its thorough examination has to be done. So first of all, I would like to present this phenomenon itself, with the help of the definitions. Afterwards the general characteristics of pluralia tantum will be introduced. In the closing part of my presentation I would like to examine the semantical categories of pluralia tantum, and the motivations discorved behind these phenomena.

1. Contradiction between reality and its linguistical expressions

Number is a morfological categorie, which presents that does the denotatum refer to one or more things or creatures. In the North Saami – as in most languages – in absolut inflection two numbers *(lohku)* are distinguished: singular and plural. On the basis of terminological dictionaries the differencies of singular and plural meaning are clear:

Singular *(ovttaidlohku)*: is a subcategory of number which refers to single elements.

Plural *(máŋggaidlohku)* is a subcategory of number, which serves to indicate the presence of more than one element.

However, such linguistic phenomena can be found, which are inconsistent with the division of the traditional number categories of singular or plural. Further, I would like to demonstrate the differences between reality and its linguistical expressions, with some examples from the North Saami.

1.1. *Unusual singular form*

1.1.1. Singular form might be used either for the determining all of the people, nationalities, and species or a group consisting of people belonging to a certain type of nation:

E.g.: Go *sápmeláš lea* alla váriid alde, de *sus* lea oppa čielggas jierbmi. ’When the *Saami is* on the top of the hill, *his* mind is very clear.’ (Nickel 1990: 503)

1.1.2. After cardinal numbers and the word of *gallát* ’quite a lot’ the noun is in singular form:

E.g.: Máhtes leat guokte *beatnaga.* ’Matthew has two *dog* (not dogs)’; Doppe ledje gallát *olbmo.* ’There was quite a lot of *man*.’ (Nickel 1990: 504)

1.1.3. Singular can be used with the words *hand* and *leg* referring to clothing:

E.g.: Sus leat ođđa fáhcat *gieđas*. ’She/he has new gloves on her/his *hand* (not hands)’ (Nickel 1990: 504)

1.1.4. Singular expresses that there is big amount of something:

E.g.: *Hei surgat go doppe lei olmmoš (heasta, boazu, jokŋa, luomi).* 'There are quite a lot of people (horses, reindeer, cowberries, snow).' (Nielsen 1926: 307; Nickel 1990: 503)

1.2. *The meaning of plural and singular form is different*

1.2.1. In the case of mass nouns, which are made up of lots of tiny particles.

a) Foodstuffs

Singular is used when we talk about the mass in general:

E.g.: *Go soahti bisttii, de nogai vel jáffu* 'During the war, flour was off.' (Nickel 1990: 506)

Mass nouns are in plural when the question is the mass conretely, and is used in connection with cooking, shopping, etc.

E.g.: *Oastte munnje jáf(f)uid!* 'Buy flour!'; *Bija deadjabástte sálttii!.* 'Put in one teaspoon of salt!' (Nielsen 1926: 305; Nickel 1990: 506)

b) Cereals, fibres

Singular form expresses the plant in the process of growing while the plural refers to the harvested corn (it is valid for hair, wool, etc.)

E.g.: *suoidni* 'wheat' ~ *suoinnit* 'harvested wheat'; *muorra* 'tree' ~ *muorat* 'firewood'; *ullu* 'wool' (on the animal) ~ *ullut* 'wool' (sheared) (Nickel 1990: 504)

1.2.2. In the case of abstractions:

váibbas 'tired' ~ *váibasat* 'tiredness'

In sentences: *Nagir lea buoremus dálkkas.* 'Dream is the best medicine.'; *Mánás ledje nahkárat.* 'The child is sleeping. (The child has dreams.)'

1.3. *Unusual plural form*

1.3.1. Pluralia tantum

– Holidays, celebrations: *juowlâk* 'Christmas'; *bæssažâk* 'Eastern'

– Objects, which consist of two or more parts: *čálbmeláset* 'glasses'; *buvvsat* 'trousers'

– Place-names (mostly names of islands): *Dálmmát, Iččát, Muosát, Várggát, Vuovllát, Dawgak* 'the Great Bear' (constellation) (Nickel 1990: 504–505).

1.3.2. Parts of the body are in plural if the question at issue is illnesses or pains:

E.g.: Sus leat nu heajos *oaivvit.* 'She/he has a headache. (She/he has bad heads)'.

1.3.3. Plural is used to express length, a big amount, repeating things, boasting, shame:

E.g.: Čađat leat *bivvalat*. 'The weather is warm all the time.'; Das ledje ollu *borramušat.* 'There was a lot of food.'; Ale juga daid *čáziid*! 'Don't drink a lot of water!' (Nielsen 1926: 306; Nickel 1990: 507).

2. Pluralia tantum in general

Paradigm is an inflection-row, that is, a set of all the different forms of the word (involving suffixes). The paradigm is complete, standard, and active if it has an unambiguous form, which can be attached to the (basic) word (NyFK 200). Besides, nearly in most languages, we can find that some elements of lexikon are missing. That is, the theoretically possible forms aren't used in practis or they are unknown. Such a case is called a defective paradigm. On the basis of this noun number-paradigm there

are 3 groups: nouns with complete paradigm, plurale tantum and singulare tantum. The last two represent defective paradigms.

Plurale tantum belongs to the unusual number-use, because in this case the number-opposition doesn't work. While by the words *guolli* 'fish' ~ *guolit* 'fishes', *giehta* 'hand' ~ *gieđat* 'hands' is clear which form means just one thing and which means more, till the meaning of pluralia tantum doesn't give information about the number. For example: *heajat* 'wedding' ~ 'weddings'. In the case of plurale tantum the number-information comes from the context. For example: *Heajat* ***biste*** [Vx3Sg] *golbma beaivve*. 'The wedding lasted for three days' (Nielsen 1926: 302). *Heajat* ***bistet*** [Vx3Pl] *golbma beaivve*. 'The weddings lasted for three days.'

2.1. *The definition of pluralia tantum*

Plurale tantum (plurale 'plural', tantum 'only') can be found in several languages of the word. According to the international literary plurale tantum is a noun, which has only a plural. Rune Ingo, the Finnish author of a monography on this subject, distinguishes between *plurale tantum* and *pluralivii.* Pluralia tantum are words referring to individual and typical not having singular forms (Ingo 1978: 42) This definition is rather strict and it is not good for exact determination of some examples. As for Ingo in the case of *pluratiivi* the singular meaning is realized or can be realized in plural form. Within this category Ingo distinguishes two groups:

– Transparent plurativ (fi. *Transparentti pluratiivi*): using the plural form is unambiguous and it is easily explicable. E.g.: fi. *valjaat* 'harness'. It is known that the harness has a lot of part: bridle, rein, stirrup, etc.

– Opaque plurativ (fi. *Opaakki pluratiivi*): refers to words where the reason for using plural form is some kind of semantic and sometimes phonological change already unknown for the speaker. E.g. fi. *hää*t 'wedding'. In this case, the reason for using plural is ethnographic, that is originally Finnish wedding consisted of two parts: the first was in the bride's house, and the second in the groom's house (Ingo 1978: 41–43).

2.2. *Pluralia tantum in use*

It appaers obvious that the use of plurale tantum is clear and logical for everybody, in whose language this phenomenon is known. However, the essay *Idiomit ja leksikko* by Finnish Marja Nenonen contradicts it. She carries out an interesting experiment. 29 people, whose mother tongue was Finnish 162 words were shown on the screen of a computer. Their task was to press the buttons marked „singular" or „plural" after seeing the words. There were the following categories: normal nouns in singular, normal nouns in plural, collective nouns with singular root, collective nouns with plural root and plurale tantum.

As it was expected everybody could recognize normal nouns both in singular and in plural with a short reaction-time. However, they had problems with the pluralia tantum. Only half of the participants pressed the „plural" and the other half the „singular" buttons. Those, who pushed the „plural" had a shorter reaction-time, while the group pressing ""singular" was thinking longer. The conclusion is that when the „plural" was chosen, people being tested were concentrating only on the plural suffix, while the

others marking „singular" besides the suffix took the meaning into consideration as well.

2.3. *General characteristics of plurale tantum*

Examining Indo-European languages Ingo has given a brief summary of *pluratiivi*:

2.3.1. In each language, which has pluralia tantum, such words compose only an insignificant part of the lexikon.

2.3.2. They are rare words: from the 1000 most frequent words plurale tantum are in English 3 *(clothes, heavens, news)*; in French 4 (*gens* 'people', *vacanes* 'break', *parents* 'parents', *Pâques* 'Eastern'); in German 2 (*Leute* 'people', *Kosten* 'costes'); in Russian 2 (*люди* 'people', *часы* 'clock').

2.3.3. In most cases these words share similar semantic features, because their formation is not accidental: a typical logical-semantic relation can be found in these plural forms.

2.3.4. On the other hand, some differences can be found between the number-us in different languages. For example, in English the names of illnesses are pluralia tantum, but in French most of them have a singular form (Ingo 1978: 42).

3. Pluralia tantum in the North Saami

There are about 237 pluralia tantum in the North Saami, which are collected from Pekka Sammallahti's *Sám–-Suoma Sátnegirji* (Saami–Finnish Dictionary). These are examined from two points of view: during the grammatical examination I analysed the structure of pluralia tantum. The second is the semantical examination, that is I explored the semantical categories of pluralia tantum.

3.1. *Grammatical examination*

The following structural categories can be separated:

3.1.1. The real pluralia tantum, which only have plural forms, that is their singular paradigm is missing.

E.g.: *alimat* 'pelvis', *dávggut* 'trouble', *gárvenat* 'caraway', *vuoigŋamat* 'brain'

It is very interesting that in this category the singular form of the words may exsist, but it is so only in first half of compound nouns.

E.g.: *guolat* 'testicles' ~ *guolla-* 'testicle-' ~ *guollaskuohppu* 'scrotum'; *heajat* 'wedding (pl)' ~ *headja-* 'wedding- (sg)' ~ *headjamátki* 'honeymoon' (in saami 'wedding (sg) + travel')

3.1.2. Optional plurale tantum

In this case the speaker can choose between plural and singular form, because the meaning is the same.

E.g.: *brilla* 'glasses' ~ *brillat* 'glasses'

3.1.3. Words, which have a plural and a singular form too, but their meanings are different: *dolat* 'match' < *dolla* 'fire', *meassut* 'holiday' < *meassu* 'mass', *jor'rit* 'carriage' < *jor'ri* 'wheel'. In this case the plural form doesn't have information on the number, because it can be mean 'a lot of wheel', 'one vehicle' and 'a lot of vehicles'.

3.2. *Semantical examination*

There are 11 semantic categories of pluralia tantum in the North Saami. In the following I would like to present these categories and I try to explain the motivation of the plural form.

3.2.1. Group of people

In this group the reason of the plural using is that more people are together. There are two sub-groups:

– Relationship

E.g.: *áhčežat* 'father and son/daughter', *ētneža(ga)t* 'mother and son/daughter', *jūmešguovttos* 'twins', *láhčamaččat* 'spouce together', *oappážagat* 'sisters', *oarpmēležat* 'cousins', *risváhnemat* 'godparents' *vieljaža(ga)t* 'brothers'.

– Other relations

baházat 'enemies together', *dovdosaččat* 'acquaintances together', *headjaolbmot* 'wedding guests', *kránnjážat* 'neighbours', *olbmožat* 'good people'.

3.2.2. Holidays, celebrations

This is the so-called „prototype" group, because it exists in all languages, where pluralia tantum can be found. In this group the motivation is that these celebrations consist of more than one part.

E.g.: *bassimállásat* 'dinner', *heajat* 'wedding', *jugalmasat* 'revels', *kráv'vejaččat* 'funeral'; competitions: *čuigosat* 'ski race', *meašttirvuođagilvvohallamat* 'championship', *olympiagilvvut* 'Olympic Games'.

In the „holidays" group there are a lot of calendar and church holidays, which last for several days.

E.g.: *beas'sášbasit* 'Eastern', *juovllat* 'Christmas', *loahppášbasit* 'Epiphany', *mihkalmasbasit* 'St Michael's day'.

3.2.3. Parts of the body

Things consisting of more parts and parts of the body having pairs belong to this category. Among the latter, names of male and female genitals can be found.

E.g.: *bállut* 'testicles', *cin'nabaksamat* 'labia', *heahpadat* 'genitals', *manimat, monimat* 'kidney', *vuoigŋamat, vuoigŋašat, vuoiŋŋamaččat* 'brain'.

3.2.4. Clothes

The clothes, footwears, accessories belonging to this group either have many parts or the symmetry of body parts underlines the use of the plural.

E.g.: *buvssat* 'trousers', *gálbbenáhkit* 'gloves', *sistebuvssat* 'pants', *vuolosbiktasat* 'underwear'.

3.2.5. Plants

Mostly names of flowers can be found here. Typically the flower-stalks have either a lot of flours or they are bushy. There are some other plants, which have more stems, sprouts, crops or plant growing verries. The other reason for using the plural form is that these words are biological terms, like the dicotyledonous, gymnospermous, staminates, etc.

E.g.: *beahcešattut* 'fir', *beatnatjokŋašattut* 'cornel', *gáskálašattut* 'stinging-nettle', *jieritšattut* 'currant', *viōlašattut* 'violet'.

3.2.6. Animals

These words have a singular form too. Their plural form refers to the specie of animals as a biological term.

E.g.: *bohčinoamit* 'cow', *lađasjuolagat* 'arthropoda', *meađđemat* 'spawn', *oamit* 'herd'

3.2.7. Mass nouns, foodstaffs, goods

One subgroup is the group of names of cereals and fibrous plants. They have plural form as they are made up of lots of tiny particles. Spices and kinds of flour belong to this group.

E.g.: *deajat* 'tea', *kánelat* 'cinnamon', *káruvssat* 'pipe tobacco', *máissat* 'maize flour', *nisojáf'fut* 'wheat flour', *rogat* 'rye flour'.

3.2.8. Relics, remains

Like the mass nouns, the mixed and uncountable units give the reason for using plural.

E.g.: *botnit* 'coffee grounds', *bázahusat* 'remains', *láhppasat* 'dead reindeers', *rievddahat* 'rubbish', *sahájáf'fut* 'sawdust'.

3.2.9. Tools, consumer goods

The most primitive tools used to have two or more parts. They used to be more suitable for doing the work. Today's modern tools get plural forms analogically. Tools for shooting make up a subgroup. Similarly harness tools and means of transport form another sub group too. In a wider sense types of spectacles/glasses, household fittings and furniture come into this category. Similary to „part of the body group" in this case the motivation of plural form is that these tools consist of two symmetrical parts, or of more parts. There are a lot of pincers like *lihdoaŋggat* 'pincers', *skierat* 'scissors'; shooting tools: *čeavráruovddit* 'trap for catching otter', *njoammelruovddit* 'trap for catching hares'; vehicles: *čuoigganat* 'skis', *jikkat* 'carriage', *sykkelat* 'bicycle'.

3.2.10. Natural phenomena

Lightning is easily explainable as during a storm it is repeated several times or Väinämöinen's belt which is a constellation made of stars.

E.g.: *beatnatbeaivvit* 'heatwave', *bieggagaccat* 'cirrus cloud', *Gállábártnit* 'Väinämöinen's belt', *gállagasdolat* 'lightning', *guovssahasat* 'polar lights'.

3.2.11. Others

E.g.: *láhkamearrádusat* 'laws', *ávttat* 'labour', *gávvasat* 'yawn', *skihpáračča t* 'friendship'.

References

Ingo, Rune 1978: Suomen kielen pluratiivit eli monikkosanat. Numeeris-semanttinen tutkimus. I.

Väenkokouksia ja teknisiä laitteita tarkoittavat sanat. Åbo Akademi, Turku.

Ingo, Rune 1997: Suomen kielen pluratiivit eli monikkosanat. Numeeris-semanttinen tutkimus II.

Ruumiinosia ja vaatteita tarkoittavat sanat. Vaasan yliopisto. Humanistinen tiedekunta.

Käännösteorian ja ammattikielten tutkijaryhmä, Vaasa.

Nenonen, Marja 2002: Idiomit ja leksikko. Suomen kielen lausekeidiomien syntaktisia, semanttisia ja morfologisia piirteitä. Joensuun yliopisto (Ph.D. thesis)

Nickel, Klaus Peter 1990: Samisk grammatikk. Universitetsforlaget, Oslo.

Nielsen, Konrad 1926: Lærebok i Lappisk I. Grammatikk. I. Kommisjon: A. W. Brøggers Boktrykkeries Forlag. Oslo.

Tolcsvai, Nagy Gábor (ed.) 2000: Nyelvi fogalmak kisszótára. Korona Kiadó, Budapest.

Sammallahti, Pekka 1989: Sámi–suoma sátnegirji. Saamelais-suomalainen sanakirja. Jorgaleaddji Oy, Ohcejohka.
Sammallahti, Pekka 2007: Gielladutkama terminologiija. Davvi Girji, Kárášjohka.

Валентин Кельмаков
Ижевск

РАМОЧНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ СИНОНИМИЧНЫХ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ (В КОНТЕКСТЕ ЯЗЫКОВ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ)

1. В современном удмуртском языке – как в разговорной речи, так и в художественных и публицистических текстах – довольно часты случаи плеонастического употребления синонимичных служебных слов; причем в одних случаях (изредка) они контактно последуют, а в других случаях (чаще всего) располагаются дистантно.

1.1. Среди редких случаев контактного употребления равнозначных служебных слов в моих материалах отмечены два вида:

1) редкие сочетания с жесткой последовательностью *ке но коть* ’хоть, хотя бы’ (← *ке но* ’хоть, хотя бы’ + *коть* ’хоть, хотя бы’), следующие за знаменательным(-и) словом(-ами): *Тани та фотозэ сётїз но шуиз: «Улэп дыръям тонэн улыны öз кылды бере, тачеен* ***ке но коть*** *синпель мед кылё»* (Ром., 13). ’Вот это фотокарточку отдал он и сказал: «Коли при жизни не удалось быть вместе с тобой, **хоть** в таком виде пусть останусь в твоей памяти»’. – *Ленуш, мумыды кышноослы шуоз вал: пал киыным* ***ке но коть*** *нуныосме будэтїсько, калыклы юечен верамон* (Вер., 51). ’Леночка, ваша мать говаривала женщинам: **хоть** и на одной руке выращиваю своих деточек, они достойны упоминания перед людьми добрым словом’. Предложения с иной последовательностью (*коть ке но*) не зафиксированы;

2) сочетания с варьирующейся последовательностью удмуртских частиц *тани* ’вот (этот)’ и *тїни* ’вот (тот), вон’, с одной стороны, и русского заимствования *вот*, – с другой: *тани вот ~ вот тани* и *тїни вот ~ вот тїни* (сами сочетания, как правило, располагаются в начале предложения или синтагмы), ср.: – ***Тани вот***, *Педор кымес вылаз кирос понїз* <...> (Дяд., 102). ’– Вот, Педор осенил свой лоб крестным знамением’. ***Вот тани*** *фронтын*. *Туж секыт дыръёсы но йырмес ошыса öм улэ* (Арх. Лшд, 104). Вот на фронте. Даже в самые трудные времена мы не вешали головы. – ***Тїни вот***, ***тїни вот***, *оломае но тодод визьмо калыклэсь* (Кед., 157). ’– **Вот**, **вот**, чего только не узнаешь у умных людей’. *«... Бен малы со мурт гурезь йылын сылэ?* ***Вот тїни*** *кинъёс... Соос кужмысь татчы тубытїзы». Солдатъёс шоры со* [*Онтон*] *учкиз пыктэм синъёсыныз* (Арх. Оп., 237). ’«... Почему же тот человек на макушке горы стоит? **Вон**, оказывается кто... Они насильно подняли его сюда». На солдат он [Онтон] посмотрел опухшими глазами’. В принципе возможно и дистантное употребление последних (типа: ***вот*** *соос* ***тани (тїни)*** ’вот они’), но предложения с таким расположением частиц мною пока не обнаружены.

1.2. При этом каждая из частиц – и удмуртские *ке но*, *тани*, *тїни* и русские заимствования *коть*, *вот* – способны на самостоятельное употребление в удмуртском тексте различного содержания, или даже могут встречаться параллельно в одном и том же предложении в качестве синонимов, напр.:

(*ке но ~ коть*) *Котьма ке но, Леонтий Макаровичлэн сюлмаз пичильтык* ***ке но*** *сьӧд виштыпуксиз, дыр* (Пер., 108). ’Тем не менее на сердце Леонтия Макаровича хоть и малюсенькое да черное пятно, наверно, появилось’. *Милям тани Олёшкаез дышетоно,* ***коть*** *со адямие мед потоз...* (Кр. Тк., 9). ’У нас вот Олешку надо бы выучить, хоть бы он стал человеком...’;

(*тани, тӥни ~ вот*) ***Тани*** *Коля сяська вылысь майсыез синйылтӥз, сое матысенгес адюемез потӥз* (Туг., 30). ’Вот Коля заметил на цветке шмеля, ему захотелось увидеть его вблизи’. ***Тӥни*** *со нуналысен со* [*Чагаев*] *монэ синазькыль карыны кутскиз, мар гинэ ӧз гожъя ни мон вылэ!* (Петр. Во., 251). ’Вот с того дня он [Чагаев] возненавидел меня, чего только не строчил на меня’. – ***Вот*** *кыче пумиськон? Уд но малпа!* (Кр. Тк., 116). ’– Вот какая встреча? И не подумаешь!’ – ***Вот*** *тазэ мон уг быгатӥськы, – шуэм кышноез, –* ***вот тани*** *бӧрдонэд. Табере ачид тыршод ини* (Укс., 19). ’– **Вот** этого я не могу, – сказала жена, – **вот** [оно] твое горе. Теперь уже придется самому потрудиться’.

2. Более разнообразны и высокочастотны дистантно употребляемые сочетания равнозначных служебных слов.

2.1. При этом одни из них – как правило, частицы (напр.: *коть (хотя) ... ке но* ’хоть’, *одйг ... гинэ, только ... гинэ, эсьма ... гинэ* ’только, лишь, лишь только’ и др.) – обхватывают с двух сторон одно (независимо от их семантики) знаменательное слово или сочетание нескольких, выступающих в качестве одного из членов предложения либо их сочетания, напр.: *Залысь калык но, подсудимойёс но султӥзы,* ***одйг*** *Акмар* (подлежащее) ***гинэ*** *пуке* (Петр. ВМ., 354). ’И народ в зале, и подсудимые встали, **лишь один** Акмар остался сидеть’. ***Только*** *тон* (подлежащее) ***гинэ****, дневнике, вань мынам* (Вал., 314). ’**Только** ты, мой дневник, есть у меня’. ***Коть*** *уг кельшо* (сказуемое) ***ке но*** *мыным асьсэос Волковъёс, нош сапег бордын соослэн нимзы гожтэмын ӧвӧл ук!* (Кр. Тк., 129). ’**Хоть** и не нравятся мне сами Волковы, но сапоги их именами не подписаны’. – *Давай* ***коть*** *трактористэ* (дополнение) ***ке но*** *дышетскы* (Кр. Вю., 22). ’– Давай **хоть** на тракториста выучись’. *Дубов котькулы вунэтэмын луоз.* ***Коть*** *одйг пол* (обстоятельство) ***ке но*** *вераськы на вал...* (Кон., 126). ’Дубов навсегда будет забыт. **Хоть** раз бы еще поговорить...’ ***Коть*** *одйг* (определение) *нунал* (обстоятельство) ***ке но*** *улэ на вал* (Гавр. П., 202). ’**Хоть** один день пожили бы вы еще’.

2.2. Равнозначными предлогом *ог* и послелогами *мында, пала, ёрос, эсэп, котыр* (*ог ... мында, ог ... пала, ог ... ёрос, ог ... эсэп, ог ... котыр*) ’около, приблизительно, примерно’ обрамляется ограниченный в семантическом отношении круг слов: имена числительные, существительные-нумералии и их сочетания, напр.: – *Трос-а калык эутскиз?* – ***Ог*** *сюрс* (числительное) ***ёрос****, ваше высокопревосходительство* (Петр. ВМ., 100). ’Много ли народу взбунтовалось? – **Около** тысячи [человек], ваше высокопревосходительство’. *Катя* ***ог*** *час* (существительное-нумералия) ***ёрос*** *пукиз на* (Гавр. Вп., 18). ’Катя посидела еще **примерно** час’. ***Ог*** *толэзь* (существительное-нумералия) ***эсэп*** *ортчыса, со* [*чиновник*] *Чебершуре потыны ваньмытскиз* (КМ., 49). ’Спустя **примерно** месяц, он [чиновник] удосужился выехать в Чебершур’. *Тӧдьыос* ***ог*** *куинь час* (числительное + существительное-нумералия) ***котыр*** *пушкаен дугдылытэк туж зол ыбылӥзы* (Мир., 10). ’Белые **около** трех часов беспрестанно [и] сильно стреляли из пушек’.

2.3. В отличие от предыдущих служебных слов, функционально равнозначными союзами (напр.: *если ... ке*, *ежели ... ке* ’если, ежели’, *коли ... бере*, *раз ... бере* ’коли, раз’, *коть ... ке но* ’хотя’, *пока ... дыръя* ’пока’ и др.) обрамляются, как правило, придаточные предложения (условные, уступительные, временные и др.): *Татын бен мардэ утёд, **коли** вань улэмед – пöсьтэм кут но чигем ныдо пурт **бере*** (Гавр. П., 72). ’Что же здесь будешь защищать, **коли** все твое добро – это отопки да нож со сломанной ручкой’. ***Раз** мынам беретэ отчы кылемын **бере**, тӥ мыным öй оскысалды*... (Сам., 297). ’**Раз** мой берет там остался, вы бы мне не поверили...’ *Ваньзэ мечак верало, **коть** со мынэсьтым бадзым **ке но**: малы со пересь мемиезлы нокыче юрттэт уг сёты?* (Вал., 317). ’Все выскажу напрямик, **хоть** он и старше меня: почему он не оказывает никакой помощи своей старой матери?’ ***Пока** йырыд быглес на **дыръя** тöлзытскы* (Бл., 124). ’**Пока** голова твоя цела (букв. кругла), исчезни’.

3. Как можно заметить по вышеприведенным примерам, обрамлять с обеих сторон знаменательные слова, их сочетания или придаточные предложения способны попарно употребляемые (1) частицы, (2) союзы, а также (3) предлог с послелогом при наличии двух условий:

1) если они синонимичны в той степени, что могут контекстуально взаимозаменяться, напр.:

частицы со значением ’хоть, хотя’ – *ке но* (*Эшшо кидэ вуттӥд на ке, пияшлэн одӥг **ке но** йырсиез усиз на ке, аслыд ачид öпкелялод* (Вал., 245). ’Если еще тронешь пальцем, если у парня **хоть** один волосок выпадет, сам себя пожалеешь’ ~ *коть* (*Демилэсь **коть** одӥг кыл верамзэ возьмаса, Люба сюрыись дӥськутъёс пöлын чик юнме утчаськыны кутскиз* (Бл., 103). ’Ожидая **хоть** одного слова от Деми, Люба абсолютно бесцельно начала рыться среди одежды на перекладине’) → *коть ... ке но* (***Коть** одӥг **ке но** солдат луысал ке татын, соку ик урядник Игнатэз сöсыртымон тышкасал* (Петр. ВМ., 53). ’Был бы здесь **хоть** один солдат, урядник тотчас же избил бы Игната до инвалидности’);

предлог и послелог со значением ’приблизительно, около’ – (предлог) *ог* (*Улыны ик Мултанэ кӧчом. Отын ӟучъёс **ог** дасо корка ни, нош соку обществоын кужым асьме киын луоз* (Петр. ВМ., 110). ’И на проживание переведемся в Мултан. Там русских **около** десяти домов уже, а тогда сила в общине будет в наших руках’) ~ (послелог) *мында* (*Нянь шорем вылысь но аръян тэркы вылысь кутъёс, жу-у-у карыса, сьӧд пилем кадь лобӟо, дасо **мындаез** гинэ аръян пöлы усьыса кыле* (Аш., 113). ’С нарезанных кусков хлебы и с тарелки с пахтой с жужжанием слетают, как темная туча, мухи, лишь **около** десятка из них падает и остается в пахте’ → *ог ... мында* (*Стадионын уж трос. **Ог** дасо **мында** йыр быдӟаесь тупъёслы нокытын улон инты öвöл: соос пöртэм урдэс йылазы дугдылытэк тэтчало* (Кон., 29). ’На стадионе работы много. **Примерно** десяти мячам величиной с голову нет никакого покоя: они бесперебойно прыгают на разных своих боках’);

союз с семантикой ’хоть, хотя бы’ в структурно сходных предложениях – *ке но* (*Асьме дорын йыртэмасьёслэн уксӧ суреданы толыксы сокем öвöл **ке но**, соосты вӧлмытыны йырзы зол ужа* (Уд. 20.03.2007, 4). ’**Хоть** у наших преступников и нет особого толку нарисовать [фальшивые] деньги, [однако] голова отлично соображает, как их распространять’) ~ *коть* ’хоть, хотя бы’ (***Коть** али кысык Ужъёссы öвöл, Нош гуртысь калык Мултэссэ уг кӧл* (Леон., 236). ’**Хоть** и

нет сейчас Страдных дел, А сельский люд Лишнего не спит') → *коть ... ке но* (*Атаезлэн со гын сапегез, синпельлы возё, Гришалы сяна уг сёто сое, нокудзы но пыдазы уг поно,* ***коть*** *Катялэн, Огырлэн, Жакылэн пыдазы кутчаны сапегзы* ***ке но*** *ӧвӧл* (Кед., 181). 'Это отцовы валенки, хранят как память, никому, кроме как Грише, не дают, никто на ноги не надевает, **хоть** у Кати, Огыр, Жакы и нет валенок на ногах');

2) из каждой пары служебных слов, обрамляющих знаменательные слова или их сочетания либо придаточные предложения, один компонент имеет постпозитивное употребление, другой – препозитивное, что мы и наблюдаем в текстах. Для агглютинативного удмуртского языка с относительно архаичным синтаксисом характерно преимущественно постпозитивное употребление служебных слов, препозитивную же пару к ним составляют, как правило, заимствования из флективных языков – русского, персидского (через татарское посредство), ср.: *коть* (< рус.) ... *ке но* 'хоть, хотя', *только* (< рус.) ... *гинэ* (< тат.) 'только, лишь', *если* (< рус.) ... *ке* 'если', *агар* (< тат. < перс. [Munkácsi 1884: 145; 1896: 3]) ... *ке* 'если', *тэк* (< тат. (? < перс.)) ... *гинэ* (< тат.) 'только, лишь' и др. Удмуртские элементы могут в паре занимать препозицию лишь в качестве исключения, это – частица *одйг* (< числ. *одйг* 'один') 'только, лишь' и предлог *ог* (< числ. *ог* < *одйг* 'один') 'около, приблизительно, примерно'.

4. Научные грамматики современных восточно-финских (коми, марийского, мордовских) языков Урало-Поволжъя (СКЯ 1955: 270–288; СКЯ 1967: 205–237; СМЯ 1961: 294–307; ГМЯ 1962: 345–361; ГМЯ 1980: 391–418) не отмечают рамочного употребления служебных слов (частиц и союзов), что может быть обусловлено или отсутствием их в описываемых языках, или – что вполне вероятно – неполнотой описания исследуемых объектов в этих грамматиках.

4.1. Пример второго случая представляют собой грамматики удмуртского языка, которые также дают весьма скудные сведения об искомых явлениях, хотя в реальном языке они достаточно распространены. Все же в них нашли упоминания три типа рамочных конструкций, причем два из них – в морфологической части:

1) сочетание частий *одйг ... гинэ* 'лишь, только': *Гуртын чал-чал луиз.* ***Одйг*** *тылъёс* ***гинэ*** *кыдёке пиштo*. 'В деревне наступила полнейшая тишина. Только лишь огни далеко сверкают' (ГСУЯ 1962: 339–340) (источник примера не указан);

2) сочетание предлога и послелога *ог ... мында* (*ёрос*): "В данном случае понятие «около, примерно, приблизительно» выражается дважды: препозитивно словом *ог* и постпозитивно послелогами *мында*, *ёрос* – и приводит следующие примеры: ***ог*** *сизьымдон* ***мында*** 'около семидесяти', ***ог*** *витьтоно* ***ёрос*** 'около пятидесяти', ***ог*** *кызё* ***мында*** 'около двадцати'; *Сэрегын ик жӧк вылын* ***ог*** *дасо* ***(мында, ёрос)*** *книгаос кыллё*. 'И в углу же на столе лежат около десяти книг' (ГСУЯ 1962: 158);

3) на третий тип обратил внимание "Синтаксис сложного предложения" – сочетание союзов *ежели... ке, раз ... бере, коть ... ке но* и др., ср.: *Нош* ***ежели*** *тон кӧлыкуд но аслэсьтыд ошъёстэ* ***ке*** *ад ӟиськод, соку тыныд партие пырыны уг лу* 'А уж ежели ты спишь и во сне бывших своих быков видишь, – тогда в партию тебе нельзя'. *Вот тӥляд главной врачты сое уггес вала,* ***хотя*** *ачиз та ужын пересьмемын* ***ке но*** *ини.* 'Вот ваш главный

врач этого недопонимает, хоть сам и состарился на этой работе’ (ГСУЯ 1974: 90, 98).

4.2. Проследить в длительной ретроспективе использование рамочно употребляемых служебных слов в текстах на удмуртском языке не представляется возможным, поскольку удмуртские печатные тексты появились слишком поздно (первые книги опубликованы лишь в 1847 г.); к тому же и известные по каталогу более 400 ранних письменных памятников (Каракулов 2006: 118–200) пока раскиданы по различным архивам и хранилищам и, следовательно, совершенно недоступны. На основе весьма скудно исследованного текстового материала можно предварительно установить следующую последовательность фиксации их в письменной литературе.

4.2.1. Рамочная конструкция с *одïг ... гинэ* зафиксирована уже в первой печатной книге 1847 г. на сарапульском наречии удмуртского языка (в параллельном тексте на глазовском наречии она отсутствует), ср.: сар. *Дзець мылӏ кыдӏ луӥськóды-кэ* ***одыӏгъ*** *урóмъіосъ-тэ-лыӏ* ***гинѐ****: маръ мултэ̀съ карыськóдыӏ? ятъ-муртъіосъ-но соѐ-икъ угà кáро?* (Еванг. Сар. 1847, 30–31). ~ глаз. *Дзець мылӏ кыдӏ луӥськóды-кэ* ***одыгъ*** *урóмъіосъ-тэ-лыӏ тиля̀дъ: маръ мултэ̀съ карыськóды? ятъ-муртъіосъ бенъ соэ̀-икъ угà кáро?* ’И естьли оказываете пріязнь **только** друзьямъ вашимъ: что особеннаго дѣлаете? и язычники не тоже ли дѣлаютъ?’ (Еванг. Гл. 1847, 30–31).

4.2.2. Относительно рано попали в печатные источники сочетания с рамочными союзом *агар* (*~ агяр*) *... ке* ’если’ и частицей *тэк ... гынэ* (< тат.) ’только, лишь’. По крайней мере они наличествуют в переводных изданиях 80-х гг. XIX в., в частности в “Евангеліи от Маттея” (Еванг. 1877) на казанском диалекте, “Священной Исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта. На Вотяцкомъ языкѣ” на том же самом диалекте; для сравнения приводятся идентичные отрывки или предложения из перевода Евангелия от Матфея 1912 г. (русский их оригинал дается по современному изданию Библии), напр.:

агар (**~ агяр**) **... ке** ’если’:

(1а) ***Агар*** *çиньмыд тонэ кызындырыса аздыриз****кэ*** *сое ас бордыçкыд ышкалтыса баçты но куштыˮ* <...> (Еванг. 1877, 47). ’<...>**если** глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя <...>’ (Библия 1988, 1035). *~ Синьмыд тонэ алдась-кытӥз-****ке****, тон сое бордысьтыд ычкалтыса куштыˮ* <...> (Еванг. 1912, 55).

(2а) ***Агар*** *коркалэн кузьойосыз сылымон луозы****кэ*** *ти вэрам тыныçлык сойослы луоз, корка куьзьойос сылонтэм луозы* ***кэ*** *тыныçлыкды тиледлы берен бертоз. Кин тиледыз кабыл уз****кэ*** *баçты, кылйостэс уз****кэ*** *кылзы, со коркаç на кариç потыкыды пыдиçкыды тузондэс сезъяса уçкытылэ* (Еванг. 1877, 25). ’<...> **если** дом будет достоин, то мир ваш придет на него; **если** же не будет достоин, то мир ваш к вам возвратится. А **если** кто не примет вас и не послушает слов ваших, то выходя из дома или из города того, отрясите прах от ног ваших’ (Библия 1988, 1023). *~ Со корка сылымон-****ке****, тӥляд ӟеч-бурды солы луоз; сылонтэм-****ке*** *луоз, ӟеч-бурды ачтэлы берычкоз. Кинь тӥледыз (кабыл) ӧз-****ке*** *басьты, кылдэс ӧз-****ке*** *кылзы, тӥ со коркась либо городысь потыкыды, пыдысьтыды тузондэс куркелэ* (Еванг. 1912, 27–28).

тэк ... гынэ ’только, лишь’:

(1б) <...> ***тэк*** *кылдэ* ***гынэ*** *вэра, льалчіе сіл луоз шӱэм* (Еванг. 1877, 19). ’<...> но скажи **только** слово, и выздоровеет слуга мой <...>’ (Библия 1988, 1019–1020). ~ <...> *кылдэ* ***гынэ*** *вера, ляльчіе бурмоз* (Еванг. 1912, 21).

(2б) <...> *татын милям* ***тэк*** *вить ньаньэн кык чорыг* ***гынэ*** *вань шӱильлям* (Еванг. 1877, 38). ’<...> у нас здесь **только** пять хлебов и две рыбы’ (Библия 1988, 1030). ~ <...> *милям татын вить нянен кык чорыкмы* ***гынэ*** *вань, шуыльлям* (Еванг. 1912, 44). И др.

Отдельные составляющие вышеприведенных рамообразующих пар имеют в данных изданиях и самостоятельное употребление, в особенности постпозитивные элементы удмуртского или татарского происхождения (см. *кэ* ’если’ во втором предложении из отрывка 2а) или *гынэ* ’только’: *Со ачыз мылкыдаз мон Солэн диçаз* ***гынэ*** *дьетыçкикэ но бурмо шӱса налпам вылэм* (Еванг. 1877, 23). ’<...> она говорила сама в себе: если **только** прикоснусь к одежде Его, выздоровею’ (Библия 1988, 1021–1022). Что же касается препозитивных компонентов *агар* и *тэк*, то на самостоятельное употребление первого из них в моем распоряжении нет материалов;[21] элемент же *тэк* вне рамки с *гинэ* выступает скорее в значении противительного союза, нежели частицы, ср.: ***Тэк*** *Адями пилэн музъем вылын çолыкйос быттыны кужымэз ваньзе мед тододы шӱса озьы вэрай шӱэм* (Еванг. 1877, 21–22). ’**Но** чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи <...>’ (Библия 1988, 1021). <...> *кышнойослиç вордыçкэмйос куспын чукындыриç Іоаннлы вуымон быдзым мурт луымтэ,* ***тэк*** *иньмиç эксейлыкиçйослэн чын покчіез солиç быдзым луоз* (Еванг. 1877, 28). ’<...> из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя; **но** меньший в Царстве Небесном больше его’ (Библия 1988, 1025).

Однако создается впечатление, что рамочно употребляемые *агар ... ке* и *тэк ... гынэ* удмуртских изданий на казанском диалекте конца XIX в. имели скорее книжное (следовательно, относительно позднее) происхождение: есть сведения, что вышеназванные книги были переведены непосредственно не с русского языка, а с татарского, и язык этих переводов действительно пестрит татаризмами, которые для живой удмуртской речи (даже для казанского его диалекта того времени) едва ли были характерны. Не случайно рассматриваемые сочетания не встречаются в более поздних (напр., 1912 г.) изданиях, хотя основу их языка составляет тот же самый казанский диалект (см. выше примеры 1а–2а и 1б–2б).

4.2.3. Высокочастотные в настоящее время рамочные сочетания типа «союз + союз» (*коть ... ке но, если ... ке, ежели ... ке, коли ... бере, пока ... дыръя, только ... гинэ* и др.) заимствованными из русского языка компонентами (*коть, если, ежели, коли, пока, только* и т. д.) и рамочные сочетание типа «предлог + послелог» (*ог ... мында* ’около, приблизительно, примерно’) попали в письменные источники еще более поздно.

5. Время возникновения в удмуртском языке рамочно употребляемых служебных слов пока не поддается определению. Полное отсутствие в родственных финно-угорских языках параллелей этим конструкциям не только в материальном, но и структурном отношении, с одной стороны, и массовое участие в

[21]Союз *агар* как самостоятельная лексическая единица отмечены словарями Ф.Й. Видеманна [Wiedemann 1880: 461], Б. Мункачи [Munkácsi 1896: 3], Ю. Вихманна [Wichmann 1987: 3].

рассматриваемых рамочных конструкциях поздних русских и татарских заимствованных элементов свидетельствует об очень позднем распространении их в удмуртском языке. Едва ли следует говорить всерьез и о том, что хронологически последовательное включение различных типов рамочных служебных слов в удмуртский письменный текст отражает временну́ю последовательность появления их в самой языковой системе.

Относительно ранними среди рамочных служебных слов следует признать все же типы с удмуртскими элементами или ранними заимствованиями (*одйг ... гинэ*, *ог ... мында*, *ог ... ёрос* и др.; возможно, *коть ... ке но*); рамочные служебные слова с поздними заимствованиями (*агар ... ке, тэк ... гинэ, если ... ке, ежели ... ке, пока ... дыръя* и др.), возникли, по всей вероятности, недавно.

6. При наличии определенного условия – синонимичности служебных слов, полярно (в пре- и постпозиции) размещающихся по отношению к уточняемому знаменательному слову или придаточному предложению – формирование рамочных служебных слов в удмуртском языке было обусловлено как внутренними, так и внешними причинами.

6.1. Основной внутренней причиной возникновения рассматриваемого явления следует все же признать извечное стремление языка к плеонастическому усилению того значения (той функции), что они добавляют к отдельному слову (***коть*** *ӧжыт* ***ке но*** ’**хоть** немножко’), словосочетанию (***ог*** *жӵыны иськем* ***ёрос*** ’**примерно** полукилометра’) или выражают в придаточном предложении (***пока*** *йырыд быглес на* ***дыръя*** (букв.) ’**пока** голова твоя еще цела **пока’**). Об этом же (в связи с союзом *коть ... ке но*) высказался автор данной работы еще в 70-е гг. XX в.: “Поскольку союз удмуртского происхождения имеет тенденцию располагаться в конце придаточного предложения, а заимствованный из русского языка союз *коть* (хотя) – в начале его, они могут употребляться в одном и том же придаточном предложении. Подобное плеонастическое сочетание синонимичных союзов способствует более четкой структурной организации придаточного предложения” (ГСУЯ 1974: 98).

6.2. В качестве одной из внешних причин в данном случае, возможно, следует усмотреть определенное влияние некоторых тюркских языков Урало-Поволжья (в частности татарского и башкирского), для которых рамочное сочетание исконных постпозитивных соединительных элементов с заимствованными препозитивными весьма характерно: 1) если не в грамматиках (ср., напр.: грамм. 1997: 355), то по крайней мере в словарях отмечатся рамочное употребление частиц *тик ... генж* (*гына*), ср.: ср.: тат. ***тик*** *берәү* ***генә*** *жәяитми* ’не хватает **лишь** одного’ (ТРС 1966: 537); башк. ***тик*** *кил* ***генә*** ’**только** приходи’, *миңә* ***тик*** *акса* ***гына*** *кәрәк* ’мне **попросту** нужны деньги’ (БРС 1996: 610); 2) о возможности обрамления условного придаточного предложения препозитивным (заимствованным) и постпозитивным средствами в башкирском языке Н.К. Дмитриев писал следующее: “Характерной особенностью их (условных придаточных предложений. – *В. К.*) является то, что сказуемое в них всегда выражается личной формой условного наклонения; эта личная форма одновременно указывает и на грамматическое лицо субъекта. Эта глагольная форма является более типичным признаком придаточного условного, чем факультативно встречающийся в начале придаточного союз *әгәр* и *әгәр Ҫж* «если»”, напр.: *вакытыня бул***һа***, һин миняә килерһеня* ’если у тебя будет время, ты придешь ко мне’ ~ ***әгәр***

буран тыммаha, мин юлга сыкмаясакмын ’если буран не утихнет, я не выеду в путь’ (Дмитриев 1948: 267–267). Аналогичное рамочное оформление некоторых видов придаточных отмечается и в татарском языке, ср.: (условное придаточное) ***әгәр*** *сез телəсәгез, мин китәрмен* ’Я пойду, **если** вы пожелаете’. ***Гәрчә*** *кояш чыккан бул****са да****, салкын иде әле*. ’Было еще холодно, **хотя** солнце взошло’ (Газизов 1966: 291). (придаточное уступительное) ***Гәрчә*** *анда тугмас****а****м да, мин бераз торган идем*. ’Хоть я родом не оттуда, жил немного в этом селе’ (Тат. грамм. 1997: 337).

6.3. Рамочно употребляемые служебные слова с русскими элементами больше характерны для разговорного стиля удмуртского языка, а с персидско-татарскими – для языка некоторых ранних текстов клерикальной литературы, переведенных на казанский диалект удмуртского языка через посредство татарского языка.

Условные сокращения:

а) языков и диалектов: ***башк***. – башкирский язык; ***глаз***. – глазовское (северное) наречие удмуртского языка (по Еванг. Гл. 1847); ***перс***. – персидский язык; ***рус***. – русский язык; ***сар***. – сарапульское (южное) наречие удмуртского языка (по Еванг. Сар. 1847); ***тат***. – татарский язык;

б) источников: ***Арх. Лшд***. – *Архипов Т.А*. Лудзи шур дурын: Роман. Нырысетц люкетэз. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1958. – 176 б.; ***Арх***. ***Оп.*** – *Архипов Т.А*. Ортчеменыз пумиськон: Повесть. – Ижевск: Удмуртия, 1971. – 271 б.; ***Аш***. – *Ашальчи Оки*. Орок // Гудыръян дыръя / Сб. дасяз А. Клабуков. – Ижевск: Удм. кн. изд-во. 1957. – 112–114-тй б.; ***Библия 1988*** – Библия: Книги священного писания Ветхого и Нового Завета: Юбилейное издание, посвященное тысячелетию Крещения Руси / Изд. Московской Патриархии. – М., 1988. – 1371 + 5 с. ***Бл***. – *Блинов П.А*. Улэм потэ: Роман. – Ижевск: Удмуртия, 1967. – 167 б.; ***Вал***. – *Валишин Р.Г*. Тöл гурезь: Повесть, веросъёс, дневникысь люкетъёс, статья. – Ижевск: Удмуртия, 2004. – 352 б.; ***Вер***. – *Веретенников А.И*. Чурай улосын: Повесть, веросъёс. – Ижевск: Удмуртия, 1994. – 160 б.; ***Гавр. Вп***. – *Гаврилов И.Г*. Вордйськем палъёсын: Роман. Нырысетц книга. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1958. – 268 б.; ***Гавр. П***. – *Гаврилов И.Г*. Пьесаос. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1953. – 255 б.; ***Дяд***. – *Дядюков И Т*. Быръем произведениос. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1956. – 132 б.; ***Еванг. 1877*** – Милям Господь Iисус Христослэн чын Евангелiеез. Маттей гожтэм Евангелiе / Господа нашего Iисуса Христа святое Евангелiе. Отъ Маттея / Изд-iе Православнаго Миссiонерскаго Общества. – Казань, 1877. – 82 б.; ***Еванг. 1912 –*** Господа нашего Iисуса Христа святое Евангелiе отъ Маттея, Марка, Луки и Iоанна на удмуртском языке. – Казань, 1912. – 327 с.; ***Еванг. Гл. 1847*** – Господа нашего Iисуса Христа Евангелiя отъ св. Евангелистовъ Маттея и Марка на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Глазовскаго нарѣчiя. Казань, напечатанъ въ типографiи Императорскаго Казанскаго университета, 1847. – 138 с.; ***Еванг. Сар. 1847*** – Господа нашего Iисуса Христа евангелiе отъ св. Евангелиста Маттея на русскомъ и вотятскомъ языкахъ, Сарапульскаго нарѣчiя. – Казань, 1847. – 234 с.; ***Кед***. – *Кедров Ф.Г*. Быръем произведениос. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. – 207 б.; ***КМ***. – *Кедра Митрей*. Секыт зйбет: Роман / 3-тй изд. – Ижеевск: Удм. кн. изд-во, 1957. – 128 б.; ***Кон***. – *Коновалов М.А*. Кужым дыа. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1957. – 158 б.; ***Кр. Вю***. – *Красильников Г.Д*. Вуж юрт. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1956. – 160 б.; ***Кр. Тк***. – *Красильников Г.Д*. Тонэн кылисько. – Ижевск: Удм. кн. изд-во. 1960. – 278 б.; ***Леон***. – *Леонтьев А.К*. Улом

али: Кылбуръёс. – Ижевск: Удмуртия, 2004. – 256 б.; ***Мир***. – *Миронов А.С.* Гудыръян дыръя // Гудыръян дыръя / Сб. дасяз А. Клабуков. – Ижевск: Удм. кн. изд-во. 1957. – 3–15-тц б.; ***Пер***. – *Перевощиков Г.К.* Гужем лымы: Повесть. – Ижевск: Удмуртия, 1984. – 264 б.; ***Петр. ВМ.*** – *Петров М.П.* Вуж Мултан = Люкам сочинениос. 5-тй т. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. – 368 б.; ***Петр. Во.*** – *Петров М П.* Веросъёс но очеркъёс. = Люкам сочинениос. 3-тц т. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. – 280 б.; ***Петр. Юа.*** – *Петров М П.* Юардон азьын. = Люкам сочинениос. 4-тй т. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. – 240 б.; ***Ром***. – *Романова Г.В*. Выль кен: Веросъёс, выжыкылъёс, кырӟанъёс, кылбуръёс. – Ижевск: Удмуртия, 1991. – 218 б.; ***Сам***. – *Самсонов С.А*. Тугаськем бугор // *С.А. Самсонов*. Вужер: Повестьёс. – Ижевск: Удмуртия, 1989. – 238–359-тй б.; ***Туг***. – *Туганаев В.В*. Нош ик Коля сярысь: Пудо-животъёс, пӧйшуръёс, тылобурдоос, вуын улйсьёс, нымы кибыос сярысь веросъёс. – Ижевск: Удмуртия, 1993. – 78 б.; ***Уд***. – «Удмурт дунне» газет; ***Укс.*** – Удмурт калык сказкаос / Историлы, кыллы, литературалы но фольклорлы Удм. НИИ УАССР-ысь Совнаркомын; дасязы Арк. Багай, М.А. Перевощиков. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1940. – 107 б.

Литература

БРС 1996 – Башкирско-русский словарь / РАН. Уфим. НЦ. АН Республики Башкортостан. – М.: Дигора, Рус. яз, 1996. – 884 с.

Газизов р. С. Сопоставительная грамматика татарского и русского языков. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1966. – 368 с.

ГМЯ 1962 – Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков. Ч. 1: Фонетика и морфология. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 1962. – 376 с.

ГМЯ 1980 – Грамматика мордовских языков: Фонетика, графика, орфография, морфология. – Саранск, 1980. – 430 с.

ГСУЯ 1962 – Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / Удм. НИИ ист., экон., языка и лит.; Отв. ред. П.Н. Перевощиков. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. – 376 с.

ГСУЯ 1974 – Грамматика современного удмуртского языка: Синтаксис сложного предложения / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР; Под ред. В.М. Вахрушева и др. – Ижевск: Удмуртия, 1974. – 167 с.

Каракулов Б.И. Удмурт литературной кыллэн сюресэз: XVIII–XXI дауръёс = История удмуртского литературного языка: XVIII–XXI века. – Ижевск: Удмуртия, 2006. – 208 с.

СКЯ 1955 – Современный коми язык. Ч. 1: Фонетика, лексика, яорфология. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1955. – 312 с.

СКЯ 1967 – Современный коми язык. Ч 2: Синтаксис. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1967. – 284 с.

СМЯ 1961 – Современный марийский язык: Морфология. – Йошкар-Ола: Мар. Кн. изд-во, 1961. – 324 с.

Тат грамм. 1997 – Татарская грамматика. Т. II: Морфология. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1997. – 397 с.

ТРС 1966 – Татарско-русский словарь / АН СССР. Казанский ин-т ЯЛИ. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 864 с.

Munkácsi B. Votják nyelvtanulmányok I: Idegen elemek a votják nyelvben // NyK. XVIII. (1884). 35–155, 428–477 old.
Munkácsi B. A votják nyelv szótára. Budapest, 1896. XVI + 758 l.
[Wichmann Y.] Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. – Helsinki, 1987 (LSFU). – XXIII + 421 S.
Wiedemann F. J. Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutsches im Anhange und einem deutschen Register. – St.-Petersburg, 1880. – XIV + 692 S.

Kesztyűs Tibor
Göttingen

SZLÁV-MAGYAR KAPCSOLATOK A DUNÁNTÚLON A 11. SZÁZADBAN ÉS AZ *OSZTOPÁN* HELYNÉV

Az *Osztopán* helynév (Somogy m.) már több alkalommal volt tudományos dolgozat tárgya. 1933-ban N. Drăganu kísérelte meg a helynevet a román *stăpân* 'Herr; úr' főnévből levezetni. Kniezsa (1935: 198–200) elvetette e hipotézist, és a nevet a *stupati* < *stǫpati* 'treten, schreiten; lép, jár' szláv igére vezette vissza. Véleménye szerint egy szláv *stup-an* < *stǫp-an* valószínűbb, amit ő a szerbhorvát *Stupanj (Stupan + jЬ* személynév) helynévben vélt felfedezni. J. Stanislav (1943: 379) vitatja Kniezsa állítását és egy szláv **stop-jan* alakot tesz fel, mivel úgy véli, a délszlávban itt egy epentetikus *-l-*nek kellene állnia. Stanislav azzal az érvvel veti el a Kniezsa által feltételezett *-an* képzőt, hogy az *-a-* itt rövid, az Osztopán helynévben viszont hosszú. Szerinte a név a nyugati szláv *stupa* ('große Grube zum Fangen von Tieren; nagy gödör állatok csapdába ejtésére') főnévből származik. Kniezsa (1955: 29–47) utal arra, hogy a *-jan* a szlávban ugyanolyan rövid, mint az *-an*, és a magyarban a szóvégi *-an* gyakran hosszú, mint például *oroszlán, tulipán, ispán* stb. Stanislav (1963: 247–260) továbbra is fenntartja hipotézisét és a vadászat nyelvéből származó földrajzi neveket sorol fel *(Vadászkert, Vadászerdő, Vadaserdő, Tosenik gödör, Sokoli hegy)*, melyek állítólag Osztopán közelében előfordulnak. Szerinte ez bizonyíték arra, hogy a helység vadászcsapdák közelében fekszik.

Kniezsa (1963: 27–44) még egyszer visszatér Stanislav hipotézisére, és megerősíti, hogy az *-an* végződés a magyarban gyakran hosszú.

Kiss Lajos (1988: 291) átveszi Kniezsa nézetét és úgy vélekedik, hogy a helynév „szláv eredetű és a szb.-hv. *Stupan* (birtokos esetben *Stupnja*), *Stupanj* (birtokos esetben *Stupanja*) helynevekkel (HASz. 16: 817) tartozik össze."

A Somogy megye földrajzi nevei-ben (1974) az *Osztopán* helynév eredetére vonatkozóan két magyarázat áll:

[1] „*Zdupán* nevű vezér harcolt itt, és adományul nyerte ezt a birtokot."

[2] „Több apró birtokos tulajdona volt: „*Sztopán*" tót szóval : száz úr. P(esthy) is így magyarázza."

Mi ma már abban a szerencsés helyzetben vagyunk, hogy az *Osztopán* helynév eredetének tisztázására a történészek, régészek és a geográfusok eredményeit is felhasználhatjuk. Cs. Sós Ágnes (1953: 83) régészeti és történeti kutatásai alapján arra az eredményre jut, hogy a szláv népesség összetétele a 9. században a Dunántúlon heterogén volt. Délről és északról is telepedtek itt le szláv csoportok, kiknek településeit, az eddigi ismert régészeti kutatások eredményei alapján nem lehet egymástól elhatárolni. A leletek arra utalnak, hogy jelentős szláv csoportok telepedtek le a Dunántúlon – délről és északról is – az avar uralkodás utolsó szakaszában és a frank hadjáratok idején (Sós 1973: 167).

Bräuer véleménye szerint (1961: I, 48) a szlovén nyelv a nyugati szlávval (a csehvel és a szlovákkal) nyelvjárási azonosságot mutat: „...wie auch umgekehrt das Mittelslowakische einige Besonderheiten der slowenischen bzw. südslawischen Sprachentwicklung teilt. Es scheint, daß vor dem Einfall der Ungarn im 9. Jahrhundert

die Slawen auf diesem Gebiet des nachmaligen Ungarn eine größere Verbreitung hatten und daß Süd- und Westslawen hier in enger Nachbarschaft waren“. [... mint fordítva is, a középszlovák a szlovén, azaz délszláv nyelvfejlődés egyes sajátságait mutatja. Úgy tűnik, hogy a magyarok behatolása előtt a szlávok itt egy nagyobb területen éltek, és a déli és nyugati szlávok szoros szomszédságban voltak.].

Popović (1960: 43, 183, 217) megállapítja, hogy a szerbhorvát és a cseh a Dunántúlon érintkezett, és ebből az érintkezésből alakult ki a mai szlovák nyelv. Arra a következtetésre jut, hogy alig lehetséges a magyarba, a 9. században átvett szlovákizmusokat a délszláv elemektől megkülönböztetni.

E kérdésben Kristó Gyula a következőket mondja (Kristó 2007: 26): „Tekintettel arra, hogy a 9. század első évtizedeitől kezdve a Dunántúlon a frissen beköltöző déli szlávok túlsúlyban voltak, az avarok nyelvi elszlávosodása egyre intenzívebb lett. A szlávok elsősorban a Dunántúl déli részén laktak, ez is azt bizonyítja, hogy déli irányból hatoltak be a Dunántúl területére.“

Fehér Géza (1957: 15) a magyar és a szláv népesség honfoglalás utáni összeolvadását négy periódusra osztja: 1. periódus: a 9. század vége, a 10. század utolsó negyedéig; a szlávok és a magyarok elkülönített temetkezése. 2. periódus: a 10. század végétől a 11. század közepéig; még elkülönített temetkezés, de a magyar sírokban már jellegzetes szláv ékszerek találhatók. Ezekben a sírokban olyan szláv asszonyok voltak eltemetve, akik magyar családok tagjai lettek. 3. periódus: a 11. század közepén közös magyar–szláv temetkezési helyek kialakulása, de a szlávok és magyarok sírjai még el voltak különítve. A két népesség már közös településeken lakott, de ezeken belül még elkülönülten élt. 4. periódus: ekkor az összeolvadás már teljes; a folyamat a 12. században, helyenként a 13. században általában lezárult.

A fenti adatok birtokában visszatérünk a nyelvészeti kritériumokra. Kniezsa és Stanislav hipotéziseihez megemlíthető, hogy Moór Elemér (1936: 181) az 1170 előtt átvett helynevekben szláv *a* ~ magyar *ā* megfelelést állapított meg. Mivel nem valószínű, hogy a magyar hangrendszerben az ezredforduló táján labiális *a* és illabiális *ȧ* jelen volt (Bárczi, Benkő, Berrár 1967: 143–145), ezzel szemben a hosszú illabiális *ā* bizonyítható, a szláv *a*-nak egy magyar *ā = á* felelne meg. Stanislav véleménye, hogy az Osztopán helynév a **stǫp-jan* ószláv alakból származik, nem tűnik helyesnek. Ilyen alakra nem található utalás. Stanislav állítása, miszerint Osztopán környékén több magyar földrajzi név létezik a vadászat témaköréből, nem fogadható el, mivel sem Pesthy Frigyesnél, sem a Somogy megye földrajzi nevei-ben nem ismeretesek ilyen terminusok Osztopán környékén.

A szókezdő mássalhangzó-torlódások feloldása a magyar nyelvben az Árpád-kortól kezdve bizonyítható. Egy epentetikus magánhangzó beillesztése a torlódás elé az egyik feloldási lehetőség. E magánhangzó a legtöbb esetben megegyezik a következő szótag magánhangzójával. Ez a feloldási mód a szibilánsok *(s, sz, z)* + zárhang esetében gyakori (Bárczi, Benkő, Berrár 1967: 135).

Az első adat – *Oztupan* (1229)[22] – egy epentetikus labiális közép nyelvállású magánhangzót mutat a tőszótag labiális magas nyelvállású magánhangzójával

[22]Csánki Dezső: Magyarország történelmi földrajza a Hunyadiak korában. II. köt. 633–634. o.: *Osztopán:* „*Oztupan*. (1229: Árpád-kori új okmányt. VI, 470.) *Ztupan*. (1284: Haz. okmt. VIII. 235)., 1348: Anjouk okmt. V, 174.) *Stupuan*. (1317: uo. I, 415.) *Vztupan*. (1353:

szemben. Feltételezhető, hogy *Vztupan* (1353-ból) már az *Oztupan* (1229) alak előtt létezett. Ebben az esetben lehetséges a Bárczitól (i.m. 135) megadott hangfejlődés: *stupan* > *ustupan*, és ezt követően a szókezdő magánhangzó *ustupan* > *ostupan* disszimilációja, majd erről a fokról a szótövi magánhangzó *ostupan* > *ostopan* asszimilációja (Horger 1921: 78–86).

Az a tény, hogy első adatunk már egy epentetikus *o*-t mutat, a helynév viszont 1284-ben – tehát 50 évvel később – újra az epentetikus magánhangzó nélkül jelentkezik *(Ztupan)*, ami 1317-ben *(Stupuan)* és 1348-ban megismétlődik, azt a feltételezést sugallja, hogy Fehér összeolvadási hipotézise helyes, azaz e helységben és a környékén is szlávok és magyarok szoros szomszédságban vagy egy közösségben éltek, aminek következtében a helynév epentetikus magánhangzóval, majd anélkül fordul elő. Ha Fehér periodizálását figyelembe vesszük, akkor a szláv–magyar szimbiózis e környéken a 11. században kezdődhetett, ami mind Kniezsa (1938: 367), mind Stanislav (1943: 2) véleményével megegyezik.

Ez az időhatár adna magyarázatot a szótövi *-u-* magánhangzóra *-om-* < szláv *-ǫ-* helyett, mivel a nazális magánhangzók a 11. században a legtöbb szláv nyelvből eltűntek (Kniezsa 1938: 372; Bárczi 1951: 65). A veláris nazális magánhangzó *ǫ* a szerbhorvátban, a csehben és a szlovákban *u*-ra változott, a szlovénben ellenben *o*-ra (Bräuer 1961: 144). Ezek után feltételezhető, hogy a terminus post quem az Osztopán helynév meghonosodására a magyarban a Kr. utáni 1000. év.

Kniezsával egyetértésben abból indulhatunk ki, hogy a helynév a szláv *stǫpati* igéből vezethető le. Ez az ige ősrokon az óészaki *stappa* `stampfen, niederstoßen` (1. 'döngöl', 2. 'baktat, cammog, kapaszkodik'); ófelnémet *stampfôn* `stampfen` (Vasmer 1953: 3) igével.

Az első adat a *stǫpanie* főnévre az Euchologium Sinaiticum-ban (10–11. század) található:

„Slyšachъ gi. jako m̃nožs̃tvo zЪ
lЪ čkЪ popiraetЪ mę. iže chotę
tЪ posramiti. prědЪknoti
stǫpanič moě.“ (Nahtigal Bl. 85a)

Az ószlávban az *-n* képzővel képezték a múlt idejű szenvedő melléknévi igenevet olyan igékből, melyeknek főnévi igenévi töve magánhangzóra végződött, pl. *poznati* > *poznanЪ*, *dělati* > *dělanЪ*. Ez a képzési mód megmaradt az egyes szláv nyelvekben, így a szerbhorvátban (Hamm 1965: 105) és a csehben (Bauernöppel 1957: 152) is. A múltidejű szenvedő melléknévi igenév tövéből képezhetők nomen acti pl. *Znanie* 'Bekanntschaft; ismeretség' < *znanЪ* 'gekannt; ismert'; *pomyšlenije* 'Gedanke; gondolat' < *pomyšlenЪ*; *prošenije* 'Bitte; `kérelem' < *prošenЪ* 'gebeten; kért, megkért' (Bielfeldt 1961: 121).

Az *-ie* képzőt Kiparsky (1975: 209) az idg. **iiom*-ból vezeti le, „...das neutrale Abstrakta von Stämmen auf *-os* bildete“ [...mely semleges absztraktumokat *-os*-ra végződő tövekből képzett]. Ez a képző „...wurde im Urslavischen lautgesetzlich zu **-j*, an dessen Stelle dann analogisch *-je* eingeführt wurde. Dieses *-je* ... ist bis heute

---

Kismart.llt.45.A.5.); *Oztopan*. (1396:: Zichy okmt.V, 20.) *Ozthopan*. (1417: Dl.10620; 1472: Pannonh. főapáts.házi llt. Tihany f.1.n36.).
Kaposvártól ény. [=északnyugatra] esik.

produktiv geblieben. ... Ganz besonders häufig sind die von den Part.Prät.Pass. auf *-an*, *-jan* und *-en* abgeleiteten Verbalsubstantive“ [...az ősszlávban a hangtörvények szerint **-j* lett, majd ebből analóg *-je*-vé alakult. Ez a *-je* ... a mai napig produktív maradt. ... Különösen gyakoriak a múlt idejű szenvedő melléknévi igenévből *-an*-ra, *-jan*-ra és *-en*-re végződő igéből képzett főnevek].

A főnév jelentése az Euchologium Sinaiticum-ban ’Schritt, Tritt, Gang; lépés, menet, rúgás’. Miklosich is (1862–65: 885) a ’gressus, Schritt, Gang; lépés, menet’ jelentést adja meg. A Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jazika adatai (819. o.): 1. *Stupańe, stúpâńe* n. nom.verb. od *stupati*. ... passus, gradus, gressus, pedum sonitus [Treten, Eintritt, Marsch; lépés, menet]; 2. *Stupańe, stűpâńe*. nom.verb od *stupati* [Stampfen, Stoßen; tusio; döngöl, mászik, lök].

A Slovnik slovenského jazyka is ismeri az igéből képzett főnevet (314. o.): „...*stúpanie, -ia* str. pomer rozdielu výsky, dvoch miest k ich vodorovnej vzdialenosti, sklon...“ és a *stúpat*' igét: „...-a,-aju, rozk. stupaj, nedok. 1. íst', kračat smerom hore, dohora, vystupovat do výšky: ... 2. mat' stúpanie...“

Ha tekintetbe vesszük, hogy a szóvégi sorvadó magánhangzók a magyar nyelvben a 13. század elejéig teljesen eltűntek (Bárczi, Benkő, Berrár 1967: 146), és hogy a szóvégi *-l'* és *-ń* depalatizációja a Dunántúlra különösen jellemző (i.m.: 121), akkor a következő képzési sort tehetjük fel: *stǫpati* > *stǫpanĭe* > *stupaṇ̇e* > *stupańe* > *stupań* > *stupan* > *ustupan* > *ostupan* > *ostopan*. Nagy a valószínűsége annak, hogy a *stupańe* alak a 11. században került a délszlávból a magyarba. A szóvégi *-e* hangsúlytalan helyzetben lekopott és a palatális *-ń* depalatalizálódott.

Bárczi véleménye a szóvégi magánhangzók történetéről a magyarban (i.m. 146–147): “...a nyelvünkbe a XI. században bekerült szláv jövevényszavak szóvégi *i*-je is részt vesz még a véghangzó eltűnésében; szl. *tyky* > m. *tök*; szl. *jasli* > m. *jászol*; szl. *vlasi* > m. olasz. ... Legkorábban eltűnt a magánhangzó az *i(j)* után; lehet, hogy ilyen helyzetben soha nem is volt szóvégi rövid magánhangzó.“

Ha a földrajzi adottságokat Osztopánban onomasztikai szempontból vizsgáljuk, akkor feltételezhetjük, hogy a település fekvése a névadásban döntő szerepet játszott. A falu a Balatontól délre, a Kaposvárra vezető út mentén két, észak-déli irányban hosszúra nyúlt domb között, valamint nyugatról egy harmadik dombtól határolva, egy mélyedésben fekszik. A faluba be- és a faluból kijutni csak fárasztó cammogás, kapaszkodás árán lehetett és lehet.

Osztopán délszláv eredetét a környék földrajzi nevei – mint pl. *Korpica, Jekicsavica, Sándorica, Tarasica, Málica* (Somogy megye földrajzi nevei 354) – megerősítik. Az *-ica* képzőről Popović (1960: 15) így vélekedik: „So verbreitete sich im Südslaw. das palatale *-c-* bei Deminutiv- und Motionsbildungen, wo im Nordsl. ein velares *-k-* herrscht“. [Így elterjedt a délszlávban a palatális *-c-* mint kicsinyítő képző, és amellyel hímnemű főnevekből nőnemű főneveket képezni. Az északi szlávban e pozícióban egy veláris *-k-* uralkodik.]

Osztopán közvetlen közelében találhatók továbbá a következő földrajzi nevek: *Kiszelak, Frácska, Korpica, Viszak*, melyek a szerbhorvátban ismertek (Skok 1971), a szlovákban viszont nem (Slovnik slovenskeho jazyka 1959–1968).

Irodalom

Bárczi G. 1951: A magyar szókincs eredete. Budapest.
Bárczi G. – Benkő L. – Berrár J. 1967: A magyar nyelv története. Budapest.
Bauernöppel, J. – Fritsch, H. 1957: Grammatik der tschechischen Sprache. Berlin.
Bielfeldt, H. 1961: Altslavische Grammatik. Halle.
Bräuer, H. 1961: Slavische Sprachwissenschaft. Bd. I. Berlin.
Drăganu, N. 1933: Romanii in veacurile IX–XIV. pe baza toponimiei si onomasticei. Bucuresti (Acad. Rom. Studii s cercetari. XXI.)
Fehér, Géza 1957: Die landnehmenden Ungarn und ihr Verhältnis zu den Slaven des mittleren Donaubeckens. Budapest (Studia Slavica. 3.)
Hamm, J. 1965: Grammatik der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden (Slavistische Studienbücher. 5.)
Horger A. 1921: Szókezdő magánhangzók fejlődése. Budapest (MNy. XVII.)
Kiparsky, V. 1975: Russische historische Grammatik. Bd. 3. Heidelberg.
Kiss L. 1988: Földrajzi nevek etimológiai szótára. 4., bőv. és jav. kiad. Budapest.
Kniezsa, I. 1935: Pseudorumänen in Pannonien und in den Nordkarpaten. I. Budapest (Archivum Europae Centro-Orientalis. T. I. Nrn 1–4.)
Kniezsa I. 1938: Magyarország népei a XI. században. In: Emlékkönyv Szent István király halálának kilencszázadik évfordulóján. II. köt. Budapest.
Kniezsa, I. 1955: Die Sprache der alten Slaven Transdanubiens. Budapest (Studia Slavica. T. I. fasc. 1–3.)
Kniezsa, I. 1963: Charakteristik der slavischen Ortsnamen in Ungarn. Budapest (Studia Slavica. T. IX. Fasc. 1–4.
Kristó Gyula 2007: Magyarország története. 895–1301. Budapest.
Miklosich, Fr. 1862–1865: Lexicon palaeslovenico-graeco-latinum. Vindobonae.
Moór, Elemér 1936. Westungarn im Mittelalter im Spiegel der Ortsnamen (Act.a litt. ac scient. reg. Univ. Hung. Sectio philologica. T. X.)
Nahtigal, R. 1942: Euchologium Sinaiticum. 2. del. Ljubljana (Akad. Znanosti in umetnosti v Ljubljani. Filoz..-filol.-hist. Razved. D. 2.)
Popović, I. 1960: Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden.
Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. XVI. Zagreb. 1956–1958.
Skok, P. 1971: Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. 1–3. Zagreb.
Slovnik slovenského jazyka. IV. Bratislava. 1964.
Somogy megye földrajzi nevei. Budapest 1974.
Cs. Sós, Ágnes 1973: Die slavische Bevölkerung Westungarns im 9. Jahrhundert. München (Münchener Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte. Bd. 22.)
Stanislav, J. 1943: Slovensky juh v stredoveku. Turčiansky sv. Martin (Spisy jazykovedného odboru, matice slovenskej. Ser. B., Sv. 2.)
Stanislav, J. 1963: Zo slovenskej historickej onomastiky. Wroclaw (Onomastica. Pismo poswieczone nazewnictwu geograficznemu i osobowemu. Rocznik VIII.
Vasmer, M. 1953: Russisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 3. Heidelberg.

Людмила Кириллова
Ижевск

УДМУРТСКАЯ КОСМОНИМИЯ

Космонимы – это особый разряд собственных имен, возникших в довольно древний период исторического пути народа. Названия звездного неба очень ярко отражают путь познания Вселенной человеком, свидетельствуют о том, как люди в древности представляли картину мироздания, практически использовали звездное небо для ориентации во времени и в пространстве, для определения относительного или точного времени. Они, как отмечает В.А. Никонов (1975: 147), “могут служить ценными свидетелями об отдаленных периодах истории народов и языков, восполняя скудость или отсутствие письменных источников”. Поэтому наименования космических объектов представляют несомненный интерес для исследователей различного профиля (астрономов, этнографов, лингвистов, географов, фольклористов и т. д.). В то же время изучение космонимов представляет определенную сложность, поскольку многие из них уже не известны и ушли в прошлое, зачастую утрачен их исторический смысл, трудно выявить ассоциации, вызвавшие возникновение тех или иных наименований.

Ареал распространения удмуртских космонимов в настоящее время определить сложно и не всегда возможно, поскольку многие удмуртские названия звезд забыты. Не сохранились и легенды, в которых так или иначе объясняется происхождение звездных имен. Мы можем назвать, пожалуй, одно предание о внешнем облике Луны – наличие ярких пятен на луне, напоминающих девушку с ведрами и коромыслом, которое повествует о том, что у одного удмурта умерла жена, и он женился на злой свояченице. Она очень обижала падчерицу: заставляла много работать, постоянно ругала и даже била её. Когда в один из рождественских вечеров, в полнолуние, (по другим источникам, ранним утром), девушка пошла за водой и, горько плача, пожаловалась на свою злую мачеху, попросила у Луны покровительства. Пожалела Луна бедную девушку и подняла ее к себе вместе с ведрами и коромыслом. И если в яркую лунную ночь смотреть на Луну, то можно увидеть ту девушку с ведрами и коромыслом. Это предание опубликовано в работе венгерского ученого Б. Мункачи «Votják népköltészeti hagyományok» (Budapest, 1887) (Munkácsi 1887: 57) и с некоторыми изменениями в сборнике «Ватка но Калмез» (Ватка но Калмез 1971: 17).

Похожие легенды известны и у тюркских народов, но в них Луна (Ай) представлена в облике мужчины, влюбившейся в юную красавицу Зухру, которую он затем поднял к себе вместе с ведрами и коромыслом (Максютова 1991: 187).

У Г.Е. Верещагина в работе «Вотяки Сосновского края» (Ижевск, 1995: 81) записано такое поверье о Млечном Пути: «Если бы не было этой дороги, то дикие гуси при перелете с запада на север и с севера на запад могли бы заблудиться и оттого перевелись бы все».

Источниками для исследования послужили работы Г.Е. Верещагина «Вотяки Сосновского края» (1995), монография и словарь удмуртского языка Б. Мункачи

(Munkácsi 1887; 1990), «Удмурт кыллюкам» («Толковый удмуртско-русский словарь») Т.К. Борисова (1991), удмуртско-русские словари (УРС 1983; УРС 2008), «Системно-тематический русско-удмуртский словарь» Р.Ш. Насибуллина и В.Г. Семенова (Насибуллин, Семенов 2006), монографии Йожефа Эрдёди «Uráli csillagnevek és mitológiai magyarázatuk» (Erdődi 1970) и А.И. Гатауллиной «Естественнонаучная картина мира в представлении удмуртов» (Гатауллина 2007), а также полевые материалы автора, собранные в разных районах Удмуртии. Интересный сопоставительный материал по другим языкам извлечен из работ В.А. Никонова (Никонов 1973: 373–381; 1975: 147–150), В.Д. Бондалетова и В.А. Никонова (Бондалетов, Никонов 1976: 288–289), Ю.А. Карпенко (Карпенко 1981), М.Э. Рут (Рут 1987; 1992) и др., а также из словарей по различным языкам. Следует указать, что люди старшего поколения сейчас могут назвать не более трех-четырех, реже пяти, названий звезд. Однако у древних удмуртов их было немало. Составленная нами картотека удмуртских космонимов составляет 50 наименований. В это число я не включила сомнительный космоним *Путкиӟили* ’созвездие Плеяды’, представленный в словаре Т.К. Борисова (Борисов 1991: 133). По нашему мнению, это название является ошибочным написанием от *Пужкизили*. Наше сомнение подтверждается тем, что: 1) на другой страницае словаря зафиксировано название *Пужкизили ~ Пужкиӟили* ’Плеяды, Семизвездие’ (Борисов 1991: 232); 2) ни в одном источнике не встречается данный космоним. Все выявленные из разных источников названия небесных объектов – это в общей сложности названия для наименования 14 объектов. Я не буду рассматривать в данной статье названия таких небесных объектов, как: *Музъем* ’Земля’, *Толэзь* ’Луна’ и *Шунды* ’Солнце’, известные и общераспространенные во всех диалектах и литературном языке. Таким образом, в данной статье анализируются 47 космонимов для наименования 11 объектов звездного неба.

Для обозначения звезды в удмуртском языке используется слово кизили ’звезда’, для обозначения созвездия – кизилиогазеяськем, кизилисюрос, инкизилисюрос, кизилисузьет, где огазеяськем, сюрос, сузьет выражают понятие ’скопление (звезд)’. Но следует отметить, что в собственных названиях созвездий встречается, как правило, лишь только слово кизили, т. е. не различаются звезды от созвездий, например: а) названия звезд: *Уйкизили*, *Уйшоркизили* ’Полярная звезда’; *Ӟардонкизили*, *Ӵуккизили* ’Венера (Утренняя звезда)’; *Жытkизили* ’Венера (Вечерняя звезда)’; б) названия созвездий *Букокизили* ’Большая Медведица’; *Жӧккуккизили* ’созвездие Ориона’; *Люккизили*, *Шерпужкизили*, *Чӧшкаркизили* ’созвездие Плеяды’.

Кроме того, для обозначения общих понятий небесных светил еще имеются следующие лексемы, производные также от слова кизили: *быжокизили* ’комета’ (букв. ’звезда с хвостиком’ или ’хвостатая звезда’), *инкизили* ’звезда, светило’ (букв. ’небесная звезда’), *усиськизили* ’метеорит’ (букв. ’падающая звезда’), *инкӧльы* ’метеорит’ (букв. ’небесная галька или мелкий камешек’), но они «не принимают участие» в образовании космонимов.

Основными принципами номинации удмуртских космонимов явились:

а) расположение звезд на небе, например: *Инкизили* ’Полярная звезда’ (букв. ’небесная звезда’); *Йырйыл кизили* ’Большая Медведица’, ’Полярная звезда’ (букв. ’звезда над головой’); *Полярной кизили* ’Полярная звезда’; *Уйкизили*

’Полярная звезда’ (букв. ’северная звезда’); *Шундыдоркизили* ’Меркурий’ (букв. ’звезда вблизи Солнца’ – самая близкая к Солнцу планета Солнечной системы). К этой группе в большинстве случаев относятся названия, относящиеся к Полярной звезде, расположенной вблизи северного полюса, являющейся самой яркой звездой созвездия Малой Медведицы.

б) относительное время появления звезд на видимом человеку небе. Сюда относятся наименования для обозначения Венеры, которые подразделены на две группы космонимов: 1) звезды, появляющиеся на видимом человеку небе вечером: *Ӝыткизили* ’Венера’ (букв. ’вечерняя звезда’); *Ӝытчулпон* ’Венера’ (букв. ’вечерняя звезда’); б) звезды, появляющиеся рано утром: *Ӟардонкизили*, *Сактонкизили*, *Югдонкизили* (букв. ’звезда рассвета’), *Югытлуонкизили* (букв. ’звезда наступления рассвета’); *Ӵуккизили* (букв. ’Утренняя звезда’); *Ӵукпалкизили* (букв. ’подутренняя звезда’). Еще представлены названия: *Зоринчакизили* ’Сириус’ (букв. ’звезда зари’); *Зорн′ица* ’Сириус’ (удм. диал. *зорн′ица*·< рус. *Зарница* ’Венера’); *Уйшоркизили* ’Полярная звезда’ (букв. ’полночная звезда’);

в) количество звезд в созвездии: *Сизьымкизили* ’Большая Медведица’ (букв. ’семь звезд’); *Ӟедыганкизили* ’Большая Медведица’, ’Полярная звезда’ (букв. ’семь звезд’ – *ӟедыган* < башк. *етеген* ’семь’);

г) относительная величина объекта: *Бадӟымкобы* ’Большая Медведица’ (букв. ’Большой Ковш’); *Бадӟым Медведица* ’Большая Медведица’ (букв. ’Большая Медведица’); *Пичи Медведица* ’Малая Медведица’ (букв. ’Малая Медведица’);

д) характеристика объекта, его признак: *Кузьбыжокизили* ’Большая Медведица’ (букв. ’длиннохвостая звезда’);

е) ассоциация с каким-либо определенным предметом быта, птицей, животным: *Валйыркизили* ’Малая Медведица’ (букв. ’звезда – лошадиная голова’); *Ӟазегсюрес*, *Кырӟазегсюрес*, *Лудӟазегсюрес*, *Лудӟазегкошконсюрес*, ’Млечный путь’ (букв. ’дорога гусей’, ’дорога диких гусей’, ’дорога отлета диких гусей’); *Исьникуткизили* ’Северная Корона’ (букв. ’звезда – изношенный лапоть’); *Кобыкизили* ’Полярная звезда’ (букв. ’звезда – ковш’); *Таразикизили* ’созвездие Ориона’ (букв. ’звезда – весы’ – *тарази* < тат. *тарази* ’весы’); *Ӝӧккуккизили* ’созвездие Ориона’ (букв. ’звезда – ножка стола’); и т. д. Это самая большая группа названий. Относительно названия *Ӝӧккуккизили* Т.Г. Владыкина (1997: 1729 рассуждает следующим образом: “словосочетание утратило определение ин «небесный», и реконструируемая форма должна выглядеть как *Инӟӧккуккизили* «Звезда ножки небесного стола»”.

Определенный интерес представляет характер употребления космонимов в удмуртском языке. Одни небесные объекты имеют лишь одно название, например: *Виркизили* ’Марс’ (букв. ’кровавая звезда’); *Шундыдор-кизили* ’Меркурий’ (букв. ’звезда вблизи Солнца’), *Исьникуткизили* ’созвездие Северная Корона’ (букв. ’звезда изношенный лапоть’). Для наименования других известны несколько названий, например:

Большая Медведица: *Бадӟымкобы* (букв. ’большой ковш’), *Бадӟыммедведица* (букв. ’Большая Медведица’), *Букокизили* (букв. ’звезда – дуга (часть упряжи)’), *Ӝӧккуккизили* (букв. ’звезда – ножки стола’), *Ӟедыганкизили* (букв. ’семь звезд’); *Йыркизили* (букв. ’звезда над головой’), *Йырйылкизили* (букв. ’звезда над головой’),

Кобыкизили (букв. ’звезда-ковш’), *Кузьбыжокизили* (букв. ’длиннохвостая звезда’), *Сизьымкизили* (букв. ’семь звезд’);

Малая Медведица: *Валйыркизили* (букв. ’звезда – лошадиная голова’), *Исьникуткизили* (букв. ’звезда изношенный лапоть’); *Пичимедведица* (букв. ’Малая Медведица’);

Полярная звезда: *Инкизили* (букв. ’небесная звезда’); *Йырйылкизили* (букв. ’звезда над головой’), *Полярной кизили* (букв. ’полярная звезда’), *Уйкизили* (букв. ’северная звезда’), *Уйшор кизили* (букв. ’полночная звезда’);

Млечный путь: *Ӟазегкизили* (букв. ’гусиная звезда’), *Ӟазегкошкон* (букв. ’отлет гусей’), *Ӟазегпытьы* (букв. ’гусиный след’), *Ӟазегсюрес* (букв. ’гусиная дорога’), *Кизилисюрес* (букв. ’звездная дорога’), *Кырӟазегсюрес* (букв. ’дорога диких гусей’), *Лудӟазегкошконсюрес* (’дорога отлета диких гусей’), *Лудӟазегсюрес* (’дорога диких гусей’);

Созвездие Ориона: *Ӝӧккуккизили* (букв. ’звезда – ножки стола’), *Каразикизили* (букв. ’звезда – весы’ – карази < тарази (см. ниже)), *Таразикизили* (букв. ’звезда – весы’ – *тарази* < тат. *таразы* ’весы’);

Созвездие Плеяды: *Валвиркизили* (букв. ’звезда – лошадиная кровь’), *Инкуткизили* (букв. ’звезда – небесные лапти’), *Люккизили* (букв. ’звездное скопление’), *Пужкизили* (букв. ’звезда – решето’), *Чӧшкаркизили* (’звезда – утиное гнездо’), *Шерпужкизили* (букв. ’звезда – редкое решето’).

Весьма любопытно, что звезда Венера во многих языках представлена как два небесных объекта. Это объясняется тем, что она видна ранним утром, до восхода Солнца, и вечером, после его захода. Поэтому известны два разных цикла народных названий Венеры (Карпенко 1981: 799). Подобное явление наблюдается и в удмуртском языке. Так, для обозначения Венеры как утренней звезды встречаются следующие названия: *Ӟардонкизили* (букв. ’звезда рассвета’), Сактонкизили (букв. ’звезда рассвета’), *Чулпонкизили* (букв. ’звезда Венера’ – чулпон < тат. Чулпан ’Венера’), *Ӵуккизили* (букв. ’утренняя звезда’), *Ӵукпачулпон* (букв. ’утренняя Венера’), *Ӵукпалкизили* (букв. ’подутренняя звезда’), *Югдонкизили* (букв. ’звезда рассвета’), *Югытлуонкизили* (букв. ’звезда наступления зари’).

Венера (Вечерняя звезда): *Ӟыткизили* (букв. ’вечерняя звезда’), *Ӟытчулпон* (букв. ’вечерняя Венера’).

Многие удмуртские космонимы имеют соответствия и в других языках, как в родственных, так и в неродственных. Так, название Большой Медведицы во многих языках представлено как семь звезд (по количеству звезд в созвездии), ср.: удм. *Сизьымкизили* (букв. ’семь звезд’); к. *Сизима кодзув* (КРС 2000: 280); фин. *Seitsentähti* (Erdődi 1970: 51); мар. *шым шӱдӱр*, мокш. *сисемь тяшть*, эрз. *сисемь тешть*, ненец. *Си’ив со’ом* (Erdődi 1970: 62); тат. *Җидегән Йолдыз* (букв. ’семизвездие’) (ТРС 1966:761; РТС 1985: 44) и *Олы Җидегән (йолдыз)* (букв. ’большое семизвездие’) (ТРС 1966: 761); башк. *Етеген йондоз* (Бондалетов, Никонов 1976: 288); чув. *śīt̆š śɐ̨lDə̑r (Çич çӑлтӑр)* (букв. ’семь звезд’) (Erdődi 1970: 51); нем. *Siebengestirn* (Erdődi 1970: 51) и т. д.

Для номинации Большой Медведицы, в некоторых случаях и Малой Медведицы, характерно использование образа ковша, например: удм. *Кобыкизили* (букв. ’ковш-звезда’); к. *Кӧша кодзув* (букв. ’ковш-звезда’) (КРС 2000: 280), *Ичӧт Кӧш* ’Малая Медведица’ (букв. ’маленький ковш’) (КРС 2000:

308); мар. *Кугу корка шӱдыр* ’Большая Медведица’ (букв. ’звезда – большой ковш’), *Изи корка шӱдыр* ’Малая Медведица’ (букв. ’звезда – маленький ковш’) (РМС 199: 168); мокш. *Кархкя тяште* ’Большая Медведица’ (букв. ’ковш-звезда’), эрз. *Поки-кече* ’Большая Медведица’ (букв. ’большой ковш’) (Бондалетов, Никонов 1976: 288); чув. *Алтăр çăлтăр* ’Большая Медведица’ (’ковш-звезда’) (ЧРС 1982: 31), тюрк. *Сумес Юлдуз* (букв. ’ковш-звезда’) (Максютова 1991: 186); рус. *Ковш, Ковшик, Большой Ковшик* ’Большая Медведица’ (Рут 1987: 17), Малый Ковш ’Малая Медведица’ (Рут 1992: 54) и т. д.

Интересна продуктивная модель для обозначения созвездия Плеяды, основой которой является отождествление с таким предметами быта, как решето, сито, например: удм. *Пужкизили* (букв. ’звезда – решето’), *Шерпужкизили* (букв. ’звезда – редкое решето’); лив. *sogl, sugl* (букв. ’решето’); мар. *Шокше-шӱдьӹр* (букв. ’решето-звезда’); фин. *Seulajainen, Seulainen, Seulaset, Seulalaiset* (букв. ’отверстия маленького решета’); эст. *suur sõzel* (букв. ’большое решето’), *sõzela tähed* (букв. ’решето-созвездие’), *taeva sõzel* (букв. ’небесное решето’) (Рут 1987: 44); венг. нар. *Szitáslyuk* (букв. ’отверстия сита’) (Erdődi 1970: 99); башк. *Илэк йондоз* (букв. ’звезда-сито, ситообразная звезда’) (Максютова 1976: 286; Бондалетов, Никонов 1976: 288), чув. *Ала çăлтăр* (букв. ’звезда-решето’) (ЧРС 1982: 29); рус. *Решето, Решетка, Сито* (Рут 1987: 44); калм. *Тенгрин шур* (букв. ’небесное решето’, ’сито’) (Очирова 1991: 194) и т. д.

В космонимии нашли отражение и образы птиц. Одна из таких моделей для номинации созвездия Плеяды отождествляется с понятием ’птичье (утиное, куриное) гнездо (с яйцами)’, например: удм. диал. *Чӧшкаркизили* (’звезда – утиное гнездо’), к. *Утка поз* (букв. ’гнездо утки’) (Erdődi 1970: 96); морд. *Озонянь полк* (букв. ’утиное гнездо’) (Erdődi 1970: 97); рус. *Утичье гнездо*; укр. *Квочка* (Бондалетов, Никонов 1976: 289); рус. *Гнездо, Птичье Гнездо, Утиное гнездо, Курица с цыплятами*, укр. Квочка с курятами (Карпенко 1981: 52); чеш. slepices, kuřatky (букв. ’курицы, цыплята’); нем. *Gluckhenne* ’наседка, несушка’ (Erdődi 1970: 97) и т. д.

Наименование Млечного пути во многих финно-угорских и тюркских языках соотносится с понятием ’путь птиц (гусей, журавлей)’, например: удм. *Ӟазегкошкон* (букв. ’отлет гусей’), *Ӟазегпытьы* (букв. ’гусиный след’), *Ӟазегсюрес* (букв. ’гусиная дорога’), *Кырӟазегсюрес* (букв. ’дорога диких гусей’), *Лудӟазегкошконсюрес* (’дорога отлета диких гусей’), *Лудӟазегсюрес* (’дорога диких гусей’); к. *Дзодзӧг Туй* (букв. ’гусиная дорога’), *Саридзӧ лэбзян туй* (букв. ’дорога полета в теплые края’) (РКС 2003: 436), *Утка туй* (букв. ’утиная дорога’) (КРС 2000: 692); фин. *Linnunrata* (букв. ’птичья дорога’) (ФРС 1977: 330); эст. *Linnuntee* (букв. ’птичий путь’) (Никонов 1975: 148); мар. *кайык комбо корно* и эрз. *вир мацеень ки* (букв. ’диких гусей дорога’) (Никонов 1975: 148); эрз. и мокш. *каргонь ки* (букв. ’журавлиная дорога’), мокш. *нармонь ки* (букв. ’птичий путь’) (Никонов 1975: 148); тат. *Киек каз юлы* (букв. ’путь диких гусей’) (РТС 1985: 269); чув. *Хуркайнак суле* (букв. ’диких гусей путь’), рус. *Птичий путь* (Бондалетов, Никонов 1976: 288) и т. д.

Возможно, многие из этих рассмотренных названий образовались самостоятельно в разных языках. Совпадение в семантике некоторых космонимов могло быть и в результате языковых контактов. Изучение названий звездного неба в разных языках позволит выявить некоторые закономерности в

номинации астрономических объектов, определить специфику языковых контактов и реконструировать в определенной мере сохранившиеся фрагменты астрономической системы.

Сокращения

Названия языков: башк. – башкирский; венг. – венгерский; к. – коми; лив. – ливский; мар. – марийский; мокш. – мокша-мордовский; нем. – немецкий; ненец. – ненецкий; рус. – русский; тат. – татарский; тюрк. – тюркский; укр. – украинский; фин. – финский; чеш. – чешский; чув. – чувашский; эрз. – эрзя-мордовский; эст. – эстонский.

Другие сокращения: букв. – буквально; диал. – диалектный; нар. – народный; ср. – сравни.

Литература

Бондалетов В.Д., Никонов В.А. Вопросник для собирания космонимов Поволжья // Ономастика Поволжья 4 / АН СССР. Ин-т этнографии; Морд. гос. ун-т; Отв. ред. В.А. Никонов, Н.Ф. Мокшин. Саранск, 1974. С. 287–291.

Борисов Т.К. Удмурт кыллюкам = Толковый удмуртско-русский словарь: Около 15 тыс. слов. Ижевск, 1991. 384 с. (Памятники культуры Удмуртии: Лингвистическое наследие).

Ватка но Калмез: Удмурт легендаос но преданиос / Н.П. Кралина, П. К. Поздеев. Ижевск: Удмуртия, 1971. 264 с.

Верещагин Г.Е. Вотяки Сосновского края // Собр. соч. в 6 тт. Ижевск, 1995. Т. 1. 260 с. (Памятники культуры).

Владыкина Т.Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики: Монография. Ижевск: Удм. ин-т ИЯЛ УрО РАН, 1997. 356 с.

Гатауллина А.И. Естественнонаучная картина мира в представлении удмуртов: Учеб. пособие. УдГУ. Ижевск, 2007. 90 с.

Карпенко Ю.А. Названия звездного неба. М.: Наука, 1981. 184 с.

КРС – Безносикова Л.М., Айбабина Е.А., Коснырева Р.И. Коми-русский словарь / Отв. ред. Л.М. Безносикова. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. 816 с.

Максютова Н.Х. Тюркская космонимия // Ономастика Поволжья 4 / АН СССР. Ин-т этнографии; Морд. гос. ун-т; Отв. ред. В.А. Никонов, Н.Ф. Мокшин. Саранск, 1976. С. 283–286.

Максютова Н.Х. Тюркские космонимы и связанные с ними легенды, поверья, приметы // Ономастика Поволжья (Материалы шестой конференции по ономастике Поволжья) / Ин-т этнологии и антропологии АН СССР; Волгоград. гос. пед.ин-т. М., 1991. С. 184–190.

Насибуллин Р.Ш., Семенов В. Г. Системно-тематический русско-удмуртский словарь = Удысъёсъя радъям ӈуч-удмурт кылсузьет / Под общ. ред. Р.Ш. Насибуллина. Ижевск: Изд-во «Ассоциация «Научная книга»», 2006. 350 с.

Никонов В.А. Космонимия Поволжья // Ономастика Поволжья 3. Материалы III конференции по ономастике Поволжья. – Уфа: АН СССР; Башкирский

филиал Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; Башкирский гос. ун-т, 1973. – С. 373–381.
Никонов В.А. Вопросы финно-угорской космонимии // Вопросы финно-угроведения / АН СССР. Ин-т языкознания; Морд. НИИяз., лит, истории и экономики. Саранск, 1975. Вып. VI. С. 147–150.
Очирова А.М. Калмыцкая космонимия // Ономастика Поволжья (Материалы шестой конференции по ономастике Поволжья) / Ин-т этнологии и антропологии АН СССР; Волгоград. гос. пед.ин-т. М., 1991. С. 190–198.
РКС – Безносикова Л.М., Забоева Н.К., Коснырева Р.И. Русско-коми словарь / Отв. ред. Л. М. Безносикова. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2003. 1104 с.
РМС – Учаев З.В., Захарова В.С. Русско-марийский словарь / Гл. ред. И.С. Галкин. М.: Сов. энциклопедия, 1999. 480 с.
Рут М.Э. Русская народная астронимия: Учебное пособие / Уральский гос. ун-т. Свердловск, 1987. 68 с.
Рут М.Э. Образная номинация в русском языке. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1992. 148 с.
УРС 1983 – Удмуртско-русский словарь / А.С. Белов, В.М. Вахрушев, Н.А. Скобелев, Т.И. Тепляшина; Под ред. В.М. Вахрушева. М.: Рус. язык, 1983. 592 с.
УРС 2008 – Удмуртско-русский словарь / Т.Р. Душенкова, А.В. Егоров, Л.М. Ившин, Л.Л. Карпова, Л.Е. Кириллова, О.В. Титова, А.А. Шибанов; Отв. ред. Л.Е. Кириллова. Ижевск, 2008. 925 с.
ФРС – Финско-русский словарь / Сост. И. Вахрос и А. Щербаков; Под ред. В. Оллыкайнен и И. Сало. М.: Русский язык, 1977. 816 с.
ЧРС – Чувашско-русский словарь / Андреев И.А., Горшков А.Е., Иванов А.И. и др.; Под ред. М.И. Скворцова. М.: Рус. язык, 1982. 712 с.
ЭРС – Эстонско-русский словарь / Сост. И. Тамм; Под. ред. А.К. Рейцак. Таллин: Валгус, 1974. 765 с.

Erdődi J. Uráli csillagnevek és mitológiai magyarázatuk. Budapest, 1970. 180 l.
Munkácsi B. Votják népköltészeti hagyományok. Budapest, 1887. 355 l.
Munkácsi B. A votják nyelv szótára (Lexicon linguae votiacorum). Pécs, 1990. 836 l.

Reet Klettenberg – H. Varga Márta
Budapest

AZ ÉSZT PASSZÍV SZERKEZET MAGYAR MEGFELELŐI

1. A passzív jelentéstartalom

Funkcionális szempontú vizsgálódásunk tárgya a passzív jelentés, mely nagymértékben különbözik az egyes nyelvekben, és különböző nyelvi formákban jut kifejeződésre. Tanulmányunkban mindenekelőtt a passzívum használatának okaira próbálunk rámutatni.

1.1. A passzív jelentésű igék, szerkezetek használatának egyik oka, hogy nem a cselekvő, hanem valaki (vagy valami) más szempontjából, perspektívájából akarjuk előadni az eseményeket. Ilyenkor az alany helyére – a cselekvés igazi végrehajtója (agense) helyett – egy másik mondatrészt teszünk, mintegy kiszorítva a cselekvőt a nyelvtani alany pozíciójából. Ilyenkor a mondat valóságos cselekvőjét általában nem nevezzük meg.

A passzivizációt, azaz a szenvedő forma létrehozását a generatív grammatika általában két feltétel érvényesüléséhez köti: (1) a kiinduló aktív mondat alanya és tárgya szerepet cserél úgy, hogy a tárgy a passzív szerkezetben felértékelődik, alanyi pozícióba kerül; (2) az alany a mondatrészek hierarchiájában háttérbe szorul (vö. Chomsky 1981; Perlmutter 1983). A szenvedő mondatot eredményező transzformációval járó grammatikai változások nyelvspecifikusak. Az angolban (franciában, németben stb.) a szenvedő mondat állítmánya a létige és a magmondat cselekvő igéjéből nyert particípium lesz, a perifériára került logikai alany elé pedig prepozíció kerül, pl. *The book was given to Peter by John.* Más nyelvekben, így a magyarban és az észtben is, az alany „leértékelődése", illetve a tárgy alanyi pozícióba kerülése az ige morfológiai arculatának megváltozásában ölt testet, vagyis a szenvedő jelentéstartalom igei morfémába ágyazódik, a logikai alany pedig esetraggal vagy névutóval bővülhet, pl. *A bíró felfüggesztette a tárgyalást → A tárgyalás felfüggesztetett (a bíró által) (Kohtunik katkestas istungi → Istung katkestati (kohtuniku poolt)); A sár bemocskolta a cipőm → A cipőm bemocskolódott (a sártól) (Pori määris mu kingad ära → Mu kingad määrdusid poriga).*

Tipológiai adatok azonban utalnak arra is, hogy alig található olyan szemantikai funkció, amely valamely nyelvben nem szerepelhetne alanyi funkcióban. Dik funkcionális grammatikájában (1997) a passzívum olyan újszerű értelmezésével találkoztunk, amely túlmutat a tradicionális megközelítésen. Vizsgálódásaink szempontjából nagyon tanulságos az a – „The Theory of Functional Grammar"-ban közzétett – táblázat (1997: 267), amely azokat a szemantikai funkciókat mutatja be (agens, goal, recipient, beneficient, instrumental, locativ, tempus), amelyek alanyként szerepelhetnek a különböző nyelvekben:

Subj/Obj assignment possibilities across languages

LANGUAGE							
	Ag	Go	Rec	Ben	Instr	Loc	Temp
	SUBJECT ASSIGNMENT						
Dutch	+	+					
Melanau	+	+					
English	+	+	+				
Japanese	+	+	+				
Sanskrit	+	+	[+]				
Sundanese	+	+	+	+			
Sre	+	+	+	?	+		
Maranao	+	+	+	+	+		
Malagasy	+	+	+	+	+	+	
Maguindanao	+	+	?	+	+	+	
Tagalog	+	+	+	+	+	+	
Kapampangan	+	+	+	+	+	+	
Kalagan	+	+	+	+	+	+	
Cebuano	+	+	+	+	+	+	+

(vö. Dik 1997: 267)

Vogul	+	+	+	+		+	+

(vö. Kulonen-Korhonen 1985: 219)

Magyar	+	+
Észt	+	+

Alanyi funkcióban legtipikusabb az agens (a cselekvő alany), amely minden nyelvben lehet alany, pl. ang. ***John*** *gave a book to Peter,* m. ***János*** *adott egy könyvet Péternek,* észt: ***János*** *andis Péterile raamatu,* akárcsak a sorrendben másodikként álló goal (a tárgy) is, pl. ang. ***The book*** *was given to Peter by John*, m. ***A könyv*** *átadatott Péternek (János által),* észt: ***Raamat*** *anti Péterile (Jánosi poolt).* A harmadik a sorban a recipient (a fogadó vagy részeshatározó), amely a magyarban és az észtben nem, de pl. az angolban lehet alany, pl. ***Peter*** *was given the book by John*. Negyedik a beneficient (a haszonélvező), azaz akinek a javára történik a cselekvés, az ötödik az instrument (az eszköz), a hatodik a locativ (a hely) és a hetedik a temporal (az idő). Dik megfigyelése szerint a hierarchia elején álló szemantikai funkciók alanyi szerepben általánosabbak, mint a hátul állók, de ha egy bizonyos nyelvben e feltételezett hierarchiában szereplő szemantikai funkciók közül valamelyik alanyként szerepelhet, akkor ugyanabban a nyelvben alanyként (általában) jelentkezhet minden olyan funkció, amely a hierarchiában azt megelőzi.

A fent elmondottakból pedig az következik, ha alanyi funkcióban nem a cselekvő, hanem más mondatrész (a Dik által használt kifejezéssel: szemantikai funkció) áll, akkor mindig szenvedő jelentésű igealakot kell használnunk, ugyanis az eredetileg

aktív jelentésű igének alakilag passzívvá változtatása az egyetlen mód arra, hogy a cselekvő elveszítse alanyi szerepét.

Dik teóriáját igazolják Kulonennek a vogul nyelvre vonatkozó kutatásai is (1985), amelyekből – többek között – fény derül a vogul passzívum használatára is, mely jóval sokrétűbb pl. a magyarénál vagy az észténél és általában az indoeurópai nyelvekénél: a vogul azok közé a nyelvek közé tartozik, amelyek a legtöbb lehetőséget biztosítják a változó perspektívának. Különösen a medvetorhoz kapcsolódó archaikus medveénekekben feltűnő a perspektívaváltás: ezekben a szenvedő mondatok alanyaként állhat tárgy (goal), részeshatározó (recipient), haszonélvező (beneficient), helyhatározó (locativ) és időhatározó (temporal) is. A közönséges vogul nyelvű szövegekben azonban alanyként elsősorban tárgy (goal) szerepel, illetve ritkán (és bizonyos megkötésekkel) előfordulhat még részes- (recipient) és helyhatározó (locativ) is (Kulonen 1985: 221).

1.2. A passzív jelentésű igék használatának másik oka a személytelenségnek, a cselekvő határozatlan vagy általános voltának a kifejezése. Ilyenkor a cselekvés végrehajtóját, a valóságos cselekvőt „vagy azért hagyjuk el, mert nem ismerjük, vagy pontosan nem ismerjük, esetleg valamilyen okból nem akarjuk megnevezni, vagy azért, mert általános alanyról van szó, tehát a cselekvés mindenkire vagy sokakra vonatkozik" (Szathmári 1994: 484).

A grammatikák az igék tárgyalásakor legtöbbször kétféle oppozícióra építenek: (a) az indoeurópai nyelvek zömében ma is aktív az aktív-passzív szemléletű mondatszerkesztés, (b) a balti-finn, a kelta, a szláv nyelvek, illetve más, Európán kívüli nyelvek esetében pedig a perszonális – imperszonális (személyes – személytelen) oppozíció jellemző. Bár kommunikatív szempontból a passzív igealakok és a személytelen igealakok valóban gyakran értelmezhetők egymás szinonimáiként, valójában ezek azért különböznek egymástól, például abban (is), hogy míg a passziválás valencia-csökkentő művelet, amely elmozdítja az aktív tranzitív mondat cselekvő alanyát, addig az imperszonalizáció inkább csak korlátozza a bővíthetőség lehetőségét, és nincs hatással az igevalenciára (vö. Blevins 2003, Torn-Leesik 2009). Ezenkívül a személytelen szerkezetek létrejöhetnek tranzitív és intranzitív igéből is, míg a passzív megfelelők csak tranzitívból (vö. Perlmutter 1978).

1.3. Passzív jelentésű igéket használunk akkor is, ha (i) a mondat olyan helyzetet ír le, amelyben egyáltalán nincs valóságos cselekvő (agens). Ilyenkor az alanyi vonzathely lexémával való kitöltése lehetetlen, pl. *Hajnalodik, Villámlik,* vagy (ii) a mondat alanya nem valóságos cselekvőként jelenik meg (ti. nem maga végzi a cselekvést), pl. *Az óra 10 órakor fejeződik be, A ház felépült, Az ajtó bevágódott.* Az indoeurópai nyelvekben az ilyen típusú történéseket általában passzív szerkezettel fejezzük ki (pl. *The lesson will be finished at 10 o'clock, The house was built, The door was banged / slammed).* A magyar példamondatok mediális igéi arra utalnak, hogy a történés grammatikai alanya olyan tárgy / élőlény / személy, aki (vagy ami) logikailag passzív résztvevője a történésnek.

Az alany specifikus jegyeinek elvesztését előidéző okokat kutatva Szili Katalin az alábbi következtetésekre jut: mindezt előidézheti az alany „a) evidens volta, avagy éppen ismeretlensége, különösen a természeti erők (nap, szél, vihar stb.) okozta jelenségek esetében (…), pl. *Az ablak bevágódott (a széltől)*; b) az, hogy a külső ráhatás megtestesítője valamely általános fogalom – a használat, az évek, az idő (…), pl. *Az idegei felőrlődtek (az időtől? az élet megpróbáltatásaitól?)*; c) az előző két

okhoz társulhat egyszerű, grammatikai tényező is, a névszói, melléknévi alapú igék esetében a nyelvi redundancia és ezzel együtt a tautológia elkerülésének igénye (…), pl. *A cipője összesározódott (a sártól)*" (Szili 1999: 255).

2. A passzívum a magyarban

A magyarban korábban az *-(t)Atik* képző volt az, amelynek a szenvedő alakok létrehozása volt a kizárólagos funkciója. A szenvedő képző esetében a nyelvhasználat tényei sem tudják megcáfolni azokat – a szótárakban fellelhető (pl. Papp 1969) – szegényesnek tűnő adatokat, amelyek azt mutatják, hogy a passzív jelentéstartalom a szókincsnek csak néhány tagjában őrződött meg, ilyenekben pl. *(tudtára) adatik, (meg)adatik, dicsértessék, engedtessék meg, felvétetik, bennfoglaltatik, (végső nyugalomra) helyeztetett, hitelesíttetik, jóváhagyatott, kéretik, megíratott, megkívántatik, (napjai) megszámláltattak, méltóztatik, szükségeltetik, (közhírré) tétetik, kihirdettetik, (jegyzőkönyvbe) vétetett, viseltetik (vki/vmi iránt)* (vö. Grétsy–Kovalovszky 1985: 794–795). Ezeknek az állandósult kifejezéseknek a használati lehetőségei meglehetősen korlátozottak: többnyire csak a hivatalos stílusban, jogi, esetleg műszaki szövegekben fordulnak elő. „Helytállónak mondható tehát nyelvtanainknak a 19. század vége óta hangoztatott azon megállapítása, hogy a finnugor eredetű, kódexirodalmunk korában még közkeletűnek mondható szenvedő igék a nyelvi kifejezéstár perifériájára szorultak, csupán sajátos stilisztikai értékükre építve színesítjük velük írásunkat, ritkábban beszédünket" (Szili 1999: 350).

Az igenem életében bekövetkező történeti változások nyomon követhetők a magyar mondatépítésben: az aktív-passzív szemléletű mondatszerkesztést felváltotta a cselekvő alakok dominanciája. Simonyit idézve: „a mondatot többnyire úgy alakítjuk, hogy a cselekvés haladása az alanynál veszi kezdetét, vagyis az igének alanyától indul ki a cselekvés…", és csak néha élünk a másik mondatalkotási móddal, amikor „az alany felé halad a cselekvés máshonnan, mástól" (Simonyi 1879: 25). A vallásos és a hivatalos nyelvnek többnyire a fordításban gyökerező személytelenségét lassacskán felváltotta a cselekvő igének „személyes felelősséggel" járó használata, pl. *elrendeltetik: elrendelem, közhírré tétetik: közzétesszük.*

A klasszikus szenvedő képző már teljesen elhalványodott, az *-(A)tik* képzős passzívumok már nem tekinthetők az élő nyelv részeinek, de vitathatatlan, hogy a benne foglalt szenvedő jelentéstartalomra továbbra is szükség van: egyrészt az absztrakt, fogalmi gondolkodásban van kitüntetett szerepe, másrészt a modern élet, a polgári udvariasság és személytelenség érezhetően növeli az igényt a cselekvőt meg nem nevező mondatszerkesztés iránt. Nem lehet eltekinteni attól a ténytől sem, hogy az indoeurópai nyelvi környezetben a gondolat formálódásának közös módja a nyelvtani eszközöket is közelíti és formálja kisebb-nagyobb mértékben. Nyelvünknek az indoeurópai nyelvekhez való „igazodás"-a több területen is megfigyelhető (vö. Károly 1967: 207).

A magyar – a szenvedő igealak és a szenvedő szerkezet funkcióját pótlandó – kialakította a maga differenciált kifejezőeszközeit: meglehetősen sokféle szenvedő értelmű átmeneti formát használunk, pl. a létige + *-vA* gerundium alkotta szerkezetet *(a ház el van adva)*, terpeszkedő kifejezéseket *(a ház eladásra kerül)*, mediális igéket *(a ház épül, a ház eladódik)*, személytelen igealakokat *(a házat eladják)*, melléknévi igeneveket állítmányi szerepben *(a ház eladó)* (vö. még Szűcs 2009: 77). A

terpeszkedő kifejezések mellett leggyakrabban a szándéktalanság („ágens sem alany, sem egyéb formában nem tartozhat vonzási körébe” [E. Abaffy 1978: 291]) jelentésmozzanatával jellemzett mediálisok (különösen talán az *-Ódik* képző) aktivizálódása szembetűnő a passzívumot helyettesítő szerepükben. Abaffy a mediálist átmeneti igenemként képzeli el, amelynek alcsoportjai egy passzívtól aktívig ívelő skálán helyezkednek el (vö. E. Abaffy 1978). Károly az *-Ódik* képzős igéket mediopasszívnak nevezi, és a következőképpen jellemzi: „Ez az igekategória közel áll a szenvedőhöz, de a cselekvés úgy van felfogva, mintha önmagától menne végbe” (Károly 1967: 195).

Az *-(t)Atik* és az *-Ódik* képzős igék jelentése közötti különbség kimerül abban, hogy a szenvedő ige „egy szándékosan és tudatosan cselekvő (bár meg nem nevezett) agens tevékenységéről számol be, míg az *-Ódik* képzős változat teljesen nyitva hagyja az esemény lezajlásának a módját, s az előállt állapotra összpontosít (…) A passzív igealak mellett csak ágensi szerepű, míg a mediális alak mellett csakis esemény jellegű okozó jeleníthető meg” (Komlósy 2000: 273), vö. *Az ing bemázoltatott Zoli által* (tudatos cselekvés) és *Az ing bemázolódott zöld festékkel.* A mediális igék elsősorban azért alkalmasak az *-(t)Atik* képzős igealakok funkcióját ellátni, mert a középigéket tartalmazó szerkezetek éppen az ágens hiányával jellemezhetők, tudniillik: „úgy fejeznek ki történést, állapotváltozást vagy állapotot, tulajdonságot, hogy nem tudunk melléjük rendelni sem tisztán tranzitív, sem kauzatív mondatokat, melyekből levezethetők volnának” (E. Abaffy 1978: 288). A definícióhoz köthető jelentést a morfológiai szempontból arctalan alakok (pl. *nő, fő*) mellett főként az *-Ul* és az *-ik* végződésűekben találja meg: *felserdül, kéklik, hallik, fénylik* (1978: 289). Szili meghatározása szerint „a klasszikus középigék nem aktív, nem ráhatott cselekvésjegyekkel bíró alanyaik tulajdonságaiból, inherens jegyeiből következő történéseket, folyamatokat írnak le” (1996: 16, 1999: 355).

A passzív jelentés lehetséges kifejezőeszközei a magyarban	
szenvedő (*-(t)Atik*) igeképző	*A levél megíratik.*
létige + *-vA* szerkezet	*Az ablak nyitva van.*
mediális igék: (a) képző nélküliek: (b) *-Ódik,* (c) *-ul/-ül, -sul/-sül, -od(ik)/-ed(ik)/-öd(ik), -sod(ik)/-sed(ik)/-söd(ik),* (d) *-ad/-ed,* (e) *-g,* (f) *-an/-en,* (g) *-ik*	*A leves már fő.* *Az ügy elintéződik. Az ajtók záródnak.* *A ruha kifakul, A krém sűrűsödik, A gyümölcs pirosodik,* *A papír könnyen elszakad.* *A homokszemek leperegnek.* *A bomba felrobban.* *A pohár eltörik.*
funkcióigés szerkezet	*A javaslat megvitatásra kerül. Az ügy elintézést nyert.*

személytelenséget kifejező igealakok: (a) Pl/1., (b) Pl/3., (c) Sg/2., (d) *mindenki (mindnyájan), valaki, senki* általános névmások, (e) az *ember* általános alannyal	 *A levelet megírjuk* *Hogy hívnak?* *Lassan járj, tovább érsz!* *A teremben mindenki táncolt.* *Rendes ember ilyet nem tesz.*
jó / rossz / kell /lehet / szabad / fontos / hasznos / érdemes / tilos stb. + infinitívusz	*Az ajtót ki lehet nyitni.* *Dohányozni tilos!*
jó / rossz / kell / szabad / fontos / hasznos / tilos stb. + *-Ás* képzős nomen actionis	*Fontos a mozgás.* *Tilos a dohányzás!*
melléknévi igenév állítmányi funkcióban,	*Ez a ház eladó. A feladat megoldható.* **A kérdés megoldott.*
az állítmányi funkciójú melléknévi igenevek szemantikai ellentétpárjai	*A feladat megoldhatatlan.* *Lehetetlen kinyitni az ajtót.*

3. A passzívum az észtben

Az észtben a passzív szerkezetek használata nagyon általános. Többféle osztályozásuk is ismeretes. A személytelen szerkezetek és a passzív paradigma gyakori egybeesése az oka annak, hogy a passzív szerkezetek számát tekintve a grammatikákban nincs egységes állásfoglalás. Munkánk a legutóbbi észt akadémiai nyelvtan felosztását veszi alapul, amely szerint az észtben három passzív mondattípus létezik (Erelt et al. 1993: 30–31): (1) az alany nélküli passzívum (’subjectless passive’ = személytelen mondattípus), (2) az alannyal álló passzívum (passive with subject) és (3) az állapot-passzívum.

3.1. Az észt nyelvre leginkább az alany nélküli passzívum jellemző, amikor a cselekvő kiszorul a grammatikai alany pozíciójából, és megnevezetlen marad a mondatban, pl. *Ta **saadeti** maalt **välja*** ’Kiküldték az országból’.

Az alany nélküli passzívum morfológiailag a következőképpen jut kifejezésre az állítmányban: (1) többes vagy egyes számú 3. személyű személytelen igealakként vagy szerkezetben: (2) a *saama*-ige (’kap’) sg3 alakja + *-tud*-particípium (befejezett melléknévi igenév), (3) a létige *(olema)* sg3 alakja + *-da*-infinitívusz, (4) a *saama*-ige sg3 alakja + *-da*-infinitívusz.

1.	***Räägivad**, et tänavu tuleb külm talv.*	’Azt mondják, hogy idén hideg tél lesz.’
	*Selle töö **teeb** natukese ajaga valmis.*	’Ezt a munkát rövid idő alatt meg lehet csinálni.’
2.	***Saab** kõvasti tööd tehtud.*	’Keményen dolgozunk.’
	*Aknad **saab suletud.***	’Az ablakok be lesznek csukva.’
3.	*Seda **on arvata**, et ta jääb hiljaks.*	’Valószínű, hogy késni fog.’
4.	***Saab näha**, kas ta tuleb või ei.*	’Meglátjuk, hogy jön-e vagy sem.’

A személytelen igealak általában valós, de pontosabban meghatározhatatlan, élő cselekvőre utal.

3.2. Alanyi passzívumról akkor beszélünk, ha a tárgy a nyelvtani alany pozíciójába kerül, és az ágens (a valóságos cselekvő) vagy megnevezetlenül marad, vagy ágenshatározóként van jelen a mondatban, pl. *Patsiendid **said** (arsti käest) **noomida***. 'A betegek meg lettek feddve (az orvos által)', *Poiss **saab** (nõgese käest) **kõrvetada***. 'A fiú meg lett csípve (a csalán által).'Az alanyi passzívum a *saama*-ige ('kap') ragozott alakjából és *-da*-infinitívuszból áll.

3.3. állapotpasszívum:

Ilyenkor a cselekvő alany a nyelvtani alany pozíciójában van, a határozói igenév pedig állítmánynak a része: *Ta on üllatatud*. 'Meg van lepve'. Ez a fajta mondat nem különbözik más állapotmondatoktól, pl. *Ta on vihane* – 'Dühös'. Másmilyen a szerepszerkezete az efféle passzív mondatoknak, mint az igazi passzívumoknak, ahol a cselekvő alany viszonylag aktív, élő szereplő, általában ágens vagy szenvedő. Az állapotpasszívum esetén a logikai alany az állapot közvetlen, nem élő okozója, amit elatívusszal vagy névutós szerkezettel lehet kifejezni: *Ta oli Jaani käitumisest üllatatud*. 'Meg volt lepve Jaan viselkedésétől'. Az állapotpasszívum alakjai:

(1) létige + *-tud*-particípium állímányként,

(2) *saama*-ige + *-tud*-particípium állapothatározóként,

(3) létige + *-da*-infinitívusz állítmányként.

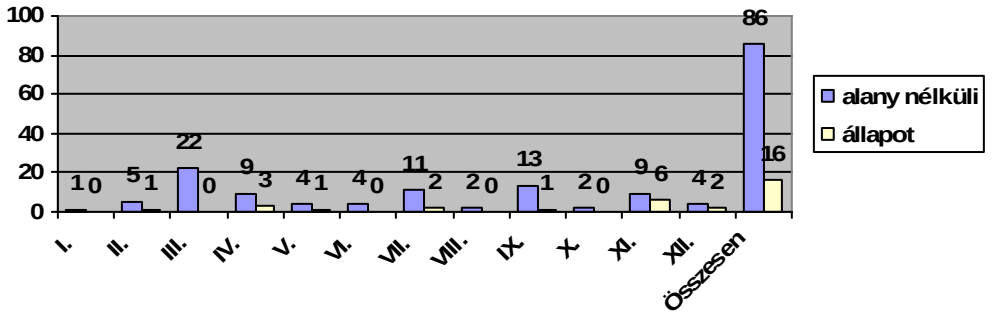
Tagadásban a *mata*-forma funkcionál állítmányként vagy állapothatározóként, a *saama* igét a *jääma* ige helyettesíti.

1.	*Ma **olen** pulma **kutsutud***.	'Meg vagyok híva lakodalomba.'
2.	*Mul **saab** laud **kaetud***. (állító mondat)	'Meg lesz terítve az asztal (nekem).'
	*Laud **jääb** katmata*. (tagadó mondat)	'Az asztal terítetlen marad.'
3.	*See **on** mulle **teada**, et ta on haige*.	'Tudomásom van róla, hogy beteg.'

4. Kontrasztív vizsgálódások

A következő lépésben a magyar és az észt nyelv passzív formáit kontrasztív módszerekkel vizsgáltuk, mégpedig szépirodalmi korpuszon. Korpuszként magyar forrásnyelvi szöveget választottunk: Kosztolányi Dezső „Édes Anná"-ját (http://magyar-irodalom.elte.hu/gepesk/kd/edesanna/kritikai.html), amelynek nemrég készült el – Reet Klettenbergnek köszönhetően – az észt nyelvű fordítása (kéziratban) Elsősorban arra voltunk kíváncsiak, milyen magyar grammatikai eszközöknek felelnek meg a célnyelvi (észt) szövegben passzív formák.

Az „Édes Anna" észt nyelvű változatának általunk vizsgált fejezeteiben (I–XII.) összesen 102 passzív szerkezetet találtunk, ebből 86 alany nélküli passzívum, 16 pedig állapotpasszívum. A vizsgált korpuszban alanyi passzívumot nem találtunk.

4.1. Az észt alany nélküli passzívum ekvivalensei a magyarban:

(a) személytelenséget kifejező általános (vagy határozatlan) alanyos szerkezetek, elsősorban többes számú 3. személyű igealakkal, pl. ***Räägitakse**, et veel täna öösel okupeeritakse meid ~ Azt **beszélik**, hogy még ma éjjel **megszállnak*** (II. fejezet); *Budapest **okupeeriti** ~ Budapestet megszállták* (IV. fejezet); *Majad käidi järjest läbi ~ Sorra **járták** a házakat* (IV. fejezet);

(b) mediális igék, pl. *See kapp **viiakse** siit loomulikult **ära** ~ Az a szekrény természetesen majd **kikerül** innen* (VI. fejezet);

(c) *-Ás* képzős főnév, pl. *Teenijaid **püütakse** selliste asjadega ~ A cselédeket ilyesmivel **szokás** fogni* (XII. fejezet).

4.2. Az észt nyelvű állapot-passzívum a korpuszban jóval ritkábban fordul elő, mint az alany nélküli passzívum. Magyar ekvivalensei:

(a) a leggyakrabban személytelen szerkezetek, pl. *Klaver **oli** nurka **lükatud**, sellel vedelesid rättidega kaetud peeglid nagu oleks keegi surnud ~ A zongorát sarokba **tolták*** (IV. fejezet); *Lühikeseks pöetud, karedad pronksikarva juuksed kleepusid harmoopnilisele, aga üllatavalt väiksele kolbale, millel lipendasid servatud korvad, nii lodvalt, nagu **oleks** need paberist **loigatud** ja pea külge ~ Rövidre nyírt, érdes bronzhaj tapadt szabályos, de meglepően kicsiny koponyájához, melyen peremtelen fülek lebegtek, oly lazán, mintha papírból **vágták volna ki** és csak **odafércelték volna*** (XI. fejezet);

(b) a létige + *-vA* szerkezet, pl. *Kui korteri koik aknad **olid kinni pandud**, astus Vizy Katica juurde (…) ~ Mikor a lakás minden ablaka **be volt csukva**, Vizy odalépett Katicához (…)* (II. fejezet); *Aga kui ta kell üheksa ärkas, nägi ta, et laud **on koristamata**, eileohtune tass ja must taldrik ikka veel laual ~ De mikor kilenc órakor felkelt, látta, hogy az asztal **nincs leszedve**, még mindig ott a tegnap esti findzsa, a piszkos tányérral* (IV. fejezet); *Välivoodi **oli** kokkupandult nurgas, **tekiga kaetud** ~ Itt a tábori ágyat összehajtva találta a sarokban, lószőrpokrócával **volt letakarva*** (IV. fejezet); *Mind **ei ole** talle **tutvustatud** ~**Nem vagyok** neki **bemutatva*** (IX. fejezet); *Kingakontsad **olid** lääpa **tallatud** ~ A cipője sarka **le volt taposva*** (XII. fejezet);

(c) mediális igék, pl. *Laud **sai koristatud** ja **kaetud** nagu iseenesest, nagu muinasjutu „lauake, kata end” ~ Szedetlenül **szedődött** az asztal, terítetlenül **terítődött**, mint a mese „terüljasztalkám”-ja* (VII. fejezet); *Noupidamisruumi astus üks laitmatult riietatud härra, kes **oli** asjade käigust juba **informeeritud** (…) ~ A tanácskozóterembe belépett egy kifogástalanul öltözött úr, aki már **értesült** az intézkedésről (…)* (XI. fejezet); *Anna juuksed olid horedad nagu talutüdrukul ja **olid köidetud** kidurasse*

krunni (…) ~ Haja csenevész volt, mint a parasztlányoké, vékonyka kontyban ***végződött*** *(…)* (XII. fejezet);

(d) *-(V)s* képzős melléknév, pl. *Ühel ohtul* ***oli*** *ta* ***kutsutud*** *oma aseministri juurde ~ Este egy vacsorára* ***volt hivatalos*** *az államtitkárához* (V. fejezet).

Az észt passzívum magyar ekvivalensei

	Az észt alany nélküli passzívum	Az észt nyelvű állapot-passzívum
személytelenséget kifejező általános (vagy határozatlan) alanyos szerkezetek, elsősorban többes számú 3. személyű igealakkal	X	X
mediális igék	X	X
-Ás képzős főnév	X	–
a létige + *-vA* szerkezet	–	X
-(V)s képzős melléknév	–	X

5. Következtetések

A választott szépirodalmi korpuszban az észt passzív szerkezetek különböző morfológiai megjelenési formáit találtuk meg, és azok magyar nyelvű megfelelőit vizsgáltuk. Az észt passzívumok magyar megfelelői meglehetősen változatos képet mutatnak, ami azt jelenti, hogy a kifejezőeszközök között nincs egy-egyértelmű megfeleltetés, nem lehet automatikus átváltási műveletekről beszélni a fordításokban.

Az észt célnyelvi korpuszban találtunk néhány olyan szerkezetet, amelyekről nehéz megállapítani, hogy alany nélküli passzív vagy állapot-passzív-e, pl. *Klaver* ***oli*** *nurka* ***lükatud****, sellel vedelesid rättidega kaetud peeglid nagu oleks keegi surnud. A zongorát sarokba* ***tolták****, tükrök hevertek rajta, kendőkkel beterítve, mint halálesetek alkalmával.* Valószínűleg csak az anyanyelvi beszélő képes annak az érzékelésére, hogy a mondatban a cselekvés folyamata fontosabb-e (vagyis a szerkezetet inkább imperszonálisszal lehet fordítani) vagy a cselekvés eredménye, illetve az általa kiváltott állapot (vagyis a szerkezet észt állapot-passzívval fordítandó).

A korpuszban számos példát találtunk a fordítói szabadságra vonatkozóan is: az észt passzív szerkezeteknek a magyarban aktív szerkezetek is lehetnek ekvivalensei, pl. *Veel vaid korteriküsimus* ***oli lahendamata****. Már csak a lakáskérdés* ***maradt hátra****,* jóllehet a fordító ebben a szituációban használhatott volna pl. személytelen szerkezetet is.

Úgy gondoljuk, hogy a későbbiekben célszerű lenne a korpuszt bővíteni: egyrészt forrás- és célnyelvi szövegeket egyaránt bevonni a vizsgálatba, másrészt a szépirodalmi szövegeken kívül más típusú szövegeket (pl. hivatalos, beszélt nyelvi, publicisztikai szöveget) is elemezni.

Irodalom

E. Abaffy Erzsébet 1978. A mediális igékről. *Magyar Nyelv* 74: 280–293.

Blevins, James P. 2003. Passives and impersonals. *Journal of Linguistics* 39.3: 473–520.

Chomsky, Noam 1981. *Lectures on Government and Bindig.* Plenum Press, New York.

Dik, S. C. 1997. *The Theory of Functional Grammar*. Mouton de Gruyter, Berlin – New York.

Erelt, Mati et al. 1993. *Eesti Keele Grammatika II. Süntaks, lisa: kiri.* Keele ja Kirjanduse Instituut, Tallin.

Grétsy László – Kovalovszky Miklós (szerk.) 1985. *Nyelvművelő kézikönyv II.* Akadémiai Kiadó, Budapest.

Károly Sándor 1967. A magyar intranzitív-tranzitív képzők. *Általános Nyelvészeti Tanulmányok* V: 189–218.

Komlósy András 2000. A műveltetés. In: Kiefer Ferenc (szerk.) *Strukturális magyar nyelvtan 3. Morfológia.* Akadémiai Kiadó, Budapest. 215–292.

Kulonen-Korhonen, Ulla 1985. A perspektíva és a vogul szenvedő szerkezet. *Nyelvtudományi Közlemények* 87: 217–223.

Papp Ferenc 1969. *A magyar nyelv szóvégmutató szótára*. Akadémiai Kiadó, Budapest.

Perlmutter, Davis M. 1978. Impersonal passives and the Unaccusativity Hypotheses. *Proceedings of the Fourth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. 157–189.

Perlmutter, Davis M. 1983. *Studies in Relational Grammar I.* University of Chicago Press, Chicago.

Simonyi Zsigmond 1879. *Magyar nyelvtan fölsőbb osztályoknak és magánhasználatra*. Eggenberger-féle Könyvkereskedés, Budapest.

Szathmári István 1994. A szenvedő ige újabb terjedése. *Magyar Nyelvőr* 118: 484.

Szili Katalin 1996. A mediálisokról az *-ódik, -ődik* kapcsán. *Dolgozatok a magyar mint idegen nyelv és a hungarológia köréből*. ELTE BTK Központi Magyar Nyelvi Lektorátus, Budapest.

Szili Katalin 1999. Valahol a passzívum és a mediálisok között… *Magyar Nyelvőr* 123: 350–357.

Szűcs Tibor 2009. A magyar mint idegen nyelv sajátos szemléleti vonásai (Giay Béla emlékének). *Hungarológiai Évkönyv* 10: 68–78.

Torn-Leesik, Reeli 2009. The voice system of Estonian. *Linguistica Uralica* XLIII (3): 173–186.

Források

Kosztolányi Dezső: *Édes Anna*. http://magyar-irodalom.elte.hu/gepesk/kd/edesanna/kritikai.html

Kosztolányi, Dezső: Anna Édes. fordította: Reet Klettenberg (kéziratban)

Наталья Кондратьева
Ижевск

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО КАК ЧЛЕН БИНАРНОЙ ОППОЗИЦИИ «ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО – МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО» В СОВРЕМЕННОМ УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Категория числа, передаваемая различными языковыми способами, служит для количественной характеристики предметов, их частей или некоторых признаков. Типологически основные значения граммем числа задают количественную характеристику объектов: один объект (единственное число), два объекта (двойственное число), три объекта (тройственное число), четыре объекта (квадральное число), более одного/двух/трех/четырех объектов (множественное число).

В современном финно-угроведении общепринятым является мнение, что для финно-угорского праязыка было характерно наличие единственного (точнее абсолютива), множественного и двойственного чисел (см. в частности: (Майтинская 1979: 80)). Среди современных языков уральской языковой семьи двойственное число широко представлено в обско-угорских языках (употребляется в словоизменении личных местоимений, лично-притяжательных и непритяжательных форм имен, глагольных форм), в саамских языках (представлено несколько уже, т. к. двойственное число «не распространяется на непритяжательные формы имен»; (ОФУЯ 1974: 229)). В отдельных финно-угорских языках можно также проследить реликтовые явления двойственного числа (в частности, об остаточных явлениях двойственного числа в удмуртском языке см.: Стрелкова 2009: 156–159).

В современном удмуртском языке категория числа имен существительных как словоизменительная грамматическая категория выражается в системе двух противопоставленных рядов форм – единственного и множественного. Однако, следует подчеркнуть, что «единственность/множественность» как бинарный признак морфологического уровня структуры языка не всегда совпадает с «единственностью / множественностью» логико-семантического порядка. Так, в отношения асимметрии могут вступать: а) морфологическая «единственность» с «множественной субстантностью» как совокупным логико-семантическим признаком, б) морфологическая «множественность» с логико-семантическим комплексом «единственная/парная субстантность».

2. Единственное число, как член морфологического противопоставления «единичность / множественность», в удмуртском языке характеризуется отсутствием формальных показателей: *Гурезь*(**ø**) *йылын ик, сюрес дурын, вöл-вöл вож куаро бадяр*(**ø**) *сылэ* (ЗЕ, 321). ‘На горе у дороги стоит раскидистый клен с зеленой листвой’. Обозначение единичности в противоположность множественности является основным значением форм единственного числа в данной оппозиции. Однако, отсутствие числовых показателей в морфологической структуре имени существительного в исследуемом языке, как и в большинстве других агглютинативных языков, в определенной степени является нейтральным

по отношению к выражению оппозиций единичного/общего, конкретного/собирательного, соответственно, в качестве денотата может иметь как один конкретный объект, так и класс однородных (однокачественных) объектов, начиная с двух (парные предметы), в зависимости от контекста: напр.: *сапег* ‘сапог’ может означать один конкретный сапог (*сапегме ыштӥ* ‘потерял сапог’), пару сапог одного человека (*сапегме миськи* ‘свои сапоги помыл’) или сапоги вообще (*базарын сапег вузало* ‘на базаре продают сапоги (букв.: сапог)’). Таким образом, функционирование форм единственного/множественного числа в удмуртском языке имеет контекстуальную обусловленность. В связи с этим в исследуемом языке нет основания разграничивать группы слов singularia и pluralia tantum, гораздо целесообразнее говорить о стратегиях singularia tantum. Преимущество данного термина заключается в том, что он не обязывает распределять имена существительные с точки зрения лексико-морфологического выражения на разные семантические группы в отношении выражаемой количественности, а позволяет подходить к рассматриваемому вопросу с точки зрения прагматического аспекта, иными словами, он позволяет рассматривать каждое словоупотребление с учетом реального контекста, поскольку грань между континуативными и дискретными характеристиками не является абсолютно жесткой. К примеру, слово *улмо* ‘яблоко’ может употребляться как в вещественном значении – и тогда употребляются конструкции со значением сегментации (*кык кило улмо басьтыны* ‘купить два килограмма яблок’); так и в дискретном значении (*куинь улмо басьтыны* ‘купить три яблока’). Как показывают примеры из художественной литературы, к именам существительным, тяготеющим к стратегии singularia tantum, в удмуртском языке относятся те же самые семантические группы слов, что и во многих других языках мира: а) названия уникальных объектов; б) гомогенные субстанции без естественного способа членения на составляющие их совокупности; в) названия масс однородных объектов (насекомых, предметов и др.), составляющих в совокупности массу; г) концепты растительного мира: злаки, растения, овощи, фрукты, деревья, грибы и др.; д) объекты, описывающие физические свойства среды; е) имена существительные, указывающие на психо-физиологическое состояние/ощущения человека и т.п.

Все вышеуказанные группы существительных в традиционном понимании могут поддаваться измерению, но не счету (как в случае с дискретными предметами). Для того, чтобы подобные имена подвергнуть количественному измерению, как и в других языках мира, в системе удмуртского языка активно используются нумеративы и послеложные конструкции: *Мын ай, бакча берысьтымы ог кык* ***йыр*** *коть кубиста пырты* (ХР, 52). ‘Иди, принеси из-за огорода хотя бы два кочана капусты’; *Ярам, гид* ***тыр*** *пудо вордӥськомы, гулбеч* ***тыр*** *картошкамы* (ГГ, 270). ‘Да ладно, в хлеву полно скотины (букв.: растим полный хлев скотины), в подполье – картошки (букв.: целое подполье картошки)’.

3. Морфологическим показателем множественного числа в системе современного удмуртского языка является суффикс *-ос*/*-ёс*: *Эшъ****ёс****ыным танк пала нюжтӥськиськом* (ЗЕ, 310). ‘Вместе с друзьями мы ползем в сторону танка’; *Куара****ос*** *чалмизы* (АС, 76). ‘Голоса стихли’.

В научной литературе имеется ряд гипотез, в которых прослеживается история развития морфологического маркера множественного числа в пермских языках. В частности, с точки зрения венгерских авторов Й. Буденца, К. Редеи (Rédei 1963, 1988: 379), Л. Хонти (Honti 1997: 82), маркер множественного числа в пермских языках возник из самостоятельной лексемы коми *jez* ~ удм. *joz* ‘народ, люди’. Финские ученые Ю. Вихманн и Т. Уотила в данном контексте приводят также лексические параллели с манси *jaχ* ‘люди, народ’ (см. подробнее: Uotila 1933: 182–183). По мнению профессора Ш. Чуча, маркер множественного числа в пермских языках, возникший из самостоятельной лексемы *jäse* ‘член, представитель’, подвергся в дальнейшем расширению семантического значения: «Kenntnissen erscheint es als wahrscheinlicher, dass die permischen Pluralzeichen aus einem selbständigen Wort entstanden sind. Dieses Wort ist FP *jäse* ‘Glied, Gelenk’, dessen Bedeutung im Frühurpermischen noch durch die Bedeutung ‘Altergenosse, Volk, Leute’ erweitert war. Gleichzeitig wurde der Endvokal des Wortes apokopiert, und der Vokal der ersten Silbe – wie es bei VP *ä* gewöhnlich ist – entwickelte sich in zwei Richtungen: *ä* > *a* > VT *o* ~ ZR *a*, oder *ä* > *e* > *a* > VT *o* ~ ZR *e*. Zur selben Zeit begann die Umwandlung des Wortes, zuerst zum Kollektivsuffix und später zum Pluralzeichen» (Csúcs 2005: 171–172). Данная точка зрения на сегодняшний день является более распространенной (см. также: Luutonen 1999: 79–80, SSA 1992: 259 и др.).

Иной точки зрения придерживается М. Кёвеши, с точки зрения которой происхождение маркеров множественного числа *-ос*/*-ёс* следует соотносить со словообразовательным суффиксом, состоящим из двух компонентов: суффикса с пространственным и собирательным значением *ja-* и словообразовательного (именного) *-s*: «Elemei a már említett *-ja* hely- és gyűjtőnévképző, valamint egy *-s*» (fgr. **-s* v. **-ks*) névszóképző (Kövesi 1965: 152).

Множественное число как член морфологического противопоставления форм единственного числа формам множественного числа обозначает, что лицо/предмет представлен(о) в количестве большем, чем один: ***пиос*** ‘мальчики’, ***пуконъёс*** ‘стулья’, ***ӧсъёс*** ‘двери’, ***пиньёс*** ‘зубы’ и др.

Как и в других языках мира, при решении вопросов квантификации в удмуртском языке значимым оказывается подразделение субстанций на континуативные (*вода*, *молоко*, *огонь* и др.) и дискретные (*дом*, *волк*, *пень* и др.). Чаще всего суффиксы множественного числа могут присоединяться к именам существительным, указывающим дискретные предметы, под которыми следует понимать предметы, обладающие четкой формой и точными пределами, в отличие от континуативных (вещественных) субстанций (см. подробнее: Koptjevskaja-Tamm 2001: 1067): *Книга**ос**сэ, тетрадь**ёс**сэ сумка*(***ø***)*яз донгаса*, *Мати султӥз* (ЧП, 246). ‘Убрав свои тетради и книги в сумку, Мати встал’. Ср: *Тылпу*(***ø***) *пумен кужмоя*, *тӥчыр-тачыр тэлямез татчы ик кылӥськe* (КМ., 26). ‘Пожар постепенно разгорается, треск разлетающихся искр доносится досюда’. Как видно из примеров, континуальные субстанции отличаются от дискретных спецификой своего отношения к количественной детерминации. У континуативных субстанций «нет естественного («штучного») сегментатора. Дискретные субстанции допускают естественную сегментацию» (Крылов 2005: 44). Иными словами, расчлененное количество определяется посредством счета, нерасчлененное – посредством измерения: «Нерасчлененное количество

осознается как результат сопоставления, в частности, с какой-то естественной или искусственной конвенциональной единицей. Эта особенность отражается в категории числа имени» (Тураева, Биренбаум 1985: 124).

Таким образом, основным значением форм множественного числа с точки зрения дискретности является обозначение расчлененной множественности предметов в противоположность их единичности: *Районысь усто колхозлэн бусыяз комбайнъ**ёс** жургето* (Матв., 112). ‘На полях лучшего в районе колхоза работают (букв.: гудят) комбайны’; *Комнатаын куать корт койка**ос** пуктэмын* (ГГ, 228). ‘В комнате стоят шесть железных кро-ватей’. Кроме указания на множество дискретных предметов, граммема множественного числа в удмуртском языке обладает разнообразным спектром вторичных значений, указывающими на:

а) родовое множественное (с тем же значением, что и родовое единичное): *Чебересь сялаберъ**ёс**, йырберазы такъязы вань* (ЗЕ, 331). ‘Красивы свиристели, на затылках хохолки’. Ср.: *Тани нумырез басьтом. Сое тылобурдо(**ø**) сие, тылобурдо(**ø**)ез кыце ке сьӧсь пӧйшур(**ø**)* (ГГ, 240). ‘Возьмем, к примеру, червяка. Его поедают птицы (ед. ч.), а птиц (ед. ч.) – звери (ед. ч.)’;

б) видовое множественное: ‘разные виды Х-а’ или разные манифестации Х-а (ср. вина, жиры, гадости, нежности и т. д.): *Со шоры пыр-поч учке тротуар сопалась винаен, сурен, сокъ**ёс**ын, «сникерсъ**ёс**ын» но маин вузкарись* (ПГ, 23). ‘На нее пристальным взглядом смотрит с той стороны тротуара торгующий вином, пивом, разными соками, сникерсами продавец’; *Мукет улонъ**ёс**ты солэн пичи но утчамез уг поты* (АС, 33). ‘Ему совсем не хочется искать другой образ жизни (букв.: другую жизнь (мн. ч.))’. Как отмечает В.А. Плунгян, этот тип множественности наиболее продуктивен «при названиях веществ и свойств – часто это единственное доступное им значение множественности» (см. об этом: Плунгян 2000: 282);

в) эмфатическое множественное выражает ‘большое количество Х-а (типа снега, пески, воды, леса)’: *Йӧ**ос** вылтӥ туливитьёс солань-талань лобало* (ЗЕ, 292). ‘Над льдами взад-вперед пролетают кулики’; *Шукрес бызё та палан ву**ос*** (ВР., 18). ‘В этих краях бурно текут реки’;

г) ассоциативное (используются также термины репрезентативное, аппроксимативное и др.) множественное: ‘Х и другие подобные ему объекты’. В этом случае речь идет о группе лиц, называемых по одному из его представителей. Необходимо отметить, что в зависимости от контекста, здесь могут использоваться различные критерии для репрезентации групповой множественности.

Как показывают примеры из художественной литературы, при выражении репрезентативной множественности наиболее частотным является использование собственных имен: *Чипчирганъ**ёс** но гурт пала кошкизы* (КМ, 21). ‘Чипчирган и его друзья направились в сторону дома’; *Зина**ос**лэн улон дорысенызы театр кыдёкын ик ӧвӧл, соин ик соос пыдын гинэ мыноно кариськизы* (НЛ, 28). ‘Театр находится недалеко от того дома, где живет Зина и ее семья, поэтому [в театр] они решили идти пешком’; *Секыт ядроос Камай**ёс**лэн йыр йылтӥзы ик жуэтыса кошко* (КМ, 96). ‘Тяжелые ядра со свистом пролетают над головами Камая и его отряда’.

Основой для репрезентативной множественности могут служить также топонимы, микротопонимы и различные апеллятивы. В этом случае подчеркивается групповая множественность лиц, проживающих в указанном населенном пункте (местности): *Кашабекъ**ёс**, Пирог гуртъ**ёс**, Юсьпи**ос** – ваньмыз огкылысь кариськизы* (КМ, 11). ‘Жители деревень Кашабеково, Пирогово, Юськи – все встали за одно’; *Омга**ос**ты азь парта сьӧры пуктӥзы* (ЧП, 216). ‘Омгинских посадили за первые парты’; *Со ӧз ке басьты, мускоо**ос**лы – дас вить процент* (АС, 96). ‘Если он откажется [от доли], [я предложу] москвичам пятнадцать процентов’.

При выражении репрезентативной множественности в качестве основы слова могут также использоваться термины родства и свойства: *Кузёоос кунозэс кӧлыны туж косо вал но, ӵуж-муртъ**ёс**ыз ыштозы шуыса, Василий Николаевич уин ини Вылгала бертӥз* (ЧП, 61). ‘Хозяева упрашивали гостя остаться у них на ночь, но Василий Николаевич не согласился, и ночью он отправился в Вылгу, чтобы его не потеряли дядя (по материнской линии) и его семья’; *Мон яратӥсько Павол кудо**ос** доры ветлыны* (ПФ, 12). ‘Я люблю ходить [в гости] к свату Павлу и его семье’.

Употребление форм множественного числа для выражения репрезентативной множественности в финно-угорских языках, помимо удмуртского языка, характерно, по-видимому, лишь для марийского языка: «Форма множественного числа у собственных имен людей помимо выражения членимой (дискретной) множественности однородных лиц, объединенных одним общим именем (напр. мар. *кок ман'а**лак*** ‘две Мани’) может обозначать совокупную (коллективную множественность неоднородных лиц во главе с тем человеком, имя которого называтся: *Йурик-**влак** окаш каяш тараненыт*. ‘Юрик и его товарищи загорелись желанием ехать учиться’» (Исанбаев 1980: 7). В связи с этим данное языковое явление многие лингвисты определяют как тюркское влияние (Э. Беке, Р. Бартенс, Й. Луутонен) (см. об этом, в частности: Luutonen 1997: 60, Bartens 2000: 73).

Следует заметить, что при выражении именной количественности особое место занимают собирательные слова, указывающие на совокупность, целостность, неразделимость множественности. В системе современного удмуртского языка основную группу собирательных слов составляют парные слова, которые представляют собой сочетания двух имен, объединенных по способу сочинения и обозначающих, чаще всего, предметы одного порядка: ***Тусьты-пуньызэ*** *вунэтӥз нылаш* (ЧП, 175). ‘Девочка совсем забыла о своей посуде (букв.: тарелке-ложке)’; *Бачи но, пенсиезлы быдэ отчы кожаса, кыктоослы пичияк **кампет-преник** пыртылэ* (АС, 118). ‘Бачи тоже после каждой пенсии захаживает к ним, приносит двойняшкам немного сладостей (букв.: конфет-пряников)’.

В зависимости от семантических отношений между компонентами различаются следующие разновидности парных слов, имеющих собирательное значение:

1) оба компонента характеризуются близостью значений, обозначают предметы и явления одного и того же семантического круга, но не имеют между собой синонимических или антонимических отношений: *Но **кыл-куара** верасьёс ӧвӧл – ваньмыз турнало* (ЗЕ, 371). ‘Никто не разговаривает (букв.: нет здесь

произносящих слова-звуки), все заняты сенокосом’; *Эзмзэ вераса*, ***газет-журнал*** *кутылэме ик вунӥз ни* (ПГ, 29). ‘Честно говоря, я уже позабыл, когда в последний раз читал периодику (букв.: газеты-журналы)’; *Со* ***дэремзэ-штанизэ*** *курткиз но урам кузя уллане кошкиз* (ЧП, 369). ‘Он встряхнул свою одежду (букв.: рубашку-штаны) и пошел вниз по улице’;

2) компоненты парных слов по своему значению имеют противоположную семантику: *Ма*, ***шӧгзэ-кузьытсэ*** *ӧскалтоно-а, мар-а?* (ПГ, 130). ‘Что, надо попробовать [суп] на вкус (букв.: пресность-солёность)?’; ***Уен-нуналэн*** *пуны сямен бызьылӥськод* (ЧП, 167). ‘Днями-ночами бегаешь как собака’;

3) парные слова, компоненты которых являются синонимами или близки по своему семантическому значению: *Нош али тросгес лобано, бурдъёсты юнматоно, тросгес* ***нымы-кибы*** *шедьтоно* (ЗЕ, 317). ‘А сейчас надо больше летать, чтобы окрепли крылья, надо найти больше мошек’; *Учебникъёсъя гинэ* ***тодон-валан*** *бичаны шуг* (ЧП, 261). ‘Сложно получить знания только из учебников’;

4) парные слова, один из компонентов в которых с точки зрения синхронии утратил свое семантическое наполнение: *Нош ик* ***жуг-жаг*** *ваизы, луоз* (ГГ, 83). ‘Наверное, снова привезли отходы’; *Нош атайзы «мунчоез, веникез яратӥсьтэмъёс ноку лётчик уг луо» шуыса вераз но,* ***эмез-юмез*** *луиз* (ГГ, 252). ‘А когда его отец сказал, что те, кто не любит бани и не любит париться веником, никогда не становятся летчиками, это на него подействовало’; *Соослэсь юртсэс асьсэ* ***выжы-кумызы*** *ик басьтӥз вал* (ЧП, 390). ‘Их дом купила своя же родня’.

Собирательное множество может быть выражено также с помощью сложных слов, содержащих в своей структуре более двух компонентов: *Соин ик,* ***шоколад-преник-кампет-улмо*** *ӧвӧл, колбаса, йӧлвыл я мар сярысь малпанэз но ӧй вал ни* (ПГ, 14). ‘Поэтому не только о сладостях и фруктах (букв.: шоколаде-пряниках-конфетах-яблоках) не могло быть и речи, но и о сметане пришлось позабыть’.

Помимо способа словосложения, собирательное множество в удмуртском языке может выражаться посредством синтаксических образований, в частности, через: а) словосочетания, содержащие в своей структуре формы творительного падежа, например: *Корка пыра, Петя, эмез****ен*** *чай юод* (КГ, 362). ‘Зайди в дом, Петя, чай с малиной попьешь’; *Ма талэсь азьло мынам вӧй****ын*** *нянь сиеме вал но, соку шӧмзэ ӧй валалля кадь* (КГ, 225). ‘Когда-то я уже пробовал хлеб с маслом, но тогда, кажется, я даже не прочувствовал его вкуса’; б) послеложные конструкции: *Агай атаен* ***дыш*** *жӧк сьӧрын пуко* (КГ, 196). ‘Старший брат вместе с отцом сидят за столом’; в) с помощью соединительных союзов: *Тулыс – со яратон* ***но*** *уж, ортчемзэ тодэ ваён* ***но*** *шумпотон, арлэн самой шулдыр вакытэз* (ЗЕ, 293). ‘Весна – это пора любви и труда, это воспоминания о прошлом и радость, это самая веселая пора года’; *Маня* ***но*** *Оля Ижевскын медрабфакын дышетскизы* (СВ, 40). ‘Маня и Оля вместе учились в Ижевском медрабфаке’ и др.

Таким образом, содержательная функция категории числа, основанная на количественном различении предметов и сводимая к квантитативной актуализации имени, в удмуртском языке в ряде случаев имеет факультативное выражение. Важным условием для дистрибуции показателей множественного числа является контекст, поскольку «ни словоизменительный, ни синтаксический, ни словообразовательный критерии не позволяют четко

разграничивать лексико-грамматические разряды существительных с точки зрения числового распределения» (Калинина 2007: 58).

Говоря о функциональной нагрузке показателя *-ос*/*-ёс* в системе современного удмуртского языка, следует заметить, что данный маркер не всегда является словоизменительным суффиксом. В ряде случаев он обладает словообразовательным значением. Так, сочетание словообразования с формообразованием характерно для следующих случаев:

а) при образовании имен существительных:

– от имен прилагательных: *мӧйы**ос*** ‘взрослые’, *егитъ**ёс*** ‘молодежь’, *гордъ**ёс*** ‘красные’, *тӧдьы**ос*** ‘белые’, *узыръ**ёс*** ‘богатые’: *Пичи**ос**лы ватскемен но шудыны луоз* (ГГ, 161). ‘Детям можно поиграть и в прятки’; *Паймисько та гурто**ос**лы* (ГГ, 250). ‘Я удивляюсь жителям своего села’;

– от причастных форм: *Урам палась кык вамышъясь**ёс** адскизы* (ГГ, 178). ‘Со стороны улицы появились два человека (букв.: двое шагающих)’; *Вань мынӥсь-ветлӥсь**ёс** пӧлысь та воргорон туж висъяське* (ГГ, 130). ‘Среди всех путников этот человек выделяется’; *Ужысь бертӥсь**ёс** кӧня ке чалмыт вамышъязы* (ЗЕ, 378). ‘Возвращающиеся с работы люди немного прошагали молча’;

– от местоименных основ: *– Я, кыце милямъ**ёс** пӧраны? – ушъяськись муртлэн куараеныз юаз Ишан* (НЛ, 165). ‘– Ну и как наши умеют готовить? – довольным голосом спросила Ишан (имя персонажа)’; *Озьыен, со зэм но монэ «аслазъ**ёс**ыз» доры ваем?* (НЛ, 165). ‘Значит, она меня на самом деле привела к своим?’; *А ведь котькуд ми шуон уно монъ**ёс**лэсь люкаське* (АС, 236). ‘А ведь любое «мы» состоит из множества «я»’;

– от послеложных основ: *Та космонавт шуонъ**ёс**сы инбамез воксё пасяса быдтӥзы ни, лэся* (ГГ, 158). ‘Видимо, так называемые космонавты продырявили все небо’; *Мон но тон кадь**ёс**лэсь уг кышкаськы* (ЗЕ, 373). ‘Я не боюсь таких как ты’; *Со кадь**ёс**ыз нокинэн но уд сура, нылы* (НЛ, 77). ‘Таких как он ни с кем не перепутаешь, дочка’;

б) в случае интерференции русского языка: *Ортчизы ватонъ**ёс*** (ГГ, 23). ‘Провели похороны’; *Мылкыд карисьёс палэзьнянь пыжозы, юзматӥсь юонъ**ёс** пуктозы* (ГГ, 49). ‘Желающие испекут из плодов рябины пироги, приготовят прохладительные напитки’; *Концерт бере эктонъ**ёс** кутскизы* (ЗЕ, 399). ‘После концерта начались танцы’.

Таким образом, в зависимости от соотношения грамматических / семантических значений и прагматического аспекта, категория числа в системе литературного удмуртского языка может рассматриваться как бинарное противопоставление единичности/множественности, а также как тернарное противопоставление единичности/множественности и неисчисляемости.

Условные сокраения источников

АС – Ар-Серги В. Ноктюрн: Веросъёс. Ижевск: Удмуртия, 2003. 304 б.; ***ВР*** – Валишин Р.Г. Инвожо уйшоре но пиштэ: Повесть. Ижевск: Удмуртия, 1974. 156 б.; ***ГГ***. – Грязев Г.Г. Кирень куректон: Очеркъёс, повестьёс. Ижевск: Удмуртия, 1996. 280 б.; ***ЗЕ*** – Загребин Е.Е. Тулыс зор: Пьесаос, веросъёс / Послесл. А.Г. Шкляевлэн. Ижевск: Удмуртия, 1997. 416 б.; ***КГ*** – Красильников Г.Д. Тонэн кылисько: Роман. Повесть. Ижевск: Удмуртия, 1991. 390 б.; ***КМ*** – Коновалов М.А. Гаян: Роман. Ижевск: Удм. кн изд-во, 1958. 230 б.; ***НЛ*** – Нянькина Л.В. Ваёбыж кар: Веросъёс, повесть. Ижевск: Удмуртия, 1996. 176 б.; ***ПГ*** – Перевощиков Г.К. Шелеп: Повестьёс, верос; Жестокосердие: Повести. Трилогия / Пер. с удм. Вл. Емельянова. Ижевск: Удмуртия, 2004. 464 с.; ***ПФ*** – Пукроков Ф.П. Кизили ныл: Роман, повестьёс. Ижевск: Удмуртия, 1997. 312 б.; ***СВ*** – Садовников В.Е. Кошкизы но – öз берытске: Повесть, очерк, веросъёс. Ижевск: Удмуртия, 1995. 142 б.; ***ХР*** – *Хайдар Р.О.* Ачим: Веросъёс, юморескаос, скетчъёс. Ижевск: Удмуртия, 1999. 200 б.; ***ЧП*** - *Чернов П.К.* Казак воргорон: Повестьёс / Послеслов. А.А. Ермолаевлэн. Ижевск: Удмуртия, 1996. 480 б.

Литература

Исанбаев Н.И. Особенности категории множественности имен существительных в восточномарийских говорах // Вопросы грамматики и лексикологии / Мар. НИИ при Сов. Мин. Мар. АССР. Йошкар-Ола, 1980. С. 5–28.

Калинина Л.В. К вопросу о критериях выделения и отличительных приметах лексико-грамматических разрядов имен существительных // Вопросы языкознания. 2007. № 3. С. 55–70.

Крылов С.А. Дихотомический подход к классификации референциальных статусов // Анализ знаковых систем. История логики и методологии науки: Тезисы докладов IX Всесоюзного совещания. Киев, 1986. С. 21–23.

Майтинская К.Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков / АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1979. 264 с.

ОФУЯ 1974 – Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков / АН СССР. Ин-т языкозн. М: Наука, 1974. 484 с.

Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 283 с.

Стрелкова О.Б. Имена числительные удмуртского языка (в историко-типологическом аспекте). Дис. канд. филол. наук. Ижевск, 2009. 217 с.

Тураева З.Я., Биренбаум Я.Г. Некоторые особенности категории количества (На материале английского языка) // Вопросы языкознания. 1985. № 4. С. 122–130.

Bartens R. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 2000. 376 s.

Csúcs S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. 410 o.

Honti L. Numerusprobleme (Ein Erkundugszug durch den Dschungel der uralischen Numeri) // FUF 54 (1997). № 1–2. S. 1–126.
Koptjevskaja-Tamm M. Mass and collection // Morphologie. Ein internationales Handbuch zur Flexion und Wortbildung / Herausgeg. Booij G., Lehmann Ch., Mugdan J., Skopeteas S. Halbband 2. 2001, Berlin: Walter de Gruyter, New York. S. 1067–1073 (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. Band 17.2)
Kövesi M. A permi nyelvek ősi képzői. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1965. 432 o.
Luutonen J. The Variation of Morpheme Order in Mari Declension. Helsinki, 1997. 201 s. (= SUST 226).
Luutonen J. The history of Permic, Mari and Chuvash plural suffixes in the light of Indo-Aryan parallels // SUSA. 88 (1999). S. 73–101.
Rédei K. A zürén *-jas* stb. és a votják *-jos* többesjel eredetéhez // NyK 65 (1963). 374–375 o.
Rédei K. Geschichte der permischen Sprachen // The Uralic Languages. Description, history and foreign influences / Denis Sinor (ed.). – Leiden–New York–København–Köln, 1988. S. 351–394.
SSA – Suomen sanojen alkuperä: Etymologinen sanakirja. 1: A–K / Ed. Itkonen E., Kulonen U.-M. Helsinki, 1992. 486 s.
Uotila T. E. Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. Helsinki, 1933. 446 s.

Kovács Magdolna
Helsinki

ADALÉKOK A FINNORSZÁGI MAGYAROK NYELVI HELYZETÉHEZ: A FINN NYELVPOLITIKA KERETEI ÉS A VELE KAPCSOLATOS ATTITŰDÖK

Bevezetés

A nyelvi tervezést, amely egy kisebbség nyelvi helyzetébe való tudatos beleavatkozás(i kísérlet), nehéz elindítani az adott közösség nyelvi helyzetének feltérképezése nélkül. A finnországi magyarokkal kapcsolatban a nyelvi helyzetet befolyásoló nyelven kívüli tényezők közül jelen tanulmányomban a nyelvpolitikát és az attitűdöket emelem ki: milyen hivatalos keretet biztosít a finn nyelvpolitika – a történelmi kisebbségekhez viszonyítva – a magyar és egyéb bevándorló kisebbségi nyelvek ápolására, fenntartartására, illetve hogyan értékelik és használják ki a hivatalos kereteket a finnországi magyarok.

A ”finnországi magyarok” elnevezést rövidsége miatt alkalmazom: beleértem az egy évnél hosszabb ideje Finnországban tartózkodó (Magyarországon vagy a határon túl született) magyarokat, valamint leszármazottaikat. A finnországi magyarok természetesen nem alkotnak egységes csoportot sem területileg, sem például identitásuk vagy magyar nyelvhasználatuk szempontjából, az egyszerűség kedvéért itt mégis közösen nevezem meg őket.

A finnországi magyarok bevándorlástörténetét, szervezeteiket, valamint a velük kapcsolatos demográfiai adatokat máshol már felvázoltam (Kovács 2009, 2011), itt csak a legszükségesebb adatokra szorítkozom.

A tanulmányban felhasznált kérdőíves adatokat 2008 őszén gyűjtöttem. Az adatbázis 107 első és 30 második generációs finnországi magyarnak a nyelvhasználati szokásokra és az identitásra vonatkozó kérdésekre adott válaszait tartalmazza.

A finn nyelvpolitika a történelmi kisebbségek szempontjából

A finn nyelvpolitika történetéről a finn nyelv státusa szempontjából Hakulinen és munkatársai (2009: 15–43) adnak átfogó összefoglalást finn nyelven. A finnországi nyelvpolitikával többen foglalkoztak már magyarul is (Kovács 2005, Mantila 2008, Laihonen 2009), ezért tanulmányomban a finn nyelvpolitikának a tanulmány szempontjából lényeges elemeit emelem ki.

A finn nyelvpolitika Finnország függetlenné válása (1917) után egészen az 1990-es évekig a finn és a svéd nyelv státusának, egymás közötti viszonyának meghatározását jelentette, s a nyelvtörvények is ezt szabályozzák. A finn nyelvpolitika egyik különleges sajátossága – ahogy arra Laihonen (2009: 131) is rámutatott már – az, hogy a finnországi svéd ajkú kisebbség nyelve ”de jure” nem kisebbségi nyelv, hanem a finnel egyenrangú hivatalos államnyelv. Ezt a státust az 1999-ben módosított alkotmány (Perustuslaki 1999: 17. §) és a 2003-as nyelvtörvény (Kielilaki 2003: 1. §) is rögzíti, melyek szerint: ”Suomen kansalliskielet ovat suomi ja ruotsi.” [Finnország nemzeti nyelvei a finn és a svéd.] (A fordítás itt és a továbbiakban: a tanulmány

szerzőjétől). A jogi státus gyakorlatban való (de facto) érvényesülésére az állami hivatalokban dolgozó többségiek, azaz a finn anyanyelvűek számára is kötelezővé teszik a svéd nyelv ismeretét, valamint a svéd nyelvet kötelező jelleggel oktatják az általános iskolákban és a gimnáziumokban (Kovács 2006: 43–44). A finn nyelvpolitikát többek között e sajátossága miatt szokták a pozitív kisebbségi diszkrimináció mintájaként emlegetni. A svéd nyelv ilyen státusa valószínűleg elképzelhetetlen lenne a svéd nyelvnek a finn történelemben betöltött korábbi szerepe nélkül.

A svéd nyelv pozitív diszkriminációja ellenére a svéd anyanyelvűek száma fokozatosan csökken: 1900-ban az összlakosság 12,9%-a, 1950-ben 8,6%-a, 2009-ben pedig 5,4%-a volt svéd anyanyelvű (StatFin 2010a, b). A svéd nyelv szerepének bizonyos mértékű visszaszorulását és az angol nyelv térhódítását felismervén a Hazai nyelvek kutatóintézete (Kotimaisten kielten tutkimuskeskus) megjelentetett egy, a svéd nyelvet érintő cselekvési programtervezetet (Tandefelt 2003; majd 2009-ben a romani (cigány) nyelvről: ROMANI 2009), amely a kisebbségi nyelvi tervezés egy fontos lépésének tekinthető. Hasonló meggondolások alapján a többségi, vagyis a finn nyelvet érintő cselekvési programtervezetet is megjelentetett az intézet (Hakulinen és munkatársai 2009).

A 2009 végén 1789 anyanyelvi beszélőt számláló, őshonos számikkal (lappokkal) kapcsolatos (nyelv)politika egészen az 1970-es évekig a nyelvi és kulturális asszimilációra törekedett. Például a számi gyermekek iskolai bentlakásos rendszere elszakította a gyermekeket az anyanyelvi környezettől, s nemcsak a finn nyelven való tanulásra kényszerítette őket, hanem tiltotta is az anyanyelvi kommunikációt. A számiknak a nyelvükhöz és kultúrájukhoz való jogát csak az 1990-es években kezdték rögzíteni. Egy 1998-as rendelet már a Regionális vagy Kisebbségi Nyelvek Európai Chartájában felsorolt jogokkal ruházza fel a számikat (Asetus 1998a), majd ezt kiterjesztik a roma (romani) nyelvre is (Asetus 1998b), 2009-ben pedig a karjalaira (Asetus 2009). Az 1999-ben módosított alkotmánynak (Perustuslaki 1999) a saját nyelvhez és kultúrához való jogról szóló 17. paragrafusa külön kitér a számikra (a romákkal és a jelnyelvet használókkal együtt). A négy évvel később született és 2004-ben életbe lépett számi nyelvtörvény (Saamen kielilaki 2003) pedig biztosítja a számi nyelv(ek) széleskörű használatát a hivatalokban és a bíróságokon a számik által lakott északi területeken (Enontekiö, Inari, Sodankylä és Utsjoki), vagyis regionális nyelvi jogokat rögzít.

A finn nyelvpolitika a bevándorló kisebbségek szempontjából

A Finn Statisztikai Hivatal (StatFin 2010a) adatai szerint az idegen nyelvűek (vieraskieliset) száma 1990 és 2009 között több mint nyolcszorosára emelkedett: míg 1990-ben csak mintegy huszonötezren (24 783) voltak, számuk 2000 végén megközelítette a százezret (99 227), 2009 végére pedig már meghaladta a kétszázezret (207 037). A Finnországban élő öt legnagyobb idegen anyanyelvi kisebbség 2009 végén az orosz (51 683 anyanyelvi beszélővel, amely az idegen nyelvűek 25,0%-át teszi ki), az észt (25 096; 12,1%) az angol (12 063; 5,8%), a szomáli (11 681; 5,6%) és az arab (9 682; 4,7%) volt (ULKOM 2010). Mivel az idegen nyelvűek száma egyre nő, nem mindegy, hogy milyen nyelvpolitikát érvényesítenek velük szemben.

A finn alkotmány az egyenlőség elve alapján tiltja a nyelvi alapon történő (hátrányos?) megkülönböztetést: ”Ketään ei saa ilman hyväksyttävää perustetta asettaa eri asemaan sukupuolen, iän, alkuperän, kielen, uskonnon, vakaumuksen, mielipiteen, terveydentilan, vammaisuuden tai muun henkilöön liittyvän syyn perusteella”. [Elfogadható érv nélkül senkit nem szabad neme, kora, származása, nyelve, hite, meggyőződése, véleménye, egészségi állapota, fogyatékossága vagy a személyével kapcsolatos egyéb ok alapján megkülönböztetni.] (Perustuslaki 1999, 6. §). Az ”elfogadható érv nélkül” kitétel kissé meglepő, de talán ezzel teszi lehetővé az alkotmány a pozitív diszkriminációt; bár a fenti megfogalmazás elvileg a hátrányos megkülönböztetést sem zárja ki.

Az alkotmány 17. paragrafusa a svéd nyelv nemzeti nyelvvé nyilvánítása mellett biztosítja a saját nyelvhez és a kultúrához való jogot a számi és a roma kisebbségen kívül az ”egyéb csoportok” számára is: ”Saamelaisilla alkuperäiskansana sekä romaneilla ja muilla ryhmillä on oikeus ylläpitää ja kehittää omaa kieltään ja kulttuuriaan”. [Az őshonos számiknak és a romáknak, valamint az egyéb csoportoknak joguk van fenntartani és fejleszteni saját nyelvüket és kultúrájukat.] (Perustuslaki 1999, 17. §). Az alkotmányban külön említik még a jelnyelvet használókat és a fogyatékkal élőket, de az ”egyéb csoportok” kategóriájának mibenléte nem derül ki pontosan. A 2003. évi nyelvtörvény 9. paragrafusa az ”egyéb nyelvek” hivatalos használatának szabályozását a különböző szaktárcák (oktatásügyi, kulturális, egészségügyi, munkaügyi) hatáskörébe utalja. Ez nagymértékben megnehezíti áttekinthetőségüket. A Munkaügyi Minisztérium nyelvi szolgáltatásokról szóló 1999. évi kiadványában az állam által biztosított ingyenes tolmács- és fordítói szolgáltatásokat csak a menekültek (pakolaiset), illetve a hazatelepülők (paluumuuttajat) körére terjeszti ki, pedig a kiadvány címében a bevándorlók (maahanmuuttajat) szó szerepel (TYÖMIN 1999: 6). A legújabb egészégügyi törvény biztosítja az anyanyelven történő betegellátást nemcsak a többségiek, hanem a svéd és a számi kisebbség, valamint a skandináv nyelveken beszélők számára is (Terveydenhuoltolaki 2010/1326 6. §), de ingyenes tolmács- és fordítói szolgáltatásokról nem tesz említést a bevándorlókkal kapcsolatban.

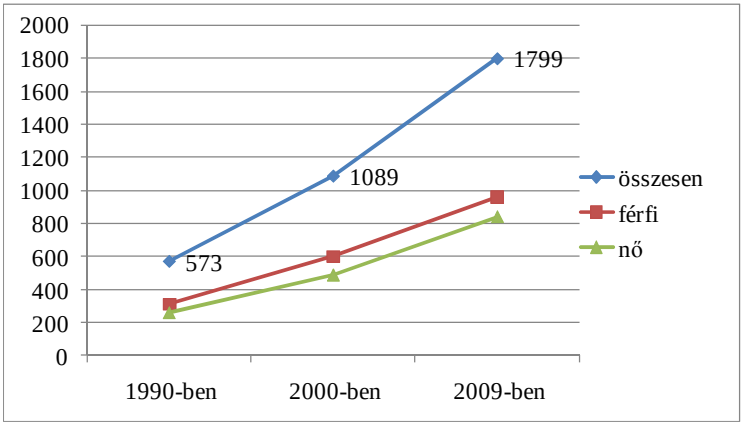
Az egyenlőségről szóló törvény szintén tiltja a nyelvi és etnikai alapon történő diszkriminációt (Yhdenvertaisuuslaki 2004, 6. §). A diszkrimináció megtiltása azonban csak az első lépés, s önmagában nem elegendő a kisebbségi nyelvek megmaradásához. Aktív támogatásuk – különösen az anyanyelvi oktatás területén – a kisebbségi nyelvmegőrzés szempontjából elengedhetetlen. A finn Oktatási Minisztérium 1777/2009 sz. rendelete (OPM 2009) meghatározza az idegen, valamint a számi és romani anyanyelvű diákok anyanyelvi oktatása állami támogatásának feltételeit (amennyiben az iskolai oktatás nyelve nem a kérdéses nyelv): a támogatott óraszám heti két óra és minimum négy gyermek részvétele szükséges hozzá (3. §: Valtionavustusta suoritetaan 2 opetustunnista viikossa jokaista neljän oppilaan laskennallista ryhmää kohti.), s az oktatási támogatást az önkormányzatok, illetve az általános és gimnáziumi oktatással foglalkozó egyesületek vagy alapítványok vehetik igénybe (1. §). A támogatás pályáztatását jelenleg az Oktatási Minisztérium Oktatási Hivatala (Opetushallitus) végzi. Hasonló támogatást már az 1990-es évek közepétől kezdve igénybe lehetett venni Finnországban. Az oktatás nem tartozik az alaptantervkerethez, hanem kiegészítő oktatásként értendő. Az oktatás megszervezését azonban a rendelet nem írja elő kötelező jelleggel, s mivel a támogatás nem fedezi teljes mértékben a költségeket, nem mindenhol szervezik meg.

A 6–19 éves idegen anyanyelvűek száma például 2004 végén 25 846 volt; ugyanezen év őszén 10 408 diák (a jogosultak 40%-a) részesült a heti két órás anyanyelvi oktatásban (OPH 2004a, b). Az ”anyanyelvi oktatás” azonban kissé megtévesztő terminológia. Ugyanis a támogatásban olyan finn vagy svéd anyanyelvűek is részesülhetnek, akik külföldön szerzett nyelvtudásukat szeretnék megőrizni (OPH 2010). Így pl. a 2004-es tanévben az anyanyelvi oktatásban részt vevő diákok aránya valószínűleg alacsonyabb 40%-nál, de hogy mennyivel, az nem derül ki a dokumentumból. A történelmi kisebbségek szempontjából pedig megkérdőjelezhető az a gyakorlat, hogy az ”idegen anyanyelvűek” oktatásához sorolják azoknak a számi és roma származásúaknak az oktatását is, akik nem anyanyelvükön tanulnak az iskolában, vagy akiknek nem anyanyelvük saját kisebbségük nyelve. Igaz, hogy az oktatás e formájában részt vevő diákok száma 2004 őszén nem volt túl magas: 12 számi és 142 roma (OPH 2004b).

A bevándorlók számának növekedésével a bevándorlók anyanyelvi oktatásának támogatása egyre aktuálisabb kérdés lesz Finnországban: 2008 őszén már 12 245 diák vett részt heti két órás anyanyelvi oktatásban 54 nyelven (OPH 2008).

A finn nyelvpolitika keretei: magyar nyelvű oktatás és a vele kapcsolatos attitűdök

A Finn Statisztikai Hivatal adatai szerint 2009 végén 1799 magyar anyanyelvű személy élt Finnországban (StatFin 2010a; 1. sz. ábra). Ebben a statisztikában nem szerepelnek azok a – második vagy harmadik generációs – személyek, akik ugyan beszélnek magyarul, de anyanyelvük hivatalosan finn, esetleg svéd vagy egy harmadik nyelv.

1. sz. ábra. A magyar anyanyelvűek száma Finnországban 1990–2009 között. (Forrás: StatFin 2010a.)

A magyar az 1799 anyanyelvi beszélővel az idegen anyanyelvűek csoportjában a 17. helyet foglalja el – s 0,9%-ukat teszi ki (ULKOM 2010) –, viszont az őshonos számi nyelve(ke)t anyanyelvüknek valló finnországi személyeknél tízzel több.

Habár a finnországi magyarok létszáma viszonylag alacsony, az anyanyelvi oktatás támogatása elvileg nem függ a kisebbségi csoport létszámától. A 2008-ban gyűjtött kérdőíves adatok között a finnországi magyar válaszadók értékelték a finn nyelvpoltikát, amelynek része az anyanyelvi oktatás megteremtésének lehetősége is.

Arra a kérdésre, hogy mennyire támogatja Finnország a kisebbségi nyelveket, a finnországi magyarok 39%-a válaszolta, hogy megfelelő mértékben, s az egyik első generációs adatközlő az oktatási támogatást emelte ki pozitív példaként: ”A tolmács biztosítása az orvosnál, és a kisebbségi nyelv tanitása megfelelö számú jelentkezö esetén elég komoly segítség más országokhoz viszonyítva, de mindig lenne javítanivaló, ha pénzt adnának rá.” (A példákat a válaszadók által megadott ékezetekkel, helyesírással stb. közlöm mind a magyar, mind a finn nyelvű idézetek esetében.) A válaszadók 17%-a szerint viszont Finnország csak bizonyos nyelveket támogat megfelelő mértékben. A leginkább támogatott nyelvként a legtöbben a svédet említették meg, néhányan a számit. A svéd támogatásának mértékét az első generáció tagjai közül többen túlzásnak tartották: ”A svédet túlzásba viszik, de hát ez szimpla politika....” A svéd és a számi mellett a két legmagasabb lélekszámú bevándorló kisebbség anyanyelvének, az orosznak és az észtnek a nagyobb mértékű támogatását emelték ki. Az adatközlők jelentős hányada, 36%-a azonban nem tudta, hogy megfelelő támogatást nyújt-e Finnország a kisebbségi nyelveknek. Ez utalhat a tájékoztatás hatékonyságának hiányára – vagy a kisebbségi érdeklődés hiányára, ahogy az az egyik első generációs adatközlő válaszából is kiderül: ”Nem lattam valaszthato magyar oktatast, igaz nem is kerestem.”

A magyar származású gyermekek magyarul való oktatása már korán, az 1970-es években elkezdődött önkéntes munka eredményeképpen Espooban, majd a ‘80-as években szervezett iskolai keretek között, kisegítő funkcióként folytatódott a finn nyelven nehezebben boldogulók számára. A heti két órás magyaroktatás 1988-ban indult be ugyanitt. A példát Helsinki követte 1990-ben, majd Vantaa és Kauniainen 2000-ben, Turku 2003-ban, Tampere 2006-ban és végül Jyväskylä 2007-ben. A magyaroktatásra jogosult 7–19 éveseknek azonban kevesebb mint egyharmada vesz részt az oktatásban, pl. 2006 őszén 27%-uk, ami jóval kisebb arány, mint a korábban említett, az összes bevándorló nyelvet érintő 40%-os átlag. A 2009–2010-es tanévben a 7–15 éves, magyaroktatásban részesülő diákok száma 54 volt: Espooban 4 csoportban 24, Vantaaban 8, Helsinkiben 7, Tamperében (2010 tavaszán) 7, Turkuban és Jyväskyläben pedig 4–4 diák (Kovács 2011: 135–136). A magyartanulás lehetőségeit a felsőoktatásban jelen tanulmányomban nem részletezem, mert azok elsősorban a többségiek igényeit szolgálják, bár egy-egy második generációs magyar is előfordul a diákok között.

A finnországi magyarok nyelvhasználati szokásainak felmérésével kapcsolatos kérdőíven rákérdeztem arra is, hogy részesültek-e anyanyelvi oktatásban Finnországban. A 2008-ban kitöltött kérdőívek tanúsága szerint csak három olyan második generációs válaszadó tanult iskolai keretek között magyarul, akinek mindkét szülője magyar. Ez természetesen nem feltétlenül utal a kisebbségi aktvitás hiányára, hanem például arra, hogy a lakóhelyükön nem volt lehetőség iskolai magyartanulásra. A felénél többen (16-an) viszont rendszeresen tanultak otthon tankönyvekből a szüleikkel magyarul, néhányan 8–9 évig is. Ez azt mutatja, hogy az otthonnak nemcsak a ”természetes” nyelvelsajátításban van nagy szerepe, hanem a kisebbségi létben a nyelvmegőrzést fontosnak tartó szülők kénytelenek átvenni az iskola szerepkörébe tartozó bizonyos oktatási feladatokat is. Azokban a családokban, ahol mindkét szülő magyar, az otthon vagy iskolában magyarul tanuló gyermekek száma jóval magasabb arányú (11/14), mint a vegyes házasságú családokban (6/14; két adat hiányzik).

A szülők és a jövendő szülők többsége (87/107 az első és 22/30 a második generációból) azonban azt is szeretné, ha a finn iskolában a gyermeke kétnyelvű, finn–magyar oktatásban részesülhetne. Indoklásukban az anyanyelv szerepére utaltak, s ebben az iskolai nyelvhasználati színtér fontosságára: ”Mert az egyik az anyanyelvük, a másik pedig az ország nyelve, ahol élünk.” – ”Hogy mindkét nyelvet gyakorolhassa az iskolában.” (1. generációs adatközlők). Többen azonban úgy látják, hogy hasznosabb lenne a gyermek számára, ha csak finn vagy finn és angol nyelven tanulna az iskolában, s a magyarnak elegendő a családi nyelvhasználati színtér: ”Finnül és angolul, magyarul otthon rendszeresen kell a kicsikkel beszélni.” (1. gen). Egy második generációs adatközlő pedig a megvalósítás anyagi nehézségeit emeli ki: ”Ideaali tilanne olisi molemmat kielet, en kuitenkaan usko että tähän on mahdollisuutta/resursseja.” [Az ideális eset az lenne, ha mindkét nyelven [tanulna], de nem hiszem, hogy erre volna lehetőség/anyagi feltételek.] A megvalósítással kapcsolatos gyakorlati nehézségekre találóan utal egy első generációs adatközlő is: ”Van lehetöség heti 2 órában magyarul tanulni, de ezt valahogy jobban meg kellene szervezni, képzett tanárok kellenének, közeli iskolákban stb.”

Összegzés

A mai finn nyelvpolitika pozitív lehetőséget nyújt a kisebbségeknek, különösen a svéd ajkúaknak és a számiknak a nyelvmegőrzéshez. A bevándorló kisebbségekkel kapcsolatos nyelvpolitika keretei jóval szűkebbek, s a kisebbségi nyelvi oktatás biztosítása nem kötelező jellegű. A történelmi kisebbségek és a többség nyelvének megőrzése érdekében készült nyelvi cselekvési programok mintául szolgálhatnának a bevándorló kisebbségek nyelvi tervezésénél is.

A finnországi magyarok elviekben szeretnék kihasználni az adott kereteket: sokan a magyar–finn kétnyelvű oktatás mellett foglalnak állást. Ugyanakor látják a megvalósítás nehézségeit is. A gyakorlatban a jogosultaknak kevesebb mint egyharmada vesz részt a heti két órás magyaroktatásban. A nyelvpolitika biztosította tanulási lehetőséget a vizsgált csoportban csak hárman vették igénybe, viszont a szülők által nyújtott otthoni oktatás magas arányú volt azoknál a diákoknál, akiknek mindkét szülője magyar. Vegyes házasságú családban ez az arány jóval alacsonyabb. Ez összhangban van azzal a szinte szociolingvisztikai közhellyel, hogy a vegyes családokban a nyelvi beolvadás gyorsabb, mint ahol mindkét szülő ugyanazon kisebbséghez tartozik.

Irodalom

Asetus 1998a = Asetus alueellisia kieliä tai vähemmistökieliä koskevan eurooppalaisen peruskirjan voimaansaattamisesta. 149/1998.
URL: http://www.finlex.fi/fi/laki/alkup/1998/19980149. 2011. 1. 11.

Asetus 1998b = Asetus alueellisia kieliä tai vähemmistökieliä koskevan eurooppalaisen peruskirjan voimaansaattamisesta annetun asetuksen muuttamisesta. 718/1998.
URL: http://www.finlex.fi/fi/laki/alkup/1998/19980718. 2011. 1. 11.

Asetus 2009 = Tasavallan presidentin asetus 956/2009.
URL: http://www.finlex.fi/fi/laki/alkup/2009/20090956. 2011. 1. 11.

Hakulinen, Auli – Kalliokoski, Jyrki – Kankaanpää, Salli – Kanner, Antti – Koskenniemi, Kimmo – Laitinen, Lea – Maamies, Sari – Nuolijärvi, Pirkko 2009: Suomen kielen tulevaisuus. Kielipoliittinen toimintaohjelma. Helsinki: Kotimaisten kielten tutkimuskeskus.
URL: http://scripta.kotus.fi/www/verkkojulkaisut/julk7/). 2011. 1. 12.

Kielilaki 2003 = Kielilaki 423/2003.
URL: http://www.finlex.fi/fi/laki/alkup/2003/20030423. 2010. 6. 28.

Kovács Magdolna 2005: Nyelvpolitika elméletben és gyakorlatban: kétnyelvűség a finnországi egyetemeken. In: Kontra Miklós (szerk.), Sült galamb? Magyar egyetemi tannyelvpolitika. Konferencia a tannyelvválasztásról Debrecenben, 2004. október 28–31-én. Somorja–Dunaszerdahely: Fórum Kisebbségkutató Intézet – Lilium Aurum Könyvkiadó.

Kovács Magdolna 2009: A finnországi magyarok egy csoportjának identitása és nyelvi attitűdjei. In: Borbély Anna – Vančoné Kremmer Ildikó – Hattyár Helga (szerk.), Nyelvideológiák, attitűdök és sztereotípiák. 15. Élőnyelvi Konferencia Párkány (Szlovákia), 2008. szeptember 4–6. MTA Nyelvtudományi Intézet – Gramma Nyelvi Iroda – Konstantin Filozófus Egyetem Közép-európai Tanulmányok Kar. Budapest–Dunaszerdahely–Nyitra: Tinta könyvkiadó. 359–366.

Kovács Magdolna 2011: Ethnic and linguistic identities of Hungarians and their descendants in Finland. In: Riho Grünthal – Magdolna Kovács (szerk.), Ethnic and Linguistic Context of Identity: Finno-Ugric Minorities. – Uralica Helsingiensia 5.

Laihonen, Petteri 2009: A finn nyelvpolitika. In: Magyar Nyelvjárások 47: 119–143.
(URL: http://mnytud.arts.klte.hu/mnyj/47/08laihonen.pdf). 2011. 1. 12.

Mantila, Harri 2008: A finn nyelvpolitika. In: G. Bogár Edit (szerk.), Kontrasztok: Ünnepi konferencia és kiállítás a pozsonyi Comenius Egyetem Magyar Nyelv és Irodalom Tanszékének 50 éves évfordulóján. A konferencián elhangzott előadások. Pozsony: Comenius Egyetem. 117–125.

OPH 2004a = Vieraskielisten 1–20-vuotiaiden määrä Suomessa 31.12.2004. Opetushallitus.
URL: http://www.oph.fi/download/48003_vieraskieliset_ikaluokasta_2004.pdf. 2010. 6. 28.

OPH 2004b = Maahanmuuttajien äidinkielen opetukseen osallistuneet vuonna 2004. Opetushallitus.
URL: www.oph.fi/download/48012_oma_aidinkieli_2004.pdf. 2010. 6. 28.

OPH 2008 = Omana äidinkielenä opetetut kielet ja opetukseen osallistuneiden määrät vuonna 2008. Opetushallitus.
URL: www.oph.fi/download/121568_oma_aidinkieli_2008_syksy_kevat.pdf. 2010. 6. 28.

OPH 2010 = Tiedote 4/2010. Valtionavustus vieraskielisten sekä saamen- ja romanikielisten oppilaiden ja opiskelijoiden esi- ja perusopetuksen sekä lukiokoulutuksen järjestämiseen vuonna 2010. Opetushallitus.
URL: www.oph.fi/download/119884_Tiedote_4_2010.pdf. 2010. 6. 28.

OPM 2009 = Opetusministeriön asetus vieraskielisten sekä saamenkielisten ja romanikielisten oppilaiden täydentävään opetukseen perusopetuksessa ja lukiokoulutuksessa myönnettävän valtionavustuksen perusteista 1777/2009. – http://www.finlex.fi/fi/laki/alkup/2009/20091777. 2010. 6. 28.

Perustuslaki 1999 = Suomen perustuslaki 11.6.1999/731.

URL: http://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/1999/19990731. 2010. 6. 28.
ROMANI 2009 = Romanikielen kielipoliittinen ohjelma. Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 156. Helsinki: Kotimaisten kielten tutkimuskeskus. URL: http://scripta.kotus.fi/www/verkkojulkaisut/julk10/romanikielen_kielipoliittinen_ohjelma.pdf. 2011. 1. 20.
StatFin 2010a = Tilastokeskus. Tilastokeskuksen PX-Web-tietokannat. Väestörakenne. URL: http://pxweb2.stat.fi/database/StatFin/vrm/vaerak/vaerak_fi.asp. 2010. 6. 25
StatFin 2010b = Ruotsinkielisten osuus väestöstä 1900–2009. URL: http://www.stat.fi/til/vaerak/2009/01/vaerak_2009_01_2010-09-30_kuv_001_fi.html. 2010. 12. 10.
Tandefelt, Marika 2003: Tänk om… Svenska språknämndens förslag till handlingsprogram för svenskan i Finland. [Helsingfors:] Forskningscentralen för de inhemska språken. URL: http://kaino.kotus.fi/www/verkkojulkaisut/tank_om/tank_om_1.pdf. 2011. 1. 20.
Terveydenhuoltolaki 2010/1326. URL: http://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/2010/20101326. 12. 2. 2011.
TYÖMIN 1999 = Maahanmuuttajille tarkoitettujen tulkkaus- ja kielipalvelujen kehittämissuunnitelma. Työhallinnon julkaisu no 231. Työministeriö. URL: http://www.mol.fi/mol/fi/99_pdf/fi/06_tyoministerio/06_julkaisut/07_julkaisu/thj231.pdf. 2011. 1. 10
ULKOM 2010 = Tietoja ulkomaan kansalaisista, vieraskielisistä ja maahanmuuttajista Suomessa. URL: http://www.kunnat.net/fi/tietopankit/tilastot/vaestotietoja/ulkomaalaiset_ja_vieraskieliset/Documents/Ulkomaalaiset%20ja%20vieraskieliset%202009.pdf. 2011. 1. 10.
Yhdenvertaisuuslaki 2004 = Yhdenvertaisuuslaki 20.1.2004/21. URL: http://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/2004/20040021. 2010. 6. 10.

Надежда Краснова
Йошкар-Ола

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА, ОСНОВАННЫЕ НА ИНТЕНСИФИКАЦИИ КОНКРЕТНЫХ ЧЕРТ ПРЕДМЕТОВ, В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ИВАНА ГОРНОГО

Целью данной работы является определение и описание лексических выразительных средств и стилистических приемов, основанных "на интенсификации конкретных черт предметов или явлений" (Galperin 1997). В соответствии с намеченной целью предполагается решить следующие задачи:

1) установить лингвистическую природу выявленных выразительных средств;
2) определить функции стилистических приемов.

При написании данной работы был использован описательный метод в рамках системно-функционального подхода. Материалом для статьи послужили поэтические произведения горномарийского автора Ивана Горного.

Одним из самых распространенных лексических средств в стихотворениях Ивана Горного является перифраз. Анализ дефиниций перифраза показывает, что в лингвостилистике этот термин определяется двояко: и как троп, и как стилистический прием. Под перифразом понимается выразительное средство, заключающееся в замене какого-нибудь слова описательным оборотом в рамках текста. Считается, что перифраз, как и слово, номинативен, т. е. служит для называния предметов, явлений, качеств и действий. Но следует указать, что перифраз является номинацией описательной, оценочной.

В лингвостилистике разграничиваются образные и необразные типы перифраза (Грехнева 2001, Квятковский 1966). Под необразным перифразом понимается простое переименование предметов, качеств, действий. В произведениях Ивана Горного необразные перифразы чаще всего используются для переименования предметов и различных объектов, например: Йӹргецет ӹнян тӓнгвлӓ лиштӹ манын, Тӹнь *качы вӹд* дон ит аздары лиш – Йоктарен кеӓ тыдыӹ шу вӹд ганьы, Шӱлӓлтенӓт вӓк ат шокты изиш (Горный, 2003: 35). Несмотря на то, что необразный перифраз *качы вӹд* букв. «горькая вода» употребляются в поэтической речи, он не несет на себе никакого оттенка изобразительности. Можно сказать, что данный тип перифразы в марийском языке стал нормой и простым средством номинации.

Если же говорить об образном перифразе, то он, как правило, основан на метафоре и на метонимии. В стихотворениях Ивана Горного среди образных перифраз преобладают метафорические перифразы. Под перифразом, построенном на метафоре, понимается прием, который заменяет то или иное явление, предмет, в процессе которого сам перифраз основан на употреблении слова или словосочетания в переносном смысле: Кырык в¿лец косираен каеш Йылжы. Кыш, коэвлӓ, талашедӓ пиш? Вишня садшы *чӱктен якшар тылжым*. Тольым мӹньӹ изи годшыш тиш (Горный, 2003: 35). Можно предположить, что автор осуществил перенос характерных признаков огня, а именно признака яркости, красоты, на другой предмет, на вишню, указывая, таким образом, на

спелость вишни. Метафорический перифраз *чӱктен якшар тылжым* "букв. включил красный огонь делает смысл текста более образным, усиливая его воздействие на читателя.

Вторым видом образных перифраз является метонимический перифраз. Перифразы–метонимии – выразительные средства, при которых перифразирование происходит на основе употребления названия по смежности, например: Яратем, манат со мӹлӓнем, ¯шкежӹ шанет весӹм вел. Сӹнзӓштет сусу ак кай тӓнгем, *Шӱмешет вазын*, видньӹ, *тел* (Горный, 2003: 68). Из примера видно, что в перифразе рассматриваемого вида используются качественная и количественная метонимии одновременно. В произведениях Ивана Горного наиболее употребительны перифразы, основанные на метонимии отношений. Нами обнаружено всего 14 примеров. Использование перифраз–метонимий в поэтических произведениях зависит от замысла пишущего.

Анализ поэтических произведений И. Горного показывает, что в число образных перифраз, кроме метонимических и метафорических, можно включить и гиперболические перифразы. Данный стилистический прием основан на неполном преувеличении свойства предмета, который является объектом перифразирования, например: Мӹнь Йымы гань цилӓм сарвалем. *Шӱм кӧргӹштемжӹ йыла салым* Шим пӹл гань ойхы, тыргыж яре: Эче тырхымыла маняры? (Горный, 2003: 74). В указанном высказывании гиперболический перифраз является эффективным способом усиления выразительности всего поэтического произведения; замедляет повествование, акцентирует внимание на описываемых чувствах лирического героя.

В произведениях И. Горного рассматриваемый прием является одним из важных средств выражения авторской индивидуальности. Следует выделить отдельную группу перифраза, который характерен только для письменной речи. Мы назовем его авторским перифразом. Он не является часто употребляемым в повседневной речи, т.к. встречается только в литературных произведениях И. Горного, например: Уке гӹц вел фермым урдат, Жепеш палша лач кредит. *Кӱсӹ карка* кужы вурдан, Курым долгышты и лит (Горный, 2003: 131). Нетрудно заметить, что в дано отрывке стихотворения сочетание *кӱсӹ карка* используется автором вместо слова кредит. Можно сказать, что сочетание *кӱсӹ карка* в данном контексте вступает в синонимические отношения со словом кредит и используется для выделения определенного свойства или качества объекта номинации, т.е. для указания на неприятные или же обременительные свойства данного вида займа.

Что касается функций перифраза, то он в произведениях Ивана Горного:

1) способствует созданию эмоциональности и экспрессивности всего предложения, высказывания и текста;

2) выделяет различные свойства, качества, признаки объекта номинации;

3) носит не только номинативный характер, но и в то же время может выполнять функцию оценочной номинации, в результате которого создается особый выразительный потенциал не только предложения, но и текста.

Перифраз – выразительное средство, основанное на отношении двух типов значений (словарного и контекстуального), реализуемых в предложении или в целом тексте.

В произведениях И. Горного также встречаются эвфемизмы.

В языкознании трактовка понятия эвфемизм достаточно противоречива. Ограничиваясь только современными определениями данного термина, мы обнаруживаем, что под эвфемизмом понимаются два разных явления. В чисто грамматическом плане эвфемизм рассматривается как слово или выражение, которое употребляется для замены резкого слова более вежливым. Вторая трактовка, стилистическая, гораздо более распространена в многочисленных дефинициях эвфемизма. В качестве примера можно сослаться на определение, которое дает К.Уэльс в "Словаре стилистики": "эвфемизм – фигура, заключающаяся в замене грубого выражения более вежливым, приятным". Аналогичным образом трактуется эвфемизм и в работах И.Р.Гальперина (Galperin, 1977: 173).

Проанализированный материал показал, что в художественных произведениях Ивана Горного встречаются эвфемизмы, перифразирующие только прекращение существования человека, например: Эх, маняры йылен, шолын Мӹлӓнем ти свет вӹлнӹ ӹлӓш? Хоть ам шокты ответӹм колын, Но ам талашы *ӧрдӹш шӹлӓш* (Горный, 2003: 56). В указанном отрывке эвфемизм *ӧрдӹш шӹлӓш 'букв. Убежать в сторону'*, используется вместо слова колаш ‘умереть’.

Эвфемизмы используются для замены грубых понятий более корректными и вежливыми. Использование автором рассматриваемого приема обусловлено этическими причинами.

Список использованной литературы

Арнольд, И.В. Стилистика современного английского языка (Стилистика декодирования). –Л., 1981. – 294 с.

Горный И.И. Пуйырымаш: Лыдыш книгӓ. Й-Ола. 2003. – 156 с.

Грехнева, Л.В. Перифраза как лингвистическое явление (на материале русской литературы к. 18 – н. 19 в.): Автореф. дис… канд. филол. наук: 10.02.01. – Н. Новгород, 2001. – 20 с.

Квятковский, А.П. Поэтический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 375 с.

Розенталь, Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: ООО “Издательство Астрель”, ООО “Издательство АСТ”, 2001. – 624 с.

Galperin, I.R. Stylistics. Moscow: Higher School, 1977. – 332 p.

Анатолий Куклин
Йошкар-Ола

ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКОВ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ В ЕВРАЗИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

1.0. Схожие и различительные признаки в языках народов Урало-Поволжья

Народы современной Урало-Поволжской историко-этнографической области достаточно разнообразны как по расовым приметам, так и в языковом отношении.

По устойчивым и характерным для каждого языка признакам в морфологическом строении слова языки народов Урало-Поволжья составляют два противоположных друг другу объединения: агглютинативные и фузионные, или флективные, языки. Представителем первого являются финно-угорские (марийский, мордовские, коми и удмуртский), тюркские (башкирский, татарский и чувашский) языки, а ко второму относится русский.

Существенной приметой морфологической структуры слова агглютинативных языков является то, что границы между морфемами вполне отчетливы, при этом каждый аффикс имеет только одно значение и каждое значение выражается всегда одним аффиксом, имеющим диалектные эквиваленты или фонетические разновидности. Например, марийская производная лексема *пошкудо-влакланем* ’моим соседям’ имеет в своем составе несколько морфем, каждая из которых имеет свое одно значение: *пошкудо* ’сосед’ – корень слова, *влак* – показатель множественного числа, *лан* – словоизменительный аффикс, *ем* – суффикс притяжательности. Ср. также татарскую лексему *булмадырлар* ’не были’, где *бул* ’быть’ – корень, *ма* – указывает на отрицание, *дыр* – показатель третьего лица единственного числа глагола прошедшего времени и *лар* – показатель множественного числа.

В марийском языке притяжательные суффиксы обычно предшествуют суффиксу множественного числа, например, *Марий Элын ончыл еҥже-влак* ’передовые люди Марий Эл’. В слове *еҥже-влак еҥ*– корневая морфема, *же* – аффикс притяжательности, *влак* – показатель множественного числа.

Аналогичное явление наблюдается и в чувашском языке, ср.: *капитал çĕршывĕсенче* ’в странах капитала’. В слове *çĕршывĕсенче çĕршыв* ’страна’ – корневая морфема, *сен* – притяжательный суффикс, *че* – показатель множественности.

В этом случае сказалось влияние марийского языка, ибо во всех тюркских языках притяжательные суффиксы располагаются после показателя множественности, ср. татарское *Идел-яр-лар-ы* ’берега Волги’, турецкое *Türkiye şeher-ler-i* ’город Турции’ (Общее языкознание 1970. 225).

В фузионном слове, как правильно отмечает Н.Б. Мечковская, границы между морфемами неотчетливы, они как бы сплавились: иногда они проходят внутри звука (например, в слове *стричь* в звуке [*ч*] слились последний звук корня *стригу* и согласный [*т*] инфинитивного показателя *-ти*), иногда некоторые части морфем вообще не просматриваются (*принять*, *взять*) (Мечковская 2001. 73).

Как представители номинативной типологии, финно-угорские и тюркские языки Урало-Поволжья имеют ряд общих черт (сингармонизм гласных, отсутствие категории рода и др.), поэтому определенные совпадения в их структуре, имеющие параллельные явления в их системе, могут считаться типологическими схождениями или результатами конвергентных языковых изменений, вытекающих главным образом из типологических параметров.

Русскому языку не свойственна гармония гласных, но он имеет категорию рода, являющуюся пережиточной «палеонтологической» категорией, уходящей своими корнями в особенности древнего мифологического мышления (Языкознание 1998. 418).

2.0. История этноязыковых контактов мари

Древнейшая история марийского народа до сих пор остается малоизученной, проблематичной, а в большинстве случаев спорной и загадочной. Рассматривая формирование древнемарийских племенных групп, историки оперируют лишь материалам археологических раскопок, не учитывая при этом топонимические и иные языковые данные.

У финно-угров, несмотря на неоднократно предпринимавшиеся опыты обобщения многообразного фактического материала по уральским языкам, все же остаются вне поля зрения не только палеоазиатско-финно-угорские взаимосвязи, но и марийско-самодийские языковые отношения. Как явствуют специфические изоглоссы гидронимов, связывающие марийский язык с асанским, остяко-самоедским (селькупским), марийцы формировались на территории Южной Сибири, и некогда жили в Алтайско-Саянском нагорье, имея тесные контакты с различными племенами охотников и рыболовов, оленеводов и скотоводов. Так, видный географ-топонимист М.Н. Мельхеев, объясняя историю возникновения и смысловые значения географических названий Приенисейской Сибири, приходит к выводу, что селькупы по происхождению южно-самодийская народность, которая в первые века нашей эры из Саян ушла на северо-запад, в Западную Сибирь, и, вступая в контакт с кетоязычными, угроязычными народами, сблизилась с последними (Мельхеев 1986. 21).

Например:

марийские слова	селькупские лексемы по словарю С.И. Ирикова (Ириков 1988)
илыш ’жизнь’	***илы*** ’жизнь’
сай илыш ’хорошая жизнь’	***сома илы*** ’хорошая жизнь’
кушто ила? ’где живет?’	***кун ила***? ’где живет?’
ковашше ’кожа’	***копы*** ’кожа’
кап ’тело’	***кэпы*** ’тело’
кутко ’муравей’	***кыта*** ’муравей’
лу ’кость’	***лэ*** ’кость, скелет’
ме ’мы’	***ме*** ’мы (включая всех, двое)’
мӧҥгына ’домой’	***моқына*** ’домой; назад, обратно’
мӧҥгына пӧртылаш ’возвращаться к себе домой’	***моқына пөралиқа*** ’возвращаться домой’

Историко-культурные взаимосвязи мари и селькупов можно подкрепить конкретными примерами без претензий на исчерпанность и полноту охвата лексического материала, восходящего к достаточно глубокой древности марийского и селькупского языков. Причем масштаб сравниваемого материала из-за отсутствия письменных памятников и селькупских диалектизмов ограничивается словами литературных языков, имеющих схожий облик и равнозначную или близкую содержательную сторону.

Если анализировать марийский и селькупский языки в объеме всех их диалектов, то круг лексических соответствий можно значительно расширить. Однако даже самый беглый взгляд на вышеприведенные примеры не может исключить предположения об общем их происхождении.

Судьба прамарийского этноса на территории раннего этапа его истории была тесно связана с историей, миграциями и инфильтрациями многих племенных объединений Алтайско-Саянского нагорья и Срединной Азии. Поэтому антропологически древние мари имели большое сходство с родственными и неродственными им аборигенами Сибири. По этому поводу В.В. Бунак пишет следующее: «Одним из типов, вошедших в весьма древнее время в состав черемисского народа, был тот тип (уральский – А.К.), который до сих пор выступает в виде следов в ряду финских народностей и существует в достаточно чистом виде среди вогулов». «Из прочих типов, – подчеркивает он, – присутствие которых можно было бы подозревать среди черемис, на первом месте стоит так называемый тюркский, сильно брахицефальный, гипсицефальный, очень широколицый, коренастый, сильный тип, а также близкий к тюркскому в некоторых признаках, самоедский тип» (Бунак 1924. 160–161).

Дополнительной иллюстрацией к этому положению служат результаты популяционно-генетических исследований манси с привлечением сравнительных данных по другим народам Восточной Европы и Азии. Так, Г.М. Давыдова, резюмируя выводы своих изысканий, пишет, что в верхнесосьвинской группе манси высокая частота гена q (0,263); подобные частоты встречаются редко, в частности, у бурят (0,265), у архангельских ненцев (0,282), у марийцев (0,246). Далее, ссылаясь на сведения других ученых, она уточняет, что сибирские народы довольно четко делятся на две группы по частоте гена q: у палеоазиатских и других народов Северной Сибири она низка, у южносибирских народов (или народов, связанных по происхождению с Южной Сибирью) она высокая, например, у якутов – 0,209, у алтайцев в целом – 0,202, у алтай-кижи, по данным Ю.Г. Рычкова, – 0,245, по данным Г.М. Давыдовой – 0,277 (№ 241). Повышенная частота гена q, по ее мнению, наблюдается также у кетов – 0,183. Другая большая область расселения народов с высокой частотой гена q Европейский север России и Поволжье (Давыдова 1974).

Древние мари, вступая в хозяйственно-культурные контакты с неродственными по языку территориально-племенными объединениями Южной Сибири и Срединной Азии, восприняли от них некоторые орудия домашних ремесел, отдельные элементы семейной обрядности и сватовства, материалы украшений женской одежды, особенно зооморфные полые шумящие подвески и т.п.

Очевидно, в алтайский период были восприняты марийским языком некоторые монгольские лексемы, например: *аҥыра* ’глупый, тупой’, ср. монг. *аŋgagu-ra* ’глупый’; *кияк* ’осока’, ср. монг. *kijag* ’осока’; *саус* ’дружка’, ’шафер’, ’распорядитель в свадебном обряде, приглашаемый женихом’ – монг. **jauci* ’посредник’, ’сват’, ’сваха’, сиб. тат. *sautsi* ’сват ’, ’сваха’; *чолпан* ’Венера (планета)’ – монг. *čolban* ’Венера (планета); *чын* ’правда, истина’ – монг. *čiŋ* ’правда, истина’ (Räsänen 1969).

На пути продвижения из Южной Сибири в Низменное таежное Заволжье, расположенное между Северными Увалами и Волгой к западу от Вятского Увала, древние мари имели, видимо, культурно-хозяйственные связи с ранними ираноязычными кочевниками Южного Урала, носителями савроматской и раннесарматской культур. Следы контактов с ираноязычными скотоводами в какой-то степени проявляются в различных областях материальной и духовной жизни мари, ср., например, марийские и скифо-сарматские слова:

марийские лексемы	скифо-сарматский лексический материал
кыне ’конопля’	***кана*** ’конопля’
меж ’шерсть (овцы, козы)’	***maiša*** ’овца’
онар ’богатырь, великан’	***nar*** ’мужчина’, ’самец’
рывыж ’лиса’	***raupāsa*** ’лиса’, осет. ***robas, rovas***
шӱдӧ ’сто’	***sata*** ’сто’ (Основы иранского языкознания. 1979).

Сравните также марийские лексемы со словами других иранских языков:

лӱм ’имя’	кл. перс. ***nām*** < ср.-перс. ***nām*** ’имя’ < иран. ****nāma*** ’имя’
марий 1) ’мари, мариец’; 2) ’муж, мужчина’	кл. перс., тадж. ***mard***, совр. перс. ***mārd*** ’человек, мужчина’
уш ’ум’, ’сознание’	кл. перс. ***hōs***, дар. ***hus***, тадж. ***huš*** ’разум, рассудок’ < иран. ****uš*** – ’понимание, восприятие’
шӱдыр ’звезда’	кл. перс. ***sitāra***, совр. перс. ***setåre*** ’звезда’ (Основы иранского языкознания. 1982).

Концепции о проникновении ранних самодийцев в Среднее Поволжье и в Приуралье вряд ли противоречит тезис о позднейшей нивелирующей роли марийской экспанции в процессе смешения, главным образом, оседлых аборигенов Средней Волги с пришлыми.

Контакты мари с тюркоязычными соседями (булгарами, чувашами, татарами и башкирами) и русскими исследованы неплохо. С точки зрения современной контактологии уточнения и корректировки в общенаучном плане в этих исследованиях требуют лишь отдельные теоретические положения.

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что взаимодействия языков в Урало-Поволжской историко-этнографической области происходили в сложнейших переплетениях бурных исторических событий, охватывающих многие тысячелетия. Эти обстоятельства, естественно, вызывают большие

затруднения в объяснении многих языковых фактов и реликтовых географических названий.

Сокращения

дар. – дари (фарси – кабули, кабульско-персидский язык) – один из иранских языков (юго-западная подгруппа); ***иран.*** – иранские языки; ***кл. перс***. – классический персидский; ***монг.*** – монгольский; ***сиб. тат***. – язык сибирских татар; ***совр. перс***. – современный персидский; ***ср.-перс***. – среднеперсидский; ***тадж.*** – таджикский.

Литература

Бунак, В.В. Антропологический очерк черемис / В.В. Бунак // Русский Антропологический журнал. – М., 1924. – Т. 13. Вып. 3-4. – С. 137–177 (Резюме на французском языке: С. 174–177).

Давыдова, Г.М. Популяционно-генетические исследования манси / Г.М. Давыдова // Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии. – М.: Наука, 1974. – С. 96–107.

Ириков, С.И. Словарь селькупско-русский и русско-селькупский: пособ. для уч.-ся нач. шк. / С.И. Ириков. – Л.: Просвещение. Ленингр. отд-ние, 1988. – 224 с.

Мельхеев, М.Н. Географические названия Приенисейской Сибири / М.Н. Мельхеев. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1986. – 144 с.

Мечковская, Н.Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков: учеб. пособ. для студ. филол. и лингв. спец. / Н.Б. Мечковскамя. – М.: Флинта, Наука, 2001. – 312 с.

Общее языкознание: Формы существования, функции, истории языка. – М.: Наука, 1970. – 604 с.

Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки. – М.: Наука, 1979. – 388 с.

Основы иранского языкознания: Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. – М.: Наука, 1982. – 572 с.

Языкознание. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.: ил.

Räsänen, M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen // Lexica Societatis Fenno-Ugricae. – Helsinki, 1969. – XVII, 1. 533 S.

Анатолий Куклин
Йошкар-Ола

К ПРОБЛЕМЕ РЕКОНСТРУКЦИИ СУБСТРАТНЫХ РЕЧНЫХ НАЗВАНИЙ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

Урало-Поволжье, являясь частью Восточно-Европейской равнины, охватывает ее от низменностей Среднего Поволжья до предгорий Урала. В его пределах в разные исторические эпохи с разной интенсивностью происходили миграции и инфильтрации племен, взаимодействие и интеграция разнородных этнокультурных компонентов, взаимоассимиляции пришельцев и местного населения и другие этнические процессы, обусловленные как импульсами социального развития самих этносов, так и воздействиями внешних факторов, что сказалось в первую очередь на топонимии Урало-Поволжья, характеризующейся сложностью своего формирования, состоявшей из накладывающихся друг на друга топонимических пластов. Поэтому в его гидронимической системе наряду с исконными названиями существуют речные наименования, привнесенные из других территорий.

Ср., например, гидронимы Урало-Поволжья, полностью совпадающие по фонетическому облику с речными названиями Южной Сибири: *Кама* р. в Восточной Европе, лев. приток р. Волга – *Кама*, р. в Новосиб. обл., прав. приток р. Омь; *Ока*, р. в Восточной Европе, прав. приток р. Волга – *Ока*, р., впадающая в Братское вдхр. (Бурятия, Иркутск. обл.); *Селенга*, р., приток р. Кичменьга, впадающей в р. Юг (Восточная Европа) – *Селенга*, р., впадающая в оз. Байкал (Монголия, Бурятия).

Ср. также гидронимы Урало-Поволжья и Западной Сибири: *Кукша*, рч., лев. приток р. Рутка (Марий Эл) – *Кукша*, рч., лев. приток р. Томь; *Она*, р., лев. приток р. Лаж (Марий Эл), *Она*, р., лев. приток р. Немда (Марий Эл) – *Она*, р., приток р. Уда-Селенга, *Она*, р., прав. приток р. Абакан. Река Бирюса, бассейн Ангары, в нижнем течении носит название *Она*. Ср. также *Она*, р., прав. приток р. Мезень (Восточная Европа); *Шора*, р., прав. приток р. Юшут (Марий Эл), *Шора*, р., лев. приток р. Илеть (Марий Эл, Татарстан) – *Большая Шора*, р., лев. приток р. Томи, *Малая Шора*, р., лев. приток р. Большой Шоры и др.

Такие речные названия имеют определенное значение для изучения этнических движений в древности и процессов перемещения отдельных этногрупп в более позднее время.

Так, импульсация миграционных волн носителей диалектов вторичного образования марийского языка исходит с правобережья Волги, в частности с районов современной Костромской и сопредельных с нею областей. Сравните, например, гидронимические параллели современной Костромской области и Республики Марий Эл: р. *Немда* – лев. приток Волги (Костр. обл.) и р. *Немда* – прав. приток р. Пижмы (Марий Эл); рч. *Шуя* – лев. приток р. Немды (Костр. обл.) и рч. *Шуй* – прав. приток р. Шукшан (Марий Эл); рч. *Шуда* – прав. приток р. Ветлуги (Костр. обл.) и рч. *Шуда* – лев. приток р. Малой Кокшаги (Марий Эл) и другие.

Как явствует практика этимологических изысканий, для семантического и фонетического анализа субстратных гидронимов основополагающую роль должна играть топонимическая типология, оперирующая приемами и методами компаративистики и контрастивной лингвистики, которые сливаясь в единый механизм, нацеливаются на широкомасштабное историко-культурное исследование с использованием языковых материалов и данных по материальной и духовной культуре родственных и неродственных народов, привлечением этнологических, палеоантропологических, археологических и иных сведений.

В этой связи следует указать на наиболее типичные ошибки в применении лингвистических методов для анализа апеллятивной лексемы, находящейся в основе субстратного речного названия.

Так, для этимологической интерпретации речного названия *Вергеза* О.П. Воронцова и И.С. Галкин привлекают гидроним *Верка* и постулируют их генетическое родство, приводя в качестве лексико-семантической параллели фин. *virta* ’река, приток, течение’, *virkeä* ’бодрый, живой, резвый’ (Воронцова 2002. 52).

Однако такая трактовка не содержит диахронических комментариев – лексические факты не соотнесены с реалиями жизни как марийского, так и соседствующих финно-угорских народов. Поэтому нетрудно убедиться, что эта этимология вызывает большие сомнения.

Другое объяснение заложено в название *Вергеза* Ф.И. Гордеевым. Сопоставляя отгидронимный ойконим *Вергеза* (Килемарск. р-н Марий Эл) с русскими апеллятивами *вергасить* ’тараторить’, *вергаса* ’таратора’ (Гордеев 1964. 54), он не только не учитывает семантического несоответствия сопоставляемых лексем, но и уводит читателя по явно неверному пути, руководствуясь, видимо, тем соображением, что сходно звучащие разноязычные слова этимологически связаны.

В действительности же гидроним *Вергеза* находится в генетическом единстве с коми-зырянскими диалектными словами, ср. удорское *вӧргӧс* ’ложбина, углубление’ (Сорвачева 1990. 124), среднесысольское *воргас’алны*, *воргиас’ны* ’образоваться рытвинами, углублениями’ (Колегова 1980. 79).

Возможность такого сближения вполне вероятна по семантическим признакам. наиболее выразительно в этом отношении коми *ворга* ’русло, ложе’, ср. *ю ворга* ’русло реки’.

М. Фасмер, отмечая смысловые значения лексемы *ворга* ’топкий, заросший кустарником овраг, залив’ и других ее диалектных вариантов: архангельское ’болото’, сибирское ’заросшая кустарником болотистая местность’, олонецкое *о́рга* – приходит к выводу, что они восходят не к коми *verga* ’дорога в тундре’, а к карельскому *orgo* ’сырая низина’, к которому приводит в качестве параллелей финское *orku*, эстонское *org* ’долина; лощина; ложбина’ (Фасмер 1986. 351).

В этой связи уместно отметить, что наиболее вероятным и заслуживающим внимания является объяснение семантики гидронима *Вергеза* как ’река, протекающая по заросшей кустарниками низинной и болотистой местности’. Такая трактовка подтверждается и особенностями ландшафта Республики Марий Эл. С северо-востока республики земная поверхность понижается к долине Волги, вдоль которой широко полосой тянется центральная низина со мно-

жеством озер, болот и рек. Река Рутка, вбирающая слева *Вергезу*, и Арда, вбирающая справа *Вергизу*, являются левыми притоками Волги. Долины *Вергезы* и *Вергизы* представляют собой широкую, часто заболоченную полосу.

Во многих исследованиях речные названия объясняются без учета регионально-этнических и исторических сведений, а критерии субстратно-адстратного характера вовсе не учитываются. Естественно, подобные процедуры этимологического анализа, основанные на внешних звукосоответствиях гетерогенных лексических единиц и не учитывающие моментов этноязыкового характера, не раскрывают подлинную суть субстратных речных названий Урало-Поволжья.

Так, немецкий славист М. Фасмер название *Волги* возводит к праславянскому слову **vьlga*, где гласный [ь] во время первой лабиализации звуков [*е*], [ь] после отвердения [*l*] изменился в звук [ъ], который, в свою очередь, в восточнославянских языках перешел в [*о*]. Свидетельством этого, по мнению М. Фасмера, может быть восточнославянское слово *волглый* в значении ’влажный, сырой’.

Этот корень он усматривает и в названиях рек *Vlha* (река в бассейне Лабы, совр. *Эльба*), *Wilga* (река в бассейне Вислы) (Фасмер 1986. 336–337).

Как явствуют изыскания М. Фасмера, речное название *Волга* объясняется им на основе его отождествления со словами славянских языков по внешнему созвучию без учета их генетических корней, без поиска субстратных языковых отложений.

Следовательно, метод, лежащий в основе исследования гидронима, выбран М. Фасмером неправильно и его применение фактически не дало объективной оценки названию.

Другие ученые, например, А. Преображенский, Т. Лер-Сплавинский, И. Розвадовский, И. Улуханов, М.Н. Мельхеев, видят в этом названии финно-угорский корень *walg* – в значении ’белый, светлый’. Они считают, что этот корень был заимствован из финно-угорких языков тогда, когда закон перехода *tolt* > *tolot* в восточно-славянских языках уже не действовал. Финно-угорский корень *walg* они усматривают и в названиях рек *Воложинка* (в Белоруссии) и *Вологда* (Куклин 2000. 286).

Если резюмировать кратко прием указанной этимологизации, то следует отметить искусственное отождествление финно-угорского корня в соответствии с восточнославянским языковым явлением, исходя из субстанционального сходства внешнего его облика, с речным названием *Волга*. Критерии субстратно-суперстратного характера им также не учитываются.

Марийский лингвист Ф.И. Гордеев гидроним *Волга* возводит к балтийским апеллятивам, сравнивая его с литовским *valkka* и латышскими *valka, valks* ’лужа’ (Гордеев 1983. 133).

Естественно, подобная процедура этимологического анализа, основанная на внешних звукосоответствиях гетерогенных лексических единиц и не учитывающая моментов этноязыкового характера, не раскрывает подлинную суть гидронима.

Позитивным возможностям сближения мешают также значительные их семантические расхождения.

С мнением Ф.И. Гордеева солидарны топонимисты О.П. Воронцова и И.С.Галкин (Воронцова 2002. 399).

По существу, название реки Волги является палеогидронимом, восходящим к палеоазиатским, в частности енисейским, и урало-алтайским языкам. Носители этих языков с доисторических времен в основу названий водных объектов вкладывали понятие ’вода, река’, например, *Чул*, р., лев. приток р. Кызыл-Хем в Туве. Термин *чул* со значением ’река’ используется среднечулымскими тюрками, шорцами, хакасами – сагайцами и бельтирами (Дульзон 1963. 289–295).

Енисей всходит к эвенкийскому *йэнэ* ’большая река; исток реки’ (Романова 1968. 71), ср. также названия больших европейских *рек Дон, Дунай, Днестр, Днепр*, содержащих ираноязычный корень со значением ’река’, ’протока’. Например, *Дон* < осетинское *дон* (< *dān* + *āpr* ’глубокая река’; *Днестр* < *dān* + *Jstr*. *Истр* – старое (фракийское) название Дуная (Основы иранского языкознания. 1979. 286).

О происхождении гидронима Волга интересной и близкой к истине является версия М.В. Лабзиной. Оперируя марийским названием р. *Волги – Юл*, ср. также его горномарийский вариант *Йыл*, она наводит на мысль о том, что данное название является однокоренным с тюркским словом *йылга* с вариантами *елга, ельга* в значении ’река’. Тюркское слово, по ее мнению, могло русифицироваться уже на восточнославянской почве путем перехода начального [*йэ*] в *елга* в [*о*] по 2-й лабиализации гласного [э] и путем последующего появления протетического [*в*] перед лабиализованным [*о*]. Изменение фонетического облика тюркской лексемы, по иллюстрации М.В. Лабзиной, выглядит следующим образом: *йылга* > *елга* > *олга* > *волга*. Ср. также примеры с протетическим [*в*] современного русского литертаурного языка: *острый* > *вострый, осемь* > *восемь, осьмушка* > *восьмушка* (Лабзина 1994. 69).

При объяснении этимологии марийского *Юл* с вариантом *Йыл* предпочтение следует дать лексическим данным асанского языка, ср. асанское слово *юл* с вариантами *юль, ул, уль, жул, жуль, джул, джуль* ’вода’, ’река’ (Дульзон 1959. 101; Дульзон 1965. 113–114).

Асаны (самоназвание *ас*) – кетоязычное племя, проживавшее в XVII в. по р. Усолке бассейна р. Тасеево. Они смешались с эвенками и русскими (Мельхеев 1986. 23).

Что касается тюркского гидротермина *юл*, то он, по мнению А.П. Дульзона, уже встречается в древнетюркских надписях; заимствован также из асанского языка (Дульзон 1963. 291).

При этимологизации гидролексемы *йылга* надлежит считаться с контаминацией двух разноязычных элементов: асанского *йул* ’река’ с вариантами *жул, джул* и селькупского *-га* (*-ка) ’река’. Разумеется, гидротермины такой структуры могли сложиться в период устойчивых тюркско-енисейско-самодийских языковых взаимоотношений, хотя сложение основ в них было процессом разновременным.

Стало быть, нет сколько-нибудь серьезных оснований объяснять гидроним *Волга* на материалах славянских, финских и балтийских языков. Его возникновение связано с миграцией южносибирского населения в Среднее Поволжье.

Как явствует из вышеизложенного, первоисточником гидронима считается

асанский язык. В древнерусский он попал из тюркских языков, выступавших в качестве передаточного звена. Причем тюркское – *елга* – результат стяжения двух разноязычных нарицательных имен-формантов в одно сокращенное название «*река – река*» или «*большая вода*». Его дальнейшее изменение связано с фонетическими особенностями древнерусского языка, на почве которого он преобразился в *Волгу*.

В заключение следует подчеркнуть, что дальнейшие перспективы диахронических исследований будут зависеть от того, насколько последовательно в них будут реализовываться принципы системности и историзма в подходе к гидронимическому материалу. Остается заметить в этой связи, что семантическая реконструкция реликтовой гидролексемы, сопровождаемая экстралингвистическими (археологическими, антропологическими, этнологическими, историческими) данными, учитывающая природно-географические особенности и культурно-исторический фон функционирования реконструируемой лексемы, оперирующая соответствиями и параллелями родственных и неродственных контактирующих языков, значительно уменьшает число беспочвенных гипотез, тормозящих поступательное движение ономастической науки.

Сокращения

Лев. – левый приток реки, ***прав***. – правый приток реки, ***р***. – река, ***рч***. – речка.

Литература

Воронцова, О.П. Топонимика Республики Марий Эл: Историко-этимологический анализ / О.П. Воронцова, И.С. Галкин. – Йошкар-Ола: Изд-во Мар. плиграфкомбината, 2002. – 424 с.

Гордеев, Ф.И. Русская топонимика Марийской АССР / Ф.И. Гордеев // Вопросы марийского языкознания. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1964. – Вып. 1. – С. 45–59.

Гордеев, Ф.И. Этимологический словарь марийского языка / Ф.И. Гордеев. – Йошкар-Ола: Мр. кн. изд-во, 1983. – Т. 2 (В – Д). – 228 с.

Дульзон, А.П. Кетские топонимы Западной Сибири / А.П. Дульзон // Уч. зап. Томск. гос. пед. ин-та, – Томск, 1959. – Т. XVII. – С. 91–111.

Дульзон, А.П. Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимии / А.П. Дульзон // Тр. XXV Междунар. конгресса востоковедов. – М., 1963. – Т. 3. – С. 289–295.

Дульзон, А.П. Топонимы Средней Сибири / А.П. Дульзон // Изв. Сиб. отд. АН СССР. Сер. общ. наук. – Новосибирск, 1965. – № 5, вып. 2. – С. 109–115.

Колегова, Н.А. Среднесысольский диалект коми языка / Н.А. Колегова, Г.Г. Бараксанов. – М.: Наука, 1980. – 226 с.

Куклин, А.Н. Современная топономастика: достижения, поиски, перспективы / Modern toponomastics: achievements, problems, perspectives / А.Н. Куклин //

Ювілейний збірник на честь 70-річчя від дня нарождения профессора Петра Лизанця. – Ужгород, 2000. – С. 284–289.
Лабзина, М.В. О происхождении названия Волга и названий некоторых других рек Волжско-Уральского региона / М.В. Лабзина // Эволюция лексико-фразеологического и грамматического строя русского языка. Межвуз. сб. науч. работ. – Магнитогорск, 1994. – С. 68–71.
Мельхеев, М.Н. Географические названия Приенисейской Сибири // М.Н. Мельхеев. – Иркутск, 1986. – 144 с.
Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. – М.: Наука, 1979. – 484 с.
Романова, А.В. Диалектологический словарь эвенкийского языка. Материалы говоров эвенков Якутии / А.В. Романова, А.Н. Мыреева. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1968. – 216 с.
Сорвачева, В.А. Удорский диалект коми языка / В.А. Сорвачева, Л.М. Безносикова. – М.: Наука, 1990. – 283 с.
Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева / под ред. и с предисл. Б.А. Ларина, 2-е изд., стереотип. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 1 (А-Д). – 576 с.

Валерий Максимов
Йошкар-Ола

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ШУРАБАШСКОГО ПОДГОВОРА ВОСТОЧНОГО НАРЕЧИЯ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

Начало изучения наречий марийского языка было положено еще в XVIII веке. Иностранные ученые, изучающие фонетический, грамматический и лексический строй марийского языка, обратили внимание на заимствование, в частности, из татарского языка. Так в 1730 году Ф.И. Страленберг (1676–1747), один из пионеров и основателей урало-алтайского языкознания, указал на множество заимствований татарских слов на марийский язык (Strahlenberg 1730: 346; Исанбаев 1979: 5). Другой исследователь финно-угорских языков, член Петербургской Академии наук историк и археограф Г.Ф. Миллер (1705–1783) также показал на то, что «Черемисский язык имеет некоторые сходства с финским языком, а по жительству их близ татар и русских, есть в нем много татарских и небольшое число русских слов» (Miller 1978; Исанбаев 1979: 5). Также на семантическое многообразие тюркских (в том числе татарских) заимствований обратили внимание многие исследователи тюркско-марийских языковых и культурных связей. Об этом в свое время писали такие видные ученые, как историк и этнограф И.Н. Смирнов, немецкий филолог Э. Леви, финский тюрколог М. Рясянен, марийские ученые Ф.Е. Егоров, Н.Т. Пенгитов, Д.Е. Казанцев, Г.С. Патрушев, чувашский языковед М.Р. Федотов и др.

Так историк и этнограф И.Н. Смирнов пришел к выводу, что «Под татарским влиянием у черемис создался переход от охотничьей жизни к скотоводству и земледелию, сложился оседлый быт, домашняя обстановка, костюм, возникла торговля и связанная с нею экономическая дифференциация, явились зародыши общественной организации, получили дальнейшее развитие верования» (Смирнов 1899: 20; Исанбаев 1979: 3).

Другой исследователь в «Грамматике черемисского языка» Э.Леви пишет: «Несмотря на наличие значительного финно-угорского наследия, поразительно, как много слов поставил чувашский язык (частично и татарский) марийскому даже для обозначения явно примитивных понятий. То, что вся терминология земледелия и очень часть терминологии садоводства и скотоводства происходят из чувашского языка, из сопоставлений Буденца оказывается настолько ясным, что мне не хочется проводить их еще раз. С ними тесно связаны многие слова, относящиеся к ремеслу, домашнему устройству, приготовлению пищи и одежде» (Lewy 1922: 86–88; Исанбаев 1979: 4).

М. Рясянен в своей работе подчеркивает, что «слова, относящиеся к современной культуре, такие, как многие новые обозначения орудий труда, слова очень узких областей, можно встретить лишь в ближайшем соседстве с чувашами и татарами, а те, которые отражают примитивное состояние культуры, имеются и у удмуртов. Такие слова обычно принадлежат к сельскому хозяйству, животноводству и кустарной работе на дому или социальной терминологии и дают представление о культурном уровне и об общении с булгарами-чувашами» (Räsänen 1922: 4; Исанбаев 1979: 6).

Лексико-семантический анализ тюркских заимствований, сделанный М. Рясяненом, основан на глубоком знании предмета исследования и имеет большое

значение для выяснения этой стороны заимствованной лексики. Он до сих пор не утратил своей научной ценности. Этой классификацией пользовались многие последующие исследователи тюрско-марийских языков и культурных связей (Исанбаев 1979: 6).

В работах Ф.Е. Егорова (Егоров 1927: 95–107), Н.Т. Пенгитова (Пенгитов 1964: 126–134), Д.Е. Казанцева и Г.С. Патрушева (Казанцев–Патрушев 1972: 84–86) также даны тематические группировки тюркских заимствований, но они построены в основном на материалах Ю. Вихмана и М. Рясянена.

Работа М.Р. Федотова (Федотов 1965) посвящена исследованию чувашских заимствований в марийском языке.

Высказывания первых исследователей, несмотря на их слишком общий и декларативный характер, верно отражают исторические связи марийского языка с другими языками.

В Республике Татарстан, Арском районе, деревне Шурабаш (Шорамучаш) наряду с татарами проживают и мари. Половина деревни заселена марийцами. Между собой марийцы разговаривают на родном языке, а с татарами – на татарском. Живя среди татар, у шурабашских мари есть много отличительного и общего с другими говорами восточного наречия и литературной нормой марийского языка.

При изучении марийской диалектологии, мало, где упоминается, а марийцах деревни Шурабаш, языке, на котором они говорят, но есть высказывание марийского языковеда А.С. Ефремова (Ефремов 1981: 58–70), когда он изучал шоруньжинский подговор лугового наречия марийского языка, при этом он не говорит, что он был в этой деревне. Вероятнее всего он написал слова у респондента (респондентов), которые были или в гостях деревни Шоруньжа, или вышли замуж в эту деревню Моркинского района Республики Марий Эл. По крайней мере, других исследований не найдено.

Наш лексико-семантический анализ татарских заимствований преследует чисто лингвистические цели, хотя такая классификация слов, будучи тесно связана с материальной и духовной культурой народа, с его общественным, производственным и другими отношениями, представляется полезной для других специалистов.

В шурабашском подговоре восточного наречия марийского языка можно назвать еще одну разницу – это, те слова, которые не употребляются в литературной норме. В нормативной лексике, они являются различными частями речи.

Материальная культура

Живя на протяжении многих веков среди других этнических групп Поволжья и поддерживая тесные культурные и экономические связи, марийский народ испытал в области материальной культуры значительное влияние своих соседей, в том числе и татар. По словам Г.А. Сепеева следует, что «заметное влияние на традиционную культуру восточных мари оказали этнические взаимосвязи. Их материальная культура приобрела существенно отличную от поволжско-марийских групп этническую окраску, основные тона которой определялись татарско-башкирскими взаимоотношениями. Именно они наиболее реально оттеняли культурно-бутовую специфику восточных марийцев» (Сепеев 1975: 239).

Изучение нескольких татарских заимствований в рассматриваемом подговоре, относящийся к строительной терминологии показывает, что многие вошли в

луговое и восточное наречие марийского языка, а другая половина встречается только в восточных наречиях.

1. Слова, связанные с домом, постройками: *тӱбӓ* ‘крыша’, *пӓрдӓ* ‘штора, занавеска’, *чылдар* ‘кружева’, *чӱпрӓк* ‘тряпка’, *лӓӱкӓ* ‘полок в бане’, *пӱчмак* ‘угол’, *куҥган* ‘рукомойник’, *кыскач* ‘щипцы для уголь’, *тӓпӓч* ‘толстая палка, в размере не больше одного метра’, *пычкы* ‘ручная пила’, *кармак* ‘удочка’, *каптырма* ‘металлические застежки, крючок (на одежде)’, *кӱпчӓк* ‘колесо’.

2. Предметы домашней обстановки, посуда и кухонный инвентарь: *чыпайык* ‘чайные чашки без ручек’, *пайдан* ‘эмалированная небольшая посуда’, *пакрас* ‘поварёшка металлическая, половник’, *пӓкы*‘складной нож’.

3. Пища, напитки, слова, связанные с их приемом и приготовлением: *кӱзыкмӓк* ‘пироги с картофелем, жареные на масле’, *как* ‘пастила из ягод’, *кабартма* ‘пончик’, *кӱрт* ‘высушенный творог’, *катыжы* ‘корочка хлеба’, *палыш* ‘большой круглый пирог из мяса и крупы’, *чак-чак* ‘название блюда из сдобного теста в виде шарика, изжаренных в масле’.

4. Одежда, материалы для одежды, обуви: *бишмӓт* ‘бешмет’, *көрти* ‘жакет’, *пота* ‘пояс’, *тӱбӓтӓй* ‘тюбетейка’.

5. Природа. Многочисленную группу татарских заимствований составляют слова, связанные с обозначением предметов и явлений животного и растительного мира и т.д.

5.1. Животный мир (фауна).

В области животноводства финно-угорские слова в марийской лексике занимают незначительное место. Большое место в животноводческой терминологии принадлежит заимствованиям из других языков, в том числе из татарского, носители которого, будучи издревле скотоводческим народом, научили марийцев многому в этой отрасли хозяйственной деятельности:

а) слова, связанные с названием домашних животных: *карды* ‘загон для скота с кормушками’, *отар* ‘место, где содержится скот (вдали от деревни)’, *хайван* ‘животное’, *карта* ‘толстая кишка’;

б) слова, связанные с названием зверей, насекомых: *көзӓн*, *сасык көзӓн* ‘водяной хомяк’, *бака* ‘лягушка’, *когарыш лывы* ‘моль’, *бабасыр* ‘глисты, острицы’, *ӓкӓм-төкӓм* ‘улитка’, *трайтытыр* ‘божья коровка’.

5.2. Растительный мир (флора).

Марийский язык располагает сравнительно богатой и развитой системой ботанических терминов, служащих для обозначения разных видов растений (деревьев, кустов, трав, ягод и т.д.): *пси* ‘верба’, *ӓкӓлӓ* ‘шишка’, *ж’имеш* ‘плоды, ягоды’, *кына* ‘комнатное растение’, *мӓтрӱшкӓ* ‘душица’, *укра* ‘чеснок’, *кабак* ‘тыква’, *чөгөндыр* ‘кормовая свекла’.

6. Человек и общество:

а) слова, связанные с болезнью, их предшествием: *котыр* ‘болячка’, *ырлыган* ‘краснуха’, *пӱӱшӹр* ‘грыжа’, *чокырак* ‘глухой’, *чолак* ‘криворукий; калека’, *имгӓк* ‘калека; инвалид’, *дару* ‘лекарство’, *агу* ‘яд; отрава’;

б) лексика, связанная с анатомией и физиологией: *сыҥгыр* ‘сухожилие’, *сылӓгай* ‘слюни’, *маҥга* ‘сопли’, *миҥ* ‘родинка’, *лӓйлӓ* ‘слизь’, *калак лу* ‘лопатка’;

в) слова, связанные с поведением человека, с его характером, разными чертами: *кыланчык* ‘кривляка; кокетка’, *которик* ‘хвастун’, *бирӓн* ‘обжора; прожорливый’, *кирӹ* ‘упрямый’, *өмөтсез* ‘безнадежный’, *ӱйатсыз* ‘бесстыдный’, *саран* ‘скупой’, *сӓйер* ‘смешной; забавный; чудной, странный’; *ӓшӓкӓ* ‘плохой,

скверный, подлый’, *көнж’өлө* ‘ревнивец’, *пылäш* ‘лысый; бритый’, *ӱлät* ‘слабак, слабый’, *исьырьык* ‘пьяница; пьяный’, *рätсез* ‘бестолковый’, *кätӱк* ‘коротышка’, *ж’ämсыз* ‘некрасивый, безобразный’, *шыпырт* ‘тихий’, *käсärä* ‘плохо одетый, всё у него висит’, *кылий* ‘косой (речь идет о глазах)’;

г) лексика, связанная с умением и навыками, а также с характером и умом человека: *анҕыра* ‘дурак’, *дивана* ‘дурак’, *дундук* ‘глупый’, *тильы* ‘безумный, ненормальный’, *надан* ‘невежа, незнающий’, *ж’ӱнсез* ‘не способный; бестолковый, глупый’, *кызу* ‘быстрый, шустрый’, *пышмäгän* ‘неопытный, растяпа’, *тылмач* ‘тот, кто вмешивается не в свои дела’ *беткän* ‘конченный; негодный’, *булмаган* ‘бестолковый; нерасторопный, неумеха’, *мынäдигän* ‘великолепный, замечательный’, *мыштырдык* ‘ленивый, замедленный’, *ол’ан* ’заторможенный’, *хäйьырчьы* ‘нищий, неработающий, бедный’;

д) слова, обозначающие внутренне состояние: *рäхät* ‘блаженство’, *шäп* ‘очень хорошо’, *ж’äйсез* ‘неудобный’, *гäлämат* ‘испытать чувство стыда’, *сабырлык* ‘приличие; терпеливость, спокойствие’;

е) слова, обозначающее плохое поведение человека, плохой характер: *билämчьы* ‘слонящийся по деревне’, *бирäн* ‘недосытный’, *сихьырчьы* ‘колдунья’, *кирмьышäк* ‘пришелец’, *ситмыж* ‘скряга’, *шакшы* ‘злой’, *имгäк* ‘обуза; беда’, *айырым хуж’алык* ‘единоличник’, *айдимын актыкшы* ‘последний человек’, *бäлä* ‘тот, кто ходит за кем-либо’, *чокынган* ‘надоедливый’.

ж) отметим несколько слов – неопределенную форму глагола – связанных с поведением человека, с его характером и т.д.: *сакауланаш* ’сделаться заикой’, *аптырaташ* ’препятствовать, стеснять’, *аптыранаш* ’стесняться, смущаться, растеряться; оставаться в безвыходном положении; недоумевать, удивиться’, *ажгындараш* ’бесить, взбесить’, *ьылäктырäш* ’схватить, хватать, зацепить’, *шайараш* ’шутить’, шартлаташ ’взрывать, взорвать’, *шапыраш* ’обманывать, шутить’, *чӱплäш* ’очищать что-либо, собирать по зёрнышкам, по штучному’, *чокындыраш* ’проучить, наказывать’, *ӱтиклäш* ’утюжить, гладить утюгом’, *ӱкьырäш* ’выть, реветь, вопить’, *агулаш* ’отравлять, отравить, удобрять’, *акыраш* ’кричать во весь голос, орать, вопить’, *алгаштараш* ’соблазнять, обольстить, развратить’, *алгашаш* ’увлечься (очень сильно)’, *бäйлänäш* ’приставать’, *дӱмбäслäш* ’дубасить, отдубасить; лупить; колотить, поколотить’, *ж’акланаш* ’кривляться’, *ж’аклаш* ’защищать, заступиться, поддержать’, *зарланаш* ’жаловаться; ныть, хныкать’, *ийäртäш* ’приманивать, приманить’, *ийäраш* ’привязаться к кому-либо, следовать; приставать’, *кӱйлäш* ’настраивать, настроить’, *кызырыкташ* ’интересовать, заинтересовать’, *кыланаш* ’кокетничать, кривляться’, *каушаш* ’теряться, растеряться’, *катнашаш* ’вмешиваться, участвовать’, *көнлäшäш* ’ревновать, завидовать’, *көрäшäш* ’бороться, соревноваться в борьбе’, *лäктьырäш* ’хватать, зацеплять’, *мыгырдаташ* ’ворчать’, *маташаш* ’возиться’, *мыштырдаташ* ’копошиться, ворочаться; возиться (медленно, лениво)’, *мӱкäлäш* ’ходить на четвереньках’, *сокыранаш* ’жалеть что-либо (о еде)’, *тыпырдаташ* ’топтать ногами’, *чокынаш* ’надоедать’, *чамалаш* ’соблюдать меру; прикидывать, прикинуть на глазах’, *ämäллаш* ’смастерить, улаживать, уладить, устраивать, устроить кое-как, находить (найти выход); изловчиться, ухитриться, найти выход из положения’, *катыраш* ’морозить, подмараживать’, *каташ* ’затвердевать; засыхать, зачерстветь (о хлебе); костенеть, закостенеть; замерзнуть (от холода)’, *кимьытäш* ’уменьшать, уменьшить, убавлять, убавить’, *мортайаш* ’ветшать, обвешать (об одежде)’, *өсташ* ’прибавлять’, *өстырäш* ’добавлять, добавить’, *перьiктäш* ’сбить

(машиной)', *тьӹрӓтӓш* 'подпирать', *тотыраш* 'набивать, набить, наполнять, наполнить', *каташ* 'умереть, подохнуть'.

7. Детская лексика: *мӓмӓ* 'еда, пища', *апа* 'больно, для выражения болевых ощущений', *какай* 'бяка', *л'ол'о* 'суп', *прва* 'молоко', *тӓпи-тӓпи* 'пешком', *ж'ӹж'ӹт* 'не послушный', *ж'ӹж'ӹт ыштим* 'приму меру, бить буду', *н'ан'а* 'манная каша'.

Мы рассмотрели лишь несколько тематических групп татарских заимствований шурабашского подговора восточного наречия марийского языка. Вне выделенных семантических классов остались еще многие слова.

На основании вышеизложенного можем подчеркнуть то факт, что нет, пожалуй, такой области в жизни и деятельности человека, где бы марийский народ не испытал культурного влияния своих соседей – татар. Причем по результатам татарский язык всерьез может поспорить с древнебулгарским и чувашскими языками, оказавшими громадное влияние на марийский язык. В рассматриваемом подговоре это влияние благодаря марийско-татарскому двуязычию населения значительно преобладает над чувашским или иным языковым влиянием. Проведенный анализ показывает, что влияние татарского языка на марийскую лексику в разных тематических группах слов неодинакова. Наиболее количество татарских заимствований содержится среди таких семантических классов, как материальная культура – 16 слов, предметы домашней обстановки – 5, слова, связанные с едой – 7, одежда – 8, природа (включая фауну и флору) – 18, человек и общество – более 100.

Как правильно заметил в своей работе Н.И. Исанбаев (Исанбаев 1979: 50), что «в лексике – наиболее подвижной и проницаемой стороне языка – имеются определенные разряды слов, которые не поддаются, или мало поддаются внешним воздействиям, причем в каждом отдельном случае языковых контактов вопрос решается конкретно – исторически, с учетом как внутри лингвистических, так и экстралингвистических факторов».

Литература

Егоров Ф.Е., Чувашизмы и татаризмы в марийском языке и этнографии // «Марий эл», №№ 1–3. – Краснококшайск, 1927.

Ефремов А.С., Некоторые наблюдения над фонетикой шоруньжинского говора // Вопросы марийского языка: Вопросы марийской диалектологии. – Йошкар-Ола, 1981.

Исанбаев Н.И., История изучения татарских заимствований в марийском языке // Вопросы истории и диалектологии: Вопросы марийского языка. – Йошкар-Ола, 1979.

Казанцев Д.Е., Патрушев Г.С., Современный марийский язык. Лексикология. – Йошкар-Ола, 1972.

Михайлова А.А., Татарстанысе Шурабаш говорын лексика ойыртемже // Курсовая работа. – Йошкар-Ола, 1999.

Пенгитов Н.Т., Тюркизмы в марийском языке // Проблемы тюркологии и истории востоковедения. – Казань, 1964.

Сепеев Г.А., Восточные марийцы. Историко-этнографические исследования материальной культуры (середина XIX – начала XX вв.). – Йошкар-Ола, 1975.

Смирнов И.Н., Черемисы. Историко-этнографический очерк ОИ АИЭ, т. VI. – Казань, 1899.
Федотов М.Р., Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми. – Чебоксары, 1965.

Lewy E., Tscheremissische Grammatik. – Leipzig, 1922.
Miller G.F., Sammlung russischer Geschichte. Bd. III. – St.Petersburg, 1758.
Räsänen M., Die tatarischen Lehnwörter im Tscheremissischen // MSFOu, L. – Helsinki, 1922.
Strahlenberg Ph.J., Das Nord und Östliche Theil von Europa und Asia. – Stockholm, 1730.

Kazuto Matsumura
Tokyo

THE ADESSIVE OCCURRING WITH THE *MAST*-FORM: A 20TH-CENTURY INNOVATION IN ESTONIAN?

1. According to the most authoritative descriptions of Standard Estonian *(eesti ühiskeel)*, verbs of 'allowing' and 'forbidding' may occur in one or more of the four constructions with the *da*-infinitive (henceforth: **DA**) or the *mast*-form (henceforth: **MAST**). Let us illustrate the four constructions using the verb *keelama* 'to forbid' as a verb occurring in all of them:

(1)	a.	Mees	**keelas**	***sõbral***	külla	***tulemast.***	(Adessive+MAST construction)
	b.	Mees	**keelas**	***sõpra***	külla	***tulemast.***	(Partitive+MAST construction)
	c.	Mees	**keelas**	***sõbra***	külla	***tulla.***	(Adessive+DA construction)
	d.	Mees	**keelas**	***sõpra***	külla	***tulla.***	(Partitive+DA construction

The sentences in (1) are taken from Rätsep (1978: 196, 200). For the purpose of the present study, we assume that sentences (1a) – (1d) are all synonymous, meaning roughly 'the man forbade a friend from coming for a visit.' In this paper, "infinitive construction" (IC) is the term reserved for the designation of each of the four types of sentences defined here.

The Ade+DA construction *(lasen **tal** midagi **teha**)* was already in use in the Estonian literary language of the 1890s, but the Ade+MAST construction *(keelan **tal** midagi **tegemast**)* appears to be of relatively recent origin, its inception dating back to the 1920s at the earliest. It seems that the ICs with the partitive – *lasen **teda** midagi **teha*** (Part+DA) and *keelan **teda** midagi **tegemast*** (Part+MAST) – used to be the standard ways of 'allowing' and 'forbidding' in Estonian.

The basic assumption for the present study can be stated as follows: A change in the grammar of a language is not a simple event describable as 'X changed into Y at such-and-such a time', but rather it is a composite process in which a number of factors interact among themselves over a certain period of time. We are going to show in this paper that an appropriately selected set of corpora can be an efficient source of data for the substantiation and dating of syntactic changes in a language as well as for the description of how various factors interact with each other in a particular language change.

2. In order to obtain an overall picture of the ICs in Standard Estonian, the following authoritative works have been consulted. These works will be referred to collectively as 'Standard Grammar' of Estonian in this paper. Table 1 summarizes the description given by Standard Grammar of the distribution of ICs.

Eesti keele grammatika I. Morfoloogia. Sõnamoodustus. Tallinn. 1995.
Eesti keele grammatika II. Süntaks. Lisa: Kiri. Tallinn. 1993.
Rätsep, Huno: *Eesti keele lihtlausete tüübid.* Tallinn. 1978.
Tauli, Valter: *Eesti grammatika II. Lauseõpetus.* Uppsala. 1980.
Tauli, Valter: *Standard Estonian grammar. Part II. Syntax.* Uppsala. 1983.

TABLE 1. Distribution of the ICs according to Standard Grammar

		MAST		DA	
		ADE	PART	ADE	PART
keelama	*forbid*				
takistama	*hinder*				
segama	*disturb*				
hoidma	*hold*				
hoiatama	*warn*				
pidurdama	*restrain*				
võõrutama	*alienate*				
aitama	*help*				
käskima	*command*				
laskma	*allow*				
lubama	*permit*				
paluma	*beg*				
soovitama	*suggest*				
võimaldama	*enable*				

Each white cell in Table 1 indicates that at least one of the works of Standard Grammar states explicitly that the verb in the leftmost column may occur with that particular infinitive construction. Otherwise cells are dark-colored.

3. Two corpora (1990s and 1920s corpora) are used to put forward a hypothesis, or more exactly a set of hypotheses. In addition, five smaller corpora, referred to collectively as 'Historical corpus' in this paper, are used for the validation of the hypothesis.[23]

1990s corpus or *Tasakaalus korpus* (Balanced Corpus): a total of 15 million words consisting of 5 million words each of newspaper, literary and scientific texts from the late 1990s.

1920s corpus or *Asutawa Kogu protokollid* (Minutes of the Constitutional Assembly): a total of 1.93 million words of text from 1919–1920.

Historical corpus: a subset of *Eesti Kirjakeele Korpus 1890–1990* (the Corpus of Literary Estonian), consisting of five subcorpora (1890s, 1900s, 1910s, 1930s and 1950s; 43–117 thousand words each) containing newspaper articles and literary texts.

4. Tables 2 and 3 summarize the data from which the hypothesis is derived. The color-coding is the same as in Table 1 above. The asterisk indicates that the frequency counts given for the verb are estimations based on random sampling.

[23]The three corpora are all available from the website of the Research Group of Computer Linguistics, University of Tartu:
Tasakaalus korpus: http:// www.cl.ut.ee/korpused/grammatikakorpus/
Asutawa Kogu protokollid: http://www.cl.ut.ee/korpused/ baaskorpus/akp/
Eesti Kirjakeele Korpus 1890–1990: http://www.cl.ut.ee/korpused/ baaskorpus/

TABLE 2. The distribution of infinitive constructions in the 1990s corpus

		MAST		DA	
		ADE	PART	ADE	PART
keelama	*forbid*	24	15	151	4
takistama	*hinder*	51	94	31	4
segama	*disturb*	10	17	13	
hoidma	*hold*		34		
hoiatama	*warn*		5		
pidurdama	*restrain*		1		
võõrutama	*alienate*		2		
aitama*	*help*			894	58
käskima*	*command*			280	31
laskma*	*allow*			2003	407
lubama*	*permit*			919	27
paluma*	*beg*			497	124
soovitama*	*suggest*			509	
võimaldama*	*enable*			584	7

TABLE 3. The distribution of infinitive constructions in the 1920s corpus

		MAST		DA	
		ADE	PART	ADE	PART
keelama	*forbid*		7	5	8
takistama	*hinder*		26	1	8
segama	*disturb*		1		
hoidma	*hold*		2		
hoiatama	*warn*				
pidurdama	*restrain*				
wõõrutama	*alienate*				
aitama	*help*			7	13
käskima	*command*			3	9
laskma	*allow*			11	193
lubama	*permit*			44	22
paluma	*beg*			2	308
soowitama	*suggest*			1	
võimaldama	*enable*			7	1

Table 2 leads us to the following observations about the ICs in the 1990s:

Ade+DA (c. 5900) is dominant over Part+DA (c. 650).

Part+MAST (182) is more frequent than Ade+MAST (85).

From the data of the 1920s corpus in Table 3 we can make the following observations:

Part+DA (562) is dominant over Ade+DA (81).

Part+MAST (182) is the only construction attested, but Ade+MAST does not occur at all.

A neat and comprehensive explanation of these circumstances can be given if we assume that the change that took place in the ICs of Standard Estonian during the period under discussion is a composite process that can be reduced to three components:

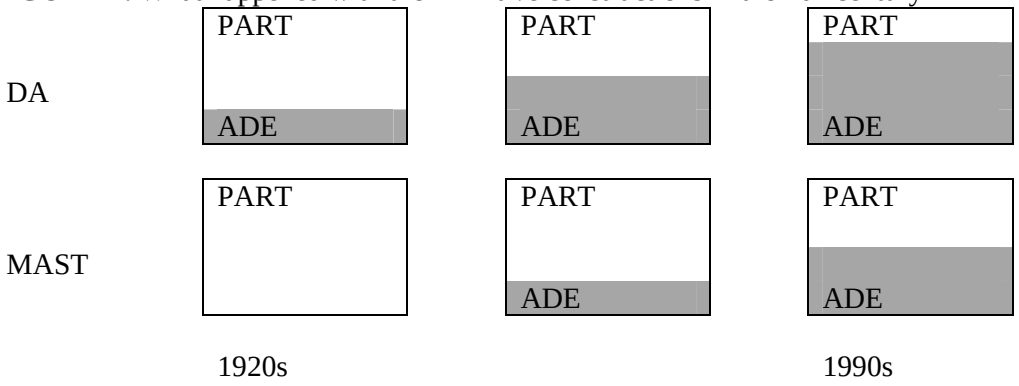
(I) While the use of the adessive (Ade+MAST / DA) has been on the rise, the use of the partitive (Part+MAST / DA) has been on a steady decline throughout the period.

(II) Within DA constructions, Part+DA used to be predominant in the 1920s, but the relation has been reversed to the advantage of Ade+DA during the course of the century.

(III) Within MAST constructions, Ade+MAST, which seems to have emerged in the 1920s at the earliest, has now become the equal of Part+MAST in verbs of 'forbidding.'

These three statements together comprise the hypothesis to be put to the validation test now. A graphical representation of the hypothesis may be given by Figure 1:

FIGURE 1. What happened with the infinitive constructions in the 20th century

5. In order to test the hypothesis, data are drawn from the five subcorpora of the Historical corpus. Tables 4 and 5 are chronologically arranged summaries of the historical corpus data.

For statistical purposes, one should admit that ICs are not sufficiently attested in some cells of the two tables. Nonetheless it is fairly clear that the historical corpus data do not exhibit any distribution patterns that defy the hypothesis under scrutiny.

TABLE 4. MAST constructions in 1890s–1950s

	1890s		1900s		1910s		1930s		1950s	
	ADE	PAR	ADE	PAR	ADE	PAR	ADE	PAR	ADE	PAR
keelama		9		1		8	1			1
takistama		1		1		6		5	2	3
hoidma		1		2		6		1		

Table 4 shows that Ade+MAST does not occur in the 1890s, 1900s, and 1910s corpora at all (cf. dark cells), whereas one occurrence of Ade+MAST is attested in the 1930s corpus and two in the 1950s corpus (cf. gray cells). This picture is consistent with the third statement of our hypothesis.

As for Table 5, the crossed cells indicate the absence of DA constructions, the light-gray background the dominance of Part+DA, and the dark-gray background the dominance of ADE+DA. The dominance of Part+DA over Ade+DA is evident in the corpora of the 1890s through the 1910s, whereas Ade+DA is apparently dominant in most verbs in the 1950s corpus. The 1930s data reveal a near balance of Ade+DA and Part+DA. Here the picture is nice and consistent with the first and second statements of our hypothesis.

TABLE 5. DA constructions in 1890s–1950s

	1890s		1900s		1910s		1930s		1950s	
	ADE	PAR	ADE	PAR	ADE	PAR	ADE	PAR	ADE	PAR
keelama	1	3		2	2	1	2	1	2	2
aitama	1	3	3	1	3	5	5	2	20	4
käskima	3	18	2	17	4	14	5	8	3	3
laskma	3	121	6	56	8	99	30	43	22	11
lubama	2	6	2	12	6	14	7	2	18	2
paluma		37		11		54		8	1	21
soovitama							5		12	
võimaldama							2		21	
Total	10	188	13	99	23	187	56	64	99	43

For the illustration, (2a) is one of our earliest examples of Ade+DA from the 1890s corpus, and (2b) is the earliest example of Ade+MAST in this study and is from the 1930s corpus. One may add that it is also the only occurrence of Ade+MAST in that corpus.

(2) a. [...] seal oma jalga ja peaad **<u>tohtril</u>** ***läbikatsuda*** ja ***rawitseda*** **laske**. (1890s)
... get the doctor examine and cure your leg and head there.
b. Mis te arvate, mis **keelaks** näiteks **<u>minul</u>** isiklikult seda ***asutamast***? (1930s)
What do you think would forbid me from starting it personally, for example?

FIGURE 2: The use of Part+DA and Ade+DA in the 20th century

Figure 2 is a graphical representation of the change in the relative frequencies of Ade+DA and Part+DA. The steady advance of Ade+DA, or the gradual retreat of Part+DA for that matter, during the course of the 20th century is apparent.

6. We have yet to discuss the disturbingly aberrant behaviors of the two verbs in Table 5: *soovitama* 'to suggest' and *võimaldama* 'to enable.' There is one simple but perfectly plausible explanation for their anomaly. Namely, they were latecomers to the scene: it appears that *soovitama* and *võimaldama* started to occur in ICs in the early 1920s (cf. Table 3), when partitive constructions, Part+DA in particular, were losing their fertility and were already on the decline. The verbs took to Ade+DA from the very start because it was the only choice available to them if they were to join the community of the verbs of 'allowing' capable of taking ICs.

It is interesting to note that the verb *paluma* 'to beg' also exhibits an anomaly, though to a lesser degree and in a bit different way: it resisted the drift much longer than the other verbs and wasn't caught by Ade+DA until the 1950s.

This type of non-homogeneous spread of change in a language community reminds us of the phenomenon called *lexical diffusion*[24] of a phonetic change: a phonetic change does not usually affect all the relevant morphological items of the language simultaneously nor do all the members of the language community adopt the new pronunciation at the same time. As some words undergo

the change faster than others, and there may be quite a few words which have dual forms for some time. Though it is not clear whether the notion derived from the study of phonetic changes can be equally appropriately applied to grammatical changes as well, one may at least be allowed to speculate on the potential of language corpora as a tool of the study of grammatical changes.

[24]See *inter alia*: Wang, William S-Y. 1969. Competing changes as a cause of residue. *Language* 45, 1969, pp. 9–25.

Iris Metsmägi
Tallinn

SOME ISSUES OF THE ESTONIAN PRESENT PARTICIPLE[25]

In standard Estonian, a *v*-marked deverbative is used as the personal present participle. As participles have the syntactic functions of adjectives it is natural that the present participle has the function of an attributive adjective. In some conditions, however, an agent noun on *-ja* may also function as an attributive adjective, thus acting very similarly to the present participle.

The purpose of the presentation is, 1) to give a short overview about the use of these two deverbatives in attributive function in standard Estonian as well as in Estonian dialects, old grammars and other Finnic languages, and 2) to make a guess at how the relation between them in modern Estonian may have developed.

1. The relation between the *v*-marked and *ja*-marked deverbatives in attributive function in standard Estonian

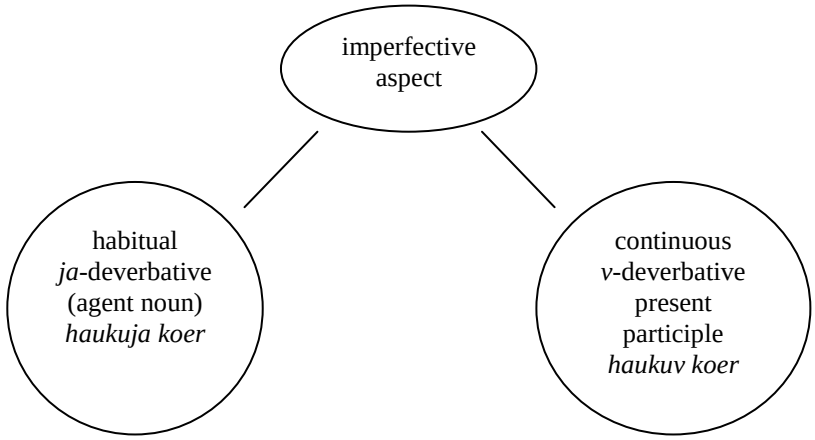
The Estonian Grammar describes the use of the *ja*-marked deverbative in the attributive function as follows: "Some *ja*-derivatives may appear in adjectival function as, e.g., in *haukuja koer* ['barking dog, barker'], *hauduja kana* ['brooding hen, sitter'], *murdja loom* ['beast of prey', lit. 'killer animal']. Such combinations are close to those of the *v*-participle." (Erelt et al. 1995: 482) In these cases, however, the meaning of the *v*-participle and the *ja*-derivative is not completely equivalent: "The *ja*-derivative denotes a characteristic attribute of the creature, while the participle imparts an element of an action taking place in the present: *imetaja loom* ([an animal] that feeds its young by suckling) [i.e. 'mammal'] – *imetav loom* ([an animal] that is suckling its young just now)." (ibid.) It is clearly pointed out here that the *ja*- and *v*-derivatives are not quite similar semantically, although it may not be quite clear, what is the difference. Note as well that in standard language *ja*-deverbatives seem to be possible only with animated subject.

Another explanation of the difference between the *ja*- and *v*-marked deverbatives reads as follows: "In certain petrified phrases, *ja*-derivatives behave like present participles, but remain unspecified for time, e.g. *haukuja koer* 'a/the dog that has the habit of barking (a lot)' and *haukuv koer* 'a/the dog that is (= just happens to be) barking'." (Viitso 1998 : 140) Here the keyword is *habit*. Habituality belongs to the category of aspectuality. The sphere of use of the *ja*-deverbative goes well with the current definitions of the habitual aspect: „... habituals ... describe a situation which is characteristic of an extended period of time, so extended in fact that the situation referred to is viewed not as an incidental property of the moment but, precisely, as a characteristic feature of a whole period." (Comrie 2001: 27–28); „Habitual situations are customarily repeated on different occasions." (Bybee et al. 1994: 127)

[25]This article is supported by grant No 7717 of the Estonian Science Foundation.

Now, if the *ja*-deverbative has habitual, i.e. an aspectual meaning, perhaps the difference between the *ja*- and *v*-deverbatives in the function of adjectival attribute could be described as aspectual opposition?

According to B. Comrie habituality is a subdivision of the imperfective aspect, while the habitual aspect is in opposition with the continuous one (2001: 25). In aspectual sense, the *v*-participle as a present participle has an imperfective meaning, because "a present situation cannot be perfective" (Bybee et al. 1994: 126). This leads to the obvious conclusion that if the *ja*-deverbative designates the habitual aspect, the *v*-deverbative as opposed to the *ja*-deverbative must be marking the continuous aspect. The semantics of the *v*-deverbative ("imparts an element of an action taking place in the present") matches a definition of the continuous aspect: „ ... continuous views the situation, whether it be dynamic or stative, as ongoing at reference time." (Bybee et al. 1994: 127). Consequently, the difference between the *ja*- and *v*-deverbatives in the function of adjectival attribute in modern standard Estonian can indeed be interpreted as an opposition between the habitual and continuous aspects.

2. Relation of the *v*- and *ja*-deverbatives in Estonian dialects

In Estonian dialects the relation of the *v*- and *ja*-deverbatives in the function of adjectival attribute seems to be a little different from that observed in the modern standard. Sampling the Estonian dialect archive at the Institute of the Estonian Language and the Estonian Dialect Dictionary (EMS) I have found that most of the attributively used *v*-deverbatives derive from quite a small number of verb stems: *ela*- 'live' – *elav* 'living; breezy', *jookse*- 'run; flow; leak; move smoothly' – *jooksev* 'flowing; moving smoothly', *kee*- 'boil' – *keev* 'boiling; violent; moist', *lenda*- 'fly' – *lendav* 'flying', *mine*- 'go' – *minev* 'past', **pala*- 'burn' – *palav* 'hot', *seisa*- 'stand' – *seisev* 'still', *tule*- 'come' – *tulev* 'next'; also *haise*- 'stink' – *haisev* 'stinking', *hiilga*- 'shine' – *hiilgav* 'bright', *liiku*- 'move' – *liikuv* 'moving, movable', *läiki*- 'glisten' – *läikiv* 'glossy, shiny'. Some examples: Väike-Maarja *elavad uśsid* 'living worms', Emmaste *üks igavene elav inimeselaps* 'a very breezy child' (EMS I: 663–664); Anna *`joosav vesi* 'flowing water', Rannu *`jųųskva siľm* 'running noose' (EMS II: 113–114); *keev vesi* 'boiling water', Kihnu *kiev torm* 'violent storm' (EMS II: 941–942); *lendav ~ lendva haigus* 'lumbago' (lit. 'flying illness'), Kodavere *`lendäväd kusilased* 'flying

ants'; Vastseliina *minevä `suvvõ* 'last summer'; Setu *pallav́ ahi* 'hot stove'; *seisev vesi* 'still water'; Vigala *tuleva `lauba* 'next Saturday'. Note that in several cases (*minev*, *tulev*, *palav*) the deverbative has only a lexicalized meaning that differs from that of the verb stem; *palav* has even preserved an older stem form – in present, the respective verb stem occurs in the shape *põle-* in North Estonian dialects and in standard language. *jooksev* is used in secondary meanings of the stem ('flowing; running smoothly').

Only a few examples use other verb stems, e.g. Kodavere *`audev kana* 'brooding hen' (EMS I: 499), Karksi *imeve laiťs* 'suckling (baby)' (976), Hargla *kasuva pini'* 'young (lit. 'growing') dogs' (EMS II: 823), Reigi *kuula `loulavad pääsukest* 'listen to a singing swallow', Setu *`nüsvä lehm* 'milking cow'.

In dialects attributive *ja*-deverbatives may derive from a bigger number of different verb stems, and unlike in the standard variety they may take an inanimate subject. Examples: *ela-* 'live' – Varbla *jõgedes elaja loom* 'animal living in rivers', Audru *elajasi inimesi sii põle* 'no living people here' (EMS I: 654); *haudu-* 'brood; stew' – Väike-Maarja *`auduja kana* 'brooding hen, sitter', Setu *`hauďja ilm* 'stifling weather' (500); *hauku-* 'bark' – Laiuse *`aukuja koer* 'barking dog, barker' (510); *heitle-* 'struggle; be unsettled; be iridescent' – Laiuse *`eitleja riie* 'iridescent cloth' (639); *ime-* 'suck' – Kodavere *imijäd lapsed* 'suckling babies, sucklings' (976); *imeta-* 'nurse' – Karja *imetaja naine* 'nursing woman' (979); *jookse-* 'run; flow; leak; move smoothly' – Räpina *hää `juuśkja hobõnõ* 'good running horse', Lüganuse *`juokseja riist* 'leaking vessel' (EMS II: 115); *joo-* 'drink' – Setu *jooja vaśk* 'a calf able to drink' (127); *kasva-* 'grow; increase; wax' – Audru *noor kasuja inimene* 'young growing person' (818–819), Karksi *`kasvaje kuu* 'waxing moon' (825); *kee-* 'boil' – Karksi *keejä allik* 'bubbling spring' (916); *lenda-* 'fly' – Pöide *`lendja lind* 'fledged bird', Helme *`lendäje tähe* 'shooting stars'; *laula-* 'sing' – Hargla *`laulja inemine* 'person singing a lot'; *läiki-* 'glisten' – Halliste *`läikja asi* 'shiny thing'; *lüpsa-* 'milk' – Põltsamaa *`lüpsja lehm* 'milking cow'; *maga-* 'sleep' – *magaja kass* 'sleeping cat'; *mine-* 'go' – Hargla *minnej luu* 'loose boon (easily separable from the flax fiber)'; *mune-* 'lay (eggs)' – Iisaku *muneja kana* 'laying hen, a good layer'; *naera-* 'laugh' – Setu *naardja ineminõ* 'joyful person'; *riidle-* 'scold' – Martna *riidleja inimene* 'scolder'; *seisa-* 'stand' – Karksi *seisje vesi* 'still water'; *tead-* 'know' – Jämaja *teadja mees* 'knowing man'; *usku-* 'believe' – *uskujad inimesed* 'believers (of witchcraft)'.

As we can see, in Estonian dialects there are generally more options of using the *ja*-deverbative attributively than in the standard language, whereas the options of the *v*-deverbative are fewer. There are no signs of the standard opposition between the *ja*- and *v*-deverbatives altogether as there is no sign of the *v*-deverbative systematically functioning as a participle belonging to the verb paradigm (true, this may as well be due to the specifics of material collection). Thus one should rather say that in Estonian dialects the *v*-deverbatives function as deverbal adjectives. The role of the participle (in a verb paradigm) seems rather to belong to the *ja*-deverbative, the latter obviously having a more general meaning in addition to the habitual one.

3. The *v*- and *ja*-deverbatives in the Estonian grammars of the 17th–19th centuries

In most of the earlier Estonian grammars (Stahl 1637, Hornung 1693, Helle 1732, Hupel 1818) the present participle is represented by both the *v*- and *ja*-marked forms. Only J. Gutslaff (1648) mentions just the *wa*-ending under the active present participle.

Unfortunately, for the lack of relevant sentence examples those grammars fail to enable any conclusions about the actual relation of the *v*- and *ja*-deverbatives as adjectival attributes in the 17th- and 18th-century Estonian. There is only the following observation by A. W. Hupel: „Die Participia in *ja* vertreten häufig die Stelle der Adjektive und der Substantive: aber die auf *w* und *wa* sich endigenden, leisten oft die Dienste eines Infinitivs, z. B. *sinna näet innimissi ärra koolwat* 'du siehst Menschen sterben'...“ (Hupel 1818 : 139). Hupel says expressly that in the Estonian of the turn of the 19th century the *ja*-deverbative did function as an adjective, which means that it must also have been used as an attribute. The *v*-deverbative, however, associates with a non-finite construction called the *vat*-infinitive.

In the 19th-century Estonian grammars we find a more concrete discussion of the relation of the *v*- and *ja*-deverbatives. According to E. Ahrens (1853) the personal verbal noun [= agent noun] “occurs not only as a noun but also as an adjective where it has ousted the present participle“. He brings a lot of examples of *ja*-deverbatives, derived of different verb stems, used as adjectival attributes, with animated as well as inanimate subjects: *leikaja kirves* 'sharp (lit. 'cutting') axe', *lubaja mees* 'man of promises' (lit. 'promising man'), *minijad ohrad* 'germinative (lit. 'going') barley seeds', *läbikäijad soldatid* 'passing soldiers', *metsas käija pois* 'boy able to fell trees (lit. 'walking in the forest')', *vastapidaja raamat* 'lasting book', *tömbaja plaaster* 'drawing plaster', *hakkajad röuged* 'infectious smallpox', *see on see lööja mees* 'this is the man who had hit (lit. 'hitting man')', *üks warastaja mees* 'a thief' (lit. 'a stealing man'), *hea sissesaatja koht* 'profitable job', *üks leeri minija inmene* 'a person to be confirmed, a confirmand (lit. 'going to confirmation')', *hinge wötja haigus* 'lethal (lit. 'soul-taking') illness', *wee pidaja kaev* 'water-holding well', *puu raiuja lind* 'woodpecker' (lit. 'woodcutting bird') etc. (406–407). As for the personal present participle [*v*-deverbative], however, Ahrens points out that this form “occurs but seldom as it has been ousted by the verbal noun“; his examples include *minew* and *tulew pühapääw* 'last' and 'next Sunday', *minewal nädalal* 'last week', *tulewal aastal* 'next year', *kaks pölewat törwa-tündrit* 'two burning tar casks', *üks pidaw riist* 'a lasting tool', *oli kül pidaw laew* '? it was a water tight boat all right', *seiswal kiwil kaswab sammal peale* 'a still (lit. 'standing') stone will be covered in moss' (ibid.).

F. J. Wiedemann's (1875) statement on the *ja*-deverbative reads that „adjektivisch ist es gleich dem activen Particip des Präsens“, whereas “Das active Particip auf -*w* kann adjektivisch auch durch das Nomen auf -*ja* ersetzt werden ... und ist daher viel weniger im Gebrauch als das passive“ (459).

Hence we may conclude that in 19th century Estonian the relation between the *ja*- and *v*-deverbatives in the function of adjectival attribute was, in general, similar to that in the dialect material recorded in the 20th century.

4. Relation between the equivalents of the *v*- and *ja*-deverbatives in other Finnic languages

Both the *v*- and *ja*-deverbatives have equivalents in all Finnic languages. The suffix *-v* is the equivalent of the Proto-Finnic suffix **-pa/-pä*, the suffix *-ja* is the equivalent of the Proto-Finnic suffix **-ja/-jä*.

For a detailed discussion of the relation of the two deverbatives in the function of adjectival attribute see Audova 2003, of which the following lines provide a very short summary: In Finnish and Ingrian the **pa-/pä*-deverbative is practically the only option in the function of adjectival attribute (however, examples of the use of the **ja-/jä*-deverbative can be found in Eastern Finnish dialects). In Votic, too, the **pa-/pä*-deverbative dominates, but the **ja-/jä*-deverbative is also numerous, preferably if derived from action verb stems. In Vepsian, Karelian and Livonian the **ja-/jä*-deverbative dominates in the function of adjectival attribute, while in Vepsian it is nearly the only option, but Karelian and Livonian admit a few examples of the **pa-/pä*-deverbative as well.

There are three verb stems appearing in the **pa-/pä*-deverbative in all Finnic languages: these are equivalents to the Estonian words *elav* 'living', *keev* 'boiling' and *palav* 'hot' (in single cases they have parallels on **-ja/-jä*).

On the basis of these results, the function of the **pa-/pä*-deverbative as the Proto-Finnic present participle is not so unambiguous. Rather, it seems that the use of either the **pa-/pä-* or the **ja-/jä*-deverbative as adjectival attribute has been an old distinctive feature between the Finnic languages/dialects. (There is no doubt, though, that the **pa-/pä*-deverbative has served as the nominal form of the 3rd person singular in Proto-Finnic.) Later the **pa-/pä*-deverbative has started spreading in the position of adjectival attribute, so that nowadays in some Finnic languages, Estonian included, both deverbatives are used in this function.

5. Possible history of the relation of the *v*- and *ja*-deverbatives from Finnic dialects to modern Estonian

The Estonian language has derived from Finnic dialects, which used the **ja-/jä*-deverbative as adjectival attribute, i.e. an imperfective participle. However, even then a couple of **pa-/pä*-deverbatives (*elav* 'living', *keev* 'boiling', *palav* 'hot') were used as adjectival attributes and as such they could be termed as deverbal adjectives.

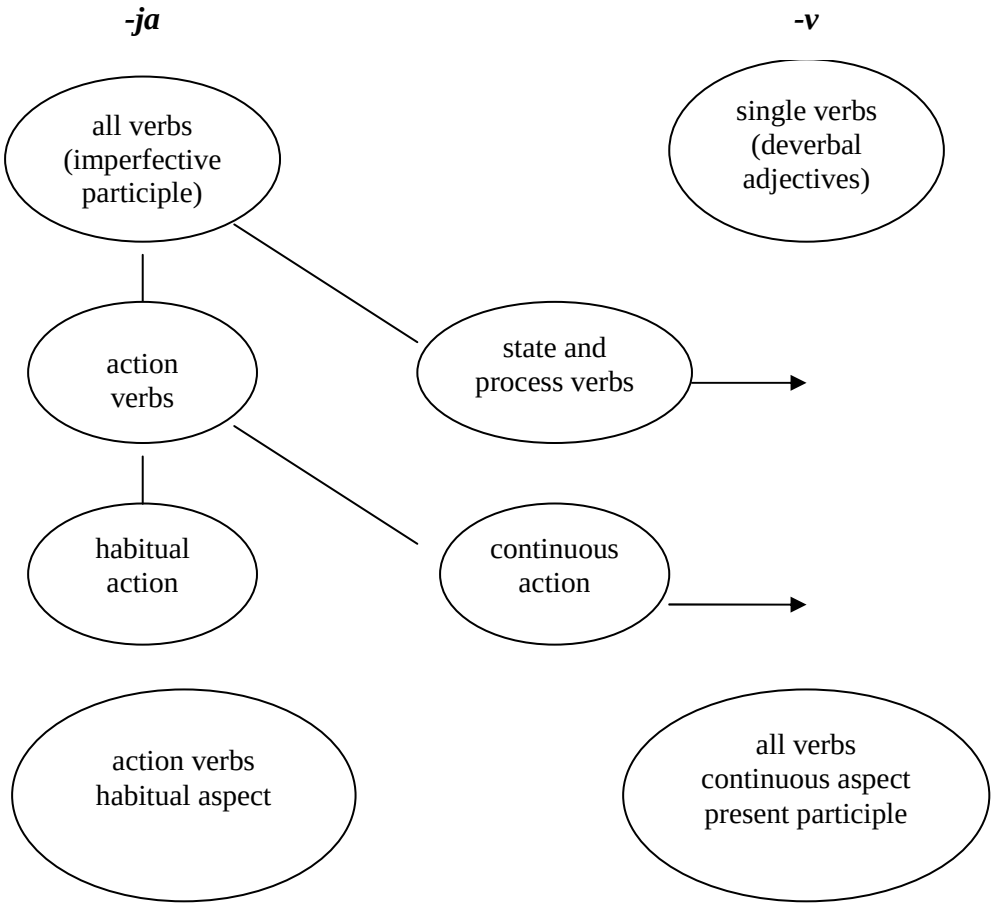
Gradually the *v*-marked adjectives started spreading as the marker was attracted by other verb stems. It seems natural that for semantic reasons *v*-adjectives could be derived first and foremost from such verb stems that denoted a state or a process, thus describing the subject via a quality, not an action.

The *ja*-deverbative as a participle derivable from most verb stems still belonged to the verb paradigm. But its participle status was faltering already. For some verb stems the *ja*-deverbatives were dropped from use altogether, some others admitted of parallel use (note Ahrens' examples of *suitsewad / suitsejad tukid* 'smoking firebrands', *weerewal / weerejal kiwil ei ole sammalt* 'no moss on a rolling stone') (1853: 406–407). This stage of the process is exemplified in the dialect materials as well as the 19th-century grammars.

It is characteristic of the *v*-deverbatives as adjectives derived from state and process verb stems that the qualities they denoted were valid during a longer period including

the moment of speaking, i.e. they carried a potential sense of continuity. Next, there must have arrived a moment where the nuance of validity at the moment of speaking became salient for those deverbatives. Probably many *ja*-deverbatives did not have that nuance. After "discovering" that the nuance of taking place at the moment of speaking can be imparted by a *v*-deverbative derived from action verbs as well, the *ja*-deverbative remained carrying the habitual meaning. This way the *v*-deverbative became a universal derivative formable from all verb stems and as such it became a participle ousting the *ja*-deverbative from the verb paradigm. At the same time an aspectual opposition developed between the two deverbatives, the *ja*-deverbative having a habitual meaning, the *v*-deverbative carrying a continuous one. Outside that opposition the meaning of the *v*-deverbative can be interpreted as temporal, i.e. it is the personal present participle.

The described course of development of the relation of the two deverbatives in Estonian can be depicted by the following figure:

References

Ahrens 1853 = E. Ahrens. Eesti keele Tallinna murde grammatika. Esimene osa: vormiõpetus. In: *Uue ajastu misjonilingvist. Eduard Ahrens 200.* Ed. K. Ross. Tallinn 2003, 75–429. [Translation of the original of 1853.]

Audova, I. 2003. Die ostseefinnischen Deverbativa auf **-pa/-pä* und **-ja/-jä* in der Funktion des adjektivischen Attributs. In: *Linguistica Uralica XXXIX* 1, 1–19.

Bybee, J. – Perkins, R. – Pagliuca, W. 1994. *The evolution of grammar. Tense, aspect, and modality in the languages of the world.* Chicago–London.

Comrie, B. 2001. *Aspect.* An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems. Cambridge. [First published in 1976.]

Eesti murrete sõnaraamat I–V, 1994–. Tallinn: Eesti Teaduste Akadeemia, Eesti Keele Instituut.

EMS = *Eesti murrete sõnaraamat*.

Erelt, M. – Kasik, R. – Metslang, H. – Rajandi, H. – Ross, K. – Saari, H. – Tael, K. – Vare, S. 1995. *Eesti keele grammatika I.* Morfoloogia. Sõnamoodustus. Tallinn: Eesti Teaduste Akadeemia Eesti Keele Instituut.

Gutslaff 1648 = J. Gutslaff. *Observationes grammaticae circa linguam esthonicam. Grammatilisi vaatlusi Eesti keelest.* (TÜ eesti keele õppetooli toimetised 10.) Tartu 1998. [Translation of the original of 1648 with a facsimile copy.]

Helle A. T. 1732. *Kurtzgefaßte Anweisung zur Ehstnischen Sprach, in welcher mitgetheilet werden I Eine Grammatica. II Ein Vocabularium. II Proverbia. IV Ænigmata. V Colloquia.* Halle.

Hornung, J. 1693. Grammatica Esthonica, brevi, Perspicua tamen methodo ad Dialectum Revaliensem. Riga. In: *Die estnischen Grammatiken des 17. Jahrhunderts III.* (Fenno-Ugrica 4.) Hamburg 1977.

Hupel, A. W. 1818. *Ehstnische Sprachlehre für die beyden Hauptdialekte, den revalschen und dörptschen, nebst einem vollständigen ehstnischen Wörterbuche.* Mitau.

Stahl, H. 1637. Anführung zu der Esthnischen Sprach. Revall. In: *Die estnischen Grammatiken des 17. Jahrhunderts I.* (Fenno-Ugrica 2.) Hamburg 1976, 45–197.

Viitso, T.-R. 1998. Estonian. In: *The Uralic languages.* Ed. D. Abondolo. London–New York, 115–148.

Wiedemann F. J. 1875. *Grammatik der ehstnischen Sprache, zunähst wie sie in Mittelehstland gesprochen wird, mit Berücksichtigung der anderen Dialekte.* St.-Petersbourg.

Aila Mielikäinen
Jyväskylä

SUOMEN MURTEIDEN JA NYKYPUHEKIELEN VARIAATIOMALLEJA

Taustaa

Puhutun kielen variaatio on vanhoissa aluemurteissa ja nykypuhekielessä periaatteessa samankaltaista. Tutkimuksessa sitä on kuitenkin metodisista syistä käsitelty eri tavoin. Kielihistoriaan keskittyvässä dialektologiassa analyysin kohteena on ollut ensisijaisesti muutosprosessi, siis uusien varianttien synty, kun taas sosiolingvistisessä tarkastelussa fokus on muutoksen jälkeisessä tilanteessa, uuden variantin leviämisessä. Vaihtelun analyysi ja kuvaus eroavat taas toisistaan mm. kvalitatiivisen ja kvantitatiivisen käsittelytavan puolesta: aluemurteiden vaihtelua on kuvattu sanallisesti ja levikkikartoin, nykypuhekielen vaihtelua laskelmin, taulukoin, kuvioin ja muin graafisin esityksin.

Itse vaihteluun asennoitumisessakin on mainittu eroja. Murteentutkijoita on kritisoitu joskus siitä, että vaihtelu on heille pikemmin häiritsevä seikka, kun on etsitty homogeenisia murteita ja yhdenmukaista, säännöllistä edustusta. Sosiolingvisteille variaatio on taas ensisijainen käsite, kun tutkitaan sen sidosta yhteiskunnalliseen tilanteeseen ja sen strukturoitumista kielenulkoisten muuttujien mukaan.

Seuraavassa tarkastelen variaation ilmenemistä suomen murteissa ja nykypuhekielessä siitä näkökulmasta, miten varianttien vaihtelua on käsitelty, siis tulkittu ja kuvattu. Esitykseni on tiivis, vertaileva, kaavamainen yleiskatsaus, eikä se sisällä varsinaisesti uusia analyyseja.

Varianttien synty ja alkuperä

Vaikka puhutun kielen vaihtelua tarkasteltaisiin synkronisesti, se on lähes aina sidoksissa aikaan, sillä se tarkoittaa yleensä vanhan ja uuden variantin rinnakkaiskäyttöä. Mutta mistä uudet variantit ovat peräisin, ja miten niiden alkuperä selitetään?

(1) Kielihistoriaan keskittyneet murteentutkijat ovat selittäneet uusien muodosteiden synnyn ensisijaisesti äänteenmuutoksen tai analogian avulla, ja joskus muutoksiin on muitakin syitä. Esimerkiksi geminaattanasaalien ja -likvidojen lyheneminen on ns. äännelaillinen muutos, joka on helposti määriteltävissä tavu- ja painoasemien mukaan: *täynnä* > *täynä*, *pellolle* > *pellole*. Sen sijaan *a*-, *ä*-päätteinen partitiivi on kolmitavuisissa nominivartaloissa analogiamuodoste, joka on syntynyt kaksitavuisten muotojen mallin mukaan: äännelaill. *matalata* → anal. *matalaa*, vrt. *kalaa*. Pikapuheisuuden aiheuttamat muutokset eivät kuulu kumpaankaan tyyppiin, sillä niihin ovat osallistuneet vain suurtaajuiset sanat ja sananmuodot, esim. *minä* > *mie, miä, mää, mä* (vrt. *VnV* muissa sanoissa, esim. *kana, nenä, kynä*). Muutos voi kaikissa mainituissa tapauksissa johtaa uuden variantin yksinomaistumiseen, mutta vaihtelu voi jäädä pitempiaikaiseksi ja jäsentyä lopulta myös kielensisäisesti. Esimerkiksi *pellolle* ja *pellole* vaihtelevat lyhentymämurteissa painosuhteiden mukaan (vrt. *tällä, millä*, usein myös *ihmisellä*), ja *matalaa*-partitiivissa saattaa murteittain

esiintyä vartalo- tai sanatyypeittäistä vaihtelua (savolaismurteissa *matalata* : *aurinkoo* < *aurinkoa* tai *matalata* : *kaheksoo*, *aurinkoo*).

Murteissa on myös muualta omaksuttuja variantteja, eräänlaisia lainoja. Tällöin on kyse alueellisesta leviämisestä, ja ilmiötä käsitellään murremaantieteen keinoin. Olennaista kielen järjestelmässä on se, miten ja miksi vieraan murteen variantti on omaksuttu vanhan rinnalle. Edes alueellinen läheisyys ja yhteys ei takaa sitä, että mikä tahansa variantti pääsisi yhtäkkiä muotiin ja ylittäisi entisen isoglossinsa. Yksinkertaisia esimerkkejä ekspansiivisista varianteista ovat *t*:n heikkoasteinen vastine *r*, joka on levinnyt hämäläismurteissa *l*-alueille (*pirän* vs. *pilän*), ja tavunloppuisten klusiilien vokaaliutuneet vastineet, jotka ovat sanoittain levinneet länsimurteista itämurteisiin (*myyrä*, *hauras* vs. *mykrä*, *hapras*).

Murteentutkijoiden kolmas selitysmalli on oikeastaan edellisen tyypin muunnos. Siinä oma ja vieras variantti kontaminoituvat tai uusi variantti mukautetaan entisen rinnalle. Näin on selitetty esimerkiksi itämurteista keski- ja pohjoispohjalaisiin murteisiin levinnyt *t*:n astevaihteluedustus: astevaihtelutapaukset ovat säilyttäneet kaksitavuisen vartalon ja *t*:n konsonanttisen vastineen, ja konsonantiksi on yleistetty *j* silloinkin, kun itämurteiden puolella olisi kato ja supistumavokaali *v*, esim. *sata* : *sajan*, *katu* : *kajut* (vrt. länsimurt. *saran*, *karut*, itämurt. *saan*, *kaut* ~ *kavut*). Toisinaan vieraan variantin mukauttaminen on analogista laajenemista (esim. pitkän *a*:n ja *ä*:n diftongiutuminen savolaistuneissa Päijät-Hämeen murteissa), joskus taas variantti omaksutaan vain osittain omaan järjestelmään (esim. kaakkoismurteinen *antant*-partisiippi savolaismurteiden puolella).

(2) Sosiolingvistisessä tutkimuksessa uusien varianttien omaksuminen selitetään leviämisen, siis diffuusion, kautta (vrt. alueelliseen leviämiseen). ”Lainanantajana” on tässä tapauksessa prestiisimurre tai -kieli, ja leviäminen on käyttäjäkohtaista (alueellista, sosiaalista) tai tilannekohtaista. Suomessa nykypuhekieli on muotoutunut selvästi vanhojen aluemurteiden pohjalta, joten siinä on näkyvissä näiden aiheuttama kilpailutilanne; sellainen on syntynyt lähinnä Länsi- ja Itä-Suomen sekä Etelä-Suomen (pääkaupunkiseudun) ja muun Suomen välille. Suurin osa nykypuhekielen tuntomerkeistä on kuitenkin kuulunut vanhastaan useimpiin länsi- ja itämurteisiin, joten ainoaksi selittäjäksi riittää laaja levikki, jonka jo Mats Thelander (1979a) totesi tärkeäksi varianttien säilymisen syyksi myös Ruotsissa.

Yksi puhekieleen vaikuttava prestiisikieli on nykyään norminmukainen yleiskieli (kirjakieli). Kun suomen kirjakieli on kehittynyt selvästi erilleen murteista, vaikkakin näiden pohjalta, se on voinut tukea ja vahvistaa eräitä nykypuhekielen säilyttämiä murrevariantteja (esim. länsimurteiden *mennä* ja *me*, *te*, *he*, vrt. itämurteiden *männä*, *myö*, *työ*, *hyö*). Joissakin tapauksissa se on tuonut puhekieleen vieraan variantin, jota ei murteissa ole ollut; tällaisia ovat *t*:n astevaihteluvariantti *d (pidän)* ja osin myös *ts*-yhtymä. Näiden on havaittu korreloivan kielenkäyttäjien koulutustaustan mukaan, joten niissä tulee esiin sosiaalinen vaihtelu, vaikka se muuten ei Suomessa ole kovin selvä. Mainitut variantit voivat osoittaa myös virallisen kielimuodon, eli ne kuvastavat tilannekohtaista vaihtelua, joka onkin noussut vahvasti alueellisen ja sosiaalisen vaihtelun rinnalle tai jopa sen ohi. Murteentutkimuksessa yleiskielen mahdollinen vaikutus on tavallisesti sivuutettu, ja se on hyväksytty selitykseksi vain eräissä poikkeustapauksissa (uudet sanat, esim. *lääkäri* pro *liäkär*).

Uusia muodosteita sosiolingvisteillä ei ainakaan suomen kielessä ole selitettävissä samassa määrin kuin murteentutkijoilla on ollut. – Tosin nykyisten kielikontaktien

vuoksi voisi odottaa äänteenmuutoksiakin, ja muutosprosessissa näyttävät olevan ääntämys (esim. *ä*:n takaistuminen), artikulointi yleensä ja intonaatio. – Syyt siihen, miksi murteiden tasoittuessa ei synny samanlaisia äänteenmuutoksia, analogioita tai kontaminaatioita kuin aiemmin, ovat ilmeisesti aivan toisentyyppisten murrekontaktien luonteessa, kielenulkoisten muuttujien jatkuvassa muuttuvuudessa sekä normitetun kielen ja julkisen kielen vaikutuksessa.

Nykypuhekielen vaihtelu ei ole silti jäänyt pelkäksi vanhojen varianttien kilpailuksi. Eräät murteissa alkaneet muutosilmiöt ovat voineet edelleen laajentua kielensisäisesti, siis analogisesti. Äänteellisistä piirteistä voisi mainita *yksi*-sanan siirtymisen *ht*-sanojen astevaihteluun, kuten on käynyt vanhastaan sanalle *lahti* (<< *laksi* : *lahden*). Nykyään voidaan *yksi*-sanaa (’eräs’) taivuttaa *ht*:llisenä myös monikkomuodoissa: *yhtiä ihmisiä*, *yhtiin juhliin, yhissä juhlissa*. Toinen esimerkki analogian synnyttämästä uudismuodosteesta on länsimurteisen tunnuksettoman 3. infinitiivin leviäminen paitsi inessiiviin myös elatiiviin: *tulin kattoost* (Ylikoski 2005: 197). Välivaiheena on toiminut synkretistinen inessiivi (*kävi tekeen ~ tekees* jne.), joka sekin on illatiiviin verrattuna sekundaari, analogian aiheuttama laajentuma. Murteissa sitä on tavattu sieltä täältä lyhyen illatiivin alueelta ja sen laitamilta, ja kaakkoismurteiden puolelta on vanha tieto jopa elatiivista (Ylikoski 2005; Mielikäinen 1991: 52–53).

Varianttien vertailu

Miten eri piirteiden variantteja sitten vertaillaan kvantitatiivisessa tutkimuksessa, kun selvitetään murteiden tasoittumista, sekoittumista, yleiskielistymistä jne.? Se, mitä varianttien vaihtelusta saadaan selville, riippuu osin metodeista. Yksinkertaisin ja yleisin tilanne varianttien vertailussa on se, että on vain vanha ja uusi variantti: *a ~ b*, esim. ***kaheksan*** *~ kahdeksan*, ***sellaanen*** *~ sellanen*, ***kaupunkia*** *~ kaupunkii* (alkuperäinen murrevariantti lihavoitu). Kahden variantin vaihtelutilannetta mutkistaa kuitenkin se, että lähtömurteen variantti voi olla sama kuin yleiskielessä tai poiketa siitä ja että uusi variantti puolestaan voi olla sama kuin yleiskielessä tai siitä poikkeava murrevariantti. Vaihtelu jakautuu siis kolmeen alatyyppiin seuraavasti (1 = yleiskielestä poikkeavaa murretta, 2 = yleiskieltä):

a1 ~ b2: ***kaheksan*** *~ kahdeksan*, ***pittää*** *~ pitää*
a1 ~ b1: ***sellaanen*** *~ sellanen*, ***antant*** *~ antanu*
a2 ~ b1: ***kaupunkia*** *~ kaupunkii*, ***tuo*** *~ toi*

Toisinaan vaihtelutilanteessa on kuitenkin kaksi uutta varianttia: sekä vieraan murteen että yleiskielen variantti. Tällöin kilpailua käydään kolmen eri variantin kesken, ja kaavio olisi seuraavanlainen:

a1 ~ b1 ~ c2
kahreksan *~ kaheksan ~ kahdeksan*
mehtä *~ mettä ~ metsä*
mie *~ mä ~ minä*
sellaanen *~ sellanen ~ sellainen*

Tässä tapauksessa oman murteen variantti häviää usein kilpailun ja jäljelle jää kahden variantin vaihtelu, joka vielä saattaa muuttua pelkäksi tilanteiseksi vaihteluksi.

Myös lähtömurteessa voi olla vanhastaan kaksi varianttia. Tällainen tilanne on aiemmin ollut yleinen välimurteissa tai päämurrealueiden rajoilla. Esimerkiksi savolais- ja kaakkoismurteiden rajoille sijoittuvissa Savonlinnan seudun välimurteissa on *a*-, *ä*-loppuisissa vokaaliyhtymissä idiolekteittain kolmen, jopa neljän variantin vaihtelua (Palander 1996). Alkuperäinen vaihteluedustus (esim. *korkia ~ korkee*) voi siis olla jatkoa jo murteessa alkaneelle prosessille, ja tilanne on seuraavanlainen:

a1 ~ b1 ~ c2
tuoliloita ~ ***tuolia*** ~ *tuoleja*
korkia ~ ***korkee*** ~ *korkea*
mairen ~ ***maitten*** ~ *maiden*

Viimeksi mainitussa esimerkissä olisi mahdollista yhdistää kahteen alkuperäiseen varianttiin jopa kaksi uutta varianttia *(maiden ~ maien)*, ja periaatteessa vaihtelevia variantteja voi nykypuhekielessäkin olla kolmea useampia. Kun kaavion mukaisesta vaihtelusta tehdään päätelmiä, on huomattava, että lähtötilanne, johon murteen muuttumista verrataan, ei olekaan 100-prosenttinen. Murrevariantin väistyminen on siis erilaista kuin yksinomaisissa varianteissa *(männä, myö)*, ja tämä on tärkeä näkökohta, jos verrataan yksilöiden tai ryhmien murteellisuusastetta useampien piirteiden perusteella vaikkapa laskemalla yhteen niiden tuloksia.

Edellisen kaavion mukaisessa vaihtelutilanteessa varianttien leimallisuuskin vaihtelee usein: esimerkiksi länsimurteiden *maitten* on leimattomampi kuin *mairen* ja itämurteiden *tuolia*-monikko leimattomampi kuin *tuoliloita*. Näitä eroja tukevat mm. kansanlingvistiset havainnot murrekirjallisuudesta ja maallikoiden mainitsemista murrepiirteistä. *Maitten*-genetiiviä pidetään murrekirjallisuuden ja testien mukaan jo savolaispiirteenä, ja *loi*-monikko on niitä harvoja morfologisia aineksia, joita maallikot voivat helposti erottaa. Puhekielessä kolmen variantin vaihtelu johtaa yleensä yksinkertaistumiseen: leimallinen variantti väistyy ensin.

Varianttijärjestelmien vertailu

Kun yhdellä piirteellä on useita variantteja, anglosaksisissa tutkimuksissa on käytetty tunnuslukuja ja laskettu keskiarvoja. Nämä sopivat suomessa vain joihinkin harvoihin foneettisiin eroihin, kuten diftongien avartumiseen ja diftonginreduktioon (esim. Nuolijärvi 1986: 51, 151–152; Mielikäinen 1994: 80–81). Useimmissa piirteissä variantteja ei voi järjestää minkään periaatteen mukaiseen jatkumoon (vrt. esim. *mairen ~ maitten ~maiden*), eikä tunnuslukujen keskiarvo kertoisi osuuksista mitään. Sen sijaan puhesuomen vaihteluissa on tarkasteltava kielensisäisiä muuttujia: äänneympäristöjä, muotoryhmiä ja vartalotyyppejä, jopa lausetyyppejä. Nykypuhekielen analysointi on nostanut murteista esiin sellaisiakin piirteitä, joiden distribuutio on aiemmin sivuutettu maininnalla. Esimerkiksi persoonapronominien pikapuhemuodoissa vaikuttavat morfologiset seikat, ja verbien pikapuhemuodoissa on vanhastaan ollut sekä morfologista että syntaktista vaihtelua (Mielikäinen 1991: 14–15 ja 2009).

Kun variaatiotutkimuksessa vertaillaan variantteja kielensisäisten muuttujien mukaan, laskelmista tulee helposti pieniin kategorioihin pirstoutuneita taulukoita. Esimerkiksi *minä, sinä*-pronominista syntyy melko hajanainen kuva, jos vaihtelussa on kolme varianttia ja sitä tarkastellaan – kuten vanha murre-edustus antaa aihetta – sijamuodoittain. Vielä hankalampi kielenpiirre on *ts*-yhtymä, koska se jakautuu erilaisiin sanansisäisiin asemiin (ensi tavun jäljessä, kauempana sanassa) ja ensi tavun jäljestä on erotettava vielä lyhyen ja pitkän vokaaliaineksen jälkeiset yhtymät *(metsä, viitsiä)*, jälkitavuista muotoryhmät (prolatiivi, *itse*-verbit). Lisäksi *ts*-yhtymän varianteista on aivan ensiksi otettava huomioon astevaihtelu ja sen mukaiset sananmuodot. Näiden suhteellisia osuuksia ei voi vertailla suoraan keskenään (vrt. esim. *mettä* : *mettän* ~ *metän*). Astevaihtelupareja ei voi myöskään yhdistää laskennassa etukäteen, kuten joskus on tehty. Esimerkiksi kolmen variantin vaihtelussa *ht* : *t* (x %) ~ *tt* : *tt* (y %) ~ *ts* : *ts* (z %) oletettaisiin, että *t* on aina savolaisen *ht*:n heikkoasteinen vastine, vaikka se kuuluu nykyään myös *tt*:n astevaihtelupariksi. Luokittelun jälkeen *ts*-sanasto hajoaa *itse*-verbejä lukuun ottamatta muutaman sanan ryhmiksi, ja näitäkin häiritsevät vielä sanojen uudehkot johdokset ja yhdyssanat *(kutsumus, itsenäisyys).*

Sekä persoonapronomineissa että *ts*-yhtymässä voisi tuloksia kuitenkin koota yhteen kokonaisen piirteen vaihtelujärjestelmänä. Seuraavassa esitän muutaman aiemmista tutkimustuloksista hahmottelemani esimerkin:

(1) Peräpohjalaisten murteiden alueelta Ouluun muuttaneiden opiskelijoiden puhekielessä (Matikainen 2000) on Tornion murteen alkuperäisen pronominivariantin ***mie*** (86%) tilalle tullut osin yleispuhekielinen *mä(ä)* (10%), osin yleiskielinen *minä* (4%). Taivutusvartalo on vanhastaan ollut ***minu***- (50%), ja sen rinnalle on päässyt jo *mu*- (50%). Mainituista osuuksista on helppo koota yhteen eri vaihtelutyypit seuraavasti: Yleiskielinen edustus *minä* : *minu*- on nominatiivimuodon perusteella vain 4-prosenttinen, joten muut *minu*-vartalot jäävät muiden nominatiivivarianttien vastineiksi, todennäköisimmin alkuperäiselle murre-edustukselle *mie* : *minu*-. Yleispuhekielinen *mä*(*ä*) : *mu*- on nominatiivin perusteella 10-prosenttinen, joten loput *mu*-variantit voi liittää *mie*- tai *minä*-nominatiiviin. Jos *minä* tulkitaan murteessa yleiskieliseksi, viralliseksi variantiksi, yhdistelmä olisi *mie* : *mu*-, ja se edustaisi siis osittain tasoittunutta murretta eli aluepuhekieltä (toinen, lähinnä teoreettinen vaihtoehto *minä* : *mu*-). Kokoavasti eri tyyppien edustuksen voisi esittää seuraavasti:

mie 86%	–	*minu*- 50%	→	*mie* : *minu*- 46%
minä 4%			→	*minä* : *minu*- 4%
mä(*ä*) 10%	–	*mu*- 50%	→	*mä*(*ä*) : *mu*- 10%
			→	*mie* : *mu*- 40%

(2) Etelähämäläinen Lopen murre sopii hyvin esimerkiksi *ts*-yhtymästä. Kahdentoista nuoren kielestä on tarkasteltu vaihtelua ja muutosta kahdeksan *ts*-sanan perusteella (Haikonen 1999). Varianttien jakauma on seuraavanlainen: ***mettä*** 95% ~ *metsä* 5% : ***mettän*** 28% ~ *metän* 66% ~ *metsän* 6%. Alkuperäisen *mettä*-variantin vastineet ovat umpitavun edellä siis *mettän* ja nykyään yleistyvä *metän*. Prosenttiset osuudet yhdistyvät seuraavalla tavalla: *mettä* : *mettän* 28% (vrt. *mettän*) ~ *mettä* : *metän* 66 % (vrt. *metän*) ~ *metsä* : *metsän* 6%.

(3) Jyväskylän puhekielessä, jonka tausta on Päijät-Hämeen savolaismurteessa, on Leena Silvennoisen tutkimuksen mukaan (1980) ollut mutkikkaampi tilanne. Eri-ikäisten jyväskyläläisten haastatteluaineistossa (80 haastateltavaa, 3 sanaa) on ollut isoglossien rajaseudulle tyypillisesti useita variantteja: vahvassa asteessa ***mehtä*** 20% ~ *mettä* 65% ~ *metsä* 15%, heikon asteen asemassa ***metän*** (78%), *mehtän* (4), *mehän* (1), *mettän* (1) ja *metsän* (17). Savolainen *mehtä* : *metän* on vaihtunut siis yleispuhekieliseen tapaan *mettä* : *metän*-vaihteluksi, ja valtavariantit ovat seuraavat:

mehtä : *metän* 15% (*mehtä* 20 – *mehtän+mehän* 5)
mettä : *metän* 64% (*mettä* 65 – *mettän* 1)
metsä : *metsän* 15%
(*mehtä* : *mehtän ~ mehän*, *mettä* : *mettän* yhteensä 6%)

Esittämäni kaltaisissa laskelmissa numerotiedot eivät aina osu yksiin, sillä kontekstuaalinen ja temaattinen vaihtelu, jota ei haastatteluissa aina voi sulkea pois, saattaa vinouttaa tapausten jakaumaa. Suhteellisten osuuksien pohjalta voi silti tehdä pitemmälle meneviä päätelmiä kielenpiirteiden tai suurempienkin järjestelmien muutoksista. Erinomainen esimerkki kokonaisen taivutusjärjestelmän muutoksesta on Marianne Atsingin tutkimus (1997) peräpohjalaisen Sodankylän murteesta. Siinä on tarkasteltu, miten murteen vanha imperfektitaivutus on muuttunut asteittain nykypuhekieliseksi. Avainasemassa ovat olleet monikon 3. persoonan muodot, jotka ovat ensin olleet identtisiä yksikön 2. persoonan *(tulit)* kanssa, sitten monikon 1. persoonan *(tulthin)* kanssa ja mukautuneet lopulta yksikön 3. persoonaan *(ne tuli)*. Monikon 1. persoonassa on puolestaan siirrytty alkuperäisestä persoonataivutuksesta *(me tulima)* passiiviin *(me tulthin)*. Tutkimus osoittaa, että puhekielen vaihtelussa saattaa olla kyse äänne- ja muotoasujen risteilystä kielen eri tasoilla ja siten kokonaisten morfologisten ja syntaktisten järjestelmien muuttumisesta.

Varianttiryhmien vertailu

Erillisten varianttien vertailu vastaa pirstaleisuudessaankin olennaiseen kysymykseen, mitkä kielenpiirteet ovat sosiaalisesti tai tilanteisesti erottelevia. Piirteitä on tutkimuksissa niputettu myös yhteen, kun on haluttu toisenlaista tietoa. Esimerkiksi kielenkäyttäjien (yksilöiden tai ryhmien) murteellisuus- tai yleiskielisyysaste voidaan selvittää ainoastaan useampien piirteiden avulla. Tällöin joudutaan väistämättä määrittelemään variantteja ja tulkitsemaan, mikä on murretta, mikä jotain muuta – ja mitä tämä ”jokin muu” on.

Murre ja yleiskieli on helppo erottaa varianttien määrittelyssä, mutta usein tässä sivuutetaan se kysymys, onko yleiskielen mukainen variantti murretta vai yleiskieltä (länsimurteiden *mennä*, savolaismurteiden *tuo*, *nuo*). Edellä olen puhunut ”vieraan murteen” variantista, mutta joissakin tutkimuksissa on lähdetty uudemmasta tilanteesta ja määritelty variantit tarkemmin. Pirkko Nuolijärvi (1986) on erottanut Helsinkiin muuttaneiden eteläpohjalaisten ja savolaisten kielestä kolmenlaisia variantteja: murteellisia, yleiskielisiä ja helsinkiläisiä. Murteiden omat variantit voivat kuitenkin olla yhteisiä kummankin muun kielimuodon kanssa (esim. pohjalaisten *kaupungis* ja savolaisten *korkee* myös Helsingin puhekieltä). Nuolijärvi onkin tehnyt varianttityyppien pohjalta erilaisia laskelmia, joista näkyy, miten (leimallisen)

murteellista, helsinkiläistä tai yleiskielistä haastateltavien puhe on. Lopulta hän on muodostanut tuloksistaan erilaisia puhujaprofiileja. Heikki Paunosen (2006) helsinkiläispuhekielen tutkimuksessa on puolestaan toisenlainen lähtökohta. Paunonen on selvitellyt syntyperäisten helsinkiläisten puhuja- ja piirreprofiileja jakamalla 25 piirteen variantit vain kahtia puhekielisiin ja kirjakielisiin ja laskemalla näistä puhekielisyysprosentit. Nämä kaksi esimerkkiä osoittavat, että tutkimuksen näkökulma ja lähtökohdat, kuten informanttien taustat, määräävät varianttien tulkinnan ja ryhmittelyn.

Puhuja- ja piirreprofiilit kuvastavat yksilön tai ryhmän käyttämää kielimuotoa. Toinen tavoite, jossa piirteitä täytyy yhdistellä, on kokonaisten kielimuotojen selvittely. Pohjoisruotsalaisen Borlängen murteen muuttumista tutkinut Mats Thelander (1979b) on vienyt tätä vertailua niin pitkälle, että hän on kehittänyt laskentamenetelmän murteen, aluepuhekielen ja yleiskielen rajojen määrittelyyn. Hän on analysoinut 12 kielenpiirrettä monesta eri näkökulmasta ja jakanut kielimuotojen määrittelyssä variantit kahtia murre- ja standardivariantteihin. Näiden perusteella hän on ryhmitellyt piirteet murreindikaattoreihin (= yleiskielistyneet piirteet) ja standardi-indikaattoreihin (= murteen säilyttäneet piirteet) ja käyttänyt tätä jakoa avuksi laskennassa.

Yksi sosiolingvistien käsittelemä ongelma on se, onko vaihtelu pysyvä ilmiö vai kertooko se kilpailutilanteesta, joka väistämättä johtaa jonkin variantin voittoon. Tähänastisten suomalaistutkimusten perusteella voisi sanoa yksinkertaistetusti, että nykyiset kielenulkoiset muuttujat pitävät yllä jatkuvaa vaihtelua. Kielensisäinen, rakenteellinen systeemi sitoo vaihtelun suomen kielessä erilaisiin äänne- ja muotojärjestelmiin, ja näihin saattaa syntyä myös komplementaari distribuutio. Vaikka sosiolingvististä variaatiotutkimusta ei enää harjoiteta samassa muodossa ja laajuudessa kuin menneinä vuosikymmeninä, aiempia tuloksia voi yhä tarkastella kokoavasti ja vertailevasti. Nyt on oikeastaan mahdollista pohtia niiden pohjalta erilaisten kielimuotojen suhteita ja niiden kuvaustapoja sekä vaihtelun luonnetta.

Lähteet

Atsinki, Marianne 1997: Sodankylän murteen monikon 3. persoonan imperfekti ja svaavokaali. Geolingvistinen sovellus. Suomen kielen pro gradu-tutkielma. Oulun yliopisto.

Haikonen, Sannamari 1999: Muuttuva Lopen murre: eräiden kielenpiirteiden tarkastelua nuorten ja nuorten aikuisten puheessa. Suomen kielen pro gradu-tutkielma. Tampereen yliopisto.

Matikainen, Heli 2000: Ouluun muuttaneiden eteläpohjalaisten ja tornionjokivartisten opiskelijoiden kielellinen variaatio. Suomen kielen pro gradu-tutkielma. Oulun yliopisto.

Mielikäinen, Aila 1991: Murteiden murros. Levikkikarttoja nykypuhekielen piirteistä. Jyväskylän yliopiston suomen kielen laitoksen julkaisuja 36.

Mielikäinen, Aila 1994: Etelä-Savon murteiden äännehistoria II. Vokaalit. Helsinki: SKS.

Mielikäinen, Aila 2009: Verbien pikapuhemuotojen morfosyntaksia. Virittäjä 113 s. 18–37.

Nuolijärvi, Pirkko 1986: Kolmannen sukupolven kieli. Helsinki: SKS.
Palander, Marjatta 1996: Vaihtelu Savonlinnan seudun välimurteissa. Helsinki: SKS.
Paunonen, Heikki 2006: Vähemmistökielestä varioivaksi valtakieleksi. Kaisu Juusela & Katariina Nisula (toim.), Helsinki kieliyhteisönä s. 13–99. Helsingin yliopiston suomen kielen ja kotimaisen kirjallisuuden laitos.
Silvennoinen, Leena 1980: Laaja-alaiset itämurteisuudet Jyväskylän puhekielessä. Nykysuomalaisen puhekielen murros: Jyväskylän osatutkimus, raportti 1 s. 89–122. Jyväskylän yliopiston suomen kielen ja viestinnän laitoksen julkaisuja 20.
Thelander, Mats 1979a–b: Språkliga variationsmodeller tillämpade på nutida Burträsktal 1–2. Studia Philologiae Scandinavicae Upsalensia 14:1–2. Acta Universitatis Upsaliensis.
Ylikoski, Jussi 2005: Puhekielen morfologisten ja semanttisten innovaatioiden tutkimusnäkymiä – esimerkkinä suomen *tekeen*- ja *tekees*-tyyppiset verbimuodot. Puhe ja kieli 25:4 s. 187–209.

Светлана Мишина
Саранск

ВЫРАЖЕНИЕ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ-НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ СУБЪЕКТА ИЗМЕНЕНИЕМ ПОРЯДКА СЛОВ В ПРЕДЛОЖЕНИИ В МОРДОВСКИХ И ФИНСКОМ ЯЗЫКАХ

В разных языках любое существительное с грамматической точки зрения имеет два состояния: определённое и неопределённое. Определённость и неопределённость предмета имеет грамматический и прагматико-семантический характер.

Дифференцирующими признаками выделения неопределённости предмета выступают: 1) возможность выбора предмета из какого-либо целого класса предметов, 2) неосведомлённость о предмете говорящего и слушающего или только говорящего; а определённости: 1) невозможность выбора, 2) осведомлённость о предмете говорящего и слушающего или только говорящего (Колядёнков 1954: 210).

В мордовских и финском языках определённость или неопределённость предмета в предложении выражается различными грамматическими и лексическими способами и средствами, одним из которых является порядок слов.

В разных языках функции порядка слов различны. Мордовские и финский языки имеют хорошо развитую систему словоизменения, поэтому порядок слов в этих языках носит относительно свободный характер и способен выполнять смысловую функцию. Как известно, смысловая функция находит свое выражение в актуальном членении предложения. А актуальное членение предложения тесно связано с категорией определенности-неопределенности. В актуальном членении предложения выделяются две части: тема или данное, известное, определенное и рема или нечто новое, неопределенное, сообщаемое о теме.

Говоря о роли порядка слов в выражении определенности-неопределенности субъекта в мордовских языках, необходимо учитывать наличие постпозитивных определенных артиклей и притяжательных суффиксов, которыми он часто бывает оформлен. В финском языке артиклей нет, но определенность-неопределенность может выражаться падежами (номинативом и партитивом).

Финский язык считается так называемым SVO-языком (S – субъект, V – глагол-предикат, O – объект), это означает, что в нейтральном положительном транзитивном предложении номинативный субъект предшествует предикату, например: ***Rengit*** *olivat joskus saaneet hänet saunaan narratuksi…* (Leino 1995: 107). [**Батраки**, дурачась, брали иногда её (собаку) в сауну…]; ***Miehet*** *menivät liiterin päähän,* ***Axeli*** *talutti pyörää* (Hyry 1962: 97). [**Мужчины** шли к сараю, **Аксель** вел велосипед].

То же самое мы можем сказать и о порядке слов в простом повествовательном предложении в мордовских языках, где субъект, оформленный морфемами определенности или притяжательности, занимает традиционно препозицию относительно предиката (Колядёнков 1954). Примеры:

эрз. ***Цератне*** *эзть раказеве. Ансяк* ***аватне*** *лоткасть лайшемадо* (Сятко 2007: 5). [**Мужчины** не засмеялись. Только **женщины** перестали причитать]; *Пулайсэ апак каркса ашо* ***панарозо*** *яхоевсь пильгензэ перька* (Абрамов 1985: 15). [Белая **рубашка (её)**, не опоясанная пулаем, колыхалась вокруг ног (её)];

мокш. ***Учительницась*** *нолдазень шабатнень сменас, а сонць илядсь старшинать и писарть мархта классу* (Кирдяшкин 1989: 82). [**Учительница** отпустила детей на перемену, а сама осталась со старшиной и писарем в классе]. ***Тядяц*** *омбоцеда лиссь рьвакс кати-кодама пьяниця алянди* (Кирдяшкин 1989: 10). [**Мать (ее)** во второй раз вышла замуж за какого-то пьяницу].

В исследуемых языках субъект может быть так же и ремой предложения, т.е. располагаться в постпозиции относительно предиката. Традиционно это бывает в экзистенциальных предложениях. В этих предложениях на первом месте стоит обстоятельство, за ним следует предикат, выраженный интранзитивным глаголом, а субъект обозначает отрезок времени, явление природы или лиц, только что введенных в контекст (Алямкин 1991):

эрз. *Вальмало пижнесть* ***эйкакшт****, сарайсэ котнось* ***сараз****; кудонь латонть велькска уйсь чикуншкань* ***пси*** (Сятко 2007: 6). [Перед домом кричали **дети**; в сарае кудахтала **курица**, над крышей дома плыла полуденная **жара**];

мокш. *Мезевок тиемс эряви! И лисень ульцяв. Каршезон сайхть* ***алят, ават*** (Мокша 2002: 21). [Нужно что-то делать! И я вышел на улицу. На встречу мне шли **мужчины, женщины**].

В экзистенциальных предложениях финского языка субъект (часто в форме партитива) практически всегда является неопределенным, новым сообщением, о котором раньше не упоминалось: *Seinustalla oli* ***puusohva ja tuoleja,*** *ja he istuivat* (Hyry 1962: 9). [У стены стояла деревянная **софа и стулья**, и они сидели].

Следует отметить, что в мордовских языках субъект в положении ремы не всегда является неопределенным, нередки случаи, когда такой субъект оформлен постпозитивным определенным артиклем, например: мокш. *Кивок монь аш. Алязень и тядязень шавозь* ***фашисттне*** (Мокша 2002: 5). [Никого у меня нет. Отца и мать убили **фашисты (те)**].

Как в мордовских, так и финском языках субъект находится в постпозиции относительно предиката и является неопределенным в случае его выделения в качестве основного элемента высказывания (инверсия субъекта):

эрз. *Кафетериянь панжадо вальматнева ульцянь келес кайсететсь церань вайгель. Мейле моронть поладызе* ***ава*** (Сятко 2007: 23). [Из открытых окон кафетерия на всю улицу доносился мужской голос. Потом песню продолжила **женщина**];

мокш. *И хуш нинге ашель шразевок, а монь эсон шачендсь* ***стих*** (Мокша 2002: 21). [И хоть пока у меня не было даже стола, а во мне родился **стих**];

фин. *Luikataan, tuikataan keihäällä, eipä tulekaan esille* ***nalle*** (Leino 1995: 3). [Проверяли, тыкали копьем, не вышел бы наружу **медведь**].

В мордовских и финском языках субъект является ремой, если контекст требует постановки на первое место другого члена предложения (чаще объекта или предиката):

эрз. *Валскень котоце чассто сон валгсь Рузаевкас. Полавтовсь, пек полавтовсь ошось – стясть ламо этажсо* ***кудот,*** *ульцятне асфальтсо ацазь, келейть ды ванькст* (Сятко 2007: 4–5). [В шестом часу утра он прибыл в

Рузаевку. Изменился, очень изменился город – поднялись многоэтажные **дома**, улицы заасфальтированные, широкие и чистые];

фин. *Kutsuttiin häneen eteensä* ***unienselittäjät***.(Leino 1995: 192). [Позвали к нему **толкователей снов**].

В данных предложениях субъект является неопределенным, только что введенным в контекст.

В рассматриваемых языках субъект чаще всего является ремой в словах автора, стоящих в середине или после прямой речи. В мордовских языках такой субъект очень часто бывает оформлен морфемами определенности. Примеры:

эрз. *– Кинь мельга монень арамс билетэнь кисэ? – кевкстсь* ***сыцясь*** (Сятко 2007: 45). [– За кем мне встать в очередь за билетом? – спросила **пришедшая**];

мокш. *«Вишке даволда меле фалу сетьме», – арьсесь* ***сон*** *эсь пачканза* (Мокша 2003: 28). [«После небольшой бури всегда тихо» – думал **он** про себя];

фин. *– Mahtaakohan tuosta hyvinkin vastusta tulla? kysyi* ***asemapäälikkö****, pitkä, laiha, tiukannäköinen herra varovasti* (Leino 1995: 4). [– Может ли он оказать сопротивление? осторожно спросил **начальник вокзала**, высокий, худой, как будто вытянутый господин].

В данных предложениях субъект является определенным: в мордовских языках он оформлен определенным постпозитивным артиклем, в финском языке идет пояснение в виде постпозитивного определения.

В исследуемых языках в некоторых случаях постпозиция субъекта может определяться семантикой глагола-предиката. В мордовских языках субъект находится в постпозиции, если предикат выражен глаголом, имеющим значение бытия, становления, протекания действия, например:

эрз. *Седеесь мейсэяк пицеви, сови эйзэнзэ* ***ризкс-мелявкс****, сави веньберть велявтнемс, керш бокантъ лангс мадемс, витенть…* (Сятко 2003: 4). [Сердце чем-то обжигается, войдет в него **грусть-тоска (букв. тоска-забота)**, придется всю ночь ворочаться, ложиться то на левый бок, то на правый…];

мокш. *Тишка ряфцодезе кенкшть, и куду сувась нинге ефси од* ***аля*** (Кирдяшкин1989: 66). [Тишка дернул дверь, и в дом зашел совсем молодой **парень**].

В финском языке предикат предшествует субъекту, если обозначает: а) возникновение какого-нибудь предмета или начало какого-нибудь явления (*alkaa* «начинаться», *koittaa* «наступать», *syntyä* «родиться»); б) какие-либо местные отношения и состояния (*koristaa* «украшать», *reunustaa* «обрамлять, огараживать», *ympäröidä* «окружать», *odottaa* «ждать, ожидать», *uhata* «угрожать», *vaivata* «беспокоить»), субъект при этом является понятием абстрактным. Для предложений с такими глаголами характерен следующий порядок слов: OVS (O – объект, V – глагол-предикат, S – субъект). Примеры: *Minua* ***vaivaa*** *jokin outo* ***aavistus****, sillä Pekka Järvinen on ottanut yhteyttä minuun* (Junkola 2000: 7). [Меня **беспокоит** какое-то странное **предчувствие**, так как Пекка Ярвинен связался со мной]; *Häntä* ***odottaa*** *ankara* ***tuomio*** (Suomen kielen perussanakirja 2001: 332). [Его **ожидает** строгий **суд**].

Таким образом, и в мордовских, и в финском языках в традиционно нейтральных типах предложений субъект предшествует предикату, являясь темой предложения, понятием известным, определенным. При этом в мордовских языках он оформлен постпозитивным определенным артиклем.

Располагаясь в постпозиции по отношению к предикату, субъект в исследуемых языках является неопределенным: 1) в экзистенциальных предложениях; 2) в случае выделения субъекта в качестве основного элемента высказывания; 3) если контекст требует постановки на первое место другого члена предложения; 4) в словах автора, стоящих в середине или после прямой речи; 5) в зависимости от семантики глагола-предиката.

Следует отметить, что все вышеперечисленные случаи неопределенности постпозитивного субъекта справедливы при следующих условиях:

1) если он не оформлен морфемами определенности (в мордовских языках) или притяжательности;

2) если он не употребляется с указательными местоимениями или другими лексическими средствами выражения определенности;

3) если субъект не выражен собственным именем.

Литература

Спписок использованных источников

Алямкин, Н.С. Место подлежащего в простом повествовательном предложении в мордовских языках / Н.С. Алямкин // IX Огаревские чтения: Тез. докл. науч. конф. – Саранск, 1991. – С. 87–89.

Грамматика мордовских языков. Ч. 2. Синтаксис / под ред. М.Н. Коляденкова. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1962. – 368 с.

Дубровина, З.М. Инфинитивы в финском языке / З.М. Дубровина. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1972. – 207 с.

Колядёнков, М.Н. Грамматика мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Ч. 2. Синтаксис / М.Н. Коляденков. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1954. – 327 с.

Bartens R. Mordvan, tseremissin ja votjakin konjugaation infiniittisten muotojen syntaksi / R. Bartens. – Helsinki: Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia, 1979.

Ikola O. Pieni nykysuomen opas / O. Ikola. – Turku: Abo Akademis tryckeri, 2000.

Iso suomen kielioppi. Helsinki: SKS, 2004.

Художественная литература

Абрамов, К.Г. Исяк якинь Найманов: Роман. Васенце книга / К.Г. Абрамов. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1987. – 320 с.

Кирдяшкин, Т. Кели Мокша: Роман / Т. Кирдяшкин. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1989. – 270 с.

Мокша: лит.-худож. и обществ.-полит. журн. [Саранск]. – 2002. – № 5. Мокша: лит-худож. и обществ.-полит. журн. [Саранск] – 2003. – № 3.

Седойкин, Л.П. Авань моронзо / Л.П. Седойкин. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1991. – 104 с.

Сятко: лит.-худож. и обществ.-полит. журн. [Саранск]. – 2001. – № 4.

Сятко: лит.-худож. и обществ.-полит. журн. [Саранск]. – 2001. – № 6.

Сятко: лит-худож. и обществ.-полит. журн. [Саранск]. – 2003. – № 7.
Сятко: лит.-худож. и обществ.-полит. журн. [Саранск]. – 2007. – № 7.

Hyry A. Junanmatkan kuvaus / A. Hyry. – Helsinki: OTAVA, 1962.
Junkola A., Seppälä A. Sammakko on sammakko / A. Junkola, A. Seppälä. – Tampere: Cityoffset, 2000.
Leino E. Mesikämmen. Musti. Ahven ja kultakalat / E. Leino. – Helsinki: SKS, 1995. – 215 s.
Suomen kielen perussanakirja / Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 55. – Helsinki: Edita, 2001.

A. Molnár Ferenc
Miskolc – Debrecen

MIKAEL AGRICOLA *ABCKIRIA* ÉS DÉVAI BÍRÓ MÁTYÁS *ORTHOGRAPHIA VNGARICA* CÍMŰ MŰVEINEK ÖSSZEHASONLÍTÓ VIZSGÁLATA (MAGYAR NYELVTÖRTÉNET ÉS FINNUGRISZTIKA)[*]

A finnugor vonatkozású kutatások körét tágabban értelmezve részben ide vonhatók olyan vizsgálatok is, amelyek egyes hasonló kultúrkörbe tartozó finnugor nyelvek (korai) szövegeit vetik össze. Ilyen jellegű vizsgálatokat végeztem már például, amikor a *Halotti Beszéd* néhány részét és Agricola *Kirkkokäsikirja*jának (1549) a halott temetésekor mondott szövegeit *(Rumijn Hautamisest)*, illetve általában a régi magyar és finn egyházi nyelvhasználat több kifejezését összehasonlítottam (A. Molnár 1998).

Az alábbiakban kongresszusi előadásomat – amelyben több ilyen esetre kitértem – annak fő témakörére, az Agricola-kritikai kiadás első köteteként kiadott *Abckiria* (Agricola 1543, 1549–1551/1559/2007) és egy hasonló magyar munka, Dévai Bíró Mátyás *Orthographia Vngarica* (1538/1549/19??) című kis könyvecskéjének rövidebb összevetésére szűkítem le. A magyar és a finn írásbeliségben filológiai szempontból minden bizonnyal ezt a két könyvet lehet legjobban összehasonlítani. (Az *Orthographiá*nak egy, „a Könnyűipari Gépi Adatfeldolgozó V. Sokszorosító részlegében /utánnyomásként/ 200 pld.-ban" készült kiadását használtam, amely sem a kiadót, sem a megjelenés helyét és idejét nem jelzi.)

1. Mind az *Orthographiá*t, mind az *Abckiria*t a lutheri reformáció ihlette, elsősorban Luther Márton *Kis kátéj*a (*Enchiridion, oder der kleine Katechismus*; 1529),[26] de ezek úgynevezett ábécés katekizmusok, amelyek elsősorban a legalapvetőbb egyházi szövegek jobb megtaníttatása érdekében óhajtották a tanulók és a felnőttek között is az anyanyelvű írást és olvasást terjeszteni. Ezt tudvalevőleg leginkább a reformáció szorgalmazta. Luthert a *Kis kátén*ak, a legfontosabb vallási tudnivalók rövid összefoglalásának megírására – mint annak előszavában mondja – az indította, hogy egy vidéki egyházlátogatásakor rendkívül nagy tudatlanságot tapasztalt, sőt sok lelkészt is a tanításra készületlennek és alkalmatlannak talált.

2. Érthető tehát, hogy Agricola is az elmaradottabb finn viszonyok között az írás-olvasás elemeinek és a legfontosabb egyházi tanításoknak a megismertetését, továbbadását tartotta elsőrendű feladatának. Ezért is az első finn nyomtatott könyv az *Abckiria*, amelynek a kiadására Finnországban még nem is volt meg a lehetőség, Stockholmban nyomtatták. – A magyar nyelvű korai, kéziratos, valamint nyomtatott írásbeliség ugyan jóval elterjedtebb volt, mint a finn, az *Orthographia* azonban az ismert, teljesen magyar nyelvű nyomtatványok között szintén a legkorábbiak közül való: az ötödik, s csak öt évvel előzi meg az elsőt (*Epistolae Pavli lingva Hvngarica donatae. Az Zenth Paal leueley magyar nyeluen*; 1533). S mindkét könyvet Lengyelországban, Krakkóban nyomtatták. Az (anyanyelvű) írás és olvasás szélesebb körű terjesztése pedig Magyarországon is a reformációval kezdődik.

[*]Készült a Szöveghagyományozódás és nyelvtörténet c. OTKA-pályázat (K 69093) keretében.
[26]Ebből e helyről idézek: http://www.irt.-ggmbh.de/downloads/lutherklkatechismus.pdf.

3. A könnyen használhatóság és megtanulhatóság miatt az *Abckiria* s az *Orthographia* is kis méretű és terjedelmű, az előbbinek mindegyik kiadásában a magassága 12 cm, a szélessége pedig 7 cm alatt van; az első kiadás lapszáma 16, a másodiké és a harmadiké ennyi vagy 24 lehetett (l. Perälä 2007). Az *Orthographia* magassága 15 cm felett van, szélessége 10 cm alatti, a lapszáma pedig 30 (l. RMNy [Első kötet]). Az oktáv nagyság mindkét műnél magánhasználatra vall, az egyházi, szószéki használatra szánt könyvek nagyobb méretűek voltak. Az alapvető tudnivalók egybevont, rövid közlésének szándékát mutatja az is, hogy mindkét könyv, az *Abckiria*nak legalábbis az 1559-es kiadása közli az arab és a római számokat is.

4. E könyvek használatát ugyancsak tanúsítja, hogy az *Abckiria* mindhárom kiadásából csak töredék maradt fenn, ezek összeillesztésével született a kritikai kiadás is. – Az *Orthographia* első, föltehetőleg 1538-as kiadásából nem maradt fenn példány, az 1549-es második kiadás egy példányban maradt meg, s a címlapján utal a korábbi kiadásra.

5. Noha mindkét kiadványt közvetve vagy közvetlenül elsősorban Luther *Der kleine Katechismus*a inspirálta, nem annak a fordításai vagy szoros követései. Luther e munkájának egymás után születtek a különböző, olykor némileg módosított kiadásai, s több nyelvre, latinra is lefordították. Ezenkívül mások – például Philiph Melanchton – szintén írtak hasonló katekizmust. Az *Abckiria* kritikai kiadása ugyancsak több forrással számol: Luther *Kis katekizmusá*val, Melanchton latin nyelvű katekizmusával (1536), Andreas Osiander nürnbergi reformátor német nyelvű katekizmusával (1536), s más hasonló németországi latin vagy német nyelvű katekizmusokkal, olyanokkal, amelyek ábécét is tartalmaztak. S ezenkívül a középkori szöveghagyománnyal, amelyből nyilván az említett katekizmusok is merítettek, valamint Agricola saját alakításaival. Az ábécés részt illetően elsősorban Johannes Sauromannus *Parvus Cathechismus pro pueris* című munkája (Lipsiae, 1540) jöhet szóba. (l. Heininen 2007: 48–49). – Hasonló a helyzet az *Orthographia Vngarica* esetében. Sólyom Jenő (1933/1996: 116) korábban úgy látta: e munkában jelenik meg először Luther hatása a magyar irodalomban, a benne lévő imádságokat pedig Révész Imre nyomán a *Kis katekizmus* imái lerövidítéseinek tartotta. Jóval később azonban ezeket a hagyományos középkori imádságanyagból, illetve az ezeket is tartalmazó korabeli katekizmusokból, művekből származtatta (Sólyom 1967). Természetesen ezekből Luther is merített. Balázs János pedig (1958: 44) arra a következtetésre jutott, hogy Dévai Bíróra Lutheren kívül más korabeli német nyelvtanok és katekizmusok, valamint Stanisław Zaborowski latinul megjelent lengyel helyesírási munkája is hatott *(Orthographia seu modus recte scribendi et legendi Polonicum idioma quam utilissimus)*. Ez 1512-ben vagy 1513-ban jelent meg, s 1526-ban és később is a XVI. század folyamán a szerző latin nyelvtanával együtt többször is kiadták, utóbb ugyanaz a Hieronymus Vietor nyomtatta ki, aki a legtöbb magyar nyelvű kiadványt, köztük Dévai Bíró műveit is. Ami az *Orthographia* lehetséges forrásait illeti, Sólyom később (1967: 47) Balázs (1958: 166) nyomán is úgy látta, hogy: „az Orthographia esetleges mintájának keresése közben egyaránt kell ügyelnünk a helyesírási és az irodalmi részre, az utóbbiban a bibliai idézetekre is. Balázs János erre vonatkozó megállapítását is megszívlelve, az lenne a tennivaló, hogy az Orthographiát mindenestől összehasonlítsuk minél több 1536-ig, sőt biztonságból 1538-ig mind a német, mind a lengyel és cseh területeken megjelent ábécés- és olvasókönyvecskékkel, elsősorban a latinokkal”.

6. Az *Abckiria* alapos vizsgálatát a finn (l. pl. Agricola 1543/1549–1551/1559/2007; irodalommal, pl. Rapola 1967), az *Orthographiá*ét pedig a magyar filológia (l. pl. a fenti műveket irodalommal, pl. Szathmári 1968: passim) elvégezte. E két könyv tartalmának részletes összehasonlítására itt nincs mód, egy rövidebb összevetést azonban az alábbiakban bemutatok. Ez ott válik némileg részletesebbé, ahol kifejezetten külön filológiai érdekessége lehet. Az *Abckiria* beköszöntő versét Agricola Melanchton Katekizmusának a mintájára alkothatta, az *Orthographia* elején viszont egy, az olvasónak szóló ajánlás áll, amit B. A. (a sajtó alá rendező, föltehetőleg Abádi Benedek) írt. Az ábécé, a betűk (hangok) tárgyalása Dévai Bírónál részletesebb. Agricola viszont egy szótaglistát is közöl, ami a szótagolva olvasást segíthette. Az *Abckiria*ban két kettős mássalhangzó, ligatúra van: az *ff* és az *ſſ*, Dévai Bírónál egy, az *ſſ*. Az *ſſ* mindkettőnél német hatás, az *ff*-et a finn szakirodalom svédnek mondja (Häkkinen 2007: 72), de oda nyilván a németből ment. E betűknek (és olykor másoknak) az esetenkénti kettőzése a németben puszta díszítő helyesírási szokás. A rövid *f* két *ff*-fel való jelölése – bár helyesírás-történeteink nem nagyon szoktak vele foglalkozni – több magyar kódexben megvan, mint arra a *Régi Magyar Kódexek* és a *Codices Hungarici* egyes köteteinek a közzétevői általában röviden ki is térnek. Különösen a Ráskay Lea másolta kódexekre *(Margit-legenda, Példák Könyve, Cornidex-kódex, Horvát-kódex)* és a *Nagyszombati Kódex*re áll, hogy az *ff* nagy *F* értékben, „helyett" fordul elő, sokszor úgy, illetve eredetileg azzal a szándékkal, hogy az *ff*-ek közti helyet berubrumozzák. Előfordul azonban az *ff* más kódexekben is, többnyire *F* értékben, de jelölhet rövid és hosszú kis *f*-et is (l. pl. *Jókai-kódex, Jordánszky-kódex, Gömöry-kódex, Könyvecse az szent apostoloknak méltóságokról, Érdy-kódex, Érsekújvári Kódex*).[27] Az *ff* használatából azonban a kódexirodalomban, különösen pedig a nyomtatványokban nem lett általános szokás. Magam az *ff*-nek régi magyar szövegekben való előfordulásával részletesebben foglalkoztam, kitérve (németországi) latin, német, sőt angol szövegekben való előfordulására is. Az *ff*-nek *F*, illetve *f* értékű magyar használatát ma már nem latin, hanem német hatásra vezetném vissza (vö. A. Molnár 1997: 275–277). Ábécé, mint ismeretes, Luther *Kis katekizmus*ában nem található, több korabeli német és más hasonló, vallási szövegeket is tartalmazó munkában, ábécéskatekizmusban azonban igen. Mivel ezekből sok rokon felépítésű van, az ábécéről szóló résznek pontos forrását a szakirodalom akár az *Abckiria*, akár az *Orthographia* esetében nem tudja megnevezni, hasonló munkákat azonban igen. Az *Abckiria* esetében leginkább Sauromannus már említett kátéja lehet egy minta. Az *Abckiria*ban és az *Orthographiá*ban az ábécé után a tízparancsolat, a credo, a miatyánk szövege következik (ez hasonló sorrend, mint ami Luther *Der kleine Katechismus*ában is van), azután pedig az angyali üdvözlet (az üdvözlégy), majd Agricolánál a keresztelés, a gyónás (a kulcsok hatalma; pyhä rippi) és az Oltáriszentség (az úrvacsora) igéi következnek. Ezek az *Orthographiá*ból hiányoznak, megvannak viszont Luthernél (a második nem sákramentumként). Az angyali üdvözlet szövegének megléte a reformáció korai szakaszára vall, a keresztelésé, a gyónásé (a kulcsok hatalma), az Oltáriszentségé (az úrvacsoráé) pedig a későbbire. Az angyali üdvözlet – amelyet a középkorban ugyanúgy kívülről tanítottak, mint a miatyánkot, a credót és a (rövidített) tízparancsolatot (l. pl. Pirinen 1988: 10) – benne volt még Luther 1522-es

[27]A felsorolt kódexek adatait a bibliográfiába nem veszem be, a kódexek megtalálhatók a *Nyelvemléktár*, illetve a *Régi magyar kódexek* és/vagy a *Codices Hungarici* című sorozatokban.

imádságoskönyvében és Melanchton 1524-es német nyelvű katekizmusában is, valamint Olavus Petri 1530-ban megjelent *Postillá*jában (Heininen 2007: 52–53).

A tízparancsolat szövege a korábbi (és máig tartó) gyakorlatnak megfelelően a szélesebb körben való könnyebb megtanulás céljából le van rövidítve. A parancsolatoknak (kivéve a néhány szóból álló legrövidebbeket) egységes standard formája nem alakult ki, Dévai Bírónak az *Orthographiá*val egy időben (1538/1549) és ugyancsak Krakkóban és Vietornál készült kátéjában (At tíz parantsolatnac. ah hit agazatinac, am mi atyáncnac, ah hit petsaetinec röviden valo magyarázattya)[28] is több helyütt eltér a parancsolatok (rövid) szövege az *Orthographiá*ban közölttől, s erősebb egyezést mutat a *Példák könyvé*ben, egy 1510-ben másolt domonkos kódexben lévő latinból fordított verses tízparancsolat-szöveggel, amely a parancsolatoknak az első fennmaradt magyar szövege (l. A. Molnár 2010). Igaz, talán az is elképzelhető, hogy a tízparancsolat, az apostoli hitvallás és a miatyánk szövegében lévő különbségek a sajtó alá rendezőtől, föltehetőleg Abádi Benedektől valók, aki által az Orthographia második kiadása, amit ismerünk, „vionnan meg igazítatott" (Révész 1863: 111). Ezt a véleményt azonban a későbbi szakirodalom (Sólyom 1967: 49–50) nem fogadja el; s e szövegek többi lejegyzésében szintén vannak eltérések. Agricola rövidített tízparancsolat-szövege is középkori hagyományra támaszkodhat, s tekintve a tiltó igei formákat, közvetve a *Vulgatá*hoz kapcsolódik, noha Agricola azt írja, hogy a héber szöveg után fordította (l. Heininen 2007: 50). Például: „Ensimeinen kesky. Ele cumardha weraita Jumaloita. Toinen Ele turhanmainitze sinun Jumalas Nime." – *Orthographia*: „At Tiz parantsolat… Ne legyenec ideghen Istenid en előttem. Ne vegyed az te vrad Istened neuet hijaba". A parancsolatok szövege Az *Orthographiá*ban sem Luther *Kis katekizmusá*ra megy vissza, s az is különbség, hogy ezek és az imák után az *Abckiria*ban és az *Orthographiá*ban nincsenek magyarázatok. Műveiben Dévai Bíró lényegében evangélikus tanítást ad, a tízparancsolatnak ezért is – a református, az ortodox, a görög katolikus és részben a zsidó állásponttal szemben – Augustinus, a római katolikus egyház, illetve Luther Márton és követőinek csoportosítását veszi át. Összevonja a 2Móz. 20: 3–6-ot, a másik felfogás szerint a 2. és 3. parancsolatot (más istenek, istenszobrok), de kettéválasztja a 2Móz. 17-et (mások javainak, ill. családtagjainak elkívánása). S elhagyja a 2. parancsolat második felét (vagy a 3. parancsolatot), az istenszobrok készítésének tilalmát. Ez azzal az értelmezéssel függ össze, miszerint a képtisztelet nem önmagának a képnek szól, hanem annak, akit ábrázol, illetve elvezethet hozzá (vö. pl. Karasszon 1995; Katolikus katekizmus 1994: 415–417).

Az viszont érdekes, hogy az *Abckiria*ban Luther *Kis katekizmus*ának a tízparancsolathoz kapcsolódó zárószava, annak magyarázata a felelet nélkül megtalálható; de a parancsolatok bevezetőjeként. A magyar írásbeliségbe is átjöhetett ilyen hasonló eredetre visszamenő szöveghagyomány. Az 1526 és 1541 között Óbudán másolt ferences *Kazinczy-kódex*be vélhetőleg a XVI. század végén, a XVII. század elején régiesebb helyesírással másolták be Luther *Kis kátéj*ának tízparancsolat-szövegét. Itt a parancsolatok szövegébe beolvasztva szerepelnek a magyarázatok is, de a tízparancsolat zárószava ugyanúgy elöl áll, mint Agricolánál. S ennek befejezéseként a magyarázatból is átkerült egy mondat. Lásd: „Was sagt nun Gott von diesen Geboten

[28]A számos mellékjeles és régies betű miatt ezeket a magyar szövegekben a mai betűalakokkal írom át, úgy, hogy az eredeti, a korabeli hangalakot tükrözzék.

allen? Er sagt so: „*Ich der Herr, dein Gott, bin ein eifernder Gott. der an denen, die mich hassen, die Sünde der Väter heimsucht an den Kindern bis ins dritten und vierten Glied; aber denen, die mich lieben und meine Gebote halten, tue ich wohl bis ins tausend Glied.*[29] [Új bekezdés] Was ist das? [Új bekezdés] Gott droht zu strafen alle, die diese Gebote übertreten; darum sollen wir uns fürchten vor seinem Zorn und nicht gegen seine Gebote handeln. Er verheißt aber Gnade und alles Gute allen, die diese Gebote halten; darum sollen wir ihn auch lieben und vertrauen und gerne tun nach seinen Geboten." (Der kleine Katechismus); –„*Mine olen* (ma itze Jumala taiuaasta iocaitzelle Inhimisille sanopi[30] *sinun Herras Jumalas / wekeue / kiuas / ia costan Iseiden ricoxet / iotca minua wihasit lapsisa / hama colmanden / ia nelienden Poluen asti. Mutta Hyuestiteen tuhanten / iotca minua racastauat / ia minun keskyni piteuet"* [Új bekezdés] Ensimeinen kesky… (Abckiria); – „Mind e Parancsolatokrol e keppen zol Isten *En uagyok te Vrad Istened, erőss, igen zerető meg latogatuan atyaknak bűnöket az ű fyokra, azoknak harmad es negyed nömzedcsegiglen kyk engöm gyűlölnek, es irgalmazuan mind ezeriglen azokual kyk zeretnek engöm, es örizik az en parancsolatimat*. Erőss fenégetest tezen az Vristen mind azoknak, kyk e parancsolatokat meg törik es el hagyak. Kel azert felnünk haragyat es e parancsolatokat megtarcsuk. [Új bekezdés] A tyz Parancsolat közöt első…" (*Kazinczy-kódex* 166).

7. A fentebb említett imák után az *Abckiria*ban a reggeli és az esti étkezéskor mondott imádság (vö. középkori *Benedicite* és *Gratias*), valamint az reggeli és az esti imádság következik. Az *Orthographiá*ban pedig először a reggeli és az esti imádság, s utána az asztali áldás és az étel utáni hálaadás. Luthernél az a sorrend, ami az *Orthographiá*ban. Az *Abckiria* étkezési imádságai a *Der kleine Katechismus* szövegére mennek vissza, a reggeli és az esti imádság annak latin fordítására; amelyeket Agricola olykor kiegészít. Az *Orthographiá*ban ezek az imádságszövegek rövidebbek, de a megfelelő részek azonosak vagy hasonlóak. Sólyom (1967: 46–47) német források nyomán utal rá, hogy ezek az imádságok nem egyező, de hasonló formában megtalálhatók például Kaspar Gräter (Gretter) kátéjában már Luther *Kis kátéj*a előtt, úgyhogy kettőjük szövegezéseinek valamilyen közös, régebbi forrásra kell visszamenniük. S nyilván az *Orthographia* imádságai is (jórészt) a hagyományos imádságanyagból származnak.

Egy összevetés: „Das Benedicite (Bittgebet) [Új bekezdés] Eltern, Kinder und Gesinde sollen mit gefalteten Händen und zuchtvoll vor den Tisch treten und sprechen: *Aller Augen warten auf dich, Herr, und du gibst ihnen ihre Speise zu seiner Zeit. Du tust deine milde Hand auf und sättigst alles, was lebt, mit Wohlgefallen.* [Új bekezdés] *Danach das Vaterunser und dies folgende Gebet: Herr Gott, himmlischer Vater, segne uns und diese deine Gaben,* die wir von deiner milden Güte zu uns nehmen, *durch Jesum Christum, unsern Herrn. Amen."* (Der kleine Katechismus); – Roghalle Luku [Új bekezdés] *Caikein silmet vscaltauat sinun päles Herra ja Ja sine annat helle roan oikialla aijalla Sine auat sinun kedes / ia rauitzet iocaitzen hengen sinun annoilas* [Új bekezdés] Kunnia olcon Isen / ia Poian / ia pyhen Hengen. Ninquin algusta on ollut / ia nyt / ia aina / ia ijan caikisesta ijancaikisen / Amen [Új bekezdés] *Sijte lukekan. Ise meiden. Ja temen lehimeisen lucucaisen.* Rucolcam. *Herra Jumala taiualinen Ise /*

[29]A mindhárom összevetett szövegben lévő egyezéseket kurziválom, a csak két szövegben lévő egyezéseket pedig aláhúzással jelölöm. Hasonló részek ezeken kívül is vannak.
[30]A befejező zárójel tévedésből elmaradt.

siugna meite / ia neite sinun lahioias / iotca me / rumin rauinnoxi / sinun laupiuxestas / tyueme otama / ia anna sinun pyhije armoias / ette me coctulisesta. ja ilman sinun mieles ricotusta / nijte nautitzisimma / *Sinun Poias Jesusen Christusen meiden herran cautta / Amen"* (Abckiria); – „Aztal Áldas [Új bekezdés] *Vram ISTEN mindenecnec ßemei te benned biznac, es io cor meg adod az ű eledeleket.* [Új bekezdés] *Fel nitod te kezedet, es minden lelkes álatot be tölteß az te io adományoddal.* [Új bekezdés] *Mongya el az Mi atyáncot, az utánn ez imátságot.* [Új bekezdés] *Vram mindenhato Isten álgy meg minket és az ajándécocat, kiket az te* bewséghes io voltodbol életöncre attál, *az mi vronc IESVS Christusnac általa. Amen"*. Látható, hogy az ima az elején a 145. zsoltár 15–16. versére utal. Az esti ima után Agricolánál a harangozáshoz kapcsolódó három ima következik (*Cleppimisen rucuuxet*, azaz a Kellonsoittorukoukset). Ezeknek a szokása középkori hagyományra megy vissza (vö. Angelus), de Agricolánál a szöveg más. Az *Orthographiá*ban az étkezéskor mondott imádságok után számos ismertebb bibliai hely szövege következik, lehetséges, hogy ennek az összeállításnak is német mintája volt (vö. Sólyom 1967: 47–48). Végül mind az *Abckiria*t, mind az *Orthographiá*t az arab és római számok rövid listája zárja.

Az *Abckiria* és az *Orthographia* összehasonlító vizsgálata hasznos lehet Magyarországon a finn, Finnországban pedig a magyar nyelv-, irodalom- és művelődéstörténet tanításában, s a külön finn és magyar filológiai vizsgálat egymást is gazdagíthatja.

Irodalom

Agricola 1543/1549–1551/1559/2007 = Mikael Agricola: Abckiria. Kriittinen editio. Toimittanut Kaisa Häkkinen. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. Helsinki, 2007. Ugyanitt fakszimile is.

Balázs 1958 = Balázs János: Sylvester János és kora. Tankönyvkiadó. Budapest. [Dévai Bíró Mátyás]: Orthographia Vngarica. Craccouiae, 1538/1549 (Nem önálló kiadásban később Magyarországon is megjelentetve). Fakszimile: [Budapest, 19??] (önálló kiadás).

Heininen 2007 = Simo Heininen: Abckirjan sisältö ja lähteet. In: Agricola 1543/1541/1549–1551/2007. 42–61.

Häkkinen 2007 = Kaisa Häkkinen: Suomen kieli Mikael Agricolan Abckiriassa. In: Agricola 1543/1549–1551/1559/2007. 62–94.

Karasszon 1995 = Karasszon Dezső: Tízparancsolat. In: Keresztyén bibliai lexikon. II. köt. Szerk. Bartha Tibor. Kálvin Kiadó. Budapest.

Katolikus katekizmus 1994. A Katolikus Egyház Katekizmusa. 2. kiadás. Szent István Társulat. Budapest.

Kazinczy-kódex 1526–1541. A nyelvemlék hasonmása és betűhű átirata bevezetéssel és jegyzetekkel. Közzéteszi, a bevezetést és a jegyzeteket írta Kovács Zsuzsa. Pharma Press – Magyar Nyelvtudományi Társaság. Budapest, 2003.

Der kleine Katechismus Doktor Martin Luthers (1529) = http://www.irt.-ggmbh.de/dowloads/lutherklkatechismus.pdf

A. Molnár 1998 = Ferenc A. Molnár: Rinnakkaisuuksia suomen ja unkarin kielihistorian tutkimuksessa. Memoires de la Société Finno-Ougrienne 228: 336–341.

A. Molnár 1997 = A. Molnár Ferenc: Gondolatok a Gömöry-kódex újabb kiadása kapcsán. Magyar Nyelv 103: 149–163, 149–163.

A. Molnár 2010 = A. Molnár Ferenc: A korai magyar tízparancsolat-szövegek hagyományozódásáról. In: Languages and Cultures in Research and Education. Szerkesztette Nagy L. K., Németh M., Tátrai Sz. Wydawnictwo Universytetu Jagellonskiego. Kraków. 147–160.

Perälä 2007 = Anna Perälä: Mikael Agricolan teosten painoasu ja kuvitus. = Agricola 1543/1549–1551/1559/2007. 10–40.

Pirinen 1988 = Kauko Pirinen: Suomenkielisen liturgisen kirjallisuuden synty. In: Mikael Agricolan kieli. Toimittanut Esko Koivusalo. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. Helsinki. 9–24.

Rapola 1967 = Martti Rapola: Agricolan aapiskirja uudessa valossa. Virittäjä 71: 1–18.

Révész 1863 = Révész Imre: Dévai Bíró Mátyás első magyar reformátor életrajza és irodalmi művei. Kiadja Osterlamm Károly. Pest.

RMNy [Első kötet] = Régi magyarországi nyomtatványok 1473–1600. Borsa Gedeon, Hervay Ferenc, Holl Béla, Käfer István és Kelecsényi Ákos munkája. Akadémiai Kiadó. Budapest, 1971.

Sólyom 1967 = Sólyom Jenő: Az Orthographia Ungarica helye az irodalomtörténetben. Irodalomtörténeti Közlemények 71: 46–50.

Sólyom 1933/1996 = Sólyom Jenő: Luther és Magyarország. A reformátor kapcsolata hazánkkal haláláig. Magyarországi Luther Szövetség. Budapest, 1996.

Szathmári 1968 = Szathmári István: Régi nyelvtanaink és egységesülő irodalmi nyelvünk. Akadémiai Kiadó, Budapest.

Summary

Comparative Investigations between the *Abckiria* of Mikael Agricola and the *Orthographia Vngarica* of Mátyás Dévai Bíró (The History of the Hungarian Language and Finno-Ugric Linguistics)

The article draws a parallel between *Orthographia Vngarica* of Mátyás Dévai Bíró (Cracow, 1538/1549) and the *Abckiria* of Mikael Agricola (Stockholm, 1543/1549–1551/1559). Both works are the products of the Lutheran reformation. Their comparison (including some German works, mainly Martin Luther's *Der kleine Katechismus*) gives a broader European aspect for studying the above mentioned Hungarian and Finnish works, and their comparison may be useful in teaching the history of Hungarian language and culture in Finland and may be instrumental to similar Finnish studies in Hungary, too.

Ferenc A. Molnár (Miskolc–Debrecen)

Наталья Мосина
Саранск

ГЛУБИННЫЕ ПАДЕЖИ И ИХ СЕМАНТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ В ЭРЗЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Падеж, соотношение его формальной и содержательной сторон, его функций и значений, являются предметом пристального внимания лингвистов с античных времен. Количество теоретических концепций, развитых в данном направлении, поистине необозримо. Однако к концу XX века незыблемый лингвистический багаж составили лишь принципы и термины описания синтаксических функций падежа. Данный план падежного содержания однозначно признавался и признается всеми языковедами. Собственно же семантический план его содержания остался по сей день предметом оживленной дискуссии, свидетельствующей о том, что удовлетворительного решения данной проблемы до сих пор так и не найдено.

В середине шестидесятых годов появляются публикации американского ученого Ч. Филлмора, который предложил свою модель пропозиции, получившую название «падежной грамматики» (Филлмор 1981). Ч. Филлмор признавал тот факт, что исходным пунктом в формировании его теории глубинных падежей стали синтаксические исследования Л. Теньера. По мнению Ч. Филлмора, пропозиция – логическая основа предложения, исключая дополнительные значения, не связанные с его основным смыслом, такие как время, наклонения, модальность и т.д. Элементами пропозиции являются предикат, чаще всего выраженный в предложении глаголом, и глубинные падежи (семантические роли), которые предполагаются данным предикатом. Падежи являются семантически элементарными единицами и не подлежат дальнейшему анализу. Каждый падеж лишь однажды входит в структуру высказывания. Можно выделить обязательные и факультативные падежи.

Идеи падежной грамматики развивал целый ряд исследователей: У. Чейф, Дж. Андерсон, Дж. Грубор, У. Кук, С. Староста и др. Расхождения между различными подходами к падежной грамматике касаются вида логической структуры предложения, набора ролей и их допустимых сочетаний, а также того, как отражаются семантические связи в структуре предложения с помощью формальных средств и как используется понятие «глубинного падежа». Одним из достижений развития падежной грамматики является описание многих языков на семантическом уровне. Результаты этих исследований используются в психолингвистике и в работах по «искусственному интеллекту». В 1970 году другой американский лингвист У. Чейф высказал идею о том, что глубинная структура предложения является семантической, а не синтаксической. Ученый отмечает, что «семантические структуры различных языков гораздо более сходны, чем их поверхностные структуры» (Чейф 1975: 98), потому что существует много специфических ограничений, которые лимитируют сочетаемость определенных семантических единиц. По его мнению, в основе этих ограничений лежит общий для всех людей характер знания. Большое

внимание в семантико-синтаксических исследованиях уделяется вопросу соотношения глубинных падежей и членов предложения.

Вопрос о количестве и значении падежей является одним из наиболее спорных моментов в падежной грамматике. Хотя названия глубинных падежей в разных концепциях часто совпадают, это не значит, что они равнозначны по содержанию. И, наоборот, разные названия иногда отражают близкие по сути значения. Как известно, одной из причин существующих разногласий является то, что любому семантическому исследованию присущ элемент субъективизма. Глубинные падежи с приписываемыми им значениями носят в определенной степени условный характер, что и порождает многочисленные подходы к их интерпретации (Звегинцев 1981: 32). Недостаточно разработаны критерии выделения глубинных падежей. В результате, в разных концепциях количество глубинных падежей варьируется от 2 до 50 и более.

Высказывается мнение, что количество глубинных падежей на должно превышать двух десятков. Глубинный падеж – это мыслительная категория.

Родоначальник глубинно-падежного подхода к семантике Ч. Филлмор в своих трудах неоднократно меняет состав падежей (от 5 до 8), называя в их числе агентив, датив, локатив, инструментатив, объектив и некоторые другие. Среди отечественных лингвистов к глубинно-падежной теории Ч. Филлмора тесно примыкает концепция В.Г. Гака, согласно которой, глубинная структура может включать в себя следующие семь реальных актантов: субъект, объект, адресат, субстанция, содействующая или препятствующая осуществлению процесса, пространственный конкретизатор, временной конкретизатор, субстанция, которой принадлежит или часть которой составляет субъект или объект. В.В. Богданов ограничивается перечислением 14 семантических функций, в число которых входят агентив, пациентив, бенефициатив, экспериенсив, локатив и др. (Богданов 1977: 78).

Анализ различных классификаций показывает, что в них нередко классифицируются элементы разных уровней. В некоторых рассматриваются компоненты поверхностной структуры предложения. В других за основу берутся глубинные падежи как ментальные категории. В каждом случае есть свои минусы. Если различать элементы классификации только по смыслу, «т. е. отталкиваясь от реального мира, классификация может оказаться субъективной или слишком подробной».

Ч. Филлмор выдвинул ряд критериев, которых следует придерживаться при определении списка падежей. Прежде всего, состав падежей должен быть невелик, адекватен для классификации глаголов и быть универсальным для множества языков (Cook 1979). В концепции У. Чейфа большое внимание уделяется анализу и классификации глагольных значений, которая дополнена согласно этому классификацией аргументов.

В.В. Богданов все перечисленные им семантические функции объединяет в три группы с точки зрения их отношения к семантическому признаку одушевленности неодушевленности (Богданов 1977: 96).

Особенности классификации глубинных падежей определяются тем, что исследователь опирается как на факторы интралингвистической, так и экстралингвистической природы. В результате возникает возможность различной интерпретации одной и той же семантической функции. Этим объясняется не

только различное количество глубинных падежей в разных теориях, но и их набор.

Большинство известных классификаций глубинных падежей построены по принципу перечисления либо основных, либо всех возможных с точки зрения исследователя элементов. Затем, в некоторых из них падежи объединены в группы по определенному общему для них признаку. Если попытаться построить классификацию, положив изначально в ее основу не который дифференциальный признак, то количество исходных элементов в классификации будет равно двум. Далее эти два элемента могут дробиться на более конкретные и специфические подгруппы, которые все же остаются объединенными одним общим признаком. При анализе различных классификаций и определений выясняется, что в них каждый падеж характеризуется согласно тому, обозначает он одушевленного или неодушевленного партиципанта, активного или инактивного партиципанта.

Таким образом, основываясь на этих двух противопоставлениях, можно выстроить две параллельные классификации. В основу первой классификации положен признак одушевленности, т.е. выделяют «субъект» и «объект». Вторая классификация строится исходя из дифференциального признака «активная деятельность», т.е. группы «агенс» и «патиенс». В каждой из этих групп, в силу их взаимодействия друг с вдругом, выделяются глубинные падежи с более конкретными ролями, а именно: 1) Агентив, Каузатив, Элементив, Бенефициатив, Экспериенсив, Дескриптив, Комитатив; 2) Пациентив, Объектив, Перцептив, Результатив, Делиберативе, Инструментатив, Мобилитив, Локатив и др.

Рассмотрим на материале эрзя-мордовского языка морфологические средства выражения и семантическое содержание агентива и бенефициатива, глубинных падежей субъекта.

Агентив (агенс) – глубинный падеж со значением активного одушевленного деятеля. Большинство исследователей признает в качестве главного партиципанта какое-либо действующее лицо, агента. К характерным признакам агента относят то, что он всегда является производителем действия, управляет им и ответственен за совершенное. Действие агента, как правило, направлено на пациента или объект, который в результате совершенного воздействия меняет свое состояние. Для осуществления своей деятельности агент может использовать как свое тело, так и какую-либо вещь, предмет. Среди характеристик агента У. Чейф называет потенционность, т.е. способность иметь свою собственную силу для осуществления деятельности. Потенционность во многом совпадает с понятием одушевленности (Чейф 1975: 120).

При рассмотрении особенностей функционирования агента часто возникают сложности при разграничении таких понятий как «активность – инактивность», «произвольность – непроизвольность», контролируемость – неконтролируемость». А.В. Бондарко использует термин «непассивность» вместо «активность» (Бондарко 1992: 45).

В зависимости от условий протекания события агент в одних случаях действует намеренно, а в других – нет. Если агент производит какую-то деятельность намеренно, то он выступает и как инициатор, и как исполнитель действия. Субъект в данном случае стремится к достижению конкретной цели, результата.

Агентив – это глубинный падеж, который обозначает любого одушевленного партиципанта, осуществляющего физический акт, акт коммуникации, акт психологического воздействия или акт мыслительно-волевой деятельности. В зависимости от обстоятельств деятельность агента может быть как намеренной, запланированной, так и спонтанной. В любом случае агент сам осуществляет ее, нередко оказывая воздействие на окружающую его обстановку, т.е. он является активным партиципантом события. В роли агентива могут использоваться различные наименования животных.

На материале эрзя-мордовского языка агентив в предложении может выражаться следующими средствами:

1) Собственное имя существительное в форме номинатива:

1) ***Misha*** *karmas' alashat'n'en' purdamo l'ija jonov.* (УНТ) '**Миша** начал поворачивать лошадей в другую сторону'.

2) ***An'uta*** *tus' ban'a ushtomo, c'orin'es' martonzo mol's', c'orin'en't'en,* ***An'uta*** *pr'ikazi* (УНТ) '**Анюта** пошла топить баню, сынок вместе с ней пошел, **Анюта** сыночку приказывает'.

3) ***Mixail Ivanovich*** *mol's' n'in't' vakss di mer's'* (MV) '**Михаил Иванович** подошел к жене и сказал'.

2) Нарицательное имя существительное в форме номинатива как определенного, так и неопределенного склонения:

1) *L'ivt'as' s'ijev* ***varaka*** (УНТ) 'Летела вшивая **ворона**'.

2) ***Baran*** *di* ***katka*** *tus't' vir'ev* (УНТ) '**Баран** и **кошка** ушли в лес'.

3) ***Ovtos'*** *tago sas', tago mor's'i* (УНТ) '**Медведь** снова пришел и снова поет'

4) *V'es'e ban'as't' nar'azhiz' od* ***t'ejt'er's'*** *di* ***od'qoras'****, nar'azhiz' v'el't' maziste.* (MV) 'Всю баню украсили молодая **девушка** и **молодой парень**, украсили очень карсиво'.

5) ***Kiskat'n'e*** *kadiz' azorost, a sin's' tus't' kudon't'en'.* (УНТ) '**Собаки** оставили своего хозяина, а сами зашли в дом'.

6) *Mol's' ved'en' kandomo* ***vishka sazoros'*** (УНТ) 'Пошла принести воду **младшая сестра**'.

7) ***C'oras'*** *mujs' v'ir'ste kudo, a- mazigado p'eshks'e.* (MV) '**Парень** нашел в лесу дом, полный нечистью'.

Имя существительное также может выступать с притяжательным суффиксом, что является характерной чертой для финно-угорских языков.

8) *A* ***n'ize*** *m'er'i* (MV) 'А **жена (его)** говорит'.

9) *Mon'* ***braton*** *es't' mer'e varshtamodo.* (УНТ) 'Мои **братья** не велели смотреть'.

10) *Omboc'e chisten't'* ***avazo*** *tago mol's' tago kevks't'n'i.* (УНТ) 'На следующий день **мать (его)** снова пошла, снова спрашивает'.

3) Местоимение. В роли агентива могут выступать личные, указательные, вопросительные, усилительно-личные местоимения в форме номинатива. Личные местоимения могут опускаться, и субъект указывается через личное окончание глагола-сказуемого:

1) ***Son*** *mol's' mol's' di ban'as't'en' sovas'; ban'as' v'el't' p'ek nar'azhaz'.* (MV) '**Он** шел, шел, и в баню зашел, баня очень сильно украшена'.

2) ***Son*** *jalaksos'* *tago kudos kadiz'e*. (MV) '**Он** младших братьев (его) снова дома оставил'.

3) *A* ***n'e*** *val'mava vanit'; pop di popad'ija, lanhgozonzo*. (MV) 'А **те** в окно смотрят, поп и попадья, на него'.

4) ***T'e*** *m'er'i* (MV) '**Этот** говорит'.

5) ***Tona*** *tus' kas'kas*. (MV) '**Тот** полез в подпол'.

6) ***K'ije*** *v'ed' lanhga sed' sed'i uz'er'ev't'em'e rubanhkavtomo?* (MV) '**Кто** по воде мост мостит без топора и рубанка?'

7) ***Me'z'e*** *alov kasi?* (MV) '**Что** вниз растет?'

8) ***Son's'*** *van's' kartan't' langs, konason't' n'evt'ez'el', koda aravtos' frontos'*. (MV) '**Он (сам)** посмотрел на карту, на которой было показано, как расположился фронт'.

9) *Uches' t'ejt'er'n'es', a si* ***k'ijak***. (MV) 'Ждала девочка, не идет **никто**'.

10) ***Veshn'es'*** *paro chuvto*. (УНТ) '**Искал (он)** хорошее дерево'.

4) Субстантивированные причастия действительного залога настоящего времени:

1) *Pachkoc't'* ***pan'ic'at'n'e***. (УНТ) 'Добрались **пастухи (**букв. гонящие**)'**.

2) ***Pan'ic'at'n'e*** *kevks't'iz'* (УНТ) '**Пастухи** спросили его'.

3) *Sajs' n'il'e v'et'e kar'ksk'e i tus' t'ikshe- lafkat'n'eva, er'va* ***m'ikshn'ic'as'*** *t'er'd'i ejsenqe*. (MV) 'Взял четыре, пять завязок и пошел по лавкам, каждый **продавец** приглашает его'.

4) *Konfer'en'c'ijav* ***sic'at'n'e*** *t'eshkstiz' shto sin' purnavs't' a stuvtoviks shkasto* (MV) '**Приехавшие** на конференцию отметили, что они собрались в незабываемое время'.

5) *Son uchos' z'ardo* ***sic'at'n'e*** *ojs'es't'* (MV) 'Он ждал, когда **приехавшие** рассядутся'.

6) *Odon'* ***veshn'ic'as'*** *ar's'ez'evs', mejse di koda shl'ams butilkin'et'n'en' konat'n'en' ejste a sajevi rudazos' ved'en' strujan't'en'* (MV) '**Ищущий** новое задумался, чем и как вымыть бутылки, из которых не берется грязь под струей воды'.

5) Комплетивные словосочетания, в состав которых могут входить указательные местоимения и числительные:

1) ***S'et'n'e kolmo lomat'n'e*** *tus't' id'em'enze*. (MV) '**Эти трое человек** пошли его спасать'.

2) ***Kolmo lomat'n'e s'et'n'e*** *mol's't' t'ejt'er'in't'en, m'er'it' t'ejt'er'in't'en'*. (MV) '**Трое человек эти** пошли к девушке, говорят девушке'.

3) *L'ivt'it'* ***kolmo jaks'argot***. (УНТ) 'Летят **три утки**'.

4) ***Kavto sazortne*** *orshn'iz' panarost di tus't' l'ivt'az'*. (УНТ) '**Две сестры** надели рубашки (свои) и полетели'.

Бенефициатив (бенефактив) в трактовке У. Чейфа обозначает лицо, «которое извлекает выгоду из того, о чем сообщается в остальной части предложения» (Чейф 1975: 170). В интерпретации У. Кука данный падеж, под названием бенефактив, обозначает лицо, которое получает или теряет какой-либо объект (Cook 1972: 41). В концепции Ю.Д. Апресяна бенефициативу соответствуют понятия получателя и адресата (Апресян 1974: 186). В.В. Богданов трактует этот падеж как «одушевленный аргумент, выступающий в функции адресата,

получателя или вообще того, в пользу или ущерб кому совершается действие» (Богданов 1978: 52).

Бенефициатив выражает адресата (кому, кого?), получателя-бенефицианта (кто?), обладателя-владельца (у кого?). Адресат участвует в событиях, в которых происходит передача ему чего-либо. Акт передачи происходит намеренно и целенаправленно. Адресат фигурирует в двух основных видах деятельности: передачи материального объекта и акте коммуникации. Передача материального объекта адресату может происходить непосредственно из рук в руки.

Он является третьим по степени важности и частотности компонентом структурно-семантической схемы «кто – что – кому» (Лыскова 2003: 75). Бенефициатив часто выступает в событии владельцем какой-либо собственности или даже отдельной вещи, партиципантом, получившим что-либо в свое распоряжение по воле случая. В случае утраты чего-либо по не зависящим от воли одушевленного партиципанта причинам, пострадавший участник тоже считается бенефициативом.

Таким образом, бенефициативом является обобщенный образ одушевленного партиципанта, человека или животного, который обладает или, наоборот, не обладает чем-либо, который обретает или лишается чего-либо в силу случая. Участие бенефициатива не предполагает направленного действия со стороны других участников события.

Приведем примеры использования бенефициатива и выявим способы выражения данного глубинного падежа на материале эрзя-мордовского языка.

1) Значение владельца (обладателя).

1) *Ve **avan'** ul'i kashtomso kasha chakshozo*. (УНТ) 'У одной **женщины** есть в печке каша в горшке'.

2) *R'ives'ke pat'kaj, na t'et' **baban'** pesht'e*. (УНТ) 'Лисичка сестричка, вот тебе **бабушкин** орех'.

3) ***At'akshon't'** s'ed'ejes' ez' kir'd'e, val'ma krajga tongiz'e pr'anzo, vani, kosot konfetkat'n'e*. (УНТ) 'Сердце **петуха** не выдержало, высунул через окно (свою) голову, смотрит, где конфетки'.

4) ***Katkan't'** kezhenze sas't'*. (УНТ) '**Кошка** рассердилась (букв. злость кошки пришла)'.

2) Значение адресата.

1) *R'ivez' sas' **at'akshnen'** val'm alov*. (УНТ) 'Лиса пришла к **петуху** под окно'.

2) *Il'a man'avo **r'ivez'n'en'** , il'a varshta val'mava*. (УНТ) 'Не дай обмануть себя **лисе**, не смотри в окно'.

3) *T'e **mon'en'** a er'avi*. (MV) 'Это **мне** не надо'.

4) *A Jaraska otvechi **ovton't'en.*** (MV) 'А Яраска отвечает **медведю (этому)**'.

5) *Babas' mer'i **at'ansten'.*** (УНТ) 'Бабка говорит **деду (своему)**'.

3) Значение бенефицианта (получателя).

1) ***C'oras'** tus', mujs' is't'amo kudo*. (MV) '**Парень** пошел, нашел такой дом'.

2) ***Son** saiz'e surkson't' val'ma pr'asto, pizhen' ket'ks mus'*. (MV) '**Он** взял кольцо с окошка, медный браслет нашел'.

3) ***Motros** s'e shkan'e sajin'z'e v'es'e acamot'n'en' di tus'*. (MV) '**Мотрос** в это время взял все пожитки и ушел'.

4) ***Misha** sajs' martonzo butilka vina, sovas, nas'l'ed'n'iken't' spal'n'as*. (MV) '**Миша** взял с собою бутылку вина и вошел в спальню наследника'.

5) *Pustachej tago kajas' **t'enze** l'evkske*. (УНТ) 'Пустачей снова положила **ему** детеныша'.

Как показывает проведенный анализ глубинных падежей субъекта агентив как одушевленный активный партиципант в системе глубинных падежей на материале эрзянского языка выражается: 1) именами существительными (собственными и нарицательными) в форме номинатива в определенном и неопределенном склонении, с посессивными суффиксами; 2) личными, вопросительными, указательными, усилительно-личными местоимениями в номинативе; 3) субстантивированными причастиями действительного залога настоящего времени в номинативе; 4) комплетивными словосочетаниями, в состав которых могут входить числительные и местоимения.

Бенефициатив в эрзянском языке имеет следующие морфологические средства выражения: 1) номинатив определенного и неопределенного склонения имени существительного (собственного и нарицательного) и личного местоимения в функции подлежащего со значением получателя; 2) генитив определенного и неопределенного склонения в функции подлежащего и определения при выражении владельца, обладателя; 3) датив определенного, неопределенного и притяжательного склонения имени существительного, а также личного и указательного местоимений в функции косвенного дополнения в значении адресата.

Литература

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974. – 368 с.

Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. – М.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. – 204 с.

Богданов В.В. Залог и семантика предложения // Проблемы теории грамматического залога. – Л.: Наука, 1978. – С. 37–42.

Бондарко А.В. Субъектно-предикатно-объектные ситуации // Теория функциональной грамматики. – С-Пб.: Наука, 1992. – С. 29–70.

Булыгина Т.В. Синхронное описание и внеэмпирические критерии его оценки // Гипотеза в современной лингвистике. – М.: Наука, 1980. – С. 118–142.

Звегинцев В.А. Зарубежная лингвистическая семантика последних десятилетий. Вступительная статья // Новое в зарубежной лингвистике, Вып. 10. – М.: Прогресс, 1981. – С. 3–52.

Леман В.П. Из книги «Протоиндоевропейский синтаксис» // Новое в зарубежной лингвистике, Вып. 21. – М.: Прогресс, 1988. – С. 351–408.

Лыскова Н.А. Семантика падежа в обско-угорских языках. – С-Пб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. – 248 с.

Львов Л.А. О семантических актантах в английском языке // Теория и практика структурно-семантического анализа текста. – Владимир, 1988. – С. 52–61.

Ольшанский И.Г. Глубинные падежи и контекстная семантика // Контекстная семантизация лингвистических единиц. Вып. 238. – М., 1984. – С. 166–182.

УНТ – Устно-поэтическое творчество мордовского народа. // Науч.- ислед. ин-т Мордов. АССР / Под общ. ред. Н.И. Бояркина и др. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1983.
Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике, Вып. 10. – М.: Прогресс, 1981. – С. 369–394.
Чейф У. Значение и структура языка. – М.: Прогресс, 1975. – 432 с.

Cook W.A. A case grammar matrix. Ibid, 1972, №2. P. 35–49.
Cook W.A. Case grammar: development of the matrix model – Wash.: Georgetown univ. Press, 1979. VII. – 223 p.
MV = Paasonen, H. Mordwinische Volksdichtung. Bd. I–VIII. Helsinki, 1938–1981.

Pirkko Muikku-Werner
Joensuu

VARIATION IN IDIOMS

Idiomacity

Idiom is a group of words that together carries a different meaning from the one that it would have if the meanings of its constituents were taken individually. Langacker (1987: 25) and Nunberg, Sag and Wasow (1994: 492–493) define idiom as a word combination that is a conventionalized unity of semantic and symbolic relations. Moon (1998: 2−3) regards idioms as fixed expressions similar to routine formulae and sayings: an idiom is a particular phrasal lexeme. Idioms are often considered fossilised and are supposed to be invariant in appearance (Wood 1986: 94). Sinclair (1987: 320) contrasts "idiom principle" with the "open choice" principle in language processing. Fillmore et al. (1988: 504−510), for their part, differentiate between lexically filled, substantive, idioms and lexically open, formal, idioms. Most of the present views (see e.g. Fillmore 1988; Onikki-Rantajääskö 2001) emphasize variation among idioms: some idioms allow morphological and syntactical changes, while others do not. Langlotz (2006: 192) suggests that the formal structure of a given idiom defines its variation potential and constrains the ways in which the basic form can be modified in concrete usage-events.

With the help of a large authentic text corpus it is easy to provide evidence of the fact that many idioms have two or more alternative forms (*viedä ~ merkitä kirjaan* literally 'to bring ~ mark into the book', idiomatic meaning 'to record') or slightly varying meanings (*olla jonkun kontolla* literally 'to be on somebody's account', idiomatic meaning 'to be somebody's responsibility or blame'). The rich supply of synonyms within idioms often creates alternative forms (*laittaa ~ pistää ~ panna jauhot suuhun* literally 'to put ~ set ~ lay flours into somebody's mouth', idiomatic meaning 'to overawe'), but phonological resemblance can also induce various choices: the idiom transforms through sound exchange, as in *juottaa karvasta ~ katkeraa kalkkia* (literally 'to make someone drink acrid ~ bitter chalice', idiomatic meaning 'to cause a poignant disappointment').

We can try to find out how much the different versions of a single idiom can vary and still be recognised as closely related. When, for example, the diverse lexemes of an idiom are from different semantic categories, their recognition and interpretation is difficult not only for non-native speakers but also for native speakers. For example, the idiom *ottaa kaaliin* (literally 'to get on one's cabbage') is semantically less transparent than *ottaa aivoon ~ päähän* (literally 'to get on one's brain ~ head'). This is because the meaning of all these three idioms 'to make somebody very angry' more naturally connects with a head and a brain than with a cabbage.

In this article I aim to discuss the kind of variation that is possible in idioms: morphological, semantic, stylistic etc. What kind of material can be added to an original idiom to manipulate it? My categorization of the variants is partly influenced by Moon's (1998) classification. As the basic material I use the data of the recently published descriptive dictionary of Finnish phrases (Muikku-Werner–Jantunen–Kokko

2008), in which the idioms are placed in their real written contexts. The corpus has been gathered from the texts of the Bank on Finnish, which contains, for example, numerous Finnish newspapers. Idioms have also been collected from recent journals and from the Internet.

Choosing between alternatives

One possibility for idiom variation is based on morphological options: both *korvat höröllä* and *korvat hörössä* (literally 'ears up') express the same idiomatic meaning 'to listen attentively', although two different case forms, namely adessive and illative, are used. Sometimes the choice is between singular and plural: *ottaa vaivakseen ~ vaivoikseen* (literally 'to take smth as one's bother ~ bothers', idiomatic meaning 'to agree to take care of some laborious matter'). Even though the concept of synonym has at times been questioned, in this context it is feasible, because it enables the description of lexical variation. If a disaster is approaching, one can literally either *hoippua* 'to sway' or *horjua* 'to stagger' *kuilun partaalla* 'on the edge of a gap'.

The synonyms discussed above are stylistic equivalents. However, some variants emerge from different registers or styles. If one's efforts are all in vain, one literally *tuhlaa* 'spends' or *haaskaa* 'fritters away' *ruutia* 'gunpowder'. The verb *haaskata* 'to fritter away' is less prosaic than *tuhlata* 'to spend'. It is also possible to vary between slightly vulgar or neutral in the different variants: literally you can be like a bear which has been *ammuttu perseeseen* 'shot into the arse' or *takamukseen* 'into the rump'. An older idiom can get fresh blood from a new lexical item: both *polttaa päreensä* 'to burn one's splints' and *polttaa proppunsa* 'to burn one's fuses' mean that somebody is getting angry. Whether the English idiom *blow a fuse* has modernised the Finnish idiom is impossible to say.

Alternatives may differ in generality or specificity of the noun: *kyy* or *käärme povella* both mean 'a deceitful intimate'; literally 'an adder in one's bosom' contains a hyponym of the second variant 'a snake in one's bosom'. In *ottaa aivoon* or *päähän* (literally 'to get on one's brain' or 'one's head') *aivot* 'brain' is a meronym of *pää* 'head'. In reversals, such as *keppi ja porkkana* 'stick and carrot' or *porkkana ja keppi* 'carrot and stick', there is no difference of meaning.

The above-mentioned examples only give a short glimpse of a very frequent type of variation. Both verbs and nouns may vary. However, as Moon (1998: 124) notes, this kind of description is rather superficial and does not substantiate any linguistic system as work. In the next chapter I will deal with more profound variation.

Insertions and other modifications

Some idioms are enriched through variation that consists of added material. Negation is a basic device for transforming a conventional idiom and making it more interesting:

Täällä **ei** *sada kuin saavista kaataen*, vaan vettä tulee kuin paloletkusta.

Lit. transl. 'here it is not raining like pouring out of the bucket, but water is coming down like out of the fire hose' (cf. the English idiom *coming down in sheets*).

In the utterance the extent of *saavi* ‘bucket’ has been questioned by negation and the word has been compensated with *paloletku* ‘fire hose’, which adds strength and continuation to the rain.

In the same way modal verbs can amplify the force of the idiom:

Hakemukselle **pitäisi** *saada kasvot*.
Lit. transl. ‘the application should get a face’, idiomat. meaning ‘the application should become personified’.

One way to elaborate an idiom is to introduce its antonym. ‘Big is beautiful’ is opposed to its more regular counterpart ‘small is beautiful’:

Tähtitieteilijöiden mielestä *suuri on kaunista*.
Lit. transl. ‘astronomers think that big is beautiful’.

In some idioms it is possible to find variants which denote either the cause or the result of a process:

Ikea *antoi kenkää* lihapullafirmalle.
Lit. trans. ’Ikea gave (from) the shoe to the meatball firm’, idiomat. meaning ‘Ikea fired the meatball firm’.

Poliisi *sai kenkää*.
Lit. transl. ‘a policeman got (from) the shoe’, idiomat. meaning, ‘a policeman got fired’.

Moon (1998: 141) discusses similar examples of variation in which there is causative and non-causative variation with different verbs. In addition to *give* and *get* verbs like *learn* and *know* may also form a pair: *learn* or *know the ropes*.

Sometimes the speaker or writer thinks that an idiom needs specification. The most common insertions are adjectives and adverbials:

Hän *työntää* **oman** *nokkansa* liian syvälle toisen asioihin.
Lit. transl. ‘he sticks his own nose too deep into other people’s affairs’, idiomat. meaning ‘he interferes too much with other people’s affairs’)

Remulla *on* myös **hyvin** *pitkä pinna* Tiuhtin kanssa.
Lit. transl. ’Remu has a very long spoke with Tiuhti’, idiomat. meaning ‘Remu is very tolerant with Tiuhti’.

An idiom can also be intensified with extra collocates:

Pittsburghin valmennusjohdolla onkin nyt **iso ja kova** *pähkinä purtavanaan*.
Lit. transl. ‘Pittsburgh’s training managers now have a big and hard nut to bite’, idiomat. meaning ‘Pittsburgh’s training managers now have to solve a big and difficult problem’.

Most of the idioms above contain extra material for amplification, but there is also another direction: the original saying can get shortened. Truncation is normally

possible with sayings in clause forms. Because the lower-level grammatical units still allude to the original and fuller forms, they can be viewed in terms of ellipsis (Moon 1998: 131):

Kyllä se sokeakin kana jyvän löytää.
Lit. transl. 'even a blind hen can find a grain', idiomat. meaning 'even a novice can succeed in his or her efforts'.

Onko *sokea kana* asialla?
Lit. transl. 'is there a blind hen taking care of it', idiomat. meaning 'is there a novice taking care of it?'

The phrase *sokea kana* with the meaning 'an inexperienced person' seems to have its own life as a lexical item just as *the last straw*, which can function without the camel whose back it was originally supposed to break.

All variation is not aiming for stylistic effect. Some provides humour, for example, by blending two different idioms. Proverbs, metaphors and idioms as such interrupt and complicate the cohesive flow of the text (Moon 1998: 285), and blends further emphasise the anomalous character of an expression. For example, the next combination of two phrases requires inferential ability. One has to know both of the imbedded idioms to grasp the message.

Niin halpa makkara vastaa kuin sille huudetaan.
Lit. transl. 'so the cheap sausage answers as it has been shouted to'.

There are two idioms involved in this clause. *Halpa makkara* is a truncation of the idiom *katsoa kuin halpaa makkaraa*, which could be translated literally as 'to look at (someone) like (one looks) at a cheap sausage' meaning figuratively 'to look down on someone'. So *halpa makkara* can be interpreted as 'a despised person', and it replaces the word *metsä* 'forest' in the second part of this combination, which consists of the saying *niin metsä vastaa kuin sinne huudetaan* (lit. transl. 'the forest answers the same way as it has been shouted to', idiomat. meaning 'you will be treated as you treat other people'). So the despised person will despise other people as well?

Paistaa se sokea kana risukasaankin.
Lit. transl. 'the blind hen shines into the pile of brushwood'.

In this example we meet the blind hen 'novice' from the original idiom *kyllä sokea kanakin jyvän löytää* that was discussed earlier. The second exploited idiom is *paistaa se päivä joskus risukasaankin* (lit. trans. 'a day will sometimes shine even to a pile of brushwood') with the word *päivä* 'day' omitted. The figurative meaning of the phrase is 'even a loser can sometimes succeed'. In this case both the *blind hen* and a *pile of brushwood* have a semantic connection indicating someone not very successful and also the two non-ellipted idioms have more or less the same meaning, which is why the blend can be regarded as motivated, although the *blind hen* as such is absurd in the subject position.

Humour may also create idioms which sometimes occur in fixed frames. The figurative meanings of individual idioms are often identical or similar (Fillmore et al. 1988; Moon 1998: 146). For example, the frame *ei oo kaikki* 'there are not all' can be used to group different elements to describe a brainless, unintelligent person:

Ei oo kaikki *muumit laaksossa* 'moomins in the valley'~ *murot kulhossa* 'cereals in the bowl' ~ *kamarit lämpöisenä* 'chambers warm' ~ *pöllöt tornissa* 'owls in the tower' ~ *kupit kaapissa* 'cups in the cupboard' ~ *inkkarit veneessä* 'indians in the boat'.

Sometimes the association to the original idiom takes place through fairly homophonous lexicalisations. For instance, there are no logical semantic reasons for the following variation:

ihan sikana ~ *Simona* ~ *himona* ~ *homona* (literally 'quite as a pig ~ as Simo ~ as lust ~ as gay', idiomatic meaning 'very much').

Something that begins with the play of similar sounding words *ihan sikana* ~ *Simona* can continue by replacing the name Simo with another male name: *ihan Ossina*.

Into another frame, *himot ne on X:lläkin* 'even X's have their passions', it is possible to insert at least the following words:

Himot ne on *hiirelläkin* 'mice' ~ *hyttyselläkin* 'mosquitoes' ~ *poliitikoillakin* 'politicians' ~ *diakonissallakin* 'deaconnesses' ~ *nörteilläkin* 'nerds' .

In the first two idioms the phonological resemblance can be considered the motivating factor behind the chosen items. The figurative meaning manifests that even an unexpected group of human beings can have show passion and desire. The options represent groups of people who are implausibly passionate.

Conclusion

The given examples prove that at least some idioms promote variation. Although conventionalisation provides the basis for the direct stipulation of idiomatic meaning (Langlotz 2006: 42), literal processing interacts with it, especially in transparent idioms. It is easier to add details when individual words help to motivate the figurative meaning of the idiom. An opaque idiom like *heittää lusikkansa nurkkaan* (lit. transl. 'to throw one's spoon into the corner', idiomat. meaning 'to die') can be modified only with temporal adverbs because the idiomatic meaning transcends the information yielded by the separate constituents.

There is a lot of variation in verbs, and suitable synonyms are often available. Morphological variation is also fairly frequent taking into consideration the possible valency restrictions. Lexical alternatives usually belong to same semantic field or can at least be associated with it. Fixed idioms do not tolerate lexical variation as much as less fixed ones do. In most cases the new idiom is richer than the original one, but it is also possible that a part of the saying becomes an independent idiomatic expression in itself.

It is unlikely that all idiom realizations have exactly the same meaning. Their distribution, intensity, stylistic value etc. varies. Sometimes variation causes constraints of use: common, even vulgar lexical choices prevent an idiom's occurrence in a certain context, just as a literal idiom is unexpected in an informal text. Variation, on the other hand, allows alteration to be made in the form or vocabulary of an expression to suit the context and situation while still retaining the characteristics of an idiom. Variation can thus be connected with creativeness.

These observations form a starting point. Much larger corpora are needed to draw any tenable conclusions on the extent and distribution of idiom variation. At this point the existence of variation, however, is indisputable: in real texts not all idioms are frozen.

References

Fillmore, Charles J., Paul Kay & Mary Catherine O'Connor 1988: Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of Let Alone. − *Language* 64 (3): 501–538.

Langacker, Ronald W. 1987: *Foundations of cognitive grammar I: Theoretical prerequisites.* Stanford: Stanford University Press.

Langlotz, Andreas 2006: *Idiomatic creativity: A cognitive-linguistic model of idiom-representation and idiom-variation in English.* Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.

Moon, Rosamund 1998: *Fixed expressions and idioms in English: A corpus-based approach.* Oxford: Oxford University Press.

Muikku-Werner, Pirkko – Jantunen, Jarmo – Kokko, Ossi 2008: *Suurella sydämellä ihan sikana. Suomen kielen kuvaileva fraasisanakirja* [*With a wide heart and just as a pig. The descriptive dictionary of Finnish phrases*]. Helsinki: Gummerus.

Nunberg, Geoffrey – Sag, Ivan A. – Wasow, Thomas 1994: Idioms. – *Language* 70 (3), 491–538.

Onikki-Rantajääskö, Tiina 2001: *Sarjoja. Nykysuomen paikallissijaiset olotilanilmaukset kielen analogisuuden ilmentäjinä* [*Series. Locative expressions of state in Modern Finnish as indicators of linguistic analogy*] . Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.

Sinclair, John 1987: Collocation: A progress report. – Ross Steele & Terry Threadgold (eds), *Language topics: An international collection of papers by colleagues, students and admirers of professor Michael Halliday to honour him on his retirement,* 2, 319–331. Amsterdam: John Benjamins.

Wood, Mary McGree 1986: *A definition of idiom.* Bloomington: Indiana University Linguistics Club.

Folke Müller
Giessen

IS THERE A GERMAN INFLUENCE ON THE WORD ORDER OF ESTONIAN? THE ESTONIAN WORD ORDER AS A RESULT OF LANGUAGE-INTERNAL AND CONTACT-INDUCED CHANGE

1. Starting point and purpose

Traditional syntactical typology describes both Estonian and Finnish as SVO languages where the predicate usually follows the subject in declarative sentences. For both languages, SVO is considered the most neutral word order type because the constituents of the sentence display the most prototypical features. Also, the structure of the sentence follows the principle that the information content of the constituents increases toward the end of the sentence (cf. Tael 1990: 7f.). However, major differences have been found between these two closely related languages primarily regarding the position of the finite verb. The differences described in the relevant literature suggest the existence of a verbal bracket in Estonian as is known from the German language where parts of the predicate usually are positioned at the end of the sentence. The fact that Estonian has been influenced for many centuries by High and Low German indicates that the observed differences between the Finnish and Estonian word order could be explained as a result of this language contact situation which has led to an abundance of German loanwords, loan translations of phrasal verbs and so on (cf. Hinderling 1981, Hasselblatt 1990). Hence, this paper poses the following hypothesis: If the same peculiarities of the German word order already appeared in the oldest Estonian sources where German influence is deemed to be particularly strong, this could be seen as an indication for German influence on the Estonian word order. The investigation is based on a comparison between three Estonian sermons by the clergyman Georg Müller from the years 1600 to 1606 and three modern Estonian sermons by the former archbishop of the Estonian Lutheran church Jaan Kiivit from the years 2002 to 2004. Furthermore, properties of the Early New High German and Middle Low German word order are taken into account in this comparison. Prior to the study the expectation was that the Estonian sermons from the 17th century would already display German style features as the V2 rule in declarative sentences and main clauses, the sentence final position of the finite verb in subordinate clauses and the verbal bracket where the infinite parts of the predicate are separated from the finite verb. The same peculiarities were assumed to appear also in the modern Estonian sermons, being responsible for the observed differences between Finnish and Estonian, but to a much lesser extent. We assumed that a decrease of the similarities between the Estonian and the German word order could be ascribed to the success of Johannes Aavik's language reform whose goal was to remove all German influences from the Estonian language. In the following, I will demonstrate that not all of these hypotheses could be proven to be right.

2. The Finnish and Estonian word order differences

So far, differences between the Finnish and the Estonian word order have been found with the help of statistical comparisons e.g. of translations and they concern mainly the position of the verb within the sentence. Both quantitative and qualitative differences were found. While in the Finnish language the word order type SVO dominates (SVO 49%, OVS 11%), in Estonian the direct word order and the inverted word order appear with almost the same frequency (SVO 2%, OVS 24%) (cf. Tael 1990: 8). In Estonian, a complement at the beginning of the sentence usually automatically causes the inversion of subject and verb which happens considerably less often in Finnish. Even the reasons that are held responsible for the inversion are seen as being different in Finnish and Estonian. In Finnish, the inversion appears mostly as compensation when the subject is positioned at the end of the sentence and another constituent has to fill this gap. Usually, the subject remains before the verb. Contrary to that, in Estonian the inversion appears most often when a constituent before the verb is emphasised.

This shows that both languages know two different kinds of inversion, a more "syntactical" kind of inversion like in the Germanic languages where the finite verb always requires the second position of the sentence and a second kind of inversion where the subject is moved to the end of the sentence due to its own features. The first one is more common in Estonian, the second one more common in the Finnish language (Tael 1990: 33).

(1) Mariaa Juhani rakastaa.
(2) Marit armastab Jaan. (Tael 1990: 32 f.)

In Estonian, the verb is placed more often at the end of the sentence, whereas in corresponding Finnish sentences the verb is positioned more toward the beginning of the sentence. The examples presented by Huumo show that this difference can be found mostly among subordinate clauses for which also in German the final position of the verb is most common. However, not all Estonian subordinate clauses exhibit this word order type to the same degree. According to Huumo, final position is demanded mostly by clauses of time with the conjunction *kui* 'when', relative clauses and object clauses with the conjunction *et* 'that' (cf. Huumo 1993: 120 f.), while no difference is seen between other kinds of complement clauses and main clauses (cf. EL 2003: 118 f.). In relative clauses, the position of the verb also depends on the awareness of the constituents in discourse. Noun phrases whose referent has already been mentioned usually are positioned before the predicate; noun phrases that display new information are positioned behind. But when a clause does not contain new information like restrictive relative clauses usually do, the verb can be found at the end of the sentence (cf. Lindström 2004). This shows that in Estonian the word order of subordinate clauses depends more on the information structure than it does in main clauses with inversion.

(3) Kun tulin illalla kotiin, äiti kysyi...
(4) Kui ma õhtul koju tulin, küsis ema... (Huumo 1993: 120)

Finally, in literature we find hints on the existence of a verbal bracket in Estonian as is known from German. In German grammar tradition, the term verbal bracket is used for clauses where the infinite part of a complex predicate is separated from the finite verb and the predicate embraces its complements. Comparing Finnish and Estonian, participles and infinitives appear in Estonian more often in the final position after complements than in Finnish where they can be usually found more toward the beginning and before complements (cf. Huumo 1993: 120, 125). According to Sahkai, the basic word order of the Estonian verbal phrase resembles the German one in all its particulars (cf. Sahkai 1999: 30, 32). Again, I will use an example by Huumo to demonstrate this difference between Finnish and Estonian:

(5) Hommat oli valtion puolesta järjestetty lähes vuodeksi eteenpäin.
(6) Tööasi oli riigi poolt peaaegu aastaks korraldatud. (Huumo 1993: 120)

3. Previous explanations

The existence of Germanic style features in the Estonian and Finnish word order has been tried to explain both with language-internal and contact-induced change. The question about its origin remains unanswered up to now, and in current studies is either avoided or the same arguments are brought forward as at the beginning of the 20th century. On the one hand, German (in the case of Estonian) or Swedish influence (in the case of Finnish) is being debated. The most famous representative of this position is the purist and reformer Johannes Aavik who called the Estonian word order the biggest Germanism in the Estonian language (cf. Aavik 1912). On the other hand, these "Germanic" peculiarities have been seen as being original in both Finnic languages which was tried to prove on the basis of dialects that were less influenced by Germanic languages. To prove the originality of the word order, functional criteria have been used as well. According to Lehtinen, the information content is responsible for the end position of the verb. Main clauses or subordinate clauses beginning with a focalised phrase or an adverbial and ending with the finite verb contain no new information and therefore the complements have to appear before the verb which is moved to the end (cf. Lehtinen 1992). However, main clauses with final position of the finite verb in Estonian are extremely rare; only some negated clauses and interrogative clauses beginning with a question word end with the finite verb (cf. Erelt 2003: 100). Since the same question words can be used as conjunctions as well, the final position of the verb in these main clauses might be explained through a common development and date back to a time when main clauses and subordinate clauses were not distinguished yet. Remmel even assumed that the old SOV word order inherent to the Finno-Ugric languages was preserved in Estonian subordinate clauses (cf. Remmel 1963: 252), even though Estonian has drifted away from the typical agglutinating language type.

4. A comparison of the word order in the old and modern Estonian sermons

As was supposed, it appears that all three features common to the German language already existed in the 17th century and outweigh all other word order types considerably. Thus 96% of all declarative sentences and main clauses with a constituent differing from the subject in initial position in the sentence show inversion, and the subject follows the finite verb (see example (7)). There are no restrictions

regarding the kind of element in the first position. Sentences with direct word order were not considered. The verbal bracket also already prevails in the old Estonian sermons. This was proved on the basis of the position of participles and infinitives of auxiliary verb constructions and modal verb constructions. Only declarative sentences and main clauses extensive enough to have at least one constituent between the finite and infinite verb were considered. 83% of the old Estonian sermons display the verbal bracket with final position of the finite verb (see example (8)), whereas sentences without the verbal bracket with adjacent finite and infinite verb are extremely rare and only occur in less than 4% of the sentences. In 13% of the sentences, elements of the sentence are excluded from the verbal bracket. Similar results can be found for the final position of the verb in subordinate clauses. In 85% of the subordinate clauses, the conjugated verb is in final position and in 83% of the subordinate clauses the auxiliary verb construction and the modal verb construction occur at the end (see example (9)). Accordingly, 15% (with main verbs) and 6% (with auxiliary and modal verb constructions) of the subordinate clauses have no SOV word order. In 11 % of subordinate clauses with auxiliary and modal verb constructions, the right hand portion of the verbal bracket (participles, infinitives) encloses elements of the middle field resembling main clauses.

(7) Selsamal tunnil tulleb kaas se wanna Hanna (Georg Müller, 1st sermon, Reiman 1891: 8)
(8) ninck Pattu siddes on minu Ema mind Ilmalle thonut (Georg Müller, 1st sermon, Reiman 1891: 5)
(9) kuy meye mente schole Poyside kaas Chore siddes laulame (Georg Müller, 9th sermon, Reiman 1891: 94)

Inversion still occurs in the three modern Estonian sermons where the subject follows the conjugated verb in 93% of the declarative sentences and main clauses when the initial position is occupied by another constituent. Surprisingly, the verbal bracket and the final position of the conjugated verb in subordinate clauses have diminished in modern Estonian. Only 15% of the declarative sentences and main clauses feature the verbal bracket, whereas in 62%, the majority of the sentences, no verbal bracket occurs. In 23% of the sentences, elements are excluded from the verbal bracket. In subordinate clauses, the conjugated verb occurs only in 23% and an auxiliary verb or modal verb construction only in 16% of the clauses in the final position. The majority of the subordinate clauses are formed of non-SOV clauses; the conjugated main verb appears in 77% and the auxiliary verb or modal verb construction in 63% of the clauses not in final position. In 21% of the clauses, the conjugated verb and the participle / infinitive occur in distance, similarly as in main clauses.

The data reveal that all three prominent features of German word order are already existent in Georg Müller's Estonian sermons from the beginning of the 17th century. They also occur more frequently than in modern Estonian sermons. Whereas the inversion in Estonian literary language is preserved to date, only relics of the verbal bracket and SOV of subordinate clauses can still be found. The observed change of the Estonian word order from the beginning of the 17th century until the beginning of the 21st century seems to affect mostly the right-hand portion of the verbal bracket, while the left-hand portion remains nearly unchanged. The abandonment of the syntactic

constraints of the verbal bracket and SOV in the course of time creates room for better mirroring the information structure of a sentence. The differentiation of the word order by subordinate clause types (cf. Lindström 2004) was only possible after SOV in subordinate clauses was not demanded anymore, i.e. it could be a later development.

5. Early New High German and Middle Low German features in the old Estonian sermons

Despite the great similarities of particularly the old Estonian sermons with the German word order, differences can be attested as well. Within this paper it is not possible to go into detail, but I want to show that the word order peculiarities of the old Estonian sermons can be explained without exception with the word order common to Early New High German and Middle Low German. They cannot be used to argue against German influence. It is particularly noticeable that the conjugated verb usually (in 96% of the subordinate clauses, 8 exceptions) precedes the participle or infinitive in Georg Müller's sermons which also agrees with the modern Estonian word order. The preceding of the conjugated verb in older literary Estonian has been seen as a correction to purify Estonian from German influence (cf. Mägiste 1953: 151). However, only the position of the auxiliary verb within the verbal construction was changed, not the position of the whole construction (see chapter 4). Both variants also occur in Early New High German as well as Middle Low German, so we might deal with an older German instead of an original Estonian variant. Around 1600, the modern German word order with the conjugated verb after the infinitive / participle already was the most frequent alternative in Early New High German (cf. Ebert 1986: 122f.), so the Estonian word order of the sermons is likely to represent an older word order type. No major word order differences between Early New High German and Middle Low German could be found in the literature on Middle Low syntax (see for example Rösler 1997, Härd 2000). Thus, it is not possible to decide which of them is more probable to have served as a word order model for Estonian. Considering that the chief difference between Dutch and German lies in the preceding of the conjugated verb in Dutch (cf. Speyer 2007: 123), the possibility to find a difference between Early New High German and Middle Low German syntax in the order of verbal elements might be most promising. As in modern German, the old Estonian sermons seldom deviate from the V2 rule. The few examples displaying the conjugated verb in another than the second position again indicate to relics of older stages of German. Rarely the conjugated verb occurs in first position, especially when accompanied by a modal particle (10), or in third position following connectors as in (11). Variations from the V2 rule seem to be more frequently used if at least one of the preceding elements is a connector instead of a phrase, even though in contemporary German second position of the verb is demanded in these cases as well.

(10) Sünnib sesama nüith meye Mayade sees, kudt kz meddy Kæddede wahel (Georg Müller, 31st sermon, Reiman 1891: 282)
(11) ninck ielles v¨mber meye Innimeßet, eb olle v¨chekit Lotuße kaas Ligkimet Söbbrat sanut, kuy Iumala kaas (Georg Müller, 1st sermon, Reiman 1891: 6)

Both word order variants were very rare in Early New High German, but still "sporadically" occurred in Luther's scripts (cf. Erben 1954: 17) which demonstrates how archaic they already were in German in Müller's time. The old Estonian sermons differ from their modern Estonian counterparts in displaying an expletive *se* (German "es") which is omitted in the modern Estonian sermons and clearly results from German influence. Besides *se*, also *seal* and *siis* still occur in initial position, that are translations of the older German variant *da* (cf. Ebert 1986: 120):

(12) Se ohn nuit ny palio iütteldu̇th (Georg Müller, 1st sermon, Reiman 1891: 5)
(13) Waid sæl is olle weel se Ellaw Heng nente siddes (Georg Müller, 31st sermon, Reiman 1891: 277)

Expletive words and other kinds of relics are particularly frequent in Georg Müller's Estonian sermons whenever a verse from the Bible is translated into Estonian. This could indeed point to the use of older translations when compiling the sermons as suggested by Masing (1999). In contrast, the stretches probably composed by Müller himself, e.g. when describing the misery at the time of the black death and war in his ninth sermon, show the kind of word order described above; most deviations and archaisms are found in the translations. The peculiarities of the Estonian word order could lead back in particular to translations from German used in the context of the church. The preceding of the conjugated verb after the conjunction *ning* that also appears in Müller's sermons (in 11 clauses) is an excellent example for this. It was a popular variant in the German language of the 17th century originating from the officialese but frequently used by Luther. It became so typical of Estonian Bible language that Krikmann calls it "ninck-stiil" (Krikmann 1992: 150).

6. Discussion: The Estonian word order as a result of language-internal and contact-induced change?

Concerning the Estonian sermons of the 17th century, we can thus maintain our assertion that all three word order peculiarities, the inversion, the final position of the verb in subordinate clauses and the verbal bracket, already exist and clearly outweigh all other word order types. They also appear more frequently than in modern Estonian. Even in cases in which the Estonian word order of the old sermons differs from the contemporary German word order, the differences can be explained with word order peculiarities of Early New High German and Middle Low German. The word order of the old Estonian sources agrees with German to such a high extent that German influence seems more than likely, even though analogy can never be completely dismissed. However, the modern sermons reveal a change of the Estonian word order: While inversion still exists in modern Estonian, the final position of the verb in subordinate clauses and the verbal bracket are on the wane.

The same features (inversion, final position in subordinate clauses, verbal bracket) also occur in older sources of the Finnish language and were connected with foreign (mostly Swedish) influences as well. See the following examples of Agricola's Finnish:

(14) Silloin cutzui Herodes sala ne Tieteijet
(15) quin leremiald Prophetald sanottu oli
(16) me tahdomme henen lepytte (cited by Häkkinen 1994: 336, 338, 339)

Whereas these word order types have nearly disappeared in Finnish, in Estonian they have diminished only partly and only in a certain area, the end of the sentence. Therefore, the Estonian word order ranges between the Finnish and the German word order. The Estonian word order seems to have lost its vicinity to German, but still resembles the bigger part of the West and North Germanic languages that use the inversion but not the verbal bracket.

One question remains: Why were the verbal bracket and the final position of the verb in subordinate clauses lost in Estonian, while the inversion remained? The loss of SOV has been attributed to the success of Johannes Aavik's language reform (cf. Ehala 1998). However, his criticism of Germanisms in the Estonian syntax cannot be seen as the only reason for the word order change. After all, not only the final position of the verb in subordinate clauses, but also the inversion and the verbal bracket have been criticised by Aavik, so if the loss was his success, all three parameters should have equally diminished. Rather, language-internal factors seem to be involved. SOV in subordinate clauses could be easily lost, because subordinate clauses could be distinguished from main clauses by the conjunction. At the end of the sentence, the verbal bracket disappeared in order to better mirror the information structure by placing e.g. new and important or particularly complex constituents at the end. Maybe the beginning of the sentence for mirroring the information structure is of less importance because it is only used for emphasising a constituent and therefore is more strongly subject to syntactic constraints. Particularly prosodic reasons could play a decisive role for the phenomenon that inversion was preserved in Estonian and to a lesser extent in Finnish. The Germanic languages obey to a rule called the trochaic requirement according to which a 'weak' element is needed between two accentuated elements (cf. Speyer 2005). If two accentuated constituents are adjacent in topicalized sentences as in (1), this rule is violated and it is necessary to compensate for the violation e.g. by adding a pause like in English. Estonian and even Finnish seem to obey to the trochaic requirement so that the inversion can be abandoned if the subject is a pronoun and thus a weak element. The examples, which deviate from the principle of inversion in the modern Estonian sermons are without exception clauses whose subjects are pronouns (17). Instead, in the old Estonian sermons, inversion occurs even in the case of pronouns (18), so one could assume that inversion was still very strong in the literary Estonian of the beginning of the 17th century. But there is the difference that the pronouns in these cases in modern Estonian are all monosyllabic and therefore "weak" enough for fulfilling the trochaic requirement while the pronouns in Georg Müller's sermons are disyllabic:

(17) Teile ma kuulutan suurt rõõmu (Jaan Kiivit, 2002)
(18) Pattu siddes olle mina sündinut (Georg Müller, 1st sermon, Reiman 1891: 5)

However, the end of the sentence does not seem to be totally free of prosodic constraints, either. Thus, in the case of Early New High German a tendency to alternate stressed and unstressed elements was observed. The order 'unstressed auxiliary verb before stressed infinite verb' was preferred when the word before the verbal compound

was stressed. But if the word before the verbal compound was unstressed the order 'stressed infinite verb before unstressed auxiliary verb' was preferred (cf. Ebert 1986: 123):

(19) daz man frey herein kunn sechen (stressed – unstressed – stressed)
(20) daz sy doch nit thun wollen (unstressed – stressed – unstressed) (Clara Pirckheimer (1525), cited by Ebert 1986: 123)

The trochaic requirement, however, seems to be weaker at the end of the sentence and in German even was removed when the order of the finite and infinite verb became fixed. At the end of the sentence, the trochaic requirement is not powerful enough in Estonian, either, to get in the way of a word order which mirrors the information structure.

In both written Finnish and written Estonian, we observe a change from a more syntactically orientated word order to one which focuses on the information structure. Whereas in Finnish the development is nearly complete, Estonian went through the same development only halfway. Possibly, the development in Estonian was delayed due to the stronger influence of German while Finnish more closely resembles other North and West Germanic languages due to Swedish influence.

References

Aavik, Johannes 1912: Kõige suurem germanismus eesti keeles. Eesti Kirjandus 9, 353–369.

Ebert, Robert Peter 1986: Historische Syntax des Deutschen. Vol. 2: 1300–1750 (= Germanistische Lehrbuchsammlung 6). Bern et al.: Lang.

Ehala, Martin 1998: How a man changed a parameter value: the loss of SOV in Estonian subclauses. In: Richard M. Hogg, Linda van Bergen (ed.): Historical Linguistics 1995. Selected Papers from the 12th International Conference on Historical Linguistics, Manchester, August 1995. Vol. 2: Germanic Linguistics, 73–88. Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins.

Erben, Johannes 1954: Grundzüge einer Syntax der Sprache Luthers. Vorstudie zu einer Luther-Syntax, zugleich ein Beitrag zur Geschichte der deutschen Hochsprache und zur Klärung der syntaktischen Grundfragen. Berlin: Akademie.

Erelt, Mati (ed.) 2003: Estonian Language (= Linguistica Uralica Supplementary Series 1). Tallinn: Estonian Academy Publishers.

Häkkinen, Kaisa 1994: Agricolasta nykykieleen. Suomen kirjakielen historia. Porvoo et al.: Juva.

Härd, John Evert 2000: Syntax des Mittelniederdeutschen. In: Werner Besch et al. (ed.): Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. Vol. 2. 2. ed., 1456–1463. Berlin, New York: de Gruyter.

Hasselblatt, Cornelius 1990: Das estnische Partikelverb als Lehnübersetzung aus dem Deutschen (= Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica 31). Wiesbaden: Harrassowitz.

Hinderling, Robert 1981: Die deutsch–estnischen Lehnwortbeziehungen im Rahmen einer europäischen Lehnwortgeographie. Wiesbaden: Harrassowitz.

Huumo, Tuomas 1993: Suomen ja viron kontrastiivista sanajärjestysvertailua. In: Studia comparativa linguarum orbis Maris Baltici (= Suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitos Turun Yliopisto 43), 97–158. Turku.

Lehtinen, Tapani 1992: Suomen ja viron verbiloppuisista sivulauseista. In: Nordens språk i Baltikum. Pohjoismaiden kielet Baltiassa. Baltian maiden yliopistojen pohjoismaisten kielten opettajien kokous, Riika 26–30.11.1991 (= Nordisk språksekretariats rapporter 18), 70–81 Oslo.

Lindström, Liina 2004: Verbi asend eesti kõrvallauses. Relatiivlaused. Keel ja Kirjandus 6, 414–429.

Mägiste, Julius 1953: Haruldaste XVII sajandi eesti raamatute ilmsikstuleku puhul. Tulimuld 3, 145–154.

Masing, Uku 1999: Eesti vanema kirjakeele lood. Tartu: Ilmamaa.

Müller, Folke 2006: Deutscher Einfluss auf die Wortstellung des Estnischen. Unpublished MA thesis. Göttingen.

Krikmann, A. 1992: Fraseoloogilisi elemente Georg Mülleri jutlustes. Keel ja Kirjandus 3, 144–150.

Reiman, Wilhelm 1891: Neununddreißig estnische Predigten von Georg Müller aus den Jahren 1600–1606. Mit einem Vorwort von Wilhelm Reiman. Hrsg. von der Gelehrten Estnischen Gesellschaft bei der Universität Dorpat (= Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft zu Dorpat 15). Dorpat.

Remmel, Nikolai 1963: Sõnajärjestus eesti lauses. Deskriptiivne käsitlus. Keele ja Kirjanduse Instituudi uurimused 8: Eesti keele süntaksi küsimusi. Tallinn.

Rösler, Irmtraud 1997: Satz – Text – Sprachhandeln. Syntaktische Normen der mittelniederdeutschen Sprache und ihre soziofunktionalen Determinanten (= Sprachgeschichte 5). Heidelberg: Winter.

Sahkai, Heete 1999: Eesti verbifraasi sõnajärg. Keel ja Kirjandus 42, 24–32.

Speyer, Augustin 2005: A Prosodic Factor for the Decline of Topicalisation in English. In: Stephan Kepser, Marga Reis (ed.): Linguistic Evidence. Empirical, Theoretical and Computational Perspectives (= Studies in Generative Grammar 85), 485–506. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.

Speyer, Augustin 2007: Germanische Sprachen. Ein historischer Vergleich. Göttingen: Vandenhoek & Ruprecht.

Tael, Kaja 1990: An approach to Word Order Problems in Estonian (= Preprint KKI 66). Tallinn.

Kiivit, Jaan 2002: Eesti evangeelse luterliku kiriku peapiiskopi läkitus kogudustele jõulupühadeks 2002 ja uueks aastaks 2003. http://www.eelk.ee/j_lakitus2002.html (accessed January 4th, 2009)

Kiivit, Jaan 2003: Karjasekiri kogudustele palvepäevaks issanda aasta 2003 paastukuu 12. päeval. http://www.eelk.ee/j_palvepaev2003.html (accessed January 4th, 2009)

Kiivit, Jaan 2004: Jutlus iseseisvuspäeva 86. aastapäeval. http://www.eelk.ee/j_iseseisvus2004.html (accessed January 4th, 2009)

Appendix

			Old sermons			**Modern sermons**	
			Sum	%		Sum	%
Inversion							
with			171	96,1		37	92,5
without			7	3,9		3	7,5
Subclauses (main verb)							
final position			90	84,9		13	23,2
non-final position			16	15,1		43	76,8
Subclauses (auxiliary/modal verb)							
final position			140	82,8		3	15,8
non-final position			10	5,9		12	63,2
finite/infinite separated			19	11,2		4	21,1
Verbal bracket							
complete bracket			139	83,2		2	15,4
without bracket			6	3,6		8	61,5
exclusion			22	13,2		3	23,1

Галина Некрасова
Сыктывкар

О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА НАЗВАНИЙ ПАДЕЖЕЙ)

Понятийно-терминологическая база российского финно-угорского языкознания складывалась, с одной стороны, на основе лингвистической терминологии индоевропейских языков, ибо первые дескриптивные грамматики, написанные на русском языке, были во многом подражательными, при этом заимствовались не только термины, но и сами понятия. С другой стороны, параллельно происходило формирование лингвистической терминологии на базе латинского языка, что было связано с началом изучения языков финно-угорских народов России западными финно-угроведами. К более позднему периоду относится создание терминов на национальных языках, что стало возможным с созданием письменности и установлением норм литературного языка.

В современном российском финно-угроведении сохраняется исторически сложившаяся традиция сосуществования трех систем лингвистической терминологии. В трудах, написанных на русском языке, отмечается параллельное использование связанных рядов «русских» и «латинских» терминов. Степень сходства и различия терминов, выражающих единое лингвистическое понятие, можно выявить путем наложения одной системы на другую. Проведение такого исследования показало, что в зависимости от сходства и различия терминов падежные единицы можно разделить на две группы: 1) падежи, латинские и русские названия которых в языках совпадают; 2) падежи, имеющие в языках разные названия.

В первую группу вошли грамматические и некоторые семантические падежи: *номинатив – именительный, аккузатив – винительный, генитив – родительный, датив – дательный, элатив – исходный, терминатив – предельный, дистрибутив – распределительный*.

Падежи второй группы, то есть падежи с одинаковым основным значением, но имеющие в языках разные названия, можно разделить на две подгруппы. Одну из них образуют падежи, русское название которых имеет несколько латинских соответствий в терминосистеме одного (1) или группы родственных языков (2).

(1) В коми языкознании термину *достигательный* падеж соответствуют латинские термины *каузатив* (Бубрих 1949), *конзекутив* (Серебренников 1963; Основы 1976), *консекутив* (КЯЭ), *отдалительному падежу – эгрессив* (Серебренников 1963; Основы, 1976; КЯЭ), *делатив* (Бубрих 1949).

(2) Соответствием термину *направительный падеж* являются в пермских языках *аппроксиматив*, в мордовских, марийском, обско-угорских – *латив*. Соответствием термину *местный падеж* являются в пермских, мордовских языках – *инессив*, марийском, обско-угорских языках – *локатив* (Ермушкин 1978;

Коведяева 1978; Ромбандеева 1973; Лыскова 2003; Серебренников 1963; Основы 1976).

Наличие разных латинских соответствий русскому названию падежа можно объяснить использованием разных признаков понятия в качестве основы его номинации, выбором синонимов, а также отражением отношений между отдельными единицами системы понятий в терминологической микросистеме.

Типологически в основе названия падежа должно лежать его основное значение, что в большинстве случаев выдерживается при номинации падежных единиц. Трудности в выборе названия проявляются при наличии сложной семантики падежа. Например, в коми языке падеж с суффиксом *-ла* имеет два значения – причины и цели. При введении термина *каузатив* (от лат. *causalis* 'причинный') в основу номинации легло значение причины, в основе терминов *конзекутив, консекутив* (от лат. *con-sequor* 'следовать, достигать') – значение цели.

Использование синонимов при выборе латинского соответствия больше связано с человеческим фактором. Каждый исследователь кодирует научный поиск наиболее приемлемыми с его точки зрения собственными терминами. Например, в пермском языкознании *лишительный падеж* имеет два латинских соответствия *абессив* и *каритив*. *Абессив* восходит к лат. *abesse* 'не быть, не находиться, отсутствовать; недоставать', *каритив* – к лат. *careo* 'не иметь, быть без или вне (чего-л.), быть лишённым, быть свободным'. Из отмеченных латинских соответствий в теоретической литературе доминирует *абессив.*

При выборе названия должны учитываться отношения между отдельными единицами системы понятий, которые должны найти отражение в терминологической микросистеме. Являясь элементом падежной системы, падежная единица связана с другими единицами системы, поэтому название конкретного падежа должно быть взаимосвязано с названиями других падежей. Так, семантически тождественным соответствием термину *местный* является *локатив* **(**от лат. *localis* 'местный', *loc-us* 'место'), соответствием *инессиву* (от лат. *in-sum, in-esse* 'быть, находиться (в, внутри, на)') должно было бы быть *внуртиместный, внутринаходящийся,* последнее название было предложено К. Е. Майтинской (1950) для венгерского *инессива.* Однако наличие в системе падежей только одного падежа с локативной семантикой, то есть отсутствие падежа с внешнеместной или же общеместной семантикой, дает основание функционированию семантически нетождественному, но понятному и более краткому соответствию – *местный,* что имеет место в пермском и мордовском языкознании.

Другую подгруппу образуют падежи, латинскому названию которых соответствуют несколько русских названий в терминосистеме родственных языков. Например, термину *иллатив* (от лат. *in-fero* (супин *il-latum*) 'вносить, входить, вступать') соответствием являются в пермских языках к. удм. *вступительный* (Бубрих 1949; Основы 1976) и удм. *входный* (ГСУЯ), в венгерском, мордовских языках – *вносительный* (Майтинская 1950; Основы 1976; Ермушкин 1978). Соответствием *комитативу* (от лат. *comito* 'сопровождать, сопутствовать') является в коми и марийском языках *совместный,* в венгерском – *сопроводительный.* Наличие нескольких русских соответствий латинскому термину объясняется его параллельным

калькированием в грамматической традиции разных финно-угорских языков, а также отражением определенного научного мировоззрения. В каждом из терминов представлен основной аспект понятия – его парадигмасема: в случае иллатива – направление во внутрь пространственного ориентира: *входный*, *вступительный*, *вносительный*; в случае комитатива – значение коагенса действия: *совместный*, *сопроводительный*.

Большинство русских и латинских терминов представляют собой прочно вошедшие в терминосистему единицы, хотя, как отмечал еще в свое время Д. В. Бубрих (1949: 27–28), «русские и латинские названия падежей совершенно условны, и мы их придерживаемся только как традиционные. Русские названия не вполне сообразованы с латинскими, и наоборот <…> Обе системы названий имеют свои достоинства и свои недостатки. Ни одна в целом не является удовлетворительной».

Основные семасиологические характеристики термина, к которым относятся однозначность, отсутствие синонимов, точность и строгость номинации, присущи большинству лингвистических терминов, обслуживающих категорию падежа в терминосистеме одного языка, хотя указанные параметры существуют не всегда в виде закономерности, не знающей исключений, подтверждением чему являются приведенные выше примеры.

Трудности выбора названия падежа отмечаются при наличии в языках типологически мало распространенных или же имеющих сходную семантику падежей. При номинации таких падежных единиц вводятся названия, которые не имеют типологического распространения. К таким следует отнести двойные названия, названия с использованием приставок и римских цифр.

Двойная номенклатура используется для обозначения падежных единиц со сложной семантической структурой, а также единиц, образованных в результате слияния двух падежных суффиксов. Двойные названия предпочтительны для падежей, одно из основных значений которого является синонимичной основному значению другого падежа, как, например, в восточных диалектах хантыйского языка *инструменталис-комитатив*, *инструменталис-объектив* (Лыскова 2003). В качестве компонентов терминов выступают традиционные названия падежей.

Формирование падежей со сложной парадигмасемой отмечается в отдельных прибалтийско-финских (карельском, водском, вепсском) языках. Совпадение форм элатива с инессивом, адессива с аллатива привело к слиянию двух падежных единиц в одну. В таких случаях трудно или же невозможно выбрать основное значение падежа, поэтому в названии новой падежной единицы сохраняются названия совпавших падежей: *элатив-инессив* и *адессив-аллатив* (Основы 1975; Зайков 1990; Агранат 2007).

Двойные названия часто используются в качестве предтермина. В качестве примера можно привести названия приблизительно-местных падежей коми языка, которые были образованы на основе составляющих суффикса, например, суффикс *-лан'ын*, образованный в результате контаминации суффикса *аппроксиматива -лан'* и суффикса *инессива -ын*, получил название *аппроксиматив-инессив*, суффикс *-лан'ыс'*, образованный в результате контаминации суффикса *аппроксиматива -лан'* и суффикса *элатива -ыс'*, – *аппроксиматив-элатив*, аналогично были образованы и другие названия падежей

данной серии (Некрасова 1985). Однако названия не отражали семантику падежных единиц, поэтому впоследствии были переименованы с использованием элемента *проксим:* к. *импроксимлатив, импроксимэссив, перпроксимлатив.*

Наименования с использованием римских *цифр* вводятся преимущественно для обозначения падежных единиц с сходным основным значением. В вепсском языке выделяются *аппроксиматив I и аппроксиматив II, комитатив I и комитатив II* (Зайцева 1971), в коми языке *аппроксиматив I и аппроксиматив II, эгрессив I и эгрессив II* (Некрасова 2004). В удмуртском языкознании в качестве дублетных терминов для наименования пространственно-посессивных падежей предложены *инессив II, иллатив II, элатив II, эгрессив II, пролатив II, терминатив II* (Кельмаков 1998). Представляется, что выделение в языке двух падежей с одинаковым названием под разными цифрами возможно только при частичной тождественности их семантической структуры.

Наиболее емким и удобным следует считать тип номинации с использованием *приставок,* что характерно для наименования пространственных падежей. К традиционным терминам присоединяются латинские предлоги, которые конкретизируют тип пространства относительно какого-то конкретного ориентира. Например, сегмент *супер-* в названиях внешнеместных падежей коми-пермяцкого языка: *суперэссив, суперлатив, супертерминатив.* Сегмент *супер* (падеж представлен в венгерском и коми-пермяцком языках) актуализирует пространственные отношения «поверхность предмета».

Русские названия падежей представляют собой субстантивированные прилагательные, поэтому при наименовании новых падежей отмечается использование сложных прилагательных, что характерно преимущественно для номинации пространственных падежей. В компоненты прилагательного содержат указание на характер локализации и ориентации, например, падежи *приблизительно-местный, жилищно-местный* в удмуртском языке, *внешнеместно-переходный* в коми-пермяцком языке.

Сосуществование двух терминосистем привело к их взаимодействию, что проявилось в создании смешанных русско-латинских терминов, представляющих собой *словосочетания* определительного типа, где в качестве определения к латинскому названию использованы русские прилагательные, например, *приблизительный инессив, внешнеместный инессив.*

Все термины, обслуживающие категорию падежа, имеют прозрачную структуру. Они образованы на основе уже имеющихся, ставших традиционными, терминов, которые входят в термин в качестве основного элемента. Данная особенность образования терминов распространяется на обе терминологические системы. Ср.

местный → *приблизительно-местный, внешнеместный, жилищно-местный,*
исходный → *приблизительно-исходный, жилищно-исходный, внешнеместно-исходный,*
инессив → *аппроксиматив-инессив, инессив II,*
элатив → *аппроксиматив-элатив, элатив II.*

В каждом случае образование термина обусловлено введением нового терминоэлемента. В пределах подсистемы падежных терминов проявляется

регулярность функционирования словообразовательных моделей и специализация терминоэлемента для выражения определенного значения.

Результатом сосуществования и взаимодействия двух терминосистем явилось функционирование в лингвистической литературе более двух дублетных терминов, соотносящихся с одним и тем же понятием. Так, ряд дублетных терминов был создан для номинации падежей, образованных в результате грамматикализации послелогов с основой *дин'*- 'у, около, при, возле' в удмуртском языке (Табл. № 1) и для поверхностно-местных падежей коми-пермяцкого языка (Табл. № 2). Падежи имеют русские, русско-латинские, латинские названия.

Табл. 1. Названия падежей послеложного образования удмуртского языка

Тепляшина 1981; Кельмаков 1998	Карпова 1997; 2005.	Кельмаков 1998; Некрасова 2004.	Максимов 1999
Приблизительно-местный	Приблизительный инессив	Инессив II	Жилищно-местный
Приблизительно-исходный	Приблизительный элатив	Элатив II	Жилищно-исходный
Приблизительно-вступительный	Приблизительный иллатив	Иллатив II	Жилищно-входный
Приблизительно-отдалительный	Приблизительный эгрессив	Эгрессив II	Жилищно-отдалительный
Приблизительно-переходный	Приблизительный пролатив	Пролатив II	Жилищно-переходный
Приблизительно-предельный	Приблизительный терминатив	Терминатив II	Жилищно-предельный

Табл. 2. Названия внешнеместных падежей коми-пермяцкого языка

Баталова 1975	Дмитриева 1998	Баталова 1990; 1995; 2002.
внешнеместный	внешнеместный инессив	суперэссив
внешнеместный вступительный	внешнеместный иллатив	сублатив (внешнеместнно-вступительный)
внешнеместный переходный	внешнеместный пролатив	суперлатив (внешнеместно-переходный)
внешнеместный предельный	внешнеместный терминатив	супертерминатив (внешнеместно-достигательный)
внешнеместный исходный	внешнеместный элатив	делатив (внешнеместно-исходный)
		внешнеместно-достигательный

В каждом случае лингвистический термин, являясь знаком языка науки, выступающим в качестве особой когнитивной репрезентации, моделирует не только исследуемое понятие, но и авторское мышление.

Анализ названий падежей показывает, что термины, введенные для падежей, имеющих узколокальное распространение, испытывают более глубокое воздействие человеческого фактора, которое распространяется не только на область семантики и синтактики, но и на сферу прагматики, что проявляется в выборе той или иной интерпретации обозначаемого объекта.

Изучение падежей прошло несколько этапов: фиксация суффиксов с определением ареала их функционирования, определение семантической структуры падежей, грамматического статуса и выбор названия. Однако названия узколокальных падежей отличают временный характер, неустойчивость формы, невыполнение требований общепринятости. Поэтому следующим этапом должна стать нормализация термина, то есть унификация, направленная на упорядочение содержания терминов, и оптимизация, имеющая целью выбор оптимальной формы терминов.

Актуальным для финно-угорского языкознания является системное сопоставление терминологии на основе сводной системы понятий, корректировка содержания и формы терминов с целью установления между ними точных соответствий, создание универсальной для финно-угорских языков системы терминов.

Литература

Агранат Т.Б. Западный диалект водского языка. М.- Гронинген, 2007.

Баталова Р.М. Коми-пермяцкая диалектология. М., 1975.

Баталова Р.М. Оньковский диалект коми-пермяцкого языка. Унифицированное описание диалектов уральских языков. М., 1990.

Баталова Р.М. Нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка. М.- Гамбург, 1995.

Баталова Р.М. Кудымкарско-иньвенский диалект коми-пермяцкого языка. М.- Гронинген, 2002.

Бубрих Д.В. Грамматика литературного коми языка. Л., 1949.

ГМЯ – Грамматика мордовских языков. Фонетика, графика, орфография, морфология: Учебник для вузов. Саранск, 1980.

ГСУЯ – Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск, 1962.

Дмитриева Р.П. Косинско-камский диалект коми-пермяцкого языка (фонетика, морфология): Дис... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 1998.

Ермушкин Г. И. Типологическая эволюция системы местных падежей в истории мордовских языков // Историко-типологические исследования по финно-угорским языкам. М. 1978. С. 155–265.

Зайков П.М. Грамматика карельского языка: фонетика и морфология. Петрозаводск, 1999.

Зайцева Н.Г. Именное словоизменение в вепсском языке (История и функционирование форм слова). Петрозаводск, 1981.

Карпова Л. Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. Тарту, 1997.
Карпова Л.Л. Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи. Ижевск, 2005.
Кельмаков В.К. Краткий курс удмуртской диалектологии. Ижевск, 1998.
Коведяева Е.И. Типологическая эволюция системы локальных падежей в истории марийского языка // Историко-типологические исследования по финно-угорским языкам. М., 1978. С. 49–154.
КЯЭ – Коми язык. Энциклопедия. М., 1998.
Лыскова Н.А. Семантика падежа в обско-угорских языках. СПб., 2003.
Майтинская К.Е. Развитие системы падежей в венгерском языке. Автореферат дис... докт. филол. наук. М., 1950.
Максимов С.А. О вторичных пространственных падежах в удмуртском языке // Вопросы удмуртской и финно-угорской филологии. Межвузовский сб. научных трудов. Ижевск, 1999. С. 193–208.
Некрасова Г.А. О падежах на -лань(-) в коми языке // Fenno-Ugristica, Труды по финно-угроведению, Вып. 12, Тарту, 1985. С. 147–154.
Некрасова Г.А. Вежлӧг перым кывъясын: форма, вежӧртас, артманног. (Падеж в пермских языках: форма, значение, происхождение). Сыктывкар, 2004.
Основы 1975 – Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. М., 1975.
Основы 1976 – Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М., 1976.
Ромбандеева Е.И. Мансийский (вогульский) язык. М., 1973.
Серебренников Б.А. Историческая морфология пермских языков. М., 1963.
Тепляшина Т.И. О новых удмуртских падежах // CIFU V. P. VI. Turku, 1981. С. 285–292.